

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ НАУЧНЫЙ ФОНД

РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА И СЕМИОТИКА ЗНАКОВЫХ СИСТЕМ

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Часть II

Москва

**Российский университет дружбы народов
2014**

УДК 811.161.1'37:81'22(082)
ББК 81
Ф94

У т в е р ж д е н о
РПС Ученого совета
Российского университета дружбы
народов

Сборник научных статей подготовлен НОЦ «Теоретическое и прикладное языкознание» кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов в рамках международной научной конференции «IV Новиковские чтения: Функциональная семантика и семиотика знаковых систем» при поддержке Российской гуманитарного фонда, грант РГНФ № 14-04-14026.

Ф94 Функциональная семантика и семиотика знаковых систем : сборник научных статей : в 2 ч. / сост. В.Н. Денисенко, Е.А. Красина, Н.В. Новоспасская, Н.В. Перфильева. – Москва : РУДН, 2014.
ISBN 978-5-209-05940-0
Ч. II. – 712 с. : ил.
ISBN 978-5-209-06117-5 (ч. II)

Сборник научных статей подготовлен по материалам международной научной конференции «IV Новиковские чтения: Функциональная семантика и семиотика знаковых систем» и включает шесть разделов: *Общие вопросы семантики и семиотики; Функциональная семантика; Поэтика и семиотика художественного текста; Информационные системы и межкультурная коммуникация; Лексическая, словообразовательная и грамматическая семантика; Сопоставительная семантика и иностранные языки.*

Для филологов, лингвистов, культурологов, философов и широкого круга читателей, интересующихся теоретическими и прикладными аспектами семантики и семиотики.

Статьи публикуются в авторской редакции.

Мнение составителей сборника может не совпадать с мнением авторов статей.

ISBN 978-5-209-06117-5 (ч. II)
ISBN 978-5-209-05940-0

УДК 811.161.1'37:81'22(082)
ББК 81
© Коллектив авторов, 2014
© Российский гуманитарный научный фонд, 2014
© Российский университет дружбы народов,
Издательство, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

IV. ЛЕКСИЧЕСКАЯ, СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ И ГРАММАТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА.....	10
Аркадьева Т.Г. (Санкт-Петербург, Россия). Семные движения в гнезде этимонимов.....	10
Владимирова Т.Е. (Москва, Россия). Паремическая картина русского языкового бытия: семантико-синтаксический аспект.....	16
Дорофеенко М.Л. (Витебск, Республика Беларусь). Семантика виконимов витебской области: лингвогеографический аспект	26
Зайцева Е.А., Коновальевна Е.И. (Самара, Россия). Особенности образования наименований лекарственных препаратов в русском языке	33
Какзанова Е.М. (Москва, Россия). Эпонимические интернационализмы концептосферы «одежда»	44
Касимова Г.К. (Пенза, Россия). О месте пропозиции в процессах деривации.....	54
Киселева А.А. (Москва, Россия). Англо-американские заимствования лексико-семантической группы “мобильная связь”: состав, тематическая классификация, структурно-семантическая характеристика.....	63
Копырина Е.П. (Якутск, Россия). Словообразовательное гнездо с вершиной <i>аал</i> ‘тереть’ в якутском языке	70
Коряковцева Е.И. (Седльце, Польша). Экспрессивные <i>nomina pertinentia</i> с новыми интернациональными аффиксами	80
Краснощекова С.В. (Санкт-Петербург, Россия). Освоение ребенком первичного дейксиса.....	89
Кручинкина Н.Д. (Саранск, Россия). Конверсивная вариантность пропозитивных инвариантов	98
Крылова О.А., Антипина Л.Н. (Москва, Россия). Предложения с синкетической семантикой в современном русском языке.....	107
Лазарева О.В. (Москва, Россия). Особенности дефектной парадигмы русских существительных-наименований одежды и аксессуаров.....	114
Логинова А.В. (Даугавпилс, Латвия). Структурная «не-цельность» фразеологизмов как средство характеристики художественного мира романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».....	124

Маркелова Т.В. (Москва, Россия). Оценка качества и качество оценки: грамматические смыслы.....	132
Михеева Е.С. (Москва, Россия). Амфиболия как риторический прием в современной русской речи.....	142
Махиянова Л.Р., Ремчукова Е.Н. (Москва, Россия). Потенциальное словообразование в сфере урбанонимов.....	149
Новиков М.Н., Новикова А.М. (Москва, Россия). Семантический аспект сослагательного наклонения в историческом контексте.....	158
Омельяненко В.А. (Москва, Россия). Риторический вопрос как тип вопросительных заголовков в современной публицистике Украины.....	167
Паньчак О.В. (Горловка, Украина). Динамика образования ника: имяобозначение и имяупотребление.....	172
Петров А.В. (Симферополь, Республика Крым, Россия). Конструкции модели «предлог с+n5n2» со значением сравнения в русском языке.....	181
Пименова М.В. (Владимир, Россия). О единицах лексико-семантической системы (на материале древнерусского текста).....	188
Попов Р.В. (Северодвинск, Россия). Неофициальный микротопоним как экспрессивная единица языка: к особенностям семантики	197
Поленова Г.Т. (Таганрог, Россия). Соотношение лексической и грамматической семантики в кетском языке.....	202
Пстыга А. (Гданьск, Польша). Словообразовательная категория негации с точки зрения когнитивной семантики.....	211
Пузов Н.А. (Тирасполь, Приднестровье). Семантическое своеобразие синтаксических фразеологизмов, построенных по свободным структурным схемам.....	218
Пустогачева О.Н. (Москва, Россия). Утвердительные и отрицательные формы глаголов в челябинском языке.....	228
Редькина О.В. (Киров, Россия). Субстантивированные прилагательные среднего рода с отвлеченным значением в русском языке (семантика и функционирование).....	234
Соколова Т.П. (Москва, Россия). Лексико-семантический анализ в нейминговой экспертизе.....	242
Титаренко Е.Я. (Симферополь, Республика Крым, Россия). Фазовая парадигматика русских глаголов звучания.....	249

Тихонова М.А. (Москва, Россия). Развитие оценочной семантики слова и её отражение в лексикографии.....	257
Федотова Н.С. (Санкт-Петербург, Россия). Коммуникативно-прагматический потенциал приставочных глаголов.....	265
Федосова А.К. (Москва, Россия). Особенности формирования семантического поля «спорт» у детей 12-13 лет	271
Цымбалюк Е.В. (Симферополь, республика Крым, Россия). Семантика омонимичных предлога и префикса за в ономасиологическом аспекте (на примере лексикографических статей).....	278
Чернякова Ю.С. (Коломна, Россия). О нормах реализации нормативов в речи.....	287
V. СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ СЕМАНТИКА И ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ	294
Бондаренко М.В. (Москва, Россия). Особенности перевода прагматических маркеров художественного текста (на материале русских переводов произведений А. Гавальды).....	294
Довбня Л.Э. (Переяславль-Хмельницкий, Украина). Семантическая трансформация праславянских цветообозначений в русском и украинском языках.....	301
Зарытовская В.Н. (Москва, Россия). Глаголы арабского языка традиционного и нетрадиционного корня: семантика и грамматический потенциал	309
Карташкова Ф.И. (Иваново, Россия). Авторский комментарий как маркер театральной семиотики.....	316
Кошкин Игорь (Рига, Латвия). Изменение семантики слова в иноязычном окружении: деэтнонимизация.....	324
Кургузенкова Ж.В. (Москва, Россия). Фразеологические единицы с компонентом «черный цвет» как часть культурной картины мира французов.....	335
Кудря О.А. (Москва, Россия). Тематическая организация вторичных цветообозначений в английском и украинском языках	340
Лобанова Т.Н. (Хабаровск, Россия). Китайские СМИ: лингвосемиотические аспекты политического дискурса.....	349
Матулевич Т.Г (Новосибирск, Россия). Мерцательный эффект соприсутствия линейно расчленённой части орфограммы имени собственного американского штата в лжекартографических надписях.....	358

<i>Медынская Н.Н.</i> (Ровно, Украина). Предикативная функция прилагательного в современном украинском языке.....	370
<i>Михалькова Н.В.</i> (Минск, Республика Беларусь). Специфика языковой квантификации веществ в английском, китайском и русском языках: сравнительно-сопоставительный аспект.....	382
<i>Mohammed Ahmed Ali Al Fuadi</i> (Moscow, Russia). Kinship terms in the Arabic language: Quran and family patterns.....	391
<i>Наумова И.О.</i> (Харьков, Украина). Инновационные процессы во фразеологии современного русского языка (на материале русско-английских фразеологических общностей).....	401
<i>Николич Милина</i> (Белград, Сербия). Сравнительное изучение терминов брачного родства в русском и сербском языках.....	409
<i>Новиков Ф.Н.</i> (Москва, Россия). Авторские и переводческие трансформации цветообозначений в текстовом семантическом поле как многоплановом поликоординатном феномене.....	413
<i>Новоспасская Н.В.</i> (Москва, Россия). Слова славянского происхождения в румынском языке как результат адстратного процесса на Балканах.....	422
<i>Ныгметова Б.Д.</i> (Павлодар, Казахстан). Национальная специфика метеорологической метафоры (на материале русского и немецкого языков).....	426
<i>Политова Е.В.</i> (Москва, Россия). Значение перифраза переводной литературы в формировании светского сознания русского образованного человека конца XVII – начала XVIII веков	435
<i>Полякова Г.М.</i> (Коломна, Россия). Изменение семантики слова в Лондоне.....	441
<i>Попова Т.Г.</i> (Москва, Россия). Структура текстового определения	443
<i>Прокопьева С.М.</i> (Якутск, Россия). Констравтивный анализ фразеологической омонимии русского, немецкого и якутского языков.....	450
<i>Руднева М.А.</i> (Москва, Россия). Факторы, влияющие на дивергенцию форм спряжения английского глагола <i>HEAVE</i>	458
<i>Синявская-Суйковска Т.В.</i> (Гданьск, Польша). Текстовая категория инперсональности и ее реализация в русском и польском научном дискурсах	462

Стойкова Т.А. (Вентспилс, Латвия). Представление о человеке в славянской и балтийских картинах мира (на материале фразеологизмов с рус. ДУША, ДУХ; словац. DUŠA, DUCH, лтш. DVEĒSELE, DŪŠA, GARS; лит. SIELA, VĖLĖ, DVASIA).....	471
Фахурдинова М.А. (Житомир, Украина). Семантические типы предикатов аналитической конструкции <i>tun+инфinitив</i> в ранненововерхнеменемецкий период.....	481
Федорюк А.В. (Иркутск, Россия). К вопросу о знаковой специфике фразеологических единиц в современном английском языке.....	489
Халимоне М.Б. (Даугавпилс, Латвия). Фразеологические единицы русского и латышского языков с семантикой «спокойствие» в аспекте параметров эмоций.....	496
Чумак Н.А. (Киев, Украина). Импликационные связи в семантических структурах французских этноспецифических номинаций в современном английском языке.....	505
Шевченко О.А. (Москва, Россия). Отношения «адресант – адресат» в современных печатных СМИ России и Испании.....	510
Шестеркина Н.В. (Саранск, Россия). Специфика ключевых слов <i>танец</i> (<i>танцевать / плясать</i>) и <i>tanz</i> (<i>tanzen</i>) в составе русских и немецких фразеологизмов.....	518
Щаднева В.П. (Тарту, Эстония). Функционально-семантические особенности темпоральных языковых средств в эстонско-русских переводах криминальных новостей и обвинительных актов.....	528
VI. ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ.....	538
Акимова Н.В. (Кировоград, Украина). Проблема сложности понимания Интернет-коммуникации в контексте теорий значения и смысла.....	538
Беляева И.Ф. (Москва, Россия). Политическая эвфемия – новые тенденции.....	547
Бубнова Н.В. (Смоленск, Россия). Национальный корпус русского языка как информационная система для формирования ономастических фоновых знаний языковой личности.....	555
Гимпельман Ю.В. (Москва, Россия). Семиотика повтора в выступлении политиков.....	565
Греченко-Журавская В.М. (Днепропетровск, Украина). Логоэпистемы на страницах финансово-экономических изданий.....	570

Джусупов М. (Ташкент, Узбекистан). Контактирование языков и культур в условиях полиглазичия (лингвоконтрастиные и методические аспекты)	575
Долгобородова Н.О. (Москва, Россия). Современные технологии как инструмент для повышения эффективности преподавания элективных курсов по межкультурной коммуникации в средней школе.....	583
Желтухина М.Р. (Волгоград, Россия). Функциональный потенциал популяризационной статьи в современном медиадискурсе.....	589
Захарова О.С. (Москва, Россия). Прагматический аспект функционирования окказионализмов в современных СМИ	599
Максимова О.Б. (Москва, Россия). Особенности семантизации культурозначимой информации в Интернет-коммуникации (на примере политических блогов).....	608
Мамонтов А.С., Морослин П.В. (Москва, Россия). Функциональная эквивалентность и обучение языку как средству межкультурной коммуникации: этнопсихолингвистический аспект.....	618
Москевичева С.А. (Москва, Россия). Узуальные смысловые отношения в паре «национальный язык» – «родной язык» в медийном научном дискурсе	623
Недопекина Е.М. (Москва, Россия). Лингвистический шок как явление межкультурной коммуникации.....	629
Никашина Н.В., Фурсин С.В. (Москва, Россия). Лингвистические особенности рациональной аргументации политического дискурса.....	633
Новоженнова З.Л., Климкевич А. (Гданьск, Польша). Интернационализмы в сети: дискурсивные процессы и дидактические эффекты.....	643
Паневина И.А. (Смоленск, Россия). Прецедентные личные имена в форме единственного числа в газетном дискурсе (по материалам смоленских СМИ).....	653
Перфильева Н.В. (Москва, Россия). Лексические инновации в текстах российских и испанских СМИ.....	662
Радбиль Т.Б. (Нижний Новгород, Россия). Имплекатуры дискурса в национальных моделях коммуникации.....	669
Страхова А.В. (Москва, Россия). «Настоящий мужчина» в российской и французской рекламе	678

<i>Титаренко М.В.</i> (Киев, Украина). Роль знаковых систем для передачи социального статуса в различных лингвокультурах (на материале рассказов А.П. Чехова и О. Генри).....	689
<i>Тузова Е.И.</i> (Москва, Россия). Семиотика предвыборных роликов: Б. Джонсон – С. Собянин.....	697
<i>Чжан Ю</i> (Москва, Россия). Тенденции развития языка СМИ в России XXI века.....	705

IV. ЛЕКСИЧЕСКАЯ, СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ И ГРАММАТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

СЕМНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ГНЕЗДЕ ЭТИМОНИМОВ

Т.Г. Аркадьева

Российский государственный педагогический университет

имени А.И. Герцена

Наб. р. Мойки, 48, Санкт-Петербург, Россия, 191186

В статье описаны семные движения в одном из самых больших гнезд этимонимов по количеству его членов с и.-е. вершиной со значением «резать, бить, колоть, сечь, отдирать».

Ключевые слова: этимон, этимоним, деэтимологизация, семный состав значения.

SEMNY MOVEMENTS IN THE NEST ETIMONY

T.G. Arkadyeva

*Herzen State Pedagogical University of Russia
Moika River Emb., 48, St. Petersburg, Russia, 191186*

In article the author describes semny movements in a big nest etimony with Indo-European top "to cut, beat, prick".

Keywords: etimony, deetimologization, semny structure of value.

Известное высказывание А.А. Потебни «Все значения в языке по происхождению образны, каждое может стать с течением времени **безобразным**» [5, с. 203] как нельзя лучше демонстрируется при семном анализе лексических единиц, утративших связи,

родственные по происхождению, и составляющих в современном языке гнездо этимонимов. Одной из существенных черт в характеристике этимонимов является потеря в современном языковом сознании первоначального «образа», положенного в основу при производстве номинации, на этой семантической базе «**безобразности**» и формируется новое значение слова.

Одним из самых больших гнезд этимонимов по количеству его членов является гнездо с и.-е. вершиной со значением «резать, бить, колоть, сечь, отдирать», в него входят 48 слов: *вычурный – закорючка – заскорузнуть – искренний – картавый – кора – корабль – корень – корежить – корица – коричневый – корма – корнать – короб – коробить – короста – короткий – корчевать – корысть – корыто – корь – коряга – корячиться – край – кремень – кремль – кроме – кроить – кромка – кромсать – крот – кроткий – куртка – прикорнуть – скорлупа – скорняк – скромный – укромный – укрощать – черенок – черта – чрево – чурбан – чурка – шкура – щука – щурить – ящерица*.

Гнездо составлено на основе самых разных этимологических источников. Составление гнезда этимонимов – процесс длительный, учитывающий разные точки зрения на происхождение того или иного слова. Различия в реконструируемых этимонах рассматриваемого слова влияют на формирование и состав гнезда этимонимов: одно и то же слово может войти в разные гнезда этимонимов в зависимости от принимаемой этимологии лексической единицы [1, с. 17-23]. Нужно отметить, что шесть слов по своей принадлежности к этому гнезду являются неоднозначными, поскольку нет единообразия в трактовке их происхождения и семантических истоков, – это слова *корабль, короста, корысть, щука, щурить, ящерица* [7]. Однако в данном случае они включены в гнездо этимонимов как возможные участники в семных движениях при становлении семантических характеристик слов современного языка.

Установление формального и семантического родства слов по происхождению – задача, решенная (или решаемая) этимологами; наличие общего в прошлом этимона для этимонимов современного языка в этимологических источниках передается словами букв. (чаще всего); исходно, первоначально. По этому генетически интегрирующему признаку (с учетом фонетических и морфемных преобразований) выявляются этимонимы современного языка, со-

ставляющие гнездо этимонимов. Как пишет А.Д. Васильев, «внутренняя форма, помимо собственно деривационного мотива, может выступать и в качестве мотива для экспрессивной окраски значения» [2, с. 13]. В связи с этим нужно заметить, что внутренняя форма периода создания слов гнезда с семантической вершиной «резать, бить, колоть, сечь, отдирать» (в современном языке это этимон) во всех 48 членах гнезда этимонимов предстает как «самостоятельно деривационный мотив» с семантическими приращениями для коммуникативных нужд. Но в этимологических источниках этимон представлен не всегда, и для обозначения семных движений в гнезде этимонимов требуется вычленение имплицитных сем в значении слов, обращенное в ретроспективу. Забвение этих сем предопределяет разрыв связей по этимологическому корню, освобождает семное пространство в значении, создает возможность формирования нового семного состава значений слов в современном русском языке и этимологические дериваты делают этимонами.

В рассматриваемом гнезде этимонимов выделяется несколько направлений семных движений.

Первое направление напрямую связано с забвением этимона «резать, бить, колоть, сечь, отдирать». Это явление отмечается в 30 членах гнезда этимонимов: *вычурный, искренний, картавый, кора, корма, корнать, короткий, корчевать, корыто, край, кремень, кремль, кроме, кроить, кромка, кромсать, крот, кроткий, куртка, прикорнуть, скромный, укромный, укрощать, черенок, черта, чурбан, чурка, щука, щурить, ящерица*. Этимонимы представлены в алфавитном порядке, вместе с тем здесь очевидно, что деэтимологизация этих слов сопряжена с семантическим многообразием в становлении признаков слов как единиц современной лексической системы при деэтимологизации этих слов. Этимонимы *кора, корнать, короткий, край, кроме, кроить, кромка, кромсать, укромный, черенок, черта, чурбан, чурка* характеризуются ощущаемым современным носителем языка этимоном «резать, бить, колоть, сечь, отдирать», а потому обладают самой низкой степенью деэтимологизации.

Обращают на себя внимание слова *кроить, корнать, кромсать*. Во всех словах в современном языке отмечается сема «резать», а этимонимами их делают семы: *кроить, «разрезать (ткань,*

кожу) на куски определенной формы для шитья, изготовления чего-л.» [4]; корнать «слишком коротко и неровно обрезать, стричь» [4]; кромсать «грубо, неаккуратно резать на части» [4].

Менее прозрачными в своих этимологических связях оказываются этимонимы *корма* (букв. «усеченный конец корабля»), *кремень* (букв. «режущий, рубящий камень»), *кремль* (букв. «ограниченная, обнесенная стенами часть города»), *куртка*. Этимон «резать, бить, колоть, сечь, отдирать» не прописан в толковании, но понятийно подразумевается и имплицитно находится в семном составе:

- *корма* «задняя часть судна, лодки и некоторых других транспортных средств» [4] в противоположность передней остроносой части;
- *кремень* «очень твердый камень, первоначально употребляемый для выскания огня» [4], столь твердый, что в дометаллическую эпоху им можно было резать, рубить;
- *кремль* «крепость в старых русских городах» [4], ограниченная стенами территория города;
- *куртка* «короткая верхняя одежда на застежке» [4], короткая «обрезанная» в противоположность длиннополой одежде.

Отдельного комментария требуют слова *корчевать* и *вычурный*. Деэтимологизация слова *корчевать* обусловливается прежде всего утратой промежуточного словаобразовательного звена *корч* «выкопанный из земли пень» [7]. А в этимониме *вычурный* наблюдается трансформация нейтральной семьи «резной, украшенный узорами» в оценочную «излишне затейливый, нарочито усложненный», замысловатый» [4].

В выделенной группировке из 30 этимонимов особое место занимают названия животных *крот*, *щука*, *ящерица*. Это этимонимы высокой степени деэтимологизации, которая обеспечивается очевидными фонетическими расхождениями слов *крот*, *щука*, *ящерица* и неосознаваемостью первоначальной мотивировки слов – названий животных по их разным признаковым характеристикам:

- *крот* « тот, который производит действие «резать, сечь»;
- *щука* « тот, кто таким способом добывает пищу, хищный»;
- *ящерица* « тот, кто таким способом меняет кожу».

Без этимологических подсказок этимон слов *крот*, *щука*, *ящерица* современному человеку восстановить практически невозможно (или очень сложно), в этих этимонимах перераспределяются «значимости значений» [3, с. 5], что делает слова *крот*, *щука*, *ящерица* содержательно весьма и весьма далекими от исходной семьи.

Этимонимы *искренний*, *корысть*, *скромный* представляют собой еще одну группировку и требуют специального комментария. Они отражают трансформации семного состава, в которых проявляется один из семантических законов номинации чувств, эмоций, нравственных характеристик человека на основе номинации физических характеристик в мировосприятии. О принадлежности слов *искренний*, *корысть*, *скромный* к этой группировке говорят исходные значения, обнаруженные в этимологических данных: *искренний* первонач. «близкий»; *корысть* первонач. «доля, часть»; *скромный* « тот, кто держится в рамках». Особенностью одного этимонима из этой группы является то, что слово переживает чересступенчатую деэтимологизацию, речь идет об этимониме *кругкий*, букв. «укрошенный (кастрированием)», но его семантическую характеристику нужно рассматривать через глагол *укрощать*, который в свою очередь стал этимонимом в гнезде с этимоном «резать, сечь».

Особняком в группе этимонимов – характеристик человека стоят слова *картавый*, *прикорнуть*, *щурить*, где сохраняется сема физической характеристики человека, однако семантическое становление слов сопровождается забвением этимона и приращением семного состава значения: *картавый* букв. «говорящий сокращенно», ср. совр. «с нечистым произношением некоторых звуков» [4]; *прикорнуть* букв. «стать короче», ср. совр. «прислонившись к че-му-н., свернувшись комочком, прилечь» [4]; *щурить* букв. «делать щель между веками», ср. совр. «сжимая веки, прикрывать глаза» [4].

Второе направление семных движений в гнезде этимонимов с этимоном «резать, бить, колоть, отдирать» предопределется тем, что во главу угла нужно поставить слово *кора*, уже превратившееся в этимоним в процессе исторического развития его значения. По отношению к этимониму *кора* как новой семантической вершине наблюдается чересступенчатая деэтимологизация 18 слов –

закорючка – заскорузнуть – корабль – корень – корежить – корица – коричневый – короб – коробить – короста – корыто – корь – коряга – корячиться – скорлупа – скорняк – чрево – шкура.

Во всех этимонимах присутствует компонент «кора», но в разном преломлении, удовлетворяющем номинативные потребности в отношении реалий окружающего мира и воплощающем «закон обогащения семной структуры слова в процессе его употребления в разных контекстах и ситуациях, в процессе его социального бытования» [6, с. 188]. Имплицитное присутствие компонента «кора» в исходных соотношениях слов можно обозначить следующим образом:

- «быть похожим на кору» – *закорючка, заскорузнуть, корь, скорлупа, чрево, шкура;*
- «сделано из коры» – *короб;*
- «соотносительность частей (кора – корень, коряга) по отношению к целому (дерево)» – *корень, коряга;*
- «сделано из того, что покрыто корой» – *корабль, корыто;*
- «наименование дерева по отличительному признаку ценности коры для бытового использования» – *корица.*

Среди этимонимов, переживших чересступенчатую деэтимологизацию, нужно выделить те, которые пережили двухступенчатую деэтимологизацию по отношению к этимону «резать, быть, колоть, сечь, отдирать» через ступень *кора* и через ступень своих этимологических родственников, в свою очередь являющихся этимонимами: *корежить* (корень), *коричневый* (корица), *коробить* (короб), *короста* (заскорузнуть), *корячиться* (коряга), *скорняк* (шкура). В семантических преобразованиях этих этимонимов отмечается реализация сем и их последующее угасание:

- «делать похожим на ветвистый корень» – *корежить;*
- «цвета коры коричного дерева» – *коричневый;*
- «быть похожим на результат действия заскорузнуть» – *короста;*
- «становиться похожим на корягу» – *корячиться;*
- « тот, кто работает со шкурами» – *скорняк.*

Представленный языковой материал свидетельствует, что рассмотрение семных движений в гнезде этимонимов требует индивидуализации для каждого члена гнезда, объяснения его деэтимологизации в современном языке. Чересступенчатая деэтимоло-

гизация показывает незатухающие процессы в семных движениях при функционировании слова, забвение исходного мотивирующего признака наименования и реализацию возможностей использования этимонима в новом семном составе его значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аркадьева Т.Г. Состав гнезд этимонимов // Слово и предложение: лингвистические исследования по русскому языку: Сб. науч. статей в честь юбилея проф. В.П. Проничева. – СПб., 2004.
2. Васильев А.Д. Динамика слова в истории русского языка. – Красноярск, 1993.
3. Васильев Л.М. Словообразовательные значения, значимости и функции // Вопросы исторической семантики русского языка. – Калининград, 1989.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1992.
5. Потебня А.А. Из записок по русской словесности. – Харьков, 1905.
6. Черемисина Н.В. О путях изменения значений слов и некоторых лексико-семантических законах в диахронии языка // Семантические единицы русского языка в диахронии и синхронии: Сб. науч. тр. – Калининград, 2000.
7. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. – М., 1994.

ПАРЕМИЧЕСКАЯ КАРТИНА РУССКОГО ЯЗЫКОВОГО БЫТИЯ: СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Т.Е. Владимирова

*Институт русского языка и культуры МГУ им. М.В. Ломоносова
ул. Кржижановского, 24/35, Москва, Россия, 117218;*

*Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198*

Настоящая статья посвящена рассмотрению семантико-синтаксических особенностей пословиц и поговорок с целью выявления тенден-

ций, которые легли в основу русской концептуализации мира и бытия. Работа выполнена на материале паремий о судьбе и смежных с ней понятий, восходящих к языческим представлениям.

Ключевые слова: концепт «судьба», паремия, семантико-синтаксические особенности, русское языковое бытие, религиозно-мифологическое сознание.

PROVERBIAL PICTURE OF RUSSIAN LANGUAGE BEING: SEMANTIC AND SYNTACTIC ASPECTS

T.E.Vladimirova

*Institute of Russian Language and Culture
of Moscow State University n.a. M.V. Lomonosov
Krzhizhanovskogo str., 24|35. Moscow, Russia, 117218;
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198*

This article deals with the semantic and syntactic features of proverbs and sayings in order to identify trends that formed the basis of Russian conceptualization of the world and being. Work done on the material proverbs about the fate and related concepts dating back to pagan ideas.

Keywords: concept of "fate", proverbs, semantic and syntactic features, Russian linguistic being, religious-mythological consciousness.

Традиционное внимание к анализу языка / речи / дискурса, а также созданной в процессе их эволюции концептосфера (Д.С. Лихачев) представляется целесообразным дополнить изучением языкового бытия. Ведь в процессе социализации и обучения человек присваивает не только язык («дом бытия») и созданную на его основе культуру («хранитель бытия»), но и заложенный в них «способ бытия» (М. Хайдеггер). Поэтому обращение к пословицам и поговоркам как «сплаву исконно языкового характера с тем, что, воспринято языком от характера нации» [2, с. 373-374], раскрывает бытийный, рефлексивный и духовный опыт бытия. Паремическая картина мира и бытия рассматривается в статье через призму семантико-синтаксического аспекта пословиц о судьбе и смежных с ней понятий. При этом мы опирались на собрания пословиц и поговорок, на материалы образовательного портала ассоциации

«Национальный корпус русского языка», а также на данные эти-мологических и толковых словарей.

Русская лексема судьба сформировалась на основе общеславянского *sōdъba, производного с суффиксом –ьb-a от *sōdъ ‘суд’, восходящего в свою очередь к индоевропейскому источнику [8, с. 216]. Следует также отметить, что прототипическое понятие «суд» ‘приговор небесных сил’, войдя во «внутреннее языковое сознание», стало частью «принципа, объемлющего язык изнутри, придающего всему изначальный импульс» [10: 227]. В итоге начальная семантика слова судьба¹ и заложенный в ней мотивирующий потенциал развивались, подобно «почке сложнейших соцветий» (С.А. Аскольдов). Так, в древнерусском языке лексема судьба включала в себя такие семы, как ‘суд’, ‘судилище’, ‘правосудие’, ‘приговор’ и ‘предопределение’ [6, с. 217-217]. А «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля зафиксировал следующие значения: «суд, судилище, судбище и расправа» и «участь, жребий, доля, рок, часть, счастье, предопределение, не-минучее в быту земном, пути проридения» [3, с. 356].

В дальнейшем концептуальное ядро понятия «судьба» составит сема ‘предопределение’ как осознанная человеком зависимость от высших сил. Что же касается современных словарей русского языка, то в них данная лексема предстает как ‘независящий от человека ход событий’, ‘участь’, ‘доля’ и характеристная для суеверных представлений ‘сила, которая предопределяет всё происходящее в жизни’ [5, с. 1163]. Таким образом, отголоски мифо-поэтических представлений присутствуют в языковом сознании наших современников, хотя понимание эволюции слова-концепта «судьба», а следовательно, и соответствующего фрагмента паремической картины мира и бытия требуют обращения к специальной литературе.

Согласно славянским языческим представлениям, судьбу новорожденному нарекали² рожаницы, которые присутствовали при его появлении на свет и к которым обращались с молитвами

¹ См. об этом нашу статью «Концепт “судьба”: этимологическая составляющая» в № 1 «Вестника ЦМО МГУ» за 2014 год.

² Примечательно, что семантика слова нарек ‘сочетала в себе такие семы, как ‘имя’, ‘название’ и ‘нареченный срок’ [3, Т. 2, с. 461].

и «требы им клали». Примечательно, что наряду с «девами судьбы» (А.Н. Афанасьев) в религиозно-мифологическом сознании (Г.Г. Шпет) возникли представления о злых духах, которые ассоциировались с недолей, злочастием, горем, бедой, роком, лихом и т. п. Здесь мы имеем в виду злыней, маленьких существ, которые, поселившись за печкой, подобно домовому, остаются невидимыми и приносят дому несчастья, и лихо, персонифицированное воплощение злой доли в облике худой женщины без одного глаза, встреча с которой может привести к гибели человека [4. Т. 1, с. 66; Т. 2, с. 468]. А параллельно с понятием «удача» возникли такие слова, как талан («счастье, удача; || барыш, прибыток»), авоська («будущий желанный случай, счастье, удача; отвага»), притча («нечаянность, внезапный, нежданный случай, и притом дурной, несчастный, роковая помеха, помха, нечаян. препона») [3. Т.4, с.388; Т. 1, с. 3; Т. 3, с. 452]. В результате вокруг концепта «судьба» сформировалось «некоторая содержательная область», которая объединила ряд микроконцептов («доля», «недоля», «часть», «участь», «рок», «удача», «лихо», «талан» и др.) и стала частью смысложизненного базиса средневековых носителей языка.

Отношение к неподвластной человеку судьбе нашло отражение в пословицах и поговорках, представляющих собой «суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком ипущенное в оборот под чеканом народности» [3. Т. 1, с. 13]. Следуя подмеченному В.И. Далем различию коммуникативных интенций, выделим в «народных афоризмах» о судьбе и близких к ней понятиях паремии с побудительной и описательно-оценочной модальностью.

I. Паремии с побудительной модальностью характеризуются иллокутивным намерением (Дж. Сёрль) в форме предостережения (1), волеизъявления (2) и совета (3). Приведем эти паремии, обращая внимание на их семантико-сintаксическую оформленность.

1.1. Предостережение с оттенком целесообразности / нецелесообразности

- в форме обобщенно-личного предложения³ с предикатом, выраженным глаголом 3-го лица множественного числа изъя-

³ Здесь и далее рассматриваемый тип предложения может выступать частью более сложного целого.

вительного наклонения: *Посуленого год ждут, а суженого до веку;*

- в форме обобщенно-личного предложения с предикатом, выраженным глаголом 3-го лица множественного числа изъявительного наклонения частицей **не**: *Кому доли нет, того не принимают в совет; Без суда не казнят.*

1.2. Предостережение с оттенком возможности / невозможности

• в форме обобщенно-личного предложения с предикатом, выраженным глаголом 2-го лица единственного числа изъявительного наклонения: *Будешь таланен, как насташься по баням* (т. е. без крова).

• в форме обобщенно-личного предложения с предикатом, выраженным глаголом 2-го лица единственного числа изъявительного наклонения с частицей **не**: *От судьбы/ лиха не уйдешь; Судьбу / Суженого / Суженого ряженого и конем / и на коне / и на криевых оглоблях / и на свинье / на паршивом поросенке не объедешь / не объедешь в кузове; Рока не минуешь; Против рока не пойдешь; Против притчи не поспоришь; Без притчи века не изживешь; Бойся не бойся, а от части своей не уйдешь / а части своей не минуешь; Кому за тыном окоченеть, того до поры обухом не перешебешь; Что будет, то будет, того не минуешь; От жребия не уйдешь; Деньгами коня не купишь (а удачей); Нет талану, не пришьешь к сарафану; Талану к коже не пришьешь; Не возьмешь товаром, не возьмешь и таланом, и божью;*

• в форме инфинитивного предложения с глагольным предикатом, выраженным неопределенной формой с частицами **не, ни**: *Не обехать конем суженого; Суженого ни обойти, ни обехать; Рока ни обойти, ни обехать; Бойся не бойся, а року не миновать; У притчи на коне не уйти; Без притчи веку не прожить; Чему быть, того не миновать; Коли нет талану, так не пришить к сарафану; Знать по всему, что не быть талану; Стыдливому удачи не видать; На напасть не напрясть;*

• в форме предложения тождества с инфинитивным предикатом и частицей **не**: *Жалеть – не помочь, коли рок пришел; Жребий метать – после не хлопотать/ не пенять.*

2. Волеизъявление с оттенком назидания и принятия хода событий

- в форме побудительного предложения с предикатом, выраженным инфинитивом или глаголом в повелительном наклонении: *Суженый кус, да ряженому есть; Ряженое яство суженому есть; Чему быть, тому и статься; Как чему быть, так и быть; Будь, чему быть; Пусть будет, чему не миновать;*

3. Совет

- в форме побудительного предложения с предикатом, выраженным глаголом в повелительном наклонении: *Удача – кляча: садись да скачи / скачи да кричи; Авось верь без задатка; Живи, ни о чем не тужи, всё проживешь – авось еще наживешь; На авось не надейся; Авось вовсе не верь.*

П. Паремии с описательно-оценочной модальностью представляют собой утверждения, которые лишены строгой назидательности. Это потенциальные речеповеденческие акты утверждения с позитивным (1) или негативным (2) оценочным оттенком, а также антитетические утверждения, объединяющие противопоставляемые суждения (3), и амбивалентные утверждения, в которых выражены взаимодополняющие оценки.

1. Утверждение с позитивным оценочным оттенком

- в форме предложения подлежащно-сказуемостного типа с предикатом, выраженным спрягаемой формой глагола: *Час придет, и часть принесет; Всякая невеста для своего жениха родится; Рок виноватого найдет; Жребий сыщет; Таланный и в море сыщет; Талан не туман, не мимо идет; На удачу казак на лошадь садится, на удачу казака и конь бьет; На авось мужик и хлеб сеет; Авась и рыбака толкает под бока;*

- в форме именных и смешанно-именных предложений с предикатом, выраженным преимущественно существительным в именительном падеже (в предложениях тождества), а также существительным в косвенных падежах: *Жребий – святое дело/ божий суд; Таланец – братец, жеребеек – батюшка; Судьба не авоська; Душа не без доли, мужик не без тяглы;*

- в форме безличных предложений: *Без року смерти не будет; Бойся не бойся, а без року нет смерти; Каждому свой жре-*

бий; *Как в поле туман, так ему счастье, талан; Овому талан, овому два; Кому есть талан, тот будет атаман.*

2. Утверждение с негативным оценочным оттенком

• в форме предложений подлежащно-сказуемостного типа с предикатом, выраженным спрягаемой формой глагола: *Никто от своего рока не уйдет; Всякое лихо споро: не минет скоро; Чужой талан скорорастет, а наши не лезет, не ползет; Погладила меня судьба против шерсти; Судьба придет – и по рукам свяжет; Рок головы ищет; Поталанило было счастье, да село; Держался авоська за небоську, да оба в яму упали; Тянул, тянул авоську, да и надорвался / да и животы порвал; Авоська почасту обманывает; Авось, что заяц, в тенета попадает;*

• в форме именных и смешанно-именных предложений с предикатом, выраженным преимущественно существительным в именительном падеже (в предложениях тождества) и в косвенных падежах: *Скорая женитьба – видимый рок; Злая напасть – и то часть; Жребий – дурак: родного отца в солдаты отдаст!; Наш талан, с сумой по дворам; Моя-то доля, с чашкой в поле!;*

• в форме безличных предложений: *Много женихов, да суженого нет; Где нет доли, тут и счастье невелико; Без року нет смерти/смерти не бывает; Кому суждено опиться, тот обуха не боится; Кому сгореть,/ быть повешену, тот не утонет/ того грозой не убьет; Нашему болвану/барану/Ивану нигде/ ни в чем нет талану; Кому что на роду написано; Кому как, а нам эдак; Жребием упадищему трудно вставать.*

3. Антитетические утверждения

• в форме сложносочиненных предложений с союзами *а, да*, а также бессоюзных сложных предложений, выражающих сопоставительные и противительные отношения: *Не рок головы ищет, сама голова на рок идет; Рок на кону бьет, а неурочье за коном; Счастливый к обеду, роковой под обух; Деньги идут к богатству, а злыдни к убогому; Пришли злыдни погостить три дни, а выжили целый век; Злыдни скачут, неволя учит, а чужие хлебы спать не дают; Доля во времени живет, бездолье в безвремянье; Недоля пудами, доля золотниками;*

4. Амбивалентные утверждения

• в форме сложносочиненных предложений с союзами *а*, *да*, а также бессоюзных сложных предложений, выражающих отношения дополнительности: *С рожи болван, а во всем талан*; *И не ладно, да удачливо*; *Сидень сидит, а часть его растет*.

Предпринятый анализ 121 паремии о судьбе, которые восходят к языческому прошлому, позволяет говорить о следующей таксономии заложенных в них интенций: различного рода предостережения составили 36%, утверждения с негативным оценочным оттенком – 27%, утверждения с позитивным оценочным оттенком – 17%, волеизъявления – 5%, совет – 5%; антитетические утверждения – 8% и амбивалентные – 2%. Таким образом, область предостережений и негативных оценочных суждений существенно превышает область позитивных оценок, а характерным способом выражения оценки является утверждение через отрицание. В этой связи обращает на себя внимание и высокая частотность в паремиях отрицательных частиц *не*, *ни*, *нет* и местоимений *никто*, *нигде* и др., сообщающих пословичному высказыванию негативную коннотацию: *Никто от своего рока не уйдет*; *Нет талану, не пришьешь к сарафану*; *Нашему Ивану нигде / ни в чем нет талану*; *Суженого ни обойти, ни обехать* и др. Отмеченная особенность типична для предостережений с «созначением» невозможности / неизбежности, для утверждений с негативным оценочным оттенком и некоторых других.

В поисках объяснения доминирования отрицательной оценки в русских паремиях о судьбе приведем следующие слова Н.Д. Арутюновой, которая посвятила данной проблеме специальную главу в своей книге «Язык и мир человека»: «Человек всегда острее чувствует отрицательные состояния (отклонения от нормы), чем положительные, которые радуют лишь в минуту своего наступления, а уже в следующую минуту душа требует больших радостей» [1, с. 219]. Примечательно и предложенное автором различие «восходящего» и «нисходящего аксиологического ракурса», в которых находит отражение оптимистическая или пессимистическая интерпретация ситуации.

Рассмотрение под этим углом зрения паремий о судьбе позволяет говорить о доминировании в них пессимистического энергийного заряда (71%), который характерен для пословиц-

предостережений с оттенком невозможности, утверждений с негативным оценочным оттенком, а также для антитетических утверждений: *Не возьмешь товаром, не возьмешь и таланом, и божью; Чужой талан скоро растет, а наши не лезет, не ползет; Всякое лихо споро: не минет скоро; Моя-то доля, с чашкой в поле!; Много женихов, да суженого нет; Счастливый к обеду, роковой под обух; Заведутся злыдни на три дня, а не выживешь до веку* и др. Что же касается пословиц с «восходящим» модусом» (24%), то он присутствует в утверждениях с позитивным оценочным оттенком и в амбивалентных утверждениях: *Жребий – святое дело; Час придет, и часть принесет; Таланный и в море сыщет; На удачу казак на лошадь садится, на удачу казака и конь бьет; На авось мужик и хлеб сеет; Авось и рыбака толкает под бока; И не ладно, да удачливо; Сидень сидит, а часть его растет* и др. Вместе с тем, следует отметить, что за пределами выделенных групп паремий остаются пословицы (5%), отнесение которых к первой или второй группе вне контекста представляется достаточно затруднительным: *Без суда не казнят; Посуленного год ждут, а суженого до веку; Держись за авось, поколе не сорвалось; Недоля пудами, доля золотниками.*

Таким образом, анализ паремий о судьбе выявил критичное отношение к наличным формам жизни и, как следствие, пессимистическое отношение к собственному бытию, полностью предопределенного судьбой. Недостаточная объяснительная сила архаичной религиозно-мифологической «логики» и интуитивно переживаемая экзистенциальная неудовлетворенность нашли отражение в иронии и философичных обобщениях: *Суженого и на паршивом поросенке не объедешь; Будешь таланен, как наспишишься по баням* (т. е. без крова); *Удача – кляча: скачи да кричи; Поталанило было счастье, да село; Злыдни скачут, неволя учит, а чужие хлебы спать не дают; Доля во времени живет, бездолье в безвремянье; С рожи болван, а во всем талан; Чему быть, тому и статься.*

Выявленная зависимость человека от судьбы стала тем «изначальным импульсом» (Ф. фон Гумбольдт), который обусловил пессимистическую направленность формирующихся смысложизненных (экзистенциально-аксиологических) представлений. В дальнейшем, по мере того как сакральное отношение к судьбе

уступало место бытийной и рефлексивной составляющим сознания, всё более явной становилась свобода суждений и оценок с нередкой для них ироничной, а порой и критичной тональностью. Принятие Православия существенно преобразило паремическую картину мира и бытия, но не смогло освободить ее от укорененного в сознании отношения к фатальной судьбе, которая «судит и рядит».

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкоznанию. М.: Прогресс, 1984. –398 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1-4. М.: Русский язык, 1978-1980. Т. 1.– 699 с., Т. 2.– 779 с., Т. 3.– 555 с., Т. 4. – 683 с.
4. Мифы народов мира. Энциклопедия. (В 2 томах) / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Советская Энциклопедия. 1988. Т.1. – 672 с. Т.2. – 719 с.
5. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 14. М.-Л.: Наука, 1965. – 1390 с.
6. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. СПб.: Императ. Академия наук, 1893-1912. – 996 с.
7. Тарланов З.К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика. Петрозаводск: ПГУ, 1999. – 207 с.
8. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. Т 2. М.: Русский язык. 1993. – 560 с.

СЕМАНТИКА ВИКОНИМОВ ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ: ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

М.Л. Дорофеенко

*Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
Московский пр-т, 33. Витебск, Беларусь, 210038*

В статье установлены основные принципы номинации, в соответствии с которыми образованы виконимы Витебской области. Картографирование полученных результатов позволило уточнить интенсивность проявления каждого из принципов в различных районах области.

Ключевые слова: виконимы, принципы номинации, лингвистическая география, коэффициент частотности.

THE SEMANTICS OF VIKONYMS OF VITEBSK REGION: ASPECT OF LANGUAGE GEOGRAPHY

M.L. Dorozeenko

*Vitebsk State University named after P.M. Masherov
Moscovskiy avenue, 33. Vitebsk. Belarus, 210038*

In the article are established the basic principles of the nomination according to which vikonyms of Vitebsk region are formed. The mapping of the received results have allowed to specify the activity of manifestation of each of these principles in various areas of the region.

Keywords: vikonyms, principles of the nomination, language geography, frequency coefficient.

Картографирование материала является важной частью ономастического исследования, его актуальной задачей, так как позволяет осуществить территориальный анализ ономастических явлений, установить, сопоставить и объяснить ареалы их распространения. Лингвогеография, или лингвистическая география, – «один из разделов языкоznания, который собирает и картографически фиксирует распространение тех или иных языковых явлений (звуков, грамматических форм, слов), показывая тем самым их

пространственную соотносительность» [2, с. 18]. Лингвистическая география зародилась в конце XIX в. в Европе. Первые достижения в области лингвогеографии и формулировки ее основных понятий связаны с именами немецкого ученого Г. Венкера и французского лингвиста Ж. Жильерона. Лингвогеографические методы начинают активно применяться при создании лингвистических диалектологических атласов. Опыт, накопленный в данной сфере, используется и в ономастическом картографировании. Существуют работы В.А. Жучковича, Н.В. Бирилло, А.К. Матвеева, З.В. Рубцовой, Г.П. Смолицкой, О.А. Борисевич, посвященные лингвогеографическому представлению ономастического материала.

Виконимы, или названия внутрисельских линейных объектов, начинают исследоваться в 2006 г. Виконимия обладает своими номинативными особенностями, которые целесообразно выявлять при сравнении и сопоставлении с урбанонимией, более изученной топонимической областью. Научные публикации, посвященные названиям городских улиц, в славянской ономастике появляются в 50-60-е гг. XX в. Так, в рамках структурно-семантического подхода выстраивают свои исследования А.М. Мезенко, А.Г. Широков, С.А. Никитин, Р.В. Разумов, А.Н. Соловьев и др. Анализ виконимов осуществляется А.М. Мезенко, Р.В. Разумовым. Сопоставление данных изучения урбанонимной и виконимной лексики необходимо, так как позволяет уточнить сходства и различия в видении городскими и сельскими жителями окружающего мира.

Цель исследования – определение основных особенностей проявления принципов номинации внутрисельских линейных объектов Витебской области, обусловленных географическим расположением последних.

Материалом послужили 1437 виконимов (общее количество фиксаций – 8775 единиц) Витебской области. При проведении исследования использовались дескриптивный, ареальный, картографический методы и элементы статистического анализа. Метод картографирования позволил определить территорию распространения виконимов, соответствующих каждому из четырех принци-

пов номинации, и активность последних в различных районах Витебщины.

При определении семантических особенностей виконимии Витебщины мы опирались на классификацию урбанонимов А.М. Мезенко, выделяющей четыре принципа номинации [1, с. 105-138]: принцип номинации по отношению к другим объектам, принцип номинации по связи с человеком как социосубъектом, принцип номинации по свойствам и качествам объекта, принцип номинации по связи с абстрактным понятием. Однако виконимы, как отдельный разряд топонимов, обладают своими номинативными особенностями, на которые мы и обратим внимание в данной статье.

Первому принципу номинации соответствуют наименования, образованные от названий **населенных пунктов**: Лепельская ул. – аг. Стai Леп. р-на, Летчанская ул. – дер. Большие Летцы Вт. р-на, Невельское шоссе – аг. Веремеевка Гор. р-на, Поставская ул. – дер. Свирудуни Пост. р-на; **линейных объектов**: 1-я Заречная ул. → 2-я Заречная ул. – дер. Браздечино Орш. р-на, Литовская ул. → Литовский пер. – аг. Прозороки Глуб. р-на, Центральная ул. → Центральный пер. → Центральная площадь – аг. Ломаши Глуб. р-на Вт. обл.; **архитектурных объектов**: Детсадовская ул. – дер. Труды Пол. р-на, Клубная ул. – дер. Веречье Гор. р-на, Курортная ул. – дер. Зубаки Лёзн. р-на, Мельничная ул. – аг. Лужки Шарк. р-на, Тепличная ул. – дер. Сокольники Вт. р-на.

В виконимии, в отличие от урбанонимии, преобладают названия, образованные от наименований сельских населенных пунктов. При этом наиболее частотными являются виконимы, мотивированные названием города областного подчинения. На долю отонимных виконимов, повторяющих названия других внутрисельских объектов, в Витебской области приходится 18,7% от общего количества названий (6,5% – виконимная иррадиация, 12,2% – номерные названия). Результаты исследования свидетельствуют о важности подобных названий не только для городов с общим большим количеством улиц, но и для сельских населенных пунктов Витебской области.

Для создания ономастических карт мы определили среднюю частоту употребления названий на территории каждого района Витебской области. Частота употребления – это число, указывающее общее количество виконимных единиц, образованных в соответствии с одним из принципов номинации. Рассмотрим на примере: в Витебской области по первому принципу номинации образованы 163 виконима, а частота их употребления достигает 398 единиц. Средняя частота употребления названий равна частному частоты употребления (398) и количества населенных пунктов района, в которых зарегистрированы улицы (339), что составляет 1,2 (с округлением до десятков). Определим коэффициенты частотности: 1 (средняя частота от 0,1 до 0,4); 2 (0,5-0,9); 3 (1-1,4); 4 (1,5-1,9); 5 (2-2,4). Каждому из них на карте соответствует определенная штриховка (рис. 1).

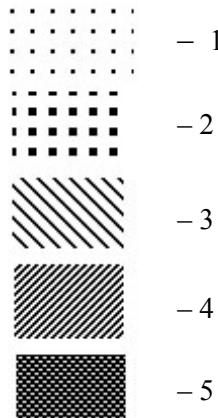

Рис. 1. Легенда карты

Рис. 2. Карта 1. Ареалы распространения виконимов, соответствующих первому принципу номинации

По данным картографирования первый принцип характеризуется широким диапазоном частотности (см. рис. 2): от одного до пяти – и наиболее интенсивно проявляется в Браславском, Бешенковичском, Мёрском районах. Менее актуализирован в Поставском и Толочинском.

Второй принцип номинации объединяет отапеллятивные виконимы-посвящения *в честь различных профессий, групп людей*: ул. *Медиков* – дер. Зимник Гор. р-на, ул. *Новаторов* – аг. Осинторф Дубр. р-на.

Отонимные виконимы восходят к именам *государственных деятелей*: ул. *Крупской* – аг. Друя Брасл. р-на; *участников военных событий*: ул. *Винера* – аг. Кордон Шум. р-на, ул. *Нарчука* – дер. Матиево Тол. р-на, пер. *Никандровой* – аг. Буда Дубр. р-на; *деятелей науки, культуры, искусства, героев мирного времени*: ул. *A. Гриневича* – дер. Гамовщина Пол. р-на, ул. *T. Кляшторного* – аг. Камень Леп. р-на, ул. *Ломоносова* – дер. Чижовка Дубр. р-на, ул. *Лынькова* – дер. Лужесно Вт. р-на, ул. *E. Лось* – аг. Великие Дольцы Уш. р-на, ул. *A. Ставера* – дер. Марговица Докш. р-на.

Наиболее наполненной является группа виконимов, образованных от фамилий участников исторических событий, далее следуют названия, мотивированные фамилиями деятелей науки, культуры, искусства, героев мирного времени. Специфической номинативной чертой виконимии является преимущественное использование в качестве основы для номинации линейных объектов имен местных жителей либо людей, связанных с конкретной территорией.

Высокой концентрацией виконимных единиц, соответствующих данному принципу, отмечены территории Браславского и Мёрского районов – коэффициент частотности достигает четырех (рис. 3). В 12-ти районах из 21-го степень локализации анализируемых единиц минимальна – коэффициент частотности равен единице).

Рис. 3. Карта 2. Ареалы распространения виконимов, соответствующих второму принципу номинации

Третьему принципу номинации отвечают виконимы, описывающие физико-географические особенности возникновения или существования внутрисельского объекта: *Боровая ул.* – аг. Замосточье Вт. р-на, *Глинная ул.* – дер. Отрадная Сен. р-на, *Гористая ул.* – дер. Гречушино Рос. р-на, *Новозавадинская ул.* – дер. Завадино Леп. р-на, *Средняя ул.* – дер. Княжица Вт. р-на, *Степная ул.* – дер. Черемушники Погорные Пост. р-на, *Холмистая ул.* – дер. Нерейша Сен. р-на, *Угловая ул.* – дер. Барсуки Лёзн. р-на.

Принцип номинации внутрисельского объекта по его свойствам и качествам является наиболее продуктивным (коэффициент частотности варьируется от двух до пяти), что подтверждается данными картографирования (рис. 4). В трех районах – Браславском, Лепельском и Мёрском коэффициент частотности достигает пяти, далее следуют Бешенковичский, Верхнедвинский, Докшицкий, Оршанский, Полоцкий, Ушачский, Шарковщинский и Шумилинский районы с коэффициентом частотности виконимов – четыре. Фrekвентативные характеристики названий, объединенных данным принципом, подтверждают его главенство в виконимии над другими принципами. Можно говорить о разных номинатив-

ных приоритетах у сельских жителей и горожан. Если для первых важны свойства и качества линейного объекта, то для вторых первостепенен другой объект, опора на который позволяет ускорить процесс поиска нужной улицы.

Рис. 4. Карта 3. Ареалы распространения виконимов, соответствующих третьему принципу номинации

Названия, образованные по **четвертому принципу номинации**, немногочисленны: Совхозная ул. – дер. Чубаково Дубр. р-на. Мы не предлагаем лингвogeографическую иллюстрацию распространения данной группы виконимов, поскольку их коэффициент частотности во всех районах Витебской области равен единице.

Таким образом, номинативные приоритеты в виконимии и урбанонимии не совпадают: по количественным показателям в первой из них принципы номинации расположены в следующем порядке:

1. Принцип номинации по свойствам и качествам объекта, наиболее интенсивно проявляющийся в девяти районах области.

2. Принцип номинации по отношению к другим объектам, объединяющий наибольшее количество неповторяющихся конституентов, однако уступающий предыдущему принципу по фреквен- тативным показателям.

3. Принцип номинации по связи с человеком как социосубъектом. Коэффициент частотности виконимов, соответствующих данному принципу, варьируется от одного до четырех.

4. Принцип номинации по связи с абстрактным понятием, одинаково проявляющийся во всех районах области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мезенко А.М. Урбанонимия Белоруссии / А.М. Мезенко. – Минск: Университетское, 1991.
2. Русская диалектология / под ред. проф. Н.А. Мещерского. – М.: Изд-во «Высшая школа», 1972.

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ НАИМЕНОВАНИЙ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ПРЕПАРАТОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Е.А. Зайцева

*Поволжская государственная социально-гуманитарная академия,
ул. Антонова-Овсеенко, д. 26, Самара, Россия, 443090*

Н.В. Коновальцева

*Самарский областной институт повышения квалификации
и переподготовки работников образования
Московское шоссе, 125а, Самара, Россия, 443111*

В статье рассматриваются особенности наименований лекарственных препаратов в русском языке: описаны основные принципы номинации, используемые в отечественной фармакологии; специфика семантической и структурной организации наименований лекарственных препаратов.

Ключевые слова: наименования лекарственных препаратов, семантические особенности наименований лекарственных препаратов, структурные особенности наименований лекарственных препаратов, принципы номинации лекарственных препаратов.

FEATURES OF NONCE WORDS PRODUCTION OF NAMES OF MEDICINES IN RUSSIAN

E.A. Zaitseva

*Samara State Academy of Social Science and Humanities,
Antonova-Ovseenko str., 28, Samara, Russia, 443090*

N.V. Konovaltseva

*Samara Regional Institute of Educators' Professional Development
and Training
Moskovskoye Highway, 125a, Samara, Russia, 443111*

The article tells about the names of medicines in Russian: the basic principles of the nomination used in domestic pharmacology are described, specifics of the semantic and structural organization of names of medicines are considered.

Keywords: names of medicines, semantics of the names of medicines, structure of the names of medicines, principles of the nomination of the names of medicines.

В номенклатуре лекарственных средств, кроме научных (систематических) названий, значительное место занимают тривиальные (лат. *trivialis* – «обыкновенный») наименования. Если структура органического химического вещества полностью установлена, то оно получает систематическое название. Однако, как показывает практика, использование научных номенов для обозначения лекарственных средств невозможно из-за их сложности, громоздкости и неудобства применения. Поэтому в рецептах, на этикетках, в аптечной торговле в качестве названий лекарственных средств используются не систематические, а тривиальные, условные наименования. Цель настоящего исследования состоит в выявлении основных закономерностей создания тривиальных наименований лекарственных препаратов в русском языке.

Лекарственные препараты имеют двойную номенклатуру: им одновременно присваиваются наименования на латинском и на русском языках. Такие наименования оказываются эквивалентны-

ми друг другу по своему звучанию и словообразовательным элементам. Русский эквивалент представляет собой транскрибированное русскими буквами латинское наименование без окончания *-um*: *tetracyclinum* – *тетрациклин*, *raunathinum* – *раунатин*.

В настоящее время для обозначения лекарственных средств применяются два вида названий:

1) международные непатентованные названия (*non-proprietary names*), которые утверждаются официальными органами здравоохранения и используются в национальных и международных фармакопеях;

2) коммерческие, или фирменные, названия (*proprietary names, brand names*), которые являются коммерческой собственностью фармацевтической фирмы.

Проиллюстрируем сказанное некоторыми примерами, указав при этом торговые названия (ТН) и международные непатентованные названия препаратов (МНН): ТН *гексорал* – МНН *гексэтидин*; ТН *зиртек* – МНН *цетиризин*; ТН *курантил* – МНН *дипиридамол*; ТН *троксевазин* – МНН *троксерутин*; ТН *ромблесс* – МНН *гепарин натрий*; ТН *фенистил* – МНН *диметинден*; ТН *эуфиллин* – МНН *аминофиллин* и др.

В фармакологии существуют понятия «лекарства-аналоги» и «лекарства-синонимы». Если препарат какой-либо фирмы хорошо себя зарекомендовал, то после истечения срока патента другие фирмы начинают производить лекарства с тем же действующим химическим веществом, но уже под другим названием, например: *корвалол* и *валокордин*; *панангин* и *аспаркам*; *парацетамол*, *калпол*, *панадол*, *тайленол* и *эффералган*; *но-шпа* и *дротаверина гидрохлорид*; *коринфар* и *фенигидин* и другие.

Тривиальные, условные названия выражают самые различные признаки: историю происхождения вещества, выделение из природных продуктов, химическое строение, терапевтический эффект, фармакологическое действие, случайные ассоциации. В Методических рекомендациях к рациональному выбору названий лекарственных средств отмечено, что в качестве названий не следует использовать обозначения, тождественные с официальными наименованиями особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации, объектов всемирного культурного, природного наследия. В названиях лекарственного препарата не

рекомендуется полностью воспроизводить названия болезней и симптомов заболеваний, анатомические и физиологические термины, имена собственные, географические названия, общепринятые символы и слова из бытовой лексики. Не допускается также использование в названиях слов, сходных с нецензурными выражениями [1].

Таким образом, при выборе медицинского названия лекарственному препарату следует принимать во внимание следующие принципы:

1. Названия должны иметь характерное звучание и написание. Они не должны быть излишне длинными и похожими на общеупотребительные слова.

2. Необходимо избегать названий, которые содержат ссылки на анатомические, физиологические, патологические или терапевтические аспекты.

3. При разработке медицинского номенклатурного названия следует, по возможности, уклоняться от языковых проблем. Поскольку названия используются в международной практике, необходимо не только избегать некоторых звуков, но и неприемлемых звуковых сочетаний для основных языков мира.

4. В названиях препаратов, принадлежащих к одной фармакотерапевтической группе, должна присутствовать общая основа.

Большинство названий лекарственных средств соответствует обозначенным правилам. Однако имеют место разного рода отступления от общих рекомендаций. Например, название лечебного бальзама от ран *хранитель* совпадает с общеупотребительным словом русского языка. В наименованиях *антигриппин*, *стопангин*, *длянос* нет компонентов, указывающих на принадлежность к определенной фармакотерапевтической группе лекарств. Название *антигриппин* создано при помощи приставочно-суффиксального способа от основы слова *грипп*: *анти-* + *-грипп-* + *-ин*. Наименование *стопангин* образовано путем слияния междометия *стоп* и основы слова *ангина*, а производная лексема *длянос* – слиянием предлога *для* и слова *нос*. Данные названия содержат указания на болезнь (*грипп*, *ангина*) и анатомический орган (*нос*), что является отступлением от общих рекомендаций. На наш взгляд, подобные неологизмы создаются с рекламной целью.

Чаще всего номинация лекарственного средства осуществляется по его составляющим компонентам. Такие названия удобны в функционировании, так как медицинские работники с легкостью могут расшифровать название препарата, узнать его состав, механизм действия, сферу применения по «говорящим» корням, окончаниям и приставкам, указывающим на химический состав лекарства. Например, *аквадетрим* представляет собой водный раствор (*аква-*) витамина *Д₃*. *Анапирин* является названием лекарственного препарата, содержащего *анальгин* (*ана-*) и *амидолицин* (-тирин). Назальные капли *аквамарис* по своему составу – это вода (*аква-*) Адриатического моря (*марис*). *Андипал* состоит из анальгина (*ан-*), дигидрофендиазина (*-ди-*), папаверина (*-на-*) и фенобарбитала (*-ал*). *Аскофен* – лекарственный препарат, состоящий из ацетилсалициловой кислоты (*ас-*), кофеина (*-ко-*) и фенацетина (*-фен*). В названии сосудорасширяющего и спазмолитического лекарственного средства *папазол* содержится указание на компоненты папаверина (*пана-*) и дигидрофендиазина (*-зол*). Медикамент *тирофен* используется в качестве обезболивающего и жаропонижающего средства. Он состоит из трех веществ: амидолицина (*тир-*), кофеина (*-коф-*) и фенацетина (*-фен*). *Йодинол* является названием лекарственного препарата, в составе которого есть йод, а суффикс -ол указывает на то, что данное лекарство относится к спиртосодержащим веществам. Словообразовательный элемент *-эстр-* (от греческого слова *эстрос* – « страсть ») указывает на наличие в составе лекарственного средства женских половых гормонов: *синэстрол*, *димэстрол*, *эстрадиол*. А элемент *-андр-* (от греческого слова *андрос* – « мужчина ») свидетельствует о содержании в препарате мужских половых гормонов: *метандрен*, *андроформ*.

В некоторых наименованиях лекарств можно найти словообразующие компоненты, содержащие информацию о лечебных свойствах препарата: о том, какие органы лечит лекарственное средство, при каких симптомах болезни применяется. Так, в названиях многих обезболивающих лекарств используется словообразовательный элемент *-алг-* (от древнегреческого слова *алгос* – « боль »): *пенталгин*, *седалгин*, *бараалгин*, *спазмалгон*, *темталгин*. В названиях лекарственных средств, предназначенных для лечения кожных заболеваний, часто присутствует греческий корень *-дерма-* – « кожа »: *дерматол*, *дермазолон*, *дермазин*, *целеподерм*.

Препараты, применяемые для местной анестезии, обезболивания, могут содержать греческий корень *-эстез-* «чувство». Так, название препарата *анестезин* обозначает «отсутствие ощущения». От греческого слова *энтерон* («кишки») образованы названия некоторых лекарств, используемых для лечения заболеваний кишечника: *энтеросептол*, *энтеродез*, *энтеросгель*, *энтрол*, *энтроверурол*. Корень греческого слова *гастер* («желудок») встречается в названиях лекарств, применяемых в лечении желудочных недугов: *гастрофарм*, *гастнал*, *гастроцепин*. Наличие в названии словообразовательного компонента *хол-* (от греческого слова *холе* – «желчь») говорит о том, что данный препарат предназначен для лечения заболеваний желчного пузыря: *аллохол*, *холагол*, *холензим*. Латинский корень *кор-* («сердце») содержится в названиях многих препаратов для лечения сердечно-сосудистых заболеваний: *валокордин*, *коразол*, *коринфар*, *кордафлес*, *корвалол*, *кордарон*, *коргликон*, *конкор*. Название сердечных лекарств *кардиовален*, *кардиомагнил*, *кардиамин* образованы не от латинского, а от древнегреческого корня *кардия-*, также обозначающего «сердце».

Номинация лекарственного средства по имени его создателя встречается сравнительно редко, поскольку использование собственных имен в названиях лекарств не всегда практично и функционально. Собственные имена ученых-медиков встречаются, например, в названиях следующих лекарственных препаратов: *бальзам Шостаковича*, *жидкость Бурова*, *капли Зеленина*, *растворы для ванн А.С. Залманова*. Название препарату *раствор Люголя* дано в честь французского врача Жана Люголя, который предложил это медицинское средство в 1829 году для лечения туберкулёза. *Паста Лассара* названа в честь немецкого врача-дерматолога Оскара Лассара. Он основал в Берлине собственную клинику для лечения кожных болезней, где успешно применял многие предложенные им методы лечения болезней кожи, в том числе и разработанную им пасту цинка против экземы. *Вилькинсона мазь* – антисептическое средство, состоящее из жидкого дёгтя, карбоната кальция, очищенной серы, нафталанной мази, зелёного мыла и воды. Данная мазь была изобретена в XIX веке английским врачом Дж. Вилькинсоном для лечения чесотки, грибковых и других заболеваний кожи. *Мазь Вишневского* – антисептическое средство раздражающего действия. Обладает сильным, характерным и легко

узнаваемым запахом. Автором этого лекарства стал А.В. Вишневский – русский военный врач-хирург. При смешивании дёгтя берескового, ксероформа и касторового масла он получил состав в форме мази. *Молочко Видаля* названо в честь французского терапевта и инфекциониста Ф. Видаля, который установил роль стрептококка при септических послеродовых осложнениях; разработал серологический метод диагностики брюшного тифа (реакция Видаля), был одним из основоположников функционального направления в нефрологии.

В качестве основного строительного материала в названиях лекарственных препаратов используются слова и словообразующие элементы древнегреческого и латинского языков. Интернациональный греко-латинский лексический фонд обладает неоспоримым преимуществом для научно-профессиональной номенклатуры, потому что древнегреческие и латинские слова, а также словообразовательные компоненты лишены многозначности, эмоциональной экспрессивности. За той или иной словообразующей морфемой в номенклатуре лекарственных средств закрепляется регулярность употребления и узкоспециальный смысл.

Исследуемый языковой материал показал, что существительные-наименования лекарственных препаратов активно образуются с помощью суффиксов *-ин* (*кодеин*, *морфин*); *-ол* (*дерматол*, *холагол*); *-ал* (*гастал*, *иммунал*); *-изид* (*дигитализид*, *капозид*).

Одним из самых распространенных в номенклатуре лекарственных средств является суффикс *-ин*. Он восходит к суффиксу латинских прилагательных *-in-* со значением отношения к предмету, явлению. Семантика производящих основ, с которыми сочетается морфема *-ин*, разнообразна. Так, производящая основа может указывать на источник получения лекарственного средства, заболевание, результат терапевтического действия.

В.В. Виноградов писал, что интернациональный суффикс *-ин* используется преимущественно для обозначения химических веществ, препаратов, медицинских средств, лекарств: *аспирин*, *фенацитин*, *никотин*, *маргарин*, *вазелин*, *глицерин*, *нитроглицерин*, *новокаин*, *пенициллин* и др. [2, с. 98].

Модель образований на *-ин* может быть представлена следующими примерами:

кодеин ← *коде-* (от *codeia* – «головка мака») + *-ин* – обезболивающее средство; *пенициллин* ← *пеницилл-* (от *penicillium* – «кистевик») + *-ин* – антимикробное средство; *стрептомицин* ← *стрептомиц-* (от *Streptomyces* – «лучистый грибок») + *-ин* – противотуберкулезное средство.

Названия всех алкалоидов и гликозидов образуются, как правило, однотипно. К основе латинского родового или видового наименования растения присоединяется суффикс *-ин*, обозначающий вещество, продукт: *абсинтин* ← *абсингт-* (от *artemisia absinthium* – «полынь горькая») + *-ин* – средство, применяемое при хронических заболеваниях поджелудочной железы и желчевыводящих путей; *атропин* ← *атропин-* (от *atropa belladonna* – «красавка обыкновенная») + *-ин* – средство против язвенной болезни желудка и двенадцатиперстной кишки; *леонурин* ← *леонур-* (от *leonurus cardiac* – «пустырник волосистый») + *-ин* – средство, применяемое при сердечно-сосудистых неврозах, стенокардии, гипертонической болезни; *папаверин* ← *папавер-* (от *papaver* – «мак») + *-ин* – спазмолитическое средство.

Суффикс *-ол-* (лат. *-ol-*), участвующий в производстве современных тривиальных названий лекарств, может быть образован из разных источников:

– от конечной части латинского слова *alcohol* (спирт); применяется в названиях спиртов, фенолов и спиртосодержащих лекарственных средств (*батилол*, *йодинол*);

– от начальной части латинского слова *oleum* (масло); применяется в названиях лекарственных средств, содержащих масло или имеющих консистенцию масла (*аекол*, *дерматол*) [4, с. 46–47].

В «Грамматике современного русского литературного языка» предложено следующее описание имен существительных, созданных при помощи суффикса *-ол*: «Существительные с суффиксом *-ол* обозначают химические вещества и препараты; мотивирующие – названия веществ, а также предметов, болезней, для воздействия на которые они предназначены: *бензин* – бензол, *автомобиль* – автол (с усечением основ), *метан* – метанол, *пятно* – пятнол, *астма* – астматол (с соотношением основ *-м-* – *-мат-*)... Тип продуктивен в химической и фармацевтической терминологии [3, с. 117].

В рассматриваемом нами языковом материале при помощи суффиксальной морфемы **-ол-** образованы, например, следующие наименования лекарственных препаратов: *гастрозол* ← *гастроз-* (от *gaster* – «желудок») + **-ол-** – противоязвенный препарат; *дерматол* ← *дермат-* (от *dermat* – «кожа») + **-ол-** – антисептическое средство; *ментол* ← *мент-* (от *menthe* – «мята») + **-ол-** – противопростудное средство; *холагол* ← *холаг-* (от *chloe* – «желчь») + **-ол-** – средство против желчнокаменной болезни.

В номенклатуре лекарственных средств греческие приставки *ex-* (из) и *des-* (от) стали использоваться в конце производных слов и уподобились суффиксам. Новые словообразовательные компоненты сохранили исконное значение приставок и используются для указания на устранение чего-либо: *конвулекс* – противосудорожное средство, *энтеродез* – дезинтоксикационное средство (греч. *enteron* – «кишечник»).

Некоторые латинские и греческие корневые элементы, вследствие регулярного употребления в конце названий лекарств, приблизились по словообразовательной функции к суффиксам. Например, аффикс **-цид-**, происходящий от латинского корня *occido* – «убивать», применяется для создания названий лекарственных средств, уничтожающих микроорганизмы: *стрептоцид* – средство, убивающее стрептококки; *плазмоцид* – средство для уничтожения малярийных плазмодиев; *хиноцид* – противомалярийное средство, относящееся к химической группе хинолинов. От начальной части латинского слова *alcohol* произошел суффикс **-ал-**, который может применяться в названиях лекарственных веществ, обладающих снотворным действием [4, с. 46]: *веронал*, *амобарбитал*, *тиопентал*, *фенобарбитал*.

Приставки используются для обозначения высокого качества, эффективности лекарственных средств. Наиболее распространены префиксы, которые указывают на устранение заболевания или каких-либо симптомов: *анти-*, *контра-*, *а-*, *е-*, *екс-*: *антиструмин* – средство для профилактики эндемического зоба; *контратубекс* – средство для устранения келоидных рубцов; *абактал* (*a-* + *bacterium* + **-al**) – антибактериальное средство. Приставка *про-* функционирует в значениях «для» и «вместо»: *продерм* (*pro* – «для» + греч. *derma* – «кожа») – антисептическое средство; *прокайн* (*pro* – «вместо» + (*co*)*cainum*) – первое синтетическое местноа-

нестезирующее средство. Префиксы *супер-, супра-, ультра-, мульти-* подчеркивают эффективность лекарственных препаратов: *супрадин, мультитабс, супрастин*.

Префиксация в чистом виде встречается в номенклатуре лекарственных средств редко. Чаще названия лекарственных средств образуются префиксально-суффиксальным способом: *антиверруцин* ← *анти-* + *-верруц-* (от *verruca* – «бородавка») + *-ин* – средство, применяемое для лечения бородавок; *анальгин* ← *ан-* + *-альг-* (от *algos* – «боль») + *-ин* – обезболивающее средство; *аспирин* ← *ас-* + *-тир-* (от *pyr* – «жар») + *-ин* – противовоспалительное, анальгезирующее и жаропонижающее средство.

Аббревиатура в наибольшей степени характерна для тривиальных наименований синтетических химических веществ, а также готовых лекарственных средств, состоящих из нескольких ингредиентов. Мотивирующим при образовании аббревиатур является сложное слово или словосочетание – систематическое химическое наименование вещества. Способом сокращения описательного наименования образованы следующие названия лекарственных средств: *аскофен* ← *ацетилсалициловая кислота + кофеин* – болеутоляющее и жаропонижающее средство; *асфен* ← *ацетилсалициловая кислота + фенацетин* – жаропонижающее и обезболивающее средство; *деринат* ← *дезоксирибонуклеат натрия* – иммуномодулирующее средство; *никоверин* ← *никотиновая кислота + папаверин* – спазмолитическое средство; *олететрин* ← *олеандомицин + тетрациклин* – противомикробное средство; *пиркофен* ← *пирамидон + кофеин + фенацетин* – обезболивающее средство; *темисал* ← *теобромин* – натрий с *салицилатом натрия* – сосудорасширяющее, мочегонное средство.

Следует отметить, что производное слово составляется путем произвольной комбинации отрезков из мотивирующего словосочетания. Трудно сказать, почему именно эти, а не другие отрезки отсечены от систематического химического наименования для образования аббревиатуры. Видимо, принцип благозвучности имеет здесь не последнее значение.

Н.А. Янко-Триницкая отмечает, что «аббревиатура по своему замыслу не предназначена для передачи всей информации, содержащейся в развернутом... наименовании. Аббревиатура предусматривает обязательное обобщение указанной информации,

и её сжатие, её конденсацию» [5, с. 71]. В связи с этим в аббревиатуре возможны отступления от содержания (и от структуры) описательного наименования, которые могут проявляться в том, что порядок размещения фрагментов в аббревиатуре может не соответствовать порядку размещения слов в исходном словосочетании. Так, для образования некоторых аббревиатур – наименований лекарственных препаратов характерна перестановка компонентов: **аллохол** ← **уртика dioica folia** (от *urtica dioica folia* – «крапивы двудомной листья») + **аллиум sativum** (от *allium sativum* – «чеснок посевной») – с отступлением от описательного наименования: замена *ф* на *х*; **пирамеин** ← **амидолипирин** + **кофеин** – анальгезирующее средство; **пираминал** ← **амидолипирин** + **кофеин** + фенобарбитал – анальгезирующее средство; **цинхофен** ← **фенилцинхониновая кислота** – жаропонижающее, обезболивающее средство; **эскодол** ← **промедол** + **скополамин** + **эфедрин** – анальгетическое средство.

В названиях лекарств встречаются буквенные и звуковые аббревиатуры: **АЦЦ** – **ацетилсалициловая кислота**; **ПАСК** – **парааминосалициловая кислота**.

Как показывает анализ языкового материала, аббревиация с одновременной суффиксацией в образовании названий лекарственных препаратов встречается чаще, чем чистая аббревиация, например: **фитоферролактол** ← **фитин** + о + **лактат** железа + о + **феррум** (от *ferrum* – «железо») + **-ол** (с перестановкой компонентов и двумя соединительными гласными *-o-*) – средство против заболеваний, связанных с истощением нервной системы; **дигипуррен** ← **дигиталис пурпурна** (от *digitalis purpurea* – «наперстянка пурпурная») + **-ен** – кардиотоническое средство; **диланизид** ← **дигиталис ланата** (от *digitalis lanata* – «наперстянка шерстистая») + **-зид** (с перестановкой компонентов) – кардиотоническое средство; **текодин** ← **тебаин** + **кодеин** + **-ин** – анальгезирующее средство.

Примером междусловного наложения могут служить следующие сложные производные наименования лекарств: **прогестерон** ← *pro* + *gest(ation)* + *ster(odium)* + *-on* – гормональное средство; **пектусин** ← **pectus** + **tussin** – отхаркивающее средство.

Таким образом, знание и использование средств и способов словообразования, применяемых при создании торговых названий лекарственных препаратов, может служить основой для включе-

ния в них необходимой медицинской и фармацевтической информации. При всем многообразии способов образования торговых наименований лекарственных препаратов, при их создании необходимо учитывать некоторые общие принципы: возможная краткость, благозвучность, отсутствие отрицательных ассоциаций, оригинальность написания и звучания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багирова В.Л., Герасимов В.Б. Рациональный выбор названий лекарственных средств. Методические рекомендации. – М., 2005 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.alppp.ru>
2. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / под редакцией Г.А. Золотовой. 4-е изд. – М.: Русский язык, 2001.
3. Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970.
4. Мусохранова М.Б. Пособие по латинскому языку для студентов фармацевтического факультета заочной формы обучения. – Омск: ОмГМА, 2008.
5. Янко-Триницкая Н.А. Словообразование в современном русском языке. – М.: Индрик, 2001.

ЭПОНИМИЧЕСКИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМЫ КОНЦЕПТОСФЕРЫ «ОДЕЖДА»

Е.М. Какзанова

*Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198*

В статье рассматриваются 17 эпонимических интернационализмов, относящихся к концептосфере «Одежда». Опираясь на «минимальный словарь» Л.А. Новикова, мы свели более общие и сложные понятия к простым и подразделили представленные лексемы на эпонимы антропонимического, топонимического и мифологического содержания.

Ключевые слова: эпонимические интернационализмы, эпонимы, концептосфера «одежда», эпонимы антропонимического содержания, эпонимы топонимического содержания, эпонимы мифологического содержания, минимальный словарь.

EPONYM INTERNATIONALISMS IN THE SPHERE OF CONCEPT «CLOTHES»

Evgeniya M. Kakzanova

*Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198*

The article deals with 17 eponym internationalisms from the sphere of concept “Clothes”. Using the “minimal dictionary” by Lev A. Novikov we have simplified the general and complex concepts to the easy and classified our lexical items as eponyms with anthroponymic, toponymic and mythological content.

Key words: eponym internationalisms, eponyms, the sphere of concept “Clothes”, eponyms with anthroponymic content, eponyms with toponymic content, eponyms with mythological content, minimal dictionary.

Язык напоминает одежду, покрытую
заплатами, которые сделаны из мате-
риала, отрезанного от этой одежды

Фердинанд де Соссюр

Постоянный интерес к лексическим проблемам позволяет обращаться к новым фактам, обусловленным экстралингвистическими и интерлингвистическими процессами. Настоящая статья посвящена эпонимическим интернационализмам концептосферы ОДЕЖДА.

Эпонимом называется термин, который содержит в своем составе имя собственное (антропоним, топоним или мифоним), а также имя нарицательное в обозначении научного понятия (*хопфова группа*). Также термин-эпоним может быть образован безаффиксным способом от имени собственного (антропонима, топонима или мифонима) путем метонимического переноса (*Ампер*). Третью группу составляют аффиксальные производные от имени собственного (антропонима, топонима или мифонима) (*якобиан*, *улексит*).

В статье рассматриваются интернациональные эпонимы второй и третьей групп, относящиеся к концептосфере ОДЕЖДА.

Эпонимические названия лексем, относящихся к концептосфере «ОДЕЖДА», представляют собой знаки-уникумы, реализующие индивидуализирующую функцию в рамках общенационального языка [22, с. 33]. По мнению В.В. Акуленко, в данном случае имеет место переход имен собственных к нарицательным [1, с. 46].

В 1990 году западногерманский германист П. Браун совершенно справедливо утверждал, что многие ономастические термины в разных языках совпадают [8, с. 25], что позволяет нам и в отношении терминов, относящихся к концептосфере «ОДЕЖДА», говорить об эпонимических интернационализмах.

Вопрос об интернационализмах в языкоznании никогда не терял своей актуальности, в особенности в условиях интеграции наук и с учетом возрастающей роли международных слов в самых различных областях знания.

Наличие общих слов в ряде языков вызвано определенными историческими и культурологическими причинами – общим происхождением некоторых языков, научным и культурным общением народов, говорящих на разных языках.

Первое определение термина «интернационализм» можно найти уже в 1954 году в немецком словаре иностранных слов (*Fremdwörterbuch*), и это определение таково: «Интернационализм – это интернационально употребляемое слово, которое может быть понято без перевода».

Мирослав Яблонски называет интернационализмами лексические единицы, которые вошли в некоторые культурные языки (*Kultursprachen/Replikasprachen*) из языка-оригинала (*Modellsprache*) со своим значением и такой же или ассимилированной фонетикой, причем речь здесь не идет о производных с заимствованной основой или о языковом родстве [9, с. 17]. Похожее определение даёт А. Кольва, называя интернационализмы словами, которые похожи вплоть до орографической или фонологической узнаваемости и имеют полностью или частично совпадающую семантику, которая выражает понятия межгосударственного значения [10, с. 14].

Специфика эпонимических интернационализмов состоит в том, что они не имеют родины, живого источника заимствования, подобно большинству иноязычных слов. Эти термины, состав-

ляющие в каждом языке значительный лексический слой, свидетельствуют об интернационализации определенных разрядов лексики – тенденции, которая отмечается в лингвистической литературе как специфическая черта, присущая современным взаимоотношениям языков и народов [5, с. 58].

Отобранный класс лексем отнесен к определенной предметной концептосфере – ОДЕЖДА. Ориентиром служит онтология, т.е. первоначальное происхождение артефакта и контрольный вопрос: где, прежде всего, встречаются подобные слова? [7, с. 147]. Субъектом является центральный концепт сферы, отвечающий на вопрос: что? и обозначающий неодушевленный предмет, подпадающий под понятие ОДЕЖДА. Актантом является имя одушевленного лица, участвующего в процессе эпонимизации. Он отвечает на вопрос: кто? и представлен антропонимом. Объектом является топоним, участвующий в процессе эпонимизации.

История одежды с древнейших времен до наших дней является зеркалом, в котором отражается вся история человечества. Каждая страна, каждый народ в отдельные периоды своего развития налагают свой отпечаток, свои специфические черты на одежду людей [4, с. 1]. Одежда подчеркивает или скрывает определенные части тела для приближения силуэта к общепринятым идеалам. Она подправляет и стилизует. Оптическое увеличение фигуры или объема преследовало обычно цель подчеркнуть достоинство и общественное положение человека. Во многие времена длина одежды или количество израсходованного на платье материала являлись показателем принадлежности владельца к определенному сословию [4, с. 11]. Одежда имеет язык, ибо наряд человека остался до настоящего времени средством зрительного выражения исторических эпох и определенных представлений о самом костюме и обо всем мире в целом [4, с. 12].

Практичная форма пиджака, которая затем становится как мужской, так и женской одеждой самых разнообразных вариантов, является очень древней. В современной одежде короткий пиджачок-куртка является неотъемлемой принадлежностью гардероба, особенно спортивного [4а, с. 519]. Интернациональный эпоним, вошедший в наше исследование, *фигаро* – короткая испанская куртка-пиджак, заканчивающаяся над талией и не застегивающая-

ся на груди, которую носил герой пьесы П.-О. Бомарше, слуга графа Альмавивы Фигаро.

Кардиган – это жакет без воротника, высоко застегивающийся, с карманами. Назван по имени графа Джеймса Томаса Кардигана (1797-1868), командовавшего кавалерийской бригадой во время Балаклавского боя в октябре 1854 года. Современный кардиган может быть сшитым из одноцветной ткани или вязанным [3, с. 42].

Пальто в древние и средние века было без рукавов, прямоугольное, круговое, полукруговое или формы кругового сектора, с отверстием для головы впереди или на плече. В последующие века слово «пальто» означало верхнюю одежду, возникшую из длинного мужского пиджака, с рукавами и застежкой на пуговицы. Пальто и верхнюю одежду представляют такие эпонимические интернационализмы как «гавелок», «губертус», «каррик», или «гаррик», «макинтош», «ольстер».

Гавелок – это элегантный длинный «английский» мужской плащ с пелериной, без рукавов, названный по имени английского генерала Генри Гавелока (1795-1857). Также гавелок – это защитная материя, прикрывающая шею от палящего солнца, которая прикрепляется к задней части головного убора [3, с. 22].

Губертус – это теплый непромокаемый плащ из неваленого сукна, который первоначально предназначался для охоты. Название происходит от имени Св. Губерта – покровителя охотников [4, с. 555].

Каррик, или *гаррик* – зимнее пальто. Название, по всей вероятности, происходит от города в Ирландии Carrick или от имени известного актера Давида Гаррика, который сделал заказ на такое пальто; в обиходе были оба названия. Правда, в немецком языке было известно только название Garrick. Мода на это пальто распространялась около 1800 года из Англии в остальную Европу. Около 1815 года возник и дамский вариант этого пальто [4, с. 555-556].

Макинтош – вид плаща-дождевика из непромокаемой (прорезиненной) ткани. Назван по фамилии изобретателя непромокаемой ткани шотландского химика Чарлза Мэкинтоша (1766-1843). В 1823 году он изобрел метод изготовления водонепроницаемой ткани путем соединения двух слоев ткани с использованием рас-

твора резины в керосине. Однако макинтош стал использоваться как предмет одежды только после 1839 года, когда была изобретена вулканизированная резина, которая выдерживала температурные изменения [3, с. 56].

Ольстер – обычно двубортное зимнее пальто из байковой материи. Название получило от северо-ирландской провинции, где производятся тяжелые материалы для мужского пальто.

Тальма – верхняя женская одежда, род плаща или накидки без рукавов. Названа по фамилии французского актера Франсуа-Жозефа Тальма (1763-1826). Он осуществил реформаторские начинания в области сценического костюма и грима (ввёл античный, средневековый, восточный и ренессансный костюмы) [3, с. 83].

Литургическая одежда возникла из основных исторических типов одежды и подверглась только незначительным изменениям, которые практически завершились в IX столетии в Риме [4, с. 507]. В нашем исследовании представлена эпонимическим интернационализмом «далматика».

Далматика – это верхняя литургическая риза дьякона римского ритуала, если он помогает священнику во время особой мессы, по случаю праздников и благословений. Она всегда того же цвета, что и риза священника. Происходит от светской одежды, которая первоначально носилась в Далмации (отсюда и название), и во II веке была заимствована римлянами, которые носили её поверх туники [4, с. 507].

В период переселения народов мужчины начали носить штаны, которые так презирали римляне. «Обрюченный народ», по словам М.Т. Цицерона, был народ варварский. Однако именно с этого момента европейская одежда стала делиться на женскую и мужскую. Штаны, эту «варварскую» одежду, в конце концов переняли и римляне [4, с. 95]. В нашем исследовании штаны представлены эпонимическими интернационализмами «капри» и «бермуды».

Капри – это короткие брюки, длиной примерно до середины голени. Современные женские капри впервые появились в конце 1940-х годов на итальянском острове Капри. Капри считались модными в 1950-х и 1960-х годах XX века. Вновь обрели популярность в начале XXI века.

Бермуды – это короткие брюки выше колена, специфический тип шорт. Были введены в Британских колониальных войсках и Королевском флоте для ношения в тропическом и пустынном климате. Это послужило началом их массовой популярности в начале двадцатого века на Бермудских островах, где до сих пор они считаются деловой одеждой для мужчин. В последнее время используется не только как одежда для отдыха, но и как повседневная одежда.

У большинства древних народов – египтян, персов, ассирийцев – нижнее белье было без рукавов. Классические античные одежды и плащи, которые в течение веков оказывали влияние на европейскую одежду, тоже были без рукавов.

В средневековую одежду рукава пришли из Византии. XII век, прежде всего позднее средневековье, начинает создавать такое разнообразие вариантов рукавов, которые иногда приобретают фантастические формы. XV и XVI века были эпохой сменных рукавов, которые большей частью дорого и пышно декорировались. XX век, который возвращается к естественной линии в одежде, умерен также и в экспериментировании с рукавами [4, с. 425]. В наше исследование вошел эпонимический интернационализм «реглан» – рукав особой конструкции, составляющий с плечом одно целое. В то же время регланом называют и верхнюю одежду с рукавом реглан. Назван по имени английского генерала Реглана (1788-1855), который ввел этот фасон в середине XIX века.

В античной моде головные уборы имели преимущественно практическое значение. Головные уборы современной моды имеют тенденцию быть одновременно и украшением, и защитным средством. Это относится как к мужской, так и к дамской моде [4, с. 361]. Эпонимические интернационализмы в нашем исследовании представлены такими головными уборами как «фес», «боливар» и «балаклава».

Фес – это шапочка из шерсти или фетра в виде усеченного конуса. Распространена на Ближнем Востоке, в Марокко, Египте, Алжире, Турции и странах Западной Азии. Мужской фес украшен черной или синей кисточкой, женский – золотом и жемчугом. Название происходит от города Фес или Фец в Марокко, где первоначально изготавливались эти головные уборы. Таким образом,

это эпонимический интернационализм топонимического содержания.

Боливар – это широкополая мужская шляпа. Была в моде в ряде стран в 20-е годы XIX века. Названа по имени одного из руководителей борьбы за независимость испанских колоний в Америке Симона Боливара (1783-1830). Несмотря на то, что антропонимический апеллятив существует и в английском (*bolivar*), и в немецком (*Bolivar*) языках, в эти языки интернационализм вошел в значении «монета в Венесуэле», кстати, названной также по имени Симона Боливара.

Балаклава – это головной убор в виде вязаного шлема, закрывающего голову, лоб и лицо, оставляя небольшую прорезь для глаз, рта или для овала лица. Фактически соединяет в себе шапку и маску-чулок. Согласно легенде, солдаты британской армии во время Крымской войны так сильно мёрзли под крымским городом Балаклавой, что придумали вязаную шапку с таким же названием.

Стиль жизни XIX века характеризуется модой ампир – с 1804 по 1815 гг. Наиболее желаемым дополнением к женскому платью в этот период были кашемировые шали из Египта. В XV веке в Кашмире делались шали из тонкой шерсти тибетских коз [4, с. 473-474]. Во Франции производство шалей появилось около 1805 года, что ставится в заслугу жене Наполеона Жозефине Богарнэ, которая, правда, сначала колебалась, но потом оказала этому делу свое покровительство [4, с. 243]. В эпоху Реставрации (1815-1820) кашемировая шаль, прежде прямоугольной формы, сменяется четырехугольной турецкой шалью [4, с. 255]. Дорогостоящие настоящие кашемировые шали начинают заменяться более дешевыми подделками. Мода на шали продержалась всю эпоху бидермейер: особенно популярны они были в правление императрицы Евгении, супруги Наполеона III (1826-1920) [4, с. 474]. Само слово «шаль» в значении *большой платок, вязаный или тка́ный, часто с красочным цветным узором* происходит, как свидетельствует арабский путешественник и писатель XIV века Ибн Батута, от названия старинного города Sāliāt в Индии [3, с. 95]. Слово есть, в частности, в немецком (*Schal*), английском (*shawl*) и французском (*châle*) языках. Во французский и английский это слово попало из Азии, но разными путями. Представляет собой,

таким образом, эпонимический интернационализм, образованный от топонима.

Купальные костюмы входят в наш гардероб чуть больше ста лет. Распростирались в конце XIX века, когда люди стали больше купаться и заниматься спортом. Дамские купальники шили из цветного ситца и украшали оборками. К ним надевались черные купальные чулки. Мужской купальный костюм состоял из хлопчатобумажного трико, обычно в сине-белую или красно-белую полоску. Уже в то время появились и короткие прилегающие треугольные плавки из красного ситца – предшественники современных мужских плавок. Женские купальники приобрели более современный вид только в 20-е годы XX века. В наше исследование вошел эпонимический интернационализм «бикини» – купальник, состоящий из двух раздельных элементов. Название происходит от названия атолла в архипелаге Маршалловых островов, разрушенного в результате испытаний атомного оружия (купальник был представлен публике в 1946 году, через четыре дня после атомного взрыва на атолле). В подшивке старых газет «Вечерняя Москва» нам встретилась небольшая заметка о том, что купальный костюм типа бикини существовал ещё в Древнем Риме. При раскопках виллы патриция вблизи Пьяцца-Армерина на Сицилии найдена мозаика, изображающая девушку в купальном костюме, очень напоминающем бикини.

Л.А. Новиков, ссылаясь на английского философа и логика Б. Рассела, говорил, что метаязык лексической семантики – это минимальный словарь. Б. Рассел, вводя это понятие, исходил из мысли, что слова, употребляемые в науке, могут быть определены посредством небольшого количества терминов из числа этих слов. Анализ семантических свойств и отношений приводит к вскрытию структуры объекта, благодаря сведению более общих и сложных понятий к простым [Новиков, с. 22-23]. В настоящей статье мы рассмотрели 17 эпонимических интернационализмов концептосферы ОДЕЖДА, встречающиеся как минимум в трех языках – русском, немецком и английском. Все эпонимические интернационализмы данной концептосферы могут быть выражены в понятиях «верхняя одежда», «церковная одежда», «брюки», «головные уборы», «купальники». Представленные лексемы подразделяются на эпонимы антропонимического содержания – восемь единиц

(фигаро, кардиган, гавелок, гаррик, макинтош, тальма, реглан и боливар), причем название «фигаро» восходит к имени литературного персонажа, эпонимы топонимического содержания – восемь единиц (ольстер, далматика, капри, бермуды, фес, балаклава, шаль и бикини) и один эпоним мифологического содержания – губертус.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акуленко В.В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. – Харьков: Издательство Харьковского университета, 1972.
2. Блох М.Я., Семенова Т.Н. Имена личные в парадигматике, синтагматике и прагматике. – М.: Готика, 2001.
3. Какзанова Е.М. Русско-англо-немецкий словарь эпонимических интернационализмов. Название и происхождение. От Августа до Янки. – М.: Издательство ИИЯ, 2013.
4. Кибалова Л., Гербенова О., Ламарова М. Иллюстрированная энциклопедия моды. Перевод на русский язык И.М. Ильинской и А.А. Лосевой. Прага: АРТИЯ, 1986.
5. Крысин Л.П. Русское слово, своё и чужое. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
6. Новиков Л.А. Семантика русского языка – М.: Высшая школа, 1982.
7. Панкратова С.А. Когнитивно-семантические основания метафоризации в современном английском языке//Дис. ... д. филол. наук. – М., 2013.
8. Braun P. Internationalismen – gleiche Wortschätze in europäischen Sprachen//Reihe Germanistische Linguistik. Band 102. – Tübingen: Max-Niemeyer, 1990. – S. 13-33.
9. Jabłoński M. Regularität und Variabilität in der Rezeption englischer Internationalismen im modernen Deutsch, Französisch und Polnisch. Aufgezeigt in den Bereichen Sport, Musik und Mode//Linguistische Arbeiten 240. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag GmbH, 1990. – 223 S.
10. Kolwa A. Zur Geschichte der Internationalismen-Forschung//Internationalismen II. Studien zur interlingualen Lexikologie und Lexikographie. Reihe Germanistische Linguistik 246 – Tübingen: Max Niemeyer Verlag GmbH, 2003. – S. 13-21.

О МЕСТЕ ПРОПОЗИЦИИ В ПРОЦЕССАХ ДЕРИВАЦИИ

Г.К. Касимова

*Пензенский артиллерийский инженерный институт
Военный городок, корп. 115, Пенза-5б Россия, 440005*

В статье рассматривается связь деривационных процессов с синтаксическими характеристиками мотивирующих слов. В частности, исследуется роль пропозиции в формировании вторичных номинаций в структуре многозначных дериватов. В работе представлены deverbatives, семантическая парадигма которых сформирована по различным типам полисемии.

Ключевые слова: деривация, пропозиция, мотиватор, deverbatives, субстантивы, вторичные номинации.

ABOUT THE PLACE OF PROPOSITION IN THE PROCESSES OF DERIVATION

G.K. Kasimova

*Penza Artillery Engineering Institute
Voenny gorodok, build. 115, Penza-5, Russia, 440005*

The article examines the connection between derivational processes and syntactic characteristics of motivating words. In particular, the author examines the role of proposition in the formation of secondary nomination in the structure of polysemantic derivatives. The article describes deverbals semantic paradigm of which is formed according to different types of polysemy.

Key words: derivation, proposition, motivator, deverbals, substantive, secondary nominations.

Деривационные процессы в последние десятилетия все чаще рассматриваются с синтаксической точки зрения, в частности, наблюдается обращение к глубинному синтаксису, который предполагает «исследование языковых ситуаций и лексико-синтаксической роли в этих ситуациях производящей основы. Наиболее эффективным способом рассмотрения роли семантики мотиватора

в производном слове является обращение к лексико-словообразовательному значению (далее ЛСЗ), которое представляет собой типизированное лексическое наполнение пропозициональной структуры. ... Пропозиция – это смысловая модель, с предельной обобщенностью отражающая актуальное для автора речи внеязыковое содержание» [4, с. 97].

Исследование многозначных имен существительных, выявление источников и типов полисемии влечет за собой анализ семантики мотивирующих слов, их синтаксических характеристик. В частности, при рассмотрении структуры значений девербативов необходимо, в первую очередь, рассмотреть семантику мотиватора, что предполагает обращение к глубинному суждению, в центре которого находится глагол. Как правило, глагол выступает предикатом, а его распространители – актантами. «В качестве эталона глубинного суждения, актуализованного семантикой производного слова, в лингвистике рассматривается минимальная пропозициональная структура, представленная предикатом и двумя (либо одним) актантными распространителями» [1, с. 97].

Согласно справедливому утверждению И.М. Кобозевой, «предикат является главным, определяющим элементом в структуре пропозиции постольку, поскольку ситуация определяется не объектами, которые в ней участвуют, а теми отношениями, в которых они находятся. Предикат определяет ситуацию, так как он указывает на определенный тип отношений на множестве объектов: определяет характер этих отношений, количество их членов и их роли.

Термы, обозначающие обязательных участников ситуации, определяемой некоторым предикатом, называются аргументами этого предиката, или его актантами. Помимо актантов в реляционную структуру пропозиции факультативно могут входить термы, обозначающие разнообразные обстоятельства ситуации, называемые сирконстантами, или адьюнктами» [2, с. 219].

Актанты, или участники пропозиции, – это активные семантические валентности глагола. Они присоединяют к глаголу синтаксически зависимые слова, каждой из которых соответствует переменная в толковании его значения. В качестве участников (актантов) ситуации могут выступать субъект, объект, орудие, место, средство, способ действия.

Как отмечает М.Н. Янценецкая, «пропозициональный характер словообразования проявляется в том, что значение производного формируется путем «свертывания» соответствующей пропозиции. При этом пропозиция оказывается представленной в аспекте того ее компонента, который в результате словообразовательного акта получает вербальное выражение» [6, с. 9].

Подтверждает эту мысль Л.А. Араева: «в семантике производного слова пропозиция ... представлена в свернутом виде с реализацией минимальной либо максимальной, многоместной структурно-логической схемы. ...Развернутая, многоместная пропозиция реализуется комплексом мотивирующих единиц, выстроенных в определенном порядке сообразно той функции, которую выполняет в пропозиции производное слово, что обуславливает видение одной и той же пропозиции каждый раз в новом ракурсе» [1, с. 79].

Неоднократная реализация многоместной пропозиции способствует формированию многозначности производного слова, о чем свидетельствует наличие в словарном составе языка огромного массива полисемантических лексических единиц.

Пропозициональный аспект словообразования, активно разрабатываемый в последние двадцать лет, «позволяет проникнуть в суть вещей, увидеть, что стоит за эмпирической данностью и первоначально скрыто от взора исследователя» [3, с. 41. Цит. по 1, с.79].

Объектом нашего исследования являются многозначные имена действия с суффиксом **-ниj-**, извлеченные из Словаря русского языка в 4-х т. под ред. А. П. Евгеньевой (МАС) и Словообразовательного словаря русского языка А.Н. Тихонова, каждое из которых представляет собой иерархически организованную целостность. В качестве исходного у них выступает опредмеченное процессуальное значение, которое образуется в рамках модели **(V + -ниj-)N**. Нового лексического значения в процессе синтаксической деривации при этом не возникает, дериват характеризуется совмещением общекатегориального значения предметности с семантикой действия, процессуальности. Как отмечает С.Н. Лохов, производные синтаксические дериваты имеют непропозитивное значение, так как в процессах синтаксической деривации не создается нового пропозитивного содержания: для подобных дериватов характерно категориально-грамматическое изменение без транс-

формации семантики мотиватора (ср.: *прокрутка* ← *прокрутить*; лексические значения деривата и мотиватора тождественны) [4, с. 98].

Транспозиционное значение девербатива предстает номинализацией, которая впоследствии выступает мотивирующей базой для развития производных значений путем семантической деривации. Вторичные номинации характеризуются предметной семантикой, которая, как правило, являются следствием метонимических переносов. Их появление в структуре имен действия детерминировано семантическими валентностями производящего глагола: наличием актантов, их количеством, признаками, функциями. Валентностные свойства составляют понятийный, содержательный уровень пропозициональной структуры мотивирующих глаголов.

«Валентность является одной из важнейших структурных характеристик лексических единиц: она фиксирует типовую сочетаемость данной единицы с другими и всю дистрибуцию этой единицы, т.е. совокупность всех сочетаний (окружений, контекстов), в которых данная единица может встречаться. Валентность (сочетаемость) основывается на законах смыслового (семантического) согласования, соположения единиц, благодаря наличию в их содержании общих компонентов» [5, с. 94].

При актуализации тех или иных компонентов семантической структуры глагола у девербатива развивается вторичная номинация, в результате чего происходит расширение структуры значения имени действия. При семантической деривации производные значения формируются в рамках модели **N-ниj-** → **N-ниj-**.

При пропозициональном подходе к исследованию семантической парадигмы полисеманта обнаруживаются преобразования мотиваторов, актуализирующих определенную структурно-логическую схему. «Нахождение в основе пропозиции глагола обуславливает распространение его актантами. ...мотивирующие глаголы объективируют производные в различных актантных позициях. Образующиеся в результате такого функционирования мотивирующие многозначные дериваты эксплицируют сложную комбинаторику различных пропозиций в виде набора ЛСВ нескольких номинативных классов» [1, с. 100].

Рассмотрим семантическую парадигму некоторых девербативов, структура которых сформирована по различным типам полисемии.

Так, радиальный тип полисемии представлен в таких именах действия, как *сопровождение*, *отделение*, *сообщение*, *объяснение*, *приобретение*, *обеспечение*, *снабжение* и мн. др. При этом семантическая парадигма девербативов включает различное количество ЛСВ.

У девербатива *сопровождение* в семантической парадигме существует 4 ЛСВ:

1. *Действие по глаг.* сопроводить—сопровождать (в 1, 3, 4 и 5 знач.).

2. То, что сопровождает какое-л. явление, действие. Одновременно с изображением передается через отдельный передатчик и звуковое сопровождение постановки – речь или музыка. К. Гладков, Дальновидение и его применение.

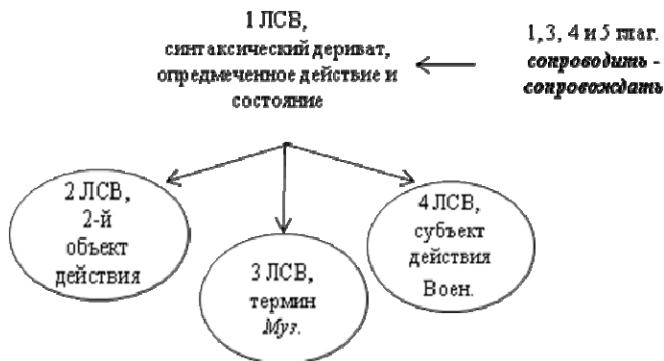
3. *Муз.* Аккомпанирование; аккомпанемент, вторая партия. *Пение без сопровождения. Оркестровое сопровождение.*

4. *Воен.* Группа военнослужащих (или боевых машин, самолетов и т. п.), сопровождающая или конвоирующая кого-, что-л. *Самолеты сопровождения. Выслать сопровождение для транспортов.*

Как видим, в формировании семантики существительного участвуют не все значения глагола, что свидетельствует о сужении семантики мотиватора. 1-й ЛСВ с транспозиционным значением опредмеченного действия выступает мотиватором для развития вторичных, предметных номинаций девербатива. В процессе семантической деривации в результате актуализации различных компонентов пропозиции формируются мутационные значения 2-го объекта действия (2-й ЛСВ), субъекта (4-й ЛСВ) действия. 3-й ЛСВ девербатива сохраняет терминологическое значение глагола: 5. *Муз.* Аккомпанировать кому-, чему-л., исполнять вторую партию. *Мы услышали скрипку, сопровождаемую оркестром.* Емельянова, Весьегонские любители.

Таким образом, вторичные номинации образуются путем актуализации определенных компонентов семантики мотиватора, который является предикатом пропозиции. Производные значения

формируются по типу радиальной полисемии, при котором вторичные номинации мотивированы исходным ЛСВ имени:

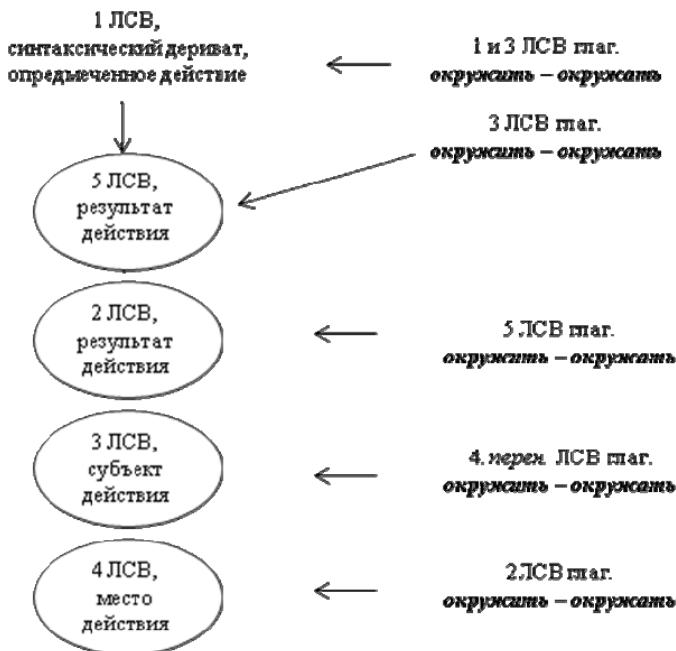
У девербатива *отделение*, включающего в свою парадигму семь ЛСВ, в процессе семантической деривации в результате актуализации субъектного и объектного компонентов пропозиции формируются значения субъекта (2, 4, 7-й ЛСВ) и объекта (3, 5, 6-й ЛСВ) действия.

Существительное *сообщение* включает в свою парадигму вторичные номинации со значениями объекта (2-й ЛСВ), способа (3-й ЛСВ) и средства (4-й ЛСВ) действия; девербатив *приобретение*, помимо транспозиционного, характеризуется значениями результата (2-й ЛСВ) и объекта (3-й ЛСВ) действия; в семантической парадигме деривата *обвинение* представлены значения 2-го объекта (2-й ЛСВ) и субъекта (*Юр.* 3-й ЛСВ) действия.

Структура лексического значения девербатива *окружение* представлена пятью ЛСВ:

1. Действие по глаг. окружить—окружать (в 1 и 3 знач.).
2. Окружающая обстановка, условия существования кого-, че-го-л. Географическое окружение. Капиталистическое окружение.
3. Совокупность лиц, составляющих общество, в котором кто-л. вращается; окружающая среда. – Бывает же так: отец – пролетарий, железнодорожник, а вот парня засосало мелкобуржуазное окружение в нашем городе. В. Беляев, Старая крепость.
4. Окружающий, прилегающий к чему-л. район; окрестность. Машиностроительные заводы Москвы и ее окружения.

5. Положение, при котором кто-, что-л. находится в кольце вражеских войск. *Попасть в окружение.*

Семантическая парадигма девербатива *окружение*, как видно из схемы, сформирована преимущественно по отраженному типу полисемии, которая «целиком обращена к словообразованию. Собственно полисемия развивается в производящем, но при соотносительности производного с производящим по всему семантическому объему или по его части, включающей несколько значений, она передается производному» [7, с. 60]. Обращает на себя внимание 5-й ЛСВ с предметным значением результата действия, для которого характерна множественность мотивации: В одном случае он может быть следствием семантической деривации, будучи произведенным от исходного, транспозиционного, значения девербатива, в другом – перед нами результат лексической деривации, при которой мотиватором выступает 3-й ЛСВ глагола. Все производные вторичные номинации сформированы в процессе реализации определенных структурно-логических схем с актуали-

зацией таких компонентов пропозиции, как результат (2 и 5-й ЛСВ), субъект (3-й ЛСВ), место (4-й ЛСВ) действия.

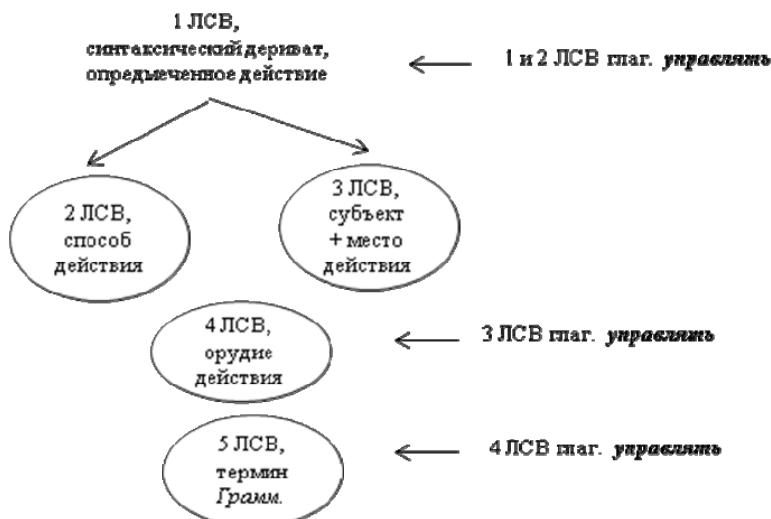
Структура лексического значения имени действия *управление* включает в себя 5 ЛСВ: 1. Действие по глаг. управлять (в 1 и 2 знач.). Управление автомобилем. || Дирижирование (оркестром, хором). Я должна была спеть сцену Маргариты в саду в опере «Фауст» в сопровождении оркестра под управлением самого Направника. Салина, Жизнь и сцена.

2. Деятельность органов государственной власти. *Методы государственного управления*.

3. Административное учреждение или административный орган внутри какого-л. учреждения. *Центральное статистическое управление. Управление железной дороги*. || Здание, помещение, в котором находится такой орган или учреждение.

4. Совокупность приборов, посредством которых управляют действием машины, механизма и других устройств. *Автоматическое управление*.

5. Грамм. Синтаксическое подчинение одного слова другому, состоящее в том, что одно слово требует после себя дополнения в определенном падеже. *Глагольное управление. Предложное управление*.

Семантическая парадигма девербатива **управление** структурирована по комбинированному типу полисемии: радиальная (2 и 3-й ЛСВ) + отраженная (4 и 5-й ЛСВ) полисемия. Транспозиционное значение девербатива выступает мотивирующей базой в процессе семантической деривации для формирования 2-го ЛСВ со значением способа действия и 3-го ЛСВ со значением субъекта действия, при этом актуализируется и пространственный компонент пропозиции, что способствует реализации значения места действия.

По отраженному типу полисемии от 3-го ЛСВ глагола образуется инструментальное значение девербатива, а 5-й ЛСВ имени действия сохраняет терминологическую семантику 4-го ЛСВ мотиватора.

Таким образом, пропозициональный подход к исследованию структуры лексического значения многозначных девербативов с суффиксом *-ниј-* показывает, что существенную роль в формировании вторичных номинаций играет семантика мотивирующего глагола. Актуализацией семантических распространителей мотиватора обусловлено появление в семантической парадигме имен действия таких мутационных значений, как **субъект действия**: *сопровождение* (4-й ЛСВ), *окружение* (3), *прикрытие* (2), *собрание* (5), *разветвление* (2), *отделение* (2, 7); **объект действия**: *вложение* (2, 3), *собрание* (6), *подразделение* (2, 3), *отделение* (1, 5), *чтение* (2), *познание* (3), *перечисление* (3), *сообщение* (2), *издание* (2, 3, 4); **2-й объект действия**: *сопровождение* (2), *украшение* (3), *объяснение* (4); **результат действия**: *окружение* (2, 5), *удединение* (3), *представление* (5), *решение* (3), *оправдание* (2), *осложнение* (3), *повышение* (3); **средство действия**: *украшение* (2), *решение* (2), *назначение* (2), *оправдание* (3), *признание* (2), *сообщение* (4), *указание* (2, 3), *освещение* (2); **способ действия**: *сложение* (2), *поселение* (3), *размещение* (2), *удединение* (2), *собрание* (3, 4), *распределение* (2), *чтение* (3), *объяснение* (3); **орудие действия**: *прикрытие* (3), *крепление* (3), *сцепление* (2, 3), *освещение* (3); **место действия**: *окружение* (4), *поселение* (2), *затемнение* (3), *разветвление* (2), *уплотнение* (2), *искривление* (2), *повышение* (2) и т.д.

Другими словами, при формировании семантической парадигмы многозначных девербативов наблюдается неоднократная

реализация многоместной пропозиции, что способствует образованию различных мутационных значений у имен действия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Араева Л. А. Словообразовательный тип. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
2. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. – М.: Едиториал УРСС, 2004.
3. Кубрякова Е.С. Категории падежной грамматики и их роль в сравнительно-типологическом изучении словообразовательных систем славянских языков // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. – М.: Наука, 1987. С. 37 – 40.
4. Лохов С.Н. Пропозициональный подход как метод изучения семантических особенностей субстантивной производной лексики // Словарь, грамматика, текст в свете антропоцентрической лингвистики». – Иркутск, 2001. – С. 97-105.
5. Новиков Л. А. Семантика русского языка. – М.: Высшая школа, 1982.
6. Семантические вопросы словообразования. Производящее слово / Ред. М.Н. Янценецкая. – Томск, 1991.
7. Ширшов И. А. Типы полисемии в производном слове // Филологические науки. 1996. № 1. С. 55 – 66.

АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ “МОБИЛЬНАЯ СВЯЗЬ”: СОСТАВ, ТЕМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ, СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

А.А. Киселева

*Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, бз. Москва, Россия, 117198*

С распространением мобильной связи на территории русскоязычного пространства возникает потребность во все большем количестве терминов, служащих для ее описания. В связи с этим в статье предпринимается попытка классифицировать англо-американские заимствования

лексико-семантической группы “мобильная связь”, рассмотреть их динамику, а также охарактеризовать их семантическую и структурную специфику.

Ключевые слова: мобильная связь, лексика, телекоммуникации, семантика, лексико-семантическая группа, заимствования

ANGLO-AMERICAN LOANWORDS IN LEXICAL AND SEMANTIC GROUP “MOBILE COMMUNICATIONS”: CONTENTS, CLASSIFICATION, STRUCTURAL AND SEMANTIC CHARACTERISTICS

A.A. Kiseleva

*Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia*

The more popular telecommunications is getting in the Russian-speaking countries, the bigger the need to have more terms for its description is. Taking this into consideration, the author makes an attempt to classify loanwords describing this group, analyze their dynamics and specifics.

Keywords: telecommunications, lexis, mobile communications, semantics, lexical and semantic group, loanwords.

Плодотворное решение вопросов, связанных с заимствованием, предполагает необходимый учет двусторонней сущности слова – единства его формы и содержания. Возможно, что понятие ассимиляции (заимствования) слов иноязычного происхождения до сих пор не получило своего полного раскрытия по той причине, что оно связывалось преимущественно с представлением о форме слова, в то время как при решении проблем, связанных с ассимиляцией лексики иноязычного происхождения, в двусторонней характеристике слова именно содержательная сторона приобретает первостепенную значимость.

Содержательная сторона слова выявляется в лексико-семантической системе языка и определяется ею. Поэтому базой в определении основных характеристик неологизма (заимствования) иноязычного происхождения для признания или непризнания его заимствованным может служить главным образом соотношение

семантики этого слова с лексико-семантической системой заимствующего языка.

Необходимо отметить, что лексика – это наиболее подвижная часть языковой системы, она постоянно развивается. Главное в этом развитии – процесс обновления, направленный на удовлетворение постоянно растущих потребностей в новых номинациях, немалую роль в этом процессе играет заимствование иноязычной по происхождению лексики. Новые слова, сначала малоупотребительные, известные лишь ограниченному кругу людей, актуализируются и обычно движутся с периферии к центру и постепенно перемещаются в ядро лексической системы. И наоборот, слова, утратившие свою актуальность, движутся от центра к периферии и, в конечном счете, вовсе выходят из употребления. Таковы постоянные и непрекращающиеся процессы в лексике [2, с. 92].

По теории Л.П. Крысина и других ученых, заимствованными мы признаем слова, включенные в лексико-семантическую систему заимствующего языка. Именно здесь вскрывается сущность лексического заимствования.

Становление, специфика значения заимствуемого слова диктуется лексико-семантической системой воспринимающего языка. Ею же определяется и сфера употребления заимствованного слова – как правило, более ограниченная по сравнению с его иноязычным прототипом. Когда американские по происхождению слова не имеют русских дублетов, синонимов, то есть являются единственным наименованием предмета, нет сомнений относительно необходимости заимствования. Но есть заимствования, которые вошли в русский язык в качестве синонимов к уже имеющимся словам.

Синонимия – лексико-семантическое категориальное отношение тождественных или близких по содержанию значений, выражаемых формально различными словами (ЛСВ), которые реализуют в тексте семантические функции замещения и уточнения, а также стилистические функции [2, с. 59].

Некоторые исконные слова, первоначально не являющиеся эквивалентами новейших англицизмов, становятся их синонимами, при этом значение нового заимствованного слова является уточняющим, часто имеет иной семантический оттенок. Таким образом, в структуре лексического значения исконного слова по-

являются новые лексико-семантические варианты, принадлежащие к другим тематическим группам. Например, лексема *трубка* (*труба*) является синонимом таких новейших заимствований, как *мобильный*, *мобильник*, *сотовый*, при этом приобретая дополнительное лексико-семантическое значение. Следовательно, слово иноязычного происхождения в процессе превращения из иноязычного в заимствованное вступает в семантические отношения соотнесенности с определенной тематической группой и противопоставленности общего и частного (гиперо-гипонимии).

Исконные слова (или заимствованные ранее) также могут получить второе лексическое значение, стать наименованиями предметов, появившихся в нашей жизни не так давно. Например, *раскладушка* – раскладной сотовый телефон. В данном случае исконное слово меняет свою тематическую принадлежность, так как изменение лексического значения слова способствует установлению новых семантических связей слова с другими единицами лексической системы языка.

В процессе заимствования достаточно четко проявляется тенденция языка к “экономии энергии”, экономии средств выражения. Поэтому вместо описательных оборотов, словосочетаний обычно используются иноязычные слова, вбирающие в себя значения этих словосочетаний. Например, заимствование *реалтон* является синонимом описательного оборота *мелодия для звонка на мобильном телефоне*, звучащая как живая запись; *рингтон* – синоним словосочетания *мелодия для звонка*; графическое изображение или анимированная картинка рекламного характера заменяется односложным словом *баннер*.

Словосочетание *сенсорный экран* (чувствительный к нажатию дисплей, одновременно являющийся устройством ввода информации – клавиатурой), также подчиняясь закону экономии речевых усилий и тенденции к краткости, преобразовалось в единую лексему *сенсор*: *Клавиатура отсутствует, ее функции взял на себя сенсорный экран, выполненный с применением технологии Multitouch, в которой и кроется секрет удобства iPhone. Самый точный в мире сенсор умеет определять случайные прикосновения и не реагировать на них* [5, с. 14]. В приведенном примере представлены оба варианта употребления данного термина. Следует также отметить, что в последнее время при описании телефона с

сенсорным экраном в специализированных журналах всё чаще используется английское словосочетание *touch screen*.

Благодаря техническому прогрессу и высокому уровню востребованности сфера мобильных и смежных с ними технологий постоянно совершенствуется, появляется большое количество новых наименований. Например, помимо экрана, дисплея, сенсорного дисплея в нашу речь вошли такие термины как *ЖК-дисплей*, *LCD (Liquid Crystal Display* или *жидкокристаллический дисплей*), *сенсорная навигация*.

Нередко уже имеющиеся в языке-рецепторе слова и словосочетания используются для обозначения заимствованных реалий, пришедших в нашу повседневную жизнь. Например, словосочетание *почтовый клиент* применительно к сфере мобильной связи толкуется как “программа в мобильном телефоне, предназначенная для чтения, приема, отправки и других операций с письмами через Интернет”.

Подобно исконным словам заимствования могут развивать многозначность (способность слова иметь одновременно несколько значений), присущую, в основном, широко употребительным словам. Полисемия представляет собой категориальное лексико-семантическое отношение внутренне мотивированных значений, выражаемых формами одного слова (одной лексемой) и разграничиваемых в тексте благодаря разным, взаимоисключающим друг друга позициям ЛСВ этого слова [2, с. 41].

Некоторые из рассматриваемых слов в английском языке обладают многозначностью (полисемией), тогда как русский язык заимствует слово однозначным. Например, в английском языке слово *content* имеет следующие значения [4]:

Содержание, содержимое, наполнение;

Суть, существо, сущность, значение, смысл;

Объем, величина, вместимость, емкость, размер;

Удовлетворенность, довольство;

Голосующие “за” (в палате лордов Content и Not content являются формальным выражением согласия или несогласия).

Русский язык заимствовал данное слово в составе словосочетания *mobile content*. Мобильный контент – информационные голосовые услуги (справки и консультации, новости, развлечения,

игры), а также скачивание мелодий и логотипов для мобильных телефонов, чаты, знакомства, реалити-шоу и игры.

Сегодня мобильный телефон – не просто средство исключительно для голосовой связи. Он становится персональным портативным информационным и развлекательным центром, поэтому в последнее время особенной популярностью у абонентов разных возрастных категорий пользуются дополнительные информационные и развлекательные сервисы, так называемые “контентные” услуги. В данном случае в языке слово *контент* заимствуется со значением “содержание, наполнение”. *Мобильный контент* – содержимое мобильного телефона, блок информационно-развлекательных услуг, уже “закаченных” в телефон и являющихся неотъемлемой его частью. Следует отметить, что термин *контент* используется и в других областях науки и техники, заимствуя лишь одно, основное значение многозначного английского слова, оставаясь в русском языке моносемичным.

В настоящее время в специализированных журналах в качестве синонима термина *контент* (англ.) часто используется слово *начинка* (русс.). Однако замена англоязычного термина лексической единицей русского языка в большинстве случаев является неуместной: *В телефоне хорошая начинка и новый фирменный интерфейс*

Другое заимствованное существительное *slider* в английском языке имеет следующие значения [4]:

1. *texh.* Ползун;
2. *авиа.* Слайдер (прямоугольник из ткани, через который проходят стропы; необходим для замедления раскрытия парашюта).
3. *комп.* Слайдер (элемент управления системой Microsoft Windows, отображающий параметр из заданного диапазона значений).

Для русского пользователя *слайдер* – это наименование мобильного телефона, имеющего раздвижную конструкцию. В английском языке существует глагол *to slide* – “скользить, задвигать”; от него (по аналогии с такими лексическими единицами как “*байкер, стикер*”) образовалось существительное *слайдер* (“скользящий”). Данный термин имеет узкое, конкретное значение, детально описывающее аппарат – при открытии корпус телефона скользит, раздвигается. Следует заметить, что подобный вид мобильн

го телефона был изобретен и появился в продаже сравнительно недавно, поэтому слово в представленном значении является неологизмом не только в языке-реципиенте, но и в английском языке.

Лексическая единица *спам* (*spam*), функционирующая в компьютерном сленге, также изначально имеет в английском языке несколько значений [4]:

1. (сокращ. от *spiced ham*) Консервированный колбасный фарш (запатентованное название – товарный знак мясной гастрономии производства компании “Хормел”);
2. Любое консервированное мясо;
3. *комп.* Практически бесполезная информация (обычно реклама), принудительно рассылаемая большому числу абонентов электронной почты.

В третьем своем значении слово имеет синонимы в английском языке: *junk mail* (*junk* – хлам, утиль, отходы), *bulk mail* (*bulk* – масса, большое количество, груда), *unsolicited mail* (*unsolicited* – невостребованный).

В языке-заимствователе термин *спам* наиболее часто употребляется в смысле “почтовый спам”, то есть массовая рассылка на большое количество электронных адресов, содержащая рекламу или коммерческие предложения. Существует также так называемый “поисковый спам”. В результате поиска информации пользователь получает выход на сайт, не имеющий ничего общего со своим запросом. Причина этого заключается в том, что владельцы подобных сайтов пытаются “обмануть” поисковую машину, вписывая в заголовок сайта популярные ключевые слова, с целью повышения количества посещений электронных страниц. По аналогии с описанными выше двумя видами “электронного мусора”, нередко спамом называют и другие явления в Интернете, когда пользователь на найденном сайте (не в собственной почте) сталкивается с ненужной ему и не имеющей отношения к делу рекламной информацией. Например, спам в форумах и гостевых книгах, спам в виде избыточного количества рекламы на веб-странице и т.д. Таким образом, в русском языке моносемичный неологизм *спам* имеет общее значение “бесполезная информация, представленная в Интернете”.

Анализ лексического материала показал, что структурные преобразования, вызываемые заимствованиями в лексической системе принимающего языка, в основном затрагивают синонимические и гипонимические отношения. Входя в систему заимствующего языка, иноязычные слова образуют новые тематические группы. Неологизм, соотносимый с данной тематической группой, должен занять в ней строго определенное место, то есть стать или частной номинацией, или номинативно-тематической единицей. Заимствованные слова в тематических группах чаще всего становятся частными номинациями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дьяков А.И. Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке // Язык и культура. – Новосибирск, 2003. – С. 35–43.
2. Новиков Л.А. Современный русский язык. – Спб.: Изд-во Лань, 2001.
3. Крысин Л.П. Русское слово, своё и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – М.: Изд-во Языки славянской культуры, 2001.
4. Англо-русский словарь общей лексики. ABBYY, 2011. 100 тыс. статей. Электронное издание.
5. Мир Новостей, №8, 2007.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ГНЕЗДО С ВЕРШИНОЙ ААЛ ‘ТЕРЕТЬ’ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

Е.П. Копырина

*Институт гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского, 1, г. Якутск, Россия, 677027*

В статье исследуется словообразовательное гнездо с вершиной аал ‘тереть’ в якутском языке в деривационно-семантическом аспекте. Выявлены словообразовательные парадигмы и цепи внутри гнезда, основные

стержневые значения, являющиеся исходными для образования многих значений производных.

Ключевые слова: словообразовательное гнездо, многозначность, ступень словообразования, частеречная структура, стержневые значения, якутский язык.

THE DERIVATIONAL NEST WITH A TOP *AAL* ‘RUB’ IN THE YAKUT LANGUAGE

Kopyrina Elena

*Institute of the Humanities and the Indigenous People of the North,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Petrovskogo str., 1, Yakutsk, Russia, 677027*

The paper considers the derivational nest with a top *aal* ‘rub’ in the Yakut language. The author shows derivational paradigms and chains inside the nest, the basic meanings that are motivating for the formation of many meanings of derivatives.

Keywords: derivational nest, polysemy, step of derivation, basic meanings, derivatives, the Yakut language.

Словообразовательное гнездо, его составляющие (словообразовательная парадигма и словообразовательная цепь) являются центральными единицами дериватологии. В исследованиях последних лет словообразовательное гнездо (СГ) рассматривается как микросистема, связывающая грамматику, словообразование и лексику. Богатый и обширный материал для анализа в этом плане представляют отглагольные гнезда, поскольку «среди всех частей речи глагол имеет самые широкие словообразовательные связи и оказывает большое влияние на все важнейшие процессы словообразования» [4, с. IX].

В якутском языкоznании словообразование является одной из недостаточно разработанных областей. Словообразование якутского языка определяется его агглютинативным характером, основным способом образования новых слов является аффиксация. В настоящей статье по данным Большого толкового словаря якутского языка (БТСЯ) рассматривается СГ с глагольной вершиной *aal*. Значения слов выяснялись также по данному изданию [1].

Семантика аффиксов при образовании различных частей речи уточнялась по «Грамматике современного якутского литературного языка» [2].

В современном якутском языке глагол *аал* функционирует в 7 лексических значениях: 1) тереть, протирать (очищая, растирая, натирая) // раздражать, причинять боль трением; натирать; // ощущать боль, чувство трения (при попадании в организм инородного тела или в других подобных случаях); 2) точить напильником, бруском режущие и колющие орудия; 3) изготавливать какое-л. изделие путем точения, пиления (напр., из железа, серебра); 4) постоянно болеть, ныть (о застарелой хронической болезни); 5) быть причиной постоянного страдания (о каких-л. тяжелых думах, угрызениях совести, горе, печали); 6) надоедливо, неотступно приставать с упреками, порицаниями, пилить языком; 7) делать что-л. очень медленно, осторожно [1, с. 132-134].

Семантическая структура данного глагола характеризуется тем, что 4 значения являются переносными, 2 последних используются лишь в разговорной речи. По своему основному значению глагол *аал* можно отнести к двум семантическим подгруппам лексико-семантической группы (ЛСГ) глаголов физического воздействия на объект – глаголам давления и глаголам удаления и очищения. Будучи непроизводным, многозначным, частотным и стилистически нейтральным, данный глагол входит в ядро этих подгрупп и ЛСГ в целом. В своих производных значениях *аал* обозначает ситуации обработки (2-е значение), создания объекта (3-е значение), физиологического действия (4-е значение), эмоционального состояния (5-е значение), межличностного отношения (6-е значение). 7-е значение можно определить как образно-характеризующее.

Рассматриваемое СГ имеет трехступенчатую структуру и содержит 36 производных. На I ступени словообразования находятся 15 дериватов, на II ступени – 18, на III ступени – 3. Производные глагола *аал* размещаются в гнезде следующим образом:

ааллар (<i>аал</i> + афф. побудительного залога <i>-лар</i>) ‘заставить тереть’ →	аалларыны (<i>ааллар</i> + афф. имени действия – <i>ыны</i>) ‘трение’ →	аалларылаах (<i>аалларыны</i> + аффикс обладания – <i>лаах</i>) ‘тяжелый; неотвязчивый’

	аалсыс (<i>аал</i> + удвоенный афф. совместно-взаимного залога <i>-сыс</i>) ‘тереться, соприкасаться’ →	аалсыспахтаа (<i>аалсыс</i> + афф. ускоренного действия <i>-пахтaa</i>) ‘потереться, соприкоснуться быстро’ аалсыныы (<i>аалсыс</i> + аффикс имени действия <i>-ыы</i>) ‘взаимное трение, соприкосновение’	
	аалыс (<i>аал</i> + афф. совместно-взаимного залога <i>-ыс</i>) ‘тереться, соприкасаться’ →	аалсыы (<i>аалыс</i> + афф. имени действия <i>-ыы</i>) ‘взаимное трение, соприкосновение’	
	аалылын (<i>аал</i> + афф. страдательного залога <i>-ыллын</i>) ‘перетираться’		
	аалын (<i>аал</i> + афф. возвратного залога <i>-ын</i>) ‘тереть себе, для себя’ →	аалыммахтаа (<i>аалын</i> + афф. ускоренного действия <i>-мактaa</i>) ‘потереть себе, для себя’ аалыныы (<i>аалын</i> + афф. имени действия <i>-ыы</i>) ‘трение себе, для себя’	
	аалаахтаа (<i>аал</i> + уменьш.-ласк. афф. – <i>аахтaa</i> с оттенком ласки, жалости, сочувствия или унижения, иронии, презрения)		
	аалбахтаа (<i>аал</i> + афф. ускоренного действия <i>-бахтaa</i>) ‘потереть’		

аал →	аалыннаа (аал + афф. равномерной кратности –ыннаа) ‘двигаться медленно ритмически, как бы нехотя’ →	аалыннаас I (аалыннаа + афф. совместно-взаимного залога –с) ‘двигаться медленно ритмически, как бы нехотя, навстречу друг другу;ходить взад-вперед навстречу друг другу, мельтешить перед глазами друг друга’ →	аалыннашы (аалыннаас + афф. имени действия –ышы) ‘встречное многолюдное движение’
		аалыннаас II (аалыннаа + афф., образ. и/п –с) ‘очень многолюдный, оживленный’ аалыннат (аалыннаа + афф. побудительного залога –т) ‘заставлять двигаться медленно, как бы нехотя’	
	аалынхайдаа (особая комбинированная форма образования образных глаголов) ‘переддвигаться медленно, плавно, покачиваясь из стороны в сторону’		
	ааллас (аал + афф., образ. глаголы –лаа + афф. совместно-взаимного залога –с) ‘двигаться взад-вперед толпой, толпиться; разливаться, растекаться’ →	аалланшы (ааллас + афф. имени действия –ышы) ‘движение толпой; разлив, стечеие’	
	аалышы (аал + афф. имени действия –ышы) ‘трение’ →	аалышлаах (аалышы + афф. обладания –лаах) ‘точеныи, наточенный, острыи’	

	аалытыныны (<i>аалы</i> + афф. принадлежности <i>-та</i> + афф., образ. наречия от именных основ <i>-ны</i>) ‘блестя, сверкая металлическим блеском’	
	аалыах (<i>аал</i> + афф., обр. и/с <i>-ых</i>) ‘напильник для обработки изделий; терпуг’ →	аалыахтат (<i>аалыах</i> + афф., образ. глаголы <i>-таа</i> + афф. побудительного залога <i>-т</i>) ‘двигаться очень медленно толчками; делать что-л. чрезмерно медленно, как бы толчками’
		аалыктаах (<i>аалык</i> + афф. обладания <i>-лаах</i>) ‘с продолговатой светлой полоской’
	аалык I (<i>аал</i> + афф., образ. и/с <i>-лык</i>) ‘дышло; тяговый ремень через плечо, шлейка’ →	аалыктаа (<i>аалык</i> + афф., образ. глаголы <i>-таа</i>) ‘запрягать собак через дышло’ →
		аалыктан (<i>аалыктаа</i> + афф. возвратного залога <i>-н</i>) ‘иметь продолговатую светлую полоску’
		аалыксый (<i>аалык</i> + афф., образ. глаголы <i>-сый</i>) ‘бледнеть, начинать вянуть’ аалыктый (=аалыксый) (<i>аалык</i> + афф., образ. глаголы <i>-тый</i>)
	аалык II (<i>аал</i> + афф., образ. прилагат. <i>-ык</i>) ‘с большим кругом участников’ (о танце осуохай) →	аалыкчай (=аалык II) (<i>аалык</i> + уменьш.-ласк. афф. <i>-чай</i>)
	аалымтыа (<i>аал</i> + афф., образ. и/п <i>-ымтыа</i>) ‘способный тереть’	

На I ступени образованы 5 залоговых форм (*ааллар*, *аалсыс*, *аалыс*, *аалылын*, *аалын*), 2 видовые формы (*аалбахтаа*, *аалыңнаа*), 2 глагола (*ааллас*, *аалыңхайдаа*), 3 имени существительных (*аалыы*, *аалыах*, *аалык I*), 2 имени прилагательных (*аалык II*, *аалымтыа*), 1 уменьшительно-ласкательная форма (*аалаахтаа*); на II ступени – 2 залоговые формы (*аалыңнаас I*, *аалыңнат*), 2 видовые формы (*аалсыспахтаа*, *аалыммахтаа*), 4 глагола (*аалыахтат*, *аалыктаа*, *аалыксый*, *аалыктый*), 5 имен существительных (*аалларыы*, *аалсыныы*, *аалсыы*, *аалыныы*, *ааллаңныы*), 3 имени прилагательных (*аалыңнаас II*, *аалыылаах*, *аалыктаах*), 1 наречие (*аалытыныы*), 1 уменьшительно-ласкательная форма (*аалыкчай*); на III ступени – 1 залоговая форма (*аалыктан*), 1 имя существительное (*аалыңнааныы*), 1 имя прилагательное (*аалларыылаах*). Частеречная структура СГ с вершиной *аал* представляет гетерогенную систему, включающую в свой состав единицы различных частей. Глагольный блок состоит из 18 единиц, субстантивный блок – 9, адъективный – 6, адвербиальный – 1.

В гнезде обнаружено 13 словообразовательных парадигм, непосредственно от вершины гнезда *аал* образовано 15 слов: *ааллар* ‘заставлять тереть’, *аалсыс* ‘тереться, соприкасаться’, *аалыс* ‘тереться, соприкасаться’, *аалылын* ‘перетираться’, *аалын* (‘тереть себе, для себя’, *аалаахтаа* уменьш.-ласк. ф с оттенком ласки, жалости, сочувства или унижения, иронии, презрения, *аалбахтаа* ‘потереть’, *аалыңнаа* ‘двигаться медленно ритмически, как бы нехотя’, *аалыңхайдаа* ‘передвигаться медленно, плавно, покачиваясь из стороны в сторону’, *ааллас* ‘двигаться взад-вперед толпой, толпиться; разливаться, растекаться’, *аалыы* ‘трение’, *аалыах* ‘напильник для обработки изделий; терпуг’, *аалык I* ‘дышило; тяговый ремень через плечо, шлейка’, *аалык II* ‘с большим кругом участников’, *аалыммыта* ‘способный тереть’.

Дериваты I ступени образуют 10 парадигм – это парадигмы глагольных форм *аалсыс* ‘тереться, соприкасаться’, *аалын* ‘тереть себе, для себя’ (по 2 производных), *ааллар* ‘заставлять тереть’, *аалыс* ‘тереться, соприкасаться’ (по 1 производному), залоговой формы *аалыңнаа* ‘двигаться медленно ритмически, как бы нехотя’ (3 производных), глагола *ааллас* ‘двигаться взад-вперед толпой, толпиться; разливаться, растекаться’, имен существительных

аалык I ‘дышло; тяговый ремень через плечо, шлейка’ (4 производных), *аалыы* ‘трение’ (2 производных), *аалаах* ‘напильник для обработки изделий; терпуг’, прилагательного *аалык II* (по 1 производному).

На II ступени выявлено 3 парадигмы – имени действия *аал-лар* ‘трение’, залоговой формы *аалыңнас I* ‘двигаться медленно ритмически, как бы нехотя, навстречу друг другу; ходить взад-вперед навстречу друг другу, мельтешить перед глазами друг друга’, глагола *аалыктаа* ‘запрягать собак через дышло’ (по 1 производному).

На базе вершины гнезда *аал* образовано 23 цепи, из них – 5 бинарных (*аал* → *аалылын*; *аал* → *аалаахтаа*; *аал* → *аалбах-таа*; *аал* → *аалыңхайдаа*; *аал* → *аалымтыа*, 15 трехкомпонентных (*аал* → *аалсыс* → *аалсыспахтаа*; *аал* → *аалсыс* → *аалсыныы*; *аал* → *аалыс* → *аалсыы*; *аал* → *аалын* → *аалыммах-таа*; *аал* → *аалын* → *аалыныы*; *аал* → *аалыңнаа* → *аалыңнас II*; *аал* → *аалыңнаа* → *аалыңнат*; *аал* → *ааллас* → *ааллаыы*; *аал* → *аалыы* → *аалылаах*; *аал* → *аалыы* → *аалытыныы*; *аал* → *аалыах* → *аалыахтат*; *аал* → *аалык I* → *аалыктаах*; *аал* → *аалык I* → *аалыксый*; *аал* → *аалык I* → *аалыктый*; *аал* → *аалык II* → *аалыкчай*; 3 четырехкомпонентных (*аал* → *ааллар* → *аалларыы* → *аалларылаах*; *аал* → *аалыңнаа* → *аалыңнас I* → *аалыңнаыы*; *аал* → *аалык I* → *аалыктаа* → *аалыктан*.

Соотношение однозначных и многозначных производных в рассматриваемом СГ неравномерное, 2 и более значений имеют лишь 9 дериватов, остальные 27 однозначны. Самым многозначным является четырехзначное *ааллар*, по 3 значения имеют *аалсыы*, *аалык*, двузначны *аалсыс*, *аалсыныы*, *аалыктаа*, *аалыңнаа*, *аалыс*, *аалылаах*.

Исследователями давно замечено, что «родственные слова объединяются в одно словарное гнездо на базе семантической общности, которая проявляется в наличии у них общих (“стержневых”) лексических значений» [3, с. 38]. В СГ с вершиной *аал* можно выделить 6 основных стержневых значений:

- 1) прямое значение слова *аал* ‘тереть’ легло в основу семантики следующих производных: *аалык I* ‘дышло; тяговый ремень через плечо, шлейка’ и его производного *аалыктаа* ‘запрягать собак через дышло’; терминологическое значение *аалсыы* ‘трение’

(в физике); оттенок значения *аалыксый* ‘обтереться mestами, терять шерсть (о домашнем скоте, зверях)’; *аалымтыа* ‘способный тереть’; а также залоговые и видовые формы, не имеющие в своем значении отличий от типового значения, а также имена действия, уменьшительно-ласкательные формы глаголов, сопровождаемые в БТСЯЯ с ссылкой на исходную основу: *ааллар* (основное значение), *аалсыс* (основное значение), *аалыс* (основное значение), *аалылын, аалын* (включая *аалыммахтаа, аалыныы, аалбахтаа, аалаахтаа; аалы;*

2) во 2-м значении ‘точить’ глагол *аал* объединяет значения производных: *аалыах* ‘столярный инструмент, напильник для обработки изделий; терпуг’; *аалыы* во 2-м значении ‘металлические опилки’ и 3-м значении ‘блестящий, сверкающий металлическим блеском’; оба значения *аалылаах* ‘точеный, наточенный, острый’, ‘блестящий, сверкающий (обычно о блеске металла)’; наречие *аалытыныы* ‘блестя, сверкая металлическим блеском (в сочетании со словами золото, серебро, металл)’;

3) сема, содержащаяся в 4-м, 5-м, 6-м значениях ‘постоянно, неотступно’, связывает: 3-е значение ‘страдать застарелой, хронической болезнью’ и 4-е значение ‘постоянно страдать от тяжелых дум; иметь неотвязчивые мысли’ *ааллар; аалларылаах* ‘тяжелый; неотвязчивый (о мыслях, думах)’; 3-е значение *аалын* ‘постоянно притираться, приставать; осуждать (по незначительному поводу)’;

4) вокруг 7-го образно-характеризующего значения ‘делать что-л. очень осторожно, медленно’ группируются: 2-е значение *ааллар* ‘ехать очень медленно (обычно о лошади, быке)’; глагол *аалыахтат* ‘двигаться очень медленно, толчками; делать что-л. чрезмерно медленно, как бы толчками’; 2-е значение *аалыктаа* ‘делать что-л. очень медленно, со скрипом; делать что-л. тихо, медленно, как бы непроизвольно’; основное значение *аалыннаа* ‘двигаться медленно, как бы нехотя’; *аалынхайдаа* ‘передвигаться медленно, плавно, покачиваясь из стороны в сторону’;

5) сема ‘движение взад-вперед’, имеющая место при трении чего-л., находит отражение также в значениях производных глагола *аал*: *ааллас* ‘двигаться взад-вперед толпой, толпиться; разливаться, растекаться (о чем-л. обильном, мощном)’ и его производное *ааллаңыы; аалык II* ‘с большим кругом участников (о танце

осухай’); 2-е значение *аалыннаа* ‘ходить взад-вперед, мельтешить перед глазами’ и его производные *аалыннат*, *аалыннаас*, *аалынныыы*; *аалыннаас* II ‘очень многолюдный, оживленный (напр., об улице полной машин, народа)’;

6) 2-е *аалыс* ‘тесно общаться с кем-л.; соперничать, ввязываться’ является мотивирующим и для других значений в СГ с вершиной *аал*: значение *аалысис* ‘тесно общаться, водиться с кем-л.’, его производные *аалыспахтаа*, *аалыныыы* в отсылочном значении и 2-м значении ‘столкновения, противоречия, конфликты, трения (между людьми, группами)’; *аалын* во 2-м значении ‘постоянно быть среди кого-чего-л.; общаться с кем-л.’.

Таким образом, практически все члены СГ с исходной глагольной основой *аал* имеют значения, унаследованные от него. Значения производных так или иначе связаны друг с другом. Изучение сложных смысловых взаимоотношений членов внутри СГ с вершиной *аал* демонстрирует системный характер языка, основанный на взаимодействии грамматики, лексики и словообразования. Описание СГ отдельных единиц, обладающих разным словообразовательным и семантическим потенциалом, на материале якутского языка является очень перспективным и актуальным исследованием, в частности, для создания словообразовательных, толково-словообразовательных словарей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарылаах улахан тылдытыа: в 15-ти т. / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004. Т.И.
2. Грамматика современного якутского литературного языка: фонетика и морфология. – М.: Наука, 1982.
3. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: ок. 145 000 слов: в 2-х т. М.: Рус. яз., 1985. Т. 1. Словообразовательные гнезда. А – П.
4. Тихонов А.Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка. – М.: Просвещение, 1978.
5. Харитонов Л. Н. Залоговые формы глагола в якутском языке. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1963.

ЭКСПРЕССИВНЫЕ NOMINA PERTINENTIA С НОВЫМИ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫМИ АФФИКСАМИ

Е.И. Коряковцева

*Естественно-гуманитарный университет в г. Седльце,
Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach,
ul. Żytnia, 39, 08-110, Siedlce, Polska*

В статье анализируются русские и польские *nomina pertinentia* – медийные окказионализмы, образованные с помощью интернациональных аффиксальных терминоэлементов. Их появление отражает усиление тенденций к аналитизму, интернационализации и экспрессивизации в русском и польском языках.

Ключевые слова: медийные окказионализмы, словообразовательная активность, аффиксоиды, терминоэлементы.

EXPRESSIVE NOMINA PERTINENTIA WITH NEW INTERNATIONAL AFFIXES

Е.И. Koryakovtseva

*Siedlce University of Natural Sciences and Humanities,
Zhytnya str., 39, Siedlice, Poland, 08 – 110*

The present article deals with the structural and semantic diversity of Slavic mass media occasionalisms which have semi-affixes in their structure. The author shows that the semi-affixes suggest the amplification of lexical units and strengthening of analytical, international and expressive tendencies in modern Russian and Polish.

Keywords: mass media occasionalisms, nomination activity, semi-affixes, terms.

1. Развитие современных славянских языков характеризуется интеграцией, интернационализацией, интеллектуализацией языковых проявлений (ср.: [2, с. 280]), а также экспрессивностью, которая стала одной из важнейших движущих сил языковой эволюции в связи с глобальным снижением и «экспрессивизацией» официальной коммуникации и публичного общения, обусловленной ори-

ентацией говорящего сообщества на звучащую речь средств массовой информации. Экспрессивность, т.е. эмоциональное восприятие действительности и стремление передать его реципиенту, способствует созданию новых языковых средств ёмкой передачи мыслей и чувств – стилистических, лексических, словообразовательных.

Создание новых экспрессивных словообразовательных средств, а также изменение семантики и прагматико-стилистических свойств уже существующих морфем происходит при сознательном словотворчестве. В этой связи в качестве материала исследования в данной статье были избраны экспрессивные окказионализмы, созданные активными рефлектирующими языковыми личностями – российскими и польскими журналистами, а также читателями общероссийских и польских газет, имеющих свои сайты в Интернете⁴. Выбор источников языкового материала основывался на их доступности, популярности, социально-политической направленности и обращенности к массовой аудитории.

Приступая к анализу, мы исходили из того, что экспрессивные окказионализмы, появляющиеся в российских и польских медиатекстах, представляют собой речевую реализацию нереализованных языком возможностей, заложенных в самой его системе. С помощью окказионального словообразования создаются новые классы слов, объединённых по формально-структурным и семантическим признакам, а также по экспрессивно-эмоциональной окраске. Средствами же словообразования можно выразить: 1) собственно эмоциональную стилистическую окраску, связанную с субъективной оценкой (передачу разной степени интенсивности,

⁴ Источником языкового материала были сайты русского и польского Интернета. Диапазон дат поиска: с 1 января 2010 г. по 25 мая 2012 года. Был осуществлен запрос по полям, в основном, следующих источников (центральных газет и сайтов): «Границы.РУ», «Завтра», «Известия», «ИноСМИ», «Коммерсантъ», «Московский комсомолец», «Независимая газета», «Новая газета», «Новые Известия», «Новый регион», «Политобоз», «Российская газета», „Rzeczpospolita”, «Waronline.org», www.apn.ru pravda.ru, vremya.ru, stringer.ru, livejournal.com, Forum.gazeta.pl, Parodist.net, www.anekdot.ru, zgrad.net, rp.pl, pardon.pl, salon24.pl, republika.pl, wiadomosci.onet.pl, www.wprost.pl

преувеличение или смягчение, позитивную, мелиоративную или негативную, уничижительную оценку); 2) т.н. «социальную стилистическую окраску», обусловленную способностью экспрессивных фактов вызвать представление о той или иной "среде" или обстановке, обстоятельствах, где они употребляются наиболее естественно и часто [1, с. 3].

2. При экспрессивном окказиональном словоиздании необычная комбинаторика ведет к изменению прагматико-стилистических свойств и модификации значения аффиксальных морфем. Пример тому – интернациональные аффиксоидные терминоэлементы греко-латинского происхождения, используемые при словоиздании экспрессивных медийных окказионализмов. Существует множество трактовок термина «аффиксоид», поэтому, предваряя анализ языкового материала, считаем необходимым пояснить свою позицию в отношении этого термина.

Вслед за Н.А. Янко-Триницкой считаем, что аффиксоиды – это «былие корневые морфемы, конкретические по месту и роли в слове, которые утратили свою мотивационную роль в семантике слова и получили признаки служебных морфем» [10, с. 356]. Занимая промежуточное положение между компонентами сложения и аффиксами, аффиксоиды характеризуются меньшей, чем аффиксы, степенью обобщения. С помощью аффиксоидов создаются такие номинации, в которых четко прослеживается зависимость между структурой деривата и его значением, поскольку семантика аффиксоида, осуществляющего функцию субкатегоризации словообразовательного значения, включает указание на определенное терминологическое поле (см. [8]).

При комплексной оценке морфемного статуса структурных элементов переходного типа учитывается ряд взаимодополняющих критерииев, а именно: 1) повторение структурного компонента в большом количестве единиц (от 20 единиц и более); 2) способность участвовать в создании новых слов, сочетаясь с основами разного происхождения; 3) изменение значения аффиксоида по сравнению с семантикой самостоятельного слова, приобретение аффиксоидом отвлеченного, словообразовательного значения. На основании дистрибутивного критерия (положение в слове) среди аффиксоидов выделяются префиксoids и суффиксоиды (см. [2; 7; 8]).

3. Современное журналистское словотворчество способствует качественным изменениям валентных связей ряда терминологических аффиксов и аффиксоидов, их прагматико-стилистических свойств. Расширяется сфера использования терминоэлементов: выходя за пределы терминологической подсистемы языка, они подвергаются процессу детерминологизации и приобретают новые коннотативные значения. Пример тому – русские и польские междийные окказионализмы, экспрессивность которых обусловлена необычным прагматико-стилистическим использованием терминологических аффиксоидов греко-латинского происхождения, их ненормативной комбинаторикой. Так, словообразовательную активность проявляет структурный компонент *-авр* (из греч. *σαῖρος* ‘ящер’), выделившийся на русской почве из состава сложных слов – названий ископаемых рептилий (ср. анкило-авр, апатозавр, брахиозавр, бронтозавр, гадрозавр, дасплетозавр, динозавр, лесотозавр, мегалозавр, стегозавр, тарбозавр, тираннозавр, целурозавр и др.). С помощью структурного компонента *-авр*, употребляемого в измененном, метафорическом значении ‘отсталый, примитивно мыслящий человек’, журналисты и посетители интернет-форумов общероссийских газет образовали следующие пейоративные названия сторонников политических деятелей и политических партий: *ельцинозавр* (← Ельцин, первый президент РФ), *зюганозавр* (← Зюганов, председатель Коммунистической партии Российской Федерации), *жириинозавр* (← Жириновский, председатель Либерально-демократической партии России), *ЛДПРозавр* (← ЛДПР =Либерально-демократическая партия России), *праводелозавр* (← партия «Правое дело»), *путинозавр* (Путин, президент Российской Федерации), *яблокозавр* (← Российская объединённая демократическая партия «Яблоко»).

Структурный компонент *-авр* активно используется также при создании инвектив, обозначающих недостатки умственного развития и внешности человека, его асоциальное поведение, отрицательные черты характера, ср.: *быдлозавр* ‘примитивный человек, не имеющий моральных принципов’, *глупозавр* ‘глупый человек’, *дерымозавр* ‘подлый, гнусный человек’, *дурозавр* ‘очень глупый человек’, *жирнозавр* ‘очень толстый человек’, *колхозавр* ‘умственно ограниченный человек из района, деревни, села’, *лохозавр* ‘глупый, наивно-доверчивый человек’, *психозавр* ‘психически не-

нормальный человек', *толстозавр* 'толстый человек', *тупозавр* 'тупой, примитивный человек', *хамозавр* 'примитивный хам', *шизозавр* 'психически ненормальный, деградировавший человек', *шлюхозавр* 'развратный мужчина' и др.

Изофонный структурный компонент *-zaur* в метафорическом значении 'отсталый, примитивно мыслящий человек' был использован в польских медиатекстах для создания единичных пейоративных *nomina pertinentia*, обозначающих сторонников общественного деятеля, названного мотивирующим словом: *kaczkozaur* (\leftarrow *Kaczka* \leftarrow *Kaczyński* – прозвище Я. Качиньского, председателя партии «Право и справедливость»), *lepperozaur* (\leftarrow *Lepper* – Леппер, председатель партии «Самооборона»), *rydzkozaur* (\leftarrow *Rydzyk* – Рыдзик, директор радиостанции «Мария»), *tuskoczaur* (\leftarrow *Tusk* – Туск, премьер-министр Польши // www.polskaprasa2.pl; «Ten sejmowy *kaczkozaur* jest taki rozdrażniony» // wiadomosci.onet.pl

4. Пейоративные названия сторонников государственных и политических деятелей образуются в текстах российских и польских СМИ также с помощью интернациональных формантов *-oid*, *-oid*, которые представляет собой адаптированную основу греческого слова $\varepsilon\tilde{\iota}\delta\sigma$ (*eidos*) [’iðəs] 'вид, образ': *ельциноид* (\leftarrow Ельцин), *жириноид* (\leftarrow Жириновский), *зюганоид* (\leftarrow Зюганов), *медведоид* (\leftarrow Медведев, президент РФ в 2008-2012 гг.), *путиноид* (\leftarrow Путин), *чубайсоид* (\leftarrow Чубайс, российский политический и хозяйственный деятель); *giertychoïd* (\leftarrow *Giertych*, председатель партии «Лига польских семей»), *kaczoroid* (\leftarrow *Kaczor* = *Kaczyński*), *lepperoid* (\leftarrow *Lepper*), *tuskoid* (\leftarrow *Tusk*). Ср. с окказиональными инвективами: *клизоид* (\leftarrow клизма, перенос., ругательное, 'вредный, въедливый человек'), *либероид* (\leftarrow либерал, ругательное название сторонника либеральной политики), *майданоид* (\leftarrow ругательное название сторонника украинской оппозиции, выступившей на Майдане в Киеве), *оранжоид* (ругательное название сторонника т.н. «оранжевой революции»), *шизоид* (ругательное название человека, ведущего себя подобно больному шизофренией; ср. с медицинским термином *кретиноид* 'человек с внешними признаками кретинизма, но без выраженных черт психического недоразвития').

Дериватологи обычно рассматривают структурные элементы *-oid*, *-oid* как суффиксы со словообразовательным значением подобия (см. [5, с. 62]; [12, с. 65]). Следует, однако, заметить, что созданию пейоративных отонимических *nomina pertinentia* на *-oid*, *-oid*, сопутствуют метафорическая мотивация и т.н. «формально-семантическая конденсация», в результате чего появляются окказиональные экспрессивы – семантически нерегулярные дериваты со значением «умственно недоразвитое человекоподобное существо, имеющее сходные свойства с лицом, названным производящей основой». Весьма показательны контексты, в которых происходит дополнительная пейоративизация значений *nomina pertinentia* на *-oid*, *-oid*: «Коммуниаки и жириноиды в Думе...» // gazeta.spb.ru/653064-0/; «На «Эхе Москвы» Сванидзе, путиноид тупой, заявил недавно, что всё, что делается в стране, всё это по желанию народа» // teenslang.su/id/9211; «A że *kaczoroid* wcześniej krytykował poznańskich za to? Drobiazg» // republika.pl; «Pisowiec jest jeszcze człowiekiem. *Tuskoid* już nie» // damasiewicz. salon24.pl/ Ср.: чешск. *zemanoid* ‘сторонник Милоша Земана, социал-демократа, президента Чехии’; хорватск. *tuđmanoid* ‘сторонник Франьо Туджмана, государственного и политического деятеля, президента Хорватии’.

Полагаем, что в соответствии с критериями установления статуса аффиксоида структурные элементы *-oid*, *-oid* следует признать суффиксоидами, так как: 1) структурные элементы *-oid*, *-oid* со значением «умственно недоразвитое человекоподобное существо, имеющее сходные свойства с лицом, названным производящей основой» повторяются в достаточно большом количестве слов различного происхождения; 2) метафорическое значение этих элементов в составе экспрессивных *nomina pertinentia* отличается как от значения исходной греческой корневой морфемы εἴδος (‘вид, образ’), так и от значения «подобие», передаваемого изофонными суффиксами.

5. Пейоративные *nomina pertinentia* в текстах польских СМИ создаются также с помощью интернационального структурного компонента *-oholic*, употребляемого в значении «лицо, испытывающее патологическую зависимость от политических деятелей и партий»: *kaczoroholic* (← *Kaczor*=*Kaczyński*, ‘сторонник Ярослава Качиньского, председателя партии «Право и справедливость»’),

PISoholik ($\leftarrow PIS = \text{Prawo i Sprawiedliwość}$, 'сторонник партии «Право и справедливость»), *tuskoholik* ($\leftarrow Tusk$; 'сторонник Дональда Туска, премьер-министра Польши').

Компонент *-oholic* вычленился из структуры существительного *pracoholik* – кальки американизма *workoholic*, появившегося, по данным «Merriam–Webster Dictionary», в 1968 году (см. [13]). «The American Heritage® Dictionary of the English Language» характеризует компонент *-oholic* как суффикс со значением «лицо, испытывающее патологическую зависимость от чего-либо» ('one that is addicted or compulsively in need of'). С помощью структурного компонента *-oholic* в этом значении уже в польском языке к началу 90-х гг. XX века были созданы личные существительные *mlekoholik*, *naukoholik*, *słodyczoholik*, *sklepoholik*, *spiskoholik*, *zakupoholik*, обозначающие лиц, испытывающих патологическую привязанность к молоку (*mlekoholik*), к науке и учебе (*naukoholik*), к сладостям (*słodyczoholik*), к магазинам (*sklepoholik*), к заговорам (*spiskoholik*), к покупкам (*zakupoholik*) (см. [11, с. 45]). К 10-м годам XXI века словообразовательная база модели с суффиксоидом *-oholic* расширилась за счет «ключевых онимов эпохи».

Несмотря на то, что русскому языку достаточно давно известны личные существительные с изофонным структурным компонентом *-оголик* (алкоголик, сексоголик, трудоголик), этот компонент был использован лишь для пейоративного наименования сторонников президента РФ В.В. Путина, ср.: *путиноголик* («Новый Регион» – сборище путиноголовых, судя по постам»// nr2.ru/Форум/821380.html)

6. Считается, что аффиксоидные терминоэлементы греко-латинского происхождения не подвержены формальной и семантической трансформации (см. [9, с. 124]). Однако анализ показал, что в словотворчестве российских и польских СМИ, а также их реципиентов метафорической пейоративизации подверглись суффиксоиды *-завр/-zaur*, *-оид/-oid*, *-оголик/-oholik*. Отонимические экспрессивные окказионализмы – *nomina pertenentia* –, образованные с их помощью, обладают свойством "сгущения" смыслов и стилистической полифункциональностью, поскольку они выражают не только аффективно-эмоциональную, но и социально-экспрессивную оценку.

По-видимому, семантическая трансформация, а точнее – метафорическая пейоративизация суффиксоидальных терминоэлементов в ходе отонимической деривации в текстах СМИ, связана с общей тенденцией к активизации эмоционально-экспрессивных словообразовательных моделей, в основном – несущих в себе отрицательное оценочное значение (ср. [4]).

Появление отонимических экспрессивных окказионализмов пейоративных названий сторонников политических деятелей, достаточно высокая частота их употребления в медийных текстах обусловлены усилением тенденций антропоцентризма, повышенной степенью эмоционально-волевого состояния социума, его терпимостью к вульгарному и бранному словоупотреблению, разрушением стилистических барьеров, а также стратегией близости к адресату, характерной для большинства российских и польских СМИ⁵.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградова В.Н. Стилистический аспект русского словообразования, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова АН СССР, М., 1984.
2. Ефремова Е.М. Полуаффиксы в составе многокомпонентных слов-композитов в современном английском языке// «Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика», 2011, № 5.
3. Журавлев В.К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции, М., 2004.
4. Костикова О.Ф. Лингвостилистическая специфика русской публистики начала XXI века. Автореферат диссертации канд. филол. наук, М., 2008.
5. Краткая русская грамматика (под ред. Шведовой Н.Ю. и Лопатина В.Б.), Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова АН СССР, М., 1989.

⁵ Оценка языкового состояния рубежа XX-XXI вв. однозначна: это «новый виток вульгаризации литературных языков, нарушение границ до-заполненного в практике обыденной речи». Причину снижения порога восприимчивости и терпимости к бранному словоупотреблению нередко видят в крушении прежних ценностных ориентиров, вызванном имущественным расслоением общества. См. [6, с. 21].

6. Кудинова Т.А. Языковой субстандарт: социолингвистические, лингвокультурологические и лингвопрагматические аспекты интерпретации. Автореферат диссертации доктора филол.наук, Нальчик, 2011.
7. Мешков О.Д. О речевых композитах в современном английском языке // «Иностранные языки в школе», 1981, № 2.
8. Рязанов В.Ю. Особенности синхронных связей словосложения и аффиксации в современном английском языке: Полуаффиксация как один из путей их взаимодействия. Автореферат диссертации канд. филол. наук, М., 2000.
9. Стоянова И. Ф. Аффиксоидация как способ образования английских медицинских терминов// «Актуальные вопросы современной науки», Таганрог, 2009.
10. Янко-Триницкая Н.А. Словообразование в современном русском языке, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, М., 2001.
11. Kreja B. Mówię, więc jestem. Rozmowy o współczesnej polszczyźnie, Gdańsk 2000, t. 1.
12. Waszakowa K. Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego. Rzeczowniki sufiksalne obce, Warszawa, 1994.
13. Wyrwas K. Rywingate i pracoholik – derywaty sufiksalne czy złożenia? – [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://www.poradniajazykowa.us.edu.pl/artykuly/KW_rywingate.pdf

СЛОВАРИ

Merriam–Webster Dictionary – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.m-w.com

The American Heritage® Dictionary of the English Language. Fourth Edition. Houghton Mifflin Company 2000 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.bartleby.com

ОСВОЕНИЕ РЕБЕНКОМ ПЕРВИЧНОГО ДЕЙКСИСА

С.В. Краснощекова

*Институт лингвистических исследований РАН
Тучков пер., 9. Санкт-Петербург, Россия, 199053*

В работе рассматривается процесс освоения русскоязычным ребенком персонального и локативного типов первичного дейкса. Значительную роль здесь играют когнитивные представления о зонах личной и пространственной близости и дальности, а также область притяжательности в широком смысле.

Ключевые слова: дейксис, локативность, местоимения, освоение языка, персональность.

ACQUISITION OF PRIMARY DEIXIS BY RUSSIAN-SPEAKING CHILDREN

S. Krasnoshchekova

*Institution of Linguistic Research, Russian Academy of Sciences
Tuchkov per., 9. Saint-Petersburg, Russia, 199053*

The object of the article is acquisition of personal and locative types of primary deixis by Russian-speaking children. It is shown that cognitive ideas of personal and locative proximity zones as well as possessiveness in general sense play a significant role in this process.

Keywords: deixis, language acquisition, locativity, personality, pronouns.

1. Введение. Понятие о дейксе. Классификация типов дейкса

Под дейкском (указанием) обычно понимается такое языковое явление, при котором правильно соотнести языковую единицу и референт можно только при обращении к ситуации, в которой было произнесено высказывание. Координатами речевого акта, имеющими значение при дейксе, являются его место, время и участники. Комплекс этих характеристик принято называть «дейк-

тическим центром» или «точкой отсчета» (Я, ЗДЕСЬ, СЕЙЧАС). В зависимости от того, какая дейктическая координата играет более важную роль при конкретному дейктическому средстве, дейксис принято делить на три основных типа: персональный (личный), локативный (пространственный) и темпоральный (временной) [5]. Иногда как отдельный тип рассматривают предметный дейксис (непосредственное указание на предмет внешнего мира).

Разделение дейкса (по другой терминологии – референции вообще [1]) на собственно дейксис (первичный дейксис, указание) и анафору (вторичный дейксис) представляет собой вторую классификацию. В данной работе анафора не рассматривается. Основное внимание направлено на центральные типы, характерные для местоименного дейкса, – персональный и локативный. Предметный дейксис описывается как подтип пространственного.

2. Средства первичного дейкса в русском языке

В русском языке к области персонального дейкса относятся из лексических единиц личные и лично-притяжательные местоимения, из грамматических – категория глагольного лица. К области локативного дейкса принадлежат указательные местоимения и наречия, а также некоторые предлоги и наречия, обозначающие пространственные отношения («недалеко»). Область темпорального дейкса включает весь спектр глагольных категорий, имеющих отношение к темпоральности (глагольное время, временной порядок, и т.д.), и близкие к местоимениям темпоральные наречия («потом», «сегодня», «сейчас»).

Здесь мы рассматриваем в основном вербальные лексические дейктические средства – личные и притяжательные (персональный дейксис) и указательные (локативный дейксис) местоимения.

3. Материал

Нами использованы материалы лонгитюдных наблюдений – расшифровки аудио- и видеозаписей в формате CHILDES и родительские дневники из Фонда данных детской речи РГПУ им. А.И. Герцена и Интернет-базы CHILDES. Родительские дневники позволяют зафиксировать момент, когда интересующая нас лексема или словоформа используется ребенком впервые: родите-

ли отмечают заслуживающие внимания явления в речи ребенка. С другой стороны, родительские дневники нередко не дают полной картины употребления местоимений: короткие и частотные местоимения (*он*, *я*) зачастую не замечаются. Расшифровки записей, в свою очередь, позволяют составить представление о состоянии языковой системы ребенка в определенный момент времени. Лонгитюдные данные обоих типов дают возможность проследить динамику освоения языка.

К сожалению, на данный момент корпусов детской речи недостаточно, чтобы на их основе делать полноценные статистические выводы. Всего использованы записи речи 18 детей в возрасте от 1;3 до 4 лет, однако относительно полными являются корпусы 5 детей. Нижняя возрастная граница представляет собой возраст появления первых дейктических слов у некоторых детей (локативные наречия «там», «тут»). Верхняя возрастная граница поставлена искусственно и зависит от экстралингвистических причин (объем корпусов записей). Тем не менее, можно утверждать, что к 4 годам система местоимений приближается к «взрослой»: высказывания детей с местоимениями воспринимаются взрослым как регулярные.

Материал насчитывает 6300 контекстов с личными, притяжательными указательными местоимениями. Из них учитываются только неанафорические употребления: если исключить контексты с анафорическим «он» и указательными словами, материал сокращается до 5400 контекстов.

Для удобства обработки материала и представления результатов принято было выделить несколько возрастных этапов: первый этап – от появления первых местоимений до 2 лет; второй этап – от 2 до 2;6 лет; третий этап – от 2;6 до 3 лет, четвертый этап – после 3 лет. Деление третьего года жизни на две половины имеет свои основания: в этом возрасте местоименная система развивается особенно бурно, возникают новые местоимения, осваиваются новые функции и значения, местоимения становятся крайне частотными. Возраст 2;4–2;6 лет можно назвать периодом «местоименного взрыва», по аналогии с «лексическим взрывом», который обычно происходит в возрасте 2 лет.

4. Особенности освоения персонального дейкса

Первые средства персонального дейкса – личные формы глагола – появляются в речи ребенка еще до 2 лет. На самых ранних этапах формы используются заморожено; в дальнейшем, при появлении парадигмы, состоящей по крайней мере из двух членов, можно говорить об осознанном использовании форм. Что касается лексических средств, то, хотя возраст возникновения первых местоимений у большинства детей колеблется в рамках 1;7–2;1, порядок, в котором осваиваются местоимения, может различаться. Согласно исследованиям Г.Р. Добровой, для русскоязычных детей характерен или порядок «первое – второе – третье лицо», или «третье – первое – второе» [4].

В нашем материале местоимение «я» впервые как самостоятельное употребление (не цитата и не повтор за взрослым) зафиксировано в возрасте 1;9; «он» – 1;11; «ты» – 2;0; «мы» – 2;1; «вы» – 2;5; то есть единственное число в целом появляется раньше множественного, причем местоимение «вы» как прагматически менее важное осваивается намного позже других. Притяжательные местоимения 1 и 2 лица осваиваются одновременно с их личными парами, местоимения 3 лица возникает на несколько месяцев позже. Что касается распределения по возрастным этапам, то с возрастом растет процент «ты» и «вы» и снижается процент «я» и «мы». Количество «он» становится больше в возрасте 2;4–2;6 и в дальнейшем держится на одном уровне. Освоение персонального дейкса связано с развитием когнитивных механизмов ребенка: языковые данные показывают, как от полностью эгоцентрической стадии (примат 1 лица) он переходит к стадии, на которой обращается внимание на собеседника (рост числа местоимений 2 лица).

Существует несколько частных проблем, связанных с освоением персонального дейкса.

а) *Недейктическое употребление дейктических средств.* Известно, что на ранних этапах развития местоименной системы дети зачастую неверно используют местоимения, смешивая лица. Это свидетельствует о недостаточном освоении дейктических представлений. Так, практически универсальна ситуация, при которой ребенок на определенной стадии апеллирует к себе личным

именем и, если эта стадия затягивается, местоимением «он». Некоторые дети говорят о себе «ты»; других смешиваний такого рода не обнаружено. Г.Р. Доброда связывает это явление с тремя стадиями в освоении личных местоимений, которые последовательно проходит каждый ребенок. На первой стадии ребенок не осознает дейксиса как такового, хотя и может употреблять, говоря о себе, «я», и понимать обращенное к нему «ты». Затем «наступает эгоцентрическая стадия», и ребенок начинает либо заменять местоимение существительным, либо использовать местоимение недейктически, то есть называет «я» только себя, но не понимает его у других, «ты» называет только маму и т.д. Наконец, после этой стадии дейксис осознается, и личные местоимения усваиваются. Такие же этапы ребенок проходит и при освоении терминов родства [4, с. 444-446].

б) *Референциальные варианты местоимений.* Если не учитывать местоимения 3 лица, которые сближаются с указательными, то в русском языке референциальные варианты существуют лишь у местоимений «мы» (инклузивное и эксклюзивное «мы») и «вы» («вы» как «адресаты» и «вы» как «адресат и третий участник»). Известно, что у ребенка эксклюзивное «мы» возникает позже инклузивного. Местоимение «вы», развивается по подобной схеме: первым появляется «вы-адресаты», затем – «адресаты и они» [7, с. 219-220]. На основании нашего материала представляется возможным расширить список дейктических вариантов местоимений «мы» и «вы». Так, для инклузивного «мы» выделяются следующие варианты: строго инклузивное «мы» (обозначает совместную с собеседником деятельность); нестрого инклузивное «мы», которое в свою очередь выступает в двух вариантах – первый, при котором собеседник включен в действие, но не участвует непосредственно (например, мама наблюдает за игрой), и второй, при котором говорящий включен в действие, но не участвует непосредственно. Подобное употребление можно обнаружить в речи матери, обращенной к ребенку. Другие варианты: «мы» используется в значении «я»; «мы» обозначает «личное пространство», «наш дом». Также выделяется эксклюзивное «мы», которое используется в основном в игровых ситуациях, и «анафорическое» «мы» при передаче прямой речи (см. ниже, глава об анафоре). Для «вы», кроме инклузивного и эксклюзивного, выделяется также

игровое-вежливое: в игре ребенок отрабатывает конструкции с вежливым обращением к собеседнику. Инклузивность-эксклюзивность в «мы» и «вы» осваивается от первого лица к третьему: после референции только к себе и собеседнику наступает этап, когда появляется референция к третьему участнику. При этом самостоятельное «он» начинает употребляться относительно рано, позже «я» и инклузивного «мы», но раньше «вы»; возраст появления «он» относительно «ты» и эксклюзивного «мы» варьирует.

Референциальные варианты притяжательных местоимений отражают виды семантической связи существительного и зависимого от него местоимения. В [8] они названы «лексико-релятивными вариантами»: целое + часть: «моя нога»; посессор + собственность: моя книга; посессор + родство/ совместная деятельность: моя мать, мой коллега; посессор + сфера: мое детство; носитель признака + признак: его цвет; субъект + ситуация: его влияние; объект + действие: его увольнение. Из этих вариантов в речи детей до 4 лет возможны только посессор + собственность, целое + часть и посессор + родство. Первые варианты притяжательных местоимений связаны с зоной персонального, особенно с зоной «я». Возможно, более поздние варианты осваиваются на базе более ранних. Абстрактные, обобщенные значения возникают после 4 лет.

в) *Проблема притяжательных местоимений 3 лица.* Система посессивных средств русского языка включает в себя три основных способа: формы родительного падежа, особые адъективные притяжательные «формы» и конструкции с предлогом «у» (*у мамы, у меня*). В речи детей к этому набору добавляются особые «протопадежные» формы типа «мами» и, на ранних этапах, замороженные формы, совпадающие с формами именительного падежа.

При появлении первых притяжательных средств вся информация, относящаяся к посессору-третьему лицу, выражается полнозначными именами – существительными или притяжательными прилагательными. У местоимений 1 и 2 лица уже существуют притяжательные варианты. С появлением анафорического местоимения «он» и его косвенных форм конструкция «у него» занимает свое место в системе. Затем ребенок начинает вычленять из речи взрослых собственно притяжательные местоимения типа *его*,

которые могут быть осознаны и как адъективные формы, и как формы родительного падежа. Двойственность немного замедляет процесс встраивания форм в систему: вероятно, в языках, где притяжательные местоимения омонимичны косвенным формам личных, необходимость разграничивать формы и вычленять отдельные значения представляет для ребенка дополнительную сложность. Затем местоимения 3 лица отождествляются по значению с местоимениями типа «мой» и воспринимаются как (адъективная) притяжательная форма. Наконец, формы типа его осмысляются как формы родительного падежа. Вслед за этим у ребенка возникает и родительный падеж существительного в посессивном значении: местоимения «тянут за собой» существительные.

5. Особенности освоения локативного дейксиса

Из средств локативного дейксиса первыми в речи детей возникают наречия «там» и «тут» (в нашем материале зафиксированы в возрасте 1;5). У некоторых детей они появляются еще на этапе голофраз, однако в основном это происходит на этапе двусловных высказываний. Локативные наречия осваиваются раньше прочих, вероятно, из-за фонетической простоты, грамматической неизменяемости и семантической однозначности; ребенку несложно вычленять их из инпута, хранить в памяти и воспроизводить. За ними следует местоимение «этот» в замороженном варианте «это» и частица «вот» (1;7-1;9), затем начинают употребляться косвенные формы «этот» и местоимения «такой» и «так» (около 2;0). Парное к «этот» местоимение «тот» появляется через несколько месяцев, ближе к 2;5-2;6. Что касается распределения по возрастным этапам, то с возрастом уменьшается процент местоимений группы «это» и растет число слов группы «такой»; количество локативных наречий остается в процентном соотношении примерно одинаковым.

Если принимать во внимание и невербальные дейктические средства, то первым возникает указательный жест. На втором году жизни ребенок начинает сочетать жесты с полнозначными словами, что предвещает переход к двусловным высказываниям. В дальнейшем указательные вербальные единицы продолжают совмещаться с указательными («этот», «там», «вот») и описательными «такой», «так») жестами.

В [6] к освоению локативного и темпорального дейксиса применяется схема стадий, предложенная для персонального дейкса Г.Р. Добровой (недейктическая – эгоцентрическая – дейктическая стадия), и наш материал позволяет согласиться с такой трактовкой.

Оппозиция «близость/дальность» с локативными наречиями и с местоимениями группы ЭТО усваивается по-разному. Ребенок рано усваивает противопоставление на материале локативных наречий, которые почти сразу после появления начинают противопоставляться по близости/дальноти, и ребенок регулярно употребляет и «там», и «здесь». Для местоимений группы «этот» оппозиция усваивается не так быстро. Между появлением местоимений «этот» и « тот» у некоторых детей может пройти до года, к тому же « тот» употребляется во много раз реже, чем парное «близкое» местоимение. Первые « тот» используются недейктически, в значении «нужный», «подходящий». Отношение близости/дальноти между « тот» и «этот» устанавливаются только к трем годам. Можно предположить, что на ранних этапах развития речи ребенок обходится одним средством указания на близость/дальность – локативными наречиями, и другие средства воспринимаются как избыточные, причем «этот» используется как универсальное указательное местоимение безотносительно к близости/дальноти. С появлением « тот» установившиеся отношения переносятся с локативных наречий на местоимения группы «этот».

Если говорить о когнитивной значимости, то с одной стороны, для ребенка больше важна «дальность», так как это значение невозможно оставить невыраженным. Отсюда следует раннее появление и высокая частотность «там» и «туда». С другой стороны, для ребенка важна «близость», так как основная часть коммуникативных ситуаций связана только с дейктическим центром. Отсюда следует большее количество средств для выражения значения близости («этот», «здесь», «тут», «вот»).

6. Заключение. Личная близость, пространственная близость и притяжательность

Процесс освоения первичного дейкса тесно связан с развитием когнитивных представлений о дейктическом центре и о зонах близости и дальности. Универсальным для большинства

дейктических средств можно считать принцип, при которым первыми возникают в речи и чаще используются единицы, имеющие отношение к зоне близости в широком понимании. Так, в области персональности 1 лицо превалирует над 2 и 3 по количеству употреблений; 1 и 2 лицо стоят выше 3 по возрасту появления притяжательных единиц. В области пространственного дейксиса четко противопоставлены изменяемые указательные местоимения «этот» и «тот»: хотя возможно, что пространственная оппозиция вначале для них не актуальна, и ребенок разводит их по другим параметрам, сема «близости» все же очевидно присутствует в «этот»: дети не используют местоимение при указании на дальние предметы.

В терминах функциональной грамматики [2; 3], «я» и «мой» в языковом сознании ребенка образуют ядро поля персональности, «этот», «тут» и «там» – ядро поля локативности; другие местоимения расположены на разном расстоянии от ядра; самые поздние и редкие местоимения («тот») выносятся на периферию, то есть для ребенка ядерными являются пространственная и личная близость. Пространственная и личная дальность лежат не в центре поля, но, вероятно, и не на самой периферии.

В речи маленького ребенка коррелируют грамматическая притяжательность и личная близость: «притяжательные» формы (собственно притяжательные местоимения, формы дательного и родительного падежа) тяготеют к «близко-личным» местоимениям. При этом пространственно-близкие местоимения не обнаруживают связи с грамматической притяжательностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. – М.: Наука, 1976.
2. Бондарко А.В. (отв. ред.) Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. – СПб.: Наука, 1991.
3. Бондарко А.В. (отв. ред.). Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. – СПб.: Наука, 1996.
4. Доброда Г.Р. Онтогенез персонального дейксиса (личные местоимения и термины родства). – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003.

5. Кибрик А.А. Об анафоре, дейксисе и их соотношении// Разработка и применение лингвистических процессов. – Новосибирск: ВЦ СО АН СССР, 1983. С.107-129.
6. Королев В.Д. Стадии освоения детьми средств выражения локативного и темпорального дейксиса // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2011. №131. С. 222-226.
7. Мурыгина З.М. Дейктические значения личных местоимений «мы», «вы» в русском языке// Язык и человек. – М: МГУ, 1970. С. 218-229.
8. Селиванова Е.А. Функционально-семантическая характеристика притяжательности в русском языке: местоимение как ядерный компонент // Русское языкознание. 1987. Вып. 15. С. 109-115.

КОНВЕРСИВНАЯ ВАРИАНТНОСТЬ ПРОПОЗИТИВНЫХ ИНВАРИАНТОВ

Н.Д. Кручинкина

*Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва
ул. Большевистская, 68, Саранск, Россия, 430005*

В статье рассмотрен пропозитивный ракурс конверсии. Пропозитивное проявление конверсии как вариантовой репрезентации пропозитивных инвариантов представлено с функциональной, позиционной, деривационной по отношению к исходному пропозитивному инвариантам.

Ключевые слова: инвариант, вариант, пропозитивный конверсив, исходное предложение, языковое сознание, языковая личность.

CONVERSIVE VARIANCE OF PROPOSITIONAL INVARIANTS

N.D. Kruchinkina

*Mordovia State University n.a. N.P. Ogarev
Bolshevistskaya str., 68, Saransk, Russia, 430005*

The article describes a propositional angle of conversion. Propositional manifestation of conversion as a variant representation of propositional invariants is presented from functional, positional, derivational viewpoints with respect to a propositional invariant.

Keywords: invariant, variant, propositional conversion, the original proposal, linguistic consciousness, linguistic person.

Понятие варианта в рамках категориального инварианта является одним из базовых понятий системной интерпретации языка. Языковая система имеет многоуровневый характер, поэтому ее точнее назвать системой систем. Такое многомерное системное стереометрическое образование в настоящее время в лингвистических описаниях дополняется еще когнитивно-концептуальным прецедентом существования языка и его «производящей основой» – экстралингвистическим субстратом.

Языковая деятельность, в которой в рамках коммуникативного акта представлен номинатор (говорящий), точкой отсчета избирается содержательная сущность явления, факта, события с тем, чтобы выбрать наиболее адекватные способы и средства их речевой презентации. Номинатор в зависимости от различных лингвистических и экстралингвистических причин выбирает тот или иной способ выражения отражаемого категориального содержания. При этом в его языковой компетенции, его языковом сознании содержится инвариант выражения того категориального содержания, которое он намеревается означивать в том или ином варианте парадигмы означающих инварианта.

Лингвисты вкладывают разное понимание в термин *инвариант* [6]. Однако при любой интерпретации данного понятия есть общность понимания того факта, что без обращения к инвариантной репрезентации того или иного категориального значения невозможно выявить парадигму вариантовых выражений описываемых категорий и описать конкретные варианты. В противном случае возникает опасность, о которой говорит, в частности, Н.В. Перцов, когда заявляет, что отдельное исследование вариантов без обращения к отправной точке заведет ученого в дебри [11, с. 14].

Нет сомнения в том, что в каждой из вариантовых реализаций инварианта категориального значения, при обязательном сохранении базового содержательного признака инварианта эксплицитно или имплицитно реализуется один или несколько из набора признаков, включенных в концептуальную структуру означаемого инварианта парадигмы. Определение принадлежности того или ино-

го речевого выражения к определенному инварианту должно быть связано с пониманием системности как языка в целом, так и его подсистем.

Пропозитивные образования, которые мы в наших исследованиях анализируем как означающие пропозитивных номинантов экстралингвистических событий реальной действительности, в еще большей степени, чем, например, лексические знаки связаны с pragматикой восприятия, интерпретации и языковой репрезентации событийной действительности. Пропозитивный знак как номинативная категория и как номинативная единица этой категории имеет мотивированный характер: его концептуальная (семантическая) структура в инварианте функционально непременно повторяет функциональную содержательную структуру отношений конституентов событий, отражаемых сознанием языковой личности. В этом плане будет уместным сослаться на Г.А. Золотову, которая прямо отмечает связь характера языковой репрезентации с ее структурированием в сознании языковой личности: «структуре ситуации, ее членение мы представляем лишь так, как она отражена в нашем языковом сознании» [4, с. 17].

Языковое сознание это всего лишь метонимический образ самой познающей языковой личности. Поэтому когда лингвисты указывают на процессуальную сторону деятельности языкового сознания, это является и указанием на роль самого познающего субъекта в восприятии явлений, фактов, событий и, соответственно, в их систематизации в сознании. Так как мышление в процессах восприятия, концептуализации воспринятого является непосредственным атрибутом языковой личности, на наш взгляд, следует говорить не просто об участии мышления, отчужденного от человека, но говорить о языковой личности. Г.А. Золотова считает, что в сознании языковой личности при восприятии объективной действительности «как бы создается сеть, упорядочивающая в своих координатах и ячейках представления субъекта об организации и устройстве объекта» [4, с. 18]. В таком же ключе высказывается на этот счет и А.А. Уфимцева, которая акцентирует при этом внимание на языковом результате деятельности сознания. По мнению А.А. Уфимцевой, в ряде случаев «язык как бы набрасывает "сетку понятий", которая, расчленяя объективную действительность, создает языковую картину мира» [12, с. 8].

Языковая личность в качестве говорящего (номинатора) участвует в процессе кодирования внеязыкового содержания в языковых формах, а в качестве реципиента информации и ее интерпретатора – в ее декодировании. Это особенно важно для понимания основ языкового варьирования средств при непрямом, вариантном отражении сознанием реальных «фрагментов» картины мира. Языковую номинацию А.А. Уфимцева определяет как «отношение через знак познающего субъекта к объективной действительности» [12, с. 10].

Так как наше сознание обладает и свойством сравнения, отождествления, то, видимо, поэтому И.П. Распопов, на мнение которого ссылается Г.А. Золотова, считает, что «в конечном счете все лингвисты ... исходят из признания того, что семантическая структура предложения ... изоморфна отражаемой им реальной ситуации» [4, с.17]. К этому можно добавить, что в ином случае отражаемая в языке объективная действительность не позволяла бы языку обладать презентативной функцией.

Отмеченная И.П. Распоповым симметрия между структурой экстравалигвистического субстрата и семантической структурой пропозитивного номинанта наблюдается и в самом пропозитивном номинанте, если он сформирован как инвариант, прототип, повторяющий в сигнификате семантическую структуру отражаемого денотата. Инвариант событийной презентации в пропозитивном выражении характеризуется функциональной, позиционной, лексико-морфологической симметрией как по отношению к отражаемому событию, так и в отношениях между означаемым и означающим в рамках самого пропозитивного номинанта. В инвариантном выражении пропозитивного номинанта с тем или иным функциональным событийным отношением наблюдается также и квантификативное соответствие с событийным субстратом и внутреннее количественное соотношение между конституентами событийного концепта означаемого и синтаксическими конституентами пропозитивного означающего номинанта. Об этом говорит и Г.А. Золотова: «семантика предложения – это прежде всего проблема связи языковой структуры и выражаемого ею внутриязыкового содержания» [4, с.17].

Вариантность представления событий реальной действительности может зависеть от разных причин. В их числе можно

назвать и прецедентный фактор познания – наличие фоновых знаний. К числу причин, объясняющих вариантную репрезентацию инварианта можно отнести и ту, которая обозначена Г.А. Золотовой: «знание человека об объективном мире относительно, поэтому система сложившихся научных представлений всегда остается в той или иной степени несовершенной, не вполне адекватно отражающей систему многоуровневых явлений» [4, с. 18]. Та или иная вариантная выраженность инварианта в конкретном языке зависит также от той парадигмы средств, которыми располагает каждый конкретный язык.

Конверсивный способ вариантного выражения событийного значения относится к числу наиболее частотных, поэтому на него в той или иной мере прямо или опосредованно было обращено внимание разных лингвистов. Ю.Д. Апресян характеризует конверсию в пропозитивных рамках как такое преобразование исходного предложения (инвариантной структуры), которое связано с изменением номеров одноименных валентностей [1, с. 38]. В логике конверсия высказывания определена как соотносимая с переменной мест антецедента (предшествующего члена) и консеквента (последующего члена) [5, с. 256]. Л. Теньер, специально не употребляя этого термина и не рассматривая специально конверсию как специфическое вариантное преобразование, тем не менее невольно затрагивает синтаксические механизмы конверсии, сравнивая такие пары глаголов, которые находятся в определенных логико-семантических отношениях: *tuer–mourir*, *renverser–tomber* [14, с. 240-242]. Мы называем такой уровень конвертирования пропозитивным.

Язык располагает разноуровневыми способами и средствами конвертирования в рамках пропозитивных номинантов. Самым грамматически отрегулированным способом пропозитивного конвертирования является пассивная форма, которая возможна для всех переходных глаголов: *Tout le monde aime cet enfant* → *Cet enfant est aimé de tout le monde*. *Les hôtesses ont offert des cadeaux aux passagers* → *Des cadeaux ont été offerts aux passagers par des hôtesses* [13, с. 87] или →*Des cadeaux aux passagers ont été offerts par des hôtesses*. *On voit cette maison de loin* → *Cette maison est vue de loin*. *On vend ce livre dans toutes les librairies* → *Ce livre est vendu dans toutes les librairies*.

С позиций актуального членения при использовании пассивной формы переходных глаголов происходит изменение тема-рематического фокусирования высказываний. Однако пассивная форма не относится к числу часто употребляемых структур в обыденном речевом узусе. Ее употребление чаще встречается в научном стиле. Другим, хотя и менее регулярным, грамматическим способом, пропозитивного конвертирования является использование прономинальной формы глаголов [13, с. 86-88]: *On voit cette maison de loin → Cette maison se voit de loin. On vend ce livre dans toutes les librairies → Ce livre se vend dans toutes les librairies. On achète tout ici → Tout s'achète ici.*

К наиболее употребительному способу пропозитивного конвертирования в речевом узусе относится использование в роли предикатных реляторов глагольных антонимов: *L'acteur enchante le public → Le public admire l'acteur. La mère envoie la lettre à son fils → Le fils reçoit la lettre de sa mère* [8].

Л.А. Новиков, исследуя лексико-семантическую систему языка и, в частности, посвятив целую книгу лексико-семантическому проявлению антонимии, не мог обойти вниманием ее связь с пропозитивным проявлением антонимии – пропозитивной конверсией. Конверсией он, исходя из этимологии термина, как и Н.И. Кондаков, называет синтагматическую операцию изменения позиций антецедента и консеквента [10, с. 201]. Он исследует такие антонимы в их пропозитивном проявлении и называет их антонимами-конверсивами [10, с. 201-207].

Использование пропозитивной конверсии представляет интерес не только для изучения изменения актуального членения конверсивных высказываний. Интерес представляет и синтагматический аспект отношений между исходным предложением и его пропозитивным конверсивным вариантом. В синтагматической цепи отношений исходный пропозитивный номинант и его пропозитивный конверсив в логико-семантическом плане могут состоять не просто в отношениях грамматической антонимии. Лингвисты отмечают такие пропозитивные пары как пропозитивные синонимы в номинации одного и того же события [2, с. 11; 7, с. 100]. Л.А. Новиков, рассматривая исходное предложение и его конверсив в логическом аспекте, также считает, что «конверсивное суждение называет то же самое отношение (имеет тот же самый

денотат), что и исходное, но взятое в ином направлении, так сказать, с перестановкой мест» [10, с. 201].

В этом случае следует сказать, что пропозитивные пары с конверсивной трансформацией исходных пропозитивных номинантов образуют некий архетип события (см. рис. 1) [9, с. 22]:

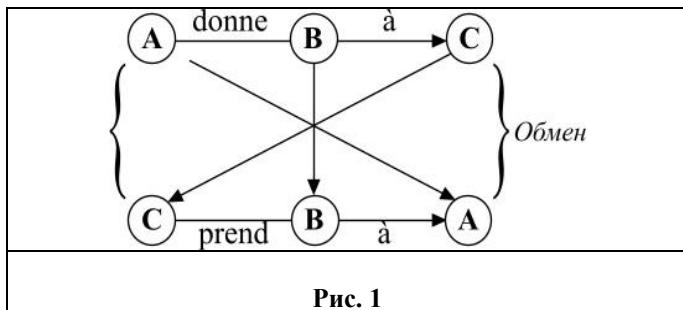

Рис. 1

В нашем случае таким архетипом является адресативный обмен, при котором адресат в реакции на передачу ему адресантом некоего объекта принимает от него этот объект. В пропозитивном выражении в этом ответном событии адресат меняет свою синтагматическую позицию: в синтаксике функциональных отношений он выходит на линейную роль адресанта, а адресант занимает позицию адресата на синтагматической оси отношений конституентов событийного отношения. При этом происходит и смена рематического фокуса события: в рематической позиции вместо адресата оказывается адресант.

Исходное предложение и его конверсивный трансформ содержательно чаще всего находятся в отношениях причинно-следственной зависимости. Однако, эта причинно-следственная связь событий отличается регressiveвой последовательностью. Так, если А продает предмет В для С (*A vend B à C*), то это не значит непременно, что С купит В у А (? *C achète B à A*). Но если в тексте представлен консеквент архетипа этого события, значит имело место событие-антecedент: *C achète B à A = A vend B à C* (См. также рис. 2 [9, с. 23]):

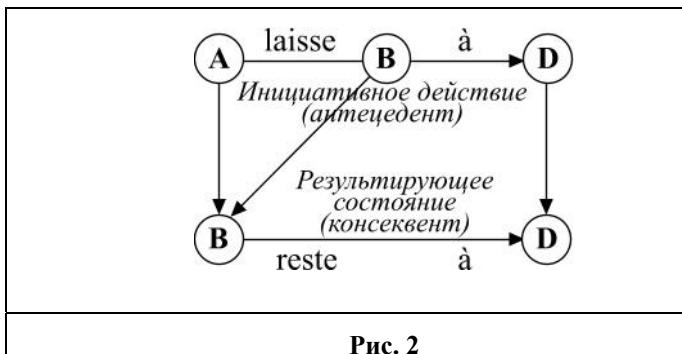

Рис. 2

В равной мере, на наш взгляд, эти две ипостаси одного архетипа события можно рассматривать и как простую последовательность событий, подобно тому, как грамматически подчинительные отношения между событиями по тем или иным внеязыковым причинам можно скрыть за сочинительной по форме синтаксической связью.

В выше представленных случаях реципиенту из фоновых знаний легко представить себе, какой из репрезентантов события является антецедентом, какое, как пропозитивный конверсив, консеквентом. В других парах (*A possède B=B appartient à A*) определить, какой из пропозитивных конституентов логически представляет исходное событие и, соответственно, является производящим, может представлять определенные трудности, так как один и тот же факт представлен с изменением лишь синтаксической функции одного из конституентов в самой пропозитивной репрезентации: *M. Laroche possède cette voiture = Cette voiture appartient à M. Laroche*. В этом случае может помочь аргумент изофункциональности: первый актант *M. Laroche* в пропозитивном номинанте *M. Laroche possède cette voiture* демонстрирует совпадение функции агента действия с функцией инициатора события в событийном субстрате данного пропозитивного номинанта, а объект *voiture* – с функцией объекта отражаемого в номинанте *M. Laroche possède cette voiture* события. На этом основании данный номинант может считаться исходным, а номинант *Cette voiture appartient à M. Laroche* – производным пропозитивным конверсивом. Л.А. Новиков такого рода антоними-конверсивы рассматривает как озна-

чивающие расчлененно этапы одного и того же действия, представленного с точки зрения то одного участника, то другого участника ситуации, «противопоставленных друг другу» [10, с.202].

Во французской лингвистике феномен конверсии впервые был показан Ш. Балли. Говоря об антонимичных значениях глагола *louer* (сдавать внаем) и *louer* (нанимать=снимать), Ш. Балли отмечает, что «эти противоположные значения ассоциируются с именем одного и того же понятия («наем, прием») [3, с. 192]. Значения этих глаголов он именует как «два противоположных значения, выступающих на фоне одного общего понятия» [3, с. 191] и приводит событийное «прочтение» отношения: владелец *loue* – «сдает внаем» квартиру жильцу, который *loue* «нанимает» эту квартиру у владельца. Одновременно он приводит пример еще и существительного-конверсива: по-французски *l'hôte* и «хозяин» и «гость», т.е. «он бывает в одних случаях тем, кто принимает у себя, в других –тем, кто кого принимают» [3, с. 191]. Ученый также приводит примеры антонимии-конверсии, когда определяет случаи грамматической антонимии, когда «субъект может стать предикатом: (*Paul est l'ami de Pierre, Pierre est l'ami de Paul*) или объективным дополнением (*Mon ami est venu me voir. J'ai vu venir mon ami*)» [3, с. 192; спр.: 10, с. 201].

Вариантность конституентов пропозитивных парадигм может быть представлена позиционно: изменением порядка следования участников типовых ситуаций при сохранении синтаксической экспликации всех участников или при синтаксической редукции имени одного из участников: *La mère (1) donne un crayon(2) à sa fille(3)* → *La fille (3) prend le crayon(2) à sa mere(1)*. *On (1) met le criminel (2) en prison (3)* → *Le criminel (2) est en prison (3)*. *L'enfant (1) renverse le vase(2)* → *Le vase(2) tombe*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Т.А., Апресян Ю.Д. Об изучении смысловых связей слов // Иностр. яз. в школе. 1970. № 2. С. 32-43.
2. Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. – М.: Наука, 1967.
3. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1955.

4. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982.
5. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1975.
6. Кручинкина Н.Д. Семантико-грамматический анализ простого предложения в номинативном аспекте. Уч. пособие. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1991.
7. Кручинкина Н.Д. Конверсная трансформация и лексические конверсины // Тез. докл. науч. конф. «Вопросы описания лексико-семантической системы языка»: В 2 ч. – М., 1971. Ч.1. С. 221-224.
8. Кручинкина Н.Д. Интерпретация понятия инварианта в современной лингвистике // Гуманитарные исследования: традиции и инновации: сб. науч. трудов. Вып.2. – Саранск, 2006. С. 49-55.
9. Кручинкина Н.Д. К вопросу о конверсном преобразовании предложений // Проблемы синтаксиса. – М., 1973. С. 96-119.
10. Новиков Л.А. Антонимы в русском языке (Семантический анализ противоположностей в лексике). – М.: Изд-во Москов. ун-та, 1973.
11. Перцов Н.В. Инварианты в русском словоизменении. – М.: Языки русской культуры, 2001.
12. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. – М.: Наука, 1974.
13. Gaatone D. Le passif en français. – Paris, Bruxelles: Duculot, 1998.
14. Tesnière L. Éléments de syntaxe structurale. – Р.: Klincksieck, 1959.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ С СИНКРЕТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКОЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

О.А. Крылова

Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 Москва, Россия

Л.Н. Анипкина

Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 10-а, 117198 Москва, Россия

В статье доказывается наличие особого логико-семантического типа предложений – номинативных восклицательных предложений, совмещающих в себе бытийную и идентифицирующую семантику, из чего

делается вывод о невозможности приписывать синтаксическую семантику структурным схемам, по которым строятся грамматические основы предложений.

Ключевые слова: логико-семантический тип, бытийная и идентифицирующая семантика, номинативные предложения, синкетическая семантика.

SENTENCES WITH SYNCRETIC SEMANTICS IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE

O.A. Krylova

*Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198*

L.N. Anipkina

*Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198*

In the article we prove the presence of a special logical semantic type of some sentences. There in the language may be used the nominative exclamatory sentences which combine existential and identificational semantics. It is impossible to make a conclusion concerning the attribution of syntactic semantics of the structural schemes with the help of which the grammatical structures of sentences are built.

Key words: the logical semantic type, existential and identificational semantics, nominative sentences, syntactic semantic.

В работах Н.Д. Арутюновой и Е.Н. Ширяева, посвященных описанию синтаксической семантики русских предложений, выделяются, как известно, четыре логико-синтаксических типа: 1) экзистенциальные, или бытийные предложения; 2) предложения идентификации; 3) именования и 4) предложения характеризующей семантики [1; 2; 3]. Каждый из этих типов представлен целым рядом разновидностей, которые связаны и с характером референции входящих в их состав имен, и с коммуникативной установкой говорящего, отражающейся в различном актуальном членении тех или иных предложений-высказываний, и с различными ситуациями.

ми, в которых они употребляются, и т. д. Так, например, предложения идентифицирующей семантики употребляются: а) в «ситуации детективного поиска»; например: *Старуху убил Родион Раскольников* [1, с. 291-292]; б) в «ситуации узнавания»: *Aх, витязь, то была Наина!* (Пушкин) [1, с. 296-298]; в) в «ситуации идентификации личности»: *Из числа многих в своем роде сметливых предположений было, наконец, одно, странно даже и сказать: что не есть ли Чичиков переодетый Наполеон* (Гоголь) [1, с. 300].

Наблюдения над односоставными номинативными предложениями (их еще называют назывными) типа *Гроза!*; *Пожар!* позволяют обнаружить явление синкремизма на семантико-синтаксическом уровне и выделить, кроме четырех названных, еще один, особый логико-синтаксический тип предложений, поскольку семантика бытия совмещается в них с семантикой идентификации. Подчеркнем, что речь идет не о семантико-синтаксических разновидностях *внутри одного* логико-синтаксического типа, а именно о *совмещении* двух различных смыслов в названных предложениях и их одновременной отнесенности к двум логико-синтаксическим типам.

Рассмотрим в этом отношении номинативные предложения типа «*Гроза!*».

В «Русской грамматике-80» семантика таких предложений определяется как бытийная: «Семантика схемы – ’существование, наличие предмета или предметно представленного действия, состояния’; предмет (в широком смысле слова) здесь предстает как субъект бытия, существования» [9, с. 358]. При этом утверждается, что номинативные предложения – «один из самых употребительных типов предложений. Этому способствуют их лаконичность, лексическое разнообразие их наполнения (...), а также отсутствие стилистических ограничений: разные семантические типы таких предложений в разных условиях употребительны во всех сферах литературного языка» [9, с. 358]. Анализ номинативных предложений позволяет утверждать, что они далеко не однородны, причем различия не сводятся только к наличию среди них семантических разновидностей (в указанном выше смысле).

Если сравнить номинативные предложения типа (1) *Ночь. Улица. Фонарь. Аптека.* (Блок); Зима. [*Что делать нам в деревне?*] (Пушкин), с одной стороны, и: (2) *Пожар!; Молния!; Волки! –*

с другой, то можно увидеть, что их объединяет только характер грамматической основы (именительный падеж существительного), но ни семантика, ни стилистическая окраска, ни грамматические особенности их не тождественны. Прежде всего обратим внимание на то обстоятельство, что рассматриваемые предложения (типа *Гроза!*) характеризуются стилистической маркированностью: они обладают яркой эмотивно-экспрессивной окраской, оформляются соответствующей интонацией, отражаемой на письме восклицательном знаком, и употребляются или в живой разговорной речи, или в стилизованной разговорной речи в художественных текстах. Например:

(1) [Алешу разбудил протяжный вой ... Вой повторился. Он несся с долины. И тотчас же совсем близко, в ущелье, завыло, завизжало, залаяло ...] «Волки!» (Пермитин) [4].

(2) [Часов в одиннадцать вечера вдруг густо повалил снег, и вслед за тем что-то сверкнуло в небе.] – Молния! – воскликнули стрелки в один голос (Арсеньев). Не случайно А.С. Попов отмечал их «изобразительность, картиность» [10, с. 324], что противоречит приведенному выше утверждению Н.Ю. Шведовой об их стилистической нейтральности. Указанные стилистические различия дополняются и грамматическими: рассматриваемые номинативные предложения лишены синтаксической (модально-временной) парадигмы, они имеют только одну форму: синтаксического настоящего времени синтаксического индикатива. В отличие от них «чисто» бытийные предложения имеют формы не только синтаксического индикатива, но и синтаксических ирреальных наклонений, а в синтаксическом индикативе – и формы различных синтаксических времен; ср.: *Ночь./ Была ночь./ Будет ночь./ Была бы ночь .../ Будь ночь ...* и т. д. Это связано напрямую с синтаксической семантикой анализируемых предложений, которая не может быть определена как однозначно бытийная. Возражая против интерпретации всех номинативных предложений как бытийных, Н.Д. Арутюнова и Е.Н. Ширяев пишут: «Более естественным представляется интерпретировать эти предложения как предложения с таксономическими или идентифицирующими отношениями»; например: «*Мама, смотри! Море!*» – закричала девочка; «ср.: ’то, что перед нами, это море’» [2, с. 50].

По нашему мнению, семантика таких предложений является сложной, синкетической: эти предложения *одновременно передают значение наличия, бытия и служат идентификации предмета* (в широком смысле этого слова), *явления, непосредственно воспринимаемого говорящим в момент речи*. Сообщение о наличии, существовании предмета или явления и его идентификация осуществляются в момент речи как эмоциональная реакция говорящего на восприятие того, что имеет место в действительности «здесь и сейчас». В самом деле: когда говорящий, видя клубы дыма, языки пламени, вырывающиеся из окон здания, возможно, толпу взъерошенных людей рядом, пожарные машины и т.п., восклицает: «*Пожар!*», то этим предложением-высказыванием он одновременно и выражает, что он «узнал» все воспринимаемое им как пожар, и констатирует наличие пожара.

Именно существование таких двух семантических планов в этих предложениях позволяет говорящему в одних случаях актуализировать один смысл из двух, а в других ситуациях – другой. Сравним два номинативных восклицательных предложения, включенных в различные контексты, что позволяет отразить различные ситуации в этих двух случаях:

- (1) [*Вскоре я ясно стал различать качающуюся на волнах разлива живую серую массу птицы.*] – *Гуси!* [Да ведь это же гуси! – выкрикнул я.] (Пермитин).
- (2) – «***Катюша!***» [*Ура! «Катюша» заиграла! – кричала Галка и прыгала по скрипучему крыльцу*] (Полевой).

В первом из вышеприведенных текстов в предложении *Гуси!* Актуализируется идентифицирующая семантика, а во втором – в предложении «*Катюша!*» – бытийная, о чем свидетельствует различный в обоих случаях последующий контекст. Но важно отметить, что без таких различных продолжений в обоих номинативных предложениях семантика синкетическая – идентифицирующая и бытийная одновременно.

С точки зрения актуального членения рассматриваемые предложения являются предложениями с нулевой темой, т.е. это моноремы [7; 6]. Памятуя, что отсутствие знака – тоже знак, т.е. что нуль в парадигме тоже значим, зададимся вопросом: а какова

содержательная характеристика такой нулевой темы? И здесь оказывается, что за отсутствием лексически выраженной темы скрывается различное содержание. В случаях, когда в тексте употреблено номинативное предложение «чисто» бытийной семантики (*Ночь. Улица. Фонарь. Аптека ...*), имеет место, как говорил И.П. Распопов, «непосредственное предицирование» [8, с. 38], т.е. содержание предложения-высказывания (ремы) отнесено к самой действительности. Нулевая тема как исходный пункт, в частности как предмет сообщения, в этом случае и означает наблюдаемую действительность без вычленения каких-либо ее фрагментов и их номинации в качестве исходного пункта высказывания; если бы она была оформлена лексически, то имела бы вид соответствующего детерминанта:^{*} *В действительности есть ночь.* [5, с. 19] Но очевидно, что такие предложения стилистически ущербны, поскольку тема в них избыточна: именно ее отсутствие, ее лексическая непредставленность сигнализирует о таком актуальном членении, при котором предложение имеет констатирующее, общефактическое, коммуникативное значение и бытийную семантику. В случае, когда используется предложение синкетической семантики, появляется возможность интерпретировать нулевую тему как передающую значение не действительности вообще, а как некоторого наблюданного ее фрагмента, что лексически можно оформить с помощью местоименного подлежащего *это*: *Это гуси! Это море! Это «Катюша»!* (Правда, справедливости ради надо сказать, что такая подстановка «переводит» эти предложения в «чисто» идентифицирующие.) Показательно, что аналогичная «подстановка» в «чисто» бытийных предложениях невозможна; сравним: * *Это ночь.* * *Это улица.* * *Это фонарь.* и т.д.

Следовательно, восклицательные номинативные предложения с синкетической семантикой типа *Гроза!;* *Пожар!;* *Море!* Отличаются от бытийных и в плане актуального членения, а именно: имплицитное значение нулевой темы в них различно. Будучи «восстановлены», она принимает в предложениях этих двух типов различную лексико-грамматическую форму.

Проведенный анализ позволяет, как нам кажется, сделать вывод, имеющий существенное методологическое значение для синтаксиса русского языка. Если исследовать простое предложение в различных аспектах, т.е. рассматривать такие стороны его

организации, как 1) структурную (конструктивно-синтаксический аспект), 2) коммуникативную (актуальное членение) и 3) семантико-синтаксическую, – то приходится констатировать возможность асимметричности в отношении этих сторон. Отсюда следует, что синтаксическая семантика может быть, как мы видели, различной у предложений, грамматические основы которых тождественны. Значит, приписывать определенную синтаксическую семантику структурным схемам, как это сделано в «Русской грамматике-80», невозможно: синтаксическая семантика присуща не структурной схеме, а предложению-высказыванию, построенному по этой схеме, имеющему определенное лексическое наполнение, ту или иную стилистическую окраску и определенное актуальное членение, отражающее его коммуникативное назначение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976.
2. Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип: структура и значение. – М.: Русский язык, 1983.
3. Крылова О.А., Максимов Л.Ю., Ширяев Е.Н. Современный русский язык. Теоретический курс. Синтаксис. Пунктуация. – М.: Изд-во РУДН, 1997.
4. Казакова А.С. Структурно-семантические свойства предложений типа «Пожар!» в современном русском языке. – М.: 1984.
5. Крылова О.А. Коммуникативный синтаксис русского языка. – М.: URSS, 2009.
6. Крылова О.А. Понятие нерасчлененного высказывания // Филологические науки, 1983, № 2 – С. 77-80.
7. Леонтьев А.А. Актуальное членение предложения и способы его выражения в русском языке//Теория языка, методы его исследования и преподавания. К 100-летию со дня рождения Л.В. Щербы/Отв. ред. Р.И. Авансов. – Л., 1981.
8. Распопов И.П. Актуальное членение предложения. – Уфа, 1961.
9. Русская грамматика/Под ред. Н.Ю. Шведовой. – Т. II. – М.: «Наука», 1980.
10. Попов А.С. Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка / Под ред. М.В. Панова – М., 1968.

ОСОБЕННОСТИ ДЕФЕКТНОЙ ПАРАДИГМЫ РУССКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ-НАИМЕНОВАНИЙ ОДЕЖДЫ И АКСЕССУАРОВ

О.В. Лазарева

*Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198*

Данная статья посвящена вопросам категориальной семантики числа и представления грамматической категории количества в лингвистике, которая рассматривается как двустороннее единство содержания и формы. Анализируются грамматические формы с дефектной парадигмой с точки зрения выражаемого значения в русском языке, рассматривается омонимия форм числа.

Ключевые слова: грамматическая категория, категория числа, дефектная парадигма, омонимия форм числа.

NOUNS WITH DEFECTIVE INFLECTIONAL PARADIGM IN RUSSIAN MEANING THE NAMES OF CLOTHES AND ACCESSORIES

O.V. Lazareva

*Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198*

This article is devoted to the questions of categorial semantics of number and representing grammatic category of quantity in linguistics. The grammatic category is considered as bilateral unity of the contents and form . The grammatic forms with defective paradigm are analised from the point of the meaning being expressed in Russian. the phenomenon of a homonymy of forms of number is mentioned in the article.

Keywords: the grammatic category, the category of number, defective paradigm, the homonymy of forms of number.

Лексические единицы, обозначающие предметы наименований одежды и аксессуаров, представляют часть словарного состава языка, изменяющуюся под влиянием историко-культурных и лин-

гвистических факторов и представленную разнообразными классами единиц, которые выделяются по тематическим основаниям или на основании экстралингвистических признаков. В таксон «Наименования одежды и аксессуаров» входят лексико-тематические классы, которые объединяют исследуемые единицы по таким признакам, как:

1) гендерный признак одежды и аксессуаров, 2) возрастной признак, 3) способ изготовления, 4) сезон, для которого предназначена одежда и аксессуары, 5) функция назначения и использования в определенной сфере деятельности, 6) стиль одежды, 7) использование предмета одежды для создания костюма, 8) характер кроя, 9) часть тела, на которую надевается одежда или аксессуар [1; 4].

Анализируя лексические единицы, обозначающие предметы наименований одежды и аксессуаров (далее ОиА), следует рассмотреть грамматическое явление pluralia и singularia tantum, к которым относится часть исследуемой лексической группы. А.А. Рейфоматский утверждает, что «особенности слов pluralia и singularia tantum заключаются в том, что они стоят вне грамматической категории числа, но их t' [определения] реагируют на них то в pluralis, то в singularis. <...> Все дело здесь в том, что нет числового противопоставления двух форм. Если есть дрова, сливки, штаны, щи, то нет им противопоставленных грамматически *дрово, сливка, штана, ща, тем самым у слов дрова, сливки, штаны, щи категории числа как несинтаксической категории нет» [7, с. 391–392].

Аналогичной точки зрения придерживались А.А. Зализняк [5], С.Д. Кацнельсон [6], А.В. Бондарко [3] и др. Противоположная точка зрения заключается в следующем: на слова singularia и pluralia tantum распространяется «принцип грамматической обязательности», т.е. каждое имя существительное стоит или в форме единственного, или в форме множественного числа и что с данной формой согласуются числовые формы имен прилагательных, а также глаголов прошедшего времени.

А.В. Бондарко приводит другую дефиницию: « < > на абстрактно-морфологическом уровне грамматическая категория числа есть у всех существительных, а дефектность появляется на уровне функционирования грамматической категории» [3, с. 10].

Исследование А.А. Зализняка приводит к выводу, что систематическое противопоставление форм единственного и множественного числа свойственно совершенно всем именам существительным. При этом, имена существительные *singularia tantum* – это «<...> имена с потенциально полной парадигмой, просто обычно не возникает потребности в обозначении нескольких объектов, называемых по отдельности «лай» или «гордость», или «медь» и т.п.» [5, с. 57]. У исчисляемых имен существительных *pluralia tantum*, таких как *саны*, *брюки* наблюдается явление омонимии форм единственного и множественного числа, например: *одни сани, брюки* (единственное число) / *разные сани, брюки* (множественное число). Неисчисляемые имена существительные *pluralia tantum*, такие как *сливки* действительно употребляются в форме единственного числа, но в то же время они имеют «потенциально полную парадигму» по аналогии с именами *singularia tantum* [5, с. 57].

Существует два важнейших проявления числовой дефектности: 1) формальной или морфологической, и 2) функциональной или семантической. Морфологическая дефектность характеризуется отсутствием грамматических форм с флексиями единственного или множественного числа в парадигме имени существительного, примеры представлены в табл. 1.

Таблица 1
Морфологическая дефектность слов *singularia tantum*
и *pluralia tantum*

падеж	слова с дефектной парадигмой	
	<i>singularia tantum</i>	<i>pluralia tantum</i>
	Единственное число	Множественное число
И.	<i>Бельё</i>	<i>брюки</i>
Р.	<i>Белья</i>	<i>брюк</i>
Д.	<i>Белью</i>	<i>брюкам</i>
В.	<i>Бельё</i>	<i>брюки</i>
Т.	<i>Бельем</i>	<i>брюками</i>
П.	<i>Бельё</i>	<i>брюках</i>

Функциональная дефектность характеризуется тем, что семантика имени «Х» «не допускает сочетания смыслов «один Х» или «несколько Х»». Так, существительное *бельё* является семан-

тически дефектным, а слово *брюки* обладает обоими значениями, например: *одни брюки* ~ *несколько брюк*, которые почти во всех падежах передаются омонимичными формами с флексиями множественного числа. Следовательно, парадигма имени существительного *брюки* является семантически (функционально) полной. Аналогичной является парадигма «несклоняемых» имен существительных, которая заполнена внешне омонимичными формами, представленными в табл. 2.

Таблица 2

**Семантически полная парадигма существительного *брюки*
и несклоняемого имени *пальто* [5, с. 29]**

падеж	«один X»	«несколько X»	«один X»	«несколько X»
И.	<i>брюки</i>	<i>Брюк</i>	<i>пальто</i>	<i>пальто</i>
Р.	<i>брюк</i>	<i>Брюк</i>	<i>пальто</i>	<i>пальто</i>
Д.	<i>брюкам</i>	<i>Брюкам</i>	<i>пальто</i>	<i>пальто</i>
В.	<i>брюки</i>	<i>Брюк</i>	<i>пальто</i>	<i>пальто</i>
Т.	<i>брюками</i>	<i>Брюками</i>	<i>пальто</i>	<i>пальто</i>
П.	<i>брюках</i>	<i>Брюках</i>	<i>пальто</i>	<i>пальто</i>

Числовая парадигма имен существительных *обноски/лохмотья* является функционально дефектной. Отличие парадигмы имен существительных *обноски/лохмотья* от парадигмы слова *бельё* состоит в том, что она содержит только формы множественного числа (табл. 3).

Таблица 3

**Функционально дефектные парадигмы имен существительных
бельё и *обноски/лохмотья***

падеж	«X» (формы ед.ч.)	«X» (формы мн.ч.)
И.	<i>бельё</i>	<i>обноски/лохмотья</i>
Р.	<i>бель</i>	<i>обносков/лохмотьев</i>
Д.	<i>белью</i>	<i>обноскам/лохмотьям</i>
В.	<i>бельё</i>	<i>обноски/лохмотья</i>
Т.	<i>бельём</i>	<i>обносками/лохмотьями</i>
П.	<i>бельё</i>	<i>обносках/лохмотях</i>

Семантическая, или функциональная полнота и дефектность парадигмы зависит от количественного значения числовых форм. Действительно, такие имена существительные, как *бельё* или *обноски/лохмотья* обозначают «предметы, не подлежащие счету» [8] и называются несчетными, или неисчисляемыми. Такие существительные, как *брюки* или *пальто* именуются счетными, или исчисляемыми. Следовательно, грамматическая категория числа должна распространяться не только на исчисляемые имена существительные, но и на неисчисляемые *singularia tantum* и *pluralia tantum*.

В русской культуре предметы наименований ОиА *по гендерному признаку* разделялись на мужские и женские. В лексике гендерный семантический признак одежды обычно формально-грамматически не выражен, но может быть представлен в семантике предметов ОиА, среди которых условно могут быть выделены две тематические подгруппы: 1) наименования мужской ОиА, 2) наименования женской ОиА. К наименованиям женской ОиА с неполной парадигмой словоизменения относятся следующие лексические единицы: *ботильоны* (преим. мн.ч.), *бюстье* (омонимия форм ед.ч. и мн.ч.), *колготки* (pl.t.), *колье* (омонимия форм ед.ч. и мн.ч.), *леггинсы* (pl.t.), *полусапожки* (ед.ч. и мн.ч., преимущ. мн.ч.) и т.д. К наименованиям мужской одежды и аксессуаров с неполной парадигмой словоизменения – *кальсоны* (pl.t.), *полуботинки* (ед.ч. и мн.ч., преим. мн.ч.) и др. Анализируемые лексические единицы достаточно четко дифференцируются по принадлежности ‘мужчина – женщина’, значительное количество которых имеет в дефинициях толковых словарей указания «женская одежда» или «мужская одежда».

Следует отметить, что во II половине 1960-х гг. сформировалось новое направление в моде, получившее название ‘унисекс’, которое появилось с распространением спортивного стиля и заимствованием женщинами элементов мужского гардероба, в первую очередь брюк. Уже в 1972 г. Ив Сен-Лоран представляет первые женские брючные костюмы, ничем не отличавшиеся от мужских. Девушки стали носить брюки и ботинки, а юноши – рубашки с кружевными жабо и манжетами. Данный стиль предлагает одни и те же виды одежды для представителей обоих полов. Так, для некоторых наименований одежды и аксессуаров гендерный принцип

выявляется только при наличии определения ‘мужской – женский’, например: *мужские брюки* (pl.t.) – *женские брюки* (pl.t.); *мужское пальто* (омонимия форм ед.ч. и мн.ч.) – *женское пальто* (омонимия форм ед.ч. и мн.ч.) и т.п. В составе лексики ОиА количество номинаций женской одежды и одежды ‘унисекс’ постоянно возрастает относительно количества номинаций собственно мужской одежды. В настоящее время одежда в этом стиле остается популярной, особенно в молодежной среде.

По возрастному признаку можно выделить следующие группы наименований предметов ОиА: а) детская: *ползунки* (pl.t.), *боди* (омонимия форм ед.ч. и мн.ч.); б) молодежная: *брюки-дудочки* (pl.t.), *брюки-корсары* (pl.t.), *брюки-найкеры* (pl.t.), *шорты* (pl.t.); в) для среднего возраста: *брюки-бананы* (pl.t.), *брюки-капри* (pl.t.), *брюки-клеш* (pl.t.), *брюки-ретро* (pl.t.); г) для старшего возраста: *брюки-кули* (pl.t.), *пальто-миди* (омонимия форм ед.ч. и мн.ч.), *слаксы* (pl.t.).

По способу изготовления наименования ОиА делятся на *швейные* и *трикотажные*, ко вторым относятся: *леггинсы* (pl.t.), *лосины* (pl.t.), *пальто* (омонимия форм ед.ч. и мн.ч.), *перчатки* (ед.ч. и мн.ч., преим. мн.ч.), *поло* (омонимия форм ед.ч. и мн.ч.), *рейтузы* (pl.t.), *тренировочные брюки* (pl.t.) и др. К швейному типу относится одежда, выкроенная и сшитая из ткани или другого материала, например, меха, кожи и т.п.: *брюки-дудочки* (pl.t.) – ткань, кожа; *пальто* (омонимия форм ед.ч. и мн.ч.) – ткань, кожа, мех; *перчатки* (ед.ч. и мн.ч., преим. мн.ч.) – ткань, кожа, мех.

По сезонам наименования ОиА делятся на подклассы летней, зимней, демисезонной (для весны и лета) и внесезонной. К летней ОиА относятся следующие лексические единицы: *босоножки* (преим. мн.ч.), *вьетнамки* (преим. мн.ч.), *мокасины* (преим. мн.ч.), *очки (солнцезащитные)* (pl.t.), *парео* (омонимия форм ед.ч. и мн.ч.), *сандалии* (преим. мн.ч.), *сланцы* (преим. мн.ч.), *шорты* (pl.t.). К зимней ОиА – *унты* (преим. мн.ч.), *угги* (pl.t.). К демисезонной ОиА – *ботильоны* (преим. мн.ч.), *дерби* (pl.t.), *пальто* (sg.t.) *демисезонное*, *понcho* (омонимия форм ед.ч. и мн.ч.), *туфли-лодочки* (преим. мн.ч.). Внесезонная ОиА представлена такими единицами, как: *бриджи* (pl.t.), *брюки* (pl.t.) *классические*, *бусы* (pl.t.), *бювар* (ед.ч. и мн.ч.), *джинсы* (pl.t.).

В настоящее время классификация лексики наименований ОиА по сферам применения данных предметов может быть охарактеризована достаточно условно вследствие универсальности современной ОиА. В зависимости от назначения и использования в различных сферах деятельности наименования современной ОиА делятся на: 1) бытовую, 2) спортивную, 3) производственную, 4) зрелищную, 5) форменную. *Бытовая* – это одежда, которую человек носит дома и на работе, к ней относятся такие лексические единицы, как: *брюки* (pl.t.), *джинсы* (pl.t.), *пальто* (омонимия форм ед.ч. и мн.ч.). *Спортивная* – это специальная одежда для занятий спортом, к ней относятся: *брюки* (pl.t.) *спортивные*, *бутсы* (преим. мн.ч.), *гетры* (преим. мн.ч.), *дзюдоги* (pl.t.), *коньки* (преим. мн.ч.), *кроссовки* (преим. мн.ч.), *очки* (pl.t.) *горнолыжника*, *плавки* (pl.t.), *трико* (омонимия форм ед.ч. и мн.ч.), *трусы* (pl.t.) *боксерские*, *туфли* (преим. мн.ч.) для *гольфа*, *штангетки* (преим. мн.ч.). *Производственная* – это одежда, предназначенная для работы на производстве: *бахилы* (преим. мн.ч.), *боты* (преим. мн.ч.), *противошумные наушники* (преим. мн.ч.). *Зрелищная* одежда – *болеро* (sg.t.), *боа* (sg.t.). *Форменная* одежда – это форма, обозначающая принадлежность к определенной организации или ведомству, например: *брюки-хаки* (pl.t.), *погоны* (преим. мн.ч.), *эполеты* (преим. мн.ч.).

Наименование стиля может быть выражено эксплицитно в составных номинациях предметов ОиА. Обычно принадлежность вида ОиА к тому или иному стилю отражена в определениях специальных лексикографических изданий. Можно выделить следующие стили ОиА: 1) классический, 2) стиль элегантности, 3) традиционный, 4) спортивный (естественный), 5) романтический, 6) фольклорный (этнический), 7) авангардный (экстравагантный). Для любого стиля свойственны определенные силуэты, объемы, виды одежды и аксессуары. К наименованиям предметов одежды и аксессуаров *классического стиля* относятся следующие слова: *дорогая бижутерия* (sg.t.), *спенсер* (sg.t.), *прямое пальто* (омонимия форм ед.ч. и мн.ч.), *швейцарские часы* (pl.t.). Стиль *элегантности* представлен такими лексическими единицами, как: *запонки* (преим. мн.ч.), *лофферы* (преим. мн.ч.), *очки* (pl.t.). К наименованиям предметов ОиА *традиционного стиля* относятся:

вельветовые брюки (pl.t.), *мокасины* (преим. мн.ч.), *бермуды* (pl.t.), *жемчужные бусы* (pl.t.). *Спортивный (естественный) стиль* отражен следующими наименованиями: *бермуды* (pl.t.), *брюки-рейтузы* (pl.t.), *джинсы* (pl.t.), *кроссовки* (преим. мн.ч.), *леггинсы* (pl.t.), *поло* (омонимия форм ед.ч. и мн.ч.) (*футболка*), *шорты* (pl.t.). К названиям ОиА *романтического стиля* относятся следующие лексические единицы: *жабо* (омонимия форм ед.ч. и мн.ч.), *сандалии* (преим. мн.ч.). *Фольклорный стиль* формируется под влиянием национальных костюмов разных народов. В подгруппу наименований ОиА *этнического стиля* входят номинации: *казаки* (преим. мн.ч.), *краги* (преим. мн.ч.), *понcho* (омонимия форм ед.ч. и мн.ч.), *сари* (pl.t.). Наименования предметов ОиА *авангардного (экстравагантного) стиля* – *ботфорты* (преим. мн.ч.) из *лакированной кожи на высокой платформе со шнурковкой*, *босоножки* (преим. мн.ч.) на *высокой платформе и каблуке*, *брюки-буф* (pl.t.), *галифе* (pl.t.).

Наименования предметов ОиА подразделяются в зависимости от способа ношения, характера крепления на фигуре и кроя. Так например, в зависимости от кроя можно выделить подклассы *драпированной, накладной, распашной и кроеной* одежды. К номинациям современной *драпированной* одежды относятся такие лексические единицы, как: *парео* (омонимия форм ед.ч. и мн.ч.), *сари* (pl.t.). К подгруппе наименований *накладной* одежды относятся следующие слова: *понcho* (омонимия форм ед.ч. и мн.ч.). Наименования *распашной* одежды: *болеро* (омонимия форм ед.ч. и мн.ч.), *пальто* (омонимия форм ед.ч. и мн.ч.). Наибольшим количеством лексических единиц представлена подгруппа наименований *кроеной и сшитой* одежды: *брюки* (pl.t.), *шорты* (pl.t.) и т.д.

Среди классификаций наименований ОиА можно выделить такую, в которой за основание принимается часть тела, на которую надевают ту или иную вещь. Так можно выделить семь тематических подгрупп предметов одежды и аксессуаров: 1) одежда, надеваемая на голову, т.е. головные уборы; 2) одежда, надеваемая на туловище и плечи или плечевая; 3) одежда, надеваемая только на туловище, так называемая – нагрудная; 4) одежда, надеваемая на шею; 5) одежда, надеваемая на руки; 6) одежда, которая крепится на поясе или поясная; 7) одежда, надеваемая на ноги; 8) обувь.

К наименованиям головных уборов относятся такие лексические единицы, как: *канотье* (омонимия форм ед.ч. и мн.ч.), *сомбреро* (омонимия форм ед.ч. и мн.ч.). В подгруппу единиц *плечевой одежды* входят следующие наименования: *болеро* (омонимия форм ед.ч. и мн.ч.), *пальто* (омонимия форм ед.ч. и мн.ч.). К названиям *нагрудной одежды* относятся номинации: *бюстье* (омонимия форм ед.ч. и мн.ч.). К наименованиям ОиА, надеваемых на *шею*, принадлежат лексемы: *кашне* (омонимия форм ед.ч. и мн.ч.), *колье* (омонимия форм ед.ч. и мн.ч.). Подгруппа наименований ОиА, надеваемых на *руки* и на *пальцы рук*, включает: *митенки* (преим. мн.ч.). К *поясной* ОиА относятся: *бермуды* (pl.t.), *бриджи* (pl.t.), *брюки* (pl.t.), *джинсы* (pl.t.), *колготы* (pl.t.), *леггинсы* (pl.t.), *лосины* (pl.t.), *спортивные штаны* (pl.t.), *трусы* (pl.t.), *трусы-слип* (pl.t.), *шорты* (pl.t.), *штаны-«тираты»* (pl.t.). В подгруппу наименований ОиА, надеваемых на *ноги*, входят: *гетры* (преим. мн.ч.), *гольфы* (преим. мн.ч.), *колготы* (pl.t.), *носки* (преим. мн.ч.), *чулки* (преим. мн.ч.). Подгруппа наименований *обуви* – *балетки* (преим. мн.ч.), *дерби* (pl.t.), *босоножки* (преим. мн.ч.), *ботильоны* (преим. мн.ч.), *ботфорты* (преим. мн.ч.), *вьетнамки* (преим. мн.ч.), *галоши* (ед.ч. и мн.ч., преим. мн.ч.), *кроссовки* (преим. мн.ч.), *лоферы* (преим. мн.ч.), *мокасины* (преим. мн.ч.), *оксфорды* (преим. мн.ч.), *сандаletki* (преим. мн.ч.), *сандалии* (преим. мн.ч.), *танкетки* (преим. мн.ч.), *тенниски* (преим. мн.ч.), *балеринки* (преим. мн.ч.).

В словарных определениях номинаций ОиА признак ‘часть тела, на которую надевается та или иная вещь’, обычно, указывается, за исключением дефиниций наименований предметов плечевой одежды, т.е. одежды, которая покрывает туловище человека. Это связано с тем, что лексема (и понятие) ‘туловище’ в лексикографических источниках tolкуется не как ‘часть тела’, а как ‘собственно тело’. Так, сигнifikативный аспект наименований предметов плечевой одежды определяется тем, что семантический признак ‘собственно одежда’ в данном случае полностью отождествляется с понятием наименований данного вида одежды.

В зависимости от функции, выполняемой одеждой, предметы одежды в костюме подразделяются на *бельё* (нижнюю одежду), *платье* и *верхнюю одежду*. Бельё – «предметы одежды для ношения непосредственно на теле» [2, с. 71]. К данному виду одежды

относятся *повседневное бельё*: *бюстье* (омонимия форм ед.ч. и мн.ч.), *колготки* (pl.t.), *трусики* (pl.t.), *стринги* (pl.t.). К этой группе примыкает *одежда для сна*, например, *кальсоны* (pl.t.). *Спортивное бельё* включает такие слова, как: *боксерские трусы* (pl.t.), *бюстгальтер* (ед.ч. и мн.ч.), *купальник* (ед.ч. и мн.ч.), *лосины* (pl.t.), *майка* (ед.ч. и мн.ч.), *плавки* (pl.t.), *трико* (омонимия форм ед.ч. и мн.ч.). В современном русском языке лексема ‘*платье*’ – «одежда, носимая поверх нательного белья», а также «женская цельная одежда, носимая поверх нательного белья» [2, с. 839], например, *бермуды* (pl.t.), *блузка* (ед.ч. и мн.ч.), *поло* (омонимия форм ед.ч. и мн.ч.), *болеро* (омонимия форм ед.ч. и мн.ч.), *бриджи* (pl.t.), *брюки* (pl.t.), *бусы* (pl.t.), *джинсы* (pl.t.). *Верхняя одежда* – это «одежда, надеваемая поверх платья» [2, с. 699], например, *пальто* (омонимия форм ед.ч. и мн.ч.), *понcho* (омонимия форм ед.ч. и мн.ч.).

Исследуемый тематический класс совпадает по своей структуре с родовидовой классификацией наименований предметов одежды и аксессуаров. Это обусловлено тем, что названиями подклассов в данном классе наименований служат обозначения родовых понятий одежды и аксессуаров.

Таким образом, проведенный анализ позволил сделать вывод, что лексическая система относится к числу достаточно сложных и разветвленных таксонов и состоит из множества пересекающихся лексико-тематических классов и подклассов. Это определяется природой денотата и сигнификата – многообразными реалиями исследуемой части человеческого быта и современной культуры. Существует два важнейших проявления числовой дефектности: 1) формальной или морфологической, и 2) функциональной или семантической. Следовательно, грамматическая категория числа должна распространяться не только на исчисляемые имена существительные, но и на неисчисляемые *singularia tantum* и *pluralia tantum*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердник Т.О. Моделирование и художественное оформление одежды. – Ростов-на-Дону: Изд-во Феникс, 2000.
2. Большой толковый словарь русского языка / РАН. Ин-т лингвистических исследований. Сост. С.А. Кузнецова – СПб.: Норинт, 1998.

3. Бондарко А.В. Формообразование, словоизменение и классификация морфологических категорий // Вопросы языкоznания. М., 1976. – №2. – С. 3–14.
4. Ермилова В.В., Ермилова Д.Ю. Моделирование и художественное оформление одежды. – М.: Высшая школа, 2001.
5. Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. : С прил. избр. работ по соврем. рус. яз. и общему языкоznанию / А.А. Зализняк. – М.: Яз. славян. культуры, 2002.
6. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – М.: УРСС, 2002.
7. Реформатский А.А. Число и грамматика // Вопросы грамматики (сб. статей к 75-летию акад. И.И. Мещанинова). – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1960. С. 384–400.
8. Русская грамматика. Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 1.

СТРУКТУРНАЯ «НЕ-ЦЕЛЬНОСТЬ» ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КАК СРЕДСТВО ХАРАКТЕРИСТИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА РОМАНА Ф. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

А.В. Логинова

*Даугавпилский университет
ул. Виенибас, 13, Даугавпилс, Латвия, LV-5403*

«Не-цельность» является значимым свойством художественного мира романа Ф. Достоевского «Преступление и наказание». В основе создания «не-цельности» находится целая группа языковых средств. Одним из ярких средств отражения «не-цельности» на формальном уровне становятся разного рода трансформации фразеологизмов.

Ключевые слова: художественный мир, структура фразеологизма, трансформации, компонент.

STRUCTURAL "NOT-ENTIRETY" OF PHRASEOLOGICAL UNITS CHARACTERISTICS AS A MEANS OF ARTISTIC WORLD OF F. DOSTOEVSKY NOVEL "CRIME AND PUNISHMENT"

A.V. Loginova

*Daugavpils University
Vienibas str., 13, Daugavpils, Latvia, LV-5403*

"Non-entirety" is an important feature of the artistic world of the novel by Fyodor Dostoevsky's "Crime and Punishment". At the core of the creation of "non-entirety" is a group of linguistic means. One of the most important reflection of "non-entirety" at the formal level are different kinds of transformation of phraseological units.

Key words: the artistic world, structure of phraseological unit, transformations, component.

Обращаясь к изучению фразеологизмов как к «зеркалу», «в котором лингво-культурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [4, с. 9], необходимо отметить, что внимание исследователей привлекает не только собственно языковая природа данных единиц, но и функционирование фразеологизмов в художественном тексте, где все компоненты «объединены в единую иерархически организованную семантическую структуру коммуникативной интенции (замыслом) его автора». [1, с. 253] Учитывая мнение В. Виноградова о том, что фразеологизм в полной мере предстаёт как «разнообразие присущих слову возможностей» [2, с. 27], можно заметить, что в художественном тексте сами фразеологизмы, умело отобранные и преобразованные автором, приобретают «разнообразие возможностей», тяготея к изменению как собственно структуры, так и семантики.

В романе Ф. Достоевского «Преступление и наказание» интерес представляет структурная «не-цельность» фразеологизмов как средство характеристики художественного мира романа, одновременно являющееся ярким композиционным средством. Своебразие «не-цельности» в рамках художественного мира романа выражается в частотности лексем, обладающих данной семантикой, которые в совокупности дают представление о картине мира

романа «Преступление и наказание» как «не-цельной», расколотой.

Семантика «не-цельности» создается разными средствами: в описаниях внешности персонажа, указывая на «болезненное», «не – здоровое» состояние (ср. «Капернаумов хром и косноязычен» [3, с. 18]), в том числе, характеризуя целый ряд портретных деталей: лицо, глаза, губы, рот («лицо <...> искривлено судорогой» [3, с. 35]; «губы ее перекосились» [3, с. 65]) и др. «Нечастность» характеризует отдельные предметы одежды, а также обуви (ср.: «панталоны внизу осеклись и висели бахромой» [3, с. 71], «дырявый сапог» [3, с. 102]) и др. В описании пространства города «не-цельность» указывает на «отдельные» его «части» (ср.: «распивочные» [3, с. 337], «площадь» [3, с. 122]), фрагменты отдельных зданий («стена» [3, с. 241], «угол» [3, с. 241]). Наряду с этим, домашнее пространство также оказывается «не-цельным»: «клетушкой», «углом», «проходными комнатами», в которых живут персонажи. В предметном мире «не-цельность» представлена ветхими, изношенными предметами мебели (ср.: «очень ободранный диван» [3, с. 22]; «на продавленном стуле» [3, с. 140]), другими предметами (ср.: «огарок» [3, с. 143], «осколок» [3, с. 63]), в том числе – предметами посуды (ср. «она поставила перед ним свой собственный надтреснутый чайник» [3, с. 26]) и т.д. Выделяется группа контекстов, в которых «не-цельность» является свойством пищи. Вид, качество пищи, осмыслимое как «не-цельное», передается причастиями «крошеным», «резанным» (ср. также контексты «отрезанный ломоть» [3, с. 282], «кусок мяса» [3, с. 149]) и т.п.

Особое место в создании «не-цельности» занимают фразеологизмы, которые на структурном уровне оказываются «не-цельными» за счет применения разных способов их трансформации. Причем в рамках рассмотрения данной работы мы отобрали наиболее интересные контексты для каждой из анализируемых групп фразеологизмов, учитывая обширный исследуемый материал.

Проведя анализ фразеологизмов, в первую очередь, отметим единичные контексты, в котором «не-цельность» определяется используемым в тексте графоном, следовательно, является наиболее очевидной для восприятия: «ну так чер-р-рт с тобой!» [3, с. 89] (фраз. «чёрт с тобой (с вами, с ним и т.п.) – Прост. Выражение

уступки, невольного согласия с чем-либо, утраты интереса к кому-либо или чему-либо» [6, с. 522]), и далее: «м-мае п-пач-тенье! – вскричал вдруг знакомый голос» [3, с. 406] (фраз. «Мое почтение» в знач. «Устар. Экспрес. 1. О чём-либо удивительном, необычайном» [7, с. 136, II]. Употребление фразеологизмов в данном случае обусловлено разговорным дискурсом, спецификой речи говорящего.

Интерес представляет группа контекстов, где «не-цельным» является фразеологизм, утративший один из компонентов: « – Об заклад, что придешь!» – крикнул ему вдогонку Разумихин» [3, с. 131] (без компонента «быюсь», в знач. фраз. «Биться об заклад – Спорить с обязательством оплатить проигрыш» [6, с. 37]) и далее: «на бобах» [3, с. 25] (без компонента «остаться», в знач. фраз. «На бобах оставить, остаться – Без того, на что надеялся, рассчитывал» [7, с. 32, I]). Укажем и контекст «тотчас же в капкан!» [3, с. 218] (без компонента «попасть», в знач. фраз. «Попасть в капкан – Прост. Экспрес. В результате ошибок, заблуждений оказаться в безвыходном положении» [7, с. 127, II]). Не меньший интерес представляет и контекст «- Держи карман!» [3, с. 37] (без компонента «шире», в знач. фраз. «Держи карман шире – Прост. Не надейся, не рассчитывай на что-либо, не жди что-либо» [6, с. 138]). Нельзя не заметить, что утрата компонента в данных примерах обусловлена, в первую очередь, их разговорно – экспрессивной природой, в которой опущения, утраты – частотный прием.

Отдельную группу составляют фразеологизмы, в которых значимым является не утрата компонента как следствие «нечеловечности», а, наоборот, введение дополнительных компонентов. Так, в контексте «он был как бы сам не свой» [3, с. 403] союз «как бы» придает фразеологизму «сам не свой» (знач. «Расстроен, потерял душевное равновесие» [6, с. 406]) со-значение неуверенности, сомнения. Введение дополнительного компонента в состав фразеологизма отмечено и в контексте «чуть-чуть из колеи выходящие люди» [3, с. 200] (фраз. «Выбиваться/выходить из колеи» в знач. «Переставать вести привычный образ жизни; утрачивать обычное состояние» [6, с. 89]), в котором компонент «чуть-чуть» и указание на субъект «люди» превращают фразеологизм в конструкцию с субъектом действия.

Здесь же отметим и контекст «перекинуть слова два с несчастной Катериной Ивановной» [3, с. 287] (фраз. «Перекинуть слово (словечко) – с кем» в знач. «Устар. Поговорить с кем-либо недолго» [7, с. 82, II]). Данный контекст интересен интенсификацией значения фразеологизма за счет введения компонента «слова два», который является уточнением времени. Наконец, отметим контекст «что-то как бы пронзило <...> его сердце [3, с. 420] (фраз. «Пронзить сердце» в знач. «Экспрес. Кто-либо остро, мгновенно испытывает какое-либо чувство» [7, с. 158, II]), где введение дополнительных компонентов с неопределенной семантикой «что-то», «как бы», с одной стороны, указывает на возможный объект страданий, с другой, – не раскрывает этот объект.

Интерес представляет группа фразеологизмов, в которых одновременно сочетается и утрата компонентов, и добавление новых. Здесь отметим контекст «я из кожи лез вчера» [3, с. 196] (ср. фраз. «Лезть из кожи вон» в знач. «Усердствовать, стараться изо всех сил» [6, с. 223]). Введение компонентов «я», «вчера», а также утрата компонента «вон» указывает на употребление фразеологизма в разговорной речи с присущим ей эллиптизированием. Здесь же отметим контекст «у ней жила дальняя родственница, племянница кажется, <...> которую эта Ресслих беспредельно не-навидела и каждым куском попрекала» [3, с. 228] (ср. фраз. «Куском хлеба» в знач. «Разг. Предоставляемой пищей, пропитанием (попрекать кого-либо)» [7, с. 340, I]). В данном контексте утрата компонента «хлеба» и введение компонента «каждым» обращает фразеологизм в объектное предложение с приобретенным со-значением «любой еды вообще» и др.

В ряд данных примеров следует включить и контекст «здравый взгляд потеряли» [3, с. 268] (ср. фраз. «Здравый смысл» в знач. «Книжн. 1 Практическое, конкретное понимание чего-либо, рассудительность» [7, с. 258, II]) с заменой компонента «смысл-взгляд» и добавлением компонента «потеряли». Этот контекст примечателен диффузностью значения, указывающей на то, что утратить можно не только рассудок, т.е. способность адекватно мыслить, но и «взгляд», т.е. способность воспринимать действительность, оценивать ее. Прием утраты компонента и введения дополнительного отмечен и в контексте «возлюби <...> одного себя» [3, с. 116] (ср. фразеологическое выражение, восходящее к библей-

скому тексту «возлюби ближнего своего как самого себя»), где утрата компонента «ближнего своего» и введение компонента «одного себя» указывает на отрешенность, замкнутость персонажа, на сложные взаимоотношения персонажа с окружающим миром и др.

В рамках рассматриваемого материала интерес представляют те контексты, в которых фразеологизмы созданы по модели других фразеологизмов, следовательно, самостоятельными, «цельными» единицами они считаться не могут. Так, в романе встречается контекст «строки прыгали в его глазах» [3, с. 124], который обнаруживает сходство с фразеологизмом «чертики прыгают в глазах» (в знач. «Разг. Экспрес. О весёлых, лукавых искорках в глазах» [7, с. 370, II]) с заменой компонента «строки-черттики». Соотношение лексем «строки – чертики» говорит об их отождествительной, возможно, дьявольской природе, которая не дает покоя персонажу. Здесь же отметим контекст «улики-то <...> о двух концах» [3, с. 261], образованный по модели фразеологизма «палка о двух концах» (в знач. «То, что допускает и хороший, и плохой исход, что может повлечь за собой и положительные и отрицательные последствия» [6, с. 308]). Сближение лексем «палка-улики» происходит на уровне ассоциативных связей. Улики – это намеки, что-то не до конца ясное, способное нанести вред, неприятности.

В рамках данной группы необходимо отметить и контекст, специфическим приемом создания которого является контаминация: «не имея <...> одной корки насыщной пищи» [3, с. 288]. В данном контексте сочетается фразеологизм «хлеб насыщенный» (в знач. «необходимые средства для жизни, для существования» [6, с. 506]) и словосочетание «хлебная корка», причем здесь становится востребованным образ «корки» как еды вообще, а не остаточной его части и проч.

Отдельного рассмотрения заслуживают случаи, в которых «не-цельность» проявляется одновременно на структурном, и на семантическом уровнях. Так, интерес представляет контекст «ломая руки» [3, с. 316] (ср. также вариант «ломал себе руки» [3, с. 420]) (знач. фраз. «Ломать руки (пальцы) – Разг. Экспрес. Не скрывать чувство горя, отчаяния (выражая его жестами)» [7, с. 358, I]). «Не-цельность» в данном контексте проявляется одновременно

в двух аспектах – в семантике, указывающей на психологическое состояние не-спокойствия, дисгармонии, и в компонентном составе фразеологизма, образно указывающим на дробление, разлом. Здесь же отметим специфический контекст «разбитое сердце» [3, с. 391] (знач. фраз. «Разбить сердце – Экспр. Повергать кого-либо в отчаяние, безнадёжность» [7, с. 176, II]). Интересным этот контекст является из-за своей именной природы, при том что оригинальная форма фразеологизма – глагольная. Нельзя не заметить значение фразеологизма, указывающее на боль, страдание, муки, «не-цельность» внутреннего мира персонажа, а также указание на «не-цельный» предмет, в данном случае – представление «разбитого» сердца. При этом компонент «разбитое» актуализирует предельную степень распада, «не-цельности» (ср. также словообразовательное гнездо с префиксом «рас-/раз-»: в описании других предметов: «на расколотом блюдечке» [3, с. 65], «Разумихин, сконфуженный <...> разбившимся стаканом» [3, с. 191]; пространства: «распивочные» [3, с. 337], «молодой человек переступил через порог в темную прихожую, разгороженную перегородкой» [3, с. 8], в номинациях лица: «а известно ли вам, что он из раскольников?» [3, с. 348], «разбойник» [3, с. 401], которые восходят к оному главного персонажа романа – фамилии Раскольников).

В данной группе примеров, где «не-цельность» проявляется одновременно на структурном и семантическом уровнях, стоит указать и на контекст «рвать и метать» [3, с. 291] (знач. фраз. «Рвать и метать – Раздражаться, неистовствовать, будучи в состоянии негодования, озлобления и т.п. на кого-либо или что-либо» [6, с. 387]). Однако, если предыдущие фразеологизмы указывали на свойство, сложную природу самого персонажа, то форма данного контекста указывает на разрушение, которое персонаж создает вокруг себя, неся хаос в окружающий мир, а его семантика – на душевное не-спокойствие, «не-цельность» духа персонажа.

Таким образом, проведя анализ структурной «не-цельности» фразеологизмов как средства характеристики художественного мира романа Ф. Достоевского «Преступление и наказание», можно сделать следующие выводы о специфике отражения данных единиц в тексте.

Следует учесть высокую степень значимости «не-цельности» в рамках картины мира всего романа, которое находит отра-

жение не только в ряде лексем с данной семантикой, но и во фразеологизмах. Представленная на графическом уровне, а также в большом количестве контекстов поддержанная на компонентно – структурном уровне, «не-цельность» позволяет рассмотреть фразеологизмы как единицы легко изменяющиеся. В рамках «не-цельности» фразеологизмы предстают в трансформированном виде, что обусловлено разговорным дискурсом, они чаще всего даны в прямой речи. Причем особенностью фразеологизмов является их тесная связь с антропоцентричным началом, о чем говорят контексты с субъектно – объектной семантикой. Именно человек, его «не-цельная» природа осмыслиается фразеологическими единицами, обладающими той же семантикой. Таким образом, концептуально-значимое свойство «не-цельности» в романе «Преступление и наказание», актуальное и актуализованное, отражено и структурой фразеологических единиц, что в совокупности дает представление о картине мира как «не-цельной», раздробленной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики. Волгоград, 1999.
2. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.: РЯ, 2001.
3. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // ПСС в 30т. – М.: Наука, 1973. т. 6.
4. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, pragматический и лингвокультурологический аспекты. Москва: Языки русской культуры, 1996.

СЛОВАРИ

1. Словарь современного русского литературного языка (МАС): В 4-х т./ под ред. А.П. Евгеньевой. Москва: Рус. яз., 1981.
2. Фразеологический словарь русского языка/ под ред. А.И. Молоткова. Москва: Рус. яз., 1986.
3. Фразеологический словарь русского языка: в 2 томах/сост. А.И. Фёдоров. Т. I-II. Москва: Цитадель, 1997.

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА И КАЧЕСТВО ОЦЕНКИ: ГРАММАТИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ

Т.В. Маркелова

*Московский государственный университет печати
имени Ивана Федорова
ул. Прянишникова, 2A, Москва, Россия, 127550*

Работа посвящена исследованию взаимодействия категории оценки и категории качества. Рассматриваются проблемы грамматических свойств прилагательных с оценочным значением; его прагматика.

Ключевые слова: ценность, оценка, качество, языковой знак, корреляция, грамматикализация.

QUALITY EVALUATION AND QUALITY OF EVALUATION: GRAMMAR PERSPECTIVE

Markelova T. V.

*Moscow State University of Printing Arts n.a. I. Fyodorov
Pryanishnikova str., 2A, Moscow, Russia, 127550*

This is a survey of the interaction of the terms “evaluation” and “quality”. This paper considers issues of grammar characteristics of adjectives with evaluation values: their pragmatics.

Keywords: value, evaluation, quality, language sign, correlation, grammaticalisation.

Теория языкового знака, разработанная Львом Алексеевичем Новиковым, сыграла бесценную роль в формировании и развитии аксиологической лингвистики [9]. Наблюдать процесс отражения концепта ценности в языковых категориях и средствах, исследовать следствие этого отражения в сущностных свойствах и преобразовании языковых знаков – одна из приоритетных задач русистики. Реализация концепта ценности с помощью оценок различных видов, в том числе качественной оценки, влияет на грамматику и семантику языковых единиц. Абсолютная общая качественная оценка разделяет языковую картину мира на сферу "хорошего" и

"плохого", влияя на социальную, интеллектуальную, политическую и т.д. жизнь человека.

Специфика лингвистической природы оценочных знаков – тип лексического, семантико-грамматического, синтаксического значения – обусловлена комплексом субъективных факторов: формирование оценочной семантики происходит в ментальном поле (умственном акте), а «двойная» связь с категорией эмоций эмоций объясняется тем, что оценка вызвана эмоцией и вызывает эмоцию. Содержание знака «не тождественно самому себе в различных проблемных ситуациях употребления знака» [7, с.59], но в сознании говорящего в нем интегрируются «когнитивный» и «коммуникативный» инварианты субъективных смыслов, демонстрирующие **корреляцию оценочного понятия и оценочного значения в знаке**, выполняющем семантическую функцию актуализации оценочного значения: одобрения-похвалы: *Он был хороший, очень хороший человек и бесподобный писатель* (Ф. Достоевский), неодобрения-презрения: *А Федоре скажите, что она баба вздорная, беспокойная, буйная и вдобавок глупая, невыносимо глупая* (Ф. Достоевский).

Одной из форм языкового знака являются имена прилагательные, участвующие в выражении каждого компонента оценочной семантики – субъекта, объекта, характера, основания, предиката в процессе выбора его автором высказывания для выражения своих одобрительных – неодобрительных интенций как реализации оценочной функции.

В тексте это происходит по отношению к разнообразным объектам действительности – лицу, артефакту, событию и др.: *Люся может быть и лирической, и трагической, и драматической, и характерной* (АИФ, 2010, № 45). *Письмо было длинное, на двух вырванных из середины тетради страницах, и бестолковое* (А. Кабаков); *Процедура жесткая и бескомпромиссная*. Здесь не помогут ни ходатайства академиков, ни статьи в печати, ни семейные, ни дружеские отношения (АИФ, 2010, № 41). Понятие функции соотнесено с такими сущностями, как значение, трактуемое как внутреннее свойство знака, семантический признак, семантический компонент. Языковая семантическая оценочная функция неоднородна, взаимосвязана с pragmatischenk функцией, соотносящей содержание языкового знака с действительностью с

позиций говорящего – "хорошо" или "плохо" то, о чем говорится. Это явление раскрывается в обобщающем комментарии Л.А. Новикова: "Общая структура эмоционально-оценочных (и экспрессивно-стилистических) единиц – двучленна: она складывается из оценочного (модального) и содержательного (семантического) компонентов: M, что S есть P" [9, с.541].

Семантика качественных прилагательных, включающая сему «хорошего» и «плохого» в ее самом обобщенном варианте, актуализирует свойства объекта-лица, его профессиональные качества, а также характеризует интеллектуальное состояние лица и его поведение, используя при этом и построение предложения – предикатное употребление прилагательного, и интонацию, и др. средства: *Впрочем, и старик был подчас пренесноснейшим существом на свете. Во-первых, он был ужасно любопытен, во-вторых, разговорами и расспросами, самыми пустыми и бесстолковыми, он поминутно мешал сыну заниматься и, наконец, являлся иногда в нетрезвом виде* (Ф. Достоевский).

Имя прилагательное обладает специфической **языковой природой** для выполнения оценочной функции. Во-первых, оно отражает в сущностной категоризации объективной действительности в структуре языка признаковые (предикатные) слова, а не вещные (имена аргументов). Во-вторых, признаки онтологически неотделимы от вещей, ибо выделение признаков, свойств, качеств есть лишь умственный акт в целях познания мира. В связи с этим знаковая функция предметных имен носит номинативно-классификационный характер, а признаковые имена (прилагательные) настроены на коммуникативную и речемыслительную функции. В-третьих, признаковые имена (как прилагательные, так и глаголы), отличаются грамматической функцией предикации (характеризации), отражающей присущие вещам разные качества, свойства, в том числе оценочные (положительное / отрицательное отношение говорящего). Уникальность прилагательного как языкового средства выражения оценочной функции состоит также в особой позиции, которую они занимают среди других характеризующих знаков [5; 17]. Прилагательные **структурно и содержательно** стоят ближе к предметным именам (морфологические признаки, адъективно-именные, номинативные сочетания слов), а по

функции и степени абстракции значения они относятся к признаковым именам (ближе к глаголу).

Лингвистические наблюдения показывают, что выполнять оценочную функцию, то есть выражать **одобрительное / неодобрительное** отношение говорящего к предмету речи, способны прилагательные **каждого разряда и признака** благодаря корреляции **категории качества и категории оценки** в условиях контекста и среды:

относительные: *Лицо его становилось томным, масленым* (А. Чехов); *Это какая-то артезианская любовь. Раз и навсегда. На всю оставшуюся жизнь* (С. Есин);

качественные: *Пусть я буду пошлым и смешным, пусть меня считают упрямым и тупым, но я не сдамся* (А. Кабаков);

притяжательные: *У актрисочки, точно, голосок был хорошеный, – звонкий, соловыинный, медовый* (Ф. Достоевский) – все три разряда в одном высказывании;

порядковые: *Твой номер шестнадцатый, помалкивай в трубочку, ясно? Жеглов. Твой номер шестнадцатый, смотри за клиентом.* (Место встречи изменить нельзя);

местоименные: *К счастью, между Достоевскими у Гинкаса и Фокина, у Женовача и Еремина, у Козлова и Додина такие дистанции, что вывести из их спектаклей образ «настоящего» Достоевского не взялся бы никто. Но именно в результате подобной попытки и мог бы получиться тот «никакой» Достоевский, что выходит на сцену Пушкинского театра.* (Коммерсант, 13.02.1996).

Языковое значение **качества**, которое «может быть заключено только во флексии **-ый**», т.е. в том самом аффиксе, который именно и делает его прилагательным» [11, с.102], играет особую роль в способности прилагательных выражать оценочную семантику.

А.М. Пешковский выделяет «побеждающий» оттенок качества в относительных прилагательных в контекстах, где «оттенок отношения оказывается вторичным», а «предметная основа не препятствует образованию степеней сравнения, если отношение к предмету забывается, осознается слабо, а на первый план выступает в сознании значение **ка ч е с т в а ...сегодня день туманнее вчераинего, ветер влажнее, почва песчанее и т.д.**» [11, с.101]. Качество не только «побеждает» отношение, которое не может

быть больше или меньше, но способно сравняться с отношением для реализации переносного значения: *отцовский дом* и *отцовское отношение* (т. е. такое, как у отца); *кирпичный завод* и *кирпичный чай* (т. е. такой, как кирпич по форме), сравним также примеры на цвет, вкус, запах: *кофейный цвет*, *деревянный вкус*, *лимонный запах*.

По словам А.М. Пешковского, «Все это показывает, что потенциально во всех них хранится оттенок качественности» [11, с.102]. Такие же основания приводит лингвист для выделения качественности притяжательных и порядковых прилагательных, говоря о переносном значении количества, а также о зависимости качества от предмета: «В прилагательных типа *братин*, *отцов* суффиксы **-ин** и **-ов** обозначают прямую принадлежность (не просто отношение!), а значение это само по себе связано с отвлечением от тех или иных качеств; мы ими указываем, что предмет всецело со всеми своими качествами, каковы бы они ни были, принадлежит другому предмету» [11, с.103].

Таким образом, **качество и качественность** являются основой для развития в именах прилагательных категориальной оценочной семантики, выполнения ими оценочной функции, формирующей оценочные прилагательные с присущими им специфическими лексико-семантическими, грамматическими и коммуникативно-прагматическими признаками. На категории качества (и качественности) основан признак **ценности / антиценности**, определяющий природу оценочного знака [8].

Специфика лингвистической природы прилагательных, предназначенных для выполнения оценочной функции и выделения категориальной семантики качества в коммуникации, требует обращения к их грамматическим и прагматическим свойствам. При этом необходимо, на наш взгляд, придерживаться двух направлений исследования – описания **особенностей оценочных прилагательных в системе имен прилагательных как части речи**; поиска специфики **оценочных прилагательных среди других средств выражения семантики оценки в русском языке**.

Лингвистические наблюдения показывают, что оценочные прилагательные отличаются **высокой степенью обобщения** выражаемого признака в ядре ФСП оценки: *хорошим* или *плохим* может быть практически любой объект предметного и непредметного

мира. Обязательность семантики **качества** также относится к разряду специфических признаков оценочного прилагательного [8]. Однако качество это в пространстве выражения оценки носит особенный характер.

Уже своей категориальной семантикой **качества**, отмечаемой всеми лингвистами-классиками, категория прилагательного как языковая единица коррелирует с семантической категорией абсолютной **качественной** оценки. Языковое понимание качества шире его философской трактовки: «Качеством я называю то, благодаря чему предметы называются такими-то» [1, с.72].

В языке качество – это и внутренний (онтологический) признак предмета (*теплое молоко, молодой человек, яркая молния*), и признак, раскрываемый через его отношения с другими объектами (*кофейная чашка, университетский диплом, осенний дождь*), а также пространственные и временные характеристики предмета (*левый берег, далекие перспективы, низкие способности; вчерашний суп, поздние занятия, прошлый век и др.*). Узость философского подхода к качеству по сравнению с языковым пониманием этой категории состоит и в том, что «Изменение качества приводит к исчезновению объекта в его прежнем понимании и появлению качественно нового объекта. У языка иная логика. В нем определяющую, главную роль играет синтаксическая функция» [16, с.165]. Например, не все значения качественных прилагательных в языке, среди которых можно назвать *плохой, холодный, хороший, теплый, длинный, короткий, красивый, безобразный* и др. могут передавать качество с точки зрения философии, то есть они не характеризуют онтологическую определенность объекта, а выражают только внешний, наблюдаемый, приписываемый говорящим признак ценности данного предмета (в широком смысле). Умственный акт оценки, отраженный в речевой деятельности, реализует особую **«двойную» природу качества** – в основе ценностного признака лежит мнение о нем, основанное на шкале, стандарте, стереотипе и т. д.: *молоко, шоколад, масло – полезные продукты –* спр.: *соль, сахар, перец – вредные продукты*. Логика языка будет учитывать при этом субъективный и объективный аспекты восприятия названных качеств-свойств: «Семантической основой имени прилагательного является понятие качества» [3, с.51].

Объективность выделения категории качества в языке обусловлена существованием части речи имя прилагательное, выражающей «непроцессуальный признак предмета» [14, §1294]. Выражение качественного значения в признаком предмета является его (прилагательного) категориальной семантикой и функциональным назначением. Исходя из приведенных определений и рассуждений, можно отметить, что качество является видовым по отношению к родовому понятию «признаковости» вообще, диалектически связано с количеством (интенсивность признака), мерой (синтез качества и количества), отношением, сравнением, оценкой (субъективное отношение к предмету, соотносимое с объективно существующим в обществе стандартом в представлении говорящего) [15; 12].

Для русского человека, по мнению В.В. Колесова, именно «качество воспринимается как основная категория в характеристике вещного мира; качество, а не количество привлекает законченностью и разнообразием радужных форм; через признак выявляется каждое новое качество, привлекающее внимание своей неповторимостью; отвлеченные имена также образуются с помощью адъективных основ, а самостоятельная категория имени прилагательного формируется в русском языке, начиная с древнейших времен» [6, с.204].

Подчеркнем также, что в истории лингвистических учений известно мнение об **эволюции категории качества**: первоначально предмет и его признак не разделялись (твердость выражалась через сравнение с камнем). Мнение А.А. Потебни о том, что «различие между существительным и прилагательным неисконно. Прилагательные возникли из существительных...» [13] поддержано В.З. Панфиловым [10, с.14-15]. Все это свидетельствует о том, что развитие прилагательного идет от относительного значения к качественному, то есть усиление абстрактности признака ведет к увеличению объему его «внешнего», но не «внутреннего» признака, к усилинию позиций прилагательного в ментальном пространстве, в умственном акте оценки. Предполагаем, что именно этот факт усиливает позиции прилагательного среди средств выражения оценки, делает его одним из самых продуктивных и выразительных актуализаторов оценочного значения, сближает атрибу-

тивную «картину мира» с оценочной в ментальном поле языковой личности и в реализации их средствами языка.

Доказательством таких предположений является компонентный семантический анализ оценочных прилагательных *хороший – плохой*, а также парадигматическая организация ФСП оценки, отражающая в словообразовательном блоке эволюцию категории качества в именах и глаголах: *подлый – подличать – подлец – подлость – подло; льстивый – льстить – льстец – лесть – лестно; превосходный – превосходить – превосходство – превосходно*. К числу этих доказательств следует отнести, на наш взгляд, и синтаксическую функцию прилагательного, которой является «синтаксическая функция признака» [2, с. 150], реализуемая атрибутивно или предикативно [13]. При этом и в том и в другом случае атрибут и предикат выражают не свой собственный признак, а признак другого имени. Особое качество этого признака – выражение ценностного отношения говорящего (признака ценности) – расширяет семантический объем имени прилагательного с оценочным значением: ценностный признак и признак отношения обеспечивают *«двойственную»* природу такого имени прилагательного.

Следующей особенностью значения и употребления оценочных прилагательных является то, что в структуре их лексемы совмещаются семантический и прагматический аспекты языка, то есть "совмещают указание на признак и собственно квалификацию по качеству (сема *хорошо / плохо*) или количеству (сема *много / мало*)» [4, с.8].

Уникальность имени прилагательного как части речи состоит в ее способности находить отражение в **каждом компоненте семантики оценки**, то есть *субъекте, объекте, предикате (характере) и основании*, принимая на себя тем самым основной «удар» «оценочного луча», с одной стороны, с другой стороны, стремясь выполнить оценочную функцию. Этот установленный нами факт является основой для классификации прилагательных с семантикой оценки, а также базой для последующего анализа их грамматикализации.

Признание Л.В. Щербой того, что «без существительного, явного или подразумеваемого, нет прилагательного» [18, с.70], доказывает специфическое грамматическое и семантическое отно-

шение прилагательного к **объекту оценки**. Кроме процессов согласования с атрибутом-определяющим, семантически один признак может относиться ко множеству объектов оценки: *боевой удивительный солдатский первый подвиг*; ср.: *великий человек, подвиг, день, поступок, картина, роман, учитель и др.*

Характер оценки (предикат) в концептуальной оценочной картине мира коррелирует с предикатной функцией имени прилагательного в языковой картине мира. Метафорическое определение «очень живые», данное Л.В. Щербой качественным прилагательным [18, с.72] демонстрирует динамику оценочного прилагательного в роли предиката, расширяющую систему ее традиционно выделяемых разрядов – относительного, качественного, притяжательного и их взаимодействия, особенно в случаях, когда признаки не принадлежат предмету, демонстрируют эмоционально-психическое и ментальное состояние оценивающего субъекта: *Только тут, первый раз в жизни, на старости лет, он увидел и понял, как могуч дьявол, как прекрасно зло и как слабы, малодушны и ничтожны люди* (А. Чехов).

Субъект оценки может семантически совпадать с объектом оценки: *Книга оказалась интересной*, являясь предметом мнения о ценности, но его грамматическая природа остается неоднозначной, потому что в предикате-прилагательном сосредоточено **«двойное» качество-признак**: характеристика по интеллектуальному основанию и обусловленный ею ценностный признак, представленные недискретно.

Компонент **основание оценки** требует особого рассмотрения его корреляции с именем прилагательным из-за высокой степени абстрактного содержания признаков как одной из пяти «идей мира», реализуемых этой частью речи, из-за существующих проблем классификации лексем этой части речи. Именно основание оценки как один из компонентов ее семантической структуры расширяет систему традиционно выделяемых разрядов имен прилагательных – относительного, качественного, притяжательного и их взаимодействия в ряде случаев. Способность прилагательного вычленять в едином объекте свойственное этому объекту множество признаков, то есть отражать сложнейшие мыслительные операции языковой личности, в том числе умственный акт оценки, позволяет говорить о богатом лексико-грамматическом, семанти-

ко-функциональном и коммуникативном потенциале этой части речи. Одним из способов представления данного потенциала является выражение оценочного значения прилагательными, отображающими признаки, которые объективно не принадлежат предмету: ... *все было так ясно и весело, а здесь, при въезде нашем в город, дождь, гнилая осенняя изморось, непогода, слякоть и толпа новых, незнакомых лиц, негостеприимных, недовольных, сердитых* (Ф. Достоевский). Символичность этого потенциала можно выразить словами А. Белого: «*Образная речь состоит из слов, выражающих логически невыразимое впечатление мое от окружающих предметов. Живая речь есть всегда музыка невыразимого*» (Прямая речь).

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель Сочинения в четырех томах / Аристотель. – М.: Мысль, 1978. – Т. II
2. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1977.
3. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972.
4. Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательных. – М., 1978.
5. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
6. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте / В.В. Колесов. – СПб., 2006.
7. Леонтьев А.А. Психолингвистический аспект языкового значения / А.Н. Леонтьев // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976. – С. 46–73.
8. Маркелова Т.В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке: монография. – М.: МГУП имени Ивана Федорова, 2013.
9. Новиков Л.А. Избранные труды. Проблемы языкового значения. – М.: Изд-во РУДН, Т.1, 2001.
10. Панфилов В.З. Категории мышления. Становление и развитие категории качества / В.З. Панфилов // Вопросы языкоznания. – 1976. – № 6. – С. 3–18.
11. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: УРСС Эдиториал, 2009.

12. Постникова С.Н. Разряды прилагательных в современном немецком языке: дис. док. филол. наук. – Н. Новгород, 1992.
13. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – М.: Учпедгиз, 1958.
14. Российская грамматика. – М.: АН СССР, 1980.
15. Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке / И.И. Туранский. – М.: Высшая школа, 1990.
16. Цунанова З.М. Становление и развитие качественных существительных в немецком языке // Язык в диахронии. – Воронеж: Истоки, 2006. С. 161–170.
17. Шрамм А.Н. Развитие оценочных значений у некоторых разрядов качественных прилагательных / А.Н. Шрамм // Семантика русского языка в диахронии лексики и грамматики. – Калининград, 1992. С. 130–142.
18. Щерба Л.В. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте / В.В. Колесов. – СПб., 2006.

АМФИБОЛИЯ КАК РИТОРИЧЕСКИЙ ПРИЕМ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

Е.С. Михеева

*Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6а, Москва, Россия, 117198*

В работе исследуется синкетический риторический прием амфиболия, основанный на актуализации полисемии и омонимии. Востребованность данного приема в современной русской речи обусловлена возможностью создания многопланового полифункционального высказывания.

Ключевые слова: амфиболия, актуализация полисемии, актуализация омонимии, многоплановая интерпретация смысла.

AMPHIBOLE AS A RHETORICAL DEVICE IN DIFFERENT GENRES AND TYPES OF MODERN RUSSIAN SPEECH

E.S. Mikheeva

*Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6a, Moscow, Russia, 117198*

This article investigates syncretic rhetorical device amphibole based on the actualization of polysemy and homonymy. The demand for this device in modern Russian speech due to the possibility of creating polyfunctional ambivalent statements.

Keywords: amphibole, actualization of polysemy, actualization of homonymy, ambiguity of meaning.

Стилистический потенциал омонимии и полисемии отражен в стилистике и риторике, в работах по языковой игре и речевому воздействию [1; 2; 3; 8].

Удачное обыгрывание в речи многозначных слов и омонимов не случайно вызывает такой пристальный интерес исследователей: оно привлекает внимание, сообщает дополнительную информацию, служит средством формирования оценочности высказывания, что усиливает эмоциональное воздействие на читателя и требует особого прочтения.

Именно на актуализации **полисемии** и **омонимии** основан такой синкетичный риторический прием – паралогический и стилистический одновременно, как амфибolia: *амфиболя* (греч. *amphibolia* – двусмысленность) – прием (паралогический и стилистический одновременно) использования двусмысленности, конструктивным принципом которого является нарушение тождества семантики слова посредством постановки его в такой контекст, в котором это слово (или словосочетание) одновременно реализует два разных значения [5, с. 42], что приводит к актуализации семантической неоднозначности слова.

Как известно, **полисемия** как лексическая категория – это семантическое отношение внутренне связанных (мотивированных) значений, выражаемых формами одного слова (одной лексемой) и разграничиваемых в тексте благодаря разным, взаимоисключающим позициям этого слова [7, с. 568].

Связи между лексико-семантическими вариантами (ЛСВ) одного слова являются повторяющимися, типичными, закономерными. Такой характер связи является основным языковым признаком лексической многозначности, который и делает полисемию «удобной, эффективной и продуктивной классификационной категорией» [6, с. 573]. Выделяют два основания связи лексико-семантических вариантов в структуре многозначного слова: связь **по смежности** (метонимия) и связь **по сходству** (метафора). Полное описание типов метафорической и метонимической связей, характерных для той или иной части речи слов, представлено в фундаментальных работах Л.А. Новикова [7].

Многозначные слова обладают большим творческим потенциалом. Вариативность на уровне семемы, представленная в системе языка ЛСВ многозначного слова, открывает возможности многоплановой интерпретации его смысла при употреблении в речи, допуская нарушение закона однозначной актуализации значения словесного знака. Именно поэтому они широко используются как средства образности и экспрессии в разных жанрах и типах современной русской речи, но наиболее полно потенциал полисемии реализуется в художественном тексте.

В прозаическом и поэтическом художественных текстах амфиболия, основанная на полисемии, участвует в конструировании сложных метафорических образов и многозначных определений (эпитетов): *Ей хотелось известно что, известно с кем, но «известно кто» не звонил, зато звонил неизвестно кто. На улице тоже было неизвестно что...* (В. Нарбикова «Равновесие света дневных иочных светил»). В строчках стихотворения Б. Ахмадулиной элегично и тонко передано ощущение поэтом жизненных потерь:

*По улице моей который год
Звучат шаги –
мои друзья **уходят**.
Друзей моих
медлительный **уход**... (Б. Ахмадулина).*

В процессе транспозитивного словообразовательного шага «уходят» – «уход» меняется значение исходной лексической единицы «уходить»: «покидать какое-либо место» → «покидать кого-либо».

В стихотворении современного поэта В. Строчкова обыгрывается многозначный глагол *отойти*:

*Отойти от стола и опять постоять у окна,
отойти от окна и опять не сыскать ни полслова,
отойти от всего и подумать "Когда же весна!",
и ко сну отойти; и во сне всё увидится снова.*

В словосочетаниях *отойти от стола*, *отойти от окна* глагол **отойти** употреблен в первом основном значении «идя, передвигаясь, удаляться на какое-либо расстояние от кого-/чего-либо». В третьей строчке стихотворения в словосочетании *отойти от всего* актуализируется переносное значение лексемы «сделать отступление; отдалиться от кого-/чего-либо; отстраниться (отойти от друзей, отойти от дел)». В последнем случае глагол *отойти* употреблен в синтаксически связанным словосочетанием *отойти ко сну* в значении «лечь спать и уснуть» (в словаре с пометой «высок.», указывающей на экспрессивно-эмоциональную окраску торжественности, приподнятости).

Актуализация полисемии с целью создания комического эффекта широко используется в юмористических жанрах. На обыгрывании разных значений одного слова строятся анекдоты, каламбуры, юморески и т.д.: *Смотри-ка, вон налоговый инспектор идет! – А как его зовут? – Его не зовут, он обычно сам приходит.* В анекдоте обыгрываются ЛСВ многозначного глагола звать: 1. именовать, называть (*отец зовет сына Ванюшой*) и 2. приглашать куда-нибудь (звать в гости, звать в театр). Известный каламбур из произведения И. Ильфа и Е. Петрова *«молодая была уже не молодая»* построен на актуализации двух значений многозначного слова *молодой*: 1. не достигший зрелого возраста, еще не старый (молодое поколение) и 2. человек, недавно вступивший в брак, *молодожен* (после свадьбы *молодые* отправились в путешествие). Интересно, что краткая форма *молод/молоды* возможна только у ЛСВ *молодой1*, у ЛСВ *молодой2* краткая форма невозможна, так как по сути мы имеем дело с субстантивированным прилагательным.

В амфибологическом каламбуре *Человек может вынести все, если его не остановить* актуализируются одновременно два значения глагола *вынести* (1. неся удалить откуда-либо, 2. вытер-

петь, выдержать), за счет чего достигается комический эффект. Аналогичный прием с тем же самым глаголом можно наблюдать в заголовке статьи о квартирных кражах «*Вынесут все*» (*общество расплачиваются за кризис квартирными кражами*; Огонек 40, 2008), иронический подтекст которого становится очевиден при сопоставлении с прецедентным текстом «Вынесет все, и широкую, ясную / Грудью дорогу проложит себе...» (стихотворение Н.А. Некрасова о русском народе «Железная дорога»).

Еще одним средством, которое язык предоставляет в распоряжение говорящего для создания намеренно неоднозначных текстов, является **омонимия**. Омонимия как лексическая категория – это семантическое отношение внутренне не связанных (немотивированных) значений, выражаемых формально сходными знаками (лексемами) и различающихся в тексте благодаря разным контекстуальным окружениям. Как и полисемия, омонимия – категория «семасиологическая», требующая дополнительных (текстовых) средств дифференциации формально одинаковых единиц. Две (или более) языковые единицы являются омонимами, если у них формально одинаковые знаки и различные, несвязанные (немотивированные) значения [7, с. 592].

На фоне полисемии с ее регулярностью, повторяемостью, пропорциональностью (и, следовательно, в значительной степени определенной предсказуемостью отношений ЛСВ) омонимия выступает в целом как категория семантически негативная.

При омонимии семантические отношения между лексическими единицами выступают как изолированные, единичные, трудно предсказуемые, не укладывающиеся в рамки регулярных отношений, свойственных лексико-семантическим вариантам одного слова, поэтому комический эффект в этом случае более очевиден: «Топоров вел в ленинградской газете, забыл какой, наверное «Смена», рубрику, которая двусмысленно называлась «Литературная рубка». То есть *рубка* у подводной лодки, которая иногда высывается из-под воды. И *рубка* от слова «рубить», например шашкой лозу. В «литературной рубке» он раз в неделю кого-то рубил. И в общем у одного человека сильно портится настроение, зато у человек пятидесяти улучшается» (М. Веллер); *Хорошее дело браком не назовут* (РР).

Вопрос о соотношении омонимии и многозначности до сих пор является одним из наиболее дискуссионных. Дифференциация омонимии и полисемии особенно важна для лексикографической практики, но, рассматривая актуализацию полисемии и омонимии в контексте современной поэзии, некоторые исследователи не проводят различия между ними, так как учитывают тот факт, что прежде всего «внимание поэтов и писателей привлечено к языковому конфликту – к динамической ситуации... поэты часто стремятся восстановить утраченные связи между различными значениями слов, а также установить новые смысловые связи между омонимами, мы не проводим различия между полисемией и омонимией при анализе текстов» [2, с. 157]. Мы также считаем возможным объединить эти два явления в рамках предложенного подхода [6, с. 344-346].

Следует отметить, что функция создания комического эффекта является для амфиболии преобладающей, но не единственной. Так, в текстах современных СМИ данный прием используется также в функции привлечения внимания адресата к тексту, или, например, для создания эффекта непредсказуемости, который играет важную роль в речевом манипулировании.

В заголовке **У дачи – у моря** (журнал «Домашний Очаг», 08.2007) фонетическое слово *у дачи* воспринимается как форма Р.п. ед.ч. существительного *удача*, и в целом фраза понимается, как пожелание удачи (кажется, что автор заголовка желает удачи в поездке на море). На самом деле, в статье речь идет об альтернативе, где лучше провести отпуск: на даче («*у дачи*») или у моря.

Этот же прием (совпадение фонетического и лексического слова) использован в слогане фирмы IKEA *Веранда у дачи* (каталог IKEA, 07.2007). Так рекламируется продукт «веранды около дома дачного типа», однако звуковое совпадение со словом «удача» (Веранда Удачи) вызывает у потребителя положительные ассоциации и иллюзию того, что данная фирма предлагает создать интерьер веранды, который будет обеспечивать удачу.

В заголовке *Наши невыносимый* (статья о долгих спорах, оставлять ли тело Ленина в Мавзолее; журнал «Нескучный сад» 07.11.2012) сопоставляются два функциональных омонима прилагательное *невыносимый*₁ – очень плохой, такой что трудно, не-

возможно вынести, вытерпеть (о характере, о человеке с таким поведением) и страдательное причастие *невыносимый*² от глагола «выносить» – *неся, удалить откуда-либо*. Таким образом автор одновременно обозначает проблематику статьи и выражает свое отношение к человеку, о котором идет речь.

В рекламном слогане радио «Коммерсант» *Слушание по делу* не только обыгрываются функциональные омонимы (*дело1* – «административное, судебное разбирательство по поводу какого-л. события, факта; судебный процесс» и *дело2* – адвербиализованная предложно-падежная форма *по делу* = *по сути* (ср. призыв не отвлекаться от основной темы, от сути дела – *ближе к делу*), но и позиционируется *деловой* подход радиостанции к актуальной проблематике с помощью стилистической окраски (использование данного словосочетания в юридической практике).

Так, амфибolia, основанная на актуализации полисемии и омонимии, позволяет делать высказывание более ёмким, содержащим сразу несколько смыслов, каждый из которых может нести определенную функцию: номинативную, оценочную, ассоциативную и/или стилистическую, – что обуславливает востребованность данного приема в различных жанрах и типах современной русской речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т Екатеринбург, 1996.
2. Зубова Л.В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. – М.: Новое литературное обозрение, 2000.
3. Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. – М.: Флинта, 2009.
4. Иссерс О.С. Речевое воздействие: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». – М.: Флинта: Наука, 2009.
5. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сквородникова, Е.Н. Ширяева и др. – 2 изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2007.
6. Михеева Е.С., Ремчукова Е.Н. Феномен смысловой двуплановости слова как креативная составляющая заголовков в современных СМИ // Функциональная семантика, семиотика знаковых систем и мето-

ды их изучения: материалы Международной научной конференции II Новиковские чтения, Москва, 16-17 апр. 2009г. – М.: Изд-во РУДН, 2009. – С. 344-346.

7. Новиков Л.А. Избранные труды. Т.1. Проблемы языкового значения. – М.: РУДН, 2001.

8. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: Языки русской культуры, 1999.

ПОТЕНЦИАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В СФЕРЕ УРБАНОНИМОВ

Л.Р. Махиянова, Е.Н. Ремчукова

*Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6а, Москва, Россия, 117198*

В статье рассматриваются урбанизмы, коммерческие имена, лингвокреативность которых определяется потенциалом русского словообразования. Среди продуктивных явлений, функционирующих в сфере номинации, выделяются диминутивы и квазионимы.

Ключевые слова: лингвокреативная составляющая урбанизмов, потенциальное словообразование, диминутив, квазионимизация.

POTENTIAL WORD-FORMATION IN THE SPHERE OF URBANONYMS

L.R. Makhiyanova, E.N. Remchukova

*People's Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6a, Moscow, Russia, 117198*

The article deals with urbanonyms, commercial names, which linguistic creativity is determined by potential of Russian word-formation. Diminutives and quasianonyms are remarkable productive phenomena functioning in the sphere of nomination.

Key words: linguocreative component of urbanonyms, potential word-formation, diminutive, quasianonymization.

Ономастическое пространство современного города, особенно мегаполиса, развивается чрезвычайно активно. Как замечает М.В. Китайгородская, «в настоящее время процесс наименования городских объектов<...> носит свободный, нерегламентированный характер и определяется как продуктивностью моделей, так и модой, вкусовыми пристрастиями имиджателей» [2, с. 441].

Важное место в комплексе урбанонимов⁶ занимают названия таких коммерческих заведений, как кафе, рестораны, бары, магазины, салоны красоты и т.д. Создание имени, которое, как правило, в той или иной степени отражает концепцию заведения и его коммуникативную стратегию, является первым шагом в привлечении потенциальных клиентов. Часто оригинальность и запоминаемость названия достигается за счет использования лингвокреативных средств (активность которых, по нашим наблюдениям, выше в мегаполисах), что позволяет говорить о лингвокреативной составляющей как о характерной особенности российских урбанонимов.

В целом, лингвокреативность современных масс-медиа определяется в первую очередь потенциалом русского словообразования. Эта же тенденция в полной мере проявляется и в сфере номинации, в которой в полной мере обнаруживается его « деятельный характер» (Е.А. Земская).

Большая часть лингвокреативных названий образуется по уже существующим в языке словообразовательным моделям. Поскольку в сфере номинации преобладают названия, образованные по структурной схеме N_1 , то самым используемым здесь словообразовательным способом является суффиксация, широко представленная, в частности, продуктивными уменьшительно-ласкательными суффиксами в структуре «диминутивов»⁷. Широкое распространение диминутивов в сфере номинации объясняется общей тенденцией активизации эмоционально-прагматического потенциала узального словообразования, для которого характерна «эксплицитная оценочность»[12].

⁶ Урбаноним – собственное имя любого внутригородского топографического объекта [8].

⁷ В настоящее время диминутивы вызывают активный интерес лингвистов (см., например, 12; 13).

Т.В. Шмелева, рассуждая об экспрессивном потенциале диминутивов, использующихся в сфере номинации, выделяет экспрессии детскости (магазины детских товаров «Светлячок», «Туфельки», «Колыбелька»), любования и умиления (магазин бытовой химии «Хозяюшка», кофейня «Сударушка») и скромной непрятательности (продуктовый магазин «Ленточка») [13, с. 360]. Так, диминутивы в названии небольших бюджетных заведений (магазины эконом-класса «Монетка», «Корзинка», «Пятерочка»), очевидно, наделены экспрессией скромной непрятательности, причем каждое из этих названий актуализирует различные семантические компоненты: «Монетка» – дешевизну, «Корзинка» – большой ассортимент.

Особенный интерес в данном контексте вызывает название «Пятерочка». В Национальном корпусе русского языка [7, <http://>] встречаются следующие примеры использования данной словоформы (расположены по мере частотности): 1) денежная купюра или сумма денег – пять рублей («Зин, одолжи пятёрочку!» (С. Довлатов); 2) номер маршрута транспортного средства («Пятерочка! Трамвай все ближе». (М. Шишkin); 3) тюремный срок («В первый раз получил пятёрочку за воровство колхозного имущества» (А. Троицкий); 4) положительная оценка («Ну что же – борщ у нас сегодня на пятёрочку» (Е. Попов).

Как было сказано выше, диминутивы в названиях магазинов эконом-класса актуализируют значение непрятательности и дешевизны. Несмотря на то, что самое распространенное значение словоформы *пятёрочка* связано с деньгами, в анализируемом урбанизме актуализировано не оно, так как пять рублей в советское время (а это значение пришло именно из советского быта) были довольно большой суммой⁸. Название «Пятерочка», как нам представляется, несет в себе коммуникативное сообщение «Все на пятёрочку!» (то есть «Все на отлично!») изначание положительной оценки легко считывается покупателем.

Широко востребованы в лингвистическом пространстве города антропонимические диминутивы – уменьшительно-ласкательные формы личных имен (кафе «Олюшка», «Аленушка»).

⁸ Подробнее о семантических трансформациях таких существительных-числительных см. в [6, <http://>].

Такие названия призваны подчеркнуть семейность, уютность предприятия, актуализируя важные для русского языкового сознания коннотации: «Язык здесь используется для одомашнивания, создания интимной атмосферы, <...> ощущения уюта и домашнего тепла, возникающего в небольших пространствах» [5, с. 139].

Однако все чаще владельцы коммерческих заведений прибегают к созданию «собственных» собственных имен. Н.В. Васильева в своей монографии «Собственное имя в мире текста» обращает внимание на процесс *квазионимизации*, заключающийся в придании «обычному апеллятиву онимической формы» [1, с. 187]⁹. По ее мнению, данное явление характерно для сленга. Однако, по нашим наблюдениям, и в сфере урбанонимов оно довольно частотно. На тесную связь современной номинации с разговорной речью указывает и М.В. Китайгородская: «При выборе имени собственного официальная городская номинация, освободившись от строгих регламентаций, во многом ориентируется на лексические ресурсы и модели, характерные для разговорной речи» [2, с. 442].

Как правило, при квазионимизации используются антропонимические форманты, и наиболее частотными являются названия, построенные на использовании *квазифамилий*: кафе «Борщев», магазин «Юбкин», хостел «Подушкин» (см. также названия продуктов питания «Солодов», «Бочкарев» и т.д.). Термин *квазифамилия* здесь неслучаен: даже если фамилия, использованная в урбанониме, существует в действительности, это неважно, так как особая сфера функционирования приводит к семантическому переосмыслению и актуализации внутренней формы.

В первую очередь, такой урбаноним успешен с коммуникативной точки зрения, так как выполняет информативную функцию, сообщая потенциальному покупателю о специализации заведения. Так, в названии хостела «Подушкин» имплицитно сообщается о бюджетности гостиницы, где гостю не придется ни за что переплачивать: за свои деньги он получит просто подушку, то есть койко-место. С лингвистической точки зрения, в таких урбанонимах актуализируется этимология русских фамилий, которые, как

⁹ Суждение о том, что образование любого урбанонима само по себе имеет черты онимизации апеллятива, не является предметом обсуждения в данной работе. Подробнее об этом см., например, в [3].

известно, произошли от притяжательных прилагательных. Таким образом, хостел «Подушкин» воспринимается как место, «принадлежащее подушкам»¹⁰, магазин «Юбкин» – как магазин юбок. Думается, языковое чутье имядателя здесь позволяет ему актуализирует внутреннюю форму исконно русского «уютного» слова (что, несомненно, важно для названия гостиницы).

Квазифамилии как прием номинации используется довольно широко, но, с лингвистической точки зрения, они могут быть интерпретированы по-разному. Так, «говорящая фамилия» в названии сети аптек «Доктор Столетов» не столько сообщает посетителю о предлагаемых товарах (этую функцию частично выполняет слово *доктор*), сколько располагает его к посещению, как бы обещая, что вместе с «Доктором Столетовым» его ждет здоровье и долголетие. Таким образом, в данном урбанониме мы наблюдаем эксплицитную оценочность, тогда как в названиях типа «Подушкин» и «Борщев» она имплицитная.

Названия ресторанов «Мяснофф», «Блинофф», «Колбасофф», «Пельменефф» образованы по тому же принципу, но с использованием иноязычного суффикса *-off*, переданного кириллицей (данний процесс представляет собой «обратную» транслитерацию). Как известно, таким образом транскрибировались русские фамилии эмигрантов первой волны, переезжавших в Европу и Америку. Многие из них были людьми аристократического происхождения, представителями купечества, духовенства, поэтому иностранный формант *-off* до сих пор подсознательно ассоциируется с элитарностью и определенным статусом. Как нам представляется, во многом на такое восприятие оказывают влияние экстраварийные факторы – успех мировых брендов *Davidoff* и *Smirnoff*. Очевидно, что в современной номинации подобное употребление заимствованной морфемы выполняет коммуникативную стратегию «повышения статуса» (О.И. Иссерс) – оно призвано наделять имя ореолом исключительности и способствовать привлечению внимания.

Аналогичную мотивацию можно увидеть и в названии харьковского ресторана «ШарикOFF» (эстетическую оценку которого

¹⁰ См. также название текстильного магазина в Пскове «Подушкин дом».

мы здесь оставляем за скобками), который позиционируется следующим образом: «*Такое неординарное название ресторана получил от главного героя знаменитого булгаковского романа – Полиграфа Полиграфовича Шарикова, который появился на сломе эпох, когда происходило столкновение до и постреволюционных культур. Но это не тот Шариков, который олицетворял худшие черты пролетариата во времена швондеров, а новый человек (это подчеркивает FF в конце фамилии), который изменился благодаря тому, что возвращаются времена преображенских и борменталей. Это название подчеркивает демократичность ресторана, то есть доступность для людей с различным материальным достатком*» [<http://sharikoff.kharkov.ua/about.php>].

Подчеркнем, что названия такого типа соединяют в себе несколько современных тенденций в сфере номинации: с одной стороны, это тенденция к использованию экзотизмов, иноязычных формантов, с другой – к «русскости» (чаще всего *-off* передается именно кириллицей), с третьей – к архаичности (см. выше). Вероятно, обычно эти мотивации не осознаются самим имядателем, на которого оказывают влияние лишь экстралингвистические факторы. Однако в настоящее время номинации с элементом *-off* все больше воспринимаются как своего рода штамп и вызывают негативное отношение. В лингвокреативном аспекте такие урбанонимы также не представляются нам ценными: во-первых, для русского лингвокреатива не характерна игра с оглушением в позиции конца слова, во-вторых, сама модель не является продуктивной, хотя и отражает, как было сказано выше, общие тенденции в номинации.

Этим урбанонимам противостоят названия, развивающие дореволюционную традицию именования компаний: сеть пекарен «Братья Караваевы», кафе «Чайная братьев Кипятковых». В царской России имя производителя или поставщика товара («Кафе «Вань-Гутена», «Чайная торговля Сергея Алексеевича Спорова») «выступало гарантом качественности продукции, при этом положительный образ производителя экстраполировался на рекламируемый продукт» [11, с. 393]. К тому же в таких названиях успешно реализуется информативная функция за счет актуализации значения корня, что повышает эффективность данного приема по сравнению с описанным выше (см. «Пельменефф»).

Отсылка к дореволюционным традициям в сфере номинации наблюдается и в урбанонимах «Мясоедовъ» и «Мясновъ»: здесь комбинация приемов квазионимизации и графогибридизации (употребление буквы «ер» на конце слова) преследует ту же цель – информирование посетителя и создание образа качественного и традиционного бренда. На наш взгляд, такие названия уже не могут претендовать на оригинальность, так как «ъ как экспрессема, похоже, уже исчерпал себя, превратился в штамп» [4, http]. Тем не менее, с точки зрения информативности, данные урбанонимы могут считаться удачными.

Игра с онимами при генерации названий не ограничивается фамилиями. Так, название магазина «Продуктович» можно интерпретировать как русское отчество (*Продукт + -ович = Продуктович*): «тип продуктивен как единственное в русском языке средство образования отчеств от собственных мужских имён» [10, §336]. Наричательное имя существительное *продукт* переосмысляется в данном случае как имя собственное.

Тот же процесс мы наблюдаем в названии цветочного магазина «Цветоша». Естественно предположить, что в данном случае диминутив образован по аналогии с уменьшительно-ласкательными формами личного имени (ср. *Антон – Антоша, Марго – Маргоша, Тимофей – Тимоша*). В «Русской грамматике» данный формант упоминается только в непродуктивном типе существительных со значением «носитель признака», мотивированных от прилагательных: *юноша, святоша* [10, §314]. Следовательно, для неодушевленных существительных данная модель является непродуктивной, поэтому можно говорить и о тропе олицетворения. Интересно отметить, что название такого типа является единичным.

Как диминутив можно рассматривать и название сети японских ресторанов «Япоша». Примечательно, что в начале 2000-х годов это заведение называлось «Япошка». Такое именование японцев, как и любое национальное прозвище, имеет презрительный оттенок¹¹. Из соображений политкорректности владельцы за-

¹¹«Как было бы полезно своевременное знакомство русского народа с этими свойствами «вождей восточных островов», вместо близорукой похвалы и пошлого издевательства над «япошками» и «макаками» и лу-

ведения изменили название: в результате отказа от уменьшительного суффикса *-к-* родилось новое слово, неологизм, *япоша*, которое, как и «Цветоша» (см. выше), вызывает ассоциации с ласкальными формами личных имен. Интересно, однако, что в Санкт-Петербурге успешно функционирует ресторан итальянской кухни «Макаронники» (национальное прозвище итальянцев), а в Москве есть кафе «У Хохлушки». В последнем примере разговорное название женщины-украинки даже приобретает статус имени собственного.

В целом ряде урбанонимов используются словообразовательные модели, характерные для русских топонимов. Так, название казанского секонд-хенда «Одежжино» образовано от диминутива *одежска* посредством одного из самых употребительных топонимических формантов-*ино*. Аналогичных примеров достаточно много: «Обувкино», «Посудкино», «Коляскино», «Игрушкино» и т.д. С помощью таких названий потенциальному покупателю сообщается не только о специализации магазина, но и о большом ассортименте предлагаемых товаров (*не просто магазин, а целый город игрушек*). Выбор диминутива в качестве производящей основы (*одежска – Одежжино, обувка – Обувкино*), вероятно, обусловлен позиционированием магазина, так как указывает на его невысокую ценовую политику.

Интересным примером в данном контексте является название московского кафе «Парижск»: «Париж – центрочной жизни Европы, современный законодатель моды, столица гламура и изысканной кухни. Вместе с тем – город друзей и открытых сердец, сочетание романтики и современного ритма жизни. Именно таким увидели Париж основатели нового заведения кафе-бара-ресторана “Парижск”»¹². Название построено на сочетании иностранного топонима и исконно русского топонимического форманта, причем в каждом из них актуализированы определенные коннотации: в слове *Париж* – изысканность, гламур и мода, в суффиксе *-ск* – дружба, романтика, открытость. Такая словообра-

бочных картин, изображавших русского силача, сталкивающего плечиком сидящего на лошади микадо в пропасть!» (А. Ф. Кони «Некоторые вопросы авторского права»; цитата из[7, http]).

¹² <http://parizhsk.ru/rare/detalii/> (рекламный текст на сайте заведения).

зовательная модель позволяет обыграть антиномию «свой – чужой» и отразить концепцию заведения, заключающуюся в сочетании двух культур. Тем не менее, неблагозвучность данного урбанизма не позволяет нам считать его удачным и воспринимается как смешение «французского с нижегородским».

Безусловно, лингвокреативная деятельность создателей коммерческих имен не ограничивается использованием исключительно антропонимических или топонимических формантов; нередко обращаются они и к другим продуктивным словообразовательным моделям. Так, владельцы ювелирного магазина «Изумит» выбирают словообразовательную модель, продуктивную в геологической терминологии [10, §359] (*лазурит – хризолит – изумит*), благодаря чему актуализируется специализация магазина. С другой стороны, игра с омоформами, одна из которой является потенциальной (глагол *изумит* и существительное *изумит*) позволяет донести до покупателя коммуникативное сообщение, заложенное в урбанизме: «*Наши «Изумит» вас изумит*», «*Наши изумиты вас изумят*». Данное название представляется нам удачным еще и в силу его поэтичности, так как оно мотивировано исконным русским словом, имеющим в современном русском языке книжную окраску.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева Н.В. Собственное имя в мире текста. Изд. 2-е., испр. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
2. Еда по-русски в зеркале языка / Н.Н. Розанова, М.В. Китайгородская, У. Долешаль, Д. Вайс и др. – М., РГГУ, РАН. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова, 2013.
3. Казакова С.Л. Урбанизмы в составе лексической системы языка. // Проблемы теории, практики и дидактики перевода: материалы II Международной научной конференции. – Нижний Новгород: НГЛУ, 2009. – Вып. 11. – С. 121-122.
4. Кара-Мурза Е.С. «Дивный новый мир» российской рекламы: социокультурные, стилистические и культурно-речевые аспекты. Часть 7. // Журнал ГРАМОТЫ.РУ: электр. науч. журн. 2001. URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/advertizing/28_47 (дата обращения: 10.01.2013).
5. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. – М., 2007.

6. Кронгауз М. Цикл лекций «Семантический потенциал слова: трудные случаи полисемии» (лекция 4). [Электронный ресурс] / Сибирский федеральный ун-т. [Красноярск 2013]. URL: <http://tube.sfu-kras.ru/video/1655?playlist=1651> (дата обращения: 10.06.2014).
7. Национальный корпус русского языка. // URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 18.05.2014).
8. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А.В. Суперанская. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М., 1988.
9. Ремчукова Е.Н. Креативный потенциал русской грамматики: Дис. ... докт. филолог. наук. – М., 2005.
10. Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). – М.: Наука, 1980.
11. Синявская О.Е. Русские дореволюционные неймы в лингвистическом и нейролингвистическом аспектах // Мовні і концептуальні картини світу: наукове видання: [збірник] / Київ.нац. ун-т ім. Т. Шевченка, Б-ка Ін-ту філології. Київ, 2013. Вип. 46, ч. 3. – С. 389–401.
12. Химик В.В. Экспрессивно-оценочный потенциал русского модификационного словообразования // Новые явления в славянском словообразовании. – М., 2010. – С. 376–388.
13. Шмелева Т.В. Диминутив как экспрессивное средство // Речевое общение и вопросы экологии русского языка. – Красноярск, 2009. – С. 357–370.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОСЛАГАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

М.Н. Новиков, А.М. Новикова

*Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6а. Москва, Россия, 117198*

В работе анализируется функция сослагательного наклонения применительно к историческому процессу. На материале условно-следственных отношений, выражаемых в русском языке, рассматриваются закономерности реальных исторических событий в сравнении с их альтернативными возможностями.

Ключевые слова: семантические отношения, сослагательное наклонение, смута, историческая альтернатива.

SEMANTIC ASPECT OF THE SUBJUNCTIVE MOOD IN THE HISTORICAL CONTEXT

M.N. Novikov, A.M. Novikova

*Russian University of Peoples' Friendship
Miklukho-Maklaya str., 6a, Moscow, Russia, 117198*

The function of a conjunctive mood is analyzed in work with reference to historical process. The real historical event regularities are carried out in comparison with its alternative opportunities on a material of the conditional-evidence relations expressed in Russian language.

Keywords: semantic relations, subjunctive mood, distemper, historical alternative.

Наклонение в языкоzнании – грамматическая категория глагола, указывающая на соответствие семантической категории модальности. Сослагательное наклонение представляет собой действие, выраженное глаголом, не как реальное, а как желаемое, предполагаемое, возможное (или невозможное), которое могло бы произойти при выполнении определенных условий. Предметом нашего исследования является семантический аспект сослагательного наклонения применительно к изучению «истории сейчас» через изучение истории «если бы».

Так, сегодня термин «смутное время», «смута» соответствует словоупотреблению не только эпохи Ивана Грозного, но и постсоветскому периоду, который многие обществоведы называют «смутой». Среди значений слова «смута», приводимых В.И. Далем, мы встречаем «восстание, мятеж, общее неповинование, раздор меж народом и властью». В тот период все пришло в движение, размыты контуры людей и событий, с невероятной быстротой менялись цари, вчерашние союзники расходятся по враждебным лагерям, переплетаются сложнейшим образом разнообразные противоречия.

Вместе с тем такой динамичный период был весьма богат не только яркими и драматическими событиями, но и разнообразными историческими альтернативами развития Московского царства, обогащая понятийный и языковой компонент в изучении россий-

ской истории. Современный историк Владимир Кобрин справедливо, на наш взгляд, назвал смутное время «временем утраченных возможностей». Следует признать неубедительным сложившийся в историознании стереотип, будто то, что случилось, «должно было» случиться именно так, и что «история не имеет сослагательного наклонения» – подтверждается многочисленными фактами.

О соотнесении реальной истории с ее утраченными альтернативными возможностями думали и писали наши выдающиеся соотечественники: П.Я. Чаадаев, С.Ф. Платонов, Д.С. Лихачев, известный ученый-филолог Ю.М. Лотман.

В работе Юрия Михайловича Лотмана «Механизм смуты. К типологии истории русской культуры» (Всемирное слово. 2010. № 6) подчеркивается, что у каждого исторического события возникает «целый пучок потенциальных возможных продолжений». Последующий исторический процесс, по его мнению, как бы осуществляет отбор: определенные тенденции подавляются, другие – получают дальнейшее развитие [10, с. 6].

Если учитывать эти процессы, то станет очевидным, что историк должен изучать не только сложившийся облик событий, но и потенциально возможные пути, оставшиеся нереализованными. Эта методологическая посылка дает нам право говорить о «сослагательном наклонении» не только в языкоznании как науке, но и в истории. В этом смысле замечательной и убедительной иллюстрацией является Новгородская средневековая республика во времена смуты.

По мнению историков, Новгород известен с середины IX века. В это время племена, жившие вокруг озера Ильмень, призвали скандинавский клан во главе с Рюриком служить у них наемниками. Клан Рюрика возглавлял армию, собирая налоги и осуществлял правосудие [16, с. 69].

Высшая политическая власть принадлежала обществу в целом, что подчеркивалось величественным титулом города «Господин Государь Великий Новгород» [9, с. 146]. Новгородцы относились к князю Владимиру как первому среди равных русских князей, но никогда не считали себя его вассалами [11, с. 146]. С самого начала отличительными чертами Новгородской республики были этническое многообразие и конфедеративная система управления [3, с. 146].

Власть князей имела значительные ограничения, и историков удивляет, зачем они были нужны Новгороду вообще. Город, когда это было нужно, видимо, прекрасно обходился и без них, и, кажется, некоторое время горожане подумывали об отмене княжеского правления (жители самого восточного поселения, Вятки, в конце концов так и сделали [15, с. 259]. Однако полный отказ от княжеского стола серьезно дестабилизировал бы новгородскую политическую систему, в которой тщательно уравновешивались интересы богатых и знатных родов, церкви и населения в целом [2, с. 135]. Такая система «сдержек и противовесов», говоря современным языком, считалась ключевой для сохранения независимости республики и традиции участия граждан в управлении.

Еще одной новгородской традицией, связанной с политической системой, было общеноародное избрание духовенства. В средневековом Новгороде священники и население называли кандидатов на высшие церковные должности через местные вече. Имена трех самых популярных кандидатов помещались в урну, и победителя выбирал слепой («перст Божий»). При выборах епископа результаты должны были быть подтверждены городским вече, и только после этого кандидат направлялся для рукоположения к митрополиту [5, с. 2-19].

Новгород раньше Москвы соприкоснувшись с европейской культурой, играл центральную роль в распространении на Руси изучения латыни [13, с. 68]. Первый перевод Библии на русский язык и первая русская энциклопедия появились в Новгороде [1, с. 9]. Первая в России Греко-славянская академия была открыта в Новгороде в 1706 г. двумя выпускниками университета Падуи. В дополнение к семинарскому образованию она готовила учителей для первых в стране 14 гимназий [4, с. 12]. Все эти тенденции привели некоторых историков к мысли о том что, если бы Новгород избежал присоединения к Москве, Россия открылась бы для Запада значительно раньше.

Опасаясь, что Новгород станет соперником Москвы, в 1570 г. Иван Грозный совершил внезапный набег на город. В течение трех дней он убил более трех тысяч человек, в основном знать и духовенство, выслал 40 знатных семей в Москву и упразднил все выборные должности в купеческих гильдиях [6, с. 105].

Глубоко укоренившаяся идея самоуправления пережила даже этот удар со стороны царя. В XVII в. уличные выборы, выборы городского главы и даже городские собрания (которые теперь назывались «земская изба») постепенно заменили московскую административную систему [14, с. 41-42]. Известный историк Зимин отмечает, что Новгород даже сохранил свою собственную финансовую и денежную систему [8, с. 8, 108]. Почти два столетия спустя после вынужденного подчинения Москве, как отмечают историки, новгородцы высказывали острую неприязнь к московским обычаям, и жаловались, что москвичи «не понимают обычай новгородские» [7, с. 11]. Поэтому неудивительно, что при первой возможности – шведском вторжении 1611 г. – Новгород пожелал отделиться от Москвы и приветствовал захватчиков.

Оглядываясь на историю Новгорода, можно сказать, что хотя в Новгородской республике не было демократии в современном смысле этого слова, для средневековья простые люди в ней обладали удивительно большим правом на участие в делах власти. Косвенным подтверждением этого высокого уровня гражданского участия является почти тысяча средневековых берестяных грамот, найденных при раскопках в городе [17, с. 166].

С возвышением Московского государства и упадком Новгорода альтернативный путь развития, воплощением которого Новгород когда-то был, стал выглядеть как далекий мираж. Почти все историки XIX в. рассматривали историю Новгорода как рассказ-предостережение о хрупкости свободы. Даже Николай Костомаров, известный историк «северорусского народоправства», с огромным сожалением отметил, что превращение России в современное государство потребовало принесения свободы в жертву на алтарь национального единства [12, с. 13]. В 1998 г. в главном российском академическом журнале «Вестник Российской академии наук» была опубликована полемическая статья под названием «Если бы в конце XV в. Новгород одержал победу над Москвой?» [4, с. 11].

Автор, заслуженный специалист по славянским языкам из Венского университета Александр Исаченко, категорически отвергает аргументы о том, что Москва была хоть в чем-то более прогрессивной, чем Новгород. Сравнительную отсталость России в области науки, культуры, финансов и права, считает он, можно

прямо отнести к «активно-реакционному духу», царившему в Москве [4, с. 11]. В Новгороде же, напротив, развитая внешняя торговля, отсутствие угрозы набегов степных народов, а также передовое вооружение и дипломатические стратегии, развившиеся под влиянием взаимоотношений с Тевтонским орденом, заложили фундамент pragматичной и гибкой политической системы.

Исаченко утверждает, что культурные, лингвистические и иконографические элементы новгородской культуры напрямую связаны с западнославянскими традициями Моравии и Богемии. Предвосхищая аргумент, выдвинутый впоследствии археологом Валентином Яниным, он также утверждал, что Новгород был более развит, чем Киев, с точки зрения его правовой традиции, языка торговли и светского языка. Если бы развитие Новгорода не было прервано, современный русский литературный язык появился бы в нем гораздо раньше, чем в Москве. В заключение он пишет: «Москва с ее ультраакционным изоляционизмом была неспособна превратить полуазиатское государство в европейскую державу... Но если допустить, что руководящей силой на Руси еще в XV в. мог стать Новгород вместо Москвы, то и пресловутое «окно» [С.-Петербург, «окно в Европу» Петра Великого] оказалось бы излишним: ведь дверь в Европу через Новгород была бы открыта настежь».

Известнейший российский археолог, специализирующийся на средних веках, Валентин Янин, считал, что Новгород имеет более веские доводы считать себя предтечей сегодняшней России, чем Киев, потому что, в то время как Москва унаследовала свою республиканскую форму правления от Киевской Руси, Новгород сохранил политический плюрализм и прочные торговые связи с Западом.

Тема Новгорода поднималась в последние годы многими исследователями. Известный ученый и общественный деятель Дмитрий Лихачев писал, что чувства потомков древнего Новгорода за свою историю заставляли их считать себя скорее частью «Скандинавии», чем Евразии [8, с. 113-114]. Популярные писатели и публицисты также стали подчеркивать политическое значение Новгорода для сегодняшнего дня. В дискуссионной публикации «Царь Борис и падение Золотой (Советской) Орды» популярный политический обозреватель Геннадий Лисичкин пишет, что Россия

сбылась с пути не в 1917, а в 1478 г. и коммунизм стал результатом централизации, а не наоборот [7, с. 164].

Все развитие России сложилось бы совершенно иначе, если бы в конце XV в. Новгород, а не Москва, оказался руководящей, главенствующей силой объединяемой страны. И такая возможность реально существовала.

Новгород XV в. был почти что европейским городом, не знавшим ни коррупции, вызванной в оккупированной части страны татарщиной, ни жуткой азиатчины московского велиокняжеского и боярского быта. Опираясь на древнюю республиканско-демократическую традицию, поддерживая самые живые торговые и политические отношения со странами Запада, Новгород во главе объединенной Руси не допустил бы рокового изолирования страны от духовного и технического прогресса Европы эпохи Возрождения. Идеи гуманизма, идеи Реформации не остановились бы на границах Польши и глубоко изменили бы облик отсталой Московии, приобщая страну к главным источникам европейской мысли. Весьма вероятно, что под влиянием Реформации в Новгороде появился бы первый перевод Библии не на почти что заумный древнеболгарский, а живой русский язык.

Реакционная деятельность балканских эмигрантов, тянувших Москву вспять Византии, не нашла бы себе почвы в условиях европеизации, истинная литература (а не только письменность) на русском языке появилась бы на два с половиной века раньше, и сам литературный язык отразил бы в себе не только шамканье московской просвирни, сколько язык просвещенных новгородцев. Литературный язык развивался бы не в оранжерейных условиях славянщины, не в затхлой среде малокультурного духовенства, а в демократической среде свободного города, духовно открытого на Запад, как и на Восток.

Различные сюжеты смуты – лишь одна из нитей в обширном пучке возможностей [10, с. 7]. Мы не видим оснований не соглашаться с этим мнением. Тем более, что о соотнесении реальной истории с ее утраченными возможностями думал и писал выдающийся соотечественник П.Я. Чаадаев. С.Ф. Платонов в изданной им в 1923 г. книге «Смутное время. Очерки истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI и XVII вв.» предпослав анализу Смуты типологическое сопоставле-

ние «московского» и «новгородского» путей России. И хотя выводы, к которым приходил историк, были иными, чем у А.В. Исаченко, сам характер научного мышления сопоставим.

В качестве версии в историческом пути России нам представляется, что Смуты сыграли существенную роль с точки зрения осуществления тех альтернатив, которые сулили более благоприятный для страны ход событий, где государственный успех, престиж, влияние, стабильность, отсутствие периодически повторяющегося геополитического одиночества сочетались бы со свободой как надежной защищенностью личности, прав и собственности граждан.

А для этого необходимо демонстрировать не самодовольство, как в средневековые фантазии о «Третьем Риме», а настойчивое, мощное и долговременное солидарное усилие общества и государства, если нас не устраивает бесконечное блуждание по одной и той же исторической колее, игнорируя важнейшие элементы «сослагательного наклонения» в развитии современной истории России.

Гражданский вариант развития России реализуется необычайно противоречиво и с постоянными социально-экономическими отклонениями от европейских тенденций. Не хочется соглашаться с горькой констатацией выдающегося мыслителя П.Я. Чаадаева: «Опыт времен для нас не существует. Века и поколения протекли для нас бесплодно.» [17, с. 330]. Поэтому в заключении на наш взгляд уместно краткое пожелание Михаила Пруса-ка: «Будущее за теми странами, кто заглянет глубже в историю» [12, с. 1].

Таким образом, проведенное исследование показало, что сослагательное наклонение полностью применимо к историческому процессу и не является одноплановым. Наши знания и анализ событий способны подразделять это пространство на возможные варианты. Сослагательное наклонение вывело нас на проблему существования целого ряда возможностей, открывая перспективу более глубокого анализа исторических альтернатив на материале выражаемых в языке условно-следственных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варенцов В.А. Структура управления Новгородом в XVI веке // Вест. Новгород. гос. ун-та; Сер. «Гуманитарные науки», 1996, май.
2. Григорьева А. Из истории идеи ренессансного гуманизма в новгородской культуре XVI-XVIII вв. // В. Андреев. Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы научной конференции 11-13 ноября, 1998. – Новгород: НГУ им. Ярослава Мудрого, 1998.
3. Дубов И.В., Фроянов И.Я. Проблемы истории Северо-Запада Руси. – СПб, 1995.
4. Исаченко А. «Если бы в конце XVв. Новгород одержал победу над Москвой?» // Вестник Рос. акад. наук. 1998, № 68.
5. Коварская С.А. Духовно-образовательные традиции в социодинамике культуры Великого Новгорода // Вестник НГУ им. Ярослава Мудрого Сер. «Гуманитарные науки». 2000, №16 (ноябрь).
6. Крысько В.Б. Без гнева и пристрастия // Вестник Рос. акад. наук. 1999, №69.
7. Лисичкин Г. Есть ли будущее у России – М., 1996.
8. Лихачев Д.С. Нельзя уйти от самих себя... // Новый мир. Июнь, 1994.
9. Лихачев Д.С. Раздумья о России – СПб, 2001.
10. Лотман Ю. Механизм смути. К типологии истории русской культуры (Всемирное слово. 2010. №6).
11. Мартышин О.В. Вольный Новгород: общественно-политический строй и право феодальной республики. – М., 1992.
12. Прусак М. Видные экономисты, государственные и общественные деятели о событиях последних лет // Российское предпринимательство: история и возрождение. – М., Русское деловое агентство, 1997.
13. Скрынников Р.Г. Трагедия Новгорода – М., 1994.
14. Супрун В.И. Смелый эксперимент // Вестник Рос. акад. наук. 1999, №69.
15. Филатов С., Лункин Р. Другая Святая Русь // Дружба народов. 2001, №5.
16. Фроянов И.Ю. Мятежный Новгород: очерки истории государства, социальной и политической борьбы конца XIX – начала XIII столетия – СПб, 1992.
17. Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избранные письма. – М., 1991.

РИТОРИЧЕСКИЙ ВОПРОС КАК ТИП ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ЗАГОЛОВКОВ В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИСТИКЕ УКРАИНЫ

В.А. Омельяненко

Российский университет дружбы народов

ул. Миклухо-Маклая, 6а, Москва, Россия, 117198

Днепропетровский национальный университет им. Олеся Гончара

пр. Гагарина, 72. Днепропетровск, Украина, 49010

Вопросительный заголовок является одним из наиболее частотных синтаксических способов создания газетного заголовка. В статье проанализированы риторические вопросы как структурно-грамматическая разновидность вопросительного заголовка в аспекте реализации экспрессивной и информативной функций современных русскоязычных газет Украины.

Ключевые слова: экспрессия, вопросительный заголовок, риторический вопрос

RHETORICAL QUESTION AS A TYPE OF QUESTION HEADINGS IN MODERN UKRAINIAN JOURNALISM

V.A. Omelyanenko

Peoples' Friendship University of Russia

Miklukho-Maklaya str., 6a, Moscow, Russia, 117198;

Dnepropetrovskiy National University n.a. Oles Gonchar

Gagarin ave., 72, Dnepropetrovsk, Ukraine, 49010

Question title is one of the most frequent syntactic ways to create a newspaper headline. The article analyzes the rhetorical questions as the structural and grammatical variation in the aspect of the question header implementation of expressive and informative features of modern Russian-language newspapers in Ukraine.

Keywords: expression, question title, rhetorical question

Вопросительное высказывание в роли газетного заголовка – сравнительно новое явление в публицистике конца XX – начала XXI века. Форма вопроса является удобной для передачи авторского намерения и осуществления проекции на последующий текст [3], так как обеспечивает «связность» двух составляющих статьи.

Вопросительные конструкции как особая коммуникативно-конструктивная единица экспрессивного синтаксиса представлены в структуре газетного заголовка, существующего в условиях «синтаксического минимализма» [4, с. 190-198] во всём многообразии их типов. В задачи данной статьи входит рассмотрение риторического вопроса как наиболее частотной структурно-грамматической разновидности удачного заголовка-вопроса.

Вопросительный заголовок представляет собой мини-текст, в котором на первое место выдвигается оценочность и функция прогнозирования содержания последующего текста: это текстовые функции, которые вопрос приобретает в позиции заголовка, и именно в этом заключается его перлокутивный эффект [3].

Вопросительная конструкция в структуре газетного заголовка часто представлена риторическим вопросом – экспрессивным утверждение или отрицанием, вопросом, не требующим ответа, изучение которого как риторического приёма ведётся ещё со времён античности. Начиная с 1936 года, когда французский учёный Ф. Брюно доказал необходимость учитывать коммуникативно-содержательный фактор при классификации вопросительных высказываний [9] нормативные грамматики стали включать в них и риторические вопросы, выделяя два типа вопросительных конструкций – реальные вопросы и риторические (ложные).

Взгляды современных лингвистов на риторические вопросы неоднозначны: одни учёные выносят их за пределы вопросительных конструкций и называют псевдовопросами [7, с. 530], так как с точки зрения семантики их следует отнести к утверждениям. Кроме того, важно подчеркнуть, что игровая функция риторических вопросов, часто актуализированная именно в позиции заголовка современного медиатекста, отмечается лингвистами при анализе типов и приемов языковой игры: так, В.З. Санников называет этот приём «маскировкой» [7, с. 532].

Кроме того, вопросительные конструкции подразделяются на информативные и неинформативные, и именно к последним относят риторические вопросы, передающие предположение спрашивающего о действительном положении дел или констатирующие определённое положение дел в мире говорящего [8, с. 14].

«Русская грамматика» в составе вопросительных конструкций выделяет типы на основе первичных и вторичных функций

этих предложений [6]. Первичные функции подразумевают функцию вопросительности, где вопрос направлен на поиск информации, а во вторичных функциях вопрос не требует ответа. Авторы «Грамматики» отмечают, что риторический вопрос во вторичных функциях «ориентирован не на получение ответа, а на передачу информации, – всегда экспрессивно окрашенной» (выделено мной. – В.О.) [6, с. 396].

При выборке заголовков, содержащих в своей структуре риторический вопрос, из русскоязычных газет Украины, таких как «Зеркало Недели» (ЗН), «Комсомольская правда» (КП), «Новая газета» (НГ), «Украина криминальная» (УК), за основу было взято определение В.Г. Гака, по мнению которого риторический вопрос – это «использование вопросительного высказывания во вторичной функции, который не требует ответа, хотя ответ и возможен» [2, с. 172].

Риторический вопрос в позиции заголовка, который в силу своей вопросительной формы не может быть громоздким, выполняет две важные функции: передачу информации, с одной стороны, и ее экспрессивную актуализацию, с другой.

В структуре газетного заголовка всегда присутствует целевая установка, направленная на решение определённых задач. Так, примеры с классическим риторическим вопросом: «*Нужны ли нам церковные вузы и школы?*» (КП, 26. 01. 13), «*Студентам занижают оценки, чтобы сэкономить на стипендиях?*» (КП, 15. 01. 13) предлагают читателю вместе с автором поразмышлять над поставленной проблемой, но при этом адресанты выражают и собственное эмоциональное отношение к обсуждаемой в тексте статьи проблеме. С помощью первого заголовка журналист подводит читателя к выводу о необходимости церковных школ, с помощью второго стремиться убедить в несправедливости преподавателей.

Наиболее употребительные вопросительные заголовки создаются с помощью местоименных вопросительных слов **как, кто, кого, когда, куда, зачем, откуда, почему, чему, что, сколько:** «*Сколько стоит в Украине частная охрана?*» (УК, 11. 10. 12), «*Когда будут судить Ющенко?*» (УК, 12. 01. 12), «*Что убил интернет?*» (УК, 24. 11. 12), «*Чему равна добавленная стоимость правительства?*» (НГ, 7. 01. 13), «*Кого в Украине власть сможет посадить за клевету?*» (УК, 27. 09. 12). Вопросительно-

относительные местоимения в приведённых заголовках выполняют катафорическую функцию, так как содержат ссылку к тексту статьи, в котором даётся разъяснение¹³. По сути это повествовательные предложения, частично раскрывающие тему статьи, но сохраняющие при этом «интригу».

Часто риторический вопрос в заголовке используется с целью сообщения какой-либо информации («*Facebook выпускает свой смартфон?*») (КП, 15.01.13), степень достоверности которой подвергается автором сомнению. Лишь обратившись к тексту статьи, читатель понимает, что выпуск смартфона социальной сетью Facebook – пока всего лишь слухи.

Автор статьи может выражать собственное отношение к отдельной личности: «*Янукович закрыл окно в Европу?*» (ЗН, 15-22. 06. 12) или к ситуации – «*90-е возвращаются?*» (ЗН, 1-6.03.13). В первом заголовке автор, противопоставляя В.Ф. Януковича великому просветителю Петру I, открывшему «окно» в Европу, выражает негативное отношение к президенту, который не может разблокировать евроинтеграцию Украины. Второй заголовок выражает отношение к сегодняшней ситуации на Украине, напоминающей «лихие» 90-е годы, когда преступность процветала.

Функция вопросительности сохраняется и в тех случаях, когда автор обращается с вопросом или к конкретному лицу: «*Есть ли у вас план, господин президент?*» (КП, 16. 03. 13), либо ко всем читателям «*Как вы относитесь к усыновлению украинских детей иностранцами?*» (КП, 17.01.13), «*Вы считаете свою работу опасной?*» (КП, 12.03.13), или же к определённой группе: «*Киевляне, а вы знаете этих людей?*» (КП, 13.01.13). Обращаясь к читателям, журналисты часто используют дискуссионные вопросы, например: «*Вы довольны своей зарплатой?*» (КП, 20. 03. 13), «*На что бы вы потратили последние деньги?*» (КП, 31. 01. 13). Задавая бытовые вопросы, ответы на которые есть у любого обывателя, адресанту удаётся настроить читателя на диалог, вступить в «коммуникативное соавторство» [1; с.53]. С этой целью автор

¹³ Термин *катафорический* (греч. *katáphorá* - несение сверху вниз) означает «отсылающий к последующему компоненту сообщения, т.е. к тому, что будет сказано позже»; эту функцию наряду с анафорической, обычно выделяют у местоимений.

часто поднимает вопрос, который априори является дискуссионным: «*Возможен ли в Украине кипрский сценарий?*» (КП, 22.03.13). Читатель может поспорить с журналистом или же согласиться с его мнением, но задача автора – убедить читателя в своей правоте.

Помимо того, что риторические вопросы в вопросительной конструкции обладают эффектом убеждения, они также часто являются носителями имплицитной информации и выступают эффективным средством скрытого речевого воздействия на адресата. Например, в заголовке «*Что может остановить рост доллара?*» (КП, 6.02.14) информация о том, что рост доллара можно остановить, выражена эксплицитно, а информацию о том, что доллар растёт, читатель воспринимает как очевидную, давно ему известную, независимо от того, правдивая она или нет. Эта информация является имплицитной. Заголовок «*Как нам сейчас объединить Украину?*» (КП, 22.01.14) также содержит имплицитную информацию: Украина разъединена, в то время как внимание читателя направлено на восприятие основной, эксплицитной информации, то есть на то, что Украину можно как-то объединить.

Как показал анализ, риторические вопросы в системе вопросительной конструкции требуют особого внимания. Формально они представляют собой вопросительные предложения, но по своей сути не являются вопросами, поскольку не содержат компонента «незнание» и не требуют прямого ответа. Однако и полностью повествовательными их считать не следует: они находятся на границе между вопросительными и повествовательными предложениями. Они направлены не на получение ответа, а на передачу экспрессивно окрашенной информации, которая способна вызвать у читателя определённую реакцию. Именно поэтому их можно отнести к приёмам экспрессивного синтаксиса, повышающим эффективность медиатекста. Кроме того, вопрос, даже риторический, поставленный в заголовке, – сильной позиции текста, вызывает интерес читателя ко всей статье, а, следовательно, выполняет и рекламную функцию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. – М., 1993.
2. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка.– М., 2000.
3. Карим С.М. Заголовок-вопрос на газетной полосе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2003.
4. Ремчукова Е.Н. Лингвокреативность рекламного слогана // Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XIV. Развитие и вариативность языка в современном мире. Ч.II. –Тарту, 2011а.
5. Риффатер М. Критерии стилистического анализа. – М., 1979.
6. Русская грамматика. Т. 2. – М., 1980.
7. Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. – М., 2008.
8. Терёшкина Л.З. Функционально-семантические типы вопросительных предложений в современном французском языке. Автореф. дисс. канд. филол. наук. – М., 1971.
9. Brunot F. La pensée et la langue. – Paris, 1936.

ДИНАМИКА ОБРАЗОВАНИЯ НИКА: ИМЯОБОЗНАЧЕНИЕ И ИМЯУПОТРЕБЛЕНИЕ

О.В. Паньчак

*Горловский институт иностранных языков
ГВУЗ «Донбасский государственный педагогический университет»
ул. Рудакова, 25. г. Горловка, Донецкая обл., Украина, 84626*

В статье рассмотрены два этапа в функционировании виртуальных имен – имянаречие и имяоношение – с точки зрения динамической теории онимов. Выделение данных этапов в никообразовании трактуется как доказательство лингвистического статуса ников.

Ключевые слова: ник, имянаречие, имяоношение, онимная номинация.

DYNAMICS OF NICKFORMATION: NAMEGIVING AND NAMEBEARING

O.V. Panchak

*Horlovka Institute of Foreign Languages
HSEE "Donbass State Pedagogical University"
Rudakova str., 25, Horlovka, Donetsk region, Ukraine, 84626*

The article discusses two phases in the functioning of virtual names – namegiving and namebearing – in the light of the dynamic theory of onyms. Distinction of these phases in nickformation is interpreted as a proof of the linguistic status of nicks.

Key words: nick, onymic nomination, namegiving, namebearing.

Не вызывает сомнения тот факт, что язык, развивающийся в пространстве и времени, является динамической системой. Динамика онимной номинации предполагает два этапа функционирования имени – имяречения и имяношения, то есть отбор имени и использование имени в коммуникации. По нашему мнению, эти два этапа можно выделить и в функционировании ников (виртуальных имен, используемых для самономинации пользователей во всемирной сети), что станет доказательством их лингвистичности.

Следует отметить, что еще английский философ XIX века Дж. Милл выделял эти две ступени в функционировании онимов. Ученый связывает имяречение с формированием «идеи об объекте», иными словами, он указывает на особую значимость перцепции в данном процессе. А имяупотребление связывает с необходимостью введения уникальных объектов в дискурс.

С точки зрения современной когнитивно-дискурсивной теории это значит, что Дж. Милл определяет особое место собственных имен (по крайней мере, антропонимов и зоонимов) в дискурсе как его обязательной части. Антропонимы являются важнейшим звеном, связывающим человека с непосредственным окружением и обществом в целом. Собственные имена (далее СИ) функционируют в различных типах дискурса, но особенно часто в диалогическом. Вхождение в прямую коммуникацию требует именования, то есть при непосредственном общении важно знать имя собеседни-

ка. Мир Интернета копирует эту ситуацию: виртуальная коммуникация требует номинации участников.

В момент имянаречения говорящий, фоноряд и объект номинации именем оказываются в одном пространстве и времени, и между ними устанавливаются отношения прямого указания как результат интенции человека – автора номинации [1].

Процесс наречение ником, естественно, имеет свои особенности и отличия от наречения реальным именем. Во-первых, это самономинация, во-вторых, номинация в сети – это скорее технический момент, своеобразный пропуск на участие в виртуальной коммуникации. И зачастую пользователь спонтанно выбирает себе имя. Об этом свидетельствуют такие ники как, например, *12345*, *йцукен*, *йийий* и под. Но функционально ники, как и другие СИ, предназначены для выделения уникального объекта и процесс наречения виртуальным именем происходит в том же режиме: «я-здесь-сейчас».

На этапе использования при вторичном употреблении имени в других дискурсивных обстоятельствах присутствие объекта номинации в пространстве и времени говорения не является обязательным. Это этап имяупотребления. В виртуальном мире Интернета также наблюдается такой процесс. После регистрации пользователя на каком-либо сайте или форуме, то есть пройдя процесс имянаречения, его имя может начинать функционировать уже без обязательного присутствия автора и носителя имени, то есть говорящего. Отрываясь от ситуации, теряется связь между именем и лицом, и тогда СИ перестает реагировать на пространство и время.

Alisa-108: Девочки, пекла пирог Гагарина по рецепту от Jelenka давно на него "глаз положила"! Супер вкусно!
(<http://povary.ru/forum/index.php?showtopic=1749>)

joot: ...euh...Dites...On peut rejouer???.... en tous cas je me sens également proche des citations (donc des goûts?) de Mimoune, Sunlighth-s um et un peu de mon voisin Zorro26...Salut! Joot 07 ;-)
(http://forums.france2.fr/france2/cinema/vos-meilleurs-films-sujet_1695_1.htm)

Как видно из примеров, о пользователях под никами *Jelenka* и *Mimoune*, *Sunlighth-s um*, *Zorro26* говорится в 3-ем лице и их присутствие не обязательно для существования и функционирования их имен в данных высказываниях.

Согласно теории Дж.Милла, имена собственные, в отличие от нарицательных, не коннотируют: они обозначают индивидов, называемых ими; однако не указывают и не имплицируют, что этим индивидам присущи какие-либо атрибуты. Как следствие, СИ, в отличие от нарицательных, не имеют значения [6, с. 36]. То есть в случае с СИ человек устанавливает соотнесение прямо, без дескрипций, как ярлык. По мнению Дж. Милла, СИ может иметь атрибутивные связи, но они включаются либо в момент создания нового имени, либо в момент имянаречения. Но данные связи не составляют часть сигнификации имени, поскольку имя и объект не обусловлены данными атрибутивными связями в процессе ношения имени. Итак, «СИ – это только незначащие метки» [6, с. 36].

На концепции Милла о лишенной смысла референции основывает свою теорию английский лингвист А. Гардинер. При отсутствии необходимости в смысле, формальная, звуковая сторона имени становится особенно значимой. По мнению А. Гардинера, звук в СИ затрагивает наше внимание намного больше, нежели это происходит в именах нарицательных (далее ИН) [4, с. 35–38]. При этом СИ как идентифицирующие знаки распознаются не интеллектом, а чувствами [4, с. 41]. Это весьма существенный тезис, который дает некоторое основание для постулирования общей идеи, разграничающей СИ и ИН, а в нашем случае для объяснения существования необычных форм ников.

При создании ников пользователи также уделяют особое внимание формальной стороне имени. Но в отличие от реальных имен,ники не употребляются в устной речи, то есть звуковая сторона имени отсутствует, поэтому большое значение имеет написание имени, где каждый стремится к привлекательности и уникальности, используя различные знаки и символы. А отсутствие правил написания и цензуры способствуют развитию языкового творчества (рус.: •♥•ღw0k0lAđç•♥•, ƳDevuş}@_S @_Dresom Ƴ, meGa_ՎայշՆիՙ_uzROK, o_SoLnic...♣.) Довольно часто для таких форм характерен графически зеркальный внутрисловный иконизм (фр.: *(R)*DeV*(R)*, ★Xx EmmA xX★, mOOm, N0x0N). Мы считаем, что здесь речь может идти об отражении компонента благозвучия, столь значимого для СИ, в «благографии» (приятном для глаза изображении знака).

Среди относительно новых идей по теории языка и теоретической ономастике следует отметить теорию проприальности британского профессора ономастики Ричарда Коутса. В своей статье «Проприальность» он излагает новый, нетрадиционный взгляд на природу проприальности. По мнению ученого, это должен быть лингвистический подход, основанный на процессе коммуникации, а не логико-философский, как принято в гуманитарном знании [3, с. 356]. Базовая идея ученого состоит в том, что «проприальность» лучше понимается как понятие прагматики, а не грамматики или структуры» [3, с. 356]. То есть в его понимании проприальность – это категория употребления, это способность выражения реферировать без описательных категорий лексических единиц [3, с. 369]. Иными словами, проприальность – это референция без смысла [3, с. 371]. А распознавание смыслов происходит в рамках конкретного контекста употребления.

Р.Коутс считает, что СИ являются те выражения, которые способны реферировать онимически. Ученый вводит принцип априорной онимной референции, согласно которому любая бессмысленная звуковая последовательность языка будет интерпретироваться как СИ [3, с. 371]. Иными словами, любое именное выражение может считаться проприальным, если оно способно уникально онимно реферировать.

Точка зрения Ричарда Коутса о том, что каждая незначащая последовательность фонем представляет собой потенциальное СИ, является крайней. Так как в таком случае количество СИ в языке будет практически неограниченно. И весь этот ресурс должен храниться в человеческом мозгу, объем которого ограничен, заучиваться в ограниченное время, мгновенно кодироваться в вербальные единицы по мере надобности в процессе коммуникации. Но эта теория помогает объяснить существование ников, которые не соответствуют национально-культурным представлениям о СИ. К таким относятся, например,ники в форме случайно набранных на клавиатуре символов (*1234567, 11111, фывапр, ыыыыыы*).

Р. Коутс полагает, что онимы не способны на семантическую референцию, поэтому называет термином СИ только морфологически простые, так называемые прототипические СИ типа *Лондон, Сара* и подобные. В. ван Лангендонк критически относится к такой интерпретации СИ, поскольку тогда прототипические

(в том числе и с точки зрения Р. Коутса) СИ оказываются на периферии проприальности [5, с. 67–68]. Однако если рассмотреть категорию СИ динамически, как это предлагает Коутс, с учетом двух фаз в их функционировании – наделение и ношение – станет понятным, что прототипические СИ утратили способность к семантической референции, поскольку мотивация их формирования как онимных единиц утрачена. Р. Коутс особо уточняет, что иногда при говорении семантическая мотивация возвращается. Так, например, можно вообразить случаи, когда в речи актуализируется этимология имен: *Светлана* – светлая личность, *Богдан* – данный богом.

На наш взгляд, в никах распознать мотивацию формирования легче, чем в реальных именах из-за того, что не прошло достаточного времени от момента создания виртуальных имен, чтобы была утрачена мотивация.

Особое место в концепции Ричарда Коутса занимают литературные имена (характонимы) и названия художественных произведений. Общий вывод относительно имен в художественных произведениях заключается в том, что «литература – искусство, поэтому резонно полагать, что этот факт нарушает обычные представления о присвоении имени» [3, с. 377].

Как и в мире художественных произведений, в мире Интернет создание имен и имянаречие – это речетворчество. Поэтому присвоение таких имен более мотивировано. Ник, например, может быть мотивирован профессиональной деятельностью пользователя: *ja_barrister*; его увлечениями или интересами: *Чайка* (увлечение – полеты, парашютный спорт); датой рождения: *sergt78* (1978 г.р.) или местом проживания: *Саша Одессит*.

Р. Коутс указывал на то, что присвоение СИ – сознательный акт, основанный на мыслительном процессе отбора проприальной леммы, в то время как «ношение» никак не связано с реальными свойствами предмета [3]. По нашему мнению, знаковая операция с СИ должна рассматриваться в два этапа – отбор имени и использование имени в коммуникации.

С точки зрения логической семантики, процесс имянаречения предполагает отбор некоего уникального звукоряда, который может иметь мотивацию, для именования уникального объекта. Исходя из этого, для именования лучше всего подошла бы слово-

форма типа *БОЧ1998* (биологический объект «человек» 1998 года рождения) – реальное имя ребенка, которое родители хотели ему присвоить, кстати говоря, мотивируя свой выбор именно необходимостью «уникализации». Но как подтверждают результаты анализа так называемой искусственной номинации, этого в действительности не происходит, и это имя не было зарегистрировано [2]. Носители языка категорически не приемлют такого рода именования. И это свидетельствует о том, что уникальность имени – это не единственный принцип имянаречения человека. Структура знаковой операции с СИ регулируется и социально-культурными практиками общества, а также законами изоморфизма [1].

Так, в абсолютном большинстве случаев для олимпийской номинации используют готовые грамматико-фонетические формулы, менее или более структурированные социальными и культурными практиками общества.

Имя в виртуальном мире служит для идентификации, выделения Интернет-пользователя. Стремясь отличаться, пользователь выбирает себе необычное, несоответствующее норме имя, а особенность Интернет среды позволяет это сделать. Так, с одной стороны пользователь волен в выборе абсолютно любого имени, используя для самономинации как СИ, так и ИН, цифры, специальные знаки и т.д. Но с другой стороны, человек все же ограничен в выборе.

Во-первых, это касается технических средств, необходимых для номинации. По правилам регистрации большинства форумов имя не должно занимать более 25 знаков. Набор электронных знаков и символов большой, но также небезграничен в программе. Кроме того обязательным условием имянаречения в Интернет-среде является абсолютная уникальность имени. В отличие от официальных имен реального мира в Интернет-пространстве запрещена тезоименность в рамках одного сайта. Таким образом, часто пользователи просто лишены возможности зарегистрироваться под выбранным на свой вкус именем либо взять свое настоящее имя или ФИО, даже при всем их желании. Процесс наделения именем во многом определяется техническими особенностями Интернет-среды.

Во-вторых, как для реальных антропонимов, так и для виртуальных имен, существуют культурологические и онтологиче-

ские лимиты для называния. Так, несмотря на отсутствие каких-либо правил и ограничений в выборе между СИ и НИ для самономинации, согласно нашим исследованиям большинство ников – это стереотипные СИ. Для образования ников основным лексическим полем служат собственные имена пользователей Интернета (27,4%). Настоящее имя или фамилия могут быть представлены в неизмененном виде (рус.: Анастасия, Дмитрий Комадовский, Александр Юрьевич, фр.: MélanieMangione, MarionPerrot, MathildeNavarre), но чаще модифицированные различными способами (рус.: М.Ария, IvanOFFedor, Евгениус, Киса Анатольевна, ♀♀♀Svetka♀♀♀, ♂АнГелiН♂Ч]ָ{a♂, ♪lad♪, фр.: ∅ Alex ∅, *~*JeRoMe*~*, @julien@, Vicky Xxx). Также основой ника могут быть другие СИ: имена литературных и мифических персонажей, киногероев, известных людей. Можно сказать, чтоники тяготеют к модели собственных имен, что приближает их к норме естественного языка.

При переходе СИ из фазы имяобозначения в имяупотребление, то есть, начиная использоваться в коммуникации и при описании носителя, имя становится частью субъектно-предикатной структуры высказывания, где получает базовые признаки лексико-грамматического класса существительного. Такой же процесс можно наблюдать и на примерах виртуальных имен:

jcbon : Comme le dit Chris68 dès qu'il a cadenas il y a anguille sous roche. Je repartis mon argent en différents endroits... il y a ainsi moins de risque que l'éventuel voleur trouve toutes les planques. (<http://www.lonelyplanet.fr/forum>)

DJ KLIM: <http://www.sendspace.com/file/bzgvyt> Помогите опознать

San Francisco: спроси у Толика фильтра... энто же трек он играл

DJ KLIM: *Ок, спасибо за инфу! :)* (http://forums.kuban.ru/f1054/poisk_i_opoznanie-752149-3.html)

В данных примерах СИ *Chris68* и *Толик фильтер* свободно перешли в нарратив, получив при этом соответствующие падежные формы существительного согласно правилам национальных языков: *Chris68* (И.п.), *Толика фильтра* (Р.п.)

Но специфичность некоторых виртуальных имен, в особенности тех, которые формально наименее лингвистичны, приводит

к сложности и неудобству их склонения. Поэтому, несмотря на переход их в нарратив, в разных позициях форма имени не меняется. Возможно, в этих случаях можно говорить об отнесении их к классу неизменяемых существительных.

viktor: а сколько стоит открыть Visa Virtuon БПС? и можно каким нибудь образом открыть онлайн?

Sveter: Здесь все найдете.

*Lily: viktor, все так как по ссылке **Sveter**, только карту они сейчас не дают, а только конверт с ПИН-кодом (пластик в стране закончился). Итак 10 тыс за интернет-банкинг и 15 тыс за конверт (или 25 не помню) Это на год (потом в конце срока можно продлить) и большие никаких комиссий и платежей. (<http://www.shopzona.info/forum>).*

Как видно из последнего примера, имя **Sveter**, перейдя в зону нарратива, не получило грамматического признака существительного, а именно соответствующего окончания Р.п.

Таким образом, в практике использования СИ предполагают наличие двух фаз употребления: наделение именем (экстралингвистический процесс) и «ношение имени» (лингвистический процесс). Такие же этапы можно выделить и в функционировании ников (виртуальных имен), что является доказательством их лингвистического статуса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белицкая Е.Н. Семантика онима (динамический аспект). – Горловка: Изд-во ГИИЯ ГВУЗ «ДГПУ», 2013.
2. Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 – русский язык. Урал. гос. ун-т им. А.М.Горького. – Екатеринбург, 1998.
3. Dauzat Albert. Les Noms de famille de France Traité d'anthroponymie française / A.Dauzat. – Paris: Payot, 1945.
4. Gardiner Alan. The theory of proper names. A controversial essay / A.Gardiner; Second edition. – London: Oxford University Press, 1957.
5. Langendonck Willy Van. Theory and Typology of Proper Names / W. Van Langendonck. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2007.
6. Mill John Stuart. A System of Logic, Ratiocinative and Inductive: Being a Connected View of the Principles of Evidence, Methods of Scientific Investigation / J.S.Mill. – London: John W. Parker, 1843.

КОНСТРУКЦИИ МОДЕЛИ «ПРЕДЛОГ С+N5N2» СО ЗНАЧЕНИЕМ СРАВНЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

А.В. Петров

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского
просп. Акад. Вернадского, 4, Симферополь,
Республика Крым, Россия, 295007

В статье с опорой на логическую формулу сравнения изучаются конструкции, построенные по структурной схеме **C+N5N2**. Установлено, что в присубстантивной позиции актуализируется логическая формула сравнения – $a\beta b$ (реже, *cab*), в прилагольной – cb или $c\beta b$.

Ключевые слова: логическая формула сравнения, конструкции **C+N5N2**, элементы логической формулы сравнения: поясняемое понятие (*a*), поясняющее понятие (*b*), основание сравнения (*c*), ограничители элемента *a* (α), ограничители элемента *b* (β).

CONSTRUCTION OF THE MODEL «PREPOSITION C+N5N2» WITH THE MEANING OF COMPARISON IN RUSSIAN LANGUAGE

A.V. Petrov

*Tauride National University n.a. acad. V.I. Vernadsky
Acad. Vernadsky ave., 4, Simferopol, Republic of Crimea, Russia, 295007*

Constructions that are built on the structure scheme **C+N5N2** are studied in this article, relying on the logical formula of comparison. It is found that the logical formula of comparison $a\beta b$ (rarely *cab*) actualizes in the presubstitute position, in the prepredicate position – cb or $c\beta b$.

Key words: logical formula of comparison, construction **C+N5N2**, elements of the logical comparison formula: the concept that isclarified (*a*), the concept that clarify (*b*), the basis of comparison (*c*), limits of the elementa *a* (α), limits of the element *b* (β).

Как известно, Тв. п. – один из древнейших способов выражения сравнения. Одно из значений Тв. падежа – это значение превращения, уподобления. Ср. *лететь соколом, смотреть зверем*. А. А. Потебня обращал внимание на то, что сравнение (по

латыни – *comparatio*), являющееся категорией формальной логики, предполагает наличие трёх элементов: 1) понятие, которое требует пояснения (*comparandum*); 2) понятие, которое служит для пояснения (*comparatum*); 3) посредствующий, связующий элемент, служащий “мостиком” между двумя понятиями (*tertium comparationis*), т. е. третье сравнение, третья величина при двух сравниваемых [3, с. 130]¹⁴.

В конструкции *смотреть зверем* представлены компоненты *c* (основание сравнения) и *b* (образ сравнения), причём основание сравнения хотя и названо, но не детализировано: *иметь хмурый, враждебный, недовольный вид*. Исследователи отмечают семантическое перерастание Тв. превращения в Тв. сравнения, однако грань эту трудно определить. А. А. Потебня писал, что «разница между творит. превращения и сравнения неграмматична, т. е. не формальна, а вещественна, и может быть определена в каждом частном случае лишь при помощи обширного круга мыслей, не соответствующего грамматической единицы» [4, с. 486]. По мнению К. И. Ходовой, «...в более позднее время тот же самый творительный в тех же самых или схожих грамматических условиях обозначает по сути дела животное или неодушевлённый предмет, движение которого напоминает движение субъекта» [6, с. 183].

Как отмечает В. В. Колесов, от сравнения, осуществляющегося по отдельным признакам, уподобление отличается тем, что это «выражение полного превращения в новую форму», ‘то же самое’, а не просто ‘похожее’» [1, т. V, с. 148].

В анализируемом типе конструкций **C+N5N2** Тв. п. представлен в другом варианте: наблюдается переход Тв. синкретического в Тв. аналитический. Обусловлено это тем, что в основание сравнения положен один из качественных признаков, один из способов действия: *взлетел с ловкостью сокола*.

Т.А. Тулина проецирует сравнительные отношения на синтаксические конструкции разного характера и исходит из положе-

¹⁴ В статье принятые следующие условные обозначения: *a* (понятие, которое требует пояснения), *b* (понятие, которое служит для пояснения). Основание сравнения обозначим как *c*. Применительно к исследуемым предложным конструкциям *a* соответствует компоненту **N5**, а *b* – компоненту **N2**.

ния о том, что «степень эксплицитности выражения сравнительного отношения пропорциональна степени развёрнутости синтаксической конструкции и зависит от того, какое количество членов логической формулы сравнения получает словесную реализацию. При этом следует учитывать, что формула такого отношения включает четыре члена: сравнение, основание сравнения и предметные переменные данного отношения (*a, b*)» [5, с. 51].

Предложно-падежная форма может занимать присубстантивную или прилагольную позицию. В присубстантивной позиции во многих случаях основание сравнения в конструкциях **C+N5N2** является неопределенным, непрочитываемым и не выводится из контекста вследствие широкой сети словесных ассоциаций или потому, что носитель языка не владеет культурно-исторической информацией, заключённой в *b* – образе сравнения (т. е. в компоненте **N₂**). При этом «лингвокультурологическая компетентность» отражает системно организованные знания не только о национальной культуре реципиента, но и о мировой культуре. Особенно ярко это проявляется, когда образом сравнения является имя собственное. Ср.: *В глаза бросилась светская львица с лицом Софи Лорен.* (Комсомольская правда, 2001.11.05. – НКРЯ) Чтобы декодировать сравнительную конструкцию в приведённом контексте, нужно знать, кто такая **Софи Лорен**, и, главное, помнить её внешность. Поэтому в текстах компонент *b* может уточняться (например, *с лицом актёра, киноактёра, кардинала, поэта*): *«парень с лицом актёра Виктора Логинова»* (Груд-7, 2010.06.18); *«с лицом знаменитого французского киноактёра Адольфа Менжу»* (К. Г. Паустовский. Повесть о жизни); *«человек с лицом кардинала Мазарини»* (М. Горький. Жизнь Климента Самгина); *«священник с лицом поэта Надсона»* (К. Г. Паустовский. Книга о жизни. – НКРЯ).

В качестве компонента *b* выступают также литературные персонажи, персонажи живописи, скульптур, герои из кинофильмов: *«среднего роста, худой очкарик, с лицом князя Мышикина»* (М. Козаков. Актёрская книга); *«молодой человек с лицом несторовского отрока»* (И. Муравьёва. Документальные съёмки) – аллюзия на картину «Видение отроку Варфоломею» (1889–1890), которая написана Несторовым на сюжет, взятый из «Жития преподобного Сергия» авторства Епифания Премудрого.

[ru.wikipedia.org]; «*Пашка... с мускулатурой микеланджеловского Давида*» (Ю. Нагибин. Терпение) – аллюзия на мраморную статую Давида работы Микеланджело, итальянского скульптора, живописца, архитектора и поэта; «“красный директор” с внешностью Серафима Огурцова» (С. Эйгенсон. Дима и Василий Алексеевич) – персонаж из фильма Э. Рязанова «Карнавальная ночь». Именно этот образ давал возможность придать фильму сатирическую, злободневную направленность. [1001material.ru]

В связи с этим в текстах основание сравнения (их может быть несколько) нередко эксплицируется. Ср.: *Лизавета оглянулась и увидела даму в чёрном заношенном платье и с лицом народоволки – истовым, серъёзным.* (М. Баконина. Школа двойников. – НКРЯ) Положение усложняется, когда элемент *b* оказывается представленным не одним словом, а подчинительным словосочетанием, поскольку зависимые слова, отмечает В. М. Огольцов, «логически ограничивают элемент сравнения, оказывают прямое влияние на компаративные отношения в структуре и, следовательно, выступают в качестве особого компонента (β)» [3, с. 34]. Специфика анализируемых конструкций $C+N_5N_2$ заключается в том, что в их составе находит воплощение не элемент *a*, а его лексические ограничители, которые В. М. Огольцов предлагает обозначать через *a*. Например, элемент *a* находится с *a* в партитивных отношениях части с целым (ср. в следующем предложении *юноша – ноги*): *Генерал отступил торжественным маршем, юноша с беличным лицом и с ногами журавля отправился за ним.* (А. И. Герцен. Былое и думы)

В то же время на развёртывание членов логической формулы сравнения влияет занимаемая позиция предложно-падежной формы – присубстантивная или прилагольная. В присубстантивной позиции конструкции актуализируется следующая логическая формула сравнения – *a* β *b* (реже, с *ab*), а в прилагольной – *cb* или *c* β *b*. Следовательно, в прилагольной позиции в составе конструкции обязательно эксплицируется основание сравнения. Приведём примеры. Ср. логическую формулу сравнения конструкции в присубстантивной позиции (*a* β *b*): *Особенно помню одного высокого худощавого студента-ветеринара (a) с длинными русыми волосами и с лицом (a) молодого (β) Чернышевского (b).* (В. В. Вересаев. Воспоминания. – НКРЯ).

Конструкции **C+N₅N₂** в приглагольной позиции реализуют логическую формулу сравнения *acb* или *acβb*: *Редакторы (a) тогдашних времён копались в текстах с придиличностью (c) следователей (b)*. (Д. Самойлов. Общий дневник. – НКРЯ) и *Наконец уже ввечеру поздно показался Мардохай и Янкель. Сердце Тараса замерло. – Что? удачно? – спросил он (a) их с нетерпением (c) дикого (β) коня (b)*. (Н. В. Гоголь. Тарас Бульба. – НКРЯ)

В контекстах наблюдаются увеличение компонентов **N₅** и распространение компонента **N₂**. Так, компоненты **N₅** оформляются при помощи однородных членов с сочинительным союзом И: *Наталья Митрофановна, поглядывая на эти поля, любила упрекать Бориса Митрофановича в бездеятельности, а он хлеб свой действительно добывал с большим трудом, перепродаив различную чепуховину на толчке с лицом (a) и взором (a) аристократа (b)...* (Вс. В. Иванов. Б. М. Маников и его работник Гриша. – НКРЯ)

Возможно также увеличение компонентов **N₂**, однако оформляются они при помощи однородных членов с противительным союзом ИЛИ: – *И Зинаида Павловна указала глазами на полную даму (a) с лицом (a) пожилой (β) певицы (b) или цыганки (b1) из кафешантана (β), одетую в розовое шёлковое платье, вырезанное до последних границ приличия...* (А. И. Куприн. Впотьмах. – НКРЯ)

Компонент **N₂** распространяется а) определением, выраженным именем прилагательным. Ср.: *Он [почтальон] (a) лежал, как будто прислушиваясь, матово-бледный, с лицом (a) древнего (β) воина (b)*. (В. А. Каверин. Освещённые окна. – НКРЯ); б) определением, выраженным причастным оборотом: *Батюк (a), человек небольшого роста, с лицом (a) замученного войной (β) солдата (b) обрадовался Крымову*. (В. Гроссман. Жизнь и судьба. – НКРЯ); в) однородными определениями: *Это был высокий, худой старик (a) с лохматыми седыми волосами, с лицом (a) закоренелого (β1) и одинокого (β) пьяницы (b), трясущийся, одетый в самое рваное лохмотье...* (А. И. Куприн. Пиратка. – НКРЯ); г) неоднородными определениями: *Я увидел высокого довольно толстого мужика (a), с лицом (a) старой (β1) курносой (β) чухонки (b)*. (А. С. Пушкин. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года. – НКРЯ).

Может распространяться не только компонент N_2 , но и компонент N_5 . Ср.: *А публике Екатерининского сквера, к великому удовольствию нянек и ребятишек, представилось курьёзное зрелище, как длинный человек (а) с жёлтым (а1) лицом (а) факира (б) прыгал на месте с вытянутыми вверх руками, стараясь поймать за верёвочку шар, упавший всё выше и выше в голубое пространство.* (Л. А. Чарская. Мой принц. – НКРЯ)

Зафиксированы случаи, когда распространяются оба компонента: *Маленький быстрый человечек [Пабло Пикассо] (а) со сморщенным (а1) лицом (а) старой (β1) мудрой (β) ящерицы (б), столько раз оставлявший хвост в руках тех, кто пытался её схватить, приручить, показывал мне свои работы.* (Е. А. Евтушенко. Картинки, свёрнутые в трубки. – НКРЯ); *Вон сидит старая женщина (а) с очень длинными седыми волосами, с закрытыми глазами, с худым (а1) лицом (а) индейского (β) вождя (б), она – старая хиппица...* (В. Аксёнов. Круглые сутки нон-стоп. – НКРЯ)

Ассоциации, выходящие за границы обихода и обычая, зачастую опираются на предикативные и полупредикативные единицы. Среди первых выделяются фразовые номинанты, среди вторых – причастные обороты, выполняющие функцию обособленных определений. Ср.: *Хозяин (а) являлся праздничный, весёлый, с осанкой богатого барина, с походкой (а) человека (б), которого жизнь протекает в избытке и довольстве (β).* (Н. В. Гоголь. Мёртвые души. – НКРЯ) и *С легкомыслием (с) дикаря (б), меняющего золотые слитки на стеклянные бусы (β), напудренные щеголихи (а) отрастывали дедовские кладовые, где в продолжение не одного столетия накаплялось много всякой всячины.* П. И. Мельников-Печерский. На горах. – НКРЯ); *Леонид (а) с уверенностью (с) человека (б), имеющего хорошие документы (β), небрежно протянул ему бумажку.* (В. В. Вересаев. В тупике. – НКРЯ)

Естественно возникает вопрос, какова частота приложимости конкретного образа, компонента b , выполняющего функцию N_2 в составе анализируемых конструкций. Например, для фрагмента **с лицом** в Национальном корпусе зафиксированы три образа, повторяющиеся по три раза: **херувим, убийца и фавн**. Ср.: *И бросился на Юлия, желая только одного – придушить этого негодяя с лицом херувима!* (С. Осипов. Страсти по Фоме. – НКРЯ);

Хозяин – мрачный, заспанный, лохматый хохол с лицом убийцы – уже давно не верит ни одному моему слову. (А. И. Куприн. Как я был актёром. – НКРЯ); *Этот длинноносый сухопарый человек с лицом фавна и ёрнической манерой говорить носил фамилию – Пушкин и имя – Александр.* (Е.С. Гинзбург. Крутой маршрут. – НКРЯ)

В качестве компонента *b* в составе конструкций выступают одушевлённые имена. В НКРЯ представлены три контекста с компонентом *b* – неодушевлённым предметом: *Суровый санитар (a), с лицом (α) самосвала (b), принял передачу и, волоча длинными руками пакеты по полу, понёс их куда-то...* (С. Осипов. Страсти по Фоме. – НКРЯ) и *Примерно на такой же веранде я впервые увидел жену Бунина – Веру Николаевну Муромцеву, молодую красивую женщину – не даму, а именно женщину (a), – высокую, с лицом (α) камеи (b)...* (В. П. Катаев. Трава забвенья. – НКРЯ); *В кабинете, развернутый наискось от окна к углу, стоял стол, а за ним прямо и низко, как школьник за партой, сидел подросток-мужчина (a) с лицом (α) залежавшегося (β) яблока (b), – оно лоснилось и в то же время увядшие морщилось, и невозможно было определить, сколько лет этому товарищу – шестнадцать или тридцать два.* (К. Воробьёв. Вот пришёл великан. – НКРЯ)

Наименее изученными в компаративном поле являются предложно-падежные сочетания, в том числе и конструкции **C+N5N2**. В зависимости от занимаемой позиции в составе конструкции актуализируются различные элементы логической формулы сравнения. В присубстантивной позиции актуализируется логическая формула сравнения – *aβb* (реже, *cab*), в прилагольной – *cb* или *cβb*. Таким образом, в прилагольной позиции в составе конструкции обязательно эксплицируется основание сравнения. Лексические ограничители компонентов *a* и *b* варьируют логическую формулу сравнения, которая может включать в себя более трёх эксплицитно выраженных компонентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесов В. В. Уподобление // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. – СПб., 1995. – Т. 5. – С. 148–150.
2. Огольцов В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. – 160 с.

3. Потебня А. А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. – Харьков: Мирный труд, 1914. – 164 с.
4. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. – Т. I-II. – М., 1958.
5. Тулина Т. А. О способах эксплицитного и имплицитного выражения сравнения в русском языке // Филологические науки. – 1973. – № 1. – С. 51–62.
6. Ходова К. И. Творительный превращения и сравнения // Творительный падеж в славянских языках. – М., 1958. – С. 181–192.

О ЕДИНИЦАХ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ТЕКСТА)

М.В. Пименова

*Владимирский государственный университет
имени А.Г. и Н.Г. Столетовых
ул. Горького, 87, Владимир, Россия, 600000*

В работе на материале древнерусского текста рассматриваются основные единицы лексико-семантической системы языка (с точки зрения синтагматического, парадигматического и эпидигматического аспектов).

Ключевые слова: единицы лексико-семантической системы, синтагматика, парадигматика, эпидигматика.

ON UNITS OF LEXICAL-SEMANTIC SYSTEM (ON THE BASIS OLD RUSSIAN TEXTS)

M.V. Pimenova

*Vladimir State University n.a. A.G. and N.G. Stoletovy
Gorky str., 87, Vladimir, Russia, 600000*

In this paper, on the basis old russian texts discusses the basic units of lexical-semantic system of language (in terms of syntagmatics, paradigmatics and epidigmatics aspects).

Keywords: units lexical-semantic systems, syntagmatics, paradigmatics, epididactics.

Как известно, в науке о языке процесс выделения и дефиниции единиц лексико-семантической системы сопровождался многочисленными дискуссиями. В лексикологии накопилось множество определений *слова* [3, с. 422-423; 20, с. 35-63], поскольку ему, «как и некоторым другим исходным лингвистическим понятиям, ... трудно дать универсальное общее определение» [12, с. 472].

Академик, профессор Лев Алексеевич Новиков в своей фундаментальной работе «Семантика русского языка» (1982), обращаясь к данной проблеме, отмечает, что «...главная сложность заключается не столько в том, чтобы решить эмпириически, с точки зрения «здравого рассудка», что есть слово в каждом отдельном случае (в отличие, например, от морфемы или различного вида словосочетаний), сколько в том, чтобы учесть все необходимое в общем универсальном научном определении слова» [12, с. 472]. Л.А. Новиков вслед за классиками отечественной лингвистики – А.М. Пешковским и В.В. Виноградовым – разграничивает основную и элементарную лексические единицы, к которым он относит *слово* (С) и *лексико-семантические варианты* (ЛСВ), образующие «...смысловую структуру одного слова: **современный**: *современны́й₁* – ‘нынешний, теперешний’ ↔ *современны́й₂* – ‘одновременный с кем-либо, с чем-либо’; **день**: *день₁* – ‘светлая часть суток’ ↔ *день₂* – ‘сутки – с полуночи до полуночи или с утра до утра; также и вообще сутки’; ↔ *день₃* – ‘рабочий день’ и т.п. [12, с.474]. Как отмечает Л.А. Новиков, слово и ЛСВ связаны отношениями включения (ЛСВ ⊂ С), в связи с чем он предлагает следующее определение основной лексико-семантической единице языка: *слово* – «это совокупность формально тождественных и внутренне взаимосвязанных лексико-семантических вариантов, т.е. конкретных, непосредственно воспринимаемых реализацией его в тексте» [12, с. 476].

Опираясь на труды Л.А. Новикова, отметим, что слово на эмическом уровне представляет собой *инвариант*, или **слово-тип** (сопоставимый с понятием фонемы в фонологии), реализующийся

на этическом уровне в виде *вариантов*, или **слов-членов** – элементарных лексико-семантических единиц [12, с. 473, 482] (подобно тому, как фонема реализуется в звуках). Рассмотрим варианты слова с точки зрения различных аспектов изучения языка, обращая особое внимание на особенности их проявления в древнем (древнерусском) тексте.

С точки зрения **синтагматического аспекта**, или «линейного ряда», который предполагает, по Ф. де Соссюру, отношения, основанные «...на линейном характере речи и свойстве ее протяженности, односторонности, последовательности» [9, с. 447], элементарными лексико-семантическими единицами являются **словоформы** (Ф.Ф. Фортунатов, В.А. Богородицкий, А.И. Смирницкий), или **лексы/аллолексы** (Л.А. Новиков), как заместитель слова-инварианта в каждом конкретном тексте, т.е. «... текстовые варианты реализации одной лексемы, отличающиеся грамматическими формами (*человек, человека..., люди...*)» [12, с. 482]).

Кроме того, вслед за Ш. Балли (положившим начало изучению «раздельнооформленных лексических единиц» [4, с. 89-111]), а также в соответствии с современным «принципом укрупнения» лексикологии, отражающим действие закона асимметричности языкового знака [16, с. 28-30], мы к лексико-семантическим единицам синтагматического уровня относим также следующие образования.

Во-первых, устойчивые сочетания слов и словосочетания различных видов, являющиеся минимальными единицами древнерусского текста, которые мы предлагаем обозначать термином **синкреметмы** (подробнее см. [14]), например: (парные именования) *плач и рыданье, радость и веселье, честь и слава, судь да дело, клен-дерево, гуси-лебеди, вѣра и правда;* (этимологические фигуры) *свѣть свѣтлыи, трубы трубять, думу думати, дѣло дѣлати, исполнити полы;* (постоянные эпитеты и устойчивые книжные атрибуты) *красна дѣвица, сѣрыи вѣлкъ, великии князь, бѣлыи клобукъ, крестное цѣлованіе, воровские люди;* (устойчивые сравнения) *аки дѣница, яко свѣтила, яко агнецъ, акы нѣкая ехидна, яко соколь млады, акы татъ в ноши;* (ОГИО – описательные глагольно-именные обороты) *възложити чѣсть, творити чинь, одержати побѣду, судь дати, источи слѣзу* и др.

Во-вторых, лексико-семантическими единицами древнерусского текста являются **формулы** (В.В. Колесов, О.В. Творогов) – семантически несвободные фразы, которые могут объединять несколько синкремет-сintагм, восходящих, как правило, к текстам Священного Писания. Например: *жена добрая дражасши бо есть камения драгаго и бисера многоѹннаго* (Пс. XXXI, 10) [5, с. 671]; *по образу и по подобию (Божию), по существу* (Быт. I, 26, 27) [5, с. 848]; *сладка сут словеса твоя, паче меда устомъ моимъ* (Пс. CXVIII, 103) [15, с. 324] и др.

Третьей лексико-семантической единицей древнерусского текста является **словесный ряд** – законченный в смысловом отношении отрезок письменной речи, эксплицирующий единое значение (В.В. Виноградов, А.И. Горшков). Например: «*Тыльмъ бяше красень, высокъ, лицъмъ кругльмъ, плечи велищ, тънькъ въ чресла, очима добраама, весель лицъмъ, рода мала и усь младъ бо бѣ еще, свѣтлѧя цесарьски, крѣпкъ тѣльмъ, вѣсяльски украшенъ акы цвѣтъи въ уности своеи, в ратъхъ хрѣбѣръ, въ съвѣтнхъ мудръ и разумънъ при вѣсемъ и благодать божия цвѣтѧше на немъ*» [17, с. 58].

Следует отметить, что современное понимание сущности способов текстообразования колеблется в широком диапазоне от их трактовки как дидактических структурных образцов школьного обихода (*сочинение-описание, сочинение-повествование, сочинение-рассуждение; сочинение-описание с элементами рассуждения* и т.д.) до рассмотрения их как логических форм, в которых осуществляется процесс мышления (во-первых, основанное на перечислении статичных постоянных признаков объекта оценки *описание*, во-вторых, характеризующее объект оценки через развивающиеся действия или состояния *повествование*, в-третьих, оценивающее объект путем установления причинно-следственных связей между явлениями *рассуждение* [10, с. 34-146]. Мы придерживаемся второго, более общего подхода к способам организации текста, то есть понимаем их как формы, отражающие структуру процесса мышления.

В нашей работе рассматриваются выражающие эстетическую оценку семантико-сintагматические единицы текста (типы словесных рядов), к которым принадлежат, как показывает наш

материал, не только традиционно выделяемые и имеющие современные аналоги функционально-семантические типы речи (*описание* и *повествование*), но и, в-третьих, являющийся прообразом рассуждения особый способ текстообразования, который мы условно называем **толкованием**. При толковании происходит оценка объекта путем его отождествления с одушевленным/неодушевленным эталоном (эталонным объектом) и тем самым осуществляется конкретизация абстрактного значения (духовного плана) высказывания (см. также [2]).

В качестве примера сопоставим не содержащий толкования символов «исходный» текст Григория Богослова и его толкование Кириллом Туровским в «Слове на антипасху». Ср.: (Григорий Богослов) «*Нынѣ же ратай рало погружаетъ, ... и подъ яремъ ведеть вола орачъ, и прочертаетъ сладкую бразду, и надеждами веселится ... и рыбарь глубины прозираетъ, и мрежу очищаетъ, и камениемъ пресѣдитъ ... Нынѣ же гнѣздо птица устрояетъ, и ово убо привосходитъ, ова же вселяется, ова же облѣтаетъ, и оглашаетъ лугъ и прилаголюетъ человѣку» (цит. по [11, с. 434] – (Кирилл Туровский) «*Нынѣ ратаи слова, словесныа юнца къ духовному ярму приводяще, и крестное рало въ мысленыхъ браздахъ погружающе, и бразду покаания прочертающе, и смя духовное всѣвающе, надеждами будущихъ благъ веселятся ... и рыбари глубину божия въчеловѣчения испытавше, полну церковную мрежю ловитвы обрѣтаютъ ... Ныня вся добrogласныя птица церковныхъ ликовъ гнѣздающеся веселяться. И птица бо, рече пророкъ, обрѣте гнѣздо себѣ алтаря твоя ... и свою каяждо поющи пѣснь славить Бога гласы немолчными <...> Ныня зима грѣховная покаяниемъ престала есть...*» [8, с. 471].*

С точки зрения **парадигматического аспекта**, рассматривавшего «ассоциативные» (Ф. де Соссюр), или парадигматические (Л. Ельмслев), отношения в «вертикальном ряду», традиционно выделяются следующие элементарные лексико-семантические единицы.

Во-первых, лексема как «...совокупность форм и значений, свойственных одному и тому же слову во всех его употреблениях и реализациях» [6, с. 257]. Л.А. Новиков отмечает, что каждая из лексем как единиц лексики (типа *стол, книга, окно*)» обладает раз-

ветвленной системой грамматических форм (числа, падежа и др.) и имеет свое предметное содержание ('предмет мебели', 'печатное издание в виде переплетенных вместе листов', 'отверстие в стене (стенке) для света и воздуха')» [12, с. 349].

Вторая лексико-семантическая единица с точки зрения парадигматического аспект – это *поле* как «...иерархическая структура множества лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением и отражающих в языке определенную понятийную сферу» [14, с. 458].

Следует указать на то, что парадигматические (иерархические) отношения между единицами, актуализирующими значение эстетической оценки, как показывает наше исследование, окончательно сформировались только в кон. XVII – нач. XVIII в. (когда появился семантический инвариант, имеющий конкретное лингвистическое воплощение в виде слова-доминанты, выражающего родовое понятие), а в донациональный период их заменяли (и, как представляется, подготавливали) предполагающие разные способы выражения одного и того же содержания отношения *вариантности*, которые, отражая не традиционное, а индивидуальное словоупотребление, существовали между различиями (лексическими *вариантами*) разных списков памятника в идентичных контекстах [7, с. 64-65].

Так, например, в списках «Сказания о Борисе и Глебе» наблюдается варьирование компонентов сложных прилагательных, свидетельствующее о наличии вариантов выражения эстетическую оценку единиц: *добро-родыни* / *добро-лыни*. Ср.: (Успенский сборник) «... И вси зъяще его, тако плакаашеся *о добродынъмъ тѣлѣ* и чѣстьнѣмъ разумѣ въздраста его»; (Минеи-Четыи): «... и вси, зъяще его слезна, плакауся *о добролыннемъ тѣлѣ* его и *о честнѣмъ возрасте разума его*» [1, с. 181; 17, с. 45].

Следует отметить, что следующий аспект – **эпидигматический** (греч. επί – над, сверх) [18, с. 118], или **ассоциативно-деривационный** (лат. derivato – отведение, образование) [19, с. 190-210]), связанный с семантической производностью, то есть с процессом преобразования лексического значения исходной единицы, признается не всеми лингвистами, свидетельством чему является отсутствие фиксации данного системного аспекта изучения

языка в учебных пособиях, в лингвистических терминологических и энциклопедических словарях О.С. Ахмановой, ЛЭС, энциклопедии «Русский язык» и др., хотя учет этой «третьей структурной оси организации лексики» [18, с. 118] необходим (особенно – в историко-семасиологических исследованиях), так как ось эпидигматики «удерживает» единство слова в диахронии.

С точки зрения данного аспекта исходной лексико-семантической единицей является *этимон* (греч. ἀτύπον – первоначальное значение и форма слова), фиксирующийся в этимологических словарях. Так, например, этимологи связывают праслав. *lērpъ с и.-е. корнем *leip-, представляя развитие семантики следующим образом: ‘прилипающий, льющий’ > ‘соответствующий, подходящий’ > ‘хороший’ > ‘красивый’ [20, с. 226-227].

Кроме того, лексико-семантической единицей с точки зрения эпидигматического аспекта является *производное слово* как репрезентант или вариант этимона-инварианта [9, с. 467-469], а также лексико-семантическая группа единиц, которую мы условно называем *корневая группа*, имея в виду производные слова, объединенные общим корнем-инвариантом (как связанные, так и не связанные отношениями производности для того или иного синхронного языкового среза). Например: (*крас-*) *краса*, *красьныи*, *красовитыи*, *красавъ*, *красота*, *красица*, *краска*, *красити*, *красеть*, *красовати*, *красовати ся*, *безкрасьныи*, *некрасьныи*, *некрасота*, *пр̄красьныи*, *красавка*, *красалай*, *красотка*, *красочный*, *красковый*, *краскотер*, *красивъ*, *красильный*, *красильня*, *неукрашеныи*, *украшати*, *украшевати*, *украшение*, *красьба*, *красило*, *крашение*, *пр̄украсити*, *краснина*, *красность*, *красница*, *красникъ*, *краснобай*, *красноперый*, *краснообразьныи*, *красолисий*, *красногриный*, *красноватый*, *краснопевец*, *красноглазъ* и др. (всего около 77 производных XI-XVII вв.).

Следует отметить, что традиционно употребляющийся в словообразовании термин *словообразовательное гнездо* уже используемого нами термина *корневая группа*, поскольку для лексических единиц корневой группы релевантны отношения генетической атракции, а не производности – непроизводности. По корневым группам (без указания на словообразовательные отношения) построены так называемые словари-корнесловы (В.И. Даляр, М.М. Изюмов, И. Калайдович, Ф.И. Рейф, Ф.С. Шимкевич).

К элементарным лексико-семантическим единицам относятся также, безусловно, **лексико-семантический вариант** многозначного слова – «минимальная речевая единица коммуникации (единство языкового значения и внешнего знака)» [12, с. 399]. Например: *поле* (1) *ехать полем, ледяное поле...* (2) *поле обоев, терраса без полей, поля шляпы...* (3) *поле обстрела и наблюдения, электромагнитное поле...* (4) *поле деятельности, широкое поле для пропагандиста...* [12, с. 445]. Необходимо отметить, что эта единица является выражением слова-инварианта как с точки зрения эпидигматического аспекта (поскольку отражает процесс семантической производности), так и с точки зрения парадигматики (поскольку значения многозначного слова образуют внутрисловную парадигму).

В качестве заключения нам представляется уместным процитировать предисловие «От автора» к «Избранным трудам» Л.А. Новикова (2001 г.), в котором Лев Алексеевич указал на значение и перспективы развития лингвистической семантики:

«Многие лингвисты справедливо считают семантику главной научной дисциплиной XX века: в ней уже отчетливо проступают ростки будущей науки о значении, которая должна характеризоваться дальнейшим укрупнением и всесторонним охватом объекта (исследованием систем взаимодействующих семантических полей, текстовых категорий и смыслообразования в предложении), раскрытием механизмов реализации значений единиц разных категорий, вторичных, периферийных смыслов слов, углубленным анализом взаимосвязи семантики единиц глубинных и поверхностных структур, исследованием природы и функций эстетических знаков (язык как искусство) и многим другим.

Однако предстоит сделать гораздо больше, чем сделано до сих пор, особенно в области речевой (контекстуальной) семантики, так сказать «периферии» науки о значении, которая воистину превращается в «центр» интересов этой дисциплины» [13, с. 15].

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамович Д.И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. – Пг., 1916.
2. Антипова И.А. Способы толкования символа в древнерусском тексте: Дис. ... канд. филол. наук. – Владимир: ВГГУ, 2010.

3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – 3-е изд., стереотип. – М.: КомКнига, 2005.
4. Балли Ш. Французская стилистика / Пер. с франц. – М.: Иностранный литература, 1961.
5. Библейская энциклопедия: Репринтн. изд. 1891 г. – М.: ЛОКИД-ПРЕСС, 1991.
6. Булыгина Т.В., Крылов С.А. Лексема // Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС). – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 257.
7. Верещагин Е.М. Из истории возникновения первого литературного языка славян. Варьирование средств выражения в переводческой технике Кирилла и Мефодия. – М.: Изд-во МГУ, 1972.
8. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.
9. Кубрякова Е.С. Синтагматика. Словообразование // ЛЭС. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 447-448, 467-469.
10. Нечаева О.А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). – Улан-Удэ: Бурят, кн. изд-во, 1974.
11. Никольская А.Б. К вопросу о пейзаже в древнерусской литературе // Сб. ОРЯС АН СССР. – Т. 101. – № 3. – Л., 1928. – С. 433-439.
12. Новиков Л.А. Основы семантики. Книга «Семантика русского языка» (1982) // Л.А. Новиков. Избранные труды. – Т. 1. Проблемы языкового значения. – М.: Изд-во РУДН, 2001. – С. 341-672.
13. Новиков Л.А. От автора // Там же. – С. 13-15.
14. Новиков Л.А. Семантическое поле // Русский язык: Энциклопедия. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1997. – С. 458-459.
15. Пименова М.В. Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. – СПб.; Владимир: Филологический факультет СПбГУ; Изд-во ВГПУ 2007.
16. Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. – М.: Русский язык, 1994.
17. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. – М.: Наука, 1975.
18. Успенский сборник XII-XIII вв. / Под ред. С.И. Коткова. – М.: Наука, 1971.
19. Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человечес-

ского фактора в языке: Язык и картина мира / Под ред. Б.А. Серебренникова. – М.: Наука, 1988. – С. 108-140.

20. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). – М.: Наука, 1973.

21. Этимологический словарь русского языка: Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. – Вып. 14. – М.: Наука, 1987.

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ МИКРОТОПОНИМ КАК ЭКСПРЕССИВНАЯ ЕДИНИЦА ЯЗЫКА: К ОСОБЕННОСТИЯМ СЕМАНТИКИ

R.V. Попов

*Северный (Арктический) федеральный университет
им. М.В. Ломоносова
наб. Сев. Двины, 17, Архангельск, Россия, 163002*

В статье рассматриваются генезис, семантическая структура, коннотации и мотивированная семантика городских микротопонимов, образованных от коннотативных собственных имен, а также от нарицательной лексики.

Ключевые слова: городская лексикография, коннотативный микротопоним, семантическая структура слова, мотивировка номинации.

UNOFFICIAL MICROTOPONIMY NOTION AS EXPRESSIVE LANGUAGE UNIT – A WORD ON SEMANTICS SPECIFIC FEATURES

R.V. Popov

*Northern (Arctic) Federal University n.a. M.V. Lomonosov
Sev. Dvina emb., 17, Arkhangelsk, Russia, 163002*

The paper deals with the source, semantic structure, intents and root-based semantics of urban microtoponymy notions formed from connotative personal names as well as from common names.

Keywords: city lexicography, connotative microtoponymy, semantic structure.

В неформальном общении для обозначения микрорайонов города, улиц, жилых домов, магазинов, кафе, памятников и т.д. употребляются неофициальные микротопонимы, мотивированные другими собственными именами. Так, едва ли не в каждом городе есть свой *Белый дом* ‘здание администрации’ (стены которого не обязательно белого цвета), *Бродвей* ‘центральная улица (уход.)’, *Шанхай* ‘городская окраина; поселок (уход.)’, *Бермудский треугольник* ‘средоточие увеселительных заведений’; *Чикаго* или *Гарлем* ‘криминальный район, часто удаленный от центра города’, *Китайская стена* ‘длинный, многоподъездный дом’ и т.п. Эти коллоквиализмы и сленгизмы, по мнению Е.С. Отина, образуются не непосредственно от первичных имен собственных, а от этих знаков, уже ставших частью русской культуры, наделенных в ней определенными коннотациями, – от коннотативных ономов [4]. Весь механизм порождения вторичных собственных имен, мотивированных коннотонимами, можно схематично представить следующим образом: *Бродвей*₁ (годоним) → *Бродвей* ‘главная улица’ (коннотоним) → *Бродвей*₂ (неофициальный годоним); *Шанхай*₁ (ойконим) → *Шанхай* ‘трущобы’ (устар.) (коннотоним) → *Шанхай*₂ (урбанонимы); *Соловки*₁ (инсулоним) → *Соловки* ‘отдаленное место’ (коннотоним) → *Соловки*₂ (урбаноним) [4, с. 60].

Заметим, что у слова *Шанхай* не случайно выставлена помета «устар.» – в современном городском узусе коннотация ‘трущоба’ у него деактуализируется, сменяется другими: ‘окраина’, ‘теснота’, ‘скученность’; ‘старые деревянные здания’ (иногда ‘частный сектор’), и соответствующий микротопоним получает значение ‘бедная окраина города, часто застроенная деревянными домами’.

В дальнейшем переход ономов из одного разряда в другой (трансонимизация) может завершиться образованием соответствующего апеллятива, как это произошло, например, со словом *Бродвей*. Кстати, это едва ли не единственный случай, когда академическая лексикография «заметила» городские неофициальные микротопонимы и отметила речевое качество, присущее целому

ряду этих единиц, а именно их способность обозначать и конкретную реалию, то есть выступать «чистыми» собственными именами, и обобщенное понятие, ср.: **Бродвей**, -я (улица в Нью-Йорке) и **бродвей**, -я (центральная улица города) [7, с. 65].

Представляется, что в речи и в языке вторичные микротопонимы имеют и предметную, и понятийную соотнесенность, не являясь исключением из основной массы лексических единиц, полнознаменательных номинаций. В литературе не раз указывалось на «более бедную семантическую структуру значений» ономастической лексики [9, с. 61]. Но как показывают наблюдения над разнообразным употреблением в речи неофициальных микротопонимов, происходящих от коннотативных имен, их семантическая структура так же, как и у других слов, состоит из конкретно-предметного (референтного и денотативного) и концептуального значений. Например, в следующем примере из омского «Словаря современного русского города»: [паказывай, где-тут важ брадвей] [8, с. 44] – *Бродвей* называет конкретную реалию: центральную улицу Омска. Однако в речи может быть представлена также и понятийная отнесенность этого слова, ср.: [брадвеяв зъдесь – раз, два и-апчёлся] [8, с. 44]. Здесь уже имеется в виду любой *бродвей*, *бродвей* вообще.

Следовательно, схема трансонимизации имени собственного *Бродвей* должна быть дополнена третьим звеном: *Бродвей*₁ (улица в Нью-Йорке) → *Бродвей* ‘центральная улица города’ (коннотоним) → (*Бродвей*₂ – микротопоним в конкретном городе) → *Бродвей* / *бродвей* (уход. ‘центральная улица русского города’). Отметим, что орографически микротопонимы как названия единичных топообъектов и обобщенных понятий не дифференцируются, строгая кодификация здесь не предусмотрена – в газетах такие слова пишут и с прописной, и со строчной буквы, а могут заключить их в кавычки.

Приведем еще один пример того, как академическая лексикография описывает случайно попавший в поле ее зрения любопытный коннотативный микротопоним. Словарь-справочник «Новые слова и значения-90» [2] включает следующую словарную статью:

Гарлем, а, м. Перен., публ. В написании *Гарлем* и *гарлем*. О районе города, небольшом пригороде – месте обитания, собирания бедных и деклассированных слоев населения. В российских городах появится множество своих «гарлемов», в которых уровень благоустройства жилого фонда будет значительно ниже.,, а плотность заселения квартир – существенно выше, чем сейчас. Независимая газета 26.8.97. Нужны ли Москве свои Гарлемы и Шанхай? Рабочая трибуна 16.11.99. Ночьюходить не боюсь, два года прожила в Беляево – «московский Гарлем», куча негров, наркотиками торгуют. Лица, 1996, 4. В каждом городе есть хулиганский район. Это наши «оторвановки», российские гарлемы. Огонек, 1996, 38. <...> – От **Гарлем** (имя собств.; бедный негритянский квартал Нью-Йорка, в США), с переходом в разряд имен нариц. [2, с. 371].

Во всех приведенных иллюстративных примерах присутствует понятийное значение слова *Гарлем*, однако только в предпоследнем оно разграничивается с денотативным, когда описывается конкретный район Москвы.

Отметим кстати, что помета *публ.* «публицистическое» в данной словарной статье отражает не первичную сферу бытования слова *Гарлем*, а факт попадания его в газетный дискурс в 90-х гг. на волне демократизации современного русского языка. Но, прежде чем оказаться на страницах газет, микротопоним *Гарлем* возник и стал употребляться в живой разговорной речи, в сленге.

Необходимо сказать также, что сложной семантической структурой, наличием референтного, денотативного и понятийного значений, обладает и другой тип коннотативных микротопонимов, который составляют имена, образованные от нарицательных существительных. «Конкретная реалия со всеми ее признаками, присущими именно ей, составляет так называемое референтное значение слова» [3, с. 147], например, *Муравейник* ‘9-этажный многонаселенный жилой дом на ул. Дзержинского в Северодвинске’. «Совокупность реалий данного класса, также со всеми их признаками, существенными и несущественными, составляет так называемое денотативное значение» [3, с. 147], ср.: «муравейники по всему городу называют общежития» (зап. автора, 2012 г.). «Наконец, совокупность существенных признаков предметов, вхо-

дящих в денотативный класс, составляет сигнификативное, или концептуальное, или понятийное значение» [3, с. 147]. Концептуальное значение микротопонима *Муравейник* можно сформулировать следующим образом: ‘многоэтажный дом (чаще всего общежитие) с большим количеством постоянно входящих и выходящих из него людей, тем самым напоминающий *муравейник*₁’. Экспликация образных, мотивировочных сем в формулировке значения микротопонима представляется желательным компонентом его словарной дефиниции.

Кроме термина *коннотоним*, предложенного Е.С. Отиным [4, с. 5], для обозначения обсуждаемых языковых единиц используют также номинацию *прецедентный оним* [6; 1]. Оба термина, как бы дополняя друг друга, с двух сторон «вскрывают» сущность данного понятия. Однако можно указать еще и на третью сторону – экспрессивность таких имен. Микротопонимы *Гарлем*, *Пентагон* ‘женское общежитие в Северодвинске’ (причем не буквой *П*), *Рублевка* ‘богатый, престижный район города’, *Муравейник*, *Клоповник* ‘многонаселенное общежитие’, *Скворечник* ‘пост ГИБДД’ всегда будут экспрессивными, так как основаны на нестандартном соотнесении богатого коннотацийами знака с новым, подчас крайне неожиданным референтом, предполагают употребление слова «в необычном наборе <...> неосновных, периферийных, вероятностных сем» [9, с. 61].

В настоящее время неофициальные микротопонимы, образованные от коннотативных собственных и нарицательных имен, продолжают появляться и активно функционировать в разговорном дискурсе, сленге, они используются в интернет-коммуникации (форумы, блоги и т.д.), проникают в региональную и центральную прессу. Разговорные и сленговые микротопонимы содержат характеристики городских объектов (от шутливой и иронической до уничижительной), данные на основании каких-либо отличительных черт. При этом у региональных сленготопонимов, обладающих разными референтными значениями, часто совпадает концептуальное содержание, так что возникает необходимость лексикографического представления таких единиц в специализированном словаре, а также включение их в переиздания общих толковых словарей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахметова М.В. Прецедентные онимы в неофициальной ойкономии // Вопросы ономастики. – 2013. – № 1 (14). – С. 41–57.
2. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: В 2 т. Т. 1. / Ин-т лингвистических исследований РАН / Т.Н. Буцева (отв. ред.). – СПб.: Дмитрий Буланин, 2009.
3. Осипов Б.И. Краткий курс русского языка: Учеб. пособие. – Омск: Омск. гос ун-т, 2003.
4. Отин Е.С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка // Вопросы языкознания. – 2003. – № 2. – С. 55–72.
5. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имён / Е.С. Отин. – М., 2006.
6. Разумов Р.В. Прецедентные онимы в неофициальном городском ономастиконе // Ярославский педагогический вестник. – 2011 – № 4. – С. 169–172.
7. Русский орфографический словарь. / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова / В.В. Лопатин (отв. ред.). – М., 2005.
8. Словарь современного русского города / Под ред. Б. И. Осипова. – М., 2003. – 565 с.
9. Стернин И.А. Экспрессивное употребление ономастической лексики // Лексика русского языка и ее изучение: Межвуз. сб. науч. трудов.: к 60-летию В. Д. Бондалетова. – Рязань: Рязан. пед. ин-т, 1988. – С. 60–68.

СООТНОШЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ И ГРАММАТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ В КЕТСКОМ ЯЗЫКЕ

Г.Т. Поленова

Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)
ул. Инициативная, 48. Таганрог, Россия, 347936

В работе ставится вопрос взаимосвязи лексических и грамматических значений в архаичном бесписьменном кетском языке. Отмечая от-

существие грамматических показателей частей речи, на примере категории класса автор делает вывод, что в основе грамматического оформления слова в кетском языке лежат факты действительности.

Ключевые слова: синcretизм, лексическая семантика, грамматическая семантика, грамматические показатели, категория класса, система склонения, структура глагола.

THE CORRELATION BETWEEN THE LEXICAL AND GRAMMATICAL SEMANTICS IN THE KET LANHUAGE

G. T. Polenova

Taganrog Institute after A. P. Chekhov (branch)

Rostov State Economic University (RINH)

Initsiativnaya str., 48, Taganrog, Russia, 347936

The paper raises a question of the correlation between the lexical and grammatical meanings in the archaic nonliterate Ket language. Noting the absence of grammatical parts of speech indicators and exemplifying by the class category the author comes to the conclusion that the facts of the reality are on the base of grammatical form of the word.

Keywords: syncretism, lexical semantics, grammatical semantics, grammatical indicators, the category of class, the system of declension, verb structure.

Изучение связи и отношений между вещью (предметом, референтом, денотатом), идеей (мышлением, понятием, значением, смыслом, сигнификатом, десигнатом, вообще интерпретацией предмета) и именем (словом, знаком, текстом), в какую бы терминологию эти понятия ни облекались и как бы они ни понимались в различных научных школах и направлениях, представляет собой один из самых фундаментальных вопросов семантики.

Л.А. Новиков

В последнее время всё больше лингвистов отказываются от резкого разграничения лексического и грамматического аспектов языка. Отказ от проведения резких границ между грамматикой и лексикой характерен, например, для работ по функциональной

грамматике А.В. Бондарко, основанных на понятии функционально-семантического поля [2, с.16-29]; для «семантических примитивов» Анны Вежбицкой [3; 4; 16; 17]. Таков и когнитивный подход к исследованию Дж. Лакоффаи Р. Лэнгекера и их последователей, признающих существование единого механизма, регулирующего функционирование и преобразование языковых единиц разного уровня [10; 15, с. 9-96и др.]. По Е.С. Кубряковой, при когнитивном объяснении языковых форм точкой отсчёта является участие этих форм в познавательных процессах [9, с. 27]; «... за кажущейся произвольностью форм скрывается их относительная мотивированность» [там же, с. 199]. Результаты современной типологической и когнитивной лингвистики учтены в книге Ю.П. Князева «Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе» [7].

Целью нашей работы является показать на материале бесписьменного и архаичного по своему строю кетского языка, что семантическая мотивированность заложена изначально как в лексические, так и в грамматические формы языка.

Кеты – малочисленная народностьaborигенов Сибири, разбросанная по селам и поселкам на берегах Енисея и его притоков, главным образом, в Туруханском районе Красноярского края. Их традиционные занятия – рыболовство и охота.

Несмотря на то, что кетский язык относят на его современном уровне развития к номинативным языкам, его специфика заключается в том, что он хранит в своей структуре черты всех степеней эволюции языкового строя согласно контенсивной типологии Г.А. Климова [6]. Уникальный кетский язык, находящийся на грани вымирания, принадлежит к некогда довольно большой группе енисейских языков. Носителями этих языков были юги (сымские кеты), арины (к северу от Красноярска), пумпоколы (в верховьях Кети), ассаны и котты (за Енисеем до Кана). Аринский, ассанский и пумпокольский языки вымерли в XVIII-м веке, коттский язык вымер в XIX веке, а югский в 70-х годах прошлого века. А.П. Володин включил енисейские языки в группу агглютинирующих языков американского типа, к которой также относятся языки следующих ареалов: пиренейский (баскский язык); кавказский; каракорумский (бурушаски) и чукотско-камчатско-курильский [см. 5, с. 131].

Под семантикой понимается значение слова, оборота речи или грамматической формы [1, с. 400]. Всё перечисленное не будет однозначным для кетского языка. Проблема выделения фонетического слова в кетской речи довольна трудна. В кетском языке есть большая группа слов, выступающих как в качестве именной, так и в качестве глагольной основы, ср.: кет. *sa:l* ‘ночевка, ночевать’, *bayasal* ‘ночную’, *bayinsal* ‘переночевал’; *huns* ‘скользкий, скользить’, *hun' baŋ* ‘скользкая земля’, *arbulanjhun* ‘у меня ноги скользить стали’ и т.п. Значительное число слов в зависимости от контекста могут выполнять функции существительного, прилагательного, глагола, наречия, послелога и т.п. Ср.: *dajaŋ* ‘болеть, болезнь, больной’; *kal* ‘воевать, война, военный’; *i^ʔl* ‘петь, песня, певчий’ и многие другие.

Кетский язык хранит явные следы былого синкремизма частей речи [12, с. 41-44]. Ни у кетского имени, ни у глагола нет специальных показателей (суффиксов), которые сигнализировали бы их категориальную принадлежность. Одни и те же основы, снабженные соответствующими грамматическими показателями, выступают то в роли имени существительного, то в роли глагола. Личные формы кетского глагола могут принимать падежные аффиксы существительного. В то же время в позиции сказуемого лично-предикативными показателями оформляются инфинитивы, прилагательные, наречия места, имена существительные в местном падеже и местоимения в этом же падеже. Например: *atqus'kejdi* ‘я в чуме’ (*qus* ‘чум’; *-kej-* показатель местного падежа; *-di*-предикативный показатель 1-го лица); *kidagejdi* ‘я в этом (чуме)’ (*kida*-указательное местоимение; *-gej*-показатель местного падежа; *-di*- предикативный показатель); *atdijak* ‘я иду’ (глагол: *di*-личный показатель первого лица); *ataxtadi* ‘хороший’ (*axta* ‘хороший’; *-di*-предикативный показатель 1-го лица) и т.п.

Генетическое единство грамматических показателей местоимений, имени и глагола достаточно демонстрирует сравнение показателей родительного падежа личных местоимений, притяжательных префиксов имён и глагольных показателей группы *B* (см. табл. 1). При этом нужно иметь в виду, что формант родительного падежа местоимения 3-го лица и имени существительного один и тот же. Идентичны также аффиксы, оформляющие

имя как сказуемое, и субъектные показатели глагола группы *D* (см. табл. 2).

Таблица 1

**Показатели родительного падежа личных местоимений,
притяжательных префиксов имён и глагольных показателей
группы *B* в единственном числе**

Лицо	Родит. падеж личных местоимений	Притяжат префиксы имён	Субъектно-объектные показатели глагола группы <i>B</i>			
			1 ряд	2 ряд	3 ряд	4 ряд
1-е	* <i>a-ba</i>	<i>b-</i>	<i>ba-</i>	<i>ba-</i>	<i>bo-</i>	<i>bo-</i>
2-е	* <i>u-ku</i>	<i>k-</i>	<i>ku-</i>	<i>ku-</i>	<i>ku-</i>	<i>ku</i>
3-е м. ж. вещ.	<i>bu-d-a bu-d-i</i> — <i>d (t)-</i> <i>d (t)-</i>	<i>da-</i> <i>d (t)-</i> <i>i/Ø-</i>	<i>-a-</i> <i>-i-</i> <i>Ø</i>	<i>bu-</i> <i>bu-</i> <i>Ø</i>	<i>bu-</i> <i>bu-</i> <i>Ø</i>	<i>-o-</i> <i>-u-</i> <i>-u-</i>

Таблица 2

**Предикативные показатели имени и глагольные личные показатели
группы *D* в единственном числе**

Лицо	Предикативные показатели имени	Субъектные показатели глагола группы <i>D</i>
1-е	<i>-di</i>	<i>di-/d-/t-</i>
2-е	<i>-ku(-gu</i>	<i>ku-/k-</i>
3-е м.	<i>-du</i>	<i>du-/ t-</i>
3-е ж.	<i>-da</i>	<i>də-/da-</i>
3-е вещ.	<i>-em/-am</i>	<i>də-/da-</i>

Субъектно-объектные показатели глагола в кетском языке впервые разделил на классы (группы) *B* и *D* Карл Боуда по – формантам 1-го лица единственного числа [14, с.98].

Приведенные таблицы наглядно демонстрируют почти полную идентичность именных и глагольных морфем. В первом и втором лицах единственного числа совпадают показатели родительного падежа личных местоимений, притяжательных префиксов имён и глагольных показателей группы *B* (см. табл. 1). Ср.:

a:baki:m 'моя жена'; *bop* 'мой отец'; *ba-yissal* 'я переночую'; *kop* 'твой отец'; *ukse:l'* 'твой олень'; *ku-t-iŋ* 'тебя-видит'; *ku-yissal* 'ты-переночуешь'. Примеры по таблице № 2 см. ниже.

Суффикс **-ем/-ат** является предикативным показателем, прежде всего, имен прилагательных, согласуемых с субъектом вещного класса. Но в кетском языке имеется целый ряд слов, функционально являющихся глаголами, с тем же суффиксом. Ср. *atitpedam*'я знаю', *uitkum*'ты знаешь', *buitelam*'он знает', *budaitlam*'она знает'. Или: *s'es' todam*'речка мелка', *aks' baytus'am*'что у меня есть', *unam*'скользко', *tiktoram*'снег мелкий', *atkainam*'я беру'; *bus'elto:lam*'она/он плохо видел(а)'; *butqimnam*'он женился (женат)'; *adtet'nam*'я вышла замуж'. Приведем пример прилагательного с личными предикативными показателями и не-переходный глагол с идентичными субъектными показателями:

<i>ataxtadi'</i> ядроб'	<i>atditoot'</i> ясплю'
<i>uaxtaku'</i> ты добр'	<i>ukitoot'</i> ты спиши'
<i>buaxtadu'</i> он добр'	<i>budutoot'</i> он спит'
<i>buaxtada'</i> она добрая'	<i>budatoit'</i> она спит'

Разница, как видим, только в позиции показателей в словоформе.

В кетском имени легко выделяется корневая морфема, как правило, односложная или двусложная, состоящая из сочетания согласных и гласных элементов. В глаголе же часто невозможно выделить корневую морфему. Например: *AbolnkΛmθ dup*'свой нос высмаркиваю (дую)', *ukolnkΛmθ kip*, 'ты свой нос высмаркиваешь', *budaolnkΛmθ dup*'он свой нос высмаркивает'(информант Анна Яковлевна Кусамина – Бакланиха 1989). В приведённом примере *u* –корень глагола и местоимение 2-го лица. Д.М. Сегал справедливо писал о «чудовищной 'омонимии' глагольных основ, когда одна и та же гласная является носителем самых разных лексических значений, а также является морфологическим формантом. ... в кетском глаголе лексическое и реляционное значение передаётся собственно сегментом и тем местом в 'обойме' глагольного слова, куда данный сегмент помещается» [13, с. 31-32].

Для кетского языка очень актуально высказывание Л.А. Новикова: «Лексические и грамматические значения, несмотря на их качественное различие, тесно связаны и взаимодействуют в слове,

поэтому цельное, законченное представление о смысловой стороне языковой единицы возможно получить лишь в результате полного (лексико-грамматического) анализа» [11, с.351].

Эту мысль хорошо подтверждает кетская лексико-грамматическая категория класса. С одной стороны, наблюдается классная дифференциация лексики (именные классы), а с другой – классы выражаются грамматически в системах имени и глагола (грамматические классы).

Именные классы в кетском языке – это семантическая категория, т.к. в структуре самих существительных в форме основного падежа почти нет ее формальных показателей. К классу одушевленных относятся, например, такие названия объектов и явлений природы, как: *i* 'солнце', *qip*'луна', *baŋ* 'земля', *bej* 'ветер', *s'es* 'река', *haj* 'кедр', *ej*'сосна', *din* 'ель', *alal* 'деревянное изображение духа', *tap* 'обруч для чума, бубна'; *bol'va* 'триб', *hu'*сердце', *ej* 'язык' и др.

На лексическом уровне классная дифференциация проявляется в особой сочетаемости местоимений, прилагательных и других разрядов лексики с существительными.

Каждому именному классу соответствует свое вопросительное местоимение. Ср.: кет. *bes's'a* 'кто' (жен. кл.), *bits'e/bis's'e* 'кто' (муж.кл.), *as'a*'что' (неодуш. кл.), *ana* 'кто'(о человеке), *akus'/aks'* 'что'(о вещи).

Сравним пары типа *ob*'отец' – *am* 'мать', *h̄ip* 'сын' – *hun* 'дочь' *boat* 'старик' – *boam*'старуха', *q̄ip* 'дядя', 'дед' – *q̄im*'женщина', 'жена'. Можно бы вывести гендерные показатели *-p/-m*, т.е. соответственно показатель мужского/показатель женского класса, однако это чередование характерно лишь для приведённых лексем родства.

Класс могут выражать разные глагольные словоформы с одним лексическим значением в зависимости от денотата (одушевлённый/неодушевлённый), ср.: *dukin* 'он стоит' – *duol'in* 'он стоял'; *dakin*'она стоит' – *daol'in* 'она стояла', но: *abqus* 'es'kahapta' 'мой чум в лесу стоит'.

В системе кетского склонения выражена оппозиция мужской / немужской путем чередования в составе падежных аффиксов гласных соответственно */i*, ср.: *qajdaŋa* 'к лосю' – м. кл., *qajdiŋa*

‘к лосю’ – ж. кл., *qus'diŋa* ‘к чуму’ – вещн. кл. Абсолютный падеж индифферентен в отношении класса и имеет нулевую флексию

Числительное «один», имеющее две формы: *qus'* и *qok*, делит имена существительные на четыре класса в зависимости от разных возможностей сочетания с показателями косвенных падежей. Ср.: I (*qus' ... -diŋta*): *qus' tōk* ‘один топор’, *tōk-diŋta* ‘на топоре’; II (*qus' ... -daŋta*): *qus' bōl'ba* ‘один гриб’, *bōl'ba- daŋta* ‘на грибе’; III (*qok...- daŋta*): *qokkulep* ‘один горностай’, *kulep- daŋta* ‘на горностае’; IV (*qok...- diŋta*): *qok ūta* ‘одна крыса’, *ūta...- diŋta* ‘на крысе’, ср. также кет. *qoki:s'* ‘одна рыба’ (живая), *qus'i:s'* ‘одна рыба’ (сущеная, соленая и т.д.).

Падежные показатели не привязаны к имени, они могут занимать любое место в предложении и выступать в значении личного местоимения 3-го лица в соответствующем падеже. Например: *kidabay*, *ul'tayin' diŋtaon'aŋ* ‘эта местность, болот в **ней** много’, ср.: *kidabay diŋtaul'tayin' on'aŋ* ‘в этой местности болот много’.

Таблица 3
Показатели 3-го лица кетского глагола (группа B)

Число	Класс	1 ряд	2 ряд	3 ряд	4 ряд
Единственное	Мужской	<i>a</i>	<i>o</i>	<i>bu</i>	<i>bu</i>
	Женский	<i>i</i>	<i>u</i>	<i>bu</i>	<i>bu</i>
	Вещный	<i>i / Ø</i>	<i>u</i>	<i>Ø</i>	<i>Ø</i>
Множественное	Одушевленный	<i>aŋ</i>	<i>oŋ</i>	<i>bu</i>	<i>bu</i>
	Неодушевленный	<i>i / Ø</i>	<i>u</i>	<i>Ø</i>	<i>Ø</i>

Таблица 4
Показатели 3-го лица кетского глагола (группа D)

Число	Класс	1 ряд	2 ряд	3 ряд	4 ряд
Единственное	Мужской	<i>di-</i>	<i>du:-</i>	<i>-a- / -o-</i>	<i>-ja / -sa</i>
	Женский	<i>da-</i>	<i>da:-</i>	<i>-i- / -u-</i>	<i>-ja / -sa</i>
	Вещный	<i>b- / Ø / da-</i>	<i>bi- / Ø</i>	<i>-b- / m-</i>	<i>-ja / -sa</i>
Множественное	Одушевленный	<i>di-</i>	<i>du:-</i>	<i>-aŋ-oŋ-</i>	<i>-jaŋ-/oŋ-</i>
	Неодушевленный	<i>b- / Ø / da-</i>	<i>bi- /</i>	<i>-b / -m-</i>	<i>-ja / -sa</i>

В глагольной системе категория класса выражена в 3-м лице единственного и множественного числа: в единственном числе представлены показатели мужского, женского и вещного классов, во множественном числе – показатели одушевленности / неодушевленности (см. табл. 3, 4).

При помощи форм мужского класса говорят, например, о целых растущих деревьях или о деревьях только что сваленных, но ещё не обработанных, а также о крупных изделиях из дерева. При помощи форм неодушевлённого класса говорят об отдельных частях дерева или о мелких изделиях из дерева. То же самое касается мяса и рыбы [ср. 8, с. 154].

Изложенное позволяет делать вывод, что появление того или иного классного показателя в глаголах обусловливается не грамматической формой имени существительного, а тем значением, с которым это слово соотносится в действительности, в природе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: КомКнига, 2007.
2. Бондарко А.В. К теории функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. – М.: Наука, 1985. С.16-29.
3. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996.
5. Володин А.П. Мысли о палеоазиатской проблеме. // Вопросы языкознания №4, 2001. С. 129-141.
6. Клинов Г.А. Типология языков активного строя. – М.: Наука, 1977. – 320 с.
7. Князев Ю.П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 704 с.
8. Крейнович Е.А. О грамматическом выражении именных классов в глаголе кетского языка. // Кетский сборник. Лингвистика. – М.: Наука, 1968. С. 139-195.
9. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т языкознания РАН. – М.: Знак, 2012.

10. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
11. Новиков Л.А. Избранные труды. Том I. Проблемы языкового значения. – М.: Изд-во РУДН, 2001.
12. Поленова Г.Т. В поисках истоков языка. – Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та имени А.П. Чехова, 2011.
13. Сегал Д.М. Фонология кетского языка. // Кетский сборник. Лингвистика. – М.: Наука, 1968. – С. 26-74.
14. Bouda Karl. Die Sprache der Jenissejer, Genealogische und morphologische Untersuchungen. „Anthropos“, VOL. 52, 1957, № 1-2.
15. Langacker R.W. Foundations of cognitive grammar. Vol. 1. Theoretical prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 1987.
16. Wierzbicka A. Lingua Mentalis: semantics of natural language. Sydney: Academic Press, 1980.
17. Wierzbicka A. The semantics of grammar. Amsterdam Philadelphia: Benjamins, 1988.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ НЕГАЦИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ СЕМАНТИКИ

Алиция Пстыга

*Гданьский университет
ul. Wita Stwosza, 55, Gdańsk, Polska, 80-952*

Использование предполагаемой словообразованием систематизации наблюдаемой действительности в рамках когнитивного подхода подтверждает целесообразность соединения выделяемых понятийных категорий с лингвистическими факторами, что выявляет анализ образований с префиксальным показателем словообразовательной категории негации.

Ключевые слова: категория негации (отрицания), словообразование, префиксы негации, когнитивная семантика.

THE WORD-BUILDING CATEGORY OF NEGATION VIEWED FROM THE PERSPECTIVE OF COGNITIVE SEMANTIC

Alicja Pstyga

*University of Gdańsk
Wita Stwosza str., 55, Gdańsk, Poland, 80-952*

The word-building category of negation viewed from the perspective of cognitive semantic deals with the theoretical aspects of negation, including the morphological exponents of this category. In the cognitive approach to language, researchers seek relationships between conceptual categories and their formal exponents.

Key words: category of negation, word-building, negative prefixes, cognitive semantic.

Какой принцип следует избрать при описании словообразования, чтобы избежать атомарности, показать движение системы, ее жизнь?

(Е.А. Земская)

«Действительный мир един и непреложен, мыслительные (ментальные) миры многообразны и образуют иерархию. В основе этой иерархии лежит базисный ментальный мир как отражение действительного непреложного мира с его жесткими и вероятностными связями и закономерностями» – констатирует М.В. Никитин [6, с. 23] и подчеркивает, что «Импульс к знанию и пониманию непреложного действительного мира поступает не от языка, а из мира, данного в деятельности» [6, с. 243]. Мир, данный человеку в деятельности, и деятельностный, динамический характер языка позволяют взглянуть на структуру языка с точки зрения возможности переосмыслиния и образования языковых единиц и рассматривать словообразование как деятельность [3]. Это обозначает, что мыслительная деятельность позволяет установить способы категоризации мира и концептуальные структуры в их взаимовлиянии и взаимосвязи в мире человека действующего – говорящего, в пределах которого данные процессы совершаются на основе языковых средств, их объективации и репрезентации [ср.: 13;

14; 15; 16; 17; 18; 21; 22]. Данная установка непосредственно ведет к категории тождественности (со всей градуируемостью тождеств [см. 21] и лингвистической относительности. В этом плане существенной оказывается структура – формальная и смысловая – номинативных единиц с ее коммуникативным назначением, т.е. передачей значений. Способность определить структуру слова и одновременно отождествить определенную функцию форманта и передаваемую им информацию, смысловые компоненты структуры слова и их формальные показатели, обуславливает степень понимания структурных единиц, и, прежде всего, выявляет познавательный характер словообразовательных процессов.

Использование предполагаемой словообразованием систематизации и категоризации наблюдаемой действительности в рамках когнитивного подхода, снимающего многие ограничения в пользу широко понимаемой интерпретации, подтверждает целесообразность соединения выявляемых понятийных категорий с лингвистическими факторами. Данный подход требует также нового определения и разработки основных классификационных единиц словообразования, в том числе словообразовательных категорий, с опорой на семантический критерий [3; 4; 11; 16; 20; 23]. В данном случае познавательная интерпретация мира приводит к семантически обоснованным, более простым типологиям, отражающим многоаспектность словообразования. С этой точки зрения значения дериватов представляют собой понятийные структуры, содержащие общий компонент классификации, выражаемый, главным образом, морфемой с абстрактным значением. Познавательный характер словообразовательных явлений состоит в том, что они предполагают классификацию мира, выявляемую на основе морфологических категорий определенных понятий.

Согласно интерпретации Р.В. Лангакера, грамматика неотделима от семантики, а грамматические правила представляют собой конструкционные схемы, отражающие степень семантической и структурной композиции дериватов [16; 17]. Исходя из этой точки зрения, морфемы, как каждый грамматический компонент, обладают свойственными им значениями и создают своеобразную схему, позволяющую передавать конвенционально структурируемое и символизируемое понятийное содержание [5; 15; 18]. Анализ лексических единиц, отличающихся сложностью формальной

структуры (словообразовательных дериватов), выявляет существование структурного каркаса, соотносимого со словообразовательными категориями, в пределах которого словообразовательные морфемы вносят категориальное значение в семантическую структуру деривата.

Пример категории негации – универсальной категории и одного из основных понятий, с помощью которых человек интерпретирует мир [см. 1; 7; 8; 10; 12; 20], показывает, что категоризация не является исключительно семантической проблемой, лежащей в основе распределения и выделения лексических категорий. Негация, представляющая собой одно из сложных языковых явлений (что объясняется сложностью самой проблемы отрицания), проявляется на разных уровнях языковой системы. На словообразовательном уровне синтетически выражаемое отрицание реализуется главным образом с помощью префиксального словаобразования. К наиболее активным относятся префиксы *анти*-, *без-/бес*-, *де-/дез*-, *контр*-, *не*-, *раз-/рас*- и нек. др. Именно данные структурные единицы категории отрицания оказались в центре наших наблюдений и послужили материалом для статьи.

В процессе исследования дериватов открываются связи между значениями, аналогично значениям выражаемым отдельными приставками, составляющими определенную сетку соотношений [20]. Наличие в значении дериватов определенных семантических признаков, появляющихся уже в семантике и толковании [2] самих приставочных компонентов, позволяет включить их в общее поле негации. Таким образом, создается концептуальный каркас для распределения материала, соответственно процессу категоризации, и – в результате концептуализации – объединения не только идеальных (прототипных) представителей самой категории, но и тех единиц, которые, опираясь на структурный компонент, проявляют не полное тождество, а лишь сходство (фамильное сходство или ассоциативное) и тем самым отражают различную степень проявления негации или негативности и внутреннее разнообразие категории.

Интерпретация существительных, принадлежащих к словообразовательной категории негации (как композиционных префиксальных структур), подтверждает и обосновывает возможность многоступенчатого структурирования самой категории негации

[20]. Опираясь на положение когнитивистов о том, что грамматика и лексика образуют семантический континуум и определяют границы пространства словообразовательной категории негации, необходимым становится учет внутренней дифференциации данной категории: словообразовательных морфем и лексем, которые – как в случае семантических признаков категории, представляющих собой конституанты концептуальной системы и одновременно появляющихся в их толкованиях – повторяются во многих экспликациях¹⁵. В свою очередь, приставки, как структурные компоненты дериватов с общим категориальным значением, различаются, позволяя дифференцировать значения дериватов и детализировать семантическое описание, выявляют семантические тождества, сходства и различия между единицами, обладающими общим категориальным значением (ср., напр., *а-* ‘достаточно регулярная (особенно в общественно-политической и научной терминологии), но непродуктивная словообразовательная единица, образующая имена существительные со значением отрицания или отсутствия того, противоположности тому, что названо мотивирующим именем существительным’; *анти-* ‘регулярная и продуктивная (особенно в общественно-политической и научно-технической терминологии) словообразовательная единица, образующая имена существительные со значением противоположности, противодействия или враждебности тому, что названо мотивирующим именем существительным’; *де-/дез-* ‘регулярная и продуктивная словообразовательная единица, образующая имена существительные со значением действия, обратного или противоположного (редко – неправильного, как: *дезинформация, дезориентация*) по отношению к тому, что названо мотивирующим именем существительным’; *контр-* ‘регулярная и продуктивная (особенно в научно-

¹⁵ Ограниченные рамки статьи не позволяют нам полностью привести толкования префиксов и словообразовательных дериватов. Они детально указаны в словаре Т.Ф. Ефремовой [2] и в толковых словарях современного русского языка. Структура словообразовательной категории негации в русском и польском языках и концептуальные сети на уровне морфем и семантических признаков разработаны и представлены в книге А. Пстыги [20].

технической и военной терминологии) словообразовательная единица, образующая имена существительные со значением действия, предмета или явления, носящего ответный, встречный или противоположный характер по отношению к тому, что названо мотивирующим именем существительным’).

Внутренняя структура словообразовательной категории негации включает следующие признаки, которые в процессе категоризации создают сетку с ассоциативной организацией связей, необходимую для дальнейшего распределения единиц в пределах центра и переферии словообразовательной категории негации: отрицание, противоположность, отсутствие, противодействие, препятствие, противоречие, устраниние, удаление, прекращение, противопоставление, обратность, а также враждебность, несоответствие, неодобрение, невозможность, несовершение, значения которых связаны между собой непосредственно или опосредованно. Тем самым выявляются разные возможности концептуализации отрицания, ср., напр.: *антитоталитаризм* ‘совокупность идеологических и политических взглядов, отвергающих тоталитаризм, осуждающих его’, *антиреклама* ‘распространение сведений, компрометирующих кого-, что-либо; сами такие сведения’, *безглазность* ‘отсутствие гласности’, *дебюрократизация* ‘отмена, устранение, прекращение бюрократизации’, *рассогласованность* ‘нарушение согласованности, отсутствие ее в чем-либо’ и др.

Как показывает интерпретация лексического материала, структура дериватов с префиксальным показателем негации и их формальная и семантическая интерпретация, их состав – «композиционность» и «разложимость», дают возможность наблюдать в них (в рамках процесса концептуализации) совмещение значений отдельных составляющих компонентов: префикс активизирует определенную схему (напр., противодействие, обратность), которую конкретизирует словообразовательная основа, в результате чего композиционная структура (дериват) принимает профиль морфемы отрицания, т.е. полная словообразовательная интерпретация требует соединения профиля префикса с семантикой словообразовательной основы. Именно префиксальные показатели отрицания привлекают внимание пользователя, который интерпретирует фрагмент действительности, что отражают и подтверждают текстовые реализации существительных с семантикой отрицания [19]

В заключение следует отметить, что разнообразие семантических отношений и неоднородность образований с префиксальным показателем словообразовательной категории отрицания заложены – как показывает проведенный анализ – уже в семантике префиксальных морфем. Дериваты с префиксальным компонентом в структуре слова – показателем понятийной (и словообразовательной) категории отрицания, возникающие как результат номинативной и коммуникативной деятельности говорящих свидетельствуют о потенциях языка. На их основе выявляется познавательный характер словообразовательных процессов, в которых отражается своеобразный способ категоризации мира носителей русского языка, выражаемой также с помощью морфологических показателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондаренко В.Н. Отрицание как логико-грамматическая категория. – М., 1983.
2. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц. – М., 1996.
3. Земская Е.А., Словообразование как деятельность. – М., 1992.
4. Коряковцева Е.И. Словообразование в его отношении к лексической семантике. // Словообразование и его отношение к другим сферам языка, red. I. – Innsbruck, Ohnheiser, 2000.
5. Кронгауз М.А. Семантика. – М., 2001.
6. Никитин М.В. Основания когнитивной семантики. – Санкт-Петербург, 2003.
7. Новиков Л.А. Антонимия в русском языке (семантический анализ противоположности в языке), – М., 1973.
8. Новиков Л.А. Семантика русского языка. – М., 1982.
9. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика, – М., 2007.
10. Antas J. O mechanizmach negowania. – Kraków, 1991.
11. Grzegorczykowa R., Szymanek B. Kategorie słowotwórcze w perspektywie kognitywnej, // Encyklopedia kultury polskiej XX wieku, t.2: Współczesny język polski, red. J.Bartmiński, – Wrocław 1993.
12. Horn L.R. 1989, A Natura History of Negation, Chicago-London.
13. Kleiber G. Semantyka prototypu: kategorie i znaczenie leksykalne, пер. В. Ligara, Kraków, 2003.
14. Lacoff G. Women, Fire and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind, – Chicago. 1987.

15. Langacker R.W., Wykłady z gramatyki kognitywnej, red. H. Kardela, пер. J. Berej, – Lublin, 1995.
16. Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. – Stanford, 1997.
17. Langacker R.W. Wstęp do gramatyki kognitywnej. // Językoznawstwo kognitywne. Wybór tekstów, ред. W. Kubiński, R. Kalisz, E. Modrzejewska. – Gdańsk, 1998.
18. Langacker R.W. Kotwiczenie, kodowanie i dyskurs, tłum. W. Kubiński. // Językoznawstwo kognitywne II: Zjawiska pragmatyczne, ред. W. Kubiński, D. Stanulewicz. – Gdańsk, 2001.
19. Pstyga A. Дериваты с семантикой отрицания в интерпретации участников коммуникативного акта (на основе публицистического дискурса). // III Jornadas Andaluzas de Eslavística, ред. E.F. Quero Gervilla, A. Salmerón Vílchez. – Granada, 2004.
20. Pstyga A. Słowotwórcza kategoria negacji. Prefiksne negatywa rzeczownikowe we współczesnym języku polskim i rosyjskim. – Gdańsk, 2010.
21. Rosch E. Human categorization, „Studiem In cross-cultural Psychology”, vol. 1. – M., 1977.
22. Taylor J.R. Kategoryzacja w języku. Prototypy w teorii językoznawczej, пер. A. Skucińska. – Kraków, 2001.
23. Waszakowa K. Kategorie słowotwórcze z perspektywy semantyki kognitywnej (zarys problematyki). // Językowa kategoryzacja świata, ред. R. Grzegorczykowa, A. Pajdzińska, Lublin, 1996.

СЕМАТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ПОСТРОЕННЫХ ПО СВОБОДНЫМ СТРУКТУРНЫМ СХЕМАМ

Н.А. Пузов

*Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
Институт языка и литературы
ул. 25 Октября, 128, Тирасполь, Приднестровье, 3300-MD*

В работе рассматриваются семантические и тесно связанные с ними структурные особенности синтаксических фразеологизмов, построенных по свободным структурным схемам. Основное внимание уделено

синтаксическим фразеологизмам со значением отрицания и утверждения как наиболее востребованным и распространенным в русской разговорной речи и в художественных произведениях русских писателей.

Ключевые слова: семантика, семантическая структура предложения, синтаксический фразеологизм, свободная структурная схема, семантика модели, речевая семантика.

SEMANTICAL PECULIARITY OF SYNTACTIC IDIOMS BUILT ON FREE SCHEMES

N.A. Puzov

*T.G.Shevchenko State University of Pridnestrovye
Institute of Language and Literatura
25th Oktyabrskaya str., 128, Tiraspol, Pridnestrovye, 330 – VD*

The article deals with semantical and closely related with them structural features of syntactic idioms built on free schemes. The emphasis is on the syntactic idioms with predicative and negative meaning as most prevailing in the Russian colloquial speech and Russian authors artwork.

Key words: semantics, sentence semantical structure, syntactic idiom, free scheme, model's semantics, speech semant.

Об актуальности и сложности проблемы исследования семантической специфики единиц синтаксиса свидетельствуют многочисленные научные труды отечественных языковедов [Г.А. Золотова: 1973; Е.В. Падучева: 1974; Н.Д. Арутюнова: 1976; В.А. Белошапкова: 1977; В.В. Бабайцева: 2005; Н.Ю. Шведова: 2005], а также смещение акцентов в изучении синтаксических единиц со структурной в семантическую плоскость, которое особенно ярко проявляется в последние десятилетия.

В данной статье предпринята попытка проанализировать основные семантические особенности синтаксических фразеологизмов, построенных по свободным структурным схемам, в которых выражено значение отрицания и значение утверждения. Поскольку семантика предложения неразрывно связана с его структурой, мы рассматриваем и некоторые структурные особенности этих синтаксических фразеологизмов, обусловившие их семантическую специфику.

«Семантика предложения», «семантическая структура предложения», «семантика высказывания» – все данные понятия в современной научной грамматической литературе достаточно активно используются, но интерпретируются по-разному. Различны мнения ученых о соотношении семантики предложения и его грамматической формы. Понятие семантики предложения достаточно противоречиво, поскольку термин «семантика» нередко отождествляют с термином «значение». При наличии в современных научных трудах различных концепций семантики предложения, на наш взгляд, можно выделить главное: «семантическая структура предложения оказывается такой же языковой реальностью, как и грамматическая структура» [5, с. 13]; семантическая структура предложения связана «с формальной организацией предложения» [3, с. 119].

Семантическая структура предложения как единицы языка и речи обладает многоуровневой организацией, которая включает: а) семантику структурной схемы [9, с. 255]; б) семантику модели; в) конкретное содержание высказывания, т.е. речевую семантику. Третий уровень не может быть исключен из «информационного значения предложения» [2, с. 247-248], поскольку именно в нем реализуются типовые значения и их разряды, принадлежащие двум первым уровням.

Анализ семантики синтаксических фразеологизмов в значительной степени осложняется тем, что они не всегда строятся по идеальным, традиционным структурным схемам и моделям; в них включаются особые, специфически употребленные компоненты с собственной переосмысленной семантикой; нередко соединяются, смешиваются, переплетаются частные модальные и экспрессивные значения.

«Синтаксический фразеологизм – это синтаксическая конструкция, имеющая форму простого или сложного предложения, обладающая таким синтаксическим значением, которое неразложимо на значения составляющих их компонентов. Синтаксические фразеологизмы, как правило, образуются в результате переосмысливания свободных конструкций или же сохраняют исторически утраченные синтаксические отношения. Синтаксические фразеологизмы строятся по особым фразеосхемам, представляющим собой

синтаксические фразеологизмы с аналитической знаковой функцией» [8, с. 145].

Признаками синтаксических фразеологизмов являются: 1) идиоматичность (семантическая немотивированность во взаимоотношениях между компонентами синтаксических фразеологизмов, созданная сдвигами как в лексической, так и в грамматической семантике составляющих их слов); синтаксическая цельность и взаимозависимость их компонентов; по характеру различают идиоматичность грамматическую и лексическую; по степени – большую и меньшую; 2) клишированность (большая устойчивость, чем у обычных предложений) вследствие синтаксической свернутости (компактности), лаконизма, семантической емкости и эстетической нагруженности; 3) разговорность – специфическая стилистическая окрашенность синтаксических фразеологизмов; 4) ограничение в лексическом наполнении – возможность использовать в составе синтаксических фразеологизмов лишь слова определенной семантики, обусловленная структурно-семантической спецификой данных фразеологизмов; 5) модально-эмоциональная и экспрессивная нагруженность – высокая степень концентрации модального, эмоционально-экспрессивного значения вследствие разговорной диалогической природы синтаксических фразеологизмов; 6) диалогичность – способность синтаксических фразеологизмов, связанных по своему происхождению с диалогической речью (о чем свидетельствуют их семантико-синтаксическая неполнота, контекстуально обусловленное употребление), выступать в качестве реплик диалога (чаще в роли второй реплики, или реплики-реакции).

Разделяя взгляды Н.Ю. Шведовой и А.В. Величко относительно принципов и критериев классификации синтаксических фразеологизмов, мы считаем целесообразным предложить свой вариант типологии данных синтаксических единиц, в основе которого – учет их семантико-структурных и функциональных особенностей во взаимосвязи и взаимообусловленности. Исследованный нами языковой материал даёт основание выделить два основных типа синтаксических фразеологизмов: первый тип – синтаксические фразеологизмы, построенные по **несвободным структурным схемам**; второй тип – синтаксические фразеологизмы, построенные по **свободным структурным схемам**. Внутри каждого из

этих типов выделяются семантические группы синтаксических фразеологизмов.

Синтаксические фразеологизмы, построенные по **свободным структурным схемам**, представляют собой предложения, в основе которых лежит свободное соединение словоформ и в которых идиоматичность формируется особыми языковыми средствами и своеобразным функционированием в тексте: *Как же, дождешься от него помощи!* (Русск. разг. р. Тексты) *Какой из него писатель!* (Русск. разг. р. Тексты) *Так тебе и поверили.* (В.Шукш.) *Где тебе понять!* (В.Расп.) *Много он понимает!* (В.Шукш.) *Да где уж тут разобрать!* (А.Аверч.) *Да что же с вас взять?* (А.Аверч.) *A то я не знаю таких!* (В.Шукш.) *Такого, можно сказать, человека, да не знать!* (А.Аверч.) *Какой же русский человек утром чаю не пьет?* (С.Черн.) *Какие уж тут шутки!* (А.Аверч.) *Еще бы этого не помнить!* (А.Ч.)

Рассмотрим подробнее семантические особенности синтаксических фразеологизмов, построенных по свободным структурным схемам. Данные синтаксические фразеологизмы подразделяются на следующие семантические группы:

I группа – со значением отрицания:

- с семантическим оттенком иронии: *Ей там только меня не хватает.* (А.Мар.) *A куда они денутся, если мы не съедем.* (А.Мар.) *Как же, дождешься от него помощи.* (Русск. разг.р. Тексты) *Ну и ты с нами, конечно, куда ж тебя девать?* (бр. Вайн.) *Так тебе и поверили!* (В.Шукш.) *Так он тебе навстречу и разбежался.* (бр. Вайн.) *Вот и верь тому, что в газетах пишут.* (бр. Вайн.) *A чего же тут у вас может нравиться?* (бр. Вайн.) *Тоже мне новая мысль.* (Р.Бел.);

- с семантическим оттенком пренебрежения: *Какой из него писатель!* (Русск. разг. р. Тексты) *Какой с него спрос!* (Б. Еким.) *Да какой он семьянин!* (В. Шукш.) *Ты сам взгляни: ну какой я есть мужик?* (М. Зощ.) *Куда ему до отца!* (Ю. Нагиб.) *Куда мне до этого красавчика!* (Т. Луг.) *Куда вы без нас!* (В. Шукш.) *Да только куда вам понять все это!* (В. Гарш.) *Где тебе понять!* (М.Зощ.) *Где ему выдержать бой на вступительных!* (Ю. Триф.) *Где уж нам любить, подниматься до святых высот!* (М. Рош.) *Разве теперь мастера пошли? Жулики!* (А. Аверч.) *Он махнул рукой – чего с вами говорить!* (бр. Вайн.);

• с семантическим оттенком возмущения: *Ну как еще с тобой говорить после этого?!* (Русск. разг. р. Тексты) *Милосердия?* – неожиданно зло улыбнулся Вересковский. – *Какое может быть милосердие в междоусобной схватке, где враги ненавидят друг друга и боятся друг друга вот уже тысячу лет?* (Б. Вас.) *Нашел дурака!* (бр. Вайн.) *Еще чего! – фыркнула Настя.* – *Извиняться я перед ним буду, как же.* (А. Марин.) *Как будто мне больше всех надо. Там моих всего четыре человека, а я за всех отвечай.* (А. Марин.) *Что же это у нас за дороги такие?!* (А. Марин.) *В гробу я ваши дела видел.* (бр. Вайн.);

II группа – со значением утверждения: *Победа будет за нами.* (И.Стад.) *За вами подарок.* (Русск. разг. р. Тексты) *Теперь слово за тобой.* (А.Марин.) *За проектом гигантские деньги.* (А.Марин.) *Кто только не приезжал сюда!* (Русск. разг. р. Тексты) *Почему бы тебе не уехать на время?* (Русск. разг. р. Тексты) *Разве ты не поможешь нам?* (Русск. разг. р. Тексты) *Неужели ничего нельзя сделать?* (Русск. разг. р. Тексты) *Не вы ли обещали помочь найти работу?* (Русск. разг. р. Тексты)

Проанализируем семантико-структурное своеобразие синтаксических фразеологизмов, построенных по свободным структурным схемам, которые выражают значение отрицания.

Определяя сущность категории отрицания, А.М. Пешковский писал, что она имеет «колossalное психологическое и главным образом логическое значение» [7, с. 351].

Определение первой группы анализируемых синтаксических фразеологизмов как единиц языка, выражающих усиленное, экспрессивное, скрытое отрицание представляется самым общим, но необходимым определением. Отрицание представляет собой ядерное формально выраженное значение данных синтаксических фразеологизмов. Наряду с ним эти фразеологизмы обладают целым рядом дополнительных модальных, эмоциональных и оценочных оттенков значения. Отрицание понимается как результат жизненных наблюдений, обобщение личного опыта и опыта других лиц, противоречий, столкновение интересов и опровержение доводов противоположной стороны. Отрицание – это несогласие, противоречие, возражение, опровержение взглядов и убеждений оппонента-собеседника или своих собственных до момента отрицания. От-

рицание в синтаксических фразеологизмах – это сложная комбинация различных значений: модальных, эмоциональных, оценочных, которые взаимосвязаны друг с другом и совмещаются с базовым значением отрицания.

Для выражения отрицания в русском языке активно употребляются следующие специализированные грамматические средства: частица *не*, отрицательное безлично-предикативное слово *нет*, производные отрицательные слова с частицей *не*: *нельзя, невозможнo, незачем, некуда*.

Семантику отрицания в русском языке выражает широкая группа глаголов: *возражать, отвергать, оспорить, отрицать, противоречить*.

Определение синтаксических фразеологизмов с отрицательным значением как единиц, выражающих усиленное экспрессивное отрицание, является общим и предполагает наряду с ним наличие целого спектра модальных, эмоциональных и оценочных оттенков значения в плоскости базовой семантики отрицания.

Сфера действия значения отрицания распространяется либо на весь синтаксический фразеологизм, либо на его отдельные компоненты. В связи с этим различают общеотрицательные и частно-отрицательные синтаксические фразеологизмы с различной степенью категоричности отрицания.

Общеотрицательные синтаксические фразеологизмы подразделяются на 4 подгруппы с различными семантическими оттенками: а) с модальным значением ненужности и эмоциональным значением пренебрежения к кому-либо: *На что вы мне нужны?* (М.Г.) *Кому нужны ваши принципы?* (Русск. разг.р. Тексты); б) с модальным значением недопущения и эмоциональным значением осуждения: *Разве можно такое говорить о друзьях?* (Русск. разг. р. Тексты) *Как можно так унижать человека?* (Русск. разг. р. Тексты); в) с модальным значением невозможности и оценочным значением: *Неужели ты так ничего и не понял?* (Русск. разг. р. Тексты) *Неизто он может помешать тебе?* (А.Ч.); г) с модальным значением нецелесообразности потенциального действия: *К чему это говорить?* (А.Ч.) *Для чего было сюда приходить?* (М.Г.)

Следует обратить особое внимание на местоименный компонент *какой*, который активно участвует в формировании отрица-

тельного значения и в представлении возражения, несогласия, опровержения в диалогической речи: *Какие мы с ним победители?* (А.Ч.) *Какой из него мастер?* (Русск. разг. р. Тексты) Подобную роль выполняет в синтаксических фразеологизмах с отрицательным значением местоимение *кто*, которое приобретает в контексте противоположное, отрицательное значение «никто», участвуя в формировании отрицательной семантики всего синтаксического фразеологизма: *Кто отважится пойти против точных утверждений науки?* (А.Купр.) *Кто вас разберет в этих ваших спорах?* (Русск. разг. р. Тексты)

Следовательно, на наш взгляд, можно утверждать, что отрицательной семантикой обладают разнообразные типы синтаксических фразеологизмов, построенных по свободным структурным схемам, включающих в свой состав местоименные элементы *какой* (*какая, какие*); *кто*. Регулярность, продуктивность и воспроизведимость данных предложений приводит к их фразеологизации.

Синтаксические фразеологизмы с семантикой утверждения представляют собой альтернативу конструкциям отрицания. Необходимость и потребность не просто в утверждении, но в утверждении усиленном появляется у говорящего тогда, когда ему приходится что-то отстаивать, на чем-то настаивать, т.е. в случаях, когда есть некая противодействующая сила, представленная оппонентом. Для достижения pragматического эффекта в подобных ситуациях активно употребляются синтаксические фразеологизмы, построенные по свободным структурным схемам, имеющие в своем составе местоимения *кто не*, *что не*; наречия *почему не*, *отчего не*, *как не*; частицы *разве не*, *неужели не*.

Как и семантика отрицания, семантика утверждения может характеризовать либо все предложение, либо его отдельные компоненты. Обычно усилительно-утвердительный характер присущ всему предложению при использовании сочетаний частиц *разве не*, *неужели не*: *Разве вы мне не поможете?* (Русск. разг. р. Тексты) *Неужели нельзя было Кутузову прямо высказать государю свои мысли?* (Л.Т.) Синтаксические фразеологизмы с семантикой расширенного, усиленного утверждения имеют в своем составе базовые местоименные компоненты с частицей *не*: *Кто же не имеет таких идей?* (А.Остр.) *И кто же не писал в детстве стихов?* (А. Купр.)

В синтаксических фразеологизмах с сочетанием частиц *не... ли*, выражающих значение утверждения, подчеркиваются отдельные компоненты семантической структуры предложения – временные, градуальные, каузальные: *Не вчера ли мы виделись с тобой?* (Русск. разг. р. Тексты) *Не на завтра ли мы договорились о встрече?* (Русск. разг. р. Тексты) *Не слишком ли много ты на себя берешь?* (Русск. разг. р. Тексты) *Не очень ли он возомнил о себе?* (Русск. разг. р. Тексты) *Не потому ли он так смело позволяет себе говорить с нами?* (Русск. разг. р. Тексты)

Синтаксические фразеологизмы с утвердительным значением, имеющие в своей структуре частицу *разве* при сказуемом *нет*, выражают значение усиленного утверждения существования, бытия: *Разве нет среди нас достойных людей?* (Русск. разг. р. Тексты) *Разве нет в нашем саду цветов более красивых и ярких?* (Русск. разг. р. Тексты).

Подобно двойному отрицанию следует отметить двойное утверждение в некоторых синтаксических фразеологизмах: *Где он только не побывает, каких только стран не увидит!* (К. Станюк.) *Каких только сказок мне не рассказывали в детстве!* (Русск. разг. р. Тексты).

Семантика утвердительных синтаксических фразеологизмов, проанализированных нами, характеризуется и наличием компонентов локальной расширенности, всеохватности действия: *Чего только не делается у нас в провинции от скуки!* (А.Ч.) *Где я только не шатаюсь в пустоте весенних дней!* (В. Набок.).

Таким образом, представленный анализ синтаксических фразеологизмов, построенных по свободным структурным схемам, со значением отрицания и утверждения позволяет, на наш взгляд, говорить о том, что к числу основных семантико-структурных особенностей синтаксических фразеологизмов, построенных по свободным структурным схемам, относятся следующие:

1. Средствами выражения идиоматичности в конструкциях данного типа являются:

- типизированные грамматикализованные элементы,
- фиксированный порядок слов в предложениях,
- контекст,
- интонация.

Причем все эти средства употребляются в составе данных синтаксических фразеологизмов во взаимосвязи, взаимодействуя друг с другом.

2. Формирование идиоматичности в данных конструкциях связано с возникновением в них значения противоположности, отрицания, несоответствия тому содержанию, которое формально выражено словоформами, составляющими это предложение. Именно это значение делает такие предложения синтаксическими фразеологизмами.

3. Подавляющее большинство проанализированных нами синтаксических фразеологизмов, построенных по свободным структурным схемам, представляют собой восклицательные (т.е. эмоционально окрашенные) или вопросительные предложения, причем вопрос обычно носит риторический характер и часто предполагает заранее отрицательный или противоположный ответ.

4. В стилистическом плане синтаксические фразеологизмы данного типа представляют собой предложения с разговорно-просторечной стилистической окраской обычно небольшого объема (3-5 слов). Небольшой структурный объем данных синтаксических фразеологизмов делает их краткими, лаконичными и выразительными, емкими по значению, что способствует акцентированию внимания на основном их значении – «отрицание / противоположность» и подчеркивает их идиоматичность.

5. Синтаксические фразеологизмы, построенные по свободным структурным схемам, наиболее часто встречаются в диалогической речи, где, как правило, выступают в роли ответной реплики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Лексико-синтаксические проблемы. – М., 1976.
2. Бабайцева В.В. Избранное. 1955-2005: Сборник научных и научно-методических статей / Под ред. Проф. К.Э. Штайн. – М. – Ставрополь: СГУ, 2005.
3. Белошапкова В.А. Современный русский язык: Синтаксис. – М., 1977.
4. Величко А.В. Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев. – МГУ, 1996.
5. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М., 1973.

6. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. – М., 1974.
7. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Языки славянской культуры, 2001.
8. Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Н.Ю.Караулова. – М., 2003.
9. Шведова Н.Ю. Русский язык. Избранные работы. – М.: Языки славянских культур, 2005.

УТВЕРДИТЕЛЬНЫЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛОВ В ЧЕЛКАНСКОМ ЯЗЫКЕ

O.N. Пустогачева

*Институт образования малочисленных народов Севера,
Сибири и Дальнего Востока, г. Москва
Горки Ленинские, Московская область, Россия, 142712*

Впервые рассматриваются типы глаголов челканского языка
Ключевые слова: челканский язык, формы глаголов недавнопрошедшее и давнепрошедшее, утвердительная и отрицательная форма глаголов.

AFFIRMATIVE AND NEGATIVE VERBAL FORMS OF THE CHELKAN LANGUAGE

O.N. Pustogacheva

*The Institute of Education of Minority Peoples of the North,
Siberia and Far East
Gorki Leninskiye, Moscow region, Russia, 142712*

The verbal patterns of the Chelkan language are being treated in the article for the first time.

Key words: the Chelkan language, verbal patterns and forms of the nearest and distant past, affirmative and negative verbal forms

Челканский язык является языком тюркоязычного народа, проживающего на Алтае, в Южной Сибири. С 2000г. челканцы официально стали коренными малочисленными народами РФ и во

Всероссийскую перепись 2002 г. впервые вошли как самостоятельный этнос – численностью 830 человек. По последней переписи 2010 г. численность челканцев составила 1031 человек.

Язык челканского народа до настоящего времени официально считается бесписьменным, хотя на нем есть издания фольклора, тематического словаря, книги для чтения. Официальная письменность будет утверждена с выходом челканского букваря. Потому на сегодня челканский язык остается менее исследованным среди тюркских языков из-за того, что долгое время считался диалектом алтайского языка. Только с получением статуса коренных малочисленных народов челканский язык с 2000 стал отдельным языком.

В академической науке есть несколько исследований по фонетике, лексике, морфологии, синтаксису. Единственная монография по языку челканцев сделана известным тюркологом Н.А. Баскаковым «Диалект Лебединских татар – чалканцев (куу-кижи)», М., 1985.

Челканский язык по основным грамматическим, лексическим и фонетическим признакам соблюдает законы, присущие тюркским языкам. Челканский язык, как и все тюркские языки, относится к агглютинативным языкам и подчиняется закону сингармонизма, но есть исключения, когда закон сингармонизма нарушается: мёре (волк), кавиен (схватил). В челканском языке сохранился древний конечный звук корня **f**: сүф (вода, река); тағ (гора).

В челканском языке глаголы являются самой трудно усваиваемой частью речи. В академической науке глаголы еще не были предметом специального изучения. Пока исследователи обходят данную тему. Но эта тема ждет своих смелых исследователей – открывателей.

Как известно, глаголы представляют слова, обозначающие действие или состояние предмета. В тюркских языках глаголы семантически и формально выделились в самостоятельную часть речи, отличающуюся от имен, как по своему значению, так и по наличию специфических формальных признаков, а именно особых аффиксов словообразования, которые присоединяются только к глагольным основам и не могут быть присоединены к именам.

Особенностью в тюркских языках является то, что глаголы не имеют своей системы словоизменения, так как выступают в предложении в виде вторичных или производных именных форм глагола: имен действия и причастий, которые имеют общую систему словоизменения с именами (число, принадлежность, падеж, лицо), а также неизменяемых неличных форм (деепричастий). Грамматические же категории наклонения, времени и вида, присущие глаголу, являются категориями словообразования потому, что категория наклонения или времени в данной форме глагола возникает вместе с преобразованием глагола в именную форму. В этом отношении глаголы в челканском языке не являются исключением. Глаголы образуются с помощью аффиксов от имен существительных, прилагательных, числительных и местоимений. Также глаголы от глаголов образуются с помощью аффиксов понудительного, страдательного, взаимно-совместного залогов. В челканском языке есть формы глаголов, обозначающих недавнено прошедшее (**кышы́р'иен** (недавно) прочитал) и давнено прошедшее (**кышы́рса́н** (давно) прочитал) действия.

В нашей статье коснемся глаголов, которые никогда отдельно не рассматривались и пока они совершенно не изучены.

В челканском языке есть утвердительная и отрицательная форма глаголов, где аффиксы данных форм являются носителями ударения в слове. В утвердительных формах ударение падает на основу слова, в отрицательных формах глагола ударение падает на аффикс. В устной речи эти глаголы различаются произношением, на письме смысловое значение глагола различается в контексте. В данном случае ударение выполняет смыслоразличительную роль.

Глаголы утвердительной и отрицательной формы образуются от **основы** повелительного наклонения с помощью аффикса **ван**.

На конкретных примерах рассмотрим глаголы, наиболее употребляемые челканцами в современной устной речи.

1. **jура** (рисуй) +**ван**

Мең кызым кырда ёстин кызыл щакайактарны кеен jура́ван. – Моя дочка удачно нарисовала красные цветы, росшие на горе.

Журуқиы оол матап кőп Алтайла јорыктан, је пир да немени јурава'н. – Молодой художник много путешествовал по Алтаю, но ничего не срисовал.

2. оицы (садись) +*ван*.

Ол теген ле јерде нъян кижилерниң ортозында полкал, пайсталныг аразына оицы'ван. – Он, неожиданно оказался среди уважаемых гостей, потому вместе с ними присел за богато накрытый стол.

Ажым пай тойза кыптып парған, је пайрамда тőрде сталга оицыва'н. – Мой старший брат поехал с большим желанием на богатую свадьбу, но за почетный стол не сел.

3. кары (жди) +*ван*

Таайым мән адамны јағдын ўүр кара'н, је ужы-ужында кары'ван. – Бабушка моего отца долго ждала с фронта, она его в конце концов дождалась.

Адамны пин кеңкеде анам городтын карыва'н, је ол јойуг түндө келевен. – Мама приезда отца из города сегодня вечером не ждала, но отец пешком пришел поздно ночью.

4. аңны (охотиться) +*ван*

Таайым пойыл тайгызында ўүр полван, је жакшы аңны'ван. – Мой дядя в этом году недолго был в своих охотничих угодьях, но все равно хорошо наохотился.

Коля кыжыла агреп, аң ужсун жакшы аңныва'н. – Коля всю зиму проболел, поэтому толком не охотился.

5. урла (воруй, бери без спросу) +*ван*

Оолац кеен мяшыкти кўрал ўыдащипин урла'ван. – Мальчик, увидев красивого мяча, не смог удержаться, чтобы его не стащить.

Анам ажсан тушта щарицап та ѡортын да, пыр кижиниң немезине тегвен, пыр ىзықырак сүйт та урлава'н. – Мама в голодные годы, сильно страдая от голода, и то ничего чужого не взяла, не смогла бы без разрешения даже каплю молока.

6. уғла (плач) +*ван*

Тайным алында кандуг да күйц пондо, паларының кўзинице пыр да угла'ван. – В былые тяжелые времена моя бабушка при своих детях никогда не плакала.

По кат пойының неменине щыдаштин, ол ыраланып матап углана'н. – Эта баба из-за своего дурного нрава, накликая беду, любит навзрыд плакать.

7. шоғлы (побели) + ван

Эжем по күндерде пош жок та ползо, ўйини кеен шоғлы́ ван. – Хотя моей сестре в эти дни некогда было, но она сумела хорошо выбелить свой дом.

Адазының ўйи киргэ паткан да ползо, јыжсан кызы ол угны пыр да шоғлыва'н. – Дом отца стоит весь загрязненный, но его ленивая дочь этот дом никогда не белила.

8. шылда (очисть, сдери шкуру)+ван

Агурицының терези щымжащ та ползо, анам терезини шылда'ван. – Хотя шкурка зеленого огурца была мягкой, но мама все равно его почистила.

Оол картокыны јыжсанынып, шылдава'н, аң ужсун эйде ле кайнытсан. – Парень из-за своей лени не стал чистить картошку, поэтому сварил ее в мундире.

9. щайлы (пей чай) +ван

Ол ның жолның алында матап жакын щайлыша'ван. – Он перед дальней дорогой с удовольствием попил чаю.

Тайдым таң алында турған да ползо, эме жетире щайлыша'н. – Хотя дед встал с рассветом, но до сих пор еще чай не пил.

10. щакты (визжи, визгливо кричи) +ван

Оолащыр карыщида кызыщактырыны корыстырнарда, әске кызыщактарға көре, Алтынай пыр да катап щакты'ван. – Когда мальчики в темноте пугали девочек, Алтынай по сравнению с другими девочками, никогда не визжала.

Кежен кеңкеде школдын нынтында, по кызыщак жолдо матап тың щактыва'н. – Вчера вечером, возвращаясь со школы, эта девочка по дороге так громко визжала.

11. уйта (спи)+ван

Тыңмам мылща кирал ла, таң атканще матап жакын уйта'ван. – Моя сестренка после бани до утра поспала.

Эжем тұңғе ле пораның тавжыны угуп, уйтава'н. – Старшая сестра всю ночь не спала из-за буранного завывания.

12. ула (удлиняй, добавляй) +ван

Нъаным щамиын Н эде кысац ужун, эдекти ёскё ѡавыиыла ула'ван. – Моя бабушка короткий подол платья удлинила тканью другой расцветки.

Оол пагны ула'ва'н ужун, ат пуглийтэн пагы кысац. – Юноша веревку не удлинял, потому для привязи коня она короткая.

На данных примерах утвердительные и отрицательные глаголы стоят в простых и сложных предложениях. Сложные предложения представлены сложносочиненными и сложноподчиненными предложениями.

Немаловажно отметить то, что формы данных глаголов показывают действия только давнoproшедших глаголов.

Также эти глаголы могут выступать как причастия прошедшего времени в зависимости от контекста.

В нашей небольшой статье показали лишь малую часть предстоящей большой увлекательной работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баскаков Н.А. Алтайский язык. Изд. АН СССР, М., 1958.
2. Баскаков Н.А. Северные диалекты алтайского языка. Диалект Лебединских татар-чалканцев (куу-кижи). – М.1985.
3. Вербицкий В. Алтайские инородцы. – М., 1893.
4. Древнетюркский словарь. – М., 1969.
5. Радлов В.В. Из Сибири. – М.,1989.
6. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен. Ч 1.: Поднаречия: алтайцев, телеутов черневых и лебединских татар, шорцев и саянцев. – СПб., 1886.
7. Потапов Л.П. Заметка о происхождении чалканцев-лебединцев // Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск, 1974.
8. Пустогачева О.Н. Челканско-русский тематический словарь: Пособие для учащихся 1-4 класса общеобразовательного учреждения – СПб: филиал изд-ва «Просвещение», 2008.
9. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. – М., 1974.
10. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. – М., 1980.
11. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков (Лексика) – М.: Наука, 1997.

**СУБСТАНТИВИРОВАННЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ
СРЕДНЕГО РОДА С ОТВЛЕЧЕННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ)**

О.В. Редькина

*Вятский государственный университет,
ул. Московская, 36, Киров, Россия, 610000*

В статье дана характеристика субстантивированных прилагательных со значением отвлеченного понятия в современном русском языке, представлена семантическая классификация указанной группы субстантиватов.

Ключевые слова: субстантивация, прилагательные, современный русский язык, семантика, функционирование.

**SUBSTANTIVATED ADJECTIVES OF NEUTRAL GENDER
AND ABSTRACT MEANING IN RUSSIAN
(SEMANTICS AND FUNCTIONS)**

O.V. Redkina

*Vyatka State University
Moskovskaya str., 36, Kirov, Russia, 610000*

The paper presents the characteristic substantivized adjectives with the value of the abstract concept in the modern Russian language, represented semantic classification of this model substantivisation.

Keywords: substantivisation, adjectives, modern Russian language, semantics, functioning.

Изучение русской субстантивации в функционировании показывает, что в современном русском языке наиболее продуктивна семантическая модель субстантивированных прилагательных со значением лица, см. об этом [4]. Второй по продуктивности является модель, в соответствии с которой образуются субстантиваты с

отвлеченным, абстрактным значением (это субстантивированные прилагательные среднего рода типа *новое, интересное*). В настоящей статье рассматриваются особенности создания и функционирования субстантиватов данной группы.

Исследование проводилось на материале 6800 примеров с субстантивированными формами, среди которых обнаружено 979 примеров с субстантиватами рассматриваемой группы (295 лексем).

Исследователи указывают на особый характер субстантиватов с абстрактным значением, считая, что они «по своему номинативному содержанию не имеют эквивалентов среди существительных, поскольку совмещают в себе собирательность и отвлеченность» [6, с. 105]. Кроме того, делается вывод о том, что в структуре значения субстантиватов рассматриваемой модели дифференцирующие и интегрирующие признаки уравновешивают друг друга: субстантиват одновременно указывает на характерный, дифференцирующий признак называемого явления, и предельно обобщает его, распространяя на множество подобных явлений [5, с. 6]. Считается, что «для субстантивации прилагательных в форме среднего рода в языковом отношении нет никаких ограничений, поскольку эти прилагательные при соответствующем переосмыслении приобретают значение любой субстанции... обладающей данным признаком» [2, с. 103].

Субстантивация прилагательных по этой модели служит «средством создания нового имени, которое воплощает важный для автора субъективный смысл», используется «для номинации явлений, реалий и понятий, не имеющих имени в языке» или заменяет «существующую точную номинацию, выступая как знак отказа от нее» [3, с. 119]. Имеется точка зрения, в соответствии с которой субстантиваты среднего рода со значением отвлеченного понятия выполняют не столько номинативную, сколько «указательно-характеризующую» функцию [6, с. 104], т. е. приближаются по категориальной семантике к местоимениям.

Субстантиваты среднего рода выполняют в языке и речи компенсирующую функцию, а именно восполняют недостаток языковых средств для выражения того или иного понятия. Мы принимаем точку зрения Л.В. Бортэ, которая объясняет механизм образования подобных субстантиватов следующим образом. Одно и то же референтное содержание в языке обычно представлено в

разных грамматических классах (ср. *белый – белизна – белеть...*). Однако в подобных парадигмах возможны лакуны (ср. *прекрасный – ? – прекрасно*). Словообразовательная недостаточность может компенсироваться за счет транспозиции (ср. *прекрасный – прекрасное – прекрасно*) [1, с. 25–26]. Вовлекаться в рассматриваемый смысловой ряд могут практически все прилагательные русского языка.

Представим семантическую классификацию зафиксированных в текстах субстантивированных прилагательных среднего рода с отвлеченным значением.

1. ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ВНЕ СУБЪЕКТА (269 ЛЕКСЕМ)

1.1. Оценочное значение (204 лексемы)

1.1.1. Оценка необходимости, важности, значимости, ценности для субъекта (64 лексемы): *важное, великое, второстепенное, главное, грандиозное, значительное, колоссальное, лишнее, малое, насыщное, небольшое, неглавное, незначительное, неинтересное, ненужное, необходимое, неотъемлемое, неповторимое, несущественное, ничтожное, нужное, обыкновенное, обычное, основное, полезное, привычное, существенное, ценное, чуждое и др.*

Ср., напр.: ...*Васильев...* приостановился посередине мастерской, точно вспоминая *необходимое, важное*, не высказанное еще Лопатину. (Ю. Бондарев. Выбор); ...*Надо уступить им [редакционной комиссии]* хотя бы немного. Уступить *малое*, чтобы сохранить *основное*. У меня не было выхода. (В. Войнович. Москва 2042).

1.1.2. Оценка разумности, рациональности, реальности, достоверности для субъекта (53 лексемы): *бессмысленное, возможное, достоверное, загадочное, закономерное, иррациональное, истинное, невероятное, невозможное, неизвестное, немыслимое, необыкновенное, необычайное, непонятное, непривычное, неразумное, несбыточное, очевидное, понятное, простое, разумное, сверхрассудочное, сверхъестественное, сомнительное, странное, тайное, чудесное и др..*

Ср., напр.: ...*Примеры эти...* известны почти каждому из личного опыта и поэтому – достоверны, а **достоверное** убедительно. (А. Грин. Возвращенный ад); – Я понимал, что это Бог вливает в меня силы, и я радостно верил в него! И как не поверить в очевидное! (Ф. Искандер. На даче).

1.1.3. Эмоциональная оценка (47 лексем): веселое, враждебное, грустное, зловещее, комическое, легкое, лестное, невеселое, некрасивое, неприятное, опасное, печальное, плохое, поразительное, прекрасное, привлекательное, приятное, радостное, смешное, страшное, ужасное и др..

Ср., напр.: ...В той бережности, с которой Боря Антохин раскладывал и собирал Олины фотографии, мне чудилось **страшное**. (А. Алексин. «Безумная Евдокия»); – Нет, умеешь, умеешь **приятное** сказать. (В. Дудинцев. Белые одежды).

1.1.4. Этическая оценка (18 лексем): высокое, достойное, доброе, дурное, светлое, темное, жестокое, запретное, злое, недостойное, низкое, пошленькое и др..

Ср., напр.: Адальберт выбрал **достойное** – умереть в бою. (А. Чаковский. Нюрнбергские призраки); ...[Сестра] смотрела на него [Эдуарда Аркадьевича] беззащитным взором, умоляя не воротить **запретное**. (Ю. Бондарев. Выбор).

1.1.5. Оценка по шкале духовное/материальное (16 лексем): греховое, духовное, материальное, нездешнее, неземное, обиходное, плотское, половое, религиозное, святое, смертельное, телесное, физиологическое, чувственное и др..

Ср., напр.: – Велико твое дарование, а сердце лежит к **духовному**. (И. Шмелев. Неупиваемая Чаша).

1.1.6. Оценка зависимости/независимости от воли субъекта (8 лексем): бессознательное, нарочитое, неизбежное, неожиданное, неотвратимое, неотменимое, подсознательное, по-тостороннее.

Ср., напр.: Тут он [председатель] ослабел и опустился на стул, очевидно, решив покориться **неизбежному**. (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

1.2. Объективная характеристика явления (38 лексем)

1.2.1. Временная характеристика (20 лексем): будущее, былое, вековое, вечное, вчерашнее, давешнее, давнее, далекое, на-

стоящее, очередное, прежнее, прошлое, сиюминутное, старое и др.

Ср., напр.: – Я вот строю завод и добываю радий, чтобы хоть мозгом вырваться из себя, из **прошлого**, отовсюду – в **будущее**, которое я проектирую. (Б. Пильняк. Иван Москва).

1.2.2. Логическая характеристика (7 лексем): общее, подобное, целое, обратное, противное (=противоположное), противоположное, разное.

Ср., напр.: ...Надо было... отучить людей судить и думать и принудить их видеть несуществующее и доказывать **обратное очевидности**. (Б. Пастернак. Доктор Живаго).

1.2.3. Количественная характеристика (6 лексем): многое, немногое, осталльное, последнее и др.

Ср., напр.: Весны **многое** творят в жизни человеческой. (Б. Пильняк. Смертельное манит).

1.2.4. Пространственная характеристика (5 лексем): близкое, далекое, внешнее, внутреннее, наружное.

Ср., напр.: ...Мир терял перспективу, становясь похожим на китайский рисунок, где **близкое и далекое**, незначительное и колоссальное являются в одной плоскости. (А. Грин. Возвращенный ад).

1.3. Значение непосредственного восприятия, субъективная характеристика физических свойств предмета (14 лексем):

горячее, жесткое, лохматое, легкое, мокрое, мягкое, невесомое, низкое, пористое, розовое, твердое, сухое, зеленое, серо-черное.

Ср., напр.: По шее заструилось **горячее**. (Б. Акунин. Статский советник) (= кровь); ...Пол усыпан землею; гладко ходишь по **мягкому**. (А. Белый. Петербург).

2. ХАРАКТЕРИСТИКА ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА (38 ЛЕКСЕМ)

2.1. Указание на черту характера, свойство личности (26 лексем): аристократическое, грубое, естественное, заботливое, звериное, клоунское, маниакальное, мужицкое, наивно-

детское, неиспорченное, отчаянное, правдивое, рациональное, скотское, слабое, смиренное, stoическое, участливое и др..

Ср., напр.: ...[Полунин] думал в ней [Алене] найти **правдивое и естественное**. (Б. Пильняк. Смертельное манит); **Клоунское** – это ведь у Ивана от мамы, да? Огонек. 2002. № 27.

2.2. Ментальная характеристика (12 лексем): *американское, вятское, греческое, испанское, коммунистическое, купеческое, народное, немецкое, несоветское, простонародное, русское, советское*.

Ср., напр.: *Американское побеждает во всем мире потому, что все – от жвачки до фильмов – нацелено на подростков. Искусство кино. 1999. № 10; Иногда Рогожин мыслит не менее «побарски», чем Мышиkin. Купеческое, простонародное исчезает.* (Ю. Олеша. Ни дня без строчки).

Вне рубрик классификации остались 11 лексем: *дешевое, дорогое, живое, личное, неживое, однообразное, отдыхательное, первородное, разгульное, собственное, тихое*.

Ср., напр.: *Отозвалось в светлом утре, в чвоканье и посвисте красногузых дятлов и в гулком эхе разгульное. И запел Илья гулевую-лесовую песню...* (И. Шмелев. Неутиваемая Чаша).

Представленная классификация субстантиваторов среднего рода с абстрактным значением и анализ их функционирования в речи позволяют говорить о двух основных функциях таких субстантивированных форм:

1) они выполняют функцию предельного обобщения;

2) создаются на этапе познания, предшествующем складыванию определенного мнения о предмете, явлении или его узнаванию и созданию/воспроизведению однословного наименования. Этот этап связан с первичным познанием явления, состоящим в описании его свойств, признаков. По этой причине субстантиваты рассматриваемой группы в контексте часто образуют цепочки, в которых каждый компонент уточняет, углубляет характеристику явления/понятия. Ср., напр.: *Война – особое звено в цепи революционных десятилетий... Закалка характеров, неизбалованность, героизм, готовность к крупному, отчаянному, небывалому.* (Б. Пастернак. Доктор Живаго); ...[Васильев] с отвращением к себе подумал, что вот здесь оба они подошли к бездне, и в ней через

минуту сгинет **юное, неприкосновенное, святое**, их общее, которое так необходимо было им в прошлом... (Ю. Бондарев. Выбор) [=дружба].

В большинстве случаев рассматриваемые субстантиваты помимо основного значения имеют дополнительные смыслы, связанные с выражением отношения человека к называемому явлению/понятию (с эмоциональной, этической, рациональной, ценностной точки зрения и т. д.). В связи с этим в текстах субстантивированные прилагательные среднего рода, как правило, не только называют некоторое явление, но и служат средством создания экспрессии. Ср., напр.: *Оставил в стороне участливое и человеческое, я обратился к профессионалам...* (В. Маканин. Один и одна); *Кожа [Зубра] была гладкой, белой, неуместно нежной. Воинственно выпяченная нижняя губа придавала лицу и грубость и породистость. В нем это сочеталось – мужицкое и утонченное. Звериное и аристократическое.* (Д. Гранин. Зубр).

Субстантиваты рассматриваемой группы также могут выполнять функцию речевых сигналов, передающих субъективные ощущения персонажа и подчеркивающих непосредственность восприятия называемого явления (ср.: ...*Ирочка шла по незнакомой планете. На ней не было людей. Домов. Под ногами серо-черное и тористое*, как пемза. Было больно ногам... В. Токарева. Я есть. Ты есть. Он есть; *Что-то затрещало, на миг сделалось темно, а затем последовал весьма ощутимый удар о твердое.* Сразу же сверху обрушилась белая лавина... Б. Акунин. Статский советник).

Повторяющиеся субстантиваты с абстрактным значением «образуют сквозной повтор и служат лейтмотивом текста» [3, с. 121]. Таков, например, сквозной образ *смертельного* в рассказе Б. Пильняка «Смертельное манит». *Смертельное* является символом душевной жизни героини рассказа, осмысливается как категория, разграничающая жизнь и смерть, телесность и духовность, греховность и праведность. Ср.: *И вечером мать рассказывала дочери, что смертельное манит, манит полая вода к себе, манит земля к себе с высоты, с церковной колокольни, манит под поезд и с поезда [...] Поняла, что смертельное манит повсюду, что в этом – жизнь, манит кровь, манит земля, манит – Бог [...]* *Сзади была жизнь... впереди осталось смертельное – Бог и дорога.*

Продуктивность смыслового ряда с отвлеченным значением может быть объяснена способностью субстантиваторов данной модели к предельному обобщению, концентрации смысла, а также их высоким экспрессивным потенциалом. С помощью субстантиваторов рассмотренной группы могут быть названы практически любые явления, ощущения, впечатления, какими бы неопределенными, размытыми, туманными они ни были.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бортэ Л.В. Процесс взаимодействия и смежные явления в сфере категориально-грамматических классов слов // Языковая семантика и речевая деятельность. Вопросы русского языка и литературы: межвуз. сб. – Кишинев, 1985. С. 25-32.
2. Георгиева В.Л. О субстантивации как языковом явлении // Уч. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 242: материалы конф. Северного зонального объединения кафедр русского языка пединститутов. – Л., 1963. С. 97–108.
3. Николина Н.А. Экспрессивные возможности транспозиции в художественной речи // Явления переходности в грамматическом строе современного русского языка: межвуз. сб. науч. тр. – М., 1988. С. 116–131.
4. Редькина О.В. Субстантивированные прилагательные со значением лица в языке и речи // Актуальные проблемы современной филологии. Языкознание: сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. Ч. 1. – Киров, 2003. С. 170–174.
5. Чижова В.А. Субстантивация прилагательных и причастий в современных русском и чешском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1997.
6. Яцкевич Л.Г. О субстантивной транспозиции русских прилагательных в речи // Филологические науки. 1977. № 4. С. 101–106.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В НЕЙМИНГОВОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Т.П. Соколова

*Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина
ул. Садовая-Кудринская, 9, Москва, Россия, 123995*

В работе выявляются проблемы лексико-семантического анализа в нейминговой экспертизе, анализируются спорные термины и приемы описания семантики словесных обозначений.

Ключевые слова: лексико-семантический анализ, лингвистическая экспертиза, нейм, нейминговая экспертиза, экспертиза обозначений.

LEXICAL-SEMANTIC ANALYSIS IN NAMING EXAMINATION

T.P. Sokolova

*Moscow State Law University n.a. O.E. Kutafin
Sadovo-Kudrinskaya str., 9, Moscow, Russia, 123995*

The present paper is a part of a larger study of the examination of naming as a new type of forensic examination of the products of naming. The author defines outstanding issues of lexical-semantic analysis in naming examination, its torematography, vague terms and technique.

Keywords: lexical-semantic analysis, linguistic examination, name, naming examination.

В современном понимании лингвистическая экспертиза – лингвистическое исследование речевого продукта (от минимальной единицы речи до сложного синтаксического целого и текста). К выделению в особый вид лингвистической экспертизы, не связанной с текстами, а имеющей дело с личными именами, товарными знаками и другими средствами индивидуализации, приходят многие учёные-филологи, например, К.И. Бринев отмечает: «вряд ли под категорию «текст» может быть подведен анализ тождества / различия товарных знаков, тогда как, бесспорно, товарный знак

является продуктом мыслительной и речевой деятельности конкретного человека или группы лиц» [1, с. 47]. В монографии Г.В. Кусова, посвящённой в основном лингвистической экспертизе текстов, лингвистическая экспертиза наименований выделена как отдельный вид [4, с. 103].

Особое место среди речевых продуктов занимают неймы (обозначения, используемые в качестве средств индивидуализации, личные имена, псевдонимы, домены, географические названия, внутригородские названия – урбанонимы). Неймы составляют особый пласт лексики языка (онимический), подчиняются не только общим законам функционирования лексических единиц, но и специфическим правилам ономастического пространства языка, его систем и подсистем (антропонимической, топонимической, урбонимической и др.). Специфические ономастические характеристики онимов были выявлены на разных уровнях, например, неполная ассимилированность иноязычных компонентов на фонетическом и графическом уровнях, живое активное словообразование неймов, особенно в русле искусственной номинации, особые морфологические свойства (в частности, специфика родовой маркировки, специфика проявления категории числа, специфика склонения), синтаксические особенности неймов проявляются при анализе неоднословных наименований и при изучении употребления онимов в контексте [12]. В связи с этим для исследования неймов требуются специальные знания по лингвистике и ономатологии [8; 9].

Нейминговая экспертиза – новый вид лингвистической экспертизы, которая ещё находится на стадии формирования в соответствии с особенностями объектов (неймов), кругом решаемых задач и характером используемых специальных знаний [8; 9].

Методика нейминговой экспертизы ещё не разработана, однако намечены подходы к лингвистическому исследованию отдельных видов неймов, прежде всего товарных знаков, причем основное внимание сосредоточено именно на лексико-семантическом анализе обозначений. В частности, наличие у сравниваемых обозначений семантического сходства, в отличие от графического и фонетического, имеет статус самостоятельного критерия для последующего решения вопроса о сходстве обозначений до степени их смешения. Однако семантический анализ (точнее –

лексико-семантический) интерпретируется экспертами в прикладном аспекте. Более того, рассматривается преимущественно дононастическое значение, т.е. значение слова, положенного в основу нейма и прямо или косвенно отражающего свойства денотата.

Так, Роспатентом в 2009 г. утверждены «Методические рекомендации по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство» [5], где особое место уделяется методике установления смыслового (семантического) сходства: в частности, эксперту следует выявить «подобие заложенных в обозначениях понятий, идей или противоположность заложенных в обозначения понятий, идей» [5, с. 4]. Отметим нечёткость и стилистическую окрашенность термина «подобие» – «пренебр. нечто похожее, сходное с чем-то» [2, с. 873] и возможное двоякое толкование термина «противоположность» – «1. к противоположный – противоречащий другому или друг другу»; 2. то, что несходно, и тот, кто несходен с другими по своим качествам, свойствам» [2, с. 1032]. Как эксперт должен устанавливать «подобие» или «противоположность», в методических рекомендациях не разъясняется, приведены лишь примеры: «подобие» – «МУЗЫКА СНА – МЕЛОДИЯ СНА», «противоположность» – «МОЙ МАЛЫШ – ВАШ МАЛЫШ».

Лингвистическая экспертиза не теоретическое исследование, а прикладное, эксперт не может и не должен в каждом конкретном случае при решении вопроса о сходстве обозначений заново выявлять семы когнитивно-семантическим методом или на основе прямого оппозитивного компонентного анализа [10], его задача – корректно воспользоваться уже выявленными и зафиксированными на материальном носителе данными о семантике конкретного слова. В связи с этим базой лексико-семантического анализа становятся, как правило, лексикографические источники. Однако в словарных дефинициях частотны синонимы, словари фиксируют преимущественно ядерные семы и достаточно редко периферийные, функциональные, коннотативные, кроме того нередки случаи энантиосемии. В связи с этим вернёмся к «образцовому» примеру «МУЗЫКА СНА – МЕЛОДИЯ СНА». Анализ словесных дефиниций слов «музыка» и «мелодия» выявляет не только признаки «подобия»: «музыка» в третьем значении «гармоническое, приятное для слушания звучание чего-либо...» [2, с. 562] и «мелодия» во втором

значении «музыкальность, мелодичность; благозвучие. *M. стиха. M. голоса*» [2, с. 532], но и признак «противоположности»: «музыка» в шестом значении с пометой «разг.» – «о деле, процессе и т.п., вызывающем у кого-л. чувство удовлетворения, довольства и т.п. или беспокойства, озабоченности и т.п.» [2, с. 562].

В рекомендациях указывается, что следует выявлять «подобие» или «противоположность» «понятий, идей», формально это может быть истолковано как необходимость выбирать из набора семантических компонентов только понятийный или, в интерпретации И.А. Стернина, «понятийные признаки (указывающие на совокупность отличительных признаков денотата)» [11, с. 31]. Но слово «идея» означает не только «понятие», но и «представление» [2, с. 375], что, на наш взгляд, является ключевым в исследовании семантики словесного обозначения, в частности, товарного знака. Именно словесный образ создает индивидуальность, уникальность нейма. Поэтому не ядерные, а периферийные, коннотативные семы оказываются значимыми для выявления и описания семантики словесного обозначения.

Наконец, в рекомендациях подчеркивается: «Если словесное обозначение состоит из двух и более слов, экспертиза проводится как отдельно по каждому слову, так и по всему обозначению в целом» [5, с. 4]. Значит, компоненты «музыка» и «мелодия» надо рассматривать в составе словосочетаний «МУЗЫКА СНА – МЕЛОДИЯ СНА», и в этом случае эксперт на базе словарных definicij с помощью рефлексивного анализа интерпретирует семантические компоненты обозначения. При этом уровень такого экспертиного анализа зависит от профессионализма лингвиста, но в любом случае велика доля субъективизма описания, и результаты требуют верификации.

В результате анализа экспертных заключений было выявлено, что для определения семантики отдельных неймов лингвисты применяют прием обобщения словарных definicij, основанный на принципе дополнительности словарных definicij разных словарей. Однако если в семасиологии результатом применения этого приема является установление более точного и полного лексикографического значения слова, то в экспертном исследовании лингвист выбирает нужные толкования или делает акцент на те definicij, которые соответствуют его субъективному взгляду на

речевой продукт, что снижает достоверность полученных результатов. Например, разные эксперты, анализировавшие семантическое сходство одних и тех же пар словесных обозначений «РУССКИЙ ПУТЬ» и «РУССКАЯ ДОРОГА», «РУССКИЙ ВИТЯЗЬ» и «РУССКИЙ БОГАТЫРЬ», «Ласточка» и «Ласточка-певунья», в каждом случае пришли к противоположным выводам.

Ещё больше вопросов появляется у эксперта в связи с анализом так называемых «фантазийных», искусственно изобретённых неймов. В этом случае семантику обозначения эксперт часто выводит из семантики компонентов искусственно созданного слова. Например, анализируя «степень семантического сходства» словесного обозначения «ЭКОЛА» и «ЭКОЛАБ», специалисты-лингвисты ГЛЭДИС определяют слово *экола* как изобретённое, «схожее в своей финальной части с имеющимися в лексической системе современного русского языка существительными *школа*, *магнитола*, *виола* и т.п.», выделяют в слове префиксOID *эко-*, «способствующий ассоциации обозначаемого объекта с понятиями экологии, окружающей среды, экологически чистого объекта», но в то же время заявляют, что «ассоциация с экологией объекта или объектов, обозначаемых словом *экола*, не является обязательной, семантика данного изобретенного слова... не может быть признана описательной, подобное обозначение носит фантазийный характер» [3, с. 17]. Получается, что «фантазийный характер» противопоставлен «описательной семантике», понимаемой не традиционно (как оппозиция теоретической семантике), а в прикладном значении – как синоним ненаучной дефиниции «носит описательный характер». Однако в синтезирующей части заключения эксперты-лингвисты формулируют лексическое значение слова «*экола*» следующим образом: «товар, называемый изобретенным фантазийным словом *экола*, обозначающим вещество, предположительно обладающее признаком экологической чистоты» [3, с. 17]. Действительно, слово *экола* не зафиксировано словарями, не обнаружено нами в базе Национального корпуса русского языка, что свидетельствует о том, что слово – продукт искусственной номинации. Словесное обозначение *эколаб* трактуется специалистами-лингвистами как «трансформа – сокращение от словосочетания *экологическая лаборатория*. Семантика данного слова при обозначении товаров... не может быть признана описательной в строгом

терминологическом смысле слова, подобное обозначение носит фантазийный характер» [3, с. 20]. Лексическое значение слова *эколаб* формулируется в заключении так: «товар, называемый изобретенным словом, являющимся сокращением фантазийного словосочетания *экологическая лаборатория*» [3, с. 20]. Однако словосочетание *экологическая лаборатория* зафиксировано в основном корпусе Национального корпуса русского языка в прямом и переносном значении: «Экологическая лаборатория — на уровне каменного века. Ни приборов, ни техники — ничего» [Мурат Аджиев. Мгла над Тындиной // «Вокруг света», 1989]; Если все обещанное исполнится, то Ольхон—экологическая лаборатория Байкала, отчаянно обороняющаяся от натиска туристов в последние годы,—умрет. [Комаров Алексей. БАЙКАЛ – УДАР ТОКОМ // Труд-7, 2004.10.13]» [6]. Запрос «экологическая лаборатория» в поисковой строке ЯНДЕКС дает 2 млн. ответов, в том числе дефиницию «Экологическая лаборатория – это средство осуществления контроля состояния окружающей природной среды и ее изменений в результате воздействия хозяйственной или иной деятельности» [13]. В чем «фантазийность» словесного обозначения? Каковы признаки «фантазийности»?

Термин «фантазийный», ставший в последние годы частотным в лингвистической экспертизе словесных обозначений, не зафиксирован словарями в данном «экспертном» значении. Восходит определение «фантазийный», видимо, к классической ономастической работе Т.А. Соболевой и А.В. Суперанской «Товарные знаки», где сказано: «Искусственность многих товарных знаков заключается в том, что они – плод фантазии их создателей» [7, с. 60]. Прилагательного от слова *фантазия* ещё не зарегистрировал Большой толковый словарь современного русского языка (том 16) 1964 года, не было этого слова и в Малом академическом словаре 1988 года, и в словаре С.И. Ожегова и других толковых словарях. Зафиксировано прилагательное «фантазийный» лишь Большим толковым словарем под редакцией С.И. Кузнецова: ФАНТАЗИЙНЫЙ -ая, -ое. 1. к *Фантазия* (2 зн. – продукт воображения, мечта). 2. Далёкий от природного, рождённый фантазией создателя (о запахе духов или самих духах). Духи фантазийного аромата. 3. Отличающийся оригинальностью, особой усложнённостью, экстравагантностью (о стиле одежды). [2, с. 1416]. Но отвечает ли

данное слово требованиям, предъявляемым к терминам? Результаты поиска в основном корпусе Национального корпуса русского языка таковы: в пяти документах слово «фантазийный» употреблено в составе словосочетаний: «фантазийный Рим», «фантазийный бездельник», «фантазийный запах», «фантазийный наряд», «фантазийный контекст». В газетном корпусе – 12 употреблений в разных контекстах: «фантазийный метод самораскрытия и лечения», «фантазийный дизайн», «фантазийный макияж», «фантазийный бриллиант», «фантазийный коктейль» и др., и только одно из словоупотреблений «терминологическое»: «В каждом случае в подготовленных компанией документах записано, что «заявленное обозначение представляет собой слово, носящее фантазийный характер», сообщает деловая газета «Маркер». [X5 Retail Group патентует напитки с названиями Twitter и Facebook // РБК Daily, 2010.11.29] [6]. Думается, популярность этого нечёткого, строго не определенного «термина» в экспертной практике объясняется стремлением прикрыть словом «фантазийный» семантическую беспомощность лингвиста. Следует отказаться от использования ненаучного термина «фантазийный» в лексико-семантическом анализе неймов.

Мы затронули отдельные вопросы производства лингвистической экспертизы словесных обозначений с целью привлечения внимания лингвистов к проблеме выработки единой терминологии и стандартизированной методики лексико-семантического анализа неймов для применения в экспертной практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография. – Барнаул: АлтГПА, 2009.
2. Большой толковый словарь русского языка / под ред. Кузнецова С.А. – СПб.: Норинт, 2000.
3. Заключение специалистов экспертов-лингвистов. Электронный ресурс: URL: rusexpert.ru/assets/files/expertizy/4.pdf (дата обращения: 12.05.2014).
4. Кусов Г.В. Генезис и современное состояние теории судебной лингвистической экспертизы, закономерности формирования и развития: монография. – Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2012.

5. Методические рекомендации Роспатента. Электронный ресурс: URL: <http://www1.fips.ru/> (дата обращения: 12.05.2014).
6. Национальный корпус русского языка. Электронный ресурс: URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 12.05.2014).
7. Соболева Т.А., Суперанская А.В. Товарные знаки. – М.: Наука, 1986.
8. Соколова Т.П. Нейминговая экспертиза в судопроизводстве: Методические и прикладные проблемы // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2011. – № 12. – С. 29 – 31.
9. Соколова Т.П. Нейминговая экспертиза в сфере судебно-экспертной деятельности. – Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. Юридические науки. – Вып. 4, ч. II. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2013. – С. 369-374.
10. Стернин И.А. Методы исследования семантики слова. – Ярославль: Истоки, 2013.
11. Стернин И.А. Структурные компоненты значения слова // Русистика и современность. – Т.1. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. – СПб., 2005. – С. 30–38.
12. Суперанская А.В., Сталтмане В.Э., Подольская Н.В., Султанов А.Х. Теория и методика ономастических исследований. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
13. Услуги лабораторий. Электронный ресурс: URL: <http://yandex.ru/protos.su/laboratoriya> (дата обращения: 12.05.2014).

ФАЗОВАЯ ПАРАДИГМАТИКА РУССКИХ ГЛАГОЛОВ ЗВУЧАНИЯ

Е.Я. Титаренко

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского
просп. Акад. Вернадского, 4, Симферополь, Республика Крым,
Россия, 295007*

Теория фазовой парадигматики разработана автором на базе учения проф. О.М. Соколова о фазовости как лексико-грамматической категории. Исследование фазовых парадигм глаголов различных лексико-семантических групп дает интересные результаты. В данной статье анализируется сходство и различие фазовой валентности глаголов звучания.

Ключевые слова: фазовая парадигма, глаголы звучания, фазовость, глагол.

PHASE PARADIGMATIC OF RUSSIAN VERBS OF PHONATION

Elena Tytarenko

*Tauride National University n.a. acad. V.I. Vernadsky
Acad. Vernadsky ave., 4, Simferopol,
Republic of Crimea, Russia, 295007*

Paradigmatic theory of phase developed by the author based on the teachings of Prof. O.M. Sokolov on phase as lexical and grammatical category of interacting with a form of the verb category. Study of phase paradigms of verbs of different lexical and semantic groups yields interesting results. This article analyzes the similarities and differences of the phase valence verbs of phonation.

Keywords: phase paradigm, verbs of phonation, phase, the verb.

М.А. Шелякин описывал семантическую группу непредельных глаголов, участвующих в приставочном образовании способов действия, следующим образом: «Непереходные глаголы со значением «издавать или производить звуки» (глаголы звучания). Они имеют ряд лексических и морфологических признаков, позволяющих объединить их в одну группу, и делятся на глаголы, соотносительные с маркированной одноактностью (*каркать – каркнуть*), и глаголы без подобной соотносительности (ср. *лять, блеять, звенеть* и др.)» [8, с. 56].

К первому типу глаголов звучания относятся все глаголы, образованные по 1-му продуктивному классу, и ряд глаголов не-продуктивных классов: *аукать – аукнуть, ахать – ахнуть, булькать – булькнуть* и др. (в этом разряде М.А. Шелякин насчитывает более 57 пар глаголов). Ко второму типу глаголов звучания относятся: *галдеть, звенеть, пыхтеть, звучать, мычать* и т. д. (в статье перечислено 23 глагола) [8, с. 57].

«Глаголы звучания обозначают действия, как правило, состоящие из однородных квантов, неограниченно повторяющихся

на линии времени. Их прекращение не ведет к новому одновероятному состоянию субъектов, они не имеют результативной или целевой направленности, в синтаксическом отношении все они однозначно предикатные, за исключением, может быть, глаголов *лять на кого-либо, рычать на кого-либо*, действия которых не воспринимаются как предельные» [8, с. 57].

С глаголами звучания, а также с другими многоактными глаголами, соотносительными с одноактными глаголами на *-ну-*, связан вопрос об их видовой парности. Как известно, пишет М.А. Шелякин, ряд языковедов оспаривает традиционное мнение об одноактных глаголах с суф. *-ну-* как видовых коррелятах к многоактным глаголам (А.А. Потебня, например). М.А. Шелякин доказывает, что одноактные и многоактные глаголы являются одновидовыми, с одной оговоркой: «если многоактные глаголы семантически представлены в непредельных значениях» [8, с. 59]. Наша позиция совпадает в этом отношении с известными учеными: мы убеждены, что многоактные и одноактные глаголы не составляют видовые пары, они формируют аспектуальные пары, противопоставленные по виду и по фазовости. Между такими глаголами устанавливаются одно-/многократные фазовые отношения.

Теория фазовости глагольного действия была разработана и обоснована профессором О.М. Соколовым [5]. Суть ее сводится к тому, что между глаголами противоположного вида, находящимися в отношениях прямой словообразовательной мотивации, всегда возникают отношения фазовости. Основных типов таких отношений 3: начинательно-процессные, процессно-завершительные, одно-/многократные. Фазовые отношения не всегда являются основными, главными в таких парах, но всегда сопутствуют основным значениям. Например, результативность сочетается с завершительной фазой (*строить – выстроить* (дом); *перечеркивать – перечеркнуть* (написанное); *пачкать – испачкать* (одежду) и т.п.). Прерванность процесса, его ограничение внешними границами (т.н. «внешний» предел – в противоположность «внутреннему») также совпадает с завершительной фазой, например, *прыгать – попрыгать* (пару минут), *гулять – прогулять* (два часа по парку) и т.д. Интенсивность действия может сочетаться с начинательностью, которая проявляется при сопоставлении глаголов в

таких, например, парах, как *разволноваться – волноваться* (о человеке, о море); *рассмеяться – смеяться* и т.д.

На основе теории фазовости О.М. Соколова нами была разработана теория фазовой парадигматики русских и – шире – славянских глаголов [6]. Подавляющее большинство русских глаголов имеет фазовые парадигмы. Фазовая парадигма глагола – это совокупность всех производных глаголов противоположного вида одного производящего, каждое из которых составляет с исходным глаголом словообразовательную пару, имеет мотивационные отношения и выражает один из фазовых пределов. В фазовую парадигму входят только глагольные дериваты и видовая пара (если она имеется) [6]. Глаголы (и их отдельные лексемы, в том значении термина, которое дает Ю.Д. Апресян [1]) в фазовой парадигме группируются вокруг исходного глагола в соответствии с направлениями фазовости.

Исследование фазовых парадигм дает новые возможности семантического анализа и изучения словообразовательной валентности различных ЛСГ глаголов [6]. В данной статье мы хотели бы рассмотреть ЛСГ глаголов звучания, о которых писал М.А. Шелякин, взяв за основу лексический состав данной группы, представленный в новом словаре русских глаголов [2]. В словаре в эту группу включено 96 глаголов (отдельных лексем больше, т. к. некоторые глаголы имеют по 2-3 и более лексем с типовой семантикой, каждая такая лексема описана в данном словаре самостоятельно).

Словарь [2] определяет типовую семантику глаголов звучания как «издавать, производить какие-л. звуки, шумы, не связанные с речью, при помощи голосового аппарата (о живых существах), при взаимодействии, ударе каких-л. предметов друг о друга или при помощи каких-л. инструментов (например, музыкальных)» [2, с. 355]. Базовыми глаголами названы *звукать, издавать (издать)* (звуки, шумы), *производить (произвести)* (звуки, шумы).

Анализ произвольно избранных 25 фазовых парадигм глаголов из этой ЛСГ, среди которых 24 глагола НСВ: *аплодировать, барабанить, бренчать, булькать, верещать, визжать, вопить, ворковать, ворчать, выть, грохотать, гоготать, горланить, греметь, громыхать, грохотать, гудеть, дребезжать, жужжать, журчать, звенеть, звонить, звучать, зякать* и 1 глагол СВ –

грянуть показал, что полную фазовую парадигму имеют 18 глаголов: *барабанить, бренчать, визжать, ворковать, ворчать, выть, громыхать, грохотать, гудеть, дребезжать, звучать, звонить, звенеть, греметь, верещать, грохать, зякать, гоготать, журчать*. Такая парадигматика объясняется тем, что процесс, называемый этими глаголами, является непредельным, длительным, и поэтому естественно, что в языке имеются глаголы СВ, обозначающие его начало и конец (совпадающий с результатом). Поскольку процесс расчлененный, то в языке есть и глаголы, называющие одно- и многократное проявление этого процесса. Кроме того, в русском языке практически всегда есть глаголы, называющие ограничение процесса звучания с помощью префиксов *по-* и *про-*.

Фазовая парадигма базового глагола *звукать*:

Здесь видно, что глагол *прозвучать* имеет (по МАС [4]) 3 лексемы: 1. ‘Издать непродолжительный звук’. В этом значении между лексемами *прозвучать – звучать* складываются одно- / многократные фазовые отношения, что отражено на схеме. 2. ‘Раздаться, стать слышимым (о различных непродолжительных звуках). // (несов. звучать) перен. в чем обнаружиться, проявиться в звуках голоса, в пении, в словах и т. п.’. В этом значении фазовые отношения «начало → процесс» (*прозвучать → звучать*). 3. (несов. звучать). ‘Произвести то или иное действие, впечатление на слушающего, приобрести тот или иной смысл, характер’. Здесь глаголы составляют видовую пару, в которой отношения идут по линии процесс → конец / результат процесса (*звукать → прозвучать*).

Глаголы *булькать, вопить, горланить, дребезжать, журчать* имеют трехстороннюю фазовую парадигму, в которой отсутствует конечно-результативная фаза, например:

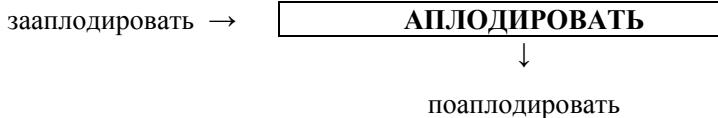

Глаголы с суффиксом однократности **-ну-**, такие как *булькнуть*, *визгнуть*, *громыхнуть*, *грохнуть*, *звалякнуть* и некодифицированные *ворчнуть*, *гуднуть* представляют большой интерес. Их объединяет значение однокр. «издать (короткий, сильный, громкий и т.п.) звук».

Единственный среди проанализированных нами глаголов СВ с данным суффиксом глагол *грянутъ* имеет значение «1. Внезапно с силой раздаться, загреметь, зазвучать. // перех. Внезапно громко закричать, запеть, заиграть что-л. 2. Перен. Внезапно, с силой начаться; разразиться» [4] и обладает **нулевой** фазовостью.

Следует отметить, что глаголы НСВ *грохать*, *звалякать* считаются парными по виду и толкуются в МАС отсылочным способом, как «несов. к грохнуть, звалякнуть». Такая трактовка представляется неоправданной, т. к. глаголы СВ с суффиксом однократности **-ну-** являются одновидовыми, не имеющими «чистых» видовых пар, ср.: *стучать – стукнуть* : *грохать – грохнуть*.

Итак, 8 из 24 глаголов передают значение однократности дериватами с суффиксом **-ну-**, остальные включают в свои парадигмы глаголы с префиксом **про-**: *пробарабанить*, *провизжать*, *прозвонить*, *проводорчать*, *проводорковать* и т. д. Общее значение «издать непродолжительный звук». В большинстве случаев глаголы с префиксом **про-** имеют также значение ограничительности – «издавать звук в течение некоторого времени». В группе анализируемых глаголов есть пример наличия двух дериватов в парадигме со значением однократности – *визгнуть* и *провизжать* (глагол *визжать*); один глагол выражает однократность префиксом **вз-** (*взвыть*) и **про-** (*провыть*) и один глагол (*апплодировать*) не имеет синтетического выражения одно-/многократности в своей фазовой парадигме. Этот глагол отличается самой слабой фазовой валентностью, в его состав входит всего 3 глагола, его фазовая парадигма двусторонняя:

Характерной особенностью фазовой валентности глаголов звучания является наличие в их парадигмах начинательных глаголов с префиксом *за-*, в некоторых случаях (значительно реже) имеются также глаголы с префиксом *раз-* и постфиксом *-ся* со значением «начать делать что-л. (издавать звук) всё сильнее и сильнее». Такие глаголы могут быть как разговорными, кодифицированными (например, *развивжаться*, *развопиться*, *разворковаться*), так и некодифицированными, употребляющимися в речи носителей языка, в поэтической речи, например, *разбренчаться* – «начать бренчать все сильнее и громче»: *Разбренчались доспехами... Один лучше другого. baku.ru>frmpst-view.php...* Не судьба ли твоя, За безрыбьем житъя, за бессоньем питья, *Разбренчалась чужими ключами?* stroki.net>content/view/4002/22/ [3].

Наиболее высокой фазово-префиксальной валентностью среди проанализированных глаголов обладают глаголы *звонить* (19 слов в парадигме), *грреметь* (10 слов), *грохотать* (8), *громыхать* (7). Все они имеют полные фазовые парадигмы.

Базовыми глаголами данной группы, как уже было сказано, в словаре [2] названы *звучать*, *издавать (издать)* (звуки, шумы), *производить (произвести)* (звуки, шумы). Фазовая парадигма лексемы *звучать* полная, многочленная (см. схему выше), лексема непарная по виду, непредельной семантики. Лексемы *издавать (издать)* (звуки, шумы), *производить (произвести)* (звуки, шумы) наоборот, не имеют никаких дериватов, кроме видовой пары. Следует отметить, что глагол *издавать – 2* (звуки, шумы) зафиксирован в МАС [4] и в «Словаре» А.Н. Тихонова [7] как омоним глагола *издавать – 1*, но в толковании глагола *произвести* ни в том, ни в другом словаре лексемы с семой ‘звукание’ не фиксируется. Фазовые отношения в видовых парах *издавать / издать* и *производить / произвести* (звук) скорее одно-/многократные, реже начинательно-процессные, но явно не процессно-результативные (финитивные).

Данные выводы являются предварительными, ЛСГ глаголов звучания требует дальнейшего изучения с позиций теории фазовой парадигматики, что составляет перспективу нашего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии / Ю.Д. Апресян. – Т. 1: Парадигматика. – М.: Языки славянских культур, 2009.
2. Большой русский словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / Под ред. проф. Л.Г.Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. – 576 с. – (Фундаментальные словари).
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] / Режим доступа: www.ruscorpora.ru.
4. Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой : В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. – 2-е изд. – М.: Русский язык, 1981-1984.
5. Соколов О.М. Имплицитная морфология русского языка: монография / [отв. ред. С.О. Соколова]. – 2-е изд., испр. и доп. – Нежин : ООО «Гідромакс», 2010.
6. Титаренко Е.Я. Категория фазовости и вид русского глагола: монография / Е.Я. Титаренко. – Симферополь: Доля, 2011.
7. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. – В 2-х т. – М.: Рус. яз., 1985.
8. Шелякин М.А. Предельные и непредельные глаголы несовершенного вида / М.А. Шелякин // Семантика и функционирование категории вида русского языка : Вопросы русской аспектологии III // Ученые записки Тартуского гос. университета. – Тарту, 1978. – Вып. 439. – С. 43-63.

РАЗВИТИЕ ОЦЕНОЧНОЙ СЕМАНТИКИ СЛОВА И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ В ЛЕКСИКОГРАФИИ

М.А. Тихонова

*Московский государственный университет печати
имени Ивана Федорова
ул. Прянишникова, 2А, Москва, Россия, 127550*

В работе рассматриваются изменение семантической структуры слова, развитие актуальных оценочных значений и их лексикографическая фиксация в словаре оценочной лексики.

Ключевые слова: аксиология, актуальные оценочные значения, оценочная семантика, словарь.

EVOLUTION OF EVALUATION SEMANTICS AND ITS REFLECTION IN LEXICOGRAPHY

M.A. Tikhonova

*Moscow State University of Printing Arts n.a. I. Fyodorov
Pryanishnikova str., 2A, Moscow, Russia, 127550*

The object of this article are changes in the semantic structure of the word, development of the topical evaluation values and its lexicographical fixing in Russian Language Evaluation Vocabulary Dictionary.

Keywords: axiology, topical evaluation value, evaluation semantics, dictionary.

Лексика является открытой системой, непосредственно обращенной к явлениям окружающего мира. «В отличие от других систем, лексика тесно связана с внешними, экстралингвистическими факторами. Она непосредственно отражает изменения, происходящие в окружающей действительности, что выражается как в отмирании слов (и их значений), так и в появлении новых слов и значений или в изменении последних» [5, с. 61].

Одной из важных особенностей современного общества можно считать активное развитие оценочной деятельности созна-

ния в культуре и дискурсе. Оценочная лексика широко употребляется как в письменной, так и в устной речи, в языке средств массовой информации. Активный процесс аксиологизации подтверждается тем, что в словарном запасе около 40 % слов, по наблюдениям лингвистов, реализуют оценочное значение либо его компоненты в семантической структуре слова.

Объектом нашего исследования являются лексические единицы, которые развиваются в своей структуре оценочные семемы. При этом изначально такие слова могут быть нейтральными, то есть не иметь никакой оценочной характеристики. Поэтому можно сказать, что эти лексические единицы обладают *оценочным потенциалом*.

Оценочные компоненты являются основной частью pragматического значения слова, которое Л.А. Новиков определял как «закреплённое в языковой практике отношение говорящих к употребляемым знакам и соответствующее воздействие знаков на людей» [5, с. 100]. Он считал, что «функция оценки входит в тематическую область pragматики, является её организующим началом, выражает её сущность» [5, с. 54].

Оценка формируется в процессе развития языка и общества и отражает национальную систему ценностей, которая может изменяться в зависимости от мировоззренческих идеалов социума. Н.В. Черникова отмечает, что «социокультурный компонент коннотации, или социокультурная коннотация, носит подвижный характер, так как может эволюционировать в зависимости от изменения экстралингвистических обстоятельств» [8, с. 147].

Развитие значений слов обусловлено также и чисто лингвистическими факторами: лексические единицы способны употребляться в переносных значениях. Названия могут переноситься с одного предмета на другой, если у этих предметов есть общие признаки. Общие признаки могут послужить основанием для ассоциативного сближения этих предметов и переноса названия с одного из них на другой. Ю.Н. Карапулов считает, что значения слов в «ассоциативно-вербальной сети» подвержены «семантическому варьированию». «Варьирование самих значений, складываясь с самим варьированием способов их передачи, их выражения, создаёт неповторимую <...> гамму семантических близков...» [1, с. 180]. При этом возникают внутрисловные семантические

деривации на основе метафоры, метонимии и других переносов наименования. Активное образование новых значений непосредственно связано с расширением сочетаемости слова.

В современной языковой ситуации большое значение имеет аксиологическая трансформация значений слов. По мнению Т.В. Маркеловой, «очевиден тот факт, что аксиосфера укрепляет свои позиции, расширяет речевые средства оценочного воздействия <...>, а в результате – **преображает языковые явления**» [2, с. 67]. В последние десятилетия появилось много исследований, посвящённых лингвистической аксиологии (Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Е.М. Вольф, А.А. Ивин, В.И. Карасик, Н.А. Лукьянова, Т.В. Маркелова, Л.Г. Смирнова, Ю.С. Степанов, В.И. Шаховский, Д.К. Шмелёв, Morris C.D.W. и др.), однако до настоящего времени не существует словаря, в котором было бы представлено лексикографическое описание оценочной лексики. Можно отметить только два словаря, отражающие оценочный аспект фразеологии (Л.К. Байрамова «Аксиологический фразеологический словарь русского языка. Словарь ценностей и антиценностей», 2011 г. и В.Ю. Меликян «Словарь: Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи», 2001 г.). Задача создания словаря оценочной лексики является актуальной для современной лексикографии. Разрабатываемый нами словарь оценочной лексики русского языка ставит перед собой задачу систематизации и унификации деления оценочной лексики на различные виды в зависимости от коммуникативных намерений субъекта оценки – одобрения/неодобрения (нахождения слова на определённом уровне оценочной шкалы) и лексических средств выражения оценки (функция, коннотация, прагмема).

Оценка – это умственный акт, неразрывно связанный с мыслями и эмоциями, которые вербализуются в слове, речи. По мнению Т.В. Маркеловой, «ценностный признак есть результат отношения социума-говорящего к окружающим его предметам, лицам, событиям с точки зрения качества, обусловленного «идеалами» субъекта – конструктами мышления – во взаимодействии с эмоциональной сферой формирующим абстрактную «шкалу оценок», включающую положительную, отрицательную и нормативную зоны» [3, с. 4].

Усиление или ослабление положительных и отрицательных признаков позволяет построить оценочную шкалу: *очень хорошо – довольно хорошо – хорошо – нормально – плохо – довольно плохо – очень плохо*. Эта шкала-образец, шкала-функция, на которую могут накладываться другие оценочные значения. Например, шкала эстетической оценки внешних качеств: *красивый – симпатичный – привлекательный – обычный на вид – невзрачный – уродливый – безобразный*. В коммуникации эти эмоциональные оценки выражают отношение говорящего к действительности: одобрение – похвалу – восхищение // неодобрение – порицание – возмущение.

В исследованиях Т.В. Маркеловой лексические средства выражения оценки представлены следующей триадой: *оценочность функциональная* – слово содержит оценку в семантической структуре (хороший, замечательный); *оценочность коннотативная* – слово имеет переносное оценочное значение, при этом прямое значение не является оценочным (Жизнь – сказка); *оценочность pragматическая* – предметное и оценочное значения слова неразрывно связаны (Жизнь – ад) [4, с. 69]. Данная оценочная триада будет использована как основа для лексикографического описания в словаре оценочной лексики.

«Наличие в слове отношения говорящего к обозначаемому словом же явлению позволяет трактовать их как *прагмемы*, играющие большую роль в системе выражения оценочных значений: *виртуоз, гений, ангел // бездарь, шарлатан, негодяй* и т.д.» [4, с. 69]. Состав прагмем постоянно расширяется, так как слова развивают оценочные значения. При этом расширяются парадигматические и синтагматические связи слов.

Семантический анализ лексики помогает проследить процесс аксиологизации, который Л.А. Новиков предполагал исследовать на основе определения характерных функций слов и их связи с контекстом, выявления типологии лексических значений, объективных критериев для лексико-семантического поиска и для нахождения эмоциональной окраски слова [5, с. 122].

Сравним лексико-семантические структуры слов в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (СОШ) [6] и «Толковом словаре русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» под ред. Г.Н. Склеревской [7].

Лексема *аллергия* в СОШ имеет следующее толкование: ‘изменённая реактивность организма, вызываемая какими-н. чуждыми организму веществами и выражающаяся различными болезненными состояниями’ [6, с. 20]. Словарь под ред. Г.Н. Скляревской указывает новое, отрицательно оценочное значение: ‘отрицательное отношение, нетерпимость к кому-чему-л.’ [7, с. 57]. Например: *У американцев аллергия на наши «Тополя» [ядерные ракеты]* (КП, 26.06.2008).

Лексема *ангажировать* в СОШ нейтральна с точки зрения оценки и толкуется так: ‘1. предложить (-лагать) ангажемент кому-н., 2. пригласить (-шать) на танец’ [6, с. 22]. Словарь под ред. Г.Н. Скляревской даёт отрицательно маркированное значение, снабжая его оценочной пометой *неодобр.*: ‘заставить действовать в своих интересах, склонить к необъективному отражению действительности, оплачивая эту деятельность, предоставляя какие-л. выгоды и преимущества’ [7, с. 63]. Например: *Мои журналисты не имеют праваходить на политические митинги как граждане. Потому что любой известный журналист, который идёт на митинг в поддержку того или иного кандидата на политический пост, тем самым ангажирует радиостанцию* (АиФ, 2013, № 42).

Слово *девальвация* в СОШ имеет помету *спец.* и толкуется как ‘осуществляемое в законодательном порядке уменьшение золотого содержания денежной единицы или понижение курса национальной валюты’ [6, с. 157]. А в словаре под ред. Г.Н. Скляревской значение расширилось и приобрело явно оценочный компонент: ‘утрата высокого качества, достоинства, значимости; обесценивание’ [7, с. 281]. Например: *Мрачная прелест романаГлуховского в том, что страшные картинки издалекогобудущегодоужаса легко накладываются на текущее настоящее. Духовныекризис, девальвация семейных ценностей – всё это в тойилииной степени есть и сейчас* (КП, 16.10.2013).

Лексема *джунгли* в СОШ толкуется как ‘густые, труднопрходимые лесные заросли в болотистых местностях тропических стран’ [6, с. 166]. Значение в словаре под ред. Г.Н. Скляревской, в отличие от СОШ, имеет чётко выраженную оценочную коннотацию: ‘о жестоком, опасном и непредсказуемом мире’ [7, с. 307]. Например: *Мало создать что-то нужное, надо ещё уметь его продать. Рынок – это джунгли.* (Огонёк, 2002, № 37).

Слово *откат* в СОШ приводится только в словарной статье *откатить* ('катя, отодвинуть, переместить в сторону, назад' [6, с. 484]) – оценочности в этом значении нет. В словаре под ред. Г.Н. Скляревской лексема *откат* выделена в отдельной словарной статье и имеет в своём толковании оценочные (негативные) семы: 'взятка должностному лицу в виде части дохода, незаконно полученного с помощью этого лица или при его попустительстве' [7, с. 693]. Например: *По данным следствия, экс-мэр и трое его подчиненных требовали у предпринимателя, занимающегося уборкой города, откат в 45 миллионов рублей* (Метро, 28.02.2014).

У некоторых слов происходит полярная смена оценочного знака, что свидетельствует об эмоционально-оценочной энантиосемии. Так, у слова *амбция* СОШ отмечает исключительно отрицательную коннотацию: '1. Обостренное самолюбие, а также спесивость, чванство. 2. обычно мн. Претензии, притязания на что-н. (неодобр.)' [6, с. 21]. Данные значения с негативной оценкой сохраняются, однако в современном словоупотреблении более частотна семема с противоположной, положительной коннотацией: 'энергичное стремление осуществить честолюбивую цель, замысел, идею и т.п.' [7, с. 61]. Например: *Предложение возглавить "Зенит" я получил на прошлой неделе. Легко согласился, потому что увидел высокие амбиции руководства клуба, мы быстро пришли к взаимному пониманию, – сказал тренер* (Метро, 20.03.2014).

Приведём ещё один пример, в котором наблюдается эмоционально-оценочная энантиосемия. Слово *прорыв* толкуется в СОШ как 'нарушение хода работы, срыв в работе' [6, с. 638]. В современных реалиях значение кардинально изменилось, сменив также и оценочную сему с отрицательной на положительную: 'резкий, решительный поворот к лучшему, нередко вопреки неблагоприятным обстоятельствам'. Например: *В общем, в поп-музыке случаются какие-то прорывы по-настоящему талантливых людей. Но «Евровидения» это точно не касается* (АиФ, 2014, № 21); *В мире накоплен большой опыт инновационных прорывов. Например, поддержка компаний, которые экспортуют промышленные товары, и ужесточение отношения к тем, кто неконкурентен на мировом рынке. Эта основа японского прорыва 1960-х и 1970-х* (АиФ, 2014, № 20).

Н.В. Черникова отмечает, что «экстралингвистические явления и события, к которым применимо аксиологическое суждение «это хорошо» или «это плохо», могут транспонировать свою положительную или отрицательную оценку тем лексическим единицам, которые связаны с этим явлением/событием...» [8, с. 178]. Активное развитие новых оценочных значений у лексических единиц позволяет говорить об «оценочной экспансии», под которой понимается «перемещение оценки с экстралингвистических реалий на их вербальные корреляты» [8, с. 178].

Словарь оценочной лексики должен *динамично* отражать процессы аксиологизации, что позволяет моделировать его как *активный, когнитивно-функциональный* словарь, демонстрирующий трансформацию оценочной семантики.

Приведем примеры словарных статей слов, оценочные семанты которых развились из нейтральных, аксиологически не маркированных значений:

ВЗРЫВООПА́СНЫЙ, -ая, -ое. К.* Чреватый вооруженными столкновениями противоборствующих сторон, массовыми акциями протesta, социальным взрывом. *Наши лечебные учреждения, по сути, оказались заложниками сложившейся после указа взрывоопасной* ситуации, – считает руководитель центрального комитета профсоюза работников здравоохранения России Ирина Смирнова. (МК-Карелия, 22.10.2013) ≈ Напряжённый. ≠ Спокойный, мирный. Δ сущ. **взрывоопа́сность**, -и, ж.

ГУРМА́Н, -а. м. П. Любитель и ценитель чего-л. прекрасного, изысканного, особенного. Но если вы имеете нестандартную фигуру, намечается особое событие или вы **гурман** хорошего мужского костюма, любящий безупречное качество и комфорт..., имеет смысл обратить внимание именно на костюмы, пошитые по индивидуальному заказу (КП, 27.03.2013). Δ ж. **гурма́нка**, -и; прил. **гурма́нский**, -ая, -ое.

ЖАРЕНИЙ, -ая, -ое. К. Связанный с использованием сенсационной информации разоблачительного характера (не всегда проверенной, достоверной). Секрет такой многолетней популярности прост: еженедельник не гонится за **жареной** информацией, прислушивается к мнению читателей, выбирает интересных собеседников, публикует исключительно убедительные аргументы

и проверенные факты (АиФ, 2013, № 17). ≈ Жёлтый. ≠ Правдивый.

ОБВА́Л, -а, м. К. Резкое и быстрое ухудшение какой-л. ситуации; возникновение кризиса (обычно в угрожающих масштабах). Даже этот рост не в силах компенсировать прошлогодний *обвал производственной активности* (Метро, 02.04.2014) ≈ Спад. ≠ Подъём. Δ прил. **обва́льный**, -ая, -ое.

ОБВАЛИТЬ, -алио', -а' лишь, -а'ленный; сов. К. Привести к резкому и быстрому ухудшению какой-л. ситуации; возникновение кризиса (обычно в угрожающих масштабах). *Новость о том, что Россия может ввести войска в Украину, обвалила российский фондовый рынок* (АиФ, 2014, № 11). ≈ Обрушить. ≠ Поднять, улучшить. Δ несов. **обва́ливать**, -аю, -аешь.

ФОНТАНИРОВАТЬ, -рую, -руешь; несов. К. Сильно, безудержно проявляться. Одни [социологические службы] *фонтируют оптимизмом, другие гонят пессимистическую волну* (АиФ, 2014, № 20). Δ сущ. **фонтанирование**, – я., ср.

* К. – коннотация; П. – прагмема.

Проанализированный эмпирический материал позволяет сделать вывод о расширении состава и функции оценочной лексики в современном русском языке. В связи с изменением социальных реалий и исторических процессов аксиологизация затрагивает новые сферы коммуникации и ситуации общения, всё более приобретая особую значимость. Под влиянием общественно-политических процессов, снятия идеологических запретов, преобразований в экономике и т.п. происходит актуализация оценочно маркированных значений. Данный процесс протекает в настоящее время очень интенсивно и существенно влияет на состояние современного русского языка, которое должно своевременно отражаться в толковых словарях. Это особенно актуально для словарей *активного типа*, которые демонстрируют динамику лексического состава языка и изменение прагматических и коннотативных компонентов семантики слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка / Ю.Н. Караулов. – М.: Русский язык, 1993.
2. Маркелова Т.В. Аксиология языка и русской языковой личности как квинтэссенция современности: отражение и преображение / Т.В. Маркелова // Ценности и смыслы. – 2010. – № 6. – С. 64-76.
3. Маркелова Т.В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке: монография / Т.В. Маркелова. – М.: МГУП имени Ивана Федорова, 2013. Маркелова Т.В. Семантика и прагматика средств выражения оценки / Т.В. Маркелова // Филологические науки. – 1995. – № 3. – С. 67-80.
4. Новиков Л.А. Семантика русского языка. – М.: Высшая школа. 1982.
5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: ИТИ Технологии, 2009.
6. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Скляревской. – М.: Эксмо, 2008.
7. Черникова Н.В. Лексико-семантическая актуализация как средство отражения изменений в русской концептосфере (1985–2008 гг.): Монография. – М.: МГОУ; Мицуринск: МГПИ, 2008.

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРИСТАВОЧНЫХ ГЛАГОЛОВ

Н.С. Федотова

*Российский государственный педагогический университет
имени А.И. Герцена
Наб. р. Мойки, 48, Санкт-Петербург, Россия, 191186*

В статье представлены результаты анализа семантики приставочных глаголов с пометой «разговорное» в прагматическом аспекте.

Ключевые слова: семантика, прагматика, разговорная речь, глагол.

COMMUNICATIVE AND PRAGMATICAL POTENTIAL OF PREFIXAL VERBS

N.S. Fedotova

*Herzen State Pedagogical University of Russia
Moika River Emb., 48, St. Petersburg, Russia, 191186*

In article the author describes results of the analysis of semantics of prefixal verbs with rumpled "colloquial" in pragmatal aspect.

Keywords: semantics, pragmatics, informal conversation, verb.

Прагматика слова неизменно привлекает внимание как ученых, так и носителей языка [1], [7]. Исследование словарного состава в прагматическом аспекте предполагает выявление коммуникативной целесообразности и допустимости употребления лексических единиц в зависимости от ситуации общения и целей говорящего. Знание коммуникативно-прагматического потенциала языковых единиц обеспечивает говорящему успешное решение коммуникативных задач.

Варианты определения термина «прагматика» различны, однако ведущим понятием прагмалингвистики признается человеческий фактор, в частности условия выбора и адекватного употребления языковых единиц с целью влияния на собеседника. Процесс взаимодействия участников коммуникации является разновидностью социальной ситуации, в которой они исполняют различные роли.

Прагматика наряду с семантикой и синтагматикой входит в триаду Ч. Морриса. Различаются контекстно-свободный смысл языкового выражения (объект семантики) и контекстно-связанный смысл данного произнесения языкового выражения (объект прагматики). В той степени, в какой иллокутивный потенциал языкового выражения может считаться независимым от контекста его употребления, он относится к семантике, в той степени, в какой степени он считается зависимым от этого контекста, он принадлежит прагматике, иначе говоря, любое высказывание допускает два вида описания – чисто лингвистическое и прагматическое [3, с. 9-10].

Данная статья посвящена анализу прагматического аспекта приставочных глаголов, в частности глаголов с приставкой по-, обладающих значительным коммуникативно-прагматическим потенциалом. Избранный ракурс исследования обусловлен тем, что усвоение родного / неродного / иностранного языка предполагает как различие языковых выражений, так и ситуаций их употребления, а также соотнесение одних с другими. При этом следует помнить, что семантическая референция определяется языком, а референция говорящего – контекстом и намерением автора речи [3, с. 11].

При исследовании семантики приставочных глаголов обращает на себя внимание присутствие в словарных дефинициях пометы *разг.*, которая является своеобразным предупреждающим / разрешающим сигналом к использованию данного слова [2; 4; 6]. Речевая реализация таких слов предполагает сферу разговорной речи, характеризующейся следующими признаками: непосредственное устное общение участников, неподготовленность, неофициальность контактов между говорящими, бытовая тематика общения.

Разговорная речь как особая языковая система, противопоставленная кодифицированному литературному языку, имеет свои нормы, которые официально не закреплены в словарях, учебниках. Каждый носитель языка осознает их существование и интуитивно чувствует разницу между кодифицированным литературным языком и разговорной речью, определяет уместность / неуместность использования слов разговорного стиля, которым свойственна экспрессия непринужденности, нередко осложняющаяся оттенком фамильярности или грубоватости. Однако помета *разг.* не демонстрирует множество оттенков, которые могут проявляться при употреблении приставочных глаголов. Семантика предполагает «что значит этот глагол», а прагматика – «что хотел сказать / выразить говорящий, если выбрал этот глагол». Знание говорящим не только семантики, но и прагматики слова обеспечивает ему положительно-отрицательный ассоциативный узус употребления слов, вызывающих различные эмоциональные реакции у собеседника.

В результате анализа контекстов с глаголами *поговаривать*, *постреливать*, *постукивать*, *посчитывать*, *потаскивать* и др.,

имеющих значение «время от времени совершать какое-л. действие» выявляется прагматический компонент, отражающий неодобрительное отношение говорящего к действию, названному данным глаголом.

Например, глагол *похаживать* означает «1. Ходить не торопясь, прогуливаясь. Похаживать по саду. 2. Заходить, приходить куда-н. время от времени. Он к нам похаживает» [6]. В словарном толковании нельзя обнаружить негативный прагматический компонент значения слова – неодобрительное отношение говорящего к действию *похаживать*, совершающему другим субъектом. Употребление глагола явно это подтверждает.

*И он начал **похаживать** по комнате, посматривая на меня и улыбаясь несколько иронически (М.Е. Салтыков-Щедрин). Так вот, этот самый Федот с чего-то начал ко мне **похаживать**. (М.Е. Салтыков-Щедрин) Стал я **похаживать** в кабак, отился от работы, люди дивуются, как я дом свой зорю, меня бранят да ругают (Д.Н. Мамин-Сибиряк). Стали **похаживать** к Работкину гости из города, стал он угождать их; денег у него хватало (Ф.М. Решетников).*

Глаголы *понастроить*, *понаехать*, *понатаскать*, *понавешать*, *понагнать*, *понабрать*, *понабросать*, с семантикой «постепенно что-то сделать в большом количестве», должны были бы свидетельствовать о положительном отношении к обозначенным действиям. Однако анализ контекстуальных употреблений обнаруживает совершенно противоположный смысл – намерение говорящего выразить интенции возмущения, упрека, недовольного удивления.

*Он хотел продать часть земли, а на остальной **понастроить** коттеджи для туристов (Н. Цветкова). А домов **понастроить** сколько новых и каких огромных успели! (С.Н. Сергеев-Ценский.) Но мы переоборудуем рынки не для того, чтобы **понастроить** везде дорогие торговые центры с эскалаторами и фонтанами... (Б. Устюгов).*

Глаголы, имеющие значение «в течение некоторого времени совершил действие, названное соответствующим беспрефиксным глаголом» / «делать что-то некоторое время» / «провести некоторое время, делая что-то» – *побегать, побеседовать, поберечь, побеспокоиться, поблескать, поболтать, побросать, поварить, по-*

вздыхать, повизжать, повоевать, поволноваться, повыть, повязать, погладить, поглотить, погладить, погневаться, поговорить, поголодать, погордиться, погостить, погреметь, погреть, погрозить, погрустить, погудеть, погулять, подышать, поездить, поесть, пожарить, пожевать, пожить, поиграть и др. в словарях сопровождаются пометой разг. чаще всего в переносных значениях. При этом, употребляя данные глаголы в прямом значении, говорящий выражает свое добродушное отношение к называемым действиям. Употребляя данные глаголы в переносном смысле, наоборот, выражается интенция осуждения, сожаления.

Одежска, конечно, выглядит слишком новой, но если ее немного помянуть и потереть, будет то, что надо (Н. Дежнев). Не представляю, как нужно укатать Командора, чтобы чуть-чуть помянуть ему морду (А. Лазарчук).

Носители языка и те, кто изучает русский язык как иностранный, не задумываются и даже не догадываются о том, что слова, в частности, приставочные глаголы несут в себе богатый коммуникативно-прагматический потенциал. При этом носитель языка может полагаться на собственное знание языка, делать выводы о значении слова и его прагматике, опираясь на интуицию, на то, как он сам понимает и употребляет данное слово. В случае же изучения семантики слова неродного языка необходимо опираться на корпус употреблений с их контекстами, чтобы получить для себя материал, посредством которого сформулировать для себя выводы об его использовании.

При анализе глаголов с приставкой по- (разг.) (объем составил более 180 лексико-семантических вариантов) были выявлены следующие группы глаголов:

1. Глаголы с отрицательным прагматическим компонентом (экспрессивно-оценочный компонент содержится уже в бесприставочном глаголе), выражающие интенции пренебрежения, недобрительности к действиям собеседника: *посишибать, потискать, потощать, потренъкать, понапихать, поорать, поразньюхать, пореветь, посоловать* и др.

2. Глаголы, являющиеся смысловыми эквивалентами стилистически нейтральных обозначений: *помыть* (= вымыть посуду), *порвать* (= разорвать письмо), *порубить* (= нарубить дров), *по-*

встречаться (= встретиться с друзьями), *поменять* (=сменить скатерть), *померить* (= измерить температуру) и др.

3. Глаголы, являющиеся обозначением таких реалий, которые в основном относятся к бытовой сфере жизни, поэтому их «разговорность» не контрастирует, как правило, с другими обозначениями: *поспешить*, *посохнуть*, *пособирать*, *посмелеть*, *послушать*, *поскучнеть*, *поскромничать*, *порубить*, *поржаветь*, *по-привыкнуть*, *поприветствовать*, *попринимать*, *пообщаться*, *понюхать*, *посчитать*, *посушить*, *пострелять*, *помирить* и др.

Исследование прагматического аспекта слова предполагает обращение к тексту, благодаря которому возможно декодирование прагматических компонентов Знание прагматики слова обеспечивает говорящего инструментами тонкого отбора языковых средств в речевой деятельности: выбора единицы номинации, ее употребление с целью воздействия на собеседника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азнаурова Э.С. Прагматика художественного слова. – Ташкент: Фан, 1988.
2. Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт // С.А. Кузнецов, 1998.
3. Бушуева Т.С. Прагматический аспект эвфемизмов и дисфемизмов в современном английском языке: диссертация... кандидата филологических наук: 10.02.04. – Смоленск, 2005.
4. Малый академический словарь. – М.: Институт русского языка академии наук СССР / Евгеньева А.П. 1957-1984.
5. Национальный корпус русского языка // [URL]
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азъ, 1992.
7. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «СПОРТ» У ДЕТЕЙ 12-13 ЛЕТ

А.К. Федосова

*Московский государственный областной университет
ул. Радио, 10, Москва, Россия, 105005*

В статье рассматривается проблема формирования семантического поля у детей среднего школьного возраста на примере темы «Спорт». С этой целью был проведен эксперимент со школьниками 12-13 лет. Результаты проведенного эксперимента позволяют выявить как четко сформированные классы у всех испытуемых, так и установить тактику их поведения.

Ключевые слова: эксперимент, семантическая категория, семантические поля.

FEATURES OF FORMATION OF SEMANTIC FIELD “SPORT” WITH THE CHILDREN OF 12-13 AGES

A.K. Fedosova

*Moscow State Regional University
Radio str., 10, Moscow, Russia, 105050*

In article the problem of formation of semantic field with children of middle school age on the example of the subject "Sports" is considered. The experiment with school students of 12-13 ages was made with this purpose. The results of this experiment allow to reveal accurately created classes that all examinees have, and to establish tactics of their behavior.

Keywords: experiment, semantic category, semantic fields.

Семантика слов в разных языках может быть в значительной степени сведена к различным совокупностям одних и тех же или сходных семантических признаков. Поля в семантике в конечном счете также организованы на основе сходств и различий не слов, а семантических признаков, поэтому одно и то же слово может входить (по разным признакам) в несколько семантических полей.

В нашей работе, мы подробнее остановимся на семантических полях. Рассмотрим типы семантических полей.

1. Поля Покровского [Покровский, 1959] – выделяются на основании совместного применения трех критериев: а) тематической группы (слова относятся к одному и тому же кругу представлений); б) синонимии; в) морфологических связей – группировки по принципу названий деятельности, орудий, способов деятельности и т. д. (слова сгруппированы так, что имеют общие показатели в своей форме – суффиксы и пр. или выражают более сложные отношения, например отглагольные имена существительные и глаголы).

2. Поля Й. Трира [Трир, 1931] разделяются на лексические и понятийные. Понятийное поле – это обширная система взаимосвязанных понятий, организованных вокруг центрального понятия, например "ум, разум". Лексическое поле образовано каким-либо одним словом и его "семьей слов". Определенное лексическое поле покрывает только часть понятийного поля, другая часть последнего покрыта другим лексическим полем и т. д. Понятийное поле оказывается по форме выражения составленным подобно мозаике. Трир делит весь словарь на поля высшего ранга, затем расчленяет их на поля более низкого ранга, пока не доходит до отдельных слов. Слово играет в его системе подчиненную роль. Введенные принципы Трир подчеркнуто противопоставляя изучению лексики в связи с предметами материального мира. Эта концепция подвергалась резкой критике исследователей разных направлений. Названный принцип полей сохраняет определенное значение при изучении явлений духовной культуры и их выражений в языке.

3. Поля Порцига [Порциг, 1934] – "элементарные семантические поля", ядром которых является либо глагол, либо прилагательное, так как они могут быть сказуемым, "выполнять предикативную функцию". Слово "схватить" обязательно предполагает в наличии в языке слова "рука". Но обратное отношение места не имеет. С помощью метода полей Порцига изучается семантическая сочетаемость слова (например, данного существительного со всеми глаголами и прилагательными).

4. Поля ассоциативного типа. Этот тип мы рассмотрим подробнее. Ассоциативные поля представляют собой типы полей, исследуемые в рамках психолингвистики и психологии, для которых

характерно объединение вокруг слова-стимула определенных групп слов-ассоциатов.

У представителей разных культур ассоциации на одно и тоже слово могут быть не одинаковыми, так как за словами стоят понятия, в которых заключается жизненный опыт людей.

Ассоциативный ряд слов (ассоциативные поля) объединяет в себе преимущества жесткого определения положения в ряду и возможности образования ассоциации. Слова, выбранные для приведенного ассоциативного поля, очень богаты ассоциативными возможностями.

Для выявления и описания семантических полей нередко используются методы компонентного анализа и ассоциативного эксперимента. Группы слов, полученные в результате ассоциативного эксперимента, носят название ассоциативных полей.

Сам термин 'семантическое поле' в настоящее время все чаще заменяется более узкими лингвистическими терминами: лексическое поле, синонимический ряд, лексико-семантическое поле и т.п. Каждый из этих терминов более четко задает тип языковых единиц, входящих в поле и/или тип связи между ними. Тем не менее во многих работах как выражение 'семантическое поле', так и более специализированные обозначения употребляются как терминологические синонимы.

В нашем эксперименте приняло участие 38 детей в возрасте 12-13 лет, учеников общеобразовательной школы г.Москвы. Испытуемым были предложены анкеты с 26 словами по теме «Спорт и спортивные игры». Слова включали в себя как старинные виды спортивных игр (например, лапта, городки), так и такие, которые появились совсем недавно (слэклайн, паркур), в большей или меньшей степени известные в нашей стране (рафтинг, волейбол).

Задачей испытуемых было дать определение данным словам. ***В инструкции особо подчеркивалось, что в этом эксперименте нет правильных или неправильных решений.*** В том случае, если испытуемый не знал того или иного слова, предлагалось высказать свое предположение о том, что это за игра или вид спорта. Всего было получено 988 ответов.

Для выполнения задач нашего исследования было проведено сопоставление полученных ответов со словарными определениями выбранных слов, взятых из следующих словарей: Терминология

спорта. Толковый словарь спортивных терминов, 2001г., Энциклопедический справочник «Спортивные игры». Казаков С.В., 2004г., *Словарь иностранных слов.- Комлев Н.Г., 2006 г., Толковый словарь Ефремовой. Т. Ф. Ефремова. 2000.*

Рассмотрим полученные результаты.

ДАЙВИНГ – «Разновидность спортивного или туристического подводного плавания с аквалангом, маской и ластами, а также с другим специальным снаряжением».

Большинство ии. (68%) знали, что это за вид спорта, поэтому дали соответствующие ответы. Например, *дайвинг – это вид спорта, в котором люди погружаются под воду с аквалангом, это погружение под воду в специальном костюме и со специальным оборудованием, люди погружаются на дно моря с маской и смотрят рыб, те, кто занимаются дайвингом, изучают глубины океана. В том случае, если ии. не знали этой игры, они, в соответствии с инструкцией, давали свои ответы. Например, люди катаются по воде на доске, море, водный мотоцикл, игра на скорость (21%). 11% ии. – не дали ответа.*

БЕЙСДЖАМПИНГ – «экстремальный вид спорта, в котором используется специальный парашют для прыжков со зданий и других стационарных объектов», «Прыжки с парашютом со скал как вид спорта».

Как показали результаты, большинство ии. не знает, что это за вид спорта, но абсолютное большинство поняли, что это прыжки (от англ. Jump – прыгать). 5% опрошенных дали верные ответы. Например, *бейсджампинг – это прыганье с парашютом, прыганье со скал. 26% ии. – не дали ответа. 61% школьников, в соответствии с инструкцией, дали собственный вариант. Например, бейсджампинг – это вид спорта, где выполняют трюки с прыжками, это игра, кто дальше прыгнет, люди надевают специальную обувь и прыгают высоко, это спорт, где надо цепляться за веревку и плыть как можно дальше на специальном коврике.*

ГОРОДКИ – «Старинная русская игра – соревнование двух соперников или двух команд по выбиванию битами городошных фигур, построенных на специальной площадке».

48% опрошенных школьников в возрасте 12-13 лет не знали, что это за игра, поэтому в соответствии с инструкцией дали свои

ответы, в данном случае превалировали фонетические ассоциации. Например, *городки – это игра в города, города, но маленькие*. 39% ии. хорошо знают эту игру, потому и дали соответствующие ответы. Например, *городки – игра, где надо палкой сбить постройку, составляют домик (даже была дана иллюстрация) из брусков (палочек) и кидают в него палкой длинной так, чтобы все бруски разлетелись*. 13% опрошенных – не дали ответа.

КЕРГЛИНГ – «Спортивная игра на льду, в которой две команды, состоящие из четырех человек, соревнуются в точности попадания в заветный круг (дом) специальных спортивных снарядов, изготовленных из гранита и называемых камнями. При розыгрыше камня один из игроков команды отталкивается от стартовой колодки и после небольшого скольжения от стартовой отметки пускает камень вперед. При этом игрок старается так рассчитать усилие, чтобы камень, достигнув зачетной зоны на противоположной стороне площадки, остановился в необходимой точке, или подтолкнул другой камень, или выбил последний за пределы площадки (в зависимости от задуманной игровой комбинации). Каждый спортсмен выполняет две попытки. Победителем считается команда, набравшая большую сумму очков. Игра состоит из 10 отдельных частей, называемых "эндами". Партнерам по команде разрешается натирать лед специальными щетками или метелками по ходу движения камня, что позволяет частично корректировать дальность пуска камня и траекторию его движения».

Большинство ии. (42%) знают этот вид спорта, поэтому дали верные ответы. Например, *керлинг – это вид спорта, где толкают снаряд по льду и нужно попасть как можно ближе к центру, это игра на льду, где сила трения помогает увеличиться скорости специального шара, люди кидают камушки на ледяную дорожку, а тёти трут дорожку перед камнями, игра, где ты должен гирей выбить гирю противника на льду и набрать как можно больше очков, попадая в круг*. 29% опрошенных, в соответствии с инструкцией, дали свои варианты ответов. Например, *керлинг – это игра в мяч в кольцо, игра с кеглями, это вид спорта на меткость, там нужно стрелять*. 29% ии. – не дали ответа.

ВОЛЕЙБОЛ – «Командная спортивная игра с мячом на площадке 9×18 м, разделенной пополам сеткой на высоте 2,43 м для мужских и 2,24 м для женских команд. Цель игры – ударами рука-

ми по мячу направить его на сторону соперника и приземлить там. Выигрывает команда, победившая в трех партиях, каждая из которых играется до 25 очков при двух очках преимущества одной из команд. В случае равенства очков или преимущества в одно очко игра продолжается. Возможное максимальное число очков – 42».

Абсолютное большинство (82%) опрошенных школьников в возрасте 12-13 лет знают эту игру. Были даны следующие ответы, например: *волейбол – это игра, где надо перебрасывать мяч через сетку, где несколько человек разбиваются на команды, они должны, перекидывая мяч через сетку, забить сопернику гол, это игра, где натянута сетка, через нее перекидывают мяч, его нужно отбивать, а упавший мяч – знак гола.* 15% ии. дали весьма не полные ответы, которые можно расценивать и как верные, и как не верные, поэтому мы их отнесли в отдельную группу. Например, *волейбол – это мяч, игра в мяч, игра с мячом, это вид спорта.* 3% школьников – не дали ответа.

ДАРТС – «Игровой вид спорта, смысл которого сводится к набору очков при попадании дротиков в специальную мишень».

94% ии. хорошо знают этот вид спорта. Были даны следующие ответы: *дартс – это игра, где дротиками нужно попасть в цель, это игра и вид спорта, надо дротиками кидать в доску и набирать наибольшее количество очков.* 3% опрошенных школьников, в соответствии с инструкцией, дали свои варианта ответа, в этом случае превалировали фонетические ассоциации. Например, *дартс – это дар.* 3% ии. – не дали варианта ответа.

СТРИТРЕЙСИНГ – «гонки по улицам города или участкам дорожных магистралей».

Абсолютное большинство (84%) школьников в возрасте 12-13 лет хорошо знают этот вид спорта, поэтому были даны соответствующие ответы. Например, *стритрейсинг – это гонки на машинах по улицам города, уличные гонки, люди прокачивают свои машины и гоняют по прямой.* Однако, были испытуемые, которые не знают, что это за вид спорта (16%), поэтому не дали ответа.

Из всех полученных результатов, мы можем сделать вывод, что у 12-13 летних школьников сложилось семантическое поле, в центре которого находятся традиционные виды спорта (волейбол, дайвинг, баскетбол), одинаково хорошо представлены новейшие виды спорта и спортивные игры, появившиеся сравнительно

недавно (керлинг, стритрейсинг, йо-йо) и старинные виды игр (лапта, городки, крокет) и слабее всего представлены так называемые «дворовые игры» (резиночки, выше ножки от земли, ножки, жмурки). Это объясняется тем, что традиционные виды спорта чаще всего изучаются в школах на уроках физической культуры, новейшим вида спорта большое внимание уделяется в СМИ. Старинные виды спорта достаточно часто представлены в школьных учебниках иностранного языка. А «дворовые игры» сейчас утратили свою силу, т.к. на смену им, к сожалению, пришли игры компьютерные.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андриевская В.В., Особенности словесных ассоциаций как фактор построения предложений // Исследования языка и речи, – Уч. записки МГПИЯ, 1971.
2. Бородич А.М., Методика развития речи детей: Учебное пособие для студентов пед. Институтов. – М., 1981.
3. Васильев Л.М., Семантико-функциональные поля в лексике и грамматике. – Л., 1990.
4. Ефремова Т.Ф., Толковый словарь. – 2000.
5. Жигалёва К.Б., Методика формирования лингвистической компетенции дошкольников на основе системно-ориентированного моделирования процесса обучения иностранному языку. – Нижний Новгород, 2008.
6. Залевская А.А., Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М., 2005.
7. Казаков С.В., Энциклопедический справочник «Спортивные игры». – 2004.
8. Кобозева И.М., Лингвистическая семантика. – М., 2000.
9. Комлев Н.Г., Словарь иностранных слов. – 2006.
10. Леонтьев А.А., Основы психолингвистики. – Учебник для студ. высш. учеб. заведений. 4-е изд. – М., 2005.
11. Леонтьев А.А., Психологическая структура значения // Семантическая структура слова: психолингвистические исследования. – М., 1971.
12. Покровский М.М., Избранные работы по языкоznанию. – М., 1959.
13. Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976.
14. Терминология спорта. Толковый словарь спортивных терминов. – 2001.

15. Трир Й., Немецкая лексика понятийной области интеллектуальных свойств. История языкового поля с древнейших времен до начала 13 века. – 1931.
16. Фрумкина Р.М. Психолингвистика: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2006.
17. <http://tapemark.narod.ru/les/438a.html>

СЕМАНТИКА ОМОНИМИЧНЫХ ПРЕДЛОГА И ПРЕФИКСА ЗА В ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ СТАТЕЙ)

E. V. Цымбалюк

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
просп. Акад. Вернадского, 4, Симферополь,
Республика Крым, Россия, 295007*

В статье рассматриваются семантика внутри- и межуровневых омонимов непроизводных предлогов. Описаны ономасиологические модели омогруппы непроизводных предлога и приставки *зана* примере лексикографических статей.

Ключевые слова: деривационная ономасиология, ономасиологическая структура, межуровневые функциональные омонимы; семантика, предлог, приставка.

THE SEMANTICS OF HOMONYMOUS PREPOSITIONS AND PREFIXES *BEHIND* IN THE ONOMASIOLOGICAL ASPECT (ON THEEXAMPLE LEXICOGRAPHICAL ARTICLES)

E. V.Tsymbalyuk

*Tauride National University n.a. acad. V.I. Vernadsky
Acad. Vernadsky ave., 4, Simferopol, Republic of Crimea, Russia, 295007*

The article examines the semantics of intra-and interlevel homonyms of non-derivative prepositions. We describe the onomasiological model of homonymous groupof non-derivative preposition and prefix *behind*on the exampleonlexicography.

Keywords: the derivative onomasiology, the onomasiological structure, the interlevel functional homonyms; the semantics, the prefix.

Ономасиология – теория номинации; один из двух разделов семантики, противопоставленный семасиологии по направлению исследования от вещи или явления к мысли об этой вещи, явлении и к их обозначению языковыми средствами [9, с. 289, 460]. Таким образом, ономасиологический подход к изучению языка состоит в анализе языковых единиц от понятийного содержания к средствам выражения. Оперативными единицами исследования языка теория ономасиологии выбирает «**языковой смысл**» и «**номинатему**», предназначенные для описания плана содержания и плана выражения языковых знаков соответственно. Так, под «языковым смыслом» понимается «самое общее, универсальное понятие, выраженное системой разноуровневых ономасиологических единиц, объединённых в семантическое целое, и категоризируемое одним или несколькими вопросительными местоимениями» [5, с. 11]. В качестве языковых смыслов выступают такие понятийные категории, как «предметность», «процесс», «состояние», «качество, образ и способ действия», «мера и степень», «пространство», «время», «причина и следствие», «цель», «условие», «уступка», «признак предмета», «количество и число» [5, с. 66–67].

Реализация языкового смысла в номинативной единице осуществляется посредством номинатемы – абстрактной модели номинации, материализующейся в языковой единице любого типа как в тождестве всех ее лексико-семантических вариантов [8]. Таким образом, языковой смысл может актуализироваться в ряде номинативных единиц. В то же время актуализированные в речи лексико-семантические варианты одной номинативной единицы под влиянием контекстной семантики могут порождать новые языковые смыслы.

В качестве инструмента анализа производных значений номинативной единицы ономасиология предлагает ономасиологическую структуру, состоящую из трех компонентов: ономасиологического базиса, ономасиологического признака и ономасиологического предиката. **Ономасиологический базис** указывает на определенный понятийный класс, родовое понятие языковой единицы и отображается частеречным формантом. **Ономасиологический**

признак осуществляет дальнейшую конкретизацию, выделяя лексическую единицу внутри класса подобных, сужая, таким образом, исходное значение базиса, что находит отражение в производящей основе языкового знака. **Ономасиологический предикат** выполняет функцию связующего звена между базисом и признаком как выражитель семантики их отношений [3, с. 196–199]. Процесс расширения или сужения семантики номинативной единицы, формирования у нее лексической дивергентной – образованной путем расщепления лексико-семантических вариантов одного знака [1, с. 58–59] или функциональной омонимии рассматривается как результат взаимодействия компонентов ономасиологической структуры.

Предлоги в ономасиологическом освещении определяются как древнейшие корни-основы с материально не выраженными флексиями начальной формы [2, с. 11; 4, с. 73, 110–113], в основе которых лежит прототипическая пространственная семантика. Выражаемая непроизводными предлогами категория локативности рассматривается функциональной школой (А. В. Бондарко, В. Г. Гак, А. А. Закарян, Е. С. Кубрякова, Л. Н. Федосеева) как функционально-семантическое поле, ядро которого содержит первичные функции, а периферия – вторичные функции, заключающиеся в отображении непространственных отношений [2; 7]. Таким образом, утверждается мнение о том, что непространственные значения предлогов основаны напрототипической пространственной «образной схеме», «именуют координацию вещей и событий, показывают их место во времени и в пространстве, соотносят выделенные ориентиры с их обобщенными представлениями в голове человека» [2, с. 11]. Отсутствие у предлогов словообразовательной членности и формального частеречного показателя трактуется как способность выражать в чистом виде базисную прототипическую семантику, содержащую свернутую ономасиологическую структуру.

Анализ словарных статей непроизводных предлогов в семнадцатитомном «Словаре современного русского литературного языка» (ССРЛЯ) [6] показал, что непроизводные предлоги в русском языке полисемичны, обладают многокомпонентной структурой лексико-семантических вариантов (ЛСВ). Так, предлог *за* в своей семантической структуре содержит 26 семем [6, с. 199–208],

обладающих потенциальной способностью к реализации в речи. В лексикографических описаниях предлогов в качестве первых лексико-семантических вариантов, содержащих основное значение, понимаемое как не обусловленное контекстом, парадигматически закрепленное и синтагматически свободное, представлены значения, формирующие языковой смысл «пространство». Данное значение отображает первичную категоризацию данных единиц в языковой картине мира и фиксируется в семантике **ономасиологического базиса**. Базис предлога *за* указывает на заднюю или дальнюю границу ориентира. **Ономасиологическим признаком**, выделяющим языковую единицу внутри класса подобных единиц, мы предлагаем считать уникальное контекстное значение, расширяющее семантику базиса предлога под воздействием синтаксического окружения. **Ономасиологическим предикатом**, выражающим значение отношений базиса и признака, – семантику языковой природы номинативной единицы, определяющую ее функцию в языке: релятивную у предлога или результативную у глагольного префикса. Таким образом, результатом взаимодействия ономасиологического базиса и ономасиологического предиката является ослабление базисной пространственной семантики предлога и его грамматикализация – усиление релятивной функции. При наложении ономасиологического признака на ономасиологический базис отображается процесс модальзации – проявление «коннотативного фона, связанного с разнообразной оценкой и акцентированием свойств объектов номинации» [10, с. 22], который является следствие мактуализации номинативной единицы в речи. Таким образом, в систему модальных отношений предлога мы включаем его вторичную локальную семантику объекта либо семантику степени проявления функционального качества.

Было установлено, что под влиянием ономасиологического признака в семантической структуре базиса прототипического предлога *за* формируются два центра, ставшие основой для закрепления в языке двух лексических омонимов. В сочетании с глаголом статического типа был образован базис₁ предлога *за*, указывающий на заднюю / дальнюю границу ориентира как место для расположения объекта. Данное значение отображено в ЛСВ предлога «1. В то или иное место; в том или ином месте.<...> б) С твор. употребляется для обозначения нахождения, пребыва-

ния: где? Сидеть за столом. Торчать за поясом. Лежать за пазухой» [6, с. 199]. В сочетании с глаголом динамики формируется базис₂ предлога *за*, который указывает на заднюю / дальнюю границу ориентира как сторону, к которой направлено движение объекта. Он отображен в ЛСВ предлога: «1. В то или иное место; в том или ином месте. а) С вин. употребляется для обозначения направления движения: куда? Сесть за стол. Сунуть за пояс. Положить за пазуху» [6, с. 199]. Таким образом, в языке существуют два семантических омонима *за*, характеризующиеся разными валентностными свойствами и отличающиеся деривационными возможностями при создании омопары с префиксом *за*.

В процессе исследования семантической структуры предлога *за* на материале ССРЛЯ были отмечены следующие принципы формирования вторичных ЛСВ вследствие процессов взаимодействия компонентов ономасиологической структуры.

А. ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИСЕМИИ ПРЕДЛОГА И ВНУТРИУРОВНЕВЫХ ОМОНИМОВ:

I. Формирование модального значения предлога с пространственной семантикой как результат наложения признака на базис в ономасиологической структуре (ОС) предлога: ЛСВ «3. С твор. употребляется для обозначения движения, следования за кем-, чем-либо; позади кого-, чего-либо <...> К хозяйке дама приближалась, За нею важный генерал. Пушкин Е. О.» [6, с. 200]. Указанные примеры иллюстрируют расширение семантики ориентира, который, в отличие от пространственной образной схемы в первом лексико-семантическом варианте предлога, представляет собой не статичный объект, а производящий либо испытывающий динамичное действие. Таким образом, исконное значение ономасиологического базиса предлога претерпевает изменения под воздействием контекстной семантики, отраженной в признаком ономасиологической структуры предлога.

II. Формирование модального значения предлога с не-пространственной семантикой как результат замещения базиса признаком в ОС предлога:

ЛСВ «13. С вин. употребляется для обозначения того или иного расстояния: где? За три дома от угла, куда? Ехать за пять километров. <...> Лететь за тридевять земель ...» выражает ЯС «количество» [6, с. 203];

ЛСВ «10. С вин. падежом указании на условия, сопутствующие чему-либо. Приняться за уроки на свежую голову» выражает ЯС «условие» [6, с. 202].

Данные значения сформированы путем контекстной утраты исконной локативной семантики предлога и ЯС «пространство».

III. Формирование грамматического значения предлога как результат наложения предиката на базис в ОС предлога:

ЛСВ «18. С вин. употребляется для обозначения лица или предмета, которые берут, которых касаются, до которых дотрагиваются и т. п. *А заяц за ушко медвежье тут же тянет. Крыл. Заяц на ловле*» [6, с. 205];

ЛСВ «19. С вин. употребляется для обозначения лица, вещи или состояния, являющихся предметом чьей-либо ответственности, заботы и т. п. *[Наталья Петровна:] Она сирота, моя воспитанница: я отвечаю за нее, за ее будущность, за ее счастье. Тург. Месяц в деревне*» [6, с. 206].

В указанных примерах наблюдается изменение пространственной семантики на объектную и усиление грамматической функции предлога, что происходит вследствие реализации предлога в синтаксических структурах с сильным управлением. Данная группа значений выражает ЯС «предметность», который образован в результате замещения базиса предлога контаминацией ономасиологического предиката и признака.

Б. ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ У ПРЕДЛОГА МЕЖУРОВНЕВЫХ ПРЕФИКСАЛЬНЫХ ОМОНИМОВ.

Анализ лексикографических статей омонимичных непроизводным предлогам префиксов показал, что ЛСВ префиксов формируют три группы: именные, глагольные и наречные – каждая из которых обладает своими принципами формирования семантики производной единицы. Рассмотрим семантику именных и глагольных префиксов, омонимичных непроизводным предлогам.

I. МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ ИМЕННОГО ПРЕФИКСА:

1) модель формирования именного префикса, омонимичного сохранившему пространственный базис предлогу как результат развития в базисе ОС предлога модальной семантики признака:

ЛСВ «Вносит значение, употребляясь при образовании: <...> б) прилагательных и существительных: нахождения по ту сторону, позади, вне пределов чего-либо: *загородный, заречный, зарубежный*<...>; *загорье, Заволжье, заречье и т. п.*» [6, с. 209]. В данном случае семантика пространственного местоположения объектов в отыменных именах формируется под воздействием префиксов, сохраняющих несвойственную именам модальную семантику, указывающую параметрические свойства объекта номинации. Таким образом, ономасиологический базис предлога при переходе предлога в именной префикс порождает семантику, выражаемую ономасиологическим признаком.

II. МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ ГЛАГОЛЬНОГО ПРЕФИКСА:

1) модель формирования глагольного префикса, омонимичного сохранившему пространственный базис предлогу, как результат изменения семантики предиката в ОС предлога и наложения его на базис:

ЛСВ «Вносит значение, употребляясь при образовании: а) глаголов: <...> 3. Направления действия за предмет или границы чего-либо: *забежать, забрести, заехать, заслать и т. п.*» [6, с. 209]. При межуровневом переходе предлога в префиксальную морфему наблюдается изменение релятивной семантики предиката предлога на семантику результивности, обладающей значением конститутивной функции глагольных префиксов. Префикс *за-* приобретает значение достижения ориентира. В ономасиологической структуре префикса *за-* под влиянием семантики результивности (предикат) фиксируется изменением локативной семантики (базис). Так, глаголы движения несовершенного вида, присоединяя к своей морфемной структуре префикс, приобретают значение достижения ориентира, что приводит к завершению движения и расположению за границами объекта-ориентира (ср. *вести, гнать* (кого-нибудь) *за* (что-нибудь) – *завести, загнать* (куда-нибудь)).

2) Образование префикса, омонимичного значениям непространственных предлогов (цель, условие, причина, мера (полнота), образ и способ действия и т. д.) как результат замещения базиса контаминацией признака и измененного предиката:

ЛСВ «Вносит значение, употребляясь при образовании:
а) глаголов: 2. попутного действия: *забежать, заехать, залететь, занести и т. п.* <...> 4. выхода действия из обычных или допустимых границ: *заговориться, заждаться, заработаться, засидеться и т. п.*» [6, с. 209] – отображение ЯС «мера и степень»;

ЛСВ «Вносит значение, употребляясь при образовании:
а) глаголов: 1. начала действия: *зааплодировать, забегать, забредить, застучать и т. п.*» [6, с. 209] – формирование ЯС «время».

В вышеперечисленных значениях категория результативности префиксальных глаголов не связана с семантикой достижения ориентира, в связи с чем базис префикса утрачивает семантику пространственной ориентации. Межуровневый переход «предлог – префикс» осуществляется вследствие воздействия на ономасиологический базис семантики времени или меры ономасиологического признака, а также свойственной всем префиксам глаголов результативной семантики, отражающей первичную перфективацию.

3) Формирование грамматического префикса совершенного вида как результат замещения базиса измененной семантикой предиката в ОС предлога:

ЛСВ «Вносит значение, употребляясь при образовании:
а) глаголов: 5. достижения действием результата: *заклеить, закопать, закрыть, заткнуть <...> и т. п.*» [6, с. 209]. В данных примерах наблюдается нейтрализация локативной семантики базиса префикса *за-* и ее замещение результативной семантикой предиката. Таким образом, процесс формирования префиксального омонима проходит путем изменения семантики предиката предлога с семантикой релятивности семантикой результативности и последующего замещения им семантики базиса предлога. Префикс с грамматической семантикой результативности омонимичен префиксам с сохраненной пространственной и модальной семантикой. Таким образом, семемы префикса, образованные в результате замещения ономасиологического базиса ономасиологическим предикатом являются внутриуровневыми омонимами по отношению к семемам как результату наложения ономасиологического предиката на базис или замещения базиса контаминацией предиката и признака.

Выводы. В теории ономасиологии развитие у языкового знака новых семем, формирование внутриуровневых и межуров-

невых омонимов зависит от изменения принципов взаимодействия компонентов его ономасиологической структуры. В зависимости от контекстной актуализации наблюдаются случаи взаимоисключений компонентов ономасиологических структур этимологически родственных единиц, что приводит к формированию межуровневой омонимии; либо контаминации или замещения компонентов внутри ономасиологической структуры одной единицы, на основании чего происходит формирование новых значений и внутриуровневых омонимов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головня А. И. Омонимия как системная категория языка : монография / А. И. Головня. – Минск : БГУ, 2007. – 132 с.
2. Кубрякова Е. С. Части речи в ономасиологическом освещении / Е. С. Кубрякова – М. : Наука, 1978. – 115 с.
3. Кубрякова Е. С. Язык и знание : На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
4. Погодин А. Л. Следы корней-основ в славянских языках / А. Л. Погодин. – Варшава : Типография Варшавского учебного округа, 1903. – 310 с.
5. Сидоренко Е. Н. Языковые смыслы и ономасиологические средства их выражения / Евдокия Николаевна Сидоренко. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2008. – 128 с.
6. Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1950–1965. – Т. 4. Ж – З. –1955. – 1364, [1] с.
7. Теория функциональной грамматики :Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / Отв. ред. А. В. Бондарко. – СПб.: «Наука», 1996. – 229 с.
8. Теркулов В. И. Номинатема : опыт определения и описания / Вячеслав Исаевич Теркулов [научн. редактор М. В. Пименова]. – Вып. 1. – Горловка : ГГПИИЯ, 2010. – 228 с. – (Серия «Знак – Сознание – Знание»).
9. Языкознание : Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
10. Яцкевич Л. Г. Функциональная категория модальности имен существительных: когнитивные и типологические аспекты / Л. Г. Яцкевич // Словообразовательные и грамматические категории в русском

языке и речи [Текст]: сб. науч. трудов / Федер. агенство по обр-ю, ГОУ, ВПО «Вологод. гос. пед. ин-т»; сост. Л. Г. Яцкевич. — Вологда: Русь, 2006. С. 20-38.

О НОРМАХ РЕАЛИЗАЦИИ ЭМОТИВОВ В РЕЧИ

Ю.С. Чернякова

*Московский государственный областной
социально-гуманитарный институт
ул. Зеленая, 30, Коломна, Московская область, Россия, 140406*

Учеными давно установлен факт движения норм языка, которое проявляется в изменении его форм и функций. Функционирование эмотивов в речи также подчинено определенным нормам. Данная статья посвящена анализу изменений норм реализации эмотивов в современном английском языке.

Ключевые слова: норма, эмотив, эмотивность, семантика, полисемия, коннотация.

NORMS FOR THE USAGE OF EMOTIVE WORDS

Y.S. Chernyakova

*Moscow Region State Institute of Humanities and Social Studies
Zelyinaya str., 30, Kolomna, Moscow region, Russia, 140406*

Norms are now central to the study of language. The usage of emotive words is also determined by linguistic norms. The author analyses how norms for the usage of emotive words modify in modern English.

Key words: norm, emotive word, emotive meaning, semantics, polysemy, connotation.

В науке давно установлен факт движения норм языка под воздействием непрерывно изменяющихся экстралингвистических факторов. О.С. Ахманова определяет норму как «принятое речевое употребление языковых средств, совокупность правил (регламен-

тации), упорядочивающих употребление языковых средств в речи индивида». На разных этапах развития языка происходит изменение его форм и функций. Варьируясь, языковая норма предписывает иные правила использования ресурсов языка в разных коммуникативных ситуациях, что приводит к изменению ее границ, а иногда к их полному разрушению. «Не-норма» может с течением времени стать нормой. Поскольку язык – феномен, постоянно и бесконечно развивающийся, то у него нет раз и навсегда застывших норм реализации. Норма является преходящей, условной, прикрепленной к определенному периоду времени, и наиболее подвижна она в эмотивной сфере языка.

«Эмотив – слово или фразеосочетание, используемое для выражения эмоционального отношения / состояния говорящего» [3]. Эмотивы, как и другие средства языка, имеют определенные нормы реализации, но эти нормы наиболее лабильны. Доказательством тому служат так называемые модные слова *buzzwords*, большинство из которых являются эмотивами: *awareness, dynamic, forward thinking, influencer, innovative, leading, optimized, organic*.

Эмотивная номинация в современном английском языке иллюстрирует изменчивость нормы. Изменения норм реализации эмотивов могут быть диахроническими и синхроническими. Утверждение В.И. Шаховского о том, что «эмотивность – категория историческая и потому изменчивая» [4], объясняет, почему эмотивный признак ряда слов и нормы их реализации в речи с течением времени могут меняться и такие изменения наиболее многочисленны и разнообразны.

Типология исторических изменений норм реализации эмотивов английского языка охватывает, в основном, следующие разновидности: расширение семантического поля слова за счет появления эмотивных коннотаций; развитие эмотивной амбивалентности; реверсия оценочного знака эмотивности; ослабление или девальвация эмотивного значения [4].

Модное слово *attitude* является интересным примером расширения семантического поля за счет развития эмотивно-оценочной коннотации. Традиционно *attitude* обозначает отношение к чему-либо: People here have a more relaxed attitude to their work. Но в жаргоне афроамериканцев оно приобрело значение «чувство агрессивного превосходства, надменности», вследствие-

чего появился лексико-семантический вариант “*a proudconfident way of behaving that some people consider rude = arrogant*”: *There's no denying the guy has attitude*. Аналогично, *dish* имеет общепринятое нейтральное значение «блюдо». Но его лексико-семантический вариант “*a sexuallyattractiveperson*” полностью меняет функцию и сферу употребления данного слова: *Igathershe's quite a dish*. Еще один пример: слово *nut* и его лексико-семантический вариант “*a crazyoreccentricperson*”: *a footballnut*.

Слова, уже имеющие эмотивное значение, могут развивать дополнительные коннотативные смыслы. Например, *bossy* (“*someone who keeps telling other people what to do, in a way that annoys them*”) традиционно употребляется в речи с отрицательным оценочным знаком. Однако в современном английском языке данный эмотив все чаще ассоциируется с женщинами, чем с мужчинами. При этом, в одинаковых коммуникативных ситуациях женщину характеризуют как *bossy* (коннотация неодобрения), а мужчину как *leader* (= *powerful, confident* – положительная коннотация) [8].

В некоторых случаях слова приобретают эмотивную коннотацию в составе словосочетаний: *Roy's customers think the council has gone bananas* = *go insane*; *he's beginning to think I'm bananas* = *insane or extremely silly*; *I have never had a product that people went so bananas* = *rave, cheer wildly*; *she went bananas when I said I was going to leave the job* = *become extremely angry or excited*. Среди слов, которые на базе своего логико-предметного значения приобрели эмотивность можно назвать *stink, terrible, awful, dramatic, stunning, exciting, wonderful, grand*, etc. [2, 4].

Следующая разновидность диахронического изменения норм эмотивной номинации – развитие эмотивной амбивалентности. Например, прилагательное *old* в зависимости от контекста может иметь как отрицательную, так и положительную коннотацию. Ср.: *the old* = *not young* (для многих носителей языка данное употребление слова является оскорбительным) / *How is my old buddy Jim?* = used for showing that you like someone and care about them. Эмотивная амбивалентность также характерна для прилагательного *plain*. Ср.: *She was admired for her plain speaking* = *expressing what you think honestly, using simple, direct language* / *He seems to go for plain quiet women* = *not very attractive*. Другой при-

мер слова самбивалентной эмотивностью – экспрессивно-оценочное прилагательное *homely*. Ср.: The kitchen had a homely atmosphere = simple, causing one to think of home or feel at home / a homely child = ugly, unattractive in appearance. Интересно отметить, что эмотив *homely* имеет положительную коннотацию в британском английском, но отрицательную коннотацию в американском английском.

Из приведенных примеров очевидно, как важно для целей адекватного общения знать особенности эмотивного признака семантики слова и окружать эмотивы достаточно полным разъяснительным контекстом, благодаря которому снимается амбивалентность эмотива и реализуется только один эмотивный смысл, адекватно декодируемый всеми участниками данной коммуникативной ситуации. Без достаточного мотивирующего контекста амбивалентные эмотивы могут быть поняты неадекватно интенции говорящего и вызвать противоположный прагматический эффект.

В ходе развития английского языка многие слова изменили направленность их эмотивной семантики. Реверсия оценочного знака эмотивности предполагает два варианта: 1) смена знака (+) на знак (-); 2) смена знака (-) на знак (+). Так, в американском варианте английского языка значение слова *lady* с недавнего времени коннотирует неодобрительную эмотивность – незначительность, непrestижность той работы, которую выполняет женщина, называемая «леди»: *cleaninglady*, *washinglady*, *saleslady*, etc. Назвать женщину-доктора *lady-doctor* вместо *woman-doctor*, по свидетельству Г. Босмаян, значит выразить презрительно-снисходительное отношение к ней, так как в отличие от слова *woman-doctor* (с нулевой эмотивностью) слово *lady-doctor* коннотирует неодобрительную эмотивность [5]. В целом, в американском варианте английского языка обращение к незнакомой женщине *lady* считается грубым, вместо него употребляется более вежливое слово *ma'am* [6]. Аналогично, *elite*, раньше означавшее самое лучшее – the best or most skillful people in a group: Only a small elite among mountaineers can climb these routes, сегодня ассоциируется со сnobизмом и относится к учреждениям или группировкам лиц, закрытым для посторонних: the elites of wealth and power; elite opinions. Английское *imp* в значении «ребенок» во времена Шекспира употреблялось как игривое название ребенка и ласкательное обраще-

ние к взрослому, а его современное значение толкуется словарями как “*mischievouschild*” [4].

Второй вариант реверсии эмотивного знака можно проиллюстрировать следующими примерами: *awesome* традиционно имеет сему «страшный, пугающий», но в речи современной англоговорящей молодежи это популярное слово коннотатирует положительную эмотивность “extremely good”: That was awesome evening. Английское *terrific*, в прошлом означавшее «страшный, внушающий страх», сегодня означает “very good or interesting”: Cindy has a terrific personality. По свидетельству Л. Виссон *sick* в современном английском языке также изменило направленность своей эмотивной семантики с отрицательной на положительную. Ср.: John was sick yesterday – he has a flu. / That new film is really sick, wonderful acting and so funny! = cool [1].

Среди других слов, изменивших эмотивный знак, В.И. Шаховский называет *stupidity* (=sincerity), *impulsive*, *demonstrative*, *passionate*, *enthusiastic*, etc. [4].

Ослабление эмотивности слова и связанное с ним изменение сферы его функционирования характерно, в первую очередь для инвективов. Примером может служить эмотив *damn*, который во времена Ч. Диккенса не печатался, а вместо него в тексте стояли точки (...). В романе М. Митчел «Унесенные ветром» после каждого употребления этого слова следует извинение, а в романах авторов середины XX века С. Чаплина, Дж. Сэлинджера, А. Мердок, А. Силлитоу, И. Шоу и других современных авторов это слово является часто употребительным инвективом. К числу инвективов, ставших недавно общеупотребительными, относится *bloody*, которое встречается в настоящее время в речи представителей всех слоев населения и даже в официальной прессе[4]. Подобное изменение норм реализации инвективов является результатом либерализации этических норм в английском языковом обществе.

Аналогичные изменения происходят и в семантике так называемых *buzzwords*. Частое использование в речи таких слов, как *advertainment*, *empowerment*, *impactful*, *marketer* приводит к ослаблению их эмотивности [7].

Предельный случай ослабления эмотивности – девальвация эмотивного признака, в результате чего эмотив становится нейтральным словом. Классическими примерами могут служить сло-

ва: *good-natured* (в романах Дж. Филдинга – *goodnaturedhole, good-naturedside*); *vast* (его эмотивные употребления в XVIII в. – *vastrains, vastlyamused*); *perplexed, unlucky, politician, mountaineer* (эмотивы в пьесах Шекспира). В современном английском языке данные слова имеют логико-предметное значение, но не обладают эмотивной коннотацией.

Нормы эмотивной номинации также подвержены синхроническим изменениям. В.И. Шаховский отмечает, синхронный срез употреблений эмотивов, проведенный на материале большого числа художественных произведений XX столетия, обнаруживает, что в какой-то период времени сосуществуют две и более нормы реализации эмотивов. Этот период развития слова можно назвать периодом интерференции норм реализации в синхронии языка [4].

Данный феномен объясняется тем, что часть носителей языка продолжает употреблять слово с прежним значением / коннотацией, тогда как другая часть уже активно употребляет его в новом значении/коннотации, нередко в тех же самых контекстах. Интерференция норм реализации в синхронии языка характерна для амбивалентных и полисемантических эмотивов, но в данном случае контекст не способен снять амбивалентность или полисемию слова.

Например, в жаргонном языке современной американской молодежи *huge* больше не обозначает «огромный», но функционирует как экспрессивно-оценочный эпитет со значением «клевый, классный»: *Staying home is hot these days; you save so much money when you don't go out to eat; Cooking in' tone of huge things* [1]. Из компьютерного жаргона в английский язык вошло слово *geek* (“*someone who is boring especially because they seem to be interested only in computers*”). Но согласно наблюдениям Л. Виссон в современном англоязычном мире и для мужчин и женщин становится модным быть *geek*: *The new president's apparent enthusiasm for science, and the concomitant rise of 'geek chic' can only redound to the benefit of all scientists* [1].

Итак, нормы реализации эмотивов речизменяются под влиянием факторов как лингвистических, так и экстралингвистических. В большинстве случаев нормы эмотивной номинации подвержены диахроническим изменениям, но синхронный срез употребления эмотивов также обнаруживает существование двух и бо-

лее норм их употребления. Очевидно, что незнание подобных изменений коммуникантами является специфическим препятствием для общения как в одной временной плоскости, так и в разных временных плоскостях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виссон Л. Слова-хамелеоны и метаморфозы в современном английском языке. – М.: Р.Валент, 2010. – 160 с.
2. Гальперин И.Р. Проблемы лингвостилистики // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1980. Вып. IX. – С. 4-12.
3. Марочкин А.И. Эмоциональная лексика молодежного жаргона // Язык и эмоции. – Волгоград: Перемена, 1995. –С. 69 – 75.
4. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
5. Bosmajian H. The language of oppression. – Washington, 1977.
6. Macmillan English Dictionary, 2007.
7. Gaille Brandon Examples of the Most Overused Buzzwords in Business Public Relations, 2013. [Электронный ресурс] URL: <http://brandongaille.com/examples-the-most-overused-buzzwords-business-public-relations/>
8. Is the word 'bossy' damaging to women? // BBC News Magazine Monitor, 12 March 2014. [Электронный ресурс] URL: <http://www.bbc.com/news/blogs-magazine-monitor-26543719>

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ СЕМАНТИКА И ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ

**ОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПРАГМАТИЧЕСКИХ
МАРКЕРОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
А. ГАВАЛЬДЫ)**

М.В. Бондаренко

*Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198*

В статье выявляются особенности перевода французских pragматических маркеров (ПМ) на русский язык, определяется их значение в художественном тексте. На основе проведенного исследования автором определяются основные трудности перевода ПМ.

Ключевые слова: художественный текст, перевод, pragматические маркеры, экспрессивная маркированность, стилистическая маркированность.

**SPECIAL ASPECTS OF TRANSLATING PRAGMATIC
MARKERS IN LITERARY TEXTS
(BASED ON RUSSIAN TRANSLATIONS OF A. GAVALDA'S NOVELS)**

M.V. Bondarenko

*Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6a, Moscow, Russia, 117198*

The article represents the special aspects of translation of French pragmatic markers (PM) into Russian. The author defines the value of

pragmatic markers in literary text. On the basis of the research the author identifies the main difficulties of translation of PM.

Keywords: literary text, translation, pragmatic markers, expressive markedness, stylistic markedness.

Целью прагматического анализа является выявление степени воздействия текста на читателя, которое определяется содержанием и оформлением высказывания. Прагматический анализ текста играет важную роль и в аспекте перевода художественного текста. Основной задачей переводчика является стремление наиболее точно передать стилистические и экспрессивные компоненты прагматических маркеров (далее ПМ). «Требования адекватности перевода предполагают точную передачу содержательной стороны подлинника при сохранении его экспрессивно-стилистических особенностей. Сохранение стилистического своеобразия подлинника должно проводиться с учётом функционального, или прагматического фактора. Иными словами, цель переводчика – стремиться не к механическому переносу всех стилистических особенностей оригинала, а к воссозданию разнозначного эффекта, или « тождественности восприятия» [3].

Под «прагматическими маркерами» мы понимаем единицы языка, обладающие яркой экспрессивной и стилистической маркированностью. Они, как правило, не влияют на содержание высказывания, но помогают читателю понять авторские интенции, связанные с описываемой ситуацией или персонажем, а также оказывают на него именно то эмоциональное воздействие, которое входит в намерение автора. «Большинство исследователей считают, что прагматические маркеры выполняют много функций, и что они являются необходимым условием для успешной коммуникации»[4, с. 37]. Jean. E. предлагает рассматривать прагматические маркеры не как бессмысленные и излишние элементы текста, а как необходимые компоненты языка, которые содержат информацию о том, как содержание сообщения должно толковаться читателем [5, с. 40].

Перевод прагматических маркеров вызывает ряд трудностей, которые мы рассмотрим в данной статье на примере переводов коротких рассказов Анны Гавальды из её сборника «*Мне бы хотелось, чтоб меня кто-нибудь где-нибудь ждал...*».

Анна Гавальда – французская писательница, которая известна не только во Франции, но и во всём мире. Её книги переведены на 36 языков, а в марте 2007 года во Франции вышел фильм Клода Берри по роману «Просто вместе», собравший за месяц 2 млн. зрителей. А. Гавальда входит в число самых читаемых авторов в мире. Её новеллы и романы популярны среди читателей, так как для них характерны незамысловатые сюжеты и юмор. Они затрагивают такие важные для каждого человека понятия как любовь и нежность, жизнь и смерть, счастье и потери.

Речевая характеристика является важнейшей составляющей образов героев А. Гавальды. Она изобилует разговорной лексикой, которая отражает современное состояние французского языка и с этой точки зрения является интересным материалом для исследования.

В данной статье мы предлагаем разделить прагматические маркеры по частеречному принципу на следующие группы: ПМ, выраженные существительными; ПМ, выраженные прилагательными; ПМ, выраженные глаголами; ПМ, выраженные частицами.

1. ПМ, выраженные существительными:

A) Mais je sais qu'elle sait parce que c'est une maligne [6, с. 117]. *Но я знаю, что она знает, потому что Сара – *та ещё штучка* [2, с. 115].

В данном случае прагматически маркированное существительное *maligne* ('хитрюга') передаётся выражением «*Сара – та ещё штучка*», которое имеет значение 'хитрая, себе на уме девушка', что полностью соответствует лексическому значению оригинального выражения и усиливает экспрессивность той оценки, которая дается героине рассказа в тексте оригинала.

B) Là, par exemple, ma vie a changé d'un coup à cause de cent cinquante grammes de soie grise [6, с. 122]. *Вот так и моя жизнь – изменилась в мгновение ока из-за *каких-то там ста пятидесяти граммов серого шёлка* [2, с. 121].

В русском переводе чтобы показать отношение героя к ста пятидесяти граммам серого шёлка, переводчик использует неопределённое местоимение *каких-то* и наречие *там*, что выражает пренебрежение говорящего к данному объекту в виду его незначительности, в то время как во французском тексте только указыва-

ется причина, в связи с которой изменилась жизнь героя. Именно поэтому в переводе высказывание приобретает более яркую экспрессивную окраску.

Б) *Par exemple si c'est sa semaine de cuisine ets i je rapporte, disowns une sole, parce que j`enaiunevie, elle n'est pas du genre à gémir que je lui perturbe tous ses plans* [6, с. 123]. ***Нужен пример – пожалуйста.** Если на неделе, когда по кухне «дежурит» Фанни, я вдруг приношу на ужин камбалу – просто потому, что мне её ужасно захотелось, - она не начинает ныть, что я-де нарушил все её планы [2, с. 121].

Сочетание *par exemple* ('например') переводчик передаёт при помощи отдельного предложения, в котором герой с вызовом предлагает привести пример. Ощущение вызова складывается в сознании читателя за счёт междометия **пожалуйста** и пунктуации (знака тире). Фраза *parce que j`enaiunevie* ('потому что мне её захотелось') передаётся как *просто потому, что мне её ужасно захотелось*. Мы видим, что переводчик добавляет в речь героя слова-паразиты *просто* и наречие *ужасно*, характерные для современной разговорной русской речи, которые не только усиливают экспрессивность высказывания героя, но и снижают его с точки зрения функциональной окраски.

Г) *Un coup d'ongle et c'est de ssemaines entières qui partent à la poubelle* [6, с. 46]. ***An!** И целые недели летят в помойное ведро [2, с. 45].

В данном случае переводчик уловил pragmaticальное значение французского словосочетания *un coup d'ongle* ('один щелчок') и удачно, на наш взгляд, перевел его при помощи выразительного междометия «ап!», которое, со стилистической точки зрения, согласуется со словосочетанием *помойное ведро* и передаёт ощущение быстротекущего времени.

2. ПМ, выраженные прилагательными:

А) Выражение *Une fille incroyable* [6, с. 157] переводится **Не девушка, а мечта* [2, с. 158]: французский эпитет *incroyable* ('невероятная') имеет положительную коннотативную оценку. В переводе эта оценка сохраняется благодаря устойчивому выражению «не..., а мечта», благодаря чему сохраняется и pragmaticальное значение оригинального текста.

Б) *Elle croit qu`ell eest enceinte. Elle suppose. Elle imagine. Elle n`est pas encore sûre-sûre mais presque* [6, с.19].*Думает, что беременна. Ей так кажется. Это возможно. Не то, чтобы совсем наверняка, но почти... [2, с. 19].

Во французском тексте автор использует приём повтора прилагательного *sûre* (*уверенная), который показывает степень уверенности героини. В русском тексте эта уверенность передаётся при помощи словосочетания *совсем наверняка*, которое состоит из двух наречий: *наверняка* ('несомненно, безошибочно, с верным расчётом' разг.) и *совсем* ('совершенно, вполне' разг.) и адекватно передаёт эмоциональную окраску оригинального текста.

Б) *Elle prend un air détaché, un test de grossesse s`il vous plait, mais son cœur bat déjà* [6, с. 20].*Входит, **такая вся из себя равнодушная**: «Тест на беременность, пожалуйста», а сердце бьётся сильно-сильно [2, с. 20].

В данном случае выражение *prend un air détaché* ('приняла равнодушный вид') передаётся при помощи разговорно-просторечного выражения *такая вся из себя равнодушная*, таким образом, происходит стилистический сдвиг.

Г) *Ce n`était pas dans la poche car l`inspecteur du coin est un vrai con* [6, с. 89].*Никто не надеялся, что всё пройдёт так гладко, ведь здешний инспектор – **скотина порядочная** [2, с. 89].

Нейтральное прилагательное *vrai* ('настоящий, истинный') переводится при помощи прилагательного с разговорной окраской *порядочный* ('исключительный, крайний'), которое используется в русском языке при характеристике чего-нибудь отрицательного, что позволяет говорить о более ярко выраженной оценочности русского текста.

3. ПМ, выраженные глаголом:

А) Рассмотрим пример, где простое невосклицательное предложение *Regardez-la* [5, с. 157] ('посмотрите на неё') в переводе становится восклицательным (**Вы только посмотрите на неё!* [2, с. 158]). В русском предложении появляется ударная частица *только*, за счёт этого усиливается экспрессивность высказывания и меняется результат воздействия текста на читателя. Нейтральное французское предложение *Regardez-la!* показывает, что автор этих слов просто рассуждает, в переводе же автор этих

слов восхищается человеком, на которого он призывает посмотреть.

Б) *Il faut dire qu'elle avait encore etrouvé une combine pas possible: pendant plusieurs semaines, elle avait potassé des tas de bouquins et de magazines sur Diana (impossible de traverser les alons ans marcher sur la défunte...) et s'était exercée à la dessiner* [5, с. 128]. **А* *ещё она придумала себе новое занятие: перелопатив и «переварив»* *кучу книг и журналов о принцессе Диане (невозможно было пройти по гостиной, не наступив на усопшую!), она мастерски научилась её изображать* [2, с. 127].

В данном случае нейтральный глагол *potasser* ('изучить') передаётся двумя глаголами, относящимися к разговорному стилю: *перелопатить* ('обработать большое количество материала') и *переварить* ('усвоить материал'), таким образом, происходит стилистический сдвиг.

Б) *J'aime pas les photographes, j'aime pas les directeurs artistiques, j'aime pas les journalistes, j'aime pas qu'on soit dans mes pattes et j'aime pas qu'on me regarde* [5, с. 47]. **Не люблю фотографов, не люблю администраторов, не люблю журналистов, не люблю, когда лезут в мою жизнь, не люблю, когда на меня пялятся* [2, с. 46].

Нейтральный глагол *regarder* передаётся просторечным глаголом *пялиться* ('смотреть напряжённо, не отрываясь'), благодаря которому усиливается экспрессивность высказывания в тексте перевода, а стилистическая окраска сдвигается в сторону разговорно-просторечного стиля.

4. ПМ, выраженные частицами:

А) *Je ne peux pas décentement arriver la première. Non. Et même, j'arriverai un peu en retard. Me faire un tout petit peu désirer ce serait mieux* [5, с. 11]. **Я, понятное дело, не могу прийти первой. Ни за что. Я даже слегка опоздаю. Долгожданная – более желанная* [2, с. 11].

В данном случае нейтральное слово *non* ('нет'), выражавшее в тексте оригинала отказ, несогласие, в русском переводе приобретает оттенок категоричного отказа, благодаря использованию устойчивого сочетания *ни за что*.

Б) *Destin, me voilà* [5, с. 149]. *Судьба, я готова, встречай [2, с. 150].

В данном случае выражение с частицей *me voilà* ('вот она я') переводчик передаёт при помощи повелительного предложения, что адекватно передаёт как лексическое, так и эмоциональное значение предложения.

На основании проведённого анализа удалось выявить следующие типичные трудности перевода прагматических маркеров:

1) адекватно передаётся оценочный компонент, но недостаточно точно передаётся лексическое значение;

2) адекватно передаётся лексическое значение, а оценочный компонент либо усиливается, либо нейтрализуется;

3) адекватный перевод требует рассмотрения единицы с разговорной окраской в качестве элемента текстового пространства, отражающего языковую среду;

4) как правило, экспрессивная окраска единицы в русском тексте оказывается более яркой, а функционально-стилистическая окраска сдвигается в сторону разговорно-просторечной окраски;

5) слово с разговорной окраской может передавать положительные и отрицательные эмоции, содержать оценку, может быть использовано для передачи авторского отношения к героям, ситуации и т.п. Для сохранения стилистической окраски таких слов в переводе были использованы полные и частичные лексические соответствия.

Все вышесказанное подтверждает, что «прагматический фактор является одним из наиболее важных «фильтров», определяющих не только способ реализации процессов перевода, но и сам объект передаваемой информации» [4, с. 178].

ЛИТЕРАТУРА

1. Валгина Н.С. Теория текста. – М.: Логос, 2003.
2. Гавальда А. Мне бы хотелось, чтоб меня кто-нибудь где-нибудь ждал. – М.: Флюид, 2008.
3. Коралова А.Л. Прагматические аспекты передачи образности в тексте перевода [Электронный ресурс]: <http://www.thinkaloud.ru/scienceak.html>.

4. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. – М., 1973.
5. Fox Tree, Jean. E. Discourse Markers across Speakers and Settings // Language and Linguistics Compass, 2010.
6. Gavalda A. Je voudrais que quelqu'un m'attende quelque part. – Paris, Le dilettante: 2011.

СЛОВАРИ

1. Французско-русский словарь активного типа / Под ред. В.Г. Гака и Ж. Триомфа – М., 2005.
2. Толковый словарь русского языка / Под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. – М., 1996.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАСЛАВЯНСКИХ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Л.Э. Довбня

*Государственное высшее учебное заведение
«Переяслав-Хмельницкий государственный педагогический
университет имени Григория Сковороды»
ул. Сухомлинского, 30, г. Переяслав-Хмельницкий,
Киевская область, Украина, 08401*

В статье рассматривается история семантической трансформации четырех праславянских по происхождению имён прилагательных: *черный, белый, зеленый, желтый* – в русском и украинском языках; анализируются семантические процессы, способствующие изменениям значений указанных лексем; обращается внимание на сходство и различие результатов трансформационных изменений в родственных языках.

Ключевые слова: семантическая трансформация, имя прилагательное, русский язык, украинский язык, метафора, метонимия.

SEMANTIC TRANSFORMATION OF PROTO-SLAVIC COLOUR IDENTIFICATION IN RUSSIAN AND UKRAINIAN LANGUAGES

L.E. Dovbnya

*Higher Education State Institution “Pereyaslav-Khmelnitsky State
Pedagogical University n.a. Grygoriy Skovoroda ”
Sukhomlinsky str., 30, Pereyaslav-Khmelnitsky, Kiev region,
Ukraine, 08401,*

The article examines the history of the semantic transformation of four adjectives, Proto-Slavic by origin: *black, white, green, yellow* – in the Russian and Ukrainian languages; and semantic processes provoking the meaning changes of mentioned lexemes are being analyzed. Main attention is paid to the similarities and differences within the transformational changes in related languages.

Keywords: semantic transformation, adjective, Russian language, Ukrainian language, metaphor, metonymy.

Семантика имен прилагательных-цветообозначений была объектом изучения многих языковедов, среди которых – Р.А. Будагов [3], В.А. Москович [9], А.Н. Шрамм [17], Н.Б. Бахилина [2] и др. Переносные употребления имен прилагательных-цветообозначений часто приобретают символические значения [7]. В значительной степени это касается названий основных цветов: *черный / черний, белый / білий, зеленый / зелений, желтый / жовтий*.

«Целый ряд праславянских названий цвета имеет общеевропейское происхождение. Индоевропейская цветовая номенклатура, безусловно, была значительно беднее, чем номенклатура современных языков.

У индоевропейцев понятие цвета было намного конкретнее, чем понятие современных европейцев и других народов, оно было тесно связано с понятием предмета – носителя этого цвета. Понятие светлого – белого цвета – бралось от сияния солнца, ясного неба, яркого огня и т.д. ... и наоборот, понятие темного – черного цвета – бралось от тьмы и ночи» [4, с. 519].

Среди вышеуказанных слов наибольшее количество значений развивается в семантической структуре имени прилагательно-

го *черный / черний* (<prasл. *съгть ‘цвета угля’ [16, т. IV, с. 346; 10, т. II, с. 1208–1209]), которое вступает в антонимические отношения с прилагательным *белый / білій* (<prasл. *bélъ, родств. литовскому *bālas* ‘белый’, древнеирландскому *bhālam* ‘блеск’, *bhāti* ‘светит, сияет’, латышскому *bāls* ‘бледный’; их первоосновой является индоевропейский корень *bhel- / *bhol-, этимологически связанный с ‘сиять, блестеть’ [8, т. 1, с. 195–196].

Антонимическими отношениями обусловлена семантическая идентичность вторичных образований слов *черный / черний, белый / білій*. Наиболее заметным отличием в семантике указанных прилагательных является то, что слово *черный / черний* наследует первичное значение как основное, а слово *белый / білій* в процессе семантической эволюции заменяет его этимологически производным (метафорическим), в основе образования которого – эффект зрительного восприятия (сема ‘сияние’). Можно предположить, что в праславянскую эпоху последнее прилагательное обозначало название цвета, потому что во всех современных славянских языках оно употребляется именно с таким значением. Несмотря на метафоричность происхождения, его условно можно считать первичным, поскольку хронологические рамки данного исследования предполагают, что начальным этапом является именно праславянский период. А до этого времени имя прилагательное *белый / білій* трансформировалось таким образом, что основным его значением стало обозначение цвета. В древнерусский период это значение также функционирует как основное. Дифференциация лексико-семантических вариантов двух указанных прилагательных – более поздний процесс. Первые ее результаты фиксируются в Словаре русского языка XI–XVII вв. Для слова *белый* такими являются семемы ‘светлый, ясный, прозрачный’: «*И въ тѣхъ кладезехъ стоитъ вода (дождевая) во весь годъ, не портитъся, а въ нихъ бела, а не жолта*» [12, т. 1, с. 137]; ‘чистый’: «*А полягутъ денги по сроцѣ, и мнѣ у государя своего... потому же за росты служити, и всякое дѣло дѣлати, и черно и бѣло*» [Там же]; ‘непорочный, безгрешный’: «*Весь бо есть бѣль Господь нашъ, не имѣи въ себѣ никакоя же скверны*» [Там же]. Первая возникает в процессе метафоризации основного значения на основе семы ‘светлый’; она семантически идентична основному. Вторая явля-

ется результатом метонимического переноса с признака действия на признак задействованного в нем субъекта. Третья, по всей вероятности, формирует цепочечную полисемию и представляет собой следующий после образования основного значения этап метафорической транспозиции, который осуществляется при общности семы ‘чистый’. Кроме указанных значений, в старорусскую эпоху образуется семема ‘не постриженный в монахи (о духовенстве)’ [Там же]. Возможно, она развивается по аналогии к семеме ‘монах’ имени прилагательного *черный / чорний* и вступает в антонимические отношения с ней. В данном случае аналогия имеет немотивированный характер: последняя семема слова *белый* возникает только потому, что в семантической структуре слова *черный* есть подобная, а эти прилагательные связаны между собой отношениями антонимии.

В старорусский период имя прилагательное *белый* приобретает социальную окраску: ‘освобожденный от феодальных повинностей’ [Там же]. Указанная семема образуется в результате комбинированного семантического процесса, в основе которого лежит метафора (белая работа – ‘чистая’; сема ‘чистый’), а за ней следует метонимия (признак процесса – признак задействованного в нем субъекта) с последующей конденсацией в пределах словосочетаний типа *белый человек / біла людина*. Семантическая структура этого имени прилагательного не отражена Словаре староукраинского языка XIV–XV вв. [14].

Описанные лексико-семантические варианты положены в основу современных семем слова *белый* в русском языке. В частности, его основное значение, а также семемы ‘ясный, светлый’, ‘чистый’ унаследованы современной языковой системой. Относительно недавно (в XX в.) в русском языке получило развитие значение исследуемого слова ‘ тот, который действует против Советской власти; контрреволюционный (противопоставляется красному – революционному)’ [12, т. 1, с. 384]. Оно возникло по аналогии к метонимической семеме прилагательного *красный* ‘революционный’, а потом претерпело семантическое влияние, проявившееся в конденсации в пределах словосочетаний типа *белая армия, белый офицер, белые войска* и т.д.

Такие же результаты семантической трансформации слова *білий* приводятся в Словаре украинского языка в 11-ти томах.

Основное его значение в двух языках совпадает, как совпадают и производные от него ‘вражеский для Советской власти’, ‘ясный, светлый’, ‘чистый’ [15, т. 1, с. 181].

Аналогичные семантические изменения претерпевает имя прилагательное *черный / чорний* [17, с. 97]. В Словаре староукраинского языка приводятся такие его семемы: ‘цвет коня’ и ‘разновидность икры’ [14, т. II, с. 547].

В современных русском и украинском языках это прилагательное употребляется с основным значением, унаследованным из праславянского языка. Кроме этого, оно может функционировать в значении ‘более темный в сравнении с обычным цветом’ (сема ‘темный’). Метонимия, базирующаяся на смежности признака предмета и самого предмета, способствует оформлению оттенка ‘темнокожий (как признак расы)’ [11, т. IV, с. 667–668; 15, т. XI, с. 352–353], который сопровождается субстантивацией прилагательного (о субстантивации прилагательных *чорний* и *білий* в украинском языке см. исследование Д.Г. Гринчишина [5, с. 9]).

В обоих языках слово *черный / чорний* может употребляться в метафорическом значении ‘грязный’ [11, т. IV, с. 667–668; 15, т. XI, с. 352–353], в основе развития которого лежит интегральная сема ‘темный’. Иные семантические отношения реализуются в процессе формирования семемы ‘связанный с нечистой силой’ [Там же]; исходным для нее, возможно, является лексико-семантический вариант ‘грязный’; в таком случае ассоциации могут быть обусловлены элементом оценки (семантический элемент ‘отрицательная оценка’). По аналогии к этой семеме развивается другая – ‘злой, коварный’ [Там же]. Современные семантические структуры данного имени прилагательного в обоих языках совпадают.

Семантические структуры антонимов *черный / чорний* и *белый / білий* похожи, но последнее слово в процессе своего исторического развития приобретает меньше производных семем. Их количество меньше за счет того, что прилагательное *белый / білий* не имеет оценочных семем.

Сравнительно небольшой семантической трансформации подвергаются слова *зеленый / зелений* и *желтый / жовтий*. Эти слова этимологически родственные. Они восходят к indoевропейскому корню **ghel-* с широким недифференцированным значением ‘зеленый, желтый, серый’ [8, т. II, с. 203]. Приобретая разную фо-

нетическую форму и семантику, к праславянскому периоду они образуют две разные лексические единицы: *žylъ ‘желтый’ и *zelenъ ‘зеленый’ [Там же, с. 203; с. 257]. В старорусский период последняя приобретает метонимическое значение ‘незрелый’: «*И по ширинах града нашего видѣх класie пшенично израсло, их же македоняне серпы жняху i зрею и зелено*» [12, т. V, с. 370–371], образованное по смежности цвета и связанной с ним стадии процесса созревания. Оно функционирует в течение веков. Указанное значение, как и основное значение слова зеленый, унаследовано современным русским языком, в котором является производным для разговорного метафорического лексико-семантического варианта ‘очень молодой, неопытный’ и аналогичного ему ‘не обученный жизнью’. Такой перенос становится возможным при общности семантического элемента ‘тот, который находится в стадии роста, формирования’. Относительно поздними являются современные лексико-семантические варианты слова зеленый ‘очень бледный, с землистым оттенком (о цвете лица, кожи человека)’, который возникает при метафоризации на фоне общего семантического элемента ‘отсутствие теплого яркого тона’, и ‘образованный зеленой растительностью’ (названные лексико-семантические варианты фиксируются в Словаре современного русского языка в 17-ти томах [12, т. IV, с. 1188–1191]): «*Ветви орешника наклонились над деревом, образуя зеленый навес; сквозь ветви просвечивало небо*» (М. Горький, Озорник); последний является результатом транспозиции, вызванной смежностью признака сырья и признака изделия из него.

Эти же результаты трансформации наблюдаются и в украинском языке, в котором семантическая структура прилагательного зелений состоит из основного значения и ряда производных от него: ‘сделанный из зелени, растительности’, ‘незрелый (о фруктах, овощах, злаках)’, ‘болезненно бледный (о цвете лица, кожи человека)’ (разг.) и ‘который не имеет жизненного опыта’ [15, т. III, с. 553–554].

В современных русской и украинской семантических структурах имени прилагательного *желтый / жовтий* наблюдается возникновение небольшого количества производных лексико-семантических вариантов. Дифференциация его значений – доста-

точно поздний процесс (эпоха формирования русского и украинского национальных языков). В это время от праславянского значения, унаследованного в качестве основного, отпочковывается метонимическое (признак части – признак целого) ‘предательский’ [12, т. IV, с. 67–68]. «Это выражение … возникло в США. В 1895 г. американский художник-график Ричард Ауткоулт поместил в ряде номеров нью-йоркской газеты «The world» серию рисунков с юмористическим текстом; среди рисунков был изображен ребенок в желтой рубашечке; этому ребенку приписывались разные потешные выражения. Вслед другая американская газета – «New York journal» – начала печатать серию аналогичных рисунков. Между этими двумя газетами возник спор за право первенства на «желтого мальчика». В 1896 г. Эрвин Уордмен, редактор «New York Press», напечатал в своем журнале статью, в которой презрительно назвал обе газеты, конкурирующие между собой, «желтой прессой» [1, с. 117–118]. Имя прилагательное *жовтий* в украинском языке подвергается минимальной семантической трансформации: в нем развивается только одно производное (метафорическое) значение ‘бледный, с желтым оттенком’ (семантический элемент ‘отсутствие теплого тона’); идентичное образование есть и в русском языке. Лексико-семантический вариант ‘предательский’ является семантической калькой.

Таким образом, результаты проведенного анализа позволяют утверждать, что для отношений лексико-семантических вариантов слов в пределах данной тематической группы характерным является наличие реальных (актуальных) и потенциальных семантических элементов. Эти прилагательные неоднородны в плане семантических структур: некоторые развиваются большое количество производных семен (*черный / чорний, белый / білий*), иным же это не присуще (*желтый / жовтий, зеленый / зелений*). У прилагательного *черный / чорний* на метафорической основе возникают оценочные коннотации [6]. С названиями темных цветов при метафоризации ассоциируются негативные явления психического и социального планов.

Слова описанной тематической группы изменяют свое индоевропейское значение до праславянского периода, и это праславянское значение наследуют современные семантические структуры русских и украинских слов в качестве основного. Перифериче-

ские лексико-семантические варианты в двух языках, как правило, тоже совпадают. При их образовании чаще всего актуализируются метафорические и метонимические (парадигматические) отношения; синтагматические (в частности, конденсация), встречаются реже. Следствием этих отношений является радиальная полисемия, которая в некоторых случаях сопровождается цепочечной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. – М.: Художественная литература, 1987.
2. Бахилова Н.Б. История цветообозначений в русском языке. – М.: Наука, 1975.
3. Будагов Р.А. К критике релятивистских теорий слова // Вопросы языкознания в современной зарубежной лингвистике. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 5–29.
4. Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов / За ред. О.С. Мельничука. – К.: Наукова думка, 1966.
5. Гринчишин Д.Г. Явище субстантизації в українській мові. – К.: Наукова думка, 1965.
6. Довбня Л.Е. Напрями семантичних трансформацій праслов'янських іменників і прикметників (на матеріалі української та російської мов) // Теоретична і дидактична філологія: збірник наукових праць. – Переяслав-Хмельницький, 2009. – Вип. 6 – С. 36–43.
7. Довбня Л.Е. Оцінка як результат метафоричних перетворень в українській та російській мовах (на матеріалі визначених М. Сводешем понять) // Гуманітарний вісник Переяслав-Хмельницького державного педагогічного інституту імені Г.С. Сковороди: збірник наукових праць. – Переяслав-Хмельницький, 2001. – №2. – С. 192–202.
8. Етимологічний словник української мови в 7-ми томах / За ред. О.С. Мельничука. – К.: Наукова думка, 1983. – 2012.
9. Москович В.А. Статистика и семантика (опыт статистического анализа семантического поля). – М.: Наука, 1969.
10. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка в 2-х томах. – М.: ГИС, 1959.
11. Словарь русского языка в 4-х томах / Гл. ред. А.П. Евгеньева. – М.: Русский язык, 1981–1988.
12. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–17. – М.: Наука, 1975–1991.
13. Словарь современного русского литературного языка в 17-ти т. – М. – Л.: АН СССР, 1950–1965.

14. Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. в 2-х томах / Ред. Л.Л. Гумецька. – К.: Наукова думка, 1977–1978.
15. Словник української мови в 11-ти томах. – К.: Наукова думка, 1970–1980.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4-х томах. – М.: Прогресс, 1984–1987.
17. Шрамм А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных. – Л.: ЛГУ, 1979.

ГЛАГОЛЫ АРАБСКОГО ЯЗЫКА ТРАДИЦИОННОГО И НЕТРАДИЦИОННОГО КОРНЯ: СЕМАНТИКА И ГРАММАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

В.Н. Зарытовская

*Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6. Москва, Россия, 117198*

В статье рассматриваются традиционные (трехсогласные) и нетрадиционные (двух- и четырехсогласные) корни арабского языка с точки зрения границ их семантики и словообразовательного потенциала, ставится вопрос о происхождении и семантической самостоятельности нетрадиционных корней.

Ключевые слова: арабский язык, трехсогласный корень, нетрадиционные глагольные корни.

ARABIC VERBS OF CONVENTIONAL AND UNCONVENTIONAL ROOTS: SEMANTIC AND GRAMMAR POTENTIAL

V.N. Zarytovskaya

*Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198*

The article deals with traditional (three consonant) and unconventional (two and four consonant) Arabic radicals in terms of their semantic and word-

formation potential as well as the topic of the origin and semantic independence of unconventional radicals.

Keywords: Arabic, three consonant root, unconventional verb radical.

Традиционным для арабского языка можно назвать состоящий из трех согласных корень (гласные в передаче основного лексического значения слова, как известно, в арабском языке не участвуют и на письме не отражаются). Традиционность такого корня обусловливается его частотностью (подавляющее большинство слов), легкой вычленяемостью, извлечением из слова (определяется по начальной форме глагола) и большим словообразовательным потенциалом (словообразовательным гнездом). Так, чистый корень представляет последовательность трех согласных в глаголах пр.вр., м.р., ед.ч. так наз. первой породы, не отягощенной аффиксами деривационного значения, которые могут указывать на совместность действия, его повторяемость, каузативность глагола и др. в остальных девяти породах. Это глаголы простой, но самой разной, ничем не ограниченной семантики – действия, эмоционального и физического состояния: *писал, слышал, ходил, радовался, кричал* – Ка-Ta-Ba,Sa-Mi-*a, THa-Ga-BA,Fa-Ri-Ha, Sa-Ra-KHa и т.д. Три согласные заключают в себе основной, общий смысл слова – значения *письма, рисования, чтение, поедания, слуха, радости, крика* и т.д. Остальные гласные в слове – части сугубо грамматических интерфиксов и словоизменительных окончаний. Так, в перечисленных глаголах одинаково грамматическое значение: три гласных -а- являются показателем глагола действия пр. вр., дейст. залога, а нулевое окончание говорит о том, что это глагол м. р., ед. ч. Сочетание гласных а-i-а характерно для глаголов физического или эмоционального состояния, как *радоваться, раскаиваться, кровоточить* – Fa-Ri-Ha, Na-Di-Ma, Da-Mi-Ya и т.д.

Трехсогласные корни имеют большое количество глагольных и именных словообразований по единой системе. Для глагольного словообразовательного гнезда возможны 10 форм, называемых в российской арабистической традиции породами, которые образуются с помощью интерфиксов, дополняющих и уточняющих значение, заключенное в корне. Для того или иного корня в силу его конкретного значения могут быть использованы не все породы. Так, для корня со значением *письма*– K-T-B находим сле-

дующие глагольные образования, у которых одинаков грамматического характера интерфикс а-а-а (глагол пр. вр., м.р., ед.ч., дейст. залога), но различны дополнительные аффиксы, меняющие значение глагола (см. таблицу):

Номер породы	Перевод глагола и его транскрипция	Словообразовательный аффикс (его семантическое значение)
1	<i>написал</i> – КаТаВа	нулевой
2	<i>много писал</i> – КаTTаВа	интерфикс в виде удвоения второго корневого (значение интенсивности действия)
3	<i>писал (кому-то)</i> – Ка:ТаВа	интерфикс в виде долготы первого слога (значение направленности действия на адресата)
4	<i>заставил написать</i> – 'aКТаВа	интерфикс 'a_ (значение каузативности)
5	глагол пятой породы с данным корнем отсутствует, по всей видимости, по причине семантической несочетаемости значения <i>письма</i> и постепенности и возвратности, характерных для этой породы	
6	<i>переписывался (с кем-то)</i> – TaKa:TaВа	интерфикс ta_a: (значение взаимности действия)
7	<i>быть написанным, составленным</i> – inKaТаВа	префикс in- (значение направленности действия на субъект)
8	<i>копировать, подписать –</i> 'iKtaTaba	интерфикс i_ta(значение направленного на объект действия)
9	отсутствует, так как данная порода характерна исключительно для глаголов со значением цвета	
10	<i>просил переписать</i> – 'istaКТаВа	префикс 'ista_ (значение каузативности в своих интересах)

Для трехсогласного корня характерны также регулярные именные словообразования с закрепленными за ними значениями:

имя-транскрипция	интерфикс (его значение)
<i>писатель</i> – Ка:TiB	интерфикс а: i (значение деятеля)
<i>написанное</i> – MaKTи:B	интерфикс ma_u:_ (грамматическое значение страдательного причастия)
<i>письменный стол</i> – MaKTaB	интерфикс ma_a_ (значение имени места)
<i>буклет</i> – KuTayuB	интерфикс _u_ajj_ (значение уменьшительно-ласкательной формы)

и нерегулярные, относящиеся скорее к структуре языка, чем к его системе, набор которых определяется потребностями речи: *написание* – КаТВ– интерфикс *_a_* – (значение простого действия); *книга* – КiTа:В – интерфикс *_i_a:* – (значение неотглагольного существительного); *письмо, написание, письменная работа* – КiTа:BaT – интерфикс *_i_a:_at* (значение отглагольного существительного); *библиотека, книжный магазин* – MaКTaBaT – интерфикс *ta_a_at* (значение имени места); *надпись, письменный документ* – КаTi:BaT – интерфикс *_a_i:_at* (значение субстантивированного неотглагольного существительного (от страдательного причастия).

Несколько особняком, вне этой системы словообразования, но не словоизменения, существуют гораздо реже встречающиеся корни **нетрадиционные –двух- и четырехсогласные** (они могут быть также названы двух- и четырехбуквенными либо двух- и четыреххарфенными от арабского *хаrf* – ‘буква’).

Слова с **двухсогласным корнем** в арабском малочисленны: *отец* – 'aB, *брать* – 'aKH, *сын* – iBN, *имя* –iSM, *рука* – Y aD, *кровь* –DaM. Тем не менее, они обозначают важные для человека понятия, в первую очередь родственные отношения, что позволяет сделать вывод о том, что данные корни присутствовали в языке издавна и должны быть исконно арабскими, а не заимствованными. Классические арабские грамматисты VIII-IX вв. (время расцвета арабской филологии) отказывали этим корням в самостоятельности, считая их видоизменением традиционного трехсогласного корня, из которого исчез слабый согласный звук – шилиу. Так, велись споры о том, является ли слово iSM производным от корня S-M-W или W-S-M. В пользу такого предположения говорит то, что непосредственно двуххарфенных глаголов в арабском языке не существует, но есть трехсогласные глаголы или другие словообразования того же корня с аналогичным значением, в которых присутствует третий харф (слабые ЯУН или ВАВ или гортанная смычка –ХАМЗА – ‘), сравните:

от *рука* YaD– глагол *поддерживать* 'aYYaDa – корень '-Y-D

от *имя* iSM– глагол *быть названным* SuMMiYa – корень S-M-Y

от *кровь* DaM– глагол *кровоточить* Da-Mi-Ya – корень D-M-Y

от *сын* iBN – прилагательное *сыновий* BaNaWiY – корень B-N-W

от *отец* 'aB – прилагательное *отцовский* 'aBaWiY – корень '-B-W

от *брать* – 'aKH – мн.ч. *братья* – 'iKHWat – корень '-KH-W

Что касается **четырехсогласных корней** арабского языка, то в первую очередь их существование объясняется фактом заимствования из других языков «длинных» в арабском понимании слов, которые не могут быть вписаны в трехсогласную систему арабского корня. Например, глаголы *звонить, телефонировать* – TaLFaNa, *красить в желтый цвет* – *aSFaRa (от названия красящего растения *сафлора, желтняцы*) и др.

Но далеко не все четырехбуквенные глаголы арабского языка являются заимствованиями. Также они образуются в результате сращения нескольких слов арабского языка в единое целое, которое невозможно сократить до трех согласных, иначе они потеряют семантическую связь со словами, участвующими в их образовании или/и могут фонетически совпасть с другими трехсогласными глаголами. Как правило, это глаголы с религиозной семантикой, сокращения от часто повторяемых религиозных формул: *говорить (произносить) «Слава богу!»* (alhamdulilla) – HaMDaLa, *говорить «во имя Аллаха» bismillah* – BaSMaLa, *говорить «Хвала Аллаху!»* (subha:nlla) – SaBHaLa, *говорить «Нет силы и могущества, кроме как у Аллаха»* (lahawlawalaquwwataillabilla) – HaWQaLa.

Другим источником образования корней из четырех согласных в арабском языке являются звукоподражательные глаголы, которые при этом состоят из двух дублированных слогов, как: *əaRəaRa* – *болтать*, *RaQRaQa* – *тихо журчать*, *aJ*aJa – *орать*, *KaRKaRa* – *пыхтеть*, *WaLWaLa* – *вопить*, *DaMDaMa*, *GaMGaMa* – *ворчать, бормотать, гудеть*, *WaSWaSa* – *нашептывать*, *SaRSaRa* – *стrekотать, скрипеть*, *Za*Za*a*, *GaZGaZa*, *KHaLKHaLa* – *трясти, колебать*, *RaFRaFa* – *трепетать, хлопать*, *SaLSaLa*, *JaLJaLa* – *звенеть, звякать*, *Ta'Ta'a* – *запинаться при произнесении звука «т»* и др.

Четыреххарфенные глаголы также могут быть вторичным формированием от трехсогласного корня по схеме «трехсогласный корень – имя места или инструмента (к корню добавляется при-

ставка та- или ти- соответственно) – четыреххарфенный глагол (приставка сохраняется, превращаясь в часть корня М)» либо по схеме «трехсогласный корень – множественное число имени (к корню добавляется соответствующий интерфикс, обычно -w- после первого корневого) – четыреххарфенный глагол (интерфикс сохраняется, превращаясь в часть корня)». Таким образом, трехсогласный корень превращается в четырехсогласный, ср.: HaWaRa (*выпрямлять, изменять*) – miHWaR (*ось, стержень*) – MaHWaRA (*крутить*); WaDa*a (*положить*) – taWDa* (*место нахождения*) – MaWDa*a (*разместить*); NaGaJa (*быть ясным, следовать*) – miNGaJ (*метод*) – MaNGaJa (*систематизировать*); DaRa*a (*снять шкуру*) – miDra* (*панцирь, броня*) – MaDra*a (*бронировать*); SHaWWaRa (*сопроводить*) – miShWa:R (*прогулка*) – MaSHWaRA (*прогулять, вывести на прогулку*); *a-La-Ma (*знать*) – *awaLiM(*миры*) – *aWLamA (*глобализировать*); JaRaBa (*примечать*) – Jawa:RiB (*носки, чулки*) – JaWRaBa (*надеть носки кому-то*); KaSaRa (*быть во множестве*) – Kawa:SiR (*множества*) – KaWSara (*быть щедрым в чем-то*) и др.

Другие четыреххарфенные глаголы арабские грамматисты пытаются возвести к трехсогласному корню, естественно, с опорой на их общую или пересекающуюся семантику, выявляя следующие для этого модели (см. таблицу):

Модель (на примере глагола делать –Fa*ala)	Трехсогласный глагол-прототип	Четыреххарфенный глагол, образованной по этой модели
Fa*LaLa (удваивается последний слог)	JaLaBa (<i>привозить, приносить, покрывать</i>)	JaLBaBa (<i>надевать джильбаб</i>)
Fa*WaLa (интерфикс -w- после первого корневого)	MaKHaLa (<i>ломать</i>)	MaKHWaLa (<i>удивлять, ставить в тупик</i>)
FaY*aLa (интерфикс -y- после первого корневого)	SaTaRa (<i>побороть, сбить</i>)	SaYTaRa (<i>господствовать</i>)
Fa*YaLa (интерфикс -y- после второго корневого)	RaGa'a (<i>быть слабым</i>)	RaGYa'a (<i>ослабеть</i>)

FaN*aLa (интерфикс -n- после первого корневого)	SaBaLa (<i>проливаться дождем</i>)	SaNBaLa (<i>колоситься</i>)
Fa*NaLa (интерфикс -n- после второго корневого)	QaLaSa (<i>надевать колпак</i>)	QaLNaSa (<i>накрывать голову, положить руки на грудь в знак подчинения</i>)
Fa*LaNa (интерфикс -n- после третьего корневого)	SHaRa*a (<i>начать процедуру</i>)	SHaR*aNa (<i>придать законность</i>)

Необходимо отметить, что происхождение не всех четырехсогласных глаголов может быть объяснено заимствованиями, вторичным словообразованием и исчерпывается установленными моделями от трехсогласных. Арабский грамматист, представитель басрийской языковедческой школы Сибавейхи (VIII в.) считал четырехсогласный корень независимым [3] и указывал на множество других моделей их образования с самыми разнообразными аффиксами, как SHaQLaBa от QaLLaBa – *переворачивать*, ZaGHRaDa – *издавать радостные крики* от GHaRRaDa – *щебетать, петь* и др.

Все четыреххарфенные глаголы вне зависимости от источника их происхождения имеют единую начальную форму слова (пр.вр., ед.ч., м.р., дейст. залог) – закрытый слог (согласный-а-согласный) – открытый слог (согласный-а) – открытый слог (согласный-а) и следующие регулярные, ограниченные по сравнению с трехсогласными глаголами дериваты (без сдвига в семантике слова, без имени места, глагола взаимного действия, каузативного глагола и др.) на примере SaYTaRA – *господствовать* (см. таблицу):

Словообразовательный аффикс (его грамматическое значение)	Дериват – его перевод
at (отглагольное существительное)	SaYTaRat – <i>господство</i>
mu a i (действ.прич.)	muSaYTiR – <i>господствующий</i>
mu_a__a_ (страд.прич.)	muSaYTaR – <i>над которым господствуют</i>

Таким образом, традиционными для арабского языка являются трехсогласные корни, семантика которых не ограничена,

а словообразовательный потенциал, как глагольный, так и именной, с регулярными и нерегулярными образованиями – огромен. Особенностью арабского языка является то, что корни могут быть представлены только согласными, а в формировании лексического значения слова активно участвуют интерфикссы. Наряду с этим в арабском языке существуют слова, состоящие из двух (ограниченный набор слов) и четырех согласных в корне, с короткой словообразовательной цепочкой. Их самостоятельность мы подвергли сомнению по результатам анализа семантических особенностей слов этих классов. Семантика слов из двух согласных (родственные отношения) говорит в пользу их исконно арабского происхождения, а обращение к словообразовательному гнезду позволяет восстановить в них традиционный трехсогласный корень. Что касается слов, имеющих четыре согласные в корне, то большинство из них (за исключением заимствований) также оказывается связано с традиционными арабскими корнями, что доказывается их сходным лексическим значением на фоне частично общего фонетического состава.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. – М.: Восточная литература РАН, 2001.
2. <http://arabic.tripod.com/Roots.htm>
3. <http://master-fes.marocs.net/t27-topic>

АВТОРСКИЙ КОММЕНТАРИЙ КАК МАРКЕР ТЕАТРАЛЬНОЙ СЕМИОТИКИ

Ф.И. Карташкова

*Ивановский государственный университет
ул. Ермака, 39, Иваново, Россия, 153025*

В статье анализируется роль авторских ремарок драматургического текста как маркеров специфики неверbalного поведения персонажей,

включая реагирующее поведение адресата. Показано, какие функции может выполнять собственно авторский текст.

Ключевые слова: авторская ремарка, авторский текст, невербальное поведение персонажей.

AUTHOR COMMENTARY AS A MARKER OF THEATRE SEMIOTICS

F.I. Kartashkova

*Ivanovo State University
Ermak str., 39, Ivanovo, Russia, 153025*

The paper is devoted to the analysis of author's commentary in a drama text. Functions of author remarks and of author text proper are displayed. It is shown that author's commentary serves to mark peculiarities of non-verbal behaviour and emotional state of the characters.

Keywords: author remarks, author text, non-verbal behavior.

Изучение роли невербальных знаков в драматическом театре представляет несомненный интерес для широкого круга специалистов [5]. Особую важность в данном вопросе играет изучение семиотики драматургического текста (ДТ). В лингвистике ДТ предстает как произведение речевого жанра, обладающее особой «целеориентированностью», которая, по меткому замечанию Н.Д. Арутюновой, определяет не только связь реплик между собой, но и типы человеческого общения [1, с. 649]. Вместе с тем, лингвистические особенности ДТ, который является комбинацией вербальных и невербальных знаков [2], изучены недостаточно. Идеи дифференцированного описания авторских ремарок в ДТ нашли отражение в ряде работ [6, с. 7], однако с позиций теории невербальной коммуникации и семиотики авторской ремарки (АР) практически не изучались.

Понятия «авторская ремарка» и «авторский текст», оформленные, как правило, с помощью различных графических средств (подробнее см. [4, с. 3]), на наш взгляд, можно объединить гиперонимом «авторский комментарий» в противовес речи действующих лиц. Так, авторские ремарки помещаются после имени действую-

щего лица, до его реплики, они заключены в скобках и оформлены курсивом; авторский текст (АТ), излагаемый изолированно от речи персонажей, отличается в шрифтовом оформлении от основного текста.

Рассмотрим, какие виды невербальных компонентов коммуникации (НВК), регламентирующие поведение персонажей, фиксируются чаще всего в АР в пьесах английских и американских драматургов. Начнем с рассмотрения фонационного НВК, который фиксирует особенности тона, тембра голоса, а также интонацию говорящего. Данный вид неверbalного поведения является одним из наиболее значимых в театральной коммуникации, поскольку маркирует не только особенности звучания текста на сцене, но и предполагает передачу личного отношения персонажа к произносимому речевому сообщению:

(1) HIGGINS [*wound in his tender est point by her insensibility to-his élocution*] *Oh, indeed! I'm mad, am I? Very well, Mrs. Pearce: you needn't order the new clothes for her. Throwherout* (Shaw). В данной ситуации фонационный НВК маркирует тембральные и интонационные особенности речи действующего лица. Равнодушные адресата детерминирует произнесение реплики с обидой и болью, которые маркирует причастие *wounded*.

Значительная часть информации поступает, как известно, через визуальный канал. Описание визуального контакта персонажей дает автору возможность эксплицировать истинную реакцию говорящего, особенно в ситуациях, когда его реплика обладает противоположным значением:

(2) HIGGINS [*staringather*] *I've seen you before somewhere. I haven't the ghost of a notion where; but I've heard your voice* (Shaw).

Здесь миремический НВК (языковой коррелят *stare*), описывающий длительный контакт глазами маркирует интерес коммуниканта 1 к цветочнице (коммуникант 2): он пытается вспомнить, где видел ее раньше.

Анализ авторских ремарок показывает, что проявление положительных эмоций чаще всего сопровождается таким мимическим действием, как улыбка. Отрицательные эмоции также манифестируются мимикой – хмурым выражением лица, сведенными к переносице бровями и т.п.:

(3) LADY BRACKNELL (*frowning*) *I hope not, Algernon. It would put my table out. Your uncle would have to dine upstairs...* (Wilde). В данной ситуации на недовольство персонажа указывает в AP причастие *frowning*, номинирующее мимический НВК.

Авторские ремарки, фиксирующие жестовые НВК, отражают различные жесты головы, рук и ног персонажа в момент коммуникации:

(4) *He raises his hat slowly; then throws a handful of money into the basket and follows, Pickering* (Shaw).

Характер жестов выдает особенности натуры персонажа: лениво приподнимая шляпу и бросая горсть монет в корзину, персонаж уходит, демонстрируя свое презрение и равнодушие.

Пантомимический НВК занимает особое место в театральной семиотике. Характеристика позы, которую принимает действующее лицо в момент речевого акта, и движений его тела позволяет понять его отношение к происходящему:

(5) THE FLOWER GIRL [*springing up terrified*] *I ain't done nothing wrong by speaking to the gentleman. I've a right to sell flowers if I keep off the kerb* (Shaw). Неожиданное изменение позы персонажа, которое проявляется в том, что он резко встает (глагол *spring up* в AP), свидетельствует об эмоциональном состоянии волнения (причастие *terrified* в AP).

Тактильные НВК фиксируют различные прикосновения, которые являются неотъемлемой частью театральной семиотики. AP уточняет характер прикосновения, указывающий на степень испытываемого чувства:

(6) JACK [*Offers to kiss her*] – *Gwendolen! Darling!* (Wilde). Персонаж пытается поцеловать свою спутницу, он испытывает к ней нежные чувства; AP указывает на доверительные отношения между действующими лицами.

Любопытно, что в AP достаточно часто отражен и респираторный НВК, в котором важно не только эмоционально-оценочное содержание, но и pragmaустановка говорящего вызвать ответную реакцию адресата. Так, через слезы, всхлипы и вздохи можно пробудить в других сочувствие, жалость:

(7) ABBIE [*sobbing*] *Murderer an' thief 'r not, ye still tempt me!* (O'Neil).

АР отражает ситуацию, где персонаж плачет, что вызывает сочувствие адресата.

Особое место в театральной семиотике занимают такие виды невербального поведения персонажей, как проксемный НВК и НВК окружающей среды. Проксемный НВК, отражающий особенности передвижения коммуниканта, для сценического действия особо важен, поскольку, как правило, коммуникация осуществляется между персонажами на ограниченном пространстве сцены. Особое значение приобретает локация персонажей, а также их смена в сценическом пространстве. Изменяя пространство, персонаж может обратить на себя внимание, выходя на передний план, либо, наоборот, «уходя в тень». Характер передвижения персонажа, фиксируемый в АР, отражает его сильное эмоциональное волнение:

(8) *Stella rushes into apartment and enters up left stage of table* (Williams).

Не менее важными для театральной семиотики являются знаки сценического оформления: одежды, грима, света, предметных знаков, которые формируют группу специфического вида невербального действия – НВК окружающая среда. Посредством описания костюма автор дает характеристику действующего лица:

(10) *Her appearance is incongruous to this setting. She is daintily dressed in a white suit with a fluffy bodice, necklace and earrings of pearl, white gloves and hat, looking as if she were arriving at a summer tea or cocktail party in the garden district* (Williams).

В данной АР описание элегантного и дорогого костюма резко контрастирует с окружающим пространством и символизирует начало новой жизни – бедной, лишенной прежних удовольствий.

Особый интерес для театральной семиотики представляет изучение АР как маркера реагирующего поведения адресата. Поскольку театральная коммуникация не сводится к репликам и жестам персонажей, именно реагирующее поведение адресата способствует достижению эффекта достоверности происходящего на сцене. АР может эксплицировать реакцию адресата на реплику говорящего:

(11) BLANCHE: *Flamingo? No! Tarantula was the name of it! I stayed at a hotel called the Tarantula Arms!* MITCH [stupidly]: *Tarantula?* (Williams).

Здесь AP маркирует недоумение коммуниканта 2, Митча, что выражается через повторный запрос на только что полученную информацию.

Для театральной коммуникации характерно проявление ответной реакции через комбинацию верbalного и неверbalного кодов:

- (12) STANLEY [booming]: *Now let's cut the re-bop?*
 BLANCHE [pressing hands to her ears]: *Oiiiiii!* (Williams).

Реакция, которую проявляет коммуникант 1 (Стэнли), выражена в AP с помощью глагола *boom* ('make a deep loud sound that continues for some time'), значение которого свидетельствует о нетерпении и раздражении говорящего. Реагирующее поведение адресата (Бланш) осуществляется посредством неверbalного канала: зажимает уши, что в AP представлено причастием *pressing* с соматизмами *hands* и *ears* в качестве дополнения, и протяжного восклицания "*Oiiiiii!*", что передает экспрессивное несогласие коммуниканта 2 (Бланш) с коммуникантом 1 (Стэнли).

В театральной коммуникации реагирующее поведение адресата может возникать в качестве ответной реакции не только на слова персонажа, но и на его действия. В подобных случаях ответная реакция передается неверbalным способом:

- (13) [A chair scrapes. Stanley gives a loud whack of his hand on her thigh.] STELLA [sharply]: *That's not fun, Stanley!* (Williams).

Здесь AP маркирует тактильное невербалное действие грубого характера: коммуникант 1 (Стэнли) хлопает коммуниканта 2 (Стеллу) по бедру, что провоцирует раздражение и порицание коммуниканта 2. Невербалное действие коммуниканта-2 представлено фонационным НВК: интонация, описанная наречием *sharply*, эксплицирует раздражение и неодобрение поступка коммуниканта-1.

Реагирующее поведение адресата, вызванное невербальными действиями говорящего, может манифестировать не только истинную, но и ложную эмоцию. В этом случае имеет место симуляция эмоций, что представлено в AP глаголами со значением «делать вид», «притворяться», «изображать» (*pretend, look, act out, put on*) и сравнительными конструкциями (*as if, as though, like*):

- (14) *She stares fearfully at Stella, who pretends to be busy at the table* (Williams).

Персонаж расстроен тем, что должен выгнать свою сестру из дома и, пытаясь оттянуть тяжелый момент, прибегает к маскировке эмоций: притворяется, что занят сервировкой стола. Реагирующее поведение адресата может быть представлено рядом НВК, что отражается в АР:

(15) [Blanche comes ou on the upper landing in her robe and slips fearfully down the steps.]

BLANCHE: *Where is my little sister? Stella? Stella?*

[She stops before the dark entrance of her sister's flat. Then catches her breath as if struck. She rushes down to the walk before the house. She looks right and left as if for a sanctuary] (Williams).

В данной ситуации ряд невербальных действий, представленный глаголами и глагольными сочетаниями *come out*, *slip down*, *stop*, *catch one's breath*, *rush down*, *look right and left*, маркирует реакцию паники, которую испытывает персонаж. Сукцессивность действий демонстрирует развитие эмоциональной реакции.

В авторских ремарках дано и описание психофизиологических состояний персонажей посредством глаголов с семантикой изменения цвета лица (*flush*, *whiten*); глаголами, описывающими вздрагивания (*startle*, *shudder*); глагольными словосочетаниями, описывающими деятельность вегетативной системы (*sweat*, *perspire*):

(16) *Blanche begins to shake again with intensity* (Williams).

Данная ситуация манифестирует ПФР вздрагивания персонажа, выраженную глагольным сочетанием *to shake again with intensity*, маркирующую состояние глубокого нервного напряжения.

Как уже отмечалось, к авторскому комментарию относится и авторский текст (АТ). АТ может представлять собой как описание параметров действующего лица в статике (возраст, рост, т.д.), так и описание пространства сцены (мебель, музыка, аксессуары). АТ, содержащий описание действующего лица, занимает, как правило, инициальную позицию и включает описание внешнего облика персонажа:

(17) *More laughter and shouts of parting come from the men. Stanley throws the screen door of the kitchen open and comes in. He is of medium height, about five feet eight or nine, and strongly, compactly built. Animal joy in his being is implicit in all his movements and*

attitudes. Since earliest manhood the center of his life has been pleasure with women, the giving and taking of it, not with weak indulgence, dependency, but with the power and pride of a richly feathered male bird among hens. Branching out from this complete and satisfying center are all the auxiliary channels of his life, such as his heartiness with men, his appreciation of rough humor, his love of good drink and food and games, his car, his radio, everything that is his, that bears his emblem of the gaudy seed-bearer. He sizes women up at a glance, with sexual classifications, crude images flashing into his mind and determining the way he smiles at them. (Williams).

На наш взгляд, приведенный фрагмент АТ дает наиболее полную характеристику действующего лица, описывая не только внешность персонажа, его рост и возраст, но также специфику его моральных убеждений и жизненных взглядов.

Предметному оформлению сцены в театральной семиотике отводится важная роль: декорации прямо или косвенно связаны с концепцией спектакля. Описание обстановки, в которой происходит действие, формирует наиболее полное представление о характере персонажа:

(18) *The low-tone clarinet moans. The door upstairs opens again. Stella slips down the rickety stairs in her robe. Her eyes are glistening with tears and her hair loose about her throat and shoulders. They stare at each other. Then they come together with low, animal moans. He falls to his knees on the steps and presses his face to her belly, curving a little with maternity. Her eyes go blind with tenderness as she catches his head and raises him level with her. He snatches the screen door open and lifts her off her feet and bears her into the dark flat (Williams).*

Темный проход в квартиру символизирует своеобразную черную дыру, в которую проваливаются оба персонажа, охваченные страстью. Это символ гибели героини, которая, исходя из контекста пьесы, происходит из богатой аристократической среды. Поддавшаяся чувствам, она бросает привычный комфорт и жертвует всем ради любви. Старая расшатанная лестница, по которой действующее лицо сбегает вниз, отображает ее падение по социальной лестнице.

Итак, дифференцированный подход к изучению авторского комментария в драматургического текста с позиций невербальной

коммуникации и семиотики позволяет точно понять замысел автора драматургического текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1999.
2. Бочавер С.Ю. Связность драматического текста и сценическая коммуникация (на материале русской и испанской драматургии конца XIX – начала XX вв.). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2012.
3. Григорович Л.А. Полиграфические средства современного учебного словаря американского варианта английского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 1992.
4. Карташков А.Н. Принципы построения учебно-толковых словарей английского языка для иностранцев (проблема словника и лексикографической разработки слова в словарях серии Хорнби). – Иваново, 1992.
5. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика и театр // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусства, 2011. – №14. С. 40-48.
6. Кубрякова Е.С., Петрова Н.Ю. Лингвокультурологический статус драмы (новое в изучении языка пьес) // Е.С. Кубрякова. В поисках сущности языка. Когнитивные исследования. – М.: Знак, 2012. С. 128-146.
7. Пляшкунова А.В. Классификация драматических ремарок до и после работы А.Б. Пеньковского и Б.С. Шварцкопфа // Язык и мы. Мы и язык: Сб. статей памяти Б.С. Шварцкопфа. – М.: РГГУ, 2006. С. 494-505.

ИЗМЕНЕНИЕ СЕМАНТИКИ СЛОВА В ИНОЯЗЫЧНОМ ОКРУЖЕНИИ: ДЕЭТНОНИМИЗАЦИЯ

Игорь Кошкин

*Латвийский университет
ул. Висвалжа, 4а. Рига, Латвия, LV-1050*

В семантике некоторых слов (этнонимов и слов, имеющих этническое значение) прослеживается трансформация этнического значения, которую можно охарактеризовать как рефлекс деэтнонимизации. В статье рассматриваются преимущественно случаи деэтнонимизации

ции, связанные с языковыми контактами в регионе, граничащем с исторической территорией Латвии. Особое внимание уделяется характеру семантической мотивации в ходе деэтнонимизации, поскольку новое значение является производным и, как правило, экспрессивно окрашенным.

Ключевые слова: лексическая семантика, деэтнонимизация, языковые контакты, славянские языки, латышский язык.

TRANSFORMATION OF WORD SEMANTICS IN THE FOREIGN AMBIENCE: DEETHNONYMIZATION

Igor Koshkin

*University of Latvia
Vysvalzha str., 4a, Riga, Latvia, LV-1050*

In semantics of some words (*ethnonyms* and words, which have ethnographical meaning) the transformation of ethnographical meaning is reflected, and this fact might be characterized as the reflex of *deethnonymization*. In the article there are mostly observed the cases of deethnonymization, which are associated with the language contacts in the region, bordering with the historical territory of Latvia. The special attention is paid to the character of semantic motivation in course of deethnonymization, as the new meaning is derivative and mostly emotionally charged.

Key words: lexical semantics, deethnonymization, language contacts, Slavic languages, Latvian.

Трансформацию этнонимического значения в семантической эволюции этнонимов и слов, имеющих этнографическое значение, можно охарактеризовать как рефлекс деэтнонимизации. Случаи деэтнонимизации часто связаны с языковыми контактами, за которыми, в свою очередь, стоят контакты и конфликты социально-этнических культур. О влиянии языковых контактов на процессы этнонимизации и деэтнонимизации свидетельствуют как семантический механизм эволюции семантики слова, так и ономасиологические и экстралингвистические условия процесса этнонимизации и деэтнонимизации. В отношении отдельных лексем эти процессы получают отражение в лексикографии, для других лексем семантические рефлексы зафиксированы лишь в узусе. Примеры, касающиеся местного русского языка, позволяют говорить о некоторо-

рых лексико-семантических особенностях языка диаспоры. Указанные особенности можно проиллюстрировать на примере таких исторических и современных значений, представляющих рефлексы этнонимизации и деэтнонимизации, как стбел. *бохур* ‘франт, молодой еврей’, бел. *бáхур* ‘распутник, любовник’, ‘еврейский мальчик’ [7, с. 335], польск. *bachur, bachor* ‘ребёнок (пренебрежительно)’, ‘еврейский мальчик’ и другие заимствования этого же ряда (см. ниже). Примеры, характеризующие языковой узус, свидетельствуют об определённых культурно-этнических стереотипах, о контрастах в сфере культурно-исторических представлений контактирующих этносов. С точки зрения характера семантической мотивации новое значение, выступающее как рефлекс этнонимизации или деэтнонимизации, является производным и, как правило, экспрессивно окрашенным.

Бел. *бáхур, баҳúр* (в белорусских и русских словах знак ‘ обозначает ударение), польск. *bachur, bachor* является одним из слов-«мигрантов», характеризующих языки Восточной Европы, в том числе те, которые выступали в качестве контактных языков на территории Латвии (белорусский, польский, русский, литовский языки). С языковыми контактами, отражающими контактирование этнических коллективов с их представлениями о поведении и характере друг друга, связаны как рефлекс этнонимизации, так и рефлекс деэтнонимизации, проявляющиеся в семантической эволюции этого заимствования в разных языках. Хотя в научной литературе нет единого мнения по поводу источника этого слова в отдельных контактных языках (см. ниже), бесспорным признаётся его заимствованный характер, а в качестве языка-источника называются оба еврейских языка – древнееврейский и идиш, в которых это слово не имело этнонимического значения. Этнонимическое значение как сопутствующее появляется в белорусском, польском и украинском языках, т. е. в славянских языках, длительное время функционировавших в пределах одного культурно-исторического ареала (ареал Великого княжества Литовского, впоследствии Речи Посполитой). В таком употреблении данное слово можно считать экспрессивным этнонимом; как известно, экспрессивные этнонимы отражают скорее не контакты, а конфликты (скрытые или явные) проживающих на одной территории представителей разных национальностей. Ср.: стбел. (XVI в.) *бохур* ‘франт, молодой ев-

рей’, бел. *бáхур*, *бахур* ‘распутник, любовник’, ‘еврейский мальчик’ ← древр. *bāchūr* (евр.-нем. *Bacher*) ‘молодой человек; учитель’ [7, с. 335]. В иврите как языке-источнике слово [*bahur*] имеет денотативное значение ‘парень, молодой человек’, т. е. не является этнонимом. В Словаре польского языка (*Slownik języka polskiego*) С. Б. Линде, созданном в первой половине XIX века и отражающем лексику на всей территории бывшей Речи Посполитой (в состав Речи Посполитой длительное время входили и земли юго-восточной Латвии, а влияние польского языка непосредственно после распада Ливонии распространялось и на большей территории нынешней Латвии) зафиксировано слово *bachur* в значении ‘*Judenjunge* [еврейский мальчик]’, ‘*ein junger Eber, Hengst, Bulle* [молодой кабан, жеребец, бык]’ [13, т. I, с. 41]. Как видно, польское слово как заимствование отражает наряду с новым денотативным значением и этнонимическое значение, в то время как в языке-источнике значение не было этнонимическим. В современном польском языке, согласно данным толкового словаря, значение является экспрессивным, сниженным: *bachor* ‘пренебрежительно о ребёнке’ [16, с. 103]; при этом это значение можно трактовать как исторически связанное с этнонимическим значением.

Данное заимствование характеризует широкий ареал языков Восточной и Юго-Восточной Европы, обнаруживает различные параллельные семантические рефлексы и было заимствовано в разных языках, в том числе в славянских, при помощи языковых посредников. Однако следует отметить, что в специальной литературе нет единого мнения, какой же язык является непосредственным языком-источником и как распределяются между собой языки-посредники. Так, вопрос о происхождении вариантов этого заимствования в польском языке носит дискуссионный характер. В цитированных выше словарях польского языка в качестве языка-источника указан (древне)еврейский язык. Однако польский этимолог Марек Стаковский [17, с. 185 – 191], критически относясь к этимологии польск. *bachor* ← древр. *bāchūr* ‘*młodzieniec, kawaler* (молодой человек, холостяк)’, считает, что польское слово было заимствовано из белорусского языка (бел. *бахур*), где оно имело этнонимическое значение ‘*młody Żyd* (молодой еврей)’, а для белорусского языка, в свою очередь, источником послужил язык идиш, в котором слово *Bechor* ← древр. *baָχֹר* ‘сын первородный’

функционировало как имя собственное, превратившееся в заимствующих языках в общее пренебрежительное название евреев [там же, с. 189 – 191]. Налицо, таким образом, процесс превращения антропонима в имя нарицательное, имеющее сниженное экспрессивное употребление, подобно, например, функционированию в латышской разговорной речи такого сленгизма, как *vaņķa* ← русск. *Ванька* ‘русский, русскоязычный’ [8, с. 538]. Для евр.–нем. *Bacher* отмечается также значение ‘молодой человек; учитель’ [6, т. 1, с. 137]. По мнению авторов этимологического словаря белорусского языка, напротив, слово пришло в белорусский из польского языка [7, с. 335]. Исследователи полагают, что параллельными семантическими рефлексами, которые отражают разные источники и не связаны с взаимным контактированием языков, являются значения чеш., словац. *bachor* ‘брюхо’, польск. *bachor* ‘ребёнок’, серб. *bă(h)or* ‘живот; ребёнок (пренебрежительно)’ [14, с. 42; 17, с. 187–188].

Важно отметить, что этнонимическое значение выступает базой для развития в некоторых языках семантически производного экспрессивно-денотативного значения:ср. бел. *бáхур* 1) ‘волокита, любовник’: *Бахура к себе принимаець*, 2) ‘толстобрюхий’: *выкормив якого бахура*, 3) ‘свиной некладеный самец’, 4) ‘молодой еврей, впрочем женатый, который посвятил себя единственно изучению талмуда и, ничем не занимаясь, сидит только за книгою, готовясь быть учителем еврейским’, *бáхурок* 1) ‘еврейское дитя, обучающееся грамоте’, 2) ‘толстенький мальчик’, *бáхурка* ‘девица или женщина, предавшаяся разврату’, *бахуровáць* ‘волокитничать, развратничать’ [3, с. 17]; укр. *бáхур, бáхуръ* 1) ‘волокита, ловелас, развратник’: *Квартал був цілий волоцюг, моргух, мандрюх, ярижниць, п'яниць і бахурів на цілий плуг* (И. Котляревский, «Виргилієва Энеїда»), 2) *байстрюк* ‘внебрачный, побочный сын’, 3) ‘мальчуган, ребёнок’, 4) ‘еврейский ребёнок’: *Ти не будеш, я не буду, а хто ж будет пить? А хто ж будет на жидівських бахурах робити, бахурня* ‘дети, детвора, ребятишки’, *бахурка* ‘развратница’, *бахурувати* ‘прелюбодействовать’: [1, т. 1, с. 34]. Ср. также русск. *бáхур* ‘любовник, франт, молодой еврей; толстяк’ [7, с. 335]. Трудно предположить, что этнонимическое и другие приведённые значения случайно объединились в семантической структуре слов. Скорее всего, здесь прослеживается иерархия значений на основе

семантической производности, отражающей историю бытования слова. Оценочное значение отражает оценку, как правило, негативную, поведения и образа жизни представителей другого этнического коллектива. При этом в восточнославянских языках, судя по данным лексикографии, в отличие от западнославянского ареала, распространёнными являются пейоративные значения ‘любовник, франт’, ‘развратник’, которые могут трактоваться как развившиеся на основе смежности понятий (ономасиологическая метонимия) из значений ‘внебрачное дитя’ ← ‘дитя’. Эти значения, в свою очередь, очевидно, опосредованно связаны со значением ‘еврейский ребёнок’. В любом случае, деэтнонимизация в семантике слова, сопровождающаяся возникновением пейоративных значений, указывает на конфликтный характер социальной ситуации, понять сущность которой можно опираясь на данные социальной и этнографической истории.

В литовском языке, принадлежащем к тому же культурно-историческому ареалу (Великое княжество Литовское – Речь Посполитая) обнаруживается рефлекс деэтнонимизации: литов. *bakuras*, *bakūras* ‘мальчишка (неодобрительно), негодный мальчишка’ [12, www.lkz.lt]. Как видно, литовское слово полностью утрачивает этнонимическое значение, данное существительное становится экспрессивным оценочным словом, в своём функционировании не связанном с представителями определённого этнического коллектива.

Все указанные языки, кроме украинского, как уже было сказано, функционировали как контактные языки на территории Латвии, которая лишь частично (регион Восточной Латвии) долгое время принадлежала к названному культурно-историческому ареалу. На остальной территории бывшей Ливонии сохранялось влияние немецкой культуры и немецкого языка. Однако, согласно данным картотеки говоров латышского языка [11], в них данное слово не зафиксировано. Не зафиксировано оно также в исторической и современной лексикографии латышского языка. Иными словами, в латышском языке, в отличие от литовского как ближайшего балтийского языка, этого слова нет. На востоке Латвии, на территории граничащей с Псковской областью, зафиксирован топоним – латыш. *Bākarova* (славянские соответствия – русск. *Baxareva* (1784 г.), польск. *Bakarowo* (1765 г., 1770 г.) [18, с. 33]. Данный

топоним связан с другим словом – русск. *бáхарь* ‘болтун, хвастун, колдун’, *бахóрить* ‘болтать’ [6, т. 1, с. 136], *бáхарь*, *бáха(y)рка*, *бахóра*, *бахóря* ‘говорун, краснобай, рассказчик, сказочник; хвастун, бахвал; заговорщик, знахарь’, *бахóрить* ‘болтать, беседовать, разговаривать, гуторить’ [2, т. 1, с. 56]. Если говорить о русском региональном языке Латвии и его источниках, то трудно определить, было ли оно употребительным в местной русской речи. Русск. *бáхарь* ‘tenkotājs, tērzētājs [сплетник, болтун]’ зафиксировано (с пометой «простонародное») в первом большом словаре, где представлена параллельная русская и латышская лексика, – в знаменитом «Русско-латышско-немецком словаре» 1872 г., авторами которого являются Кр. Валдемарс и другие деятели латышской культуры [9, с. 9], а также в последующих русско-латышских словарях вплоть до начала 20-х годов XX в. [5, с. 10]. Авторы упомянутого словаря 1872 г. (состав лексики этого словаря в основном сохранялся без изменений в последующих изданиях русско-латышских словарей) ориентировались на основные лексикографические источники России того времени. В настоящее время данное слово в местном русском языке не употребляется. В том же значении выступает и пск. *бахóра* ‘разговорчивый человек, бала-гур’, ср. глагол пск. *бахóрить* ‘болтать, говорить попусту’: *Пакúль тут на скамéйках баҳóрили, приéхал он* [4, с. 134]; как известно, псковские говоры оказывали влияние на русские говоры Латгалии и опосредованно на русский местный язык. С семантической точки зрения значения русск. *бáхарь*, *бахóрить*, как и различные значения слова *бáхур* и его аналогов в других языках, являются экспрессивно окрашенными, сниженными. Однако оба слова имеют разное происхождение, при этом М. Фасмер отвергает из-за различий в значениях попытки связать происхождение слова *бахóрить* с евр.-нем. *Bacher*, древр. *bāchūr* ‘молодой человек’ [6, т. 1, с. 137]. Если слово *бáхур* является заимствованным еврейским словом (см. выше), то *бáхарь* этимологически связывается с глаголом *бáять* ‘говорить’ (подобно паре *знáхарь* – *знать*) [там же, с. 136, 140]. Как видно, рефлекс деэтнонимизации обнаруживает лишь слово *бáхур* и его соответствия в других языках.

Избранный пример (*бáхур* и др.), который иллюстрирует значения заимствования, являющиеся этапами эволюционного развития семантики слова, на самом деле является отражением

достаточно распространённой в узусе модели семантической производности, когда любое слово может стать экспрессивным этнонимом и в ходе своего дальнейшего употребления превратиться в слово с другим, неэтническим значением. Рефлекс деэтничизации, связанный с развитием производных оценочных значений, обнаруживают и многие другие этнонимы, в том числе этнонимы латышского языка. Ср.: бел. *цыган* ‘попрошайка, докучливый проситель’: *Дай ужо цыгану гетому, нехай не цыгаець, не докучаець; сам николи ничего не купиши, а усё цыганиши по людзям* [3, с. 691]; латыш. разг. *čangalis* 1) ‘latgalietis [латгалец (житель Латгалии – восточного региона Латвии)]’, 2) ‘slikts cilvēks [плохой человек]; prasta, neizglītota persona [простой, необразованный человек]’: *Par to tiesnesi vēl maigi teikts... Tas čangalis ļāva Skonto darīt, ko grib* [Про этого судью ещё мягко сказано... Этот чангаль позволил *Skonto* (название предприятия – И. К.) делать всё, что хочет], 3) ‘*Nejēga, muļķis* [невежда, дурак]’ [8, с. 98]. Латгалия в языковом (латгальские говоры), культурно-историческом и – как следствие – в социально-экономическом отношении исторически сильно отличается от остальной части Латвии; сформировался социально-культурный стереотип, противопоставляющий латгалцев латышам. В начале XX в. слово *čangali* (множественное число), russk. чангалы использовали как пренебрежительное название латышей бывшей Витебской губернии в составе Российской империи, т.е. как экспрессивный этноним. Низкая оценка, коннотативно характеризующая семантику этой лексемы, явилась основой для возникновения целого ряда узусных пейоративных значений; «в настоящее время в продуцирующей стереотипы интернет-среде чанголов ... характеризуют как хитрых, непорядочных лгунов, искателей собственной выгоды, амбициозных карьеристов и захватчиков Риги...» [10, с. 139 – 141].

Длительные языковые контакты, являющиеся следствием многовекового проживания представителей разных этнических коллективов на одной территории, могут привести к возникновению в рамках деэтничизации вторичных денотивных значений, которые не являются оценочно сниженными. Например, было зафиксировано во второй половине XX в. употребление в латышском разговорном языке этнонаима латыш. *krievi* ‘русские’ в неэтническом значении: *aiziet krievos* (буквально «уйти туда, где

русские) ‘sākt dienēt armijā (parasti par padomju laiku) [начать служить в армии (обычно о советском времени)]’ [8, с. 249]. Латыш. *krievs* ‘русский’, *krievi* ‘русские’ является древнерусским заимствованием, в основе которого лежит название восточнославянского племени, бывшего соседями древних латышей, – *круевичи*, которое затем было перенесено на название всех восточных славян [15, с. 113]. История этого неэтнического значения довольно древняя, и употребление в советское время просто продолжало традицию. Вместе с тем такая эволюция семантики слова (деэтническизация) отражает социальную роль и место этнических коллективов в полигетническом обществе. В исследовании латышского языковеда Я. Розенбергса о лексико-семантических вариантах лексемы *krievi* ‘русские’ в языке латышских народных песен (запечатленные дайны, собранные и опубликованные на рубеже XIX–XX вв., являются древнейшим памятником латышского фольклора) отмечены такие значения, как *krievi* ‘рекрут’ в так называемых рекрутских песнях, *krievi* ‘солдаты, военные’, в том числе ‘солдаты-латыши’, *krievi* (форма родительного падежа существительного, употребляемая в функции относительного прилагательного) ‘имеющий отношение к армии, к войне’, например, *krievu josta* – буквально «русский пояс» ‘военный пояс’, *krievu barabans* буквально «русский барабан» ‘военный барабан’, в цикле военных песен [15, с. 110–142]. Именно значение ‘солдатская (жена)’, по мнению исследователя, выступает, например, в строке одной из песен – *Es būt’ laba krieva sieva...* [Я была бы хорошая жена солдата (буквально «русского»)] [там же, с. 128]. В латгальском фольклоре, связанном с регионом, где протекали наиболее интенсивные латышско-славянские языковые контакты, отмечены и другие деонтативные значения, возникшие в ходе деэтническизации у лексемы *krievs*, *krīvs* (диалектная форма), – ‘редька’, ‘брюква’, ‘свёкла’, ‘морковь’, *krīveļš* ‘венник’ [10, с. 313–316]; семантико-мотивационные связи этих значений с основным значением слова *krievs* ‘русский’ остаются пока не выясненными.

Таким образом, деэтническизация часто проявляется как отражение функционирования слова в ходе разнообразных культурно-языковых контактов. Семантическая эволюция слова, которая при этом сопровождает процессы деэтническизации, проявляется и как изменение семантики в ареале контактирующих языков и диа-

лектов, и как возникновение новых прагматически-узусных значений. При этом чаще всего производные значения выступают как экспрессивно-окрашенные, однако налицо и возникновение новых денотативных значений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грінченко Б. Словарь української мови. Репринтне видання, 1907-1908. Т. 1-4. – Київ: Видавництво «Довіра» – УНВЦ «Рідна мова», 1997.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I-IV. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956.
3. Носович И.И. Словарь белорусского наречия. – СПб: Типография Имп. АН, 1870.
4. Псковский областной словарь с историческими данными. Выпуск 1. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1967.
5. Русско-латышский словарь / Krievu-latviešu vārdnīca. 4. izdevums, pārlabojis un papildinājis J. Dravnieks. – Jelgawa: drukājis un apgādājis H. Allunans, 1912.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – Т. I-IV. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 1986–1987.
7. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Рэд. В. У. Мартынаў. – Т. I. – Мінск: Навука і тэхніка, 1978.
8. Bušs O., Ernstsone V. Latviešu valodas slenga vārdnīca. 2. izdevums. – Rīga: Zvaigzne ABC, 2009.
9. Krievu-latviešu-vācu vārdnīce, izdota no Tautas Apgaismošanas Ministerijas / Русско-латышско-немецкий словарь, изданный Министерством народного просвещения. – М.: В университетской типографии, 1872.
10. Latgales lingvoteritoriālā vārdnīca. Лингвотерриториальный словарь Латгалии. Глав. ред. И. Шуплинска. В 2 тт. – Rēzekne: Rēzeknes Augstskola, 2012.
11. LU Latviešu valodas institūta izlokšņu leksikas kartotēkas materiāli [Материалы картотеки диалектной лексики Института латышского языка Латвийского университета]. – Rīga: Института латышского языка Латвийского университета.
12. Lietuvių kalbos žodynas (t. I–XX, 1941–2002): elektroninis variantas. – Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2005 (atnaujinta versija, 2008), www.lkz.lt [последнее обращение: 30.06.2014].

13. Linde S. B. Słownik języka polskiego. Wydanie drugie, poprawne i pomnożone. T. I-VI. – Lwów: W drukarni zakładu Ossolińskich, 1854 – 1861.
14. Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. – Praha: Academia – Nakladatelství Československé Akademie Věd, 1971.
15. Rozenbergs J. Tautas un zemes latviešu tautasdziesmās. – Rīga: Zinātne, 2005.
16. Słownik języka polskiego. T. I – III. – Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 2002.
17. Stachowski M. Kilka uwag o kwestii żydowskich i słowiańskich źródeł polskiego *bachor*. In: LingVaria, rok V (2010), nr. 2 (10). S. 185 – 191.
18. Zeps V. J. The Placenames of Latgola. A Dictionary of East Latvian Toponyms. – Madison, Wisconsin: Baltic Studies Center, 1984.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

бел. – белорусский
древр. – древнееврейский (иврит)
евр.-нем. – еврейско-немецкий (идиш)
латыш. – латышский
литов. – литовский
польск. – польский язык
пск. – псковский (диалект)
разг. – разговорный язык
русск. – русский
серб. – сербский
словац. – словацкий
стбел. – старобелорусский
укр. – украинский
чеш. – чешский

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ «ЧЕРНЫЙ ЦВЕТ» КАК ЧАСТЬ КУЛЬТУРНОЙ КАРТИНЫ МИРА ФРАНЦУЗОВ

Ж.В. Кургузенкова

*Отделение иностранных языков ИППК
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198*

В статье путем анализа культурного компонента значения фразеологических единиц французского языка выявляются сведения об особенностях восприятия черного цвета представителями французской культуры.

Ключевые слова: культурная картина мира, лингвокультурологический анализ, фразеология, черный цвет, французский язык.

PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COMPONENT “BLACK COLOUR” AS A PART OF THE FRENCH CULTURAL WORLDVIEW

Zh. V. Kurguzenkova

*Peoples’ Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198*

On the basis of linguo-cultural analysis of the French phraseology the spectrum of cultural connotations of concept “black colour” is defined.

Key-words: cultural worldview, linguo-cultural analysis, phraseology, concept “black colour”, French.

Одним из основных чувств человека является видение им окружающего мира в цвете, ведь 90% информации субъект получает благодаря работе органов чувств и живому созерцанию [5, с. 53]. Общеизвестно, что деятельность органов зрительной перцепции является универсальной для человека, независимо от того, носителем какого языка он является. С другой стороны, восприятие, отображение и интерпретация окружающего мира является достаточно субъективным, и эта субъективность воплощается в языковых отпечатках [1].

Каждый язык имеет свою цветовую гамму, которая отображает особенности менталитета, историю народа, культуру, мировоззрение. В любой национальной культуре цвет имеет сложный диапазон символических значений, которые являются связанными с мировоззрением этноса.

Особенно ярко выражается символика цвета в устойчивых словосочетаниях. Именно этим и обусловлена актуальность нашего исследования.

Ранее нами было проведено исследование на фразеологическом материале с компонентом «белый цвет» [3]. Цель данной работы: изучить процесс видения черного цвета представителями французской культуры и воплощение результатов этого созерцания во фразеологических единицах (далее ФЕ) с компонентом «черный цвет» в их составе.

Методом сплошной выборки из французских лексикографических источников нами были отобраны ФЕ, содержащие в своей структуре колоратив «черный цвет», которые по статистическим данным доминируют среди других цветов.

Безусловно, во французском языке присутствуют устойчивые словосочетания, в которых черный цвет употребляется в своем прямом значении: *marée noire* – ‘нефтяное пятно’, *gueule noire* – ‘шахтер’, *boîte noire* – ‘черный ящик’ (‘бортовой самописец’).

Все же цветовой компонент *noir(e)* несет в себе ярко выраженную тенденцию к пейоративной окраске из-за сформировавшегося еще в древнее время страха человека перед темнотой. Как показывают данные нашего исследования, черный цвет символизирует собой негативные события в жизни человека, а именно:

2) крайне неприятное или затруднительное положение вещей (дел):

potau noir – ‘затруднительное положение’; *tomber dans le potau noir* – ‘попасть в затруднительное положение’; *four noir* – ‘полнейший провал’; *point noir* – ‘трудность’, ‘опасность’; *série noire* – ‘череда/цепочка неприятностей’; *liste noire* – ‘черный список’.

2) пессимистическое восприятие определенных событий или лиц: *faire un tableau noir de qch.* – ‘представить что-либо в мрачном свете’; *pousser au noir* – ‘изображать что-либо в чёрном свете’. Во французском языке черный цвет тесно связан с мрачным расположением духа, если человек впал в депрессию, о нем

скажут: *il est d'une humeur noire / il a des idées noires* ('у него черные, т.е. мрачные мысли'). В такой ситуации уместным будет выражение *broyer du noir* – 'предаваться мрачным мыслям', хандрить, отсюда: *broyeur de noir* – 'пессимист'. Французский фразеологический фонд обладает целым арсеналом примеров с колоративом ***noir*** в составе ФЕ этой тематической подгруппы: *c'est le trou noir* – 'глубокое уныние'; *chagrin noir* – 'безысходная грусть'; *noirs pressentiments* – 'тяжёлые предчувствия'; *papillons noirs* – 'чёрные мысли'; *s'enfoncer dans le noir* – 'впасть в меланхолию'. О пессимисте французы ещё могут сказать так: *il voit tout en noir* ('он видит все в черном цвете'), то есть представляет все хуже, чем есть на самом деле. Если представитель французской культуры – любитель пошутить, и предметом его шуток становятся грустные и даже трагические события и ситуации, то он склонен к черному юмору (*l'humour noir*).

3) отрицательное отношение к другим лицам: *noir eingratitude* ('черная неблагодарность'). Когда представителя французской культуры обуревают раздражение, злоба, гнев или ненависть по отношению к кому-либо, то он начинает 'смотреть черным взглядом на кого-либо или на что-либо' (*regarder d'un oeil noir*). Кроме того, если кто-либо вызывает крайне негативные эмоции у француза, то он скажет: *c'est ma bête noire*, то есть: 'он мне в высшей степени противен' (буквально: 'это мой черный зверь'). Это выражение может употребляться не только по отношению к людям, но и по отношению к предметам (*la physique est ma bête noire* – 'я не навижу физику').

4) о силах зла нам напоминают следующие примеры: *la magie noire/ une messe noire* ('черная месса, колдовство'). Во французском выражении *le diable n'est pas si noir qu'on le dit* ('дьявол не так черен, как говорят') прилагательное ***noir*** используется в своем переносном значении 'ужасный, страшный, зловещий'.

5) нечестность, или даже преступность: *au noir* – 'незаконный'; *caisse noir* – 'незаконная касса'; *des crimes si noirs* – 'столь гнусные преступления'; *bande noire* – 'люди, купившие крупную недвижимость с целью последующей продажи её частями'. Если кто-то работает нелегально, без специального на то разрешения, во Франции о нем скажут, что он 'работает по-черному' (*travailler au noir*). А если мы услышим словосочетание 'черный рынок' (*le*

marché noir), то это будет означать, что что-то было куплено у спекулянтов.

Отдельного внимания заслуживает французская ФЕ *les pieds noirs*. К этой «касте» принадлежат писатель А. Камю, философ Бернар-Анри Леви, певец П. Брюэль. Это оскорбительное выражение возникло после деколонизации Алжира во второй половине 50-х гг. XX в., когда жившие в колониях французы хлынули обратно на историческую родину. Позже «черногими» стали также звать выходцев из Марокко и Туниса.

Серию ФЕ с компонентом ‘черный цвет’ продолжает синонимический ряд ФЕ сравнительного типа с колоративом *noir* в составе. Очевидно, что речь пойдет об адъективных компаративах, совпадающих по структурной модели: **прилагательное черный + союз как + неопределенный /определенный артикль + существительное**. Безусловно, все адъективные компаративы передают определенные отношения, называя признак и указывая на его степень. Поскольку в качестве признака в нашем исследовании выступает лишь одна лексема *noir*, то остается проанализировать лишь объекты сравнения, вводимые союзом *comme* (‘как’), чтобы выяснить всю национальную характеристичность образа, его меткость, бытовой реализм и экспрессивную «внушительность».

Здесь также можно выделить несколько тематических подгрупп. Во-первых, во французском языке *noir* в составе ФЕ сравнительного типа часто используется при описании внешности человека: *noir comme du jais* (букв. ‘черный как гагат’), *noir comme un corbeau* (букв. ‘черный как ворон’), *noir comme le diable* (букв. ‘черный как дьявол’), *noir comme l’ebène* (букв. ‘черный как эбеновое дерево’). Все вышеупомянутые примеры могут служить аналогами русской ФЕ *чёрный как смоль*. Первые три французские ФЕ обычно применяются при описании цвета волос, бровей, ресниц человека, четвертая же употребляется для обозначения цвета кожи выходцев с Африканского континента.

Во французском языке мы обнаруживаем еще один интересный пример: *noire comme un pruneau* (букв. ‘черная как чернослив’). Данная ФЕ представлена в женском роде не случайно, т.к. чаще всего употребляется для описания женщины с темными волосами и матовой кожей, а образ чернослива отсылает не столько к цветовой палитре, сколько, благодаря своему размеру, служит

для номинации женщины невысокого роста. В этом примере очень четко прослеживаются две основополагающие черты французского национального характера, такие как: куртуазность и гурманство.

Любопытно, что «гастрономическую линию» оттенков значения колоратива *noir* продолжает пример, в котором эта лексема служит аналогом *ivre* ('пьяный'): *noir comme une vache* – 'пьяный как свинья' (букв. 'пьяный как корова').

Анализ отобранных ФЕ с точки зрения оценочного потенциала показывает, что для их семантики является характерной полиаксиологичность. Однако, в своем подавляющем большинстве ФЕ с колоративом *черный* в своей структуре имеют прозрачную мотивацию. Для объяснения внутренней формы следует обратиться к древним временам, когда человек ощущал страх перед темнотой и наделял что-то неизвестное, таинственное, злое черным (темным) цветом. Этот страх перед неведомым остался в сознании субъекта на генетическом уровне. Другие ФЕ объясняются результатами либо перцептивной деятельности человеческого организма, либо отрицательного опыта, накопленного человечеством.

Таким образом, наше исследование продемонстрировало, что, несмотря на наличие приятных ассоциаций с черным цветом: *маленькое черное платье* (с легкой руки Коко Шанель), *черная икра*, *черный Мерседес* как символы роскоши, число примеров, где цветовой компонент *noir* несет в себе ярко выраженную тенденцию к пейоративной окраске несопоставимо больше.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дадье Б. Люди между двумя языками // Иностранный язык? 1968. – № 4.
2. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. – 6-е изд., стереотип. – М.: Русский язык – Медиа, 2005.
3. Кургузенкова Ж.В., Кривошлыкова Л.В. Лингвоцветовая картина мира представителей английской и французской национальных культур (на примере ФЕ с компонентом «белый») // Вестник РУДН Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». – М., 2014. – № 1. С. 83 – 87.
4. Попова А.А. Особенности восприятия черного и белого цвета в английской фразеологической картине мира. Материалы III Междуна-

родной научной конференции «Межкультурная коммуникация в современном обществе», Саранск, 16.11.2012. – Саранск: Язык. Культура. Общество, Выпуск 4, 2012.

5. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 8 – 69.

6. Cazelles N. Comparisons of French. – Paris: Belin, 1996. – P. 49-52.

7. Duneton C. Bouquet of French Sayings. – Paris, 1990.

8. Rey A. Dictionary of Idioms and Set Expressions. – Paris, 2002.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВТОРИЧНЫХ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В АНГЛИЙСКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

О.А. Кудря

*Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6а, Москва, Россия, 117198*

В статье рассматривается семантика вторичных цветообозначений, зафиксированных в толковых словарях английского и украинского языков. Автор анализирует тематические группы вторичных цветообозначений, мотивированных названиями объектов-эталонов в исследуемых языках.

Ключевые слова: вторичное цветообозначение (ЦО), объект-эталон.

THEMATIC ORGANIZATION OF COLOUR TERMS IN ENGLISH AND UKRAINIAN

O. A. Kudria

*Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198*

The article deals with the semantics of secondary colour terms fixed in English and Ukrainian dictionaries. The author studies thematic groups of

secondary colour terms motivated by the object-model names in both languages.

Key words: semantics, secondary colour terms, object-model.

На современном этапе развития лингвистики значительное внимание уделяется изучению различных лексических групп. Цветообозначения (далее – ЦО) как часть лексической системы английского и украинского языков традиционно считаются чётко очерченной, относительно закрытой группой слов, которые выделяются по структурно-грамматическим и лексико-семантическим принципам [4]. Однако при описании ЦО в английском и украинском языках большое внимание уделяется именно базовым названиям цвета [1; 5], тогда как вторичные ЦО, за счёт которых существенно расширяется состав исследуемых единиц двух языков, остаются недостаточно изученными. В этой связи важно установить и проанализировать тематические типы вторичных ЦО в двух сопоставляемых языках, отобранные методом сплошной выборки из английских [7] и украинских [6] толковых словарей.

Под вторичными ЦО понимаются производные прилагательные и существительные, которые получили вторичную цветовую семантику от основного нецветового значения производящего слова. Например: англ. *gold* (adj) ‘золотой’, *gold* (n) – ‘цвет золота’; укр. *буряковий* (прил.), *кармазин* (сущ.). Такие лексемы являются мотивированными с точки зрения ассоциативных связей [1; 2; 3]. В рамках общего корпуса вторичных ЦО в английском (245 единиц) и украинском языках (213 единиц) можно выделить тематические группы по типам объектов, наименования которых положены в основу вторичной номинации. Подобные попытки были сделаны А.П. Василевичем, который выделяет девять групп названий предметов, используемых для образования русских ЦО: 1) неживая природа; 2) флора; 3) цветы; 4) фауна; 5) плоды, ягоды, овощи; 6) продукты питания; 7) металлы и ценные камни; 8) артефакты; 9) имена собственные [2, с. 187]. Данная классификация удачно отражает тематическую организацию русских вторичных ЦО и может быть положена в основу аналогичных исследований для других языков. Тем не менее, полагаем, что корректировке могут быть подвержены только группы флора и цветы: их

целесообразно объединить в одну группу, поскольку ведь цветы относятся к растительному миру.

В свою очередь, С.В. Мичугина, исследуя вторичные английские имена цвета, предлагает их тематическую классификацию по названиям объектов, от которых образованы данные единицы: 1) объекты живой и неживой природы, 2) артефакты. Под объектами живой природы понимаются разные виды домашних и диких животных, птиц, насекомых. К объектам неживой природы автор относит разные естественные объекты (снег, небо, пепел), дикорастущие и культурные растения и их плоды, естественные минералы, драгоценные камни, металлы. К артефактам относятся разные предметы и объекты, созданные человеком в результате его деятельности [5, с. 99-100].

Изучая вторичные имена цвета в украинском языке, И.М. Бабий обращает внимание на тот факт, что «семантика цвета настолько многогранна, что втягивает в своё микрополе разные предметы и явления природы» [1, с. 32]. Исследователь отмечает, что вторичные имена цвета возникают по цветовой схожести с растениями, плодами кустов, деревьев (укр. *волосковий*), с явлениями природы (укр. *вогняний*), с животным миром (укр. *мишастий*), с минералами, металлами, полезными ископаемыми (укр. *рубіновий*), с веществами и продуктами питания (укр. *шоколадний*) и т.п. [1, с. 32]. Представляется, что данная классификация имеет некоторые неточности, так как ЦО *зозулястий*, *мишастий* не являются вторичными, а лишь производными единицами с первичным цветовым значением.

Таким образом, разнообразие названий объектов, служащих основой для образования вторичных ЦО в английском и украинском языках, может отличаться в зависимости от анализируемого списка этих единиц. Отличается и количественный подсчёт вторичных ЦО, сделанный разными исследователями. Наличие вторичного цветового значения хотя бы в одном из использованных в исследовании словарей мы считаем достаточным для регистрации данной единицы как вторичного ЦО в нашей выборке.

Учитывая представленные выше классификации ЦО, образованных от названий объектов, и опираясь на результаты собственного исследования, предлагаем отобранные нами вторичные

ЦО английского и украинского языков объединить в 11 тематических групп (см. табл. 1).

**Тематические группы вторичных ЦО,
мотивированных названиями объектов-эталонов**

Таблица 1

П/п	Вторичные ЦО, мотивированные названиями	Количество (%)		Примеры	
		Англ.	Укр.	Англ.	Укр.
1.	растений или их частей	52 (21,2 %)	29 (13,6 %)	<i>heliotrope</i> 'гелиотроповый'	маковий
2.	овощей, фруктов, ягод и других плодов	39 (16 %)	39 (18,3 %)	<i>walnut</i> ореховый	калиновий
3.	предметов и явлений природы	34 (13,9 %)	30 (14,1 %)	<i>sunny</i> 'солнечный'	сніговий
4.	еды и напитков	26 (10,6 %)	12 (5,6 %)	<i>mustard</i> 'горчичный'	молочний
5.	красителей и минеральных красок	20 (8,2 %)	28 (13,2 %)	<i>henna</i> 'цвета хны'	кіноварний
6.	минералов и драгоценных камней	18 (7,3 %)	30 (14,1 %)	<i>opal</i> 'опаловый'	малахітовий
7.	объектов фауны	16 (6,5 %)	3 (1,4 %)	<i>foxy</i> 'цвета меха лисы'	тигрівий
8.	горных пород и строительных материалов	14 (5,7 %)	15 (7 %)	<i>charcoal</i> 'угольный'	антрацитовий
9.	металлов	13 (5,3 %)	17 (8 %)	<i>leaden</i> 'свинцовый'	стальний
10.	тканей	9 (3,7 %)	7 (3,3 %)	<i>calico</i> 'цвета ситца'	кармазиновий
11.	частей тела, органов, элементов внешности человека	4 (1,6 %)	3 (1,4 %)	<i>flesh</i> 'телесный'	кревавий
Всего:		245 (100 %)	213 (100 %)		

Первая группа охватывает вторичные ЦО, образованные от названий **растений или их частей** (англ. *bamboo* ‘бамбукового цвета’, *straw* ‘соломенный’; укр. *барвінковий*, *маковий* и т.п.). Вторичные ЦО данного типа наиболее представлены в английском языке (21,2 %) и являются третьими по количеству в украинском языке (14,1 %). Чаще всего семантика таких ЦО основана на цвете цветка растения, от которого образовано то или иное вторичное ЦО (типа *lilac*, *лілейний*). Реже цветовое значение лексем анализируемой группы основано на цвете листьев или стебля растений (типа *bamboo*, *салатний*).

Ко второй группе принадлежат вторичные ЦО, образованные от имён существительных, называющих **овощи, фрукты, ягоды и другие плоды** (англ. *acorn* ‘цвета жёлудя’, *carrot* ‘морковный’; укр. *абрикосовий*, *фісташковий* и т.п.). Количественно вторичные ЦО данной группы равномерно представлены в двух языках (по 39 лексем), однако в процентном соотношении доминируют в украинском языке. Группа вторичных ЦО, образованных от названий овощей, фруктов, ягод и других плодов, является наиболее многочисленной в украинском языке (18,3 %) и второй по количественному составу в английском языке (16 %).

Третья группа содержит вторичные ЦО, образованные от названий разных **предметов и явлений природы** (англ. *ashen* ‘пепельный’, *snowy* ‘снежный’; укр. *болотяний*, *землистий* и т.п.). По количеству эта группа занимает второе место в украинском (30 лексем – 14,1 %) и третье в английском языке (34 лексемы – 13,9 %) и является приблизительно одинаково представленной в двух языках.

Четвертая группа выражена вторичными ЦО, образованными от названий **еды и напитков** (англ. *caramel* ‘карамельный’, *cocoa* ‘цвета какао’; укр. *гірчичний*, *шоколадний* и т.п.). В английском языке вторичные ЦО, образованные от названий еды и напитков, количественно в два раза превышают ЦО данной группы в украинском языке (10,6 % и 5,6 % соответственно).

К пятой группе относятся вторичные ЦО, образованные от названий **красителей и минеральных красок** (англ. *alizarin* ‘ализариновый’, *indigo* ‘индиго’; укр. *охровий*, *цинобра* и т.п.). По количественному критерию группа вторичных ЦО, образованных от

данных наименований, занимает четвёртое в украинском (13,2 %) и пятое место в английском языке (8,2 %).

Шестая группа – вторичные ЦО, образованные от названий **минералов и драгоценных камней** (англ. *emerald* ‘изумрудный’, *ruby* ‘рубиновый’; укр. *агатовий*, *топазовий* и т.п.). Неоднозначным является вопрос о происхождении таких вторичных ЦО, как англ. *coral*, *pearl* / *pearly*, укр. *кораловий* / *коралевий*, *перловый* / *перлинний*. На первый взгляд не совсем ясно, что именно могло стать основой для цветового значения этих лексем – морские животные или моллюски (в этом случае такие единицы следует отнести к группе вторичных ЦО, образованных от названий **фауны**), или же ценные камни, образованные этими морскими организмами. Согласно данным словарных источников, цветовая семантика этих вторичных ЦО основана на цвете конечного продукта. Поэтому считаем уместным отнести такие лексемы к группе вторичных ЦО, образованных от названий **минералов и драгоценных камней**. Количественно данная группа отличается от предыдущей на две лексемы в каждом из исследуемых языков, и насчитывает 18 лексем (7,3 %) в английском и 30 единиц (14,1 %) в украинском языке.

Седьмая группа – вторичные ЦО, образованные от названий **объектов фауны** (англ. *beaver* ‘цвета бобрового меха’, *camel* ‘цвета кожи верблюда’; укр. *воронів*, *лососевий* и т.п.). Данная группа представлена в украинском языке лишь тремя единицами ЦО (1,4%), однако она является достаточно многочисленной в английском языке – 16 единиц (6,5 %). Чаще всего цветовая семантика английских вторичных ЦО этой группы основана на цвете меха, кожи или перьев представителей фауны.

К восьмой группе относятся вторичные ЦО, образованные от существительных, называющих **горные породы и строительные материалы** (англ. *brick* ‘кирпичный’, *stone* ‘цвета камней, серый’; укр. *вугляний*, *крейдяний* и т.п.). Количественное соотношение английских и украинских вторичных ЦО восьмой семантической группы почти одинаковое: 14 английских (5,7%), 15 украинских (7 %) единиц.

Девятая группа – вторичные ЦО, образованные от названий **металлов** (англ. *aluminium* ‘алюминиевого цвета’, *copper* ‘мед-

ный'; укр. бронзовый, сталевий и т.п) представлена 13 английскими (5,3 %) и 17 украинскими (8 %) лексемами.

Десятую группу составляют вторичные ЦО, образованные от названий **тканей**, включая кожу и одежду (англ. *calico* ' ситцевого цвета', *chamois* 'цвета замши, жёлто-коричневый'; укр. кармазиновый, кумачевий и т.п.). Эта группа вторичных ЦО является малочисленной в двух анализируемых языках и насчитывает по 9 (3,7 %) и 7 (3,3 %) лексем в английском и украинском языках соответственно.

Вторичные ЦО, образованные от названий **частей тела, органов и элементов внешности человека**, относятся к одиннадцатой группе. Она наименее малочисленная в двух исследуемых языках (англ. *bloody* 'кровавый', *blush* 'румяный', *flesh* 'телесный'; укр. кривавий, рум'яний, тілесний).

Среди английских вторичных ЦО зафиксированы лексемы, которые на первый взгляд не принадлежат ни к одной из выделенных нами групп: *Aztec* 'желтовато-коричневый цвет', *cadet* 'серовато-синий цвет', *cherub* 'желтовато-розовый цвет'. Достаточно сложно определить, что послужило основой для образования вторичной цветовой семантики данных ЦО. Так, лексема *Aztec* имеет в качестве основного значения наименование индейского племени, народа, в качестве производных значений – языка этого народа и цвета [7, с. 155]. Вероятно, основой для вторичной цветовой номинации стал цвет кожи представителей этого племени, поэтому английское вторичное ЦО *aztec* относим к одиннадцатой группе – вторичные ЦО, образованные от названий **частей тела, органов и элементов внешности человека**. Что касается ЦО *cadet*, то его цветовая семантика могла возникнуть от цвета формы курсантов военного училища типа лексемы *cardinal*, образованной от цвета мантии кардинала [7, с. 337], поэтому лексему *cadet* целесообразно включить в группу вторичных ЦО, образованных от названий **ткани**. В свою очередь, ЦО *cherub* возникло от названия ангельской внешности ребёнка, а именно от розового цвета его кожи [7, с. 385]. Таким образом, данное имя цвета можно отнести к семантической группе вторичных ЦО, образованных от названий **частей тела, органов и элементов внешности человека**.

Далее, вторичные ЦО типа *prune* 'цвет сушёных слив', *mustard* 'горчичный', *coffee* 'кофейный', с одной стороны, проис-

ходят от названий растений, но с другой – их цветовое значение ассоциируется с конечным продуктом, то есть с едой или напитками, изготовленными или полученными из этих растений. Поэтому подобные ЦО мы отнесли к восьмой группе – вторичные ЦО, образованные от названий **еды, напитков**. К этой же группе относим и ЦО *liver*, так как вторичное цветовое значение данная лексема получила не от печени как органа, а от блюда, изготовленного из печени животных. Подобным принципом мы руководствовались и при включении ЦО в четвертую семантическую группу – вторичные ЦО, образованные от названий **красителей и минеральных красок**.

Отметим, что у простых по структуре вторичных ЦО английского и украинского языков ассоциативный объект, положенный в основу наименования, не конкретизируется дополнительным элементом, объясняющим имя цвета (как, например, у сложных вторичных ЦО). Несмотря на ярко выраженную предметную отнесенность, такие вторичные ЦО часто не имеют чёткой ассоциативной связи с конкретным цветовым образом. Так, например, английское вторичное ЦО *buff* может означать ‘pale yellow-brown’/‘бледно-жёлто-коричневый’, ‘a dull yellowish colour/ ‘тускло-жёлтый’, ‘a light to moderate yellow’/‘бледновато-жёлтый’. Украинское вторичное ЦО *коралловий* может обозначать ‘ярко-оранжевый’, ‘розовый’ или даже ‘белый’ (в соответствии с цветом камня коралла). Чаще всего «ассоциативную свободу» имеют вторичные ЦО, образованные от названий **драгоценных камней, плодов, металлов, фауны, еды**.

При сравнении состава семантических групп вторичных ЦО английского и украинского языков целесообразно учитывать их частеречную принадлежность. Так, вторичные ЦО-существительные и ЦО-прилагательные английского языка и вторичные ЦО-прилагательные украинского языка представлены во всех семантических группах. Что касается украинских вторичных ЦО-существительных, то, в отличие от английского языка, они не отражены во второй, четвертой, седьмой и восьмой семантических группах ЦО. По одной лексеме ЦО-существительные украинского языка представлены в первой (*амарант*), третьей (*янтар*), шестой (*аквамарин*), девятой (*бронза*) и десятой (*кармазин*) группах. И только группа вторичных ЦО, образованных от названий **краси-**

телей и минеральных красок, насчитывает 9 украинских ЦО-существительных: *вогра, індиго, кармін, кіновар, охра, пурпур, сепія, умбра, цинобра*.

Не все английские вторичные ЦО имеют эквивалентную лексему в украинском языке. Так, например, для ЦО *raspberry, fuchsia, buff, fawn, foxy* нет украинских соответствий среди одноосновных вторичных ЦО. Результатом этого является большее количество английских имён цвета в шести семантических группах анализируемых лексем (см. табл. 1).

Таким образом, общий корпус вторичных ЦО-существительных и ЦО-прилагательных в английском (245 лексем) и украинском (213 лексем) языках делится по типу мотивирующего объекта на одиннадцать тематических групп. Изоморфным является многообразие названий объектов, с которыми ассоциируют вторичные имена цвета носители английского и украинского языков. В то же время украинцы меньше используют для образования вторичных ЦО названия растений и их частей, еды и напитков; практически отсутствуют вторичные ЦО, образованные от названий фауны. Можно предположить, что выборка из других словарей может дать несколько отличные количественные результаты. Однако, как показывает не только наш материал исследования, но и других лингвистов, возможное варьирование количественных показателей английских и украинских анализируемых единиц в зависимости от выбора лексикографических источников принципиально не влияет на общее распределение вторичных ЦО по предложенным тематическим группам в исследуемых языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабій І. Вторинна номінація кольору в художній картині світу // Мовознавчий вісник: зб. наук. праць / Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького [відп. редактор Г. І. Мартинова]. – Черкаси, 2010. – Вип. 11. – С. 31–34.
2. Василевич А.П. Цвет и названия цвета в русском языке / А.П. Василевич, С.Н. Кузнецова, С.С. Мищенко. – М.: КомКнига, 2005.
3. Герасименко И.А. Семантика русских цветообозначений: моногр. / И.А. Герасименко. – Горловка: Изд-во ГГПИИЯ, 2010.
4. Кулько О.И. Колоративы и обозначения цвета в рекламе / О.И. Кулько // Русская и сопоставительная филология: состояние и пер-

спективы: труды и материалы междунар. науч. конф. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – С. 224–225.

5. Мичугина С.В. Денотативное пространство прилагательных цвета в английском языке : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / С.В. Мичугина. – М., 2005.

6. Словник української мови: в 11 т. / АН УРСР [під ред. Білодіда І. К.]. – К.: Наукова думка, 1970–1980.

7. Webster's Third New International Dictionary of the English Language Unabridged. – Springfield : Merriam-Webster inc. Publishers, 1981.

КИТАЙСКИЕ СМИ: ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Т.Н. Лобанова

*Тихоокеанский государственный университет
ул. Тихоокеанская, 136, Хабаровск, Россия, 680035*

В статье характеризуются СМИ КНР как инструменты политического дискурса КНР. Целью статьи является выяснение того, что представляет собой политический дискурс СМИ КНР как лингвосемиотическая система. Область исследовательского интереса лежит в плоскости медийной межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: китайские СМИ, зарубежная политическая лингвистика, критический дискурс-анализ.

CHINESE MEDIA: LINGUOSEMIOTIC ASPECTS OF POLITICAL DISCOURSE

T.N. Lobanova

*Pacific National University
Tikhookeanskaya str., 136, Khabarovsk, Russia, 680035*

The topic of the interaction of language and politics is particularly acute in the period of globalization and intensive information exchange. The research deals with the problems of how Chinese newspapers and other mass-

media sources cover China's position on different subjects as well as the language the journalists used as a means to create image.

Keywords: Chinese media, foreign political linguistics, critical discourse analysis (CDA).

Одним из инструментов реализации стратегической коммуникации в КНР [10] выступают «новые СМИ» КНР: они отражают динамичный национально-самобытный симбиоз старого и нового, местного и заимствованного в организационных формах и методах воздействия на массовое общественное сознание. Политика и борьба за ресурсы тесно связаны со СМИ. Изучение языка СМИ невозможно в отрыве от политических событий, политической коммуникации, к которой также относят язык СМИ. В последние годы средства массовой коммуникации: телевидение, пресса, интернет, социальные сети все в большей степени оказывают свое влияние на значительные массы населения всех стран мира, формируя общественное мнение и отношение к тем или иным событиям. Одним из способов деструктивного применения новых информационных технологий является военная информационно-коммуникативная операция. Череда военных столкновений на рубеже третьего тысячелетия, в которых активно применялись указанные технологии (Югославия, Афганистан, Сирия и др.), со всей очевидностью показала, что использование интернета и нарождающихся СМИ меняют характер, скорость и содержание (и даже направленность, меняя местами агрессора и защитника) социальных, в том числе политических и военных процессов, вооруженной борьбы, все активнее смешая их в сторону неконтактных методов ведения, «предварительного» решения исхода боевых действий в пользу более сильного в информационном и экономическом отношении противника. Тотальной войной является война посредством информации. Ее незаметно ведут электронные средства коммуникации – это постоянная и жестокая война, в ней участвуют буквально все [7]: лингвосемиотическая система СМИ становится экономическим и политическим фактором внутригосударственных и международных отношений.

Лингвисты исследуют язык СМИ и журналистские тексты в русле прикладной лингвистики с применением методологии лингвистической экспертизы текста, методов дискурсивного анализа

[12], т.к. дискурсивные миры творятся при помощи языка, методологии лингвосоциокультурного анализа журналистских текстов [3]. Как правило, исследования языка СМИ и журналистских текстов проводятся в перспективе дискурс-анализа. Дискурсивное направление представлено двумя вариантами: критический дискурс-анализ (сокращенно КДА) и дескриптивный дискурс-анализ [4]. Задачей КДА является выявление примеров взаимного влияния языка и социального устройства. Важным аспектом выступает критический взгляд на социальные явления, выраженные политической установкой. Детальное изучение текстов помогает выявить имплицитно выраженные бессознательные установки коммуникантов и на этой основе показать результаты воздействия дискурса на восприятие информации» [4, с. 55-56]. «Внимание специалистов по критическому дискурс-анализу особенно привлекают отрицательные образы «чужих» как представителей иных рас, этносов и культур. Под «чужими» подразумеваются как другие geopolитические субъекты, так и международные отношения» [4, с. 57]. Ведущими представителями КДА являются Норман Фэрклough (Norman Fairclough), Рут Водак (Ruth Wodak), Тьюн А. ван Дейк (Teun A. Van Dijk) и др.

Принципиальной особенностью понятия дискурса в целом, и политического в частности, состоит, по мнению ученых-лингвистов, в том, что «при всей важности языковых аспектов политики она не сводится только к речевым актам. В политике очень много всякого рода действий, насыщенных символикой, смыслом. Это и манифестации и дебаты, и процедуры и церемонии. Все они построены на определенных знаках. Эти знаки используются сознательно и систематически. Одной из лингвосемиотических категорий политического дискурса является его символичность, обеспечивая символический характер власти [9]. «...Дискурс охватывает всю символическую деятельность политиков и граждан» [11, с. 74].

В семиотическом плане политический дискурсreprезентирован в языке и речи системой знаков, которая способствует расчитанной реализации намерений субъектов политики (посредством журналистов) по достижению политических целей и является эффективным способом коммуникативного воздействия (вербаль-

ного, невербального и вербально-невербального) на широкую аудиторию [5].

Профессиональная семиотическая компетенция журналиста или автора медийного текста включает **языковую** (в сфере родного языка), что проявляется в том, что он должен пользоваться всем спектром номинативно-экспрессивных средств, вербальных и невербальных, должен заранее знать, какими способами будут строить послание целевой аудитории, с помощью какой – традиционной или нестандартной – аргументации, образности, композиции, жанровой формы наиболее результативно подать материал. Тезис о «власти дискурса» актуален для дискурса СМИ: «речь идет о возможности и условии для воспроизведения – многократного тиражирования в форме различного типа текстов некой идеологии» [12, с. 145].

Развитие новых медиа ведет к тому, что все больший объем информации мы получаем через образы и все чаще думаем при их посредстве. Иерогlyphический характер китайской письменности сдерживает выработку простых терминов и способствует развитию у китайцев мышления в облеченные в образы представления. «Изложение каких-то доктрин в понятиях, наподобие классической немецкой философии, у китайцев отсутствует» [6, с. 259]. Изобразительные иероглифы при высокой степени абстракции дают бесконечную смысловую перспективу.

В рамках китайского политического дискурса символы власти представлены как вербально, так и невербально.

Специфической особенностью политического дискурса в КНР является идеология построения социализма с китайской спецификой 中国特色社会主义 «чжунго тэсэ шэхуйчжуи». Эта идеологема появилась не сразу после провозглашения образования КНР в 1949 году. Данная инновационная идеологема является результатом многолетнего движения КНР по пути строительства нового Китая [1]. Сегодня в политическом дискурсе Китая происходит стыковка слов-идеологем 社会主义 «шэхуйчжуи» (социализм) и 小康 «сяокан» (среднезажиточное общество).

Лингвосемиотическая категория политического дискурса характеризуется своей ритуальностью. Так, в рамках китайского политического дискурса на вербально-невербальном уровне это

можно проследить на примере новогодних обращений Председателя КНР к народу. Жанр «Новогоднее обращение» относится к президентской риторике, потому что произносится исключительно первым лицом державы и, по сути, является ритуальным актом поздравления, подчиненным правилам создания поздравительных текстов. Отрывок переводного текста новогоднего поздравления Ху Цзиньтао в 2013 году выглядит следующим образом (здесь и далее перевод – Т. Н. Лобанова):

В 2013 году правительство Китая и его народ будут высоко держать великое знамя социализма с китайской спецификой, претворять в жизнь концепцию научного развития, сделав его лейтмотивом, а трансформацию моделей экономического развития основной задачей в строительстве общества. Мы будем рассматривать последовательное продвижение вперед как основной принцип дальнейшей работы, стремиться к углублению политики реформ и открытости и осуществлению социалистической модернизации. Мы готовы сделать первые шаги к достижению целей, утвержденных на 18-м съезде КПК. Мы будем следовать принципам «Одно государство – два строя» и «Сянганом управляют сянгацы, а Аомэнем – аомэньцы» в условиях высокой степени автономии». Углубляя обмены и сотрудничество с соотечественниками, мы будем стремиться к обеспечению долгосрочного процветания и стабильности в Сянгане и Аомэне. Мы будем содействовать миру и развитию отношений между берегами Тайваньского пролива, стараясь сделать все на благо соотечественников обоих берегов и защиты коренных интересов китайской нации.

Так, в речи китайского политического лидера Ху Цзиньтао языком фиксируются, закрепляются идеологемы общественно-политического устройства КНР и рождаются инновационные идеологемы. Из текста обращения видно, что политик в общении с «внутренней аудиторией» – китайским народом, апеллирует к истории, устоявшимся лозунгам, национальным ценностям, традициям, обеспечивая достоинство и величие нации. Китайский политический дискурс задействует весь потенциал лингвистических ресурсов данного языка. Эта особенность требует специального рассмотрения, так как может приводить к ошибочному истолкованию иероглифических форм китайских слов или к сознательному

искажению их значения в целях достижения определённых результатов воздействия на аудиторию. «В терминах политической науки возможно описать явление, которое хорошо известно китаеведам, но далеко не очевидно политологам. А именно то, что создаваемые для китайцев современные политические тексты КНР не всегда совпадают в лексическом и смысловом плане со своими переводами [2].

Политический дискурс СМИ КНР представляет собой тип институционального сложного многофункционального образования, содержание которого раскрывается интертекстуально, в комплексном взаимодействии многих отдельных текстов. Для китайского политического дискурса СМИ характерны интертекстуальность и интердискурсивность. Под интердискурсивностью в КДА понимается внутренняя неоднородность текста, являющаяся результатом особой стилистики, жанра или дискурсивной практики» [13, с. 218]. Медиа-дискурс в руках политиков выступает мощным ресурсом, используемым для формирования общественного мнения, для завоевания поддержки населения. Важным условием достижения политического успеха является продуманность выбора языка общения с массовой аудиторией посредством СМИ. Увеличение роли языка в общественной жизни приводит к повышению уровня сознательного вмешательства в языковые практики с помощью особых технологий. Данный процесс Фэркло обозначил термином «технологизация дискурса» [14, с. 225.]. Российские авторы указывают на информационные войны (ИВ) и военные информационно-коммуникативные операции (ВИКО): «социальное пространство современного общества все более обретает свойства коммуницируемости, что в практическом плане открывает с одной стороны все новые информационные возможности для человека, но с другой создает все более изощренные механизмы информационно-деструктивного воздействия, к числу которых относятся и военные информационно-коммуникативные операции» [7, с. 225]. Важное место в реализации ВИКО занимают *информационно-коммуникативные технологии*, применяющиеся в военном деле. Выделяют следующие информационно-коммуникативные технологии: фабрикацию фактов, манипулятивную семантику, упрощение, стереотипизацию и др.

Обратимся к примерам. В первом случае речь пойдет об особенностях политического дискурса между РФ и КНР по поводу дальнейшего сотрудничества на примере анализа статьи “设立国家安全委员会正当其时” (《人民日报》, 2013-11-14)

«Создание Совета государственной безопасности является своевременным решением». В издании переводной текст предложен следующим вариантом: *своевременным представляется учреждение Китаем Совета государственной безопасности. Вызовы эпохи стали важной причиной создания этого органа. С возвращением США в АТР, появлением территориальных споров вокруг архипелага Дяоюйдао, а также в зоне Южно-Китайского моря, ситуация с безопасностью вокруг КНР стала напряженной.* Вместе с тем, опубликованные ранее сообщения о кибератаках США на Китай и их контроле информации также свидетельствуют о важности сетевой и информационной безопасности. Кроме того, борьба с терроризмом и другие вопросы, касающиеся государственной безопасности страны, дали толчок созданию Совета государственной безопасности. <...>. Выделенный абзац в переведном тексте не соответствует стилистическим нормам русского языка. Адекватный перевод выглядит следующим образом: «*С появлением США в АТР обострились территориальные конфликты вокруг архипелага Дяоюйдао, а также в зоне Южно-Китайского моря, и в целом ситуация с безопасностью вокруг КНР стала напряженной.*».

Разберем еще один примечательный случай. Обратимся к статье “社科院蓝皮书：中俄恢复同盟关系可能性小” (《人民日报》, 2014-03-17) «*Синяя книга: вероятность восстановления союзнических связей между КНР и РФ невелика».*

Русский текст в издании выглядит следующим образом: *В ответ на давление США Китай и Россия будут углублять стратегическое взаимное доверие, однако вероятность восстановления союзнических связей невелика, говорится в Синей книге «Доклад о развитии АТР», опубликованной 26 декабря Институтом азиатско-тихоокеанской и мировой стратегии Академии общественных наук Китая.*

Правильнее было бы перевести «*как говорится в «Докладе о развитии АТР» в официальном сборнике документов КНР «Синяя книга» и Институтом глобальных и азиатско-тихоокеанских стратегических исследований Академии общественных наук Китая.*

Далее по предложенному тексту: *<...> Согласно Синей книге, несмотря на то, что в последние годы Россия заметно опирается на Шанхайскую Организацию сотрудничества, пытается вместе с Китаем превратить ШОС в эффективный инструмент по балансированию сил США в Центральной Азии, РФ постоянно рассматривает Центральную Азию в качестве своей «сферы влияния», поэтому Москва придает огромное значение расширению экономического воздействия Китая в регионе. <...>. В связи с этим, Россия постоянно придерживается пассивной позиции по вопросу усиления сотрудничества в торговой и экономической сферах. В будущем, в случае расширения влияния в западных районах в целях стабилизации ситуации, Китаю в обязательном порядке следует учитывать интересы и озабоченность Москвы. <...>*

Сравнительный анализ общего и отличного в политическом смысле «момента» в китайском и переведенном тексте позволило выделить следующее: 消极态度 *пассивная позиция*, безразличное отношение, выражения, несущие «большой заряд» информации для китайского читателя. Эта, так называемая «пассивная позиция» в китайском традиционном дискурсе означает нечто, совершенно не российскому читателю. В противостоянии китайцы занимают пассивную позицию, выигрывая от столкновения двух противоборствующих сторон.

Таким образом, методики дискурсивного анализа, затрагивающие уровень отдельного текста и уровень глубинного макро-семантического анализа позволяют обнаруживать конструируемые китайскими журналистами дискурсивные миры. Анализ языкового материала показывает, что некоторая часть того, о чем говорят китайские журналисты, не будет «слышна» в России: чисто китайские явления обуславливают лексическую лакунарность. При переводе неизбежны замены на лексические единицы, более

понятные в иной культуре. Интердискурсивность китайского текста затрудняет адекватную межгосударственную коммуникацию: семантические уровни чисто китайских «моментов», как правило, в переводе не объясняются и не сохраняются.

Рассмотрение в методологическом ключе КДА современных текстов СМИ КНР должно способствовать преодолению довольно серьезного разрыва, существующего между современным китайским политическим текстом и его русскоязычным вариантом перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексахин А. Н. Преемственность и инновации в современном политическом дискурсе КНР. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.risa.ru/images/8theses/s13-aleksakhin.docx> (дата обращения 24.05.2014).
2. Берзиня У.А. Традиционный китайский дискурс в современном политическом дискурсе КНР (постановка проблемы). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.synologia.ru/a/Традиционный_китайский_дискурс_\(дата_обращения:_18.03.2014\)](http://www.synologia.ru/a/Традиционный_китайский_дискурс_(дата_обращения:_18.03.2014)).
3. Богуславская В.В. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция. Анализ журналистских текстов. – М.: Изд-во ЛКИ, 2013. – 280 с.
4. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая лингвистика. – М.: Флинта, 2008.
5. Грейдина Н.Л. Семиотические аспекты политического дискурса // Университетские чтения - 2009: 12-13 января 2009 г.: (материалы науч.-метод. чтений ПГЛУ) / Отв. ред. З. А. Заврумов.– Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2009. – С.11-19.
6. Девятов А. П. Практическое китаеведение. Базовый учебник. – М. : Восточная книга, 2007.
7. Кафтан В.В., Щербина Д. Н. Военная информационно-коммуникативная операция в информационном пространстве современного общества // Пространство и Время. – 2013. – № 4 (14). – С. 224-230.
8. Лобанова Т. Н. «Новогоднее обращение» как жанр политического дискурса: политлингвистическое исследование (на материале выступлений Председателя КНР Ху Цзиньтая) // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. – № 2. – 2013. – С. 55-63.

9. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса. – М., 2007.
10. Пашенцев Е.Н. Стратегическая коммуникация Китая в Латинской Америке и ее интерпретация в США // Государственное управление. Электронный вестник. – 2013. – Вып. 36. – С. 80-98.
11. Савочкина А.А. К вопросу о методологии политического дискурс-анализа // Язык как структура и социальная практика / Под ред. Т.П. Карпухиной. – Хабаровск, 2012. – Вып. 11. – С. 72-78.
12. Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. – М.: ЛЕНАНД, 2014.
13. Fairclough N. Critical Discourse Analysis. London. 1995.
14. Fairclough Norman, Wodak Ruth. Critical Discourse Analysis // Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. Volume 2. Discourse as Social Interaction. London: Thousand Oaks. 1996. – p. 112-119.
15. 毕研韬, 王金玲煮. 战略传播纲要. – 北京 : 国家行政学院出版社, 2011. – 118 页。

**МЕРЦАТЕЛЬНЫЙ ЭФФЕКТ СОПРИСУТСТВИЯ
ЛИНЕЙНО РАСЧЛЕНЁННОЙ ЧАСТИ ОРФОГРАММЫ
ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО АМЕРИКАНСКОГО ШТАТА
В ЛЖЕКАРТОГРАФИЧЕСКИХ НАДПИСЯХ**

Т.Г. Матулевич

*Новосибирский государственный технический университет
пр. Карла Маркса, 20, Новосибирск, Россия, 630073*

Будучи плодом языковой игры, надписи на карте США в креолизованном тексте вызывают ассоциацию с именами собственными американских штатов. Эта их способность обуславливается в частности соприсутствием в них разновеликих сегментов, идентичных таковым орфограммам упомянутых топонимов.

Ключевые слова: ИСШ – имя собственное американского штата; ЛКН – лжекартографическая надпись, орфограмма, топоним, фрагмент.

SCINTILLATION EFFECT OF CO-PRESENCE OF A LINEARY SPLIT PART OF THE US STATE-NAME ORTHOGRAM IN MOCK AREAL LABELS

T.G. Matulevich

*Novosibirsk State Technical University
Karl Marx ave, 20, Novosibirsk, Russia, 630073*

The article looks at some of the mock areal labels on the map of the USA used in the polycode text on *The Economist* cover. Owing partly to the co-presence in them of segments identical to those in the US state-name orthograms they are able to generate an associative link with the above-mentioned toponyms.

Key words: US state name, mock areal label, orthogram, toponym, fragment.

Определение «лжекартографические» было дано изучаемым здесь надписям (сокращённо – ЛКН, также ‘образец’) не без причины. Оно мотивировано семиотической средой их функционирования – воспроизведённой в креолизованном тексте¹ на обложке британского еженедельника «Экономист» [14, с. 1] административно-территориальной картой США, показывающей лишь все 50 штатов; звукографическим сходством, омофонией или омографией ЛКН и используемых в картографии имён собственных американских штатов, а также других языковых знаков; размещённым над картой и обобщающим их вербальным компонентом креолизованного (поликодового) текста «State of the Union» – Состояние Союза².

В применении того верbalного компонента нетрудно уловить аллюзию. Он отсылает к прецедентному тексту «State of the Union address» [12, с. 1322] «‘О положении страны’, ежегодное послание президента Конгрессу США, в котором даётся оценка положения страны, определяются наиболее серьёзные проблемы

¹ Термин см. в работе [9, с. 180-181].

² Не сопровождающийся ссылкой на двуязычный словарь перевод везде мой. – T. M.

и задачи ...» [10, с. 481], ср. перевод «State of the Union message // послание о положении Союза (о положении в стране) ...» [1, с. 915]. Успешному выполнению аллюзии данным прецедентным текстом, употребляемым также в качестве названия доклада чиновника ЕС, пьесы, кинофильма и др., способствует фигурирующая в композиции фотография главы государства Б. Обамы. Номер газеты с указанным креолизованным текстом вышел сразу после обнародования очередного президентского послания.

Положение США в январе 2011 г., когда страна приходила в себя после преодолевшего свой пик в 2008 г. глобального финансово-экономического кризиса, по-прежнему внушало серьёзные опасения и повсеместно обсуждалось СМИ. Интерес к Посланию 2011 г. подогревался и тем, что хронологически оно пришлось на конец первой половины срока пребывания у кормила власти члена Демократической партии, сменившего на том посту республиканца. Временной рубеж побуждал обозревателей подводить итоги и выдвигать оценки. Знаменитая британская газета откликнулась публикацией, состоящей из вынесенного на обложку креолизованного текста и передовой статьи «The union's troubled state» [14, с. 9] «Растревоженное состояние союза» или даже «Грозовое / штормовое состояние союза». Её резюме завершается словосочетанием «America's problems», которое вместе с заглавием проясняет подразумеваемое авторами состояние.

Чрезвычайно разнородные, ЛКН тяготеют к двум полюсам принятости. Иные вмещают в себя узуальное слово, или во всех отношениях корректно построенное словосочетание, или эллиптическое предложение, или составное высказывание, иногда в не-нормативном (девиантном) начертании, напр.: «TAXES – НАЛОГИ» на месте TEXAS – Техас, «WASHEDUP³ – КОНЧЕНЫЙ, НЕ-НУЖНЫЙ» на месте WASHINGTON – Вашингтон, «TEN с. – ДЕСЯТЬ ц. (центов)» на месте TENNESSEE – Теннесси. Тогда наблюдается полная или частичная подмена канонической картографической надписиозвучной ей и графически более или менее похожей на неё общепринятой языковой единицей. Иные запечатле-

³ Британские словари регистрируют не слитное, а дефисное и раздельное написание использованного в ЛКН имени прилагательного: washed up, washed-up.

вают содержащее окказиональный коллокат словосочетание или подраждающее контаминанту⁴ новообразование. В последнем случае читающий имеет дело со сращением (стяжением, телескопией), проведённым (проведённой) с нарушением комбинаторики контаминируемых компонентов: KAN'TSAS < Kansas + can't, RISKONSIN < risk + Wisconsin. Независимо от происхождения все 50 ЛКН суть плод игры в переименование, преследующей цель деликатно выразить суждение на широко обсуждаемую актуальную тему. С их помощью газета доносит до читателя своё видение социально-экономического состояния страны.

Для сообщения этой информации были привлечены коды разных семиотических систем. На хорошо известное в мире картографическое изображение США журналисты в шутку нанесли новые названия, не лишенные преемственности с кодифицированными «старыми» и откликающиеся на современное положение дел в стране. Увязанная с корректным картографическим изображением под обобщающим вербальным компонентом, каждая ЛКН развивает отношения с по крайней мере двумя ассоциатами – языковыми знаками, предлагающими себя в качестве аттрактантов благодаря своему сходству с её материальной оболочкой. Один из них представляет собой имя собственное конкретного штата ('ИСШ', 'топоним', 'административный хороним', 'название'), второй – другой простой или составной знак (см. выше). Соприсутствие аттрактантов в ассоциативном ряду; лежащие перед глазами «картишка» конкретного площадного объекта с надписью; обобщающий вербальный компонент над картой в совокупности не только наводят на мысль о конкретной части страны, но и дают знать о ней нечто вразумительное. В результате происходит концептуализация денотата: образ определённого штата, идентифицируемого силами привязанной к определённому изображению ЛКН и отражаемого в сознании читающего, предстаёт в ореоле новых смыслов. Этот эффект обеспечивается двупланностью и даже трёхпланностью [7, с. 176-181] семантики ЛКН, отличающей последнее и от канонических надписей на картографическом произведении, и от других языковых единиц, сближаемых с ЛКН в данной

⁴ Контаминации в английском языке посвящены диссертации Н.А. Лавровой. См. [4].

языковой игре. Консолидации вышеупомянутых новых смыслов способствует, помимо вербального компонента «State of the Union», заголовочный комплекс передовой статьи (см. выше).

Эффект двупланности семантики достигается тонкой языковой игрой, основанной на умелом использовании средств параграфемики, звукографической оболочки простых и составных языковых знаков. Английский язык открывает тут большие возможности, ибо ему свойственны разнообразие графических соответствий фонем (фонографемограммы см. в работе [2, с.110 и сл.]) и другие особенности орфографии [там же, с. 7-8].

Отдавая должное самим ЛКН как источнику информации, нельзя недооценивать роль семиотической среды их функционирования в затеянной журналистами игре в переименование. Картографическое изображение, корректно показывающее первопорядковое административно-территориальное деление США, сuggестирует соответствие ему нанесённых на него надписей: очевидно, они должны запечатлевать принятые в картографии административные хоронимы, т. е. ИСШ. Иконический знак в виде административно-территориальной карты США вносит свой информационный вклад в процесс коммуникации тем, что сужает круг ожидаемых номинаций до определённого сегмента американского ономастикона. Звукографически каждая из 50 надписей в той или иной степени оправдывает это ожидание, вызывая в вербальной памяти того, кто её читает, знакомые конкретные названия единичных штатов. Они напрашиваются не беспочвенно, но на основе семиотической среды функционирования и индивидуальности самих надписей. Тут действует не произвольная догадка, а допущение, основанное на фоновом знании географической карты как информационного устройства: «потребитель знает к какому предмету он обращается и знает как с этим предметом он может поступать.» [5, с. 33] Он знает в частности, что всякая карта имеет своё название, что ей присуще отношение взаимного соответствия знаков различных семиотических систем – надписи и изображённого площадного объекта, находящихся в отношении смежности.

Чтобы выявить и описать применённые механизмы языковой игры, необходимо исследовать строение звукографической оболочки ЛКН. Целесообразно начать с детального рассмотрения их графического облика, т. к. именно он первым предстаёт перед

коммуникантом, диктует их артикуляционно-акустический облик, обеспечивая наряду с последним передачу, приём и переработку информации. Предъявленные в печати, 50 образцов языковой игры предназначены для визуального восприятия и обнаруживают уподобление и одновременно расподобление минимум двум языковым знакам. *Homo ludens* изобретательно использует потенциал инвентаря письма вплоть до идеограмм-разделителей (межсловного пробела, знаков препинания) и средств параграфемики. Поскольку плод острословия предстаёт в виде цепочки графем, на неё изначально и направляется внимание вступающего в коммуникацию лица.

Изучение механизма аттракции ЛКН и ИСШ, обусловленной сходством их графических обликов, привело к выявлению трёх групп ЛКН. Они дифференцируются в зависимости от количества в них фрагментов, идентичных таковым орфограммы ИСШ [6, с. 39-40]. В самую большую группу входят 32 надписи с только одним фрагментом, тождественным таковому орфограммы топонима. Первую из двух её подгрупп образуют 15 ЛКН, чьё сходство с орфограммой топонима сводится к наличию в них только одного подобного фрагмента. Графические основания их ассоциативной связи с ИСШ уже были предметом рассмотрения [там же, с. 41-49]. Настоящая работа обращается ко второй подгруппе первой группы надписей⁵. Туда входят те 17 экземпляров из 32, чьё сходство с орфограммой топонима не исчерпывается фрагментом (здесь также ‘сегментом’) протяжённостью от двух букв и выше, но обнаруживается ещё и в более мелких, однобуквенных частях. В линейной цепочке знаков письма, привязанной к изображению конкретного штата, разновеликие сегменты становятся «неправильно» (в сравнении с орфограммой ИСШ) контактными или чередуются с посторонними для той орфограммы графемами.

1.2. ЛКН содержит фрагмент из 2 или более букв, букв и неалфавитного знака письменности, идентичный таковому орфограммы ИСШ, и вне того фрагмента ещё одну, две или три отдельные (одиночные) буквы, идентичные таковым орфограммы цельнооформленного или сокращённого топонима, в правильной относительно фрагмента и друг друга (т. е. как в топониме) последова-

⁵ Отсюда цифры 1.2. в присвоенном подгруппе ниже индексе.

тельности⁶. Согласно фронтальной, срединной, концевой позиции фрагмента относящиеся сюда ЛКН подразделяются на три разновидности. Ниже рассматриваются надписи с фронтальным фрагментом.

1.2.1. Фрагмент является фронтальным в 7 образцах и насчитывает от 2 до 6 (от 33,3% до 75%) знаков орфограммы топнима. Лишь в надписях OHNO и PENNies

комбинация букв фрагмента тождественна таковой аббревиатуры: почтового сокращения «ОН» [11, с. 466] и ныне устаревшего точечного «Penn.» Лишь надпись UTARGGHН содержит сегменты, из которых складывается целая орфограмма УТАН. Графического материала остальных 16 для того недостаточно. Это количественное преобладание (16 и 6 против 1) оправдывает заглавие настоящей статьи, где для краткости говорится только о соприсутствии *части*, а не всего состава линейно расчленённой орфограммы.

Одиночная буква естественно оказывается позади фронтального фрагмента. Участвуя в обеспечении ассоциативной связи, она либо (а) следует сразу за фрагментом, чем нарушает правильную (как в орфограмме топонима) последовательность, либо (б) отделена от него одной, двумя, четырьмя другими буквами, обычно посторонними для орфограммы топонима. Первое встречается дважды. Аттрактантом, соприсутствующим имени собственному штата в ассоциативном ряду, тогда выступают узуальное слово и свободное словосочетание. Линейная расчленённость орфограммы ИСШ выглядит как результат выкидки из неё одной буквы. В разновидности (б) при перечислении сначала даны две ЛКН, вызывающие ассоциацию с топонимом, с составным высказыванием и с узуальным словом в девиантном начертании. Замыкают перечень три ЛКН, запечатлевая новообразования, полученные путём сращения топонима с appellativом, с другим топонимом, с междометием. Линейная расчленённость орфограммы ИСШ выглядит как результат замещения её собственных или вклинивания посторонних для неё графем.

⁶ В настоящей статье фрагменты подчёркнуты, а одиночные буквы напечатаны жирным шрифтом. В оригинале эти визуально воспринимаемые средства выделения не применяются.

Место расчленения выкидкой или замещением отмечено в стоящих за скобкой сегментах (см. далее) одним дефисом независимо от количества выкинутых, замещаемых или замещающих букв. Место расчленения вклиниванием, количество вклинившихся букв показаны там в них звёздочками. Замещение, добавление букв или буквы на правой оконечности орфограммы не отмечаются.⁷

(а) LOUSY (ВШИВЫЙ; ГРЯЗНЫЙ, ОТВРАТИТЕЛЬНЫЙ), ср. орфограмму LOUISIANA и её линейно расчленённую выкидкой часть LOU-S;

NEW YOKE (НОВОЕ ЯРМО / ИГО, НОВЫЙ ХОМУТ), ср. орфограмму NEW YORK и её линейно расчленённую выкидкой часть NEW YO-K;

(б) OHNO (ОНЕТ или ОГ/айевское, т. е. поступающее из Огайо/НЕТ. В выражении «Oh no!» междометие «oh¹ ... 2a. используется чтобы выразить эмоцию, такую как удивление, страх, разочарование.» [13, с. 984]), ср. орфограммы почтового сокращения OH, цельнооформленного названия OHIO и линейно расчленённую замещением часть его орфограммы OH-O;

PENNies (ПЕННИ – «penny ... 1a. в Соед. Королевстве мелкая монета достоинством в один пенни: ... кувшин полный старых пенни. 2 (множественное число pennies) в США или Канаде мелкая монета достоинством в один цент» [13, с. 1049]), ср. орфограммы устарелого точечного сокращения PENN., фамилии Penn отца основателя будущей Пенсильвании У. Пенна, цельнооформленного топонима PENNSYLVANIA и линейно расчленённую вклиниванием часть его орфограммы PENN**s;

⁷ В следующем далее перечне в скобках за ЛКН даётся перевод или / и пояснение. Вследствие отсутствия у надписей контекста речевой цепи нет возможности установить лексико-семантический вариант использованных в них многозначных слов, поэтому иногда приводится больше одного русскоязычного эквивалента лексемы. Знак + стоит между целыми использованными при сращении словами, представленными в ЛКН своими «осколками». За закрытой скобкой следуют настоящий топоним в картографически кодифицированной прописной орфографии и соприсутствующие в ЛКН сегменты его орфограммы с вышеуказанными условными знаками: дефисом и звёздочкой.

MISSERY (сращение MISSOURI+MISERY, где misery – страдание; горе; мучение), ср. орфограмму MISSOURI и её линейно расчленённую замещением часть MISS-R;

ALABANIA (сращение ALABAMA+ALBANIA, где Albania – название беднейшей страны Европы), ср. орфограмму ALABAMA и её линейно расчленённую замещением часть ALABA-A;

UTARGGHН (сращение UTAH+AARGH. «aargh /ɑ:/ междометие используется, зачастую шутливо, чтобы выразить сильное раздражение или шок ...» [13, с. 1], ср. орфограмму UTAH и исчерпывающие её сегменты ЛКН, линейно расчленённые вклиниванием: UTA****H.

Обращение с идеограммой-разделителем служит уподоблению лжекартографических надписей настоящим. Если в образце NEW YOKE на месте составного ИСШ межсловный пробел был сохранён, то в явно двухсловном образце OHNO на месте простого административного хоронима ОНЮ упомянутую идеограмму устрили. Раздельное или слитное написание добавляет искомого графического сходства. Свойственная почтовым сокращениям и картографическим орфограммам цельнооформленных ИСШ нулевая пунктуация также сближает члены сравниваемых здесь пар, надёжнее гарантируя их графически мотивированную ассоциативную связь.

В свою очередь, расподобление ЛКН и ИСШ обусловлено наличием в первой посторонних для орфограммы последнего букв, а в одном случае также средствами параграфемики. Надпись UTARGGHН с повтором букв, обычно выражющим эмфазу устной речи [15, с. 183], ассоциируется также с имитацией человеком невербальной вокализации – долгого собачьего рыка.

Начертание позволяет добиться большей выразительности надписи PENNies путём противопоставления двух её сегментов. Изменение размеров и рисунка шрифта в пределах равной одному ИСШ надписи несвойственно картам и расподобляет ЛКН и её ассоциат. Смешанная строчно-прописная орфография цельнооформленных и сокращённых топонимов принята в иных отраслях, но капитализация (использование заглавных букв) распространяется там лишь на инициал.

Перед суффиксом множественности -es буква у в орфограмме pennу заменяется буквой і по правилу словоизменения [2, с. 264]. Разграничение частей ЛКН изменением высоты и рисунка шрифта не совпадает ни с орфографическим слогоделением, ни с морфологическим швом данного апеллятива. Следовательно, сегменты не являются ни силлабографами – графическими соответствиями слов, ни морфографами – графическими соответствиями морфем (термины, определения В. И. Балинской [3, с. 62, 63]). Их дифференцированная подача не только не служит опознанию в ЛКН словесного знака pennies по идентичности его слогового или морфологического деления, но уводит от него. Разбиение ЛКН не отражает границу в нём между несущими лексическое и грамматическое значения морфемами, однако отделяет буквы, так или иначе связанные с выражением грамматического значения множественности, и снижает шанс неуместной ассоциации ЛКН с орфограммами паронима – обозначающего орган человеческого тела медицинского термина, чьи формы единственного и множественного числа оканчиваются на -nis и -nes.

В то же время выражается повышенная значимость, в рамках данной ЛКН, комбинации букв, ассоциирующейся с таковой аббревиатуры. Это достигается капитализацией и укрупнением шрифта фронтального фрагмента. Общеизвестно, что «Буквы большие по размеру используются для передачи более существенного и информативного содержания текста.» [8, с. 39], что капитализация может передавать громкость произнесения, особую важность (significance), др. [15, с. 182]. Благодаря данному ухищрению в надписи оказывается лучше видна комбинация букв, идентичная таковой сокращённого ИСШ и будто вложенная в орфограмму апеллятива. Смыслоразличительная способность фронтального фрагмента подкрепляется иконическим знаком в виде «картинки» штата, единством шрифта и малым финальным сегментом s – первой буквой во второй основе сложного ИСШ Pennsylvania. Значимость чередующейся буквы и суффикса, т. е. всего того, что имеет отношение к выражению множественности, понижается вместе со снижением высоты шрифта и переходом от заглавных букв к строчным. Значимость напечатанной крупно комбинации букв, а с нею и пропорциональная величине шрифта значимость присущего именам собственным смысла единичности, перевешивает значи-

мость смысла множественности. Выражение соотносительной ценности двух смыслов было достигнуто переключением кода параграфемики.

В 7 подвергнутых анализу надписях наглядно проступают расчленённые части орфограммы некоторых административных хоронимов. Заявив о себе своим фронтальным фрагментом, орфограммы прерываются и «уходят с глаз», но потом вновь проступают в линейной цепочке одиночной буквой. Отсюда возникает эффект мерцательного соприсутствия графической оболочки ИСШ: она всякий раз зримо проявляется в привязанной к изображению конкретного штата надписи, затем исчезает там из виду, затем вновь проявляется однократно, уже не столь весомо, точно коротким проблеском. Идущие за одинаковым в ЛКН и орфограмме ИСШ фрагментом одинаковые отдельные буквы расширяют и упрочивают заложенную им базу ассоциативной связи.

Свою лепту в обеспечение ассоциативных связей вносит не обсуждавшееся здесьозвучие ассоциатов. Благодаря совокупному действию обеих сторон материальной оболочки надписи образ штата предстаёт в ореоле осеняющих его смыслов, привносимых лексическим значением, коннотациями, ассоциациями соприсутствующего топониму аттрактанта. Эти аттрактанты группируются более консолидированно если рассматриваются в числе прочих, т. е. в массиве возникающих у остальных сорока трёх ЛКН. Векторы, в шутливой тональности указывающие направления неблагополучия, ограничения свободы, малости, предстают тогда со всей очевидностью. В 7 затронутых случаях всякий раз вырисовывается образ штата, как от светом озарённый соприсутствующим смыслом то негативного физического или эмоционального состояния, то ограниченной свободы, то малости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Американа: Англо-русский страноведческий словарь / Под ред. и общим руководством д-ра филол. наук проф. Г.В. Черных. – Полиграмма, 1996.
2. Балинская В.И. Орфография современного английского языка. – М.: ВШ, 1967.
3. Балинская В.И. Графика современного английского языка. – М.: ВШ, 1964.

4. Лаврова Н.А. Контаминация как словотворческая модель: структура, семантика, стилистика, прагматика : на материале современного английского языка : дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2013.
5. Лютий А.А. Язык карты : Сущность, система, функции. – М.: ИГ АН СССР, 1988.
6. Матулевич Т.Г. Ассоциативные связи лжекартографических надписей // Язык и культура: сб. м-лов X1 Международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2 апреля 2014 г. – Новосибирск: Изд-во ЦНРС, 2014. С. 37-50.
7. Матулевич Т.Г. Лжекартографические надписи: Плюрализм смысла // Языковая системология: К 85-летию профессора Геннадия Прокопьевича Мельникова: сб. статей. Материалы Международной научной конференции. – Москва, РУДН, 21 февраля 2013 г. – М.: РУДН, 2013. С. 171-182.
8. Плотников Б. А. О форме и содержании в языке. – Мин.: ВШ, 1989.
9. Сорокин Ю.А., Тарапов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990. С. 180-186.
10. Томахин Г.Д. США : Лингвострановедческий словарь. – М.: Рус. яз., 1999.
11. Abbreviations : Geographical terms // The Chicago manual of style. – 14th ed. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1993. P. 465-466.
12. Longman dictionary of English : Language and culture. – Addison Wesley Longman Limited, 2000.
13. Macmillan English dictionary for advanced learners: International student edition. – Macmillan Publishers Limited, 2002.
14. The Economist, 2011. – Vol. 398. – No. 8717 (January 29th – February 4th).
15. Written and spoken language // Crystal D. The Cambridge encyclopedia of language: Second edition. – Cambridge University Press, 1997. – P. 180-183.

ПРЕДИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В СОВРЕМЕННОМ УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Н.Н. Медынская

*Международный экономико-гуманитарный университет
им. акад. С. Демьянчука
ул. С. Демьянчука, 4, Ровно, Украина, 33027*

Статья посвящена изучению функциональной транспозиции – переходу слов из одного класса в другой. Рассматривается транспозиция грамматических функций падежных форм прилагательного в роли предикатов предложения.

Ключевые слова: категориальное значение, предикация, атрибутивное словооб субъектный (подлежащий), транспозиция.

PREDICATIVE FUNCTION OF ADJECTIVE IN MODERN UKRAINIAN LANGUAGE

N. N. Medynskaya

*The International University of Economics
and Humanities n.a. acad. S. Demyanchuk
S. Demyanchuk str., 4, Rovno, Ukraine, 4, 33027*

The article is dedicated to the study of functional transposition of one class of words towards the other. The author is studying the transposition of grammatical functions of adjective case forms as a predicate in a sentence.

Keywords: categorial meaning, predication, attributive word, subjective, transposition.

Современная лингвистика характеризуется разнообразием направлений исследования, одним из которых является концептуальный анализ, направленный на выявление языковой и речевой семантики, презентацию средствами языка различных проявлений взаимодействия человека с реалиями объективной действительности (отношения, оценка, поведение и т.д.). В современной трактовке лингвистическая сущность грамматических единиц и категорий заключается в отражении реальных закономерностей

(отношений) мыслительно-языковой и мыслительно-речевой онтологии. Если морфологические категории имеют формальное выражение на одном (морфологическом) уровне, то функционально-семантические представлены в языке средствами разных уровней. Актуальной проблемой является сегодня рассмотрение универсальных категорий («семантических единств») и их языкового выражения, которая представляется как проблема взаимодействия лексики и синтаксиса, в частности лексико-грамматических классов слов как семантико-структурных единств, представляющих концептуальную систему грамматики.

Понимание взаимосвязи языка и внеязыковой действительности объединяет лингвистов разных направлений и течений. Если синтаксические средства языка служат для формирования и выражения мысли, а в речи мысли находят отражение явлений объективной действительности, то семантическая структура предложения, представлена языковыми средствами для передачи того или иного типа категориальных связей в языковом знании, выступает такой же языковой реальностью, как и грамматическая структура [7, с.103].

Современная лингвистика разрабатывает уровневую стратификацию языковой системы с целью более глубокого осмыслиения и систематизации синтаксических явлений.

Проблема взаимодействия лексики и грамматики – одна из наиболее продуктивных в лингвистической традиции, которая связана с именем В.В. Виноградова. Современные научные исследования позволяют увидеть основную роль этого взаимодействия в системе языка. Взаимосвязь лексики, морфологии и синтаксиса фокусируется в самой природе частей речи, в их грамматических категориях, которые отражают категории человеческого мышления: предметности, субстанции, действия (процесса), качества (признака), количества и др. Эту проблему исследовали в русской лингвистике А.М. Пешковский, А.А. Шахматов, А.Г. Золотова, М.Я. Блох; в украинском языковом знании И.Р. Выхованец, К.Г. Городенская, М.Я. Плющ, Н.Л. Иваницкая, А.П. Загнитко, К.Ф. Шульжук.

Статья посвящена транспозиции прилагательных форм к глаголу в функции именного сказуемого.

Задача исследования заключается в выяснении вторичной синтаксической функции прилагательного – предикативной.

Актуальность научного исследования обусловлена необходимостью углубленного изучения функциональной транспозиции одного класса слов в другой, в частности выяснение совмещения грамматических свойств падежных форм прилагательного в функции предиката.

Что касается синтаксического функционирования в языкоznании существуют два направления классификации слов. Г.А. Золотова различает:

1) общеграмматическую – по частям речи: существительное, прилагательное, глагол, наречие и др.;

2) категориально семантическую: название предмета (*белок*), качество (*белый*), действие (*белить*), название признака признаков(*набело*) и частичные: название лица, отрезков времени, явлений природы и др. [7, с. 105].

Отнесенность слова к конкретному классу определяется его семантико-синтаксическим назначением, ролевой позицией в соответствующей грамматической форме, в тех или иных моделях предложения. Принадлежность слова к какой-либо части речи определяет его морфологические формы, которые служат для выражения семантико-синтаксических отношений между словами в данном языке. Отличие в синтаксических потенциях слов обусловлено категориальным значением предметов, явлений или признаков, которые они отражают в языке [7, с. 106].

Как компоненты концептуальной системы грамматики лексико-грамматические классы слов, подклассы и группы слов требуют углубленного изучения, выяснения, прежде всего, их функциональной классификации к оппозиции «предметные / признаковые слова».

Противопоставление одного класса слов, называющих предметы, словам, что обозначают не - предметы, Дж. Лайонз видел не только по семантическим признакам, но и по категориальному статусу и функциям в синтаксических построениях [9, с. 347-348].

Характеризуя первоначальное слово, А.А. Потебня, отмечал, что существительное сначала воспринималось как «признак заложенный (известный, уже готовый) в чем-то, определенном для мысли и без помощи другого слова; белок является белой частью

яйца ...» [12, с. 96-97]. Прилагательное же, по его мнению, выражает признак, обособленный, абстрагированный от конкретного какого-либо предмета. Особое внимание ученый обратил на различие понятий **синтаксическое употребление** (сочетанием синтаксической связью согласованием, управлением или другой) и **значение члена предложения**, которое основывается не на языковых фактах, грамматических свойствах, а на логических понятиях "предмет" и "признак".

Классификация слов А.А. Потебни, в основе которой лежит синтаксическая функция, определенным образом перекликается с оригинальным делением слов на три ранга в осмыслиении О. Есперсена: на существительные и их синтаксические аналоги («высшие члены»), прилагательные и глаголы («присоединительные члены») и их распространители («низшие члены») – наречие [5, с. 124].

А.М. Пешковский отмечал, что существительное обозначает предмет, а глагол и прилагательное обозначают то, что мы приписываем предметам. Предметам приписываем признаки. Это значение тесно связано у них с формами согласования с существительными, подобно тому, как значение предметности связано в существительном с тем, что с ним согласуется прилагательное и глагол. Ученый делает вывод, что предметы определяются самостоятельными формами, а признаки – несамостоятельными [10, с. 96].

На особенности категориальных значений признаковых слов указывал и А.А. Шахматов. По его определению, прилагательное – это часть речи, включающая в себя слова, которые обозначают существительное и признаки, качества, отношения в единстве с названиями субстанций, где отношения понимаются такие, которые вытекают из природы самих субстанций [16, с. 112].

В степенях сравнения наречия, по его мнению, можно определить всю сущность признаковости, но не по происхождению и не по грамматической природе, а по синтаксическому употреблению; степени сравнения могут употребляться в атрибутивно-предикативном значении, но употребление только в атрибутивном значении невозможно (*еще сильнее ветер сломил дерево оканчательно // еще сильнейший ветер*). Следовательно, делает вывод ученый, степени сравнения наречий выражаются адъективированными наречиями. Адъективация их зависит от того, что наречие

может выступать в той функции, что и прилагательное, а именно в функции предиката. По этим особенностям адъективируется причастие, то есть отглагольное прилагательное с атрибутивно-предикативным значением. Причастие, потеряв свою предикативность, становится прилагательным.

Прилагательное в предложении выполняет не только атрибутивную функцию, но и предикативную. Например, в русском языке предикативная природа прилагательного имеет свое формальное выражение в двух словесных формах – полной (членной) и краткой (нечленной). Краткая форма выступает только в функции предиката [16, с. 113].

К глаголам относятся слова, которые являются носителями названий активных признаков (действий, состояний), воспринимаемые вместе с представлением о носителе признака. Следовательно, отмечает А.А. Шахматов, основным значением для глагола есть выражение активного признака. Но эта часть речи выражает не только простые названия признака действия, но и осложненные теми или другими дополнительными представлениями: о лице, исполнителе действия; сочетанием глагольного признака с представлением о втором активном признаком, которое выражает существование, действительность, появление этого признака; сочетанием глагольного признака с представлением о пассивном признаком, определяющем его носителя, исполнителя; далее, сочетанием с представлением об отношении к другому глагольному признаку; сочетанием глагольного признака со звуковым представлением. В соответствии с этим, по определению ученого, к глаголам могут относиться слова шести отделов (форм): первый из которых представляет собой название глагольного признака, не осложненный (это инфинитив); второй – название глагольного признака, осложненного категорией лица (это личные формы глагола), третий – название глагольного признака, осложненного категорией наличия – (безличные формы глагола); четвертый – название глагольного признака, осложненного пассивным признаком (отглагольное прилагательное или наречие); пятый – название признака, осложненного отношением к другому глагольному признаку (причастие); шестой отдел – глагольное междометие [16, с. 114].

Мнение ученого об особенностях глагольной семантики слова в отличие от других частей речи предопределила современную

идею лингвистов о признаковости как обобщенном конструкте, применяемом в семантике для интерпретации пропозициональных структур и центрального компонента предложения (суждения), выражающего содержание события, процесса, состояния, отношения или признаков, присущих определенному субъекту.

Противопоставление классу слов, обозначающих предметы, всем остальным –признаковым – основывается на функциональном своеобразии, а именно способности занимать в структуре предложения позицию предиката. В полной мере, по мнению А.А. Шахматова, выражает категорию признаковости только глагол как осложненный категориальным значением лица, вида, способы и времени действия, активного / пассивного состояния и широким диапазоном валентных характеристик.

Признаковые слова других частей речи в функции предиката подвергаются транспозиции к классу глаголов.

Функциональный ярус синтаксической семантики базируется на фундаментальных морфологических категориях и грамматических способах использования морфологических форм лексически знаменательных слов, средствами служебных слов, обусловленных особенностями грамматического строя конкретного языка.

Свою номинативную функцию (выражение постоянного признака предмета) прилагательное реализует через связь с существительными – названиями предметов, явлений, иного субстанционального содержания. Традиционно его основную синтаксическую функцию характеризуют как атрибутивную – выражение признака предмета через атрибутивные отношения, формирующиеся на основе согласованной связи с существительным [1, с. 149; 2, с. 126; 3, с. 7].

Предикативная функция прилагательного (как и других именных частей речи) является вторичной, которая обуславливает категориальную трансформацию и смещение функционального диапазона его падежных форм и синтаксический переход (транспозицию) к глаголам. В отличие от русского языка, в котором в позиции сказуемого (именной части его) состояласьнейтрализация морфологических признаков прилагательного (в частности в краткой форме, ставшей неизменяемой закрепившейся в роли сказуемого, а также в формах высшей и превосходной степени, которые перешли к наречию), в украинском языке, по словам И.Р. Выхо-

ванца, состоялась только функциональная нейтрализация грамматических категорий прилагательного, не достигнув их формально-го устраниния [3, с. 125-126]. Вследствие трансформации в русском языке, с незначительным исключением, наблюдается тройная корреляция прилагательных форм сказуемого: краткая / полная именительного падежа / полная форма творительного (*Ребенок был послушен/ послушный / послушным; Соседка оказалась хитра / хитрая / хитрой*) [2, с. 289]. В украинском языке краткую форму сохранили лишь отдельные прилагательные (*жив, здоров, зелен, весел, рад, повен, ясен и т.д.*), а в именной части составного сказуемого наблюдается корреляция двух полных форм прилагательных – именительного и творительного (*Хлопець слухняний; буде слухняний; був слухняним; Робота корисна; була корисна; була корисною*).

Как известно, синтаксическая транспозиция обуславливает модификацию категориальных единиц прилагательного и приводит к изменению синтаксической функции слова в пределах одного и того же лексического значения.

«В случае нарушения корреляции между категориальным значением и первичной функцией прилагательные приобретают способность употребляться во вторичных формально – синтаксических позициях» [2, с. 127].

Синтаксическая позиция прилагательного определяется порядком слов в предложении. Преимущественно в препозиции к существительному, прилагательное функционирует в роли определения, а в роли сказуемого – в постпозиции.

В.В. Виноградов называет следующие признаки прилагательного в позиции сказуемого: постпозицию, интонацию и наличие глагольной связки [2, с. 124].

Прилагательное, которое выступает в роли сказуемого, Л. Теньер называет «структурным эквивалентом глагола» [14, с. 224].

Важным признаком, характеризующим прилагательное в функции предиката является также валентность. На материале украинского языка О.М. Галаган исследовал трёхвалентные предикаты качества, выделив одновалентные, двухвалентные и трёхвалентные прилагательные предикаты. Исследовательница отмечает, что двух - и трехвалентные прилагательные преимущественно

закреплены в позиции сказуемого как первичной формально-сintаксической позиции, одновременно для одновалентных функций сказуемого является вторичной. Позиция сказуемого, в роли которого выступают предикаты качества, свидетельствует об их не собственно-прилагательном функционировании и семантико-сintаксическом сближении с глаголом [4, с. 8].

Предикативное прилагательное связывается с подлежащим прежде всего посредством абстрактной связи *бути* (*бувати*), выражающей грамматические значения наклонения, времени, лица или рода и числа, формально обслуживая предикативную связь координации главных членов.

В форме настоящего времени связка *є* (*есть, суть*) часто опускается (нулевая), а позицию именной части занимает форма именительного падежа. Например: *А пожаліти — ще не любити. Сльози - колоні на смак* (Г. Чубач). *Живи, народе мій!* – *ти же бо єсть невмирующий* (П. Тичина).

Семантика структурной схемы адъективных предложений $N_1 - Adj_1$ – это обозначение постоянного качественного признака или свойства предмета. Предикат качества реализуется как именное составное сказуемое, форма которого идентична форме подлежащего и функционально маркирована порядком главных членов предложения. Подлежащее предшествует сказуемому. Связка *бути* выступает сказуемым во всей парадигме, характерной глаголу в формах изъявительного, сослагательного и повелительного способов и времени изъявительного наклонения. Например: *Повітря духмяне, тепле* (Є. Гуцало). *Спокуса була надто велика ..., дівчина аж ніби захлиналася, заходилася від передчуття свободи* (Н. Бічуя). *Сміх буде, плач буде перпламутровий* (П. Тичина). *У інший час посватаєшся б ти, дзузьки, Жених у неї був би привозний. Тепер твої всі Гальки й всі Мариськи...* (Л. Костенко). – *Будь, Зіночко, здорована і щаслива* (І. Світличний).

Н.Д. Арутюнова такую модель предложения изымает из конструкций, выражающих событие, наличие, существование [1, с. 170], в частности, когда выражается характеристика физического состояния или явления природы. Например: *Часи були непевні, лиховісні* (Л. Костенко). *Ніч була глибока і сива. Ніч була терпка, як слива* (І. Жиленко). Выбор вариантной формы – творительного падежа – в адъективных предложениях обусловлено несколькими

факторами: семантикой предиката, формой связи *бути* и других глаголов, выступающих в роли связи (*стати, ставати, зостатися, здаватися, робитися, зробитися*), введением двойных связок (*хочу бути, могла бути, хотів стати т.п.*), инверсионным порядком сказуемого в предложении, введением в его состав локализатора или объектного компонента. В общем семантика структурной схемы адъективных предложений $N_1 - Adj_5$ не отличается от $N_1 - Adj_1$, если выражает собственно квалификационное значение предметов, явлений, событий [1, с. 172; 2, с. 81-82]. Однако В.В. Виноградов выделил среди адъективных предложений таксономически-квалификационный тип, которому присущ предикат, исполняющий функцию выделения из определенного множества лиц или предметов одного элемента по какому-либо отличительному устойчивому признаку. Эту функцию способны реализовать прилагательные, в содержании которых имеется сема «непохожий на других», «составляет исключение», «заслуживает особого внимания» и т.п. (*винятковий, відмітний, грандіозний, надзвичайний, незвичайний, особливий, оригінальний, панівний, своєрідний, унікальний и др.*). Например: *Фрески та мозаїка Софії унікальні* (Журн.). У Тоні з батьком дружба *своєрідна*, без ніжностей зайвих (О. Гончар). *Висота, оточена з трьох боків ... річками, була панівною в грі місцевості* (Я. Качура).

Выделение лица или предмета из множества других может быть реализовано посредством введения в состав подлежащего определения или именного компонента – обобщенного названия: **людина, жінка, чоловік, фігура, штука, річ** и др. Например: *Кримська природа виняткова* (Газ.). *Він [Сковорода] був на свій час широко освіченою, енциклопедичною людиною* (П. Тичина). *Пан Густав Трацький був зовсім своєрідна і немаловажна фігура* (І. Франко). *Найкраща ти з усіх жінок на світі* (Леся Українка).

Важным признаком таксономических предикатов является качественная характеристика предмета не в реальной ситуации «здесь сейчас», «в прошлом», «в дальнейшем», а идентификация по определяющему признаку. Если характеризуется физическое состояние человека, а позицию подлежащего занимает абстрактное существительное, то преобладает в предикативной функции форма творительного падежа. Например: *Охмеління було занадто сильним, і тим болючішим було протверезіння* (І. Цюпа). *Радісним*

було йому й перве знайомство з міськими людьми (В. Підмогильний). Так же в адъективном предложении (в том числе со сказуемым, выраженным местоименным прилагательным) доминирует форма творительного падежа, который присоединяется связкой *бутив* сослагательном или повелительном наклонениях. Например: *Ти [мово] є Вічність. Ти є Правда, Добро і Краса народу нашого. Тож будь такою і будь вічно, мово рідна! А з тобою будемо вічними і ми!* (С. Плачинда). *Коли б трішки, хоч трішки поїсти, і він був бищасливим!* (І. Багряний).

Во многом выбор падежной словоформы обусловлен семантикой вспомогательного глагола-связки. Отличительной чертой украинского языка является предпочтение творительному падежу, генетически связанного с древним творительным преобразованием, который, по мнению А.А. Потебни, объединялся с творительным способом действия в случае частичного совпадения субстанций [12, с. 456]. В работах А.М. Пешковского, К.И. Ходовой, М.Я. Плющ древнее значение «преобразования» рассматривается как особая синтаксическая единица – творительный преобразования [10, с. 67–80; 15, с. 285–286; 11, с. 141]. Например: *Коли згинув чорнобривий, То й я погибаю. Тоді неси мою душу Туди, де мій мілій; Червоною калиною постав на могилі* (Т. Шевченко). *Потерчата, засвітіте каганчата!.. Перекиньтесь блискавками над стежкою* (Леся Українка).

В современном украинском языке это значение частично сохранилось в отдельных глаголах неполной семантики, присоединяющих именную часть сказуемого, выраженную существительным. Творительный предикативный прилагательного и прилагательной формы местоимения в роли именной части составного сказуемого связывается с глагольными связями *стати* (*ставати*), *зостатися* (*зоставатися*), *робитися* (*зробитися*), *здаватися*, *робитися* значением «робитися яким-нибудь, набиваючи певних властивостей, якостей, ознак, якогось вигляду». Форма именительного падежа используется редко, например: *Буланого Наталка розмальовала так, що з буланого він став муругий, як зебра* (І.Багряний). *Панти стали наполовину тоної, та зате були уже тверді, як кістка, і чистенькі, оксамитні* зверху (І. Багряний). Преобладает творительный предикативный, если обозначает видоизменение, превращение, приобретение новых свойств, черт и т.д.

Например: *Відчув [Гнат], як спадає йому на серце тихомирний спокій... Обкурене порохом його лице стало ясним* (П. Панч).

Творительный при связке **стати (ставати)** конкурирует с именительным падежом и преобладает, поскольку эта связка содержит сему видоизменения признака во всех временных параметрах. Например, в прошлом: *Коси білими стали Від яскравості зим* (Г. Чубач); в будущем: *Я буду соняшник любить, допоки світ не стане чорним* (Г. Чубач); в настоящем: *Я спиняюсь на вулиці під тінями наших ясенів... Тут я одразу стаю меншим. Світ стає більшим* (М. Стельмах). Преобладает творительный предикативный и тогда, когда стоит в препозиции: *Стало пахучим і свіжим повітря після грози* (А. Шиян).

Глагольная связка *робитися (зробитися)* более выразительно передает значение преобразования – «ставати яким-небудь, набувати новых свойств, якостей, ознак, якогось вигляду», но прилагательное (местоимение) в роли предиката ставится в именительном падеже. Сравните, например: *зробився я знову незримий Та й пропхався у палати* (Т. Шевченко). *Тіні надворі робилися довгі, івидкі й скороминуці* (Ю. Смолич). *Ідуша ніжнішою стає* (В. Симоненко). *Дразливий [Гриць] став...* Такий зробивсь, не прозирнеш у душу. *Якийсь чужий* (Л. Костенко). Можно использовать **став дражливий (дражливим), чужий (чужим)**, то есть стал другим, изменился в поведении, сущности, «спрятался в себе». Эти значения заложены в глаголе «зробився», а прилагательное вместе с ним передает постоянный признак.

Близкими по стилистике к глагольным связкам *стати, ставати* являются словазоставти (*зоставляти*), залишатися (вызвать определенное состояние; оставаться в определенном состоянии в течение какого-то времени), присоединяющие преимущественно форму творительного падежа. Например: *А я все залишився б ій [коханій] вірним* (О. Гончар). *Після темного і вогкого тунелю парк, що розкинувся біля мосту, здавався звабним і привітним* (І. Цюпа).

В сочетании с модальной связкой **можна, треба, связка бути** начальной форме присоединяет прилагательное (сопоставимое с ним местоимение) преимущественно в творительном падеже. Например: *То як же ви на смерть отут стояли?! Стоять на смерть – це ж треба бути живим!* (Л. Костенко). *Найперше –*

ніж мусить бути гострим (І. Багряний). *Його [Воєводи] люди, хоч як їм важко бувало, ніколи не хотіли бути нещасливими* (П. Загребельний).

Таким образом, синтаксическая транспозиция прилагательного к глаголам в украинском языке выражается корреляцией двух полных форм прилагательного – именительного и творительного, обусловленных семантикой вспомогательного глагола-связки. В современном украинском языке преобладает творительный предикативный, если обозначает видоизменение, преобразование, приобретение новых свойств, черт и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999.
2. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – М., Л.: Учпедгиз, 1947.
3. Вихованець І. Р. Теоретична морфологія української мови / І. Р. Вихованець, К.Г. Городенська. – К.: Унів. вид-во "Пульсари", 2004..
4. Галаган О.М. Семантико-синтаксична структура речень з тривалентними предикатами: Автoref. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.01. – Кіровоград, 2004.
5. Есперсен О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М.: Изд-во иностр. лит., 1958.
6. Золотова Г.А. и др. Коммуникативная грамматика русского языка / Под общ. Ред. Г.А. Золотова]. – М., 2004.
7. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса // Актуальные проблемы современной лингвистики: Учеб. пособие / сост. Л.Н. Чурилина. – 2-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2007.
8. Курилович Е. Заметки о значении слова // Очерки по лингвистике. – М.: Изд-во иностр. лит., 1962. – С. 237–250.
9. Лайонез Дж. Введение в теоретическую лингвистику. – М.: Прогресс, 1978.
10. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – 6-е изд.. – М.; Л.: Учпедгиз, 1938.
11. Плющ М.Я. Граматика української мови : у 2 ч. Ч 1. Морфеміка. Словотвір. Морфологія: підручник. – К.: Вища шк., 2005.
12. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I – II. – М.: Учпедгиз, 1958.

13. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика. – М.: Наука, 1981.
14. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Пер. с франц. – М.: Прогресс, 1988.
15. Ходова К.И. Творительный превращения и сравнения // Творительный падеж в славянских языках / Под ред. С.Б. Бернштейна. – М., 1958. – С.18–188.
16. Шахматов А.А. Учение о частях речи. – М.: Ком Книга, 2006.

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ КВАНТИФИКАЦИИ ВЕЩЕСТВ В АНГЛИЙСКОМ, КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Н.В. Михалькова

*Минский государственный лингвистический университет
ул. Захарова, 21, Минск, Беларусь*

В статье определяется semantic диапазон действия квантификации на материале английского, китайского и русского языков, устанавливаются лексико-семантические классы наименований веществ в квантитативных конструкциях, выявляется специфика действия языковой квантификации в исследуемых языках.

Ключевые слова: квантификация, квантитатив, квантитативная конструкция, вещество, лексико-семантическая классификация.

SPECIFICS OF LANGUAGE QUANTIFICATION OF SUBSTANCES IN ENGLISH, CHINESE AND RUSSIAN: A COMPARATIVE STUDY

N.V. Mikhalkova

*Minsk State Linguistic University
Zakharova str., 21, Minsk, Belarus, 200400*

The article is defining the semantic range of the quantification in the English, Chinese and Russian languages. There are analyzed lexical-semantic

classes of the substances in the quantitative constructions and their specificity in the English, Chinese and Russian languages.

Keywords: quantification, quantitative, quantitative construction, substance, lexical-semantic classification.

В ходе познания окружающей действительности процесс квантификации представляется для носителей языка настолько важным, что ему подвергаются даже те сущности, которые по своей природе являются недискретными, вещества и абстрактные имена. В данной статье в центре нашего внимания первая из вышеназванных двух групп недискретных сущностей, а именно группа веществ.

В основе квантификации веществ лежит представление о квантах, частях, элементах измеряемой сущности.

Языковым средством выражения данного процесса являются квантитативные конструкции, структура которых представляет собой наличие двух основных компонентов — существительного, обозначающего часть (квантитатив), имеющее формулу словарного толкования «часть (чего-нибудь)» и существенное существительное со значением целое в родительном падеже в русском языке; числительное (вариативно) + существительное, обозначающее часть (квантитатив), имеющее формулу словарного толкования «部分 'bùfen' часть», + существенное существительное со значением целое в китайском языке; существительное, обозначающее часть (квантитатив), имеющее формулу словарного толкования *a part of* ‘часть (чего-нибудь)’ + предлог *of* + существенное существительное со значением целое в английском языке.

Вещества могут быть также квантифицированы посредством разнообразных мезуративов, описывающих их размер, форму, объем и т.д. Поэтому к квантитативам мы также относим мезуративы: *банка*, *вагон*, *пачка*, *фляга*, *ложка*, *рюмка* и др., а также другие существительные, с помощью которых может быть очерчена форма и ограничено вещество, *облако*, *гора* и др., например, в русском языке — *стакан воды*, *кусок золота*, *плитка шоколада*, в китайском языке — *一把米饭* 'yī bǎ mǐfan' горсть риса (*каши*), *一包糖* 'yī bāo táng' пакет сахара, *一杯茶* 'yī bēi chá' чашка чая, *一层漆* 'yī

séng qī слой краски, в английском языке – *a bowl of water* ‘миска воды’ и др.

В данной статье анализу будет подвергнут второй компонент квантитативной конструкции – вещественное существительное с целью определить семантические области вещества, наиболее и наименее релевантные для квантификации, что позволит говорить о значимости той или иной лексико-семантической области в процессе квантификации в английском, китайском и русском языках. Так, во-первых, необходимо установить диапазон вещественных существительных, входящих в состав квантитативных конструкций, что позволит проследить, для каких сфер реальной действительности наиболее характерно явление квантификации, во-вторых, провести лексико-семантическую классификацию выделенных вещественных существительных.

Методом сплошной выборки были получены 7572 квантитативные конструкции: из них 2626 квантитативных конструкций с наименованиями веществ в русском языке, 2594 – в английском языке и 2352 – в китайском языке.

Объекты в мире существуют не изолированно, а могут быть объединены в структуры на основании определенных критериев. Лексические единицы также, соответственно, организуются в определенные сферы, именуемые в лингвистической науке различными терминами: семантические поля, тематические группы, лексико-семантические группы, тематические ряды и др. Исследователи различных группировок лексики на материале разных языков сталкивались с рядом трудностей при осуществлении классификаций, главной из которых стало установление границ между отдельными темами или семантическими областями. В основе этой проблемы лежит вопрос критериев отнесения той или иной лексической единицы к определенному семантическому классу, так как многие лексемы могут входить в разные семантические области в большинстве случаев по причине полисемии. С похожими трудностями столкнулись и мы при проведении классификации наименований веществ и рассмотрении средств квантификации веществ, принадлежащих различным областям. Так, например, лексема *шоколад* входит в состав таких квантитативных конструкций, как:

1. плитки шоколада 2. чашечку шоколада 3. два ящика шоколада 4. полные карманы шоколада 5. коробка шоколада 6. с кусочками шоколада 7. кусок шоколада 8. дольку шоколада 9. кружку горячего шоколада 10. мазками талого шоколада 11. чашки горячего шоколада 12. брусками кулинарного шоколада 13. дощечка шоколада 14. палочку шоколада	15. комок шоколада 16. пласти просроченного весового шоколада 17. в бочке шоколада 18. угостили квадратиком шоколада 19. потоками шоколада 20. партию шоколада 21. плиточку шоколада 22. глоток шоколада 23. стакан шоколада 24. палку шоколада 25. чаша шоколада 26. стопочки швейцарского шоколада и др.

Материал исследования показал, что одно и то же вещество может рассматриваться, во-первых, с точки зрения разных агрегатных состояний, в зависимости от которых происходит выбор соответствующих средств квантификации, так, *шоколад*, как жидкое вещество, квантифицируется в языке посредством квантитативов *чащечка*, *кружка*, *чашка*, *бочка*, *поток*, *глоток*, *стакан*, *чаша*, как твердое вещество – *плитка*, *ящик*, *карман*, *коробка*, *кусок*, *брюсок*, *палочка*, *пласт*, *квадратик* и др. Релевантной, таким образом, становится для нас классификация веществ с точки зрения агрегатного состояния и определение тех средств, с помощью которых квантифицируются вещества различного состояния. Наименования веществ, входящие в квантитативную конструкцию в исследуемых языках и описывающие то или иное агрегатное состояние вещества именуемого, были объединены нами в пять групп: 1) наименования жидких веществ; 2) наименования газообразных веществ; 3) наименования твердых веществ; 4) наименования вязких, воскообразных веществ; 5) наименования сыпучих веществ (см. табл. 2).

Количественный состав наименований веществ, входящих в квантитативные конструкции в исследуемых языках и описывающих различные агрегатные состояния, имеет как общее, так и различное, что свидетельствует об особом когнитивном восприятия квантификации различных типов веществ носителями разных языков (см. табл.). Так, в английском и китайском языках наиболее

активно квантифицируются жидкые вещества, например, 一碟茶 ‘yī dié chá’ блюдце чая, 一囊石油 ‘yī náng shíyóu’ резиновый мешок бензина, a thin layer of seawater ‘тонкий слой морской воды’, a drop of milk ‘капля молока’, в русском языке – твердые вещества, например, кусок сыра, осколок стекла, отрезок асфальта и др. Частотными в квантитативных конструкциях в английском языке являются наименования вязких, воскообразных веществ (*a spoon of castor oil* ‘ложка касторового масла’, *a spoon of cream* ‘ложка крема’, *a bucket of syrup* ‘ведро сиропа’), в китайском языке – наименования твердых веществ (一捆纸 ‘yī kǔn zhǐ’ связка бумаги, 部分豆腐 ‘bùfēn dòufu’ часть сыра Тофу, 石膏碎片 ‘shígāo suìpiàn’ осколок гипса и др.), в русском языке – наименования жидких веществ (ложка молока, порция йода, капля зеленки, стакан настоя, ведро кипятка, банка спирта и др.).

Менее частотными в квантитативных конструкциях в английском языке являются наименования твердых веществ (*an armful of chocolate* ‘охапка шоколада’, *heap of coal* ‘куча угля’, *a mountain of glass* ‘гора стекла’), в китайском и русском языках – наименования вязких, воскообразных веществ (一铲具体 ‘yī chǎn jùtǐ’ лопата бетона, 一杯花蜜 ‘yībēi huāmì’ чаша нектара, 一层蜡 ‘yī céng là’ слой воска, 一袋番茄酱 ‘yī dài fānqié jiàng’ упаковка кетчупа, стакан мастики, капли смолы, банка меда, ведро мазута, доза касторового масла и др.). Наименее частотными в исследуемых квантитативных конструкциях в английском, китайском и русском языках являются лексические единицы, которые могут быть отнесены к наименованиям газообразных веществ, а также к наименованиям сыпучих веществ.

Кроме различий в агрегатном состоянии вещества, влияющим на выбор квантитативов, релевантным для определения средств квантификации является также тип вещества, т.е. область вещества, например, драгоценные металлы, сплавы, ткани, химические составы, строительные материалы и др. В зависимости от типа вещества происходит выбор различных средств их квантификации, что находит свое отражение в языке. Так, имеют место квантитативы, сочетающиеся с различными типами веществ, например, квантитатив слой в русском языке, в то же время выявле-

ны средства языкового выражения квантификации, характерные для отдельных областей веществ.

Таким образом, выбор средств языкового выражения квантификации веществ зависит не только от описываемого тем или иным наименованием вещества агрегатного состояния, а также от лексико-семантического типа вещества.

С целью выявления и определения особенностей средств языкового выражения квантификации веществ в рамках определенных лексико-семантических классов, а также качественного и количественного состава квантитативов, с помощью которых возможна языковая квантификация отдельных веществ, необходимо установление семантического диапазона квантифицируемых в исследуемых языках веществ, что предполагает выявление лексико-семантических типов наименований веществ, входящих в квантитативные конструкции. Это позволит проанализировать типы квантифицируемых веществ, а также описать те области квантификации вещества, наиболее и наименее значимые для носителей английского, китайского и русского языков.

Анализируемые наименования веществ в квантитативных конструкциях в английском, китайском и русском языках были сгруппированы нами в лексико-семантические классы на основании лексико-семантической классификации, описанной в Русском семантическом словаре под редакцией Н. Ю. Шведовой [15]. Будучи одной из наиболее авторитетных лексико-семантических классификаций, она нашла самое широкое распространение в современных лексико-семантических исследованиях. Широта и всехватывающий характер этой классификации позволяет наиболее точно установить лексико-семантические характеристики исследуемых имен существительных с вещественным значением, уловить избирательность исследуемых языковых средств квантификации веществ в исследуемых языках.

Лексико-семантическая классификация в английском языке включает 25 лексико-семантических классов, в китайском языке – 27 классов, в русском языке – 27 классов наименований веществ в квантитативных конструкциях (см. табл. 3). Это такие лексико-семантические классы, как «Драгоценные металлы» (*золото, серебро*), «Основные простые вещества» (*кислород, углерод*), «Горные породы» (*гранат, гранит*), «Затвердевающие прочные мате-

риалы» (*асфальт, бетон*), «Пищевые продукты» (*каша, шоколад, карамель*), «Фармакологические, тонизирующие ухаживающие средства, лабораторные препараты» (*антибиотик, инсулин*), «Горючие, зажигательные взрывчатые вещества» (*ацетон, керосин*), «Металлы, образования на металлах» (*железо, алюминий*), «Отходы, остатки собранного, отработанного» (*гуано, перегной*), «Минераллы» (*хрусталь*), «Топливо» (*торф, уголь*), «Напитки» (*сок, молоко*), и др.

Количественный и качественный состав наименований веществ, относящихся к тому или иному лексико-семантическому классу, в английском, китайском и русском языках различен.

Во всех трех исследуемых языках наиболее значимым для квантификации типом вещества являются продукты питания. Этот класс наименований веществ в квантитативных конструкциях является самым многочисленным, в него вошли наименования веществ, составившие наибольший процент от общего количества исследуемых лексических единиц, обозначающих вещества в английском, китайском и русском языках. Полученные данные вполне объяснимы, продукты питания являются найважнейшим элементом для жизнедеятельности человека, тематический класс продуктов питания изначально является наиболее многочисленным во всей лексической системе языка и квантификация такого рода веществ, соответственно, представляет собой важную и необходимую сферу жизнеобеспечения человека.

Относительно других семантических типов веществ в квантитативных конструкциях полученные данные разнятся, состав лексико-семантических классов различен не только в пределах одного языка, где имеют место наиболее многочисленные группы, куда вошли имена вещественные наиболее частотные в квантитативных конструкциях, и менее многочисленные лексико-семантические классы с наименованиями веществ менее частотными в сочетании с квантитативами, но и при сопоставлении составов лексико-семантических классов в исследуемых английском, китайском и русском языках, что свидетельствует, соответственно, об избирательности действия языковой квантификации относительно разных типов веществ. Кроме самого многочисленного класса «Продукты» наиболее часто в состав квантитативной конструкции входят наименования веществ, которые могут быть отне-

сены к лексико-семантическому классу «Напитки» в английском и китайском языках, «Химические составы, смеси» и «Фармакологические, тонизирующие ухаживающие средства, лабораторные препараты» в русском языке.

Сравнительно-сопоставительный анализ показывает, что, так же как и в русском языке, в английском и китайском языках к наиболее часто встречающимся в квантитативных конструкциях могут быть отнесены наименования веществ, принадлежащие таким лексико-семантическим классам, как «Фармакологические, тонизирующие ухаживающие средства, лабораторные препараты» и «Химические составы, смеси». Лексико-семантический класс «Химически/биологически активные вещества» в английском и китайском языках включает большее количество наименований веществ в квантитативных конструкциях, нежели в русском языке. Лексико-семантический классы «Материалы для легких построек и отделки», «Ткани, материалы для шитья и их компоненты», «Осадки», «Огонь, продукты горения», «Мех», «Грунт, почва» более многочисленны в китайском языке, нежели в английском и русском языках.

В английском языке более активны, чем в русском и китайском языках, в сочетании с квантитативами наименования веществ, которые могут быть отнесены к лексико-семантическим классам «Основные простые вещества», «Вещества, содержащиеся в живых организмах», «Вещества по агрегатному состоянию», «Топливо», «Вещества, содержащиеся в растениях», «Отходы, остатки собранного, отработанного».

В русском языке по сравнению с английским и китайским языками наименования веществ, входящие в такие лексико-семантические классы, как «Затвердевающие, прочные строительные материалы», «Сплавы веществ», «Драгоценные металлы», «Соединения вещества (органические и неорганические)», «Горючие, зажигательные взрывчатые вещества» демонстрируют более высокую сочетаемость с квантитативами.

Как уже было отмечено выше, состав лексико-семантических классов разнится не только между сопоставляемыми языками, но и в пределах одного языка. Однако, наряду с этим, во всех трех исследуемых языках количественный состав лексико-семантического класса «Продукты» значительно превышает соот-

ветствующие показатели других классов. Очень большой объем входящих в него наименований веществ позволяет нам рассмотреть этот класс более подробно с целью определить, какие типы веществ, которые могут быть отнесены к продуктам питания наиболее и наименее подвержены действию квантификации. Так, внутри самого большого по количеству входящих наименований веществ в исследуемых языках лексико-семантического класса «Пищевые продукты» нами выделены следующие лексико-семантические подклассы:): «Супы», «Соусы», «Мясные продукты», «Каша», «Сыры», «Крупы, мука», «Молочные продукты», «Специи, приправы», «Хлеб, мучные изделия», «Сахара, сахаристые изделия», «Продукты из органического вещества», «Масла», «Закваска». Полученные данные стали основанием для определения типов продуктов, наиболее и наименее часто квантифицируемых в языке. Так, наиболее частотны в квантитативных конструкциях в английском, русском и китайском языках наименования веществ, которые могут быть отнесены к лексико-семантическому подклассу «Мясные продукты», например, *hunk of meat* 'ломоть мяса', *packet of ham* 'пакет ветчины', завёрнутых порций мяса, с целым тазиком мяса, ломти пунцовогомяса, ошметки мяса, чугун баранины, 一碟牛肉 '*yī dié niúròu*' блюде свинины, 部分鸡肉 '*bùfèn jīròu*' часть курятины, 一包羊肉 '*yī bāo yángròu*' пакет баранины, 一层肉 '*yī céng ròu*' слой мяса; в английском и китайском языках – «Соусы», например, *bottle of sauce* 'бутылка соуса', *a spoon of mayonnaise* 'ложка майонеза', 一瓶红酱油 '*yī píng hóng jiàngyóu*' бутылка красного соевого соуса, 一勺酱油 '*yī sháo jiàngyóu*' ложка соевого соуса, 部分蛋黄酱 '*bùfèn dàn huáng jiàng*' часть майонезного соуса, 一滴番茄酱 '*yīdī fānqié jiàng*' капля кетчупа и др. Менее активно квантифицируются вещества, наименования которых в английском языке входят в такие лексико-семантические подклассы, как «Сахара, сахаристые изделия», «Молочные продукты», «Супы», например, *a drop of honey* 'капля меда', *a spoon of sugar* 'ложка сахара', *a pitcher of sour cream* 'кушин сметаны', *a teaspoon of yogurt* 'чайная ложка йогурта', *a pan of broth* 'кастрюля бульона', *a can of soup* 'банка супа'; в китайском языке – «Сахара, сахаристые изделия», «Каша», «Супы»,

например, 一盒糖 ‘yī hé táng’ коробка сахара, 一盘粥 ‘yī pán zhōu’ тарелка каши, 一勺儿汤 ‘yī sháo r tāng’ ложка супа, 一桶热汤 ‘yī tǒng rè tāng’ ведро горячего супа; кувшинчик сиропа, склянка меда, ковш меда, горсть сахара, ложку супа, тарелкой щавелевого супа, котелка супа, глоток лагерного супа, миску тёплого супа – в русском языке.

Таким образом, проведенное нами исследование, с одной стороны, подтвердило важность во всех трех исследуемых языках для квантификации такой семантической области, как продукты питания, с другой стороны, выявило ряд специфических черт относительно других семантических областей, которые составили более половины выявленных в квантитативных конструкциях наименований веществ, что позволило описать особенности квантификации веществ в рамках различных лексико-семантических классов и говорить о национально-культурных различиях носителей английского, китайского и русского языков, несмотря на универсальность категории квантификации.

KINSHIP TERMS IN THE ARABIC LANGUAGE: QURAN AND FAMILY PATTERNS

Mohammed Ahmed Ali Al Fuadi

*Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 6, Moscow, Russia. 117198*

The article treats the historic and social background for kinship terms in the Arabic language as reflected in everyday life and in the Quran. The religious canon helps to understand the hierarchy of kinship terms and traditional family types and relations.

Key words: kinship terms, Quran, family relations, family types, social norms.

ТЕРМИНЫ РОДСТВА В АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ: КОРАН И ТИПЫ СЕМЬИ

Мохаммед Ахмед Али Аль Фуади

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются исторические и социальные обоснования группы терминов родства в арабском языке и их толкование и употребление в Коране повседневной жизни. Религиозный канон позволяет понять иерархию терминов родства и традиционные типы семьи и родственных отношений.

Ключевые слова: термины родства, Коран, семейные отношения, типы семьи, социальные нормы.

Like many other languages, Arabic has a male/female distinction for the *cousin*, *nephew*, *aunt*, *uncle*. As well it distinguishes between relatives on the father's and mother's side – the distinction which English lacks [Hatch and Brown, 1995 : 33-6; Krifka, 2001 : 1]. This can be attributed to the fact that the English language has no lexical or syntactic markers to distinguish between the two sexes while in the Arabic language certain syntactic markers of the kind exist. Thus Arabs use the prefixes – ابن *son of* for male relative and بنت *daughter of* for female kin; and they use the suffix ة for female human kin as ابنة-ابن *son-daughter* or حفيظة حفيدة *grandson-granddaughter* etc. [Palmer, 1981 : 82].

Words as lexical entities have some contrasting features that could be of value in distinguishing between one word and another, take for example the contrast between generations in kin can be observed like the contrast between older and younger, male and female. The lexical items are in the boxes of the chart and the labels show the contrast in meaning of these lexical items. It is an easy task to correlate each lexical item with people in the non-linguistic world and what they call one another or how they refer to one another [Larson, 1984:80-2]. Consider the following diagram:

	Lineal		Colineal		Ablineal
	Masculine	Feminine	Masculine	Feminine	
Second Generation Previous Previous Generation	Grandfather	Grandmother	Uncle	Aunt	Cousin
	Father	Mother			
Same Generation	Ego		Brother	Sister	
Next generation	Son	Daughter	Nephew	Niece	
Second Generation Following	Grandson	Granddaughter			

The term *kinship* has been given much more attention by the Divine Authority as well as the Arabic Islamic scholars since it is related to every part of life and every other social domain. Thus Allah the Almighty has mentioned the term kinship نسب in the Holy Quranic verses to indicate the importance of such a term in social life among the human beings as in the following:

”وَهُوَ الَّذِي خَلَقَ مِنَ الْمَاءِ بَشَرًا فَجَعَلَهُ شَرِيفًا وَصَهْرًا وَكَانَ رَبُّكَ قَدِيرًا“

[الفرقان: 54] [It is He who has created man

from water: then has He established relationships of lineage and marriage: for thy Lord has power over all things] [Yusufali 25:54].

This can be attributed to the fact that the social domain of kin covers a broad range of relations such as genealogy and descent, marriage and divorce, inheritance and succession, etc. Thus kinship is a socially recognized relationship between people who are held to be biologically related or who are given the status of relatives by marriage, adoption or other ritual relations [الأندلسي، 1978:235; Encyclopedia Britannica, 1968:163a]

Kinship in Quran

Islam has focused on respecting the ties of kin, or what is said in Arabic *Alrahm صلة الرحم*, among the members of the family and other relatives. Such a respect can be attributed to the fact that Allah the Almighty will reward and grant, in this world and hereafter, any person

who maintains and fosters his/her ties of kinship. The reward in this life takes the form of an increase in income and wealth and longer life as well as being loved by his/her relatives [Ahmad, 2008:401-403]. But, on the other hand, a person who severs his ties of kinship *rupture of relations* will be punished in this world and hereafter. Such facts of maintaining or severing the ties of kinship terms can be seen in different Quranic verses as:

وَبِالْأَوَّلِ الدِّينِ إِحْسَانًا وَذِي الْقُرْبَىٰ وَالْيَتَامَىٰ وَالْمَسَاكِينَ وَقُولُوا لِلنَّاسِ حُسْنًا" — (83: البقرة)

[... treat with kindness your parents and kindred, and orphans and those in need; speak fair to the people...] [Al-Baqara: 83] [Ali 2:8]
"فَهُلْ عَسَيْتُمْ إِنْ تَوَلَّنِمْ أَنْ تُعْسِدُوا فِي الْأَرْضِ وَتُنْقِطُوا أَرْحَامَكُمْ" (محمد: 22)

[Then, is it to be expected of you, if ye were put in authority, that ye will do mischief in the land, and break your ties of kith and kin?] [Muhammad: 22]; [Ali 47:22]

"يَا أَيُّهَا النَّاسُ اتَّقُوا رَبَّكُمُ الَّذِي خَلَقَكُمْ مِنْ نَفْسٍ وَاحِدَةٍ وَخَلَقَ مِنْهَا زَوْجَهَا وَبَثَّ مِنْهُمَا [النساء: 1] رَجَالًا كَثِيرًا وَنِسَاءً وَأَتَقُوا اللَّهُ الَّذِي تَسْأَلُونَ بِهِ وَالْأَرْضَ إِنَّ اللَّهَ كَانَ عَلَيْكُمْ رَقِيبًا"

[O mankind! reverence your Guardian-Lord, who created you from a single person, created, of like nature, His mate, and from them twain scattered (like seeds) countless men and women; - revered Allah, through whom ye demand your mutual (rights), and (reverence) the wombs (That bore you): for Allah ever watches over you.] [Women: 1] [Ali 4:1].

إِنَّ اللَّهَ يَأْمُرُ بِالْعَدْلِ وَالْإِحْسَانِ وَإِيتَاءِ ذِي الْقُرْبَىٰ وَيَنْهَا عَنِ الْفُحْشَاءِ وَالْمُنْكَرِ "النح: 90] [البُيْغُنِي يَظْكِلُمْ لَعَنَمْ تَذَكَّرُونْ]" [Allah commands justice, the doing of good, and liberality to kith and kin, and He forbids all shameful deeds, and injustice and rebellion: He instructs you, that ye may receive admonition] [Ali : 16-90]

"وَقَضَى رَبُّكَ أَنَا تَعْبُدُوا إِلَيَّا إِيَاهُ وَبِالْأَوَّلِ الدِّينِ إِحْسَانًا إِمَّا يَلْتَغِي عِذْنُكَ الْكِبَرُ أَحَدُهُمَا أَوْ - كِلَاهُمَا فَلَا تُقْلِلْ لَهُمَا أَفْ وَلَا تُنْهِرْهُمَا وَقُلْ لَهُمَا قُولًا كَرِيمًا(23) وَأَخْفَضْ لَهُمَا جَنَاحَ الدُّنْ منَ الرَّحْمَةِ وَقُلْ رَبُّ ارْحَمْهُمَا كَمَا رَبَّيَانِي صَغِيرًا (24) رَبُّكُمْ أَعْلَمُ مَا في تُؤْوِسِكُمْ إِنْ تَكُونُوا صَالِحِينَ فَإِنَّهُ كَانَ لِلأَوَّلِيَّنِ غُورًا (25) وَأَتَ ذَا الْقُرْبَىٰ حَقَّهُ وَالْمُسْكِنَ وَابْنَ السَّبِيلِ وَلَا تُثْدِرْ بَنِيَّرًا (26) إِنَّ الْمُبَدِّرِيَّنَ كَانُوا لِخَوَانَ الشَّيَاطِينِ وَكَانَ الشَّيْطَانُ لِرَبِّهِ كَفُورًا(27) وَإِمَّا لَعْرَضَنَ "إِلَسْرَاء: 23-27] عَنْهُمْ ابْتِغَاءَ رَحْمَةٍ مِنْ رَبِّكَ تَرْجُوْهَا فَقُلْ لَهُمْ قُولًا مَيْسُورًا (28)]

[Thy Lord hath decreed that ye worship none but Him, and that ye be kind to parents (23). Whether one or both of them attain old age in thy life, say not to them a word of contempt, nor repel them but address them in terms of honor (24). And, out of kindness, lower to

them the wing of humility, and say: "My Lord! Bestow on them Thy Mercy even as they cherished me in childhood" (25). Your Lord knoweth best what is in your hearts: if ye do deeds of righteousness, verily He is Most Forgiving to those who turn to Him again and again (in true penitence) (26). And render to the kindred their due rights, as (also) to those in want, and to the wayfarer: but squander not (your wealth) in the manner of a spendthrift (27). Verily spendthrifts are brothers of the Evil Ones; and the Evil One is to his Lord (Himself) ungrateful (28). And even if thou hast to turn away from them in pursuit of the Mercy from thy Lord which thou dost expect, yet speak to them a word of easy kindness] [Ali 17 : 23-29].

It is important, therefore, to shed light on what is meant by maintaining and fostering the ties of kin as they are mentioned above in the verses of the Holy Quran. According to the Islamic and Arabic rules, a person's relatives are collectively called his **Riham** الرحم 'uterus'. Linguistically speaking, this word means 'womb'. This word **Riham** الرحم which is given to kinship is derived from the divine attribute of compassion and mercy **Al- Rahman** الرحمن .Thus **Al Riham** الرحم is used to include all the person's relatives whether patrilineal descent or matrilineal. Therefore maintaining the ties of kinship صلة الرحم can be defined as *politeness, kind treatment and concern for all one's relatives even if distantly related, corrupt, non-Muslim, or unappreciative* [Baig, 2003; الشيرازي , 2005 : 102-107]. On the other hand, the person who severs the ties of kin قطيعة الرحم will be cursed and deprived from the Mercy of Allah the Almighty. Thus severing of kin ties will be regarded a great sin which will weaken the structure of Islamic society and undermine its very existence [Islamic Voice, 1999 : Ahmed, 2008 : 404-405].

Islamic rules have urged Muslims to study and develop their kin relations by teaching respect of family and elders and have celebrated sacrifice of self for family love [Ibn Khaldun, 1958 : 128]. Ibn Khaldun states that all the social structure of the Arab tribal societies is rested on respecting kin relations because it has a central role in peoples' survival and thus he introduced a key term for such a phenomenon as **Asabiyya**. Linguistically, '**Asabiyya**' comes from the Arabic word '**asabah**', which means relatives of the person from the father side. These relatives are called '**asabah**' because they strengthen and defend the person that makes him stronger. The tribal in the Arab society has stemmed from

andocentric notion of unity by blood coming down through generations from one-shared ancestor, usually the great grandfather. Ibn Khaldun describes '**Asabiyya**' as a bio-psychological, social, political, and economic aspects all mixed in one phenomenon and can be regarded as the main source of social obligations, responsibility, norms, ethics, and the unity of identity [ibid: 289].

Family and kinship patterns in Arabic

The Arabs are a proud and sensitive people whose culture is mainly derived from three key factors: family, language, and religion. No adequate understanding of Arab culture is possible without examining these three major elements and the pervading impact they have had on their culture. To begin to understand the Arabs, one must acknowledge the Arabic family since it has been regarded as the basis of the Arab social structure. Thus the first major factor overshadowing all other societal demands of an Arab is that of family and kin. The kin characteristic includes a set of group dynamics that are built around the family. Any referring to Arab culture must also include their dominant cultural concerns, such as continuation of the close knit family [Ibn Khaldun, 1958 : 128-41].

Traditionally Arab sociologists and religious scholars have stressed the importance of the family unit as the basic social institution and society. The structure of the Arabic family is much more rigid and highly emphasized in comparison to the Western pattern. The peace and security offered by a stable family unit is greatly valued and seen as essential for the spiritual growth of its members [,1975 : 205 - الشيرازي - الحسن, 2005 : 86-7].

Parents are being respected in the Islamic tradition. In Arab culture, parents are responsible for children well into these children's adult lives, and children reciprocate by taking responsibility for the care of their aging parents □ responsibilities that Arabs generally take on with great pride [ibid : 87-95]

In the traditional Arab family, the father represents the authority figure (patriarchal tradition), and in return he shoulders the major responsibilities towards his family members. The wife joins the kin group of her husband (patrilocal kin), while the children take up the father's family name (patrilineal descent). In that capacity, the father is

assigned the role of the bread-winner or provider for his family. This role puts him at the top of the pyramidal structure of his family. Also this role carries with it unquestioning compliance with his instructions as well as respect from all family members. The mother is assigned the role of the housewife, and in that capacity, she is closer to the children and actually exercises power over them, though sometimes she may use the father to threaten them. Some scholars may interpret that as a matriarchal system alongside the patriarchal system in the Arab family. However, it is believed that this matriarchal system supports the existing patriarchy, as it solidifies the pyramidal structure of the family [العزوي, 1937 : 45; Nosseir, 2003 : 3].

In Arabic families, younger fathers expected to provide for and support the other family members, while mother are to care for the children and the household. Then, once the children have grown up, and the parents have got aged, it is the children's responsibility to care for their parents – even if it's at the children's own expense [الخليفة, 1986 : 408-12; Nosseir, 2003 : 6].

The structure of the Arabic family reveals three types of family units. The first and most simple structure is the nuclear unit *الأهل أو البيت* *the house*, which consists of the father, mother, and offspring. This type of family unit is the least significant in the culture of the Arab world and is used to specify the actual residence of a family or the group of people who live under the same roof most of the time. The second familial unit is the *العائلية* *the extended family* or the joint family. It consists of father, mother, unwed children, as well as wedded sons and their wives and children, unwed paternal aunts, and, sometimes, unwed paternal uncles. In short, this unit is composed of blood relatives plus women who were brought into the kin through marriage. This unit is an economic as well as a social unit and is governed by the grandfather or eldest male. The third type of blood kin unit is the *العشيرة* or *clan*. It consists of all individuals, male or female, who claim descent from the same paternal ancestor. The Arab village community is normally composed of three or four such *عشائر* *clans*, which may be called the *قبيلة* *tribe* and each of these units of *عشائر* *clans*, are composed of several joint families [العزوي, 1937 : 45-57].

The Arab family is the center of all loyalty, obligation, and status of its members. The individual's loyalty and duty to his or her family are greater than any other social obligation. From birth until death, an

Arab individual is always identified with other members of the joint family in name and social status. Once a child is born to a young couple, the people stop referring to the parents by their first names and begin calling them after the name of their child. E.g. Arabs used to call each other's by using their euphemistic name '*surname*' rather than the first name because such a euphemistic name will maximize and increase the honorific and respectable character of the person. Thus they say, for example, أبا الحسن *Father of Al-Hassan'* and أم الحسن *Mother of Al-Hassan* rather than to say the first name [ابن منظور 1955, 306]. A child also adds the name of his father to his own name and often precedes it with the word ابن, which means *son of*. Unlike the western culture, Women are related in the same fashion through the patrilineal line, and they maintain such identification even after marriage; though women do not add their husband's name to their own after marriage. All members of العشيرة *clan* identify and relate themselves to one another in a very systematic way. For example, a young man refers to every one of his fellow young men of the العشيرة as ابن عم, or *paternal first cousin*. The same for every one of the young women referring to each other as بنت عم, or *paternal female cousin*. Such a system of identification shows that an Arab is necessarily a family-oriented individual, and that he is always considered integral part of a much larger family unit than the biological one. His loyalty is always greatest to those closest in kin, but it transcends even these individuals to include the العشيرة and village to which he belongs, rather than the place in which he may be living [Hammed et al, 1999 : 17-19].

The cohesiveness of Arab families derives from a world view in which human society beyond the realm of kin, filled as it is with non-relatives, strangers and unreliable institutions, is construed as immoral and fundamentally dangerous: as a domain in which one's resources and affections are drained away from the 'loved ones, in-laws and kin' who truly deserve them. Unlike the western culture, one distinctive feature of Arab families is the relatively high rate of marriage between relatives (in particular, between cousins), a practice known as consanguinity [Shryock, 2000 : 588].

Arab families are patrilineal, which designates descent from the father's side, as well as patriarchal, meaning conferring male power, responsibility and privilege. Patrilineality defines social relations,

inheritance, joint economic operations, occasionally one's defense group, and control over female sexuality. Women continue to belong to their father's family after marriage. Their fathers and brothers can be a defense against their husbands – significantly more so than is the English norm [البياتي، 1975 : 377; Aswad, 1996]. For more details about the structure of Arab family see [البياتي، 1975 : 374-518].

A Muslim marriage is both a sacred act and a legal agreement, in which either partner is free to include legitimate conditions. From an Islamic perspective, marriage legalizes sexual relations and provides the framework for procreation. From a social perspective, it brings together not only the bride and groom but also their nuclear families and العشيرة [Al Shirazi, 2005 : 128-129].

The main factors considered in the selection of a mate are the character, reputation, and economic and social status of the prospective in-laws, followed by the character and reputation of the spouses-to-be. Preference is usually given to relatives (cousins) in which such a marriage among relatives is not acceptable in western society. Unlike the western culture, Islam does not accept the relations of boyfriend , girlfriend or adultery relationship before marriage since such relations are not allowed according to the Islamic rules and they will break the system of the society by giving birth to illegal children whom they have not any kin relations[العزوي، 1937 : 48].

Polygamy is legal under Sharia'a law, with men permitted up to four wives as long as they can provide for them all and treat them equally. Reasons for polygamy include pressure to take part in an exchange marriage; the illness or infertility of the wife, or her failure to bear sons or to meet her husband's sexual needs. Traditionally, polygamy served as a way to enlarge the family and also as a way of providing the protection of marriage for women when there was a shortage of men or a very large number of widows and spinsters [الحسن-3:202-1975، الشيرازي، 2005:128- 9].

REFERENCES

1. References in English:

1. Ahmad, M.T. Absolute Justice, Kindness and Kinship – The Three Creative Principles. – Surrey, UK: Raqeem Press Tilford, 2008.
2. Ali, A.Y. The Holy Quran, Text translation and Commentary. – Kuwait: That Es-Salasil Printing Publishing, 1989.

3. Hammad, A., Kysia, R., Rabah, R., Hassoun, R. and Connelly, M. Guide to Arab Culture: Health Care Delivery to the Arab American Community. – ACCESS (Arab Community Center for Economic and Social Services): Public Health Education and Research Department Series of Research. – Report No.7. – 1999.
4. Hatch, H. and Brown, C. Vocabulary, Semantics and Language Education. – Cambridge University Press, USA. – 1995
5. Krifka, M. Semantic Fields and Componential Analysis. – Berlin: Homboldt University, 2001.
6. Larson, M.L. Meaning-Based Translation: A Guide to Cross-Language Equivalence. – NY: University Press of America, Inc., 1984.
7. Nosseir, N. Family in the New Millennium: Major Trends Affecting Families in North Africa. // *Major Trends Affecting Families: A Background Document*, Report for United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Division for Social Policy and Development, Program on the Family, 2003. – Archived in: <http://www.un.org/esa/socdev/family/Publications/mtnosseir.pdf>
8. Palmer, F.R Semantics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
9. Shryock, A. Family Resemblances: Kinship and Community in Arab Detroit // *Arab Detroit: From Margin to Mainstream* / Eds.: Nabeel Abraham and Andrew Shryock. – Wayne State University Press, 2000.

2. References in Arabic:

- أبن منظور، أبي الفضل جمال الدين محمد بن مكرم. 1955. لسان العرب, ج.3. بيروت: دار صادر للطباعة والنشر.
- القاهرة: المكتبة فقه اللغة وسر العربية. الشعالي، أبي منصور عبد الملك بن محمد. 1938.
- البياتي، علاء الدين جاسم.(1975) علم الاجتماع بين النظرية والتطبيق. بغداد: دار التربية ومؤسسة الاعلامي.
- الحسن، احسان محمد. (1976-1975) المدخل الى علم الاجتماع الحديث. بغداد: جامعة بغداد.
- الخليفة، هيا راشد. (1988)"أحكام الأسرة في الخليج العربي: بين رواسب الجذور ومقتضيات في مجلة الأسرة والطفولة: بحوث ودراسات.المجلد الثاني. الكويت: مؤسسة "الحاضر" الكويت
- الشيرازي، صادق الحسيني. (2005) المقدمة العقائدية. كربلاء: دار صادق للطباعة والنشر.
- الشيرازي، محمد الحسيني. (2005) الأخلاق الإسلامية. كربلاء: دار صادق للطباعة والنشر.
- عمر، ماهر محمود. (1988)سيكولوجية العلاقات الاجتماعية. الإسكندرية: دار المعرفة الجامعية
- المحقق الحلي، أبو القاسم نجم الدين جعفر بن الحسن(602-676 هـ) (1969) شرائع الإسلام في مسائل

النويري،شهاب الدين احمد بن عبد الوهاب.توفي (733 هـ) (نهاية الإرب في فنون الأدب.ج2. تحقيق: مفید قمیحة وحسن نور الدين(2004)ط1.بيروت:دار الكتب العلمية.

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА (на материале русско-английских фразеологических общностей)

И.О. Наумова

*Харьковский национальный университет городского хозяйства
им. А.Н. Бекетова
ул. Революции, 12, Харьков, Украина, 61 002*

В статье прослеживается проникновение в сленг информационных технологий заимствованных английских фразеологизмов в виде акронимов. Основное внимание уделяется деривационным способностям рассматриваемых неофразеологизмов в английском и русском языках. Целью является выявить инновации фразеологического характера, зафиксированные в лексикографических источниках.

Ключевые слова: инновационные процессы, фразеология, акроним, современный русский язык, фразеологические общности русского и английского языка.

INNOVATIVE PROCESSES IN PHRASEOLOGY OF CURRENT RUSSIAN (on the material of Russian and English common phraseology)

I.O. Naumova

*Beketov National University of Municipal Economy in Kharkiv
Revolutsii str., 2, Kharkiv, Ukraine, 61 002*

The paper traces penetration of borrowed English phraseologisms in a form of acronyms in the slang of IT. The focus is on derivative potential of the

neo-phraseological units in English and Russian. The aim is to reveal the innovations of phraseological nature registered in lexicographical sources.

Keywords: innovative processes, phraseology, acronym, current Russian, common phraseology of Russian and English.

Первая мощная волна пришествия англицизмов нового поколения в лексику и фразеологию современного русского языка началась в 80-е годы XX века [5, с.3-23]. К началу XXI века мощь словесного натиска значительно усилилась благодаря процессам глобализации в мире, развитию информационных технологий, сформировавших за 25 лет язык Интернета. Влияние средств мас-медиа привело к пополнению интернационального фонда языков мира, его лексических и фразеологических общностей.

В XXI веке в русский язык начинают проникать не только отдельные слова, но и целые блоки слов, представляющие фразеологию терминологического происхождения, пополняющую международный своды кодовой номинации новых реалий и понятий в ИТ. Интернет-мемы создали беспрецедентную фразеологическую поросль новообразований, в отдельных случаях образуя омонимические пары с уже завоевавшими свое право на существование в языке-источнике фразеоглизмами.

В силу всеускоряющегося темпа развития словарных запасов языков мира, черпающих свои новые поступления из английского языка, в большей степени из его американского варианта, все более явно проявляется сила универсального закона языковой экономии. Впервые во фразеологии выражение сливается не только в слово, что всегда имело место в языке, но в силу того, что сила сжатия усиливается, появляется не только его аббревиатура, но и новый результат компрессии – цифровой код слова, что никогда прежде не было зафиксировано в недрах русского языка.

По мнению И. Левонтиной, «То, что туда (в английскую лексикографию – И.Н.) включают значки, свидетельствует о том, что в английской лексикографии есть понимание того, что в нашу мультимедийную эпоху функционирование языка меняется, вербальные средства смешиваются с невербальными» [1].

Данные изменения были обусловлены спецификой языков программирования и размера текстового полотна, рассматривающего буквы как символы мессиджа [Наумова: 2012]. Известно, что

в 1985 г. F. Hillebrand ввел ограничение текстовых сообщений до 140 символов в глобальной системе мобильной связи (GSM), что привело к необходимости сокращать слова и породило огромные вливания акронимов, аббревиатур в SMS сообщениях, позже в языке интернетовской коммуникации, а оттуда не только в книжную, но и повседневную устную речь его создателей.

Ср. «По тем же причинам мы стали активными пользователями сленга и сокращений. Например, чтобы написать фразу: «Я в восторге!» — нужно затратить от 3 до 6 секунд (в зависимости от скорости вашего набора) и 13 раз нажать на клавиатуру. Тут же на помощь приходит аббревиатура, которая уже активно используется в современной речи, — «*OMG!*» (*Oh my God!*). В русской интерпретации взаимозаменяется на “*ОМГ!*”» [<http://www.towave.ru/pub/mse-govorite-pliz-po-russki-ya-vas-ne-ponimat.html>].

По свидетельству *The New Scientist*, никогда ранее такое количество единиц языка программирования (*typed language*) не мигрировало в устную речь. Обычно сленг рождался в разговорной речи, проникая в отдельных случаях в письменную речь. Таким образом, безусловно, появление субстандартного языка фразеологии в виде ее сленга в своей письменной кодификации, в том числе и цифровой (*Internet slang/ language, Internet Short-hand, leet, netspeak, chatspeak*), является, безусловно, инновационным процессом в развитии современных языков мира.

Некоторые заимствованные фразеологизмы английского происхождения, представляющие собой широко известные единицы как письменной, так и в большей степени устной речи, обнажая свои корни, выявляют свой почтенный возраст, свидетельствуя о своем втором пришествии как в язык-источник, так и в заимствовавшие его языки мира.

В данной статье вышеуказанные инновационные процессы будут рассмотрены на примере получившего широко распространение в современной устной речи, первоначально — в языке медийной коммуникации, фразеологизма английского происхождения *Oh, my God!*, его вариантов — *Oh my God /* и сокращенных аналогов *O.M.G., OMG, omg, омг.* (в языке Интернета распространен также вариант «*zOMG!!1*», передающий ‘огромное потрясение автора и последовавшую вследствие этого опечатку’).

Проникновение данного выражения в устную речь русского языка можно объяснить не только интерференцией английского языка, но и желанием проявить свое знание иностранного языка, быть в струе с модными тенденциями в обществе – замене исконных слов и фраз английскими эквивалентами, что нередко приводит к нарушению норм родного языка.

Ср. «Тут же на помощь приходит аббревиатура, которая уже активно используется в современной речи, – «OMG!» (Oh my God!). В русской интерпретации взаимозаменяется на «ОМГ!»... Но это вызывает опасения перед полноценным общением, когда, встречая на улице потрясенного каким-либо явлением подростка, вы слышите от него не: «О, как это удивительно!», а губительное для устной речи: «ОМГ!» [http://www.towave.ru/pub/mse-govorite-pliz-po-russki-ya-vas-ne-ponimat.html]; «Уверял, что любопытство сильнее страха («когда темно, это причина не для «Oh my God!», а для «Привет, кто там?»).» [http://www.fullrest.ru/blogs/fullrest-test-fan-art-contest].

Известно, что славяне выражали свое изумление, восторг, удивление, используя междометное выражение – *О мой бог! Боже мой! – Боже Мой! Боже Мой!* для чего Ты Меня оставил? (Марк. XV, 34).

Ср. использование данного русского фразеологизма в романе «Евгений Онегин» А.С. Пушкина: «Его пример другим наук; / Но, **боже мой**, какая скука / С больным сидеть и день и ночь, / Не отходя ни шагу прочь!».

Ассимилируясь в русской речи, фразеологизм в виде аббревиатуры *OMG* часто транслитерируется в русском языке: «*Омг: омг* (англ. *OMG*) – *Oh My God* – *О, Боже; Боже Мой*. У нас пишут "омг" вместо "omg".

Например: «Омг, вчера такое было! Омг, как нас много! Омг, как же мне понравилось вчера! ОМГ! Какой позор! Омг омг... конец света!» [http://slovoborg.su/definition/%D0%BE%D0%BC%D0%B3].

Интересен тот факт, что впервые сокращение *OMG* было зафиксировано в английском языке в 1917 г. в письме Уинстону Черчиллю британского адмирала лорда Арбетнота Фишера, в котором он выражал свое недовольство по поводу неутешительных заголовков в газете, описывающих события Первой мировой

войны. Финальной фразой письма было возмущение тем, что якобы в Адмиралтействе предполагалось рассмотрение нового порядка назначения кандидатов на различные командные посты. Морской офицер столь высокого ранга хорошо был знаком с языком Морзе, прототипом современных информационных технологий, внесшего в русский язык много аббревиатур (ср., напр. фразу *SOS*), то есть с приемом конденсации языковых средств. В целях экономии времени в начале XX в. аббревиатуры распространенных фраз широко использовались и в личной переписке.

Аббревиатура *OMG* была внесена в Оксфордский словарь английского языка в 2011 году. В словаре были зафиксированы также примеры использования данного сокращения в английском языке в роли прилагательного для выражения эмоций *восторга, удивления, ужаса*.

Например, в тексте рекламного объявления в газете в 1982 г.: “1982 *Los Angeles Times* 15 Jan. i. 4/5 (*advt.*) ...We spotted some marked O-M-G Tangelos, about the biggest we've seen”.

Как известно, упоминать имя господнее *всye* возбраняется. Выражение, возникшее в английском языке как вариант рассматриваемого выражения – *Oh my Gosh* часто заменяет в речи восклицание *Oh, my God!*, служа эвфемизмом, помогающим избежать упоминания имени Всевышнего.

К сожалению, в последнее время и это чужеземное восклицание часто встречается в русской письменной и устной речи.

Ср.: «*Oh, My* – сокращение от удивлённого восклицания «*Oh my gosh!*». Нам это просто показалось подходящим для коммерческого проекта» [<http://www.the-village.ru/village/service-shopping/shops/126029-russian-mass-market-part-1>].

В русском языке получает распространение и эквивалент фразеологизма *Oh my God* – его производное – *Oh my godable/godable!* со столь популярным в XXI веке словообразовательным элементом *able* (означающим *способный*), заимствованным в наше время из английского языка.

Ср. беседу на форуме Мультитран: «*Oh my godable* – нечто, о чем очень хочется сказать *Oh, my God!*» [<http://www.multitran.ru/c/m.exe?a=4&MessNum=209124&l1=1&l2=2>]; «Кто-нибудь слышал фразу *Oh my godable?* Интересно, это Просто производная от *Oh my God*; «Употребляют в своей речи английские слова и

выражения, а так же часто (невпопад) к словам добавляют английское окончание (sic – И.Н.) «-able», (например "You're appetiable", "Greatable", "Superable", "Мой новый style", "Oh my godable!"») [<http://www.multitran.ru/c/m.exe?a=4&MessNum=209124&l1=1&l2=2>]; «Я поиграл на всех, на всех 25 гитарах которые там были, OH MY GODDABLE, это было прекрасно» [<http://jaceas.blogspot.com/2012/12/only-gibson-is-good-enough.html>].

Известно, что слова *комфортабельный, социабельный, рентабельный, etc.* были заимствованы русским языком из французского в XIX в. Так, например, В.Г. Белинский нередко использует слово *социабельность* в своих статьях: «Дух разъединения враждебен обществу: общество соединяет людей, каста разъединяет их. Многие думают, что спесь, остаток славянской старины, уничтожает у нас – *социабельность* (sociability)» [2].

В наше время слово *социабельность* (*общительность, способность общаться*) заменено новомодным словом *коммуникальность*, на этот раз пришедшим из английского языка, естественно, сохранив свои романские корни. В русском языке появился и новомодный английский дериват, с суффиксом *able*, который вновь проявляет свой деривационный потенциал в XXI веке, на этот раз под влиянием английского языка (*носильный, читабельный, диссертабельный и т.д.*).

Появляются новые сочетания слов *носильная одежда, читабельный текст, диссертабельная тема*, которые столь чужды родному мелосу речи. Неудивительно, что столь часто используемое восклицание *OMG* также добавило к своему составу столь модный словообразовательный компонент, означающий ‘способный’ или ‘некто или нечто, что может быть божественным’ – *goddable/godable*.

Названия фильмов, песен нередко приносят популярность той или иной фразеологической единице. Так в 2006 году появилась в Британии песня *Oh My Gosh*, принадлежащая к жанру электронной танцевальной музыки.

В 2007 г. был создан увлекательный молодежный сайт *OMG!*. Через четыре года в Индии был снят фильм "OMG (Oh My God)", что также способствовало распространению данного акронима.

Судьба данного фразеологизма напоминает историю происхождения аббревиатуры *LOL*, которая также была популярна в 60-е годы 20 века, обозначая «старушек» (*little old lady*). По другой версии, в 60 годы 20 века эта аббревиатура использовалась так же, как и рассмотренная выше фраза *OMG* в письмах, служа сокращением английской фразы *lots of love* или *Lots of Luck*. Эти фразы – пожелания любви и удачи – обычно завершали письмо в виде сокращения *LOL*. Интересен тот факт, что в голландском языке слово *LOL*, означающее *смех, веселье*, возникло намного раньше и не имело никакого отношения к компьютерному сленгу.

В современном сетевом сленге акроним *LOL* вновь входит в состав английского языка, меняя свое значение. Ср. “laughing out loud” (хочется громко) [<http://rus.ruvt.ru/2011/03/25/47984568/>].

Так, Дэвид Кэмерон в ноябре 2012 года признался, что не знал о новом значении данного акронима, расшифровывая его в переписке как пожелание любви.

Cp. “UK Prime Minister Thought 'LOL' Meant 'Lots of Love' ‘According to Brooks, she and Cameron exchanged texts regularly in 2010 and he would sign them "LOL" believing that to mean "lots of love." It wasn't until Brooks explained to him the real meaning that he realized the error of his ways. [<http://gizmodo.com/5909534/uk-prime-minister-thought-lol-meant-lots-of-love>].

В 2008 г. Интернет-мем *LOL* в своем новом значении приобретает известность благодаря выходу одноименного фильма, название которого содержит не только акроним, но и его расшифровку. Ср. “LOL [ржунимагу] / LOL (Laughing Out Loud) (2008) DVDRip”.

Данная аббревиатура вместе с конденсированной формой выражения *Oh my God!*- *OMG* была зафиксирована лексикографами Большого Оксфордского онлайн словаря английского языка в 2011 г. как неологизм, перешагнувший рамки сетевого употребления и вошедшего в письменную и устную речь английского языка, обрастил обширным кластером его производных и послуживший моделью для создания своих прототипов в различных языках мира.

Согласно Etymonline Dictionary, интернет-мем *LOL* появился в языке в 1993 г. в интернет-чатах, *omg* как аббревиатура из тех же источников была зарегистрирована в языке на год позже, в 1994 г.,

заменив известное ранее в компьютерном жаргоне сокращение *OMG* – *Object Management Group*, служившего обозначением компаний, проложившей путь современному Интернету [http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=omg&searchmode=none].

В эпоху расширения мультимедийного пространства, репродуктивная функция Интернет-мемов способствует засилью нового поколения фразеологизмов, отличающихся своей внутренней семантической наполненностью и передающих определенные эмоции человека, сжимаясь в акронимы, зашифровывая свой смысл в чередовании нескольких букв.

Характерной чертой сегодняшнего поколения новых фразеологизмов IT сленга является процесс их проникновения их письменной речи в устную, вопреки сложившемуся ранее правилу черпать новые единицы из устной речи в письменную.

Как известно, D. Crystal, рассматривая использование неологизмов акронимов (в частности LOL, ROLF), отмечает, что это новый вид вариативности языкового развития, расширяющий его богатство и выразительность. В своей книге *Language and Internet* он подчеркивает удивительную способность Интернета вдохновлять на поиск разнообразных языковых форм и в целом - на развитие креативности его создателей [4].

Но, используя каждое слово, необходимо помнить о нормах родного языка, культуре речи, разговорной этике, уместности применения той или иной единицы. В поликультурном мировом сообществе усиливается тенденция образования пластов лексических и фразеологических общностей, интернационального языкового фонда, в котором непрерывен процесс обновления и очищения от ненужных новообразований.

Языковые процессы нередко саморегулируют свое внутреннее, заложенное в потенции языка, движение к рациональному и корректному использованию своих ресурсов человеком. Говорящие на нескольких мировых языках люди XXI века должны обладать внутренним языковым камертоном, уберегающим их от диссонансных коннотаций и интонаций в звучании любого языка. Любая инвенция, именно так именовались в русском языке *нововведение* в XVIII в. (ср. *изобретение*), должна звучать в любой

языковой гармонии как инвенции Баха, не нарушая канонов хорошо темперированного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архарова К. Когда в словарях появится "ржунимагу"? URL:http://www.bbc.co.uk/russian/society/2011/04/110412_oxford_dictionary_lol.shtml
2. Белинский В.Г. Мысли и заметки о русской литературе // Соч.: В 3 т.: Т.3. М.: ОГИЗ, ГИХЛ, 1948. URL:http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0060.shtml
3. Наумова И.О. Фразеологические общности английского и русского языков (в контексте языковой конвергенции). Харьков: ХНАГХ, 2012. URL: http://phraseoseminar.slovo-spb.ru/biblioteka_monograf.htm
4. Crystal D. Language and Internet. – Cambridge: CUP, 2006.
5. Dunn J. The Transformation of Russian from a Language of the Soviet Type to a Language of the Western Type // Language and Society in Post-Communist Europe /Ed J. Dunn. – Basingstoke: Macmillan, 1999, p. 3-23.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ТЕРМИНОВ БРАЧНОГО РОДСТВА В РУССКОМ И СЕРБСКОМ ЯЗЫКАХ

Николич Милина (Сербия)

*Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6а. Москва, Россия, 117198*

Терминология брачного родства имеет комплексный характер – она представляет большой интерес исследований ученых в области гуманитарных наук. За счет изучения номенклатуры родства славянских народов, представляется возможным сделать ряд выводов о генетическом родстве рассматриваемых языков, что отмечается в данной работе.

Ключевые слова: гуманитарные науки, термины родства, брачное родство, русский язык, сербский язык, этнология.

COMPARATIVE STUDY ON MATRIMONIAL TERMINOLOGY IN RUSSIAN AND SERBIAN LANGUAGE

Nikolich Milina

*Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6a, Moscow, Russia, 117198*

Matrimonial terminology is complex, as it plays an important role in all the researches in humanities as a whole. Due to the study of nomenclature of relations between the Slavic nations it gives an opportunity to draw a number of conclusions about the genetic relations of these two languages, which is presented in the given work.

Key words: humanities, kinship terminology, matrimonial terminology, Russian language, Serbian language, ethnology.

Исследование терминов родства, занимая ведущую роль в этнолингвистике и этнологии, является неотъемлемой частью современного языкоznания. Сопоставление происхождения и функционирования терминов родства в языках следует отнести к актуальному рассмотрению родственных связей в сопоставительно-типологическом и сравнительном языкоznании. Когда речь идет о данной области языкоznания, важным считается упомянуть, что примечательным для развития сопоставительного, типологического и сравнительного языкоznания следует считать изучение особенностей славянской группы языков. Здесь, необходимо подчеркнуть важность данного вопроса, ибо к нему длительное время обращаются языковеды, специализирующиеся во многих направлениях языкоznания - общем языкоznании, этнолингвистике, этнологии описательной лингвистике, славистике и др.

Терминология брачного родства интересна тем, что в ней отражаются история, обычаи славян как этноса, вековые традиции и изменение статуса брака в современном мире, и, самое важное – сопровождающие их языковые явления. Ярким примером схожести сербского и русского языков и, соответственно, подтверждение их языкового родства, являются термины «муж» / «жена». В русском и сербском языках они одинаковы как в написании, так и в произношении. Данную пару слов следует, несомненно,

отличать от известных нам юридических терминов «супруг» / «супруга».

Примечательным следует считать такие второстепенные термины брачного родства, как, к примеру, «золовка», «деверь», «шиурин», «свояк», «своячница», «сват», «свата», которые в современном русском языке не находят такого активного употребления, как в сербском языке, где они являются общеупотребительными – «заова», «девер», «пашеног», «свастика». Данные слова, старославянского происхождения, свидетельствуют о родственности данных двух языков.

Ярким примером влияния старославянского языка на современные русский и сербский языки являются родственные пары терминов «свекор» / «свекровь» и «тесть» / «теща». Здесь примечательно сохранение и использование данных терминов как в современном русском, так и в современном сербском языках – «свекар» / «свекрва»; «таст» / «ташта».

Для русского языка интересны термины «невестка» и «сноха», у которых имеется несколько значений:

«Невестка»:

- 1) жена сына по отношению к матери сына (свекрови);
- 2) то же, что сноха (жена брата);
- 3) то же, что золовка (сестра мужа, жены);
- 4) жена одного брата по отношению к жене другого брата.

«Сноха» — жена сына по отношению к свёкру:

Интересно то, что в сербском языке представлен один термин «снаја», имеющий одно значение – ‘жена по отношению ко всем родственникам мужа’. Таким образом, мы видим, что термины *невестка* и *сноха* в сербском языке представляются одним словом. С другой стороны, следует отметить, что в сербском языке название сестры мужа обозначается лишь одним термином «*заова*» (*золовка*), сестры жены тоже одним термином «*свастика*» (*своячница*), муж, по отношению ко всем родственникам жены, же, следует называть термином «*зять*» / «*зет*».

Являясь культурологическим признаком эволюции, для терминологии брачного родства свойственно изменение, следовательно утраты терминов, которые встречаются в терминологии родства старославянского языка. Сравнивая происходящие изменения в русском и сербском языках, следует прийти к выводу, что

в сербском языке имеется больше заимствованных слов, тогда как в русском языке сохраняются слова праславянского происхождения. Это объясняется вековыми, историческими, территориальными изменениями, происходящими в этих двух лингвокультурах.

Терминологию родства следует отнести к социологическому, культурологическому и языковому явлению. К языковому явлению, данную область мы относим потому, что рассматривается изменение языка, и определенные единицы в определенный период времени. Социальным явлением считается по причине того, что язык неразрывно связан с социумом, а, значит, эти два явления напрямую зависят друг от друга. Таким образом, следует прийти к выводу, что развитие и изменение языка зависят от всех перемен, происходящих в обществе, культуре и в народе-носителе данного языка, что, несомненно, влияет на все происходящие изменения в терминологии родства в современных русском и сербском языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Даль В.И.* Брат. // Толковый словарь живого великорусского языка. – [Электронный ресурс]. – [Режим доступа]: <http://slovari.yandex.ru/>.
2. *Макейчик А.А.* Генеалогический словарь (учебное пособие). – СПб.: Институт морского права, 2003.
3. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. – М.: Астрель, 2004. – Т. 4.
4. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2-х т. – М., 1999.
5. Dželetović Pavle. Predački niz: rod, rodbina, srodstvo. – Beograd: Obeležja, 2005.
6. Rakić D. Radomir. Terminologija srodstva u srba. Entropoloski problemi, monografije, knjiga №13. – Beograd: Stručna knjiga, 1991.

АВТОРСКИЕ И ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В ТЕКСТОВОМ СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ КАК МНОГОПЛАНОВОМ ПОЛИКООРДИНАТНОМ ФЕНОМЕНЕ

Ф.Н. Новиков

*Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198*

Цветообозначения являются средствами образно-эстетического воплощения внешней действительности и внутреннего мира человека. В статье исследуются авторские и переводческие трансформации цветовых характеристик и их отражение в текстовом семантическом поле цветообозначения.

Ключевые слова: цветообозначение, семантика, текстовое семантическое поле, переводческие трансформации.

AUTHOR'S AND TRANSLATOR'S TRANSFORMATIONS OF COLOUR TERMS IN TEXTUAL AND SEMANTIC FIELDS AS A MULTIDIMENTIONAL PHENOMENON

Ph.N. Novikov

*Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198*

Colour is an essential component of moral and aesthetic values for representatives of different cultures. Colour terms are means of aesthetic representation of the external reality and the inner self. This article is dedicated to analysis of author's and translator's transformations of colour characteristics and their representation in the textual and semantic field of colour terms.

Key words: colour term, semantics, textual and semantic field, translator's transformations.

Лексика цветообозначений является предметом внимания многих общих лингвистических работ, рассматривающих проблемы семасиологии, в частности, проблемы лексических систем, семантических полей, что обусловлено тем, что в языковой картине

мира важное место занимает формирование представлений человека о самом себе и о своем месте в окружающем мире. Это относится в полной мере и к цветообозначениям, являющимся обязательным и очень существенным ее компонентом.

Цветообозначения представляют собой интегральные компоненты лексической системы языка. Существенно, что согласно теории лингвистической относительности (*linguistic relativism*), принадлежащей Сэпиру и Уорфу [6], абсолютная реальность мира по-разному анализируется, отражается, членится в семантической системе различных языков: в соответствии с системой определенного языка, относительно нее. В зависимости от особенностей языковой системы конкретных языков создаются различные «представления действительности», возникает то или иное видение мира, его объективной реальности. Лексику любого языка можно представить с точки зрения идеографического описания в виде системы взаимодействующих семантических полей, образующих сложную и специфическую для каждого языка картину мира, определяемую его внутренней формой. Цветовая картина мира не является исключением. Описание значений наименований цвета, толкование семантики цветообозначений базируется на следующих универсалиях: понятие «видения», актуализированное «различием между временем, когда человек видит («день»), и временем, когда он не видит («ночь»); понятие «фона», то есть при описании семантики цвета необходимо учитывать типичные черты пейзажа; понятие «подобия», ибо именно сравнение играет большую роль при передаче зрительных ощущений, особенно при описании категории цвета [1, с. 232].

Одно из основных положений современной лингвистики касается интерпретации языка как семантической системы в аспекте ее функционирования. В качестве комплексной единицы анализа на различных уровнях языка выдвигается семантическое поле, поскольку лексическая система и все ее составляющие единицы наиболее полно и адекватно отражаются в этой категории высшего порядка. Очевидно, что на современном уровне развития науки семантическое поле является многоплановым поликоординатным феноменом, изучение которого является актуальной проблемой и для сопоставительных типологических исследований цветообозначений в аспекте динамики культурных кодов [5].

В цветовой картине мира выделяются общие компоненты, характерные для любого языка, и специфические черты, которые являются отражением национальных особенностей отдельных языков, эти реминисценции находят выражение и в художественных произведениях. Цветообозначения являются средствами об разно-эстетического воплощения внешней действительности и внутреннего мира человека. Они функционируют как словесные образы различного диапазона – от минимальных (микрообразов) до самых сложных образований.

Художественное произведение можно представить как «непрестанный колебательный процесс, в котором от самого произведения переходят к скрытым в нем исходным кодам и на их основе – к более верному прочтению произведения и снова к кодам и подкодам, но уже нашего времени, а от них к непрестанному сравнению и сопоставлению разных прочтений» [8, с. 112].

Исследование динамики цветообозначений как процесса взаимодействия индивидов с внешним миром, со своим природным или социальным окружением, связанного с расширением семантики цветового слова, развитием его образности, дает возможность проанализировать, в результате чего происходит переосмысление уже известных цветообозначений и создание новых, индивидуально-авторских.

В художественном произведении цветообозначения не только способствуют созданию образности, в семантических интерпретациях цветовых номинаций художественные тексты представляют собой важный источник информации. Существенно, что контекст как составная часть текста способствует реализации семантического потенциала цветообозначений, поэтому изучение семантических процессов их формирования, стилистических и эстетических функций в художественных текстах, которые имеют богатые возможности передачи разнообразных эмоциональных, эстетических и символических значений, является весьма важным. Метод текстового поля в изучении языка и композиции литературных произведений позволяет «охватить» все стороны и опосредования объекта, максимально приблизив читателя (интерпретатора) к автору, его творческому замыслу, дает возможность описать некоторые особенности и специфику поля цветообозначений. Семантиче-

ское и текстовое семантические поля соотносительны, но не тождественны. Л.А. Новиков подчеркивал, что семантика и структура текстового поля более подвижна и менее определена, так как контекстуально обусловлена; общему (инвариантному) значению семантического поля, выраженному именем поля (ядром), соответствует тема (синтез ряда подтем) текстового поля, образующего протяженную, развивающуюся композиционно-речевую структуру и определенные тематические ряды в художественном произведения [4, с. 558-559].

Литературное творчество направлено на создание «вторичной» реальности – вымыщенного художником слова мира. Эгоцентричность автора как субъекта, порождающего текст, позволяет представить мир, не тождественный чувственно воспринимаемому, а избрать краски, релевантные для художественной картины мира, придать различным объектам действительности определенные цветовые характеристики: «Цвет является значимым компонентом художественного пространства, поэтому анализ цветосемантики, цветописи, светописи помогает проникнуть в философско-мировоззренческую концепцию автора» [7, с. 3], а также проанализировать роль цветообозначений как структурного компонента художественного текста, представленного в текстовом семантическом поле.

Неоднозначность является важнейшей характеристикой художественного текста. Следуя законам автокоммуникации – членению текста на ритмические куски, сведению слов к индексам, ослаблению семантических связей и подчеркиванию синтагматических – поэтический текст вступает в конфликт с законами естественного языка. «А ведь восприятие его как текста на естественном языке – условие, без которого поэзия существовать и выполнять свою коммуникативную функцию не может» [3, с. 164-165]. В текстовом семантическом поле цветообозначения выявляются системы конвенций, регулирующие взаимоотношения различения уровней, нестандартное применение исходных кодов на всех уровнях сообщения преобразуют его в эстетическое благодаря «глобальному изоморфизму, который и называется эстетическим идиолектом» [8, с. 92]. Цветообозначения развертываются не только линейно, но и противопоставляются как члены образной парадигмы.

дигмы, создавая образный каркас текстового семантического поля. Синтагматическое и парадигматическое противопоставление его элементов, – яркое, характерное изобразительное средство художественного текста.

Восприятие цвета весьма своеобразно в разных языках. Быт народа, его историческое развитие влияют на характер ассоциативных рядов цветообозначений и их переносных значений. Однако существуют коннотации, общие для многих языков. В процессе перевода сложные цветообозначения могут заменяться своими более простыми и распространенными аналогами, а в некоторых случаях даже и опускаться. Так, например, у Бернара Вербера: «*Sur ses iris gris clair étaient dessinés des motifs compliqués, presque en relief*». – «Радужная оболочка ее глаз покрыта сложным, почти рельефным рисунком» [11]. В переводе цветообозначение *gris clair* опущено, это мотивировано тем, что французское *iris* переводится как «радужная оболочка». Добавление сложного цветообозначения светло-серый привело бы к смещению смысла, поскольку слово *радужная* в сочетании с любым цветообозначением вышло бы за рамки анатомического термина и приобрело значение *разноцветная* (при этом оно бы относилось к семантическому полю «цвет»).

Исследуя авторские особенности восприятия цвета и их отражение в текстовом семантическом поле цветообозначения, необходимо отметить, что впечатления от явлений природы, например, таких как солнечный свет, очень многогранны: «*L'astre solaire vira au rouge, puis au rose, à l'orange, au jaune et enfin au blanc*». – Солнечное светило сначала было красным, потом розовым, оранжевым, желтым и, наконец, стало белым». Интересно, что словосочетание *astre solaire* для обозначения солнца, подчеркивает тот факт, (который не находит отражения в обыденном сознании), что солнце является звездой, делается акцент на солнечных лучах. В русском языке солнце обычно описывается в желтых, красных, оранжевых и белых цветах, однако розовый никогда не входил в его традиционное описание. Для франкофонов *rose* – один из цветов, точно передающих ощущение от солнечного света. Очевидно, что при совпадении в языках общего «списка» цветообозначений, характеризующих некоторый объект, обнаруживаются и

различия: либо в количестве, либо в качестве, либо и в том, и в другом.

Интересен и следующий пример переводческих трансформаций в вышеупомянутом романе Б. Вербера «Elle regarda la poubelle brûler. Le feu, c'est noir, rouge, jaune, blanc». – «Она смотрела, как горит мусорный бак. Огонь, он и *черный*, и *красный*, и *желтый*, и *белый*». Цвета, которые человеческий глаз различает, смотря на огонь, практически одинаково передаются и в русском, и во французском, однако данный пример аналогичен предыдущему – черным в русском языке огонь не называют. Автор имеет в виду копоть, выбрасываемую в воздух пламенем, что подтверждает следующее высказывание: «Des flammes noircirent le mur». – «Стена почернела от пламени». В русском языке от прилагательных цвета образуются глаголы, которые либо показывают приобретение признака, либо приданье его какому-либо предмету. Глагол *noircir* значит и делать черным, и становиться черным. В данном случае он имеет значение ‘придания признака’, но глаголы *чернить/очернить* употребляются в переносном значении и выходят из семантического поля цветообозначений. По этой причине субъект и объект в переведенном предложении меняются местами.

Цветообозначения играют важную роль в создании текстового семантического поля и способствуют воссозданию картины, так как цвет – универсальная характеристика, приписываемая человеком любому видимому (а иногда и невидимому) объекту, которая быстро распознается читателем, вызывая у него определенные эмоции, например : «De gauche à droite, les exploratrices voient les sombres tourbières des pays du Sud que survolent des mouches, mordorées et des taons taquins, puis les grands rochers vert émeraude de la montagne aux fleurs, la prairie jaune des terres du Nord, la forêt noire peuplée de fougères aigles et de pinsons fougueux». – «Слева направо расстилаются перед разведчиками темные торфяники южного региона, над которыми кружатся красно-коричневые с золотистым отливом мухи и задиристые слепни, затем изумрудно-зеленые утесы цветущих гор, желтые степи северных земель, дремучие леса, заселенные орлиными папоротниками и шустрыми зябликами». Цветообозначение *mordoré* передает оттенок, который похож на *feuille-morte* (цвет засохших листьев) или на светло-

шоколадный, однако в данном случае переводчик использует вариант, данный В.Г. Гаком [2]. Сложное словосочетание с уточнением «облагораживает» тот объект, к которому оно относится, здесь оно не только помогает определить цвет, но и показывает его динамику, хотя подобный перевод может являться некоторым отступлением от авторского замысла. Перевод устойчивого словосочетания *la forêt noire* представляет большой интерес, так как автор называет лес черным лишь для того, чтобы передать впечатление, создаваемое его плотностью. Во французском языке существует слово *épais*, которое соответствует русскому дремучий / густой.

Еще пример: «*L'air chaud fait remonter des moustiques que prennent aussitôt en chasse des fauvettes aux reflets cyan*». – «Горячий воздух поднимает вверх мошек, за которой тут же начинают охотиться славки, чьи перья отливают сине-зеленым цветом». Цветообозначение *cyan*, которое достаточно часто употребляется во французском и в английском языках, представляет большую проблему для точного перевода. По версии, представленной в словаре Коллинза, [10] оно происходит от греческого слова, его значение – темный оттенок голубого (*kuanos – dark blue*). На русский его переводят либо как голубой, либо как циан, что является отсылкой к химии (C2N2, или циан, ядовитый газ) и не дает ясного представления о цвете. В книге «*The Colorist*» J. Arthur H. Hatt [9] упоминается, что синонимичным по отношению к *cyan* является сочетание *blue-green*, однако автор уточняет, что *blue-green* проявляется в двух цветах – *teal* и *cyan*, где *teal* включает в себя более темные оттенки, а *cyan* – более светлые. Так как в английском и французском языках *blue* или *bleu* соответствуют одновременно русскому *синий* и *голубой*, было бы правомерно говорить о том, что *cyan* – соединение зеленого и голубого, а не зеленого и синего (для таких сочетаний во французском языке существуют *glaïque* или *pers*, близкие к русскому *цвет морской волны*). Перевод сине-зеленый в некоторой степени отражает сущность цвета, однако требует уточнения. Если вернуться к контексту, то необходимо отметить, что в оригинале цветообозначение не относится к перьям, скорее всего, оно описывает впечатление, производимое

птицами в динамике, так как славки имеют серый, песочный окрас.

Трудности могут возникать не только при переводе названия отдельного цветообозначения, но и группы цветов: «Il faut le savoir, dans la nature, tout ce qui arbore des couleurs tape-à-l'oeil est toxique ou dangereux». – «В природе все, что бросается в глаза, либо ядовито, либо опасно, это надо знать». Во французском языке существует неизменяемое прилагательное tape-à-l'oeil его русскоязычный эквивалент – кричащий, броский, оно может быть буквально переведено на русский язык как «бью-в-глаз». Подобные аналитические прилагательные не характерны для русского языка, поэтому в переводе для эквивалентной замены было выбрано словосочетание «бросаться в глаза». В переводе на русский язык смысл фразы был несколько изменен: в оригинале говорилось только о цветовой характеристике флоры и фауны; здесь же значение расширяется – под тем, что «бросается в глаза», может подразумеваться также и объект необычного размера, формы и т.д., а не только цвета.

Заслуживают особого внимания попытки конструирования цветообозначений. Например, в произведении D. Lindsay «A Voyage to Arcturus» вводятся два комплексных прилагательных цвета – ulfire и jale. Ulfire – слово, мотивированное английским fire: «Насколько синий утончен и загадочен, насколько желтый чист и прозрачен, а красный кровав и страстен, настолько ulfire казался ему диким и болезненным». Jale восходит к jade + pale: «Он почувствовал, что jale жаркий, пышный и подобен мечте» [11, с. 203-204]. Сами цветообозначения не подлежат переводу и не могут быть точно описаны, но автор передает впечатление главного героя от них, что позволяет читателю судить об окказионализме. Необходимо подчеркнуть особенности эстетической коммуникации, поскольку это «опыт такой коммуникации, который не поддается ни количественному исчислению, ни структурной систематизации, и все же за этим опытом стоит что-то такое, что, несомненно, должно обладать структурой, причем на всех своих уровнях, иначе это была бы не коммуникация, но чисто рефлексорная реакция на стимул» [8, с. 85].

Компоненты семантического поля цветообозначения выступают как основа интеграции и развития сложных образных систем, объединяющихся структурно-композиционным взаимодействием и пересечением их со смежными семантическими полями, а их необычная сочетаемость приводит к трансформации образного предмета поэтической реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997.
2. Гак В.Г, Ганшина К.А. Новый французско-русский словарь. – М.: Русский Язык Медиа, 2004.
3. Лотман Ю. М. Семиосфера. – Спб.: «Искусство – СПБ», 2000.
4. Новиков Л.А. Избранные труды. Эстетические аспекты языка. *Miscellania. Т. II.* – М.: Изд. РУДН, 2001.
5. Новиков Ф.Н. «Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения семантического поля цветообозначений в русском, английском и французском языках» //«Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи». – Ярославль: Изд. ЯГПУ, 2011. – С. 214-221.
6. Сепир Э. Избранные труды по языкоznанию и культурологии – М.: Прогресс, Универс., 1993.
7. Цегельник И. Е. Цветовая картина мира Иосифа Бродского: когнитивно-функциональный подход. – Ростов-на-Дону, 2007.
8. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998.
9. Arthur J. Hatt H. The Colorist. – Biblio Bazaar, 2010.
10. Collins English Dictionary. – Harper Collins Publishers, 2006.
11. Lindsay D. A voyage to Arcturus. – Bison books, 2002.
12. Werber B. La revolution des fourmis. – Albin Michel, 1998.

СЛОВА СЛАВЯНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУМЫНСКОМ ЯЗЫКЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ АДСТРАТНОГО ПРОЦЕССА НА БАЛКАНАХ

Н.В. Новоспасская

*Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198*

В статье описываются группы лексических единиц румынского языка, имеющие славянское происхождение и адстратный характер.

Ключевые слова: балканский языковой союз, анклавный язык, славянизмы, адстратное явление.

WORDS OF SLAVIC ORIGIN IN THE ROMANIAN LANGUAGE AS A RESULT OF ADSTRAT PROCESS IN THE BALKANS

N.V. Novospasskaya

*Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6a, Moscow, Russia, 117198*

The article describes and analyzes a group of lexical units of the Romanian language of Slavic origin which acquired adstrat features in course of language interaction in the Balkans.

Keywords: Balkan linguistic union, enclave language, Slavonicisms, adstrat phenomenon.

Изучение языков балканского языкового союза насчитывает более 150 лет. На материале албанского, румынского, болгарского, сербского, македонского, новогреческого и турецкого языков складывалась лингвистическая ареальная терминология. Языковые факты неродственных албанского, румынского, болгарского языков на всех уровнях языковой системы стали примером сложившегося языкового союза.

Румынский язык, являясь анклавным, имеет двойственный характер: он не в полной мере принадлежит к романскому континууму и открыт для ощутимого внешнего влияния, что зафиксиро-

вано на всех уровнях языка – от фонологического до синтаксического.

Общеизвестно славянское влияние на румынский язык, связанное как с сосуществованием валахов и древних болгар и сербов на Балканах, так и с общей религиозно-культурной традицией румынского и славянских народов. По разным оценкам, доля лексических единиц славянского происхождения, заимствованных румынским языком как напрямую из болгарского или сербского, так и через албанский язык велика; в области словообразования практически половина приставок и две трети суффиксов имеют славянское происхождение.

Русский лингвист А.И. Яцимирский в числе первых описал и оценил значимость рассматриваемого нами явления: «Одним из самых характерных явлений славянского влияния на румынский язык следует назвать 1) изменение значений румынских слов латинского происхождения под влиянием славянских и расширение или сужение понятий, ими обозначаемых (...); 2) латинские слова, ставшие в известной степени дубликатами, повлияли на смысл последних, и румынский язык дает нам несколько интересных случаев, когда славянские слова имеют такие оттенки в значении, которых нет ни в книжном, ни в живых славянских языках» [1].

Заимствованную в румынский язык славянскую лексику, которую и в славянских языка-источниках характеризует частотность употребления и длительная традиция, можно разделить на следующие группы, например:

1) термины родства:

văduva 'вдова' – *вдова* в русском языке, *удова* в украинском языке, *вдовица* в болгарском, *удова* в сербском варианте, *vdova* в словенском языке, *wdowa* в польском, безусловно, относится к праиндоевропейскому пласту лексики у славян. По М. Фасмеру, праславянское *vъdova исконнородственно древнепрусскому *widdewu* (из *vidavu), латинскому *vidua* с этим же значением, однако латинское слово и произошедшие фонетические процессы не объясняют качество первого гласного, тогда как гласный славянского корня, возникшие по Брандту, по народной этимологии из предлога-приставки *въ* в старославянском *въдова*, или по Ф. Фасмеру, по ассимиляции гласных по подъему, объясняют появление гласного неверхнего подъема в этой позиции;

2) лексические единицы, связанные с земледелием:

ovăz 'овес' – овес (рус), *овес* (укр), *овсюк* (бел), *овес* (болг), *овас* (серб), вероятно, заимствование произошло в форме сербского варианта;

3) лексемы со значением 'личностные качества':

prost 'глупый' – *простой* (рус), *простий* (укр), *просты* (бел), *прост* (болг), *прост* (серб), вероятно, заимствование произошло в форме сербского варианта, в сербском языке имеет значение 'простодушный, прямой, прощенный', в болгарском – 'простой, прямой';

vesel 'веселый' – *веселый* (рус), *веселий* (укр), *весел* (болг), *весео* (серб), заимствование произошло из славянского лексического фонда, так как данное слово не является в рассматриваемой форме по происхождению индоевропейским, а имеет праславянский корень; в сербском языке имеет значение 'простодушный, прямой, прощенный', в болгарском – 'простой, прямой', в романских языках – лексемы имеют другие корни, например, *hilarem* (лат), *gai* (франц);

4) лексические единицы со значением 'состояние, качество, признак человека':

slab 'больной' – *слаб(ый)* (рус), *слабий* (укр), *слабы* (бел), *слаб* (болг), *слабъ* (др-рус), *слаб* (серб);

5) традиционные славянские продукты и блюда:

smântână 'сметана, сливки' – *сметана* (рус), *сметана* (укр), *сметанка* (бел), *сметана* (болг), *павлака* (серб). По М. Фасмеру, рум. *smântână*, возможно, восходит к слав. *sъmtana со значением, происходящим от значений 'метать, мечу' или от 'снимать, сбрасывать' по сербскому глаголу *сметати*.

6) лексемы, обозначающие этапы и плоды огородничества:

grădină 'огород' – лексическая единица имеет болгарское происхождение – *градина* 'огород' в болгарском языке, в сербском – *башта*. Из исторических документов известно, что огородничеством и садоводством на Балканах, в том числе и на территориях, населенных валахами, занимались болгары, что и явилось причиной заимствования данной группы лексики.

livadă 'сад' – данная лексическая единица не сохранилась в славянских языках в значении фруктовый сад, однако известна в форме *левада* в значении – '1) береговой лиственный лес, роща

из ольхи, вербы, тополя, вяза на поймах рек, заливаемых в половодье и 2) участок земли около дома с сенокосным лугом, лесными ли садовыми деревьями, а также 3) огороженный загон с травяным покрытием для выгула лошадей' в русском языке;

7) лексические единицы, связанные с образованием и культурой:

hârtie 'бумага' – русская лексема *хартия* в значении 'старинная рукопись и материал, на котором она написана; название документа важного общественной-политического значения', *хартия(ta)* 'бумага' в болгарском языке, *papir* 'бумага' – в сербском языке. Заимствованно, вероятно, из болгарского; известно, что слово *хартия* в древнерусский период заимствовано из греческого языка, где *chartia* – уменьшительно-ласкательная форма от *chartēs* 'лист папируса'. Значение 'грамота' возникло позднее. Таким образом, румынский язык сохранил одно из значений, утраченных славянскими языками.

Заимствование как языковой процесс предусматривает чаще всего вхождение в принимающий язык формы вслед за новым понятием. Анализ лексических единиц славянского происхождения в румынском языке показывает, что часть из них – лексемы, обозначающие базовые человеческие понятия (например, термины родства, качества человека), которые очевидно имели свои лексемы и до вхождения славянских народов на Балканы, то есть мы говорим о результатах влияния одного языка на другой в условиях длительного сосуществования на одной территории, то есть об адстратном характере исследуемого явления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Яцимирский А.И. Славянские заимствования в румынском языке как данные для вопроса о родине румынского племени. Цит по: http://www.kroraina.com/knigi/italev/sb/sb_3.htm

**НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА
МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ
(на материале русского и немецкого языков)**

Б.Дж. Ныгметова

*Павлодарский государственный педагогический институт
ул .Мира, 60, г.Павлодар, Казахстан, 140002*

Статья посвящена изучению метеорологической метафоры в со-поставительном аспекте с позиции теории концептуальной метафоры. Объектом нашего исследования является метеорологическая метафора в текстах метеопрогнозов на русском и немецком языках.

Ключевые слова: концептуальная метафора, национальный мен-тальитет, метафорическая модель, метеорологический дискурс.

**ETHNIC SPESIFICS OF METEOROLOGICAL METAFOR
(on the basis of Russian and German languages)**

B.Dzh. Nygmetova

*Pavlodar State Pedagogical University
Mira str., 60, Pavlodar, Kazakhstan, 140002*

This research is devoted to the investigation of meteorological metaphor in a comparative aspect and being examined by means of a conceptual metaphor theory. The object of the research is a meteorological metaphor in weather forecast texts in Russian and German.

Key words: conceptual metaphor, national mentality, metaphorical model, meteorological discourse.

В последние десятилетия одним из актуальных направлений когнитивной лингвистики стало исследование метафоры. Мы проводим анализ метеорологических метафор с точки зрения теории метафорического моделирования действительности – относительно нового научного направления, которое стало активно развиваться в рамках когнитивной лингвистики в конце XX в. [1; 2; 3; 4; 5 и др.] В соответствии с представлениями современной когнитивной семантики «метафорическое моделирование – это отражаю-

щее национальное, социальное и личностное самосознание средство постижения, рубрикации, представления и оценки какого-то фрагмента действительности при помощи сценариев, фреймов, и слотов, относящихся к совершенно иной понятийной области» [3, с. 4].

Методология настоящего исследования сложилась под влиянием теории метафорического моделирования (Ф. Джонсон-Лэрд [6], А.П. Чудинов [3 и др.]); вместе с тем, в процессе исследования активно использовались лучшие достижения теории регулярной многозначности (Ю.Д. Апресян [7;8], А. Стернин [9]).

При передаче метеорологических сообщений наблюдается отсутствие оперативной обратной связи, что лишает журналистов, комментаторов возможности учесть реакцию аудитории, следовательно, воздействие на массовую аудиторию должно опираться на заранее сформированные установки восприятия сообщения. Язык средств массовой информации (СМИ) характеризуется повышенным использованием изобразительных средств для выражения экспрессивности и оценки. Употребление в метеорологических сообщениях метафорических высказываний является для слушающих сигналом принадлежности к данному обществу, связи с его культурой и т. д. Использование привычной метафоры закрепляет ее за конкретной речевой ситуацией, повышает выразительность метеорологического сообщения, придает ему новые смысловые оттенки. При этом главная задача – понимание текста – достигается путем актуализации уже известных семантических полей. В этом случае важной оказывается не сама метафора, а ее функция, заключающаяся в процессе узнавания, когда слушающий/читатель воспринимает сообщение как нечто знакомое.

Мы полагаем необходимым ввести теоретически значимое для нашего исследования понятие «метеорологическая метафора» и определить его научные признаки. Термин «метеорологическая метафора» мы встретили в работах российского исследователя Ю.А. Ольховиковой [10]. Однако хотелось бы подчеркнуть тот факт, что ею рассматривается метеорологическая метафора как сфера-источник метафорического моделирования политической действительности. Считаем возможным использовать сочетание «метеорологическая метафора» в терминологическом смысле по аналогии с сочетанием «политическая метафора» (А.П. Чудинов),

«медицинская метафора (О.С. Зубкова), «спортивная метафора» (Дж. Лакофф, М.Джонсон), в которых прилагательное называет область-мишень. Мы предлагаем следующее определение **метеорологической метафоры**: это концептуальная метафора, в основе которой лежит когнитивный механизм переноса человеком знаний из разных областей-источников на сферу знаний о погоде и различных погодных явлениях, иными словами, это метафора, в которой областью-мишенью является погода.

Итак, о текущей или будущей погоде в пределах своего района проживания или на интересующей территории люди имеют возможность судить по метеорологическим текстам, передаваемыми средствами массовой информации. Совокупность метеорологических текстов, отражающих намерение специалиста и включающих в себя специальные понятия, применяемые в пределах профессиональной сферы, составляет в нашем понимании метеорологический дискурс. Анализируя метеорологический дискурс в разных языках, мы выделили ряд наиболее продуктивных моделей метеорологических метафор с точки зрения их частотности. Мы установили, что положительная либо отрицательная оценка при использовании метеорологической метафоры формируется за счет тех благоприятных/неблагоприятных для объекта метафоризации ассоциаций, которые сопровождают восприятие созданного автором образа. Приведем примеры на материале определенной метафорической модели.

Создаваемая человеком метафорическая картина метеорологической ситуации в значительной степени антропоцентрична: как Бог создал человека по своему образу, так и человек метафорически концептуализирует окружающую его действительность в виде некоего подобия своего тела и составляющих его органов, своих физиологических и иных действий и потребностей. Образ человека в языковом воплощении является предметом многих исследований в современной лингвистике [11; 12].

1. Фрейм «Тело (организм) человека»

Метеорологическая ситуация в целом либо в отдельных регионах, метеорологические явления в их совокупности могут обозначаться как единый биологический организм (одно тело), кото-

рый нельзя разделить. Ср.: *Холодный циклон с севера, усиление западного ветра, мощный арктический циклон представляют тот самый организм, влияние которого сформирует погоду на ближайшие сутки* (ТК НТВ, Прогноз погоды, 12.04.08). В данном случае реализуется сема «единства, нерасторжимости» соответствующего объекта и прагматический смысл сводится к следующему: неблагоприятность предстоящей погоды зависит от взаимодействия складывающихся метеорологических условий.

1.1. Слот «Органы человека»

Важным органом человека является сердце, отвечающее за дыхательную систему организма. «Бессердечный» – говорят о человеке, не умеющем сопереживать, равнодушном к чужому горю. Ср.: *Солнечные лучи покорили зиму и растопили ее сердце* (ТК НТВ, Прогноз погоды, 9.03.08). Употребление метафоры «сердце зимы» одушевляет данное время года, представляя его как человеческое существо, способное к проявлению чувств.

2. Фрейм «Состояние человека»

2.1. Слот «Пробуждение»

В языке казахстанских и российских журналистов, комментирующих прогноз погоды, мы выявили следующие виды употребления метафор: *Природа пробудилась от зимней спячки* (ТК Казахстан-Павлодар, Прогноз погоды, 26.03.07). *В Таджикистане пробуждаются от зимнего сна многочисленные ледники* (ТК Россия, Вести, 18.03.07).

2.2. Слот «Состояние отдыха»

Погода отыгрывала всю зиму, а теперь отыгрывается (ТК НТВ, Прогноз погоды, 25.01.07). Данное описание характеризует резкое изменение погодных условий (похолодание, выпадение обильных осадков) в отличие от предыдущего периода «теплой зимы». Ср.: *Дождь в Забайкалье решил отдохнуть, но синоптики уверяют, что и в последующие дни его следует ожидать* (ТК НТВ, 18.08.07). Прагматический смысл сводится к следующему: прекращение дождя на некоторое время позволяет людям использовать данный период для осуществления определенных видов деятельности, для корректировки личных планов.

3. Фрейм «Физиологические действия»

Некоторые физиологические действия могут метафорически представляться в качестве социальных. Выделим основные слоты этого фрейма.

3.1. Слот «Питание, пищеварение»

Основной смысл – обеспечение функции существования. Например: *Забайкалье подпитывает сильный ветер* (ТК НТВ, Прогноз погоды, 25.05.08). *Видимо, западный ветер молча проглотил наступление мощного циклона* (ТК НТВ, Прогноз погоды, 14.04.08).

3.2. Слот «Сон»

Основная функция – отдых, успокоение; метафорически сон часто обозначает отсутствие работы, активной жизнедеятельности. Например: *Солнечная погода на западе России прямо-таки убаюкивает* (ТК НТВ, Прогноз погоды, 3.06.08). *В отдаленных регионах России снова «сонная» погода: дождь и серое небо. Температура составляет 20-22 градусов* (ТК НТВ, Прогноз погоды, 23.05.07).

3.3. Слот «Дыхание»

Основная функция – обеспечение жизненно необходимым. Например: *Листья, не добирая достаточной влаги, начали желтеть уже в июле* (ТК НТВ, Новости, 16.07.08). *Зеленые насаждения в городе задыхаются от жары* (ТК НТВ, Вести, 24.07.08). *На европейской части после небольшой передышки снова жара* (ТК Россия, Вести, 20.08.07). Представленный материал свидетельствует о высокой структурированности исходной понятийной сферы и наличии у соответствующих метафор значительного эмотивного потенциала.

4. Фрейм «Деятельность человека»

4.1. Слот «Социальные действия человека»

В конструкциях данного слота представлены знания из области повседневного быта человека, который *хозяйничает, трудится, работает*, во время сна *накрывается одеялом*, в силу необходимости *прописывается и т.д.*. Ср.: *Снег словно одеялом на-*

крыл землю (ТК НТВ, Прогноз погоды, 19.01.07). **Жаркая погода прописалась в Казахстане в сентябре** (ТК Казахстан-Павлодар, Новости, 23.09.06). В Сибири **хозяйничает южный ветер** (ТК НТВ, Прогноз погоды, 16.08.08). Вторые сутки **трудится на просторах Забайкалья северный циклон**, формируя погоду на первую декаду апреля (ТК НТВ, Прогноз погоды, 28.03.07). Хорошо **работает** дождь на юге региона! Быть богатому урожаю! (ТК НТВ, Прогноз погоды, 18.06.08). Ср.: *Die Wolken bedecken den Himmel* (ZDF, Wetterbericht, 12.07.07). – Облака **покрывают** небо. *Der Regen kommt heute nachmittags zu Besuch* (ARD, Wetterbericht, 30.07.07). – Дождь **придет** сегодня после обеда **в гости**. *Und der Zyklon reserviert schon den Platz im Süden von Thüringen* (ZDF, Wetterbericht, 12.05.07). – А циклон **заказывает** себе уже место на юге Тюрингии.

4.2. Слот «Профессиональная деятельность»

Метеорологические явления могут представляться через призму другой области – профессиональной деятельности человека. Они могут «вжиться» в образ корректировщика (**работник книжного издательства**, например), снабженца, художника, исполняя / не исполняя при этом их профессиональные обязанности. Например: *Снегопад внес корректиды в будничные планы горожан* (ТК 1 Канал, Новости, 21.01.08). В Приморье сильный циклон **снабжает** снегом (ТК 1 Канал, Новости, 20.02.08). Дожди этим летом **взяли длительный отгул** (ТК Ирбис, Новости, 1.07.08). Весна **разрисовала мир яркими красками** (Русское Радио, Прогноз погоды, 28.04.08).

4.3. Слот «Разрушительные действия»

В конструкциях данного слота наблюдается наличие семы «разрушения, уничтожения» с отрицательной коннотацией. Прагматический потенциал включает в себя следующий смысл: метеорологические условия нередко становятся причиной различных разрушений, что впоследствии приводит к вмешательству в жизнь человека, образованию каких-либо препятствий на его пути. Тем самым, они представляют реальную угрозу, опасность для человеческой жизнедеятельности. Ср.: *Снег буквально завалил Северную Германию* (ТК НТВ, Прогноз погоды, 24.01.07). В южных штатах Бразилии **снегопады и заморозки погубили** около миллиарда тен-

любивых кофейных деревьев (ТК 1 Канал, Новости, 20.12.06). *Гололед ломает ветви деревьев, обрывает провода* (ТК Россия, Вести, 27.01.07). *Ветер оборвал электрические провода* (ТК 1 Канал, Новости, 5.01.08).

Итак, метафоры данного слота несут негативную семантическую окраску. Использование данных метафорических единиц позволяет комментатору апеллировать к эмоциональному состоянию слушающего, предупреждая его об опасности погодных условий. Прагматический потенциал включает в себя следующую информацию: погода стоит неблагоприятная, может представлять угрозу для жизнедеятельности человека, тем самым призывая слушающего к определенным действиям: поразмышлять о последствиях сложившейся погоды и в обязательном порядке учитывать ее состояние в целях личной безопасности.

5.2. Слот «Положительные качества»

Данный слот включает в себя такие человеческие качества как смелость, уверенность, щедрость, великодушие. В русском языке мы выявили следующие конструкции: *На европейской территории России все увереннее чувствует себя антициклон* (ТК НТВ, Прогноз погоды, 20.04.08). *Солнце явно расщедрилось в эти зимние снежные дни* (ТК НТВ, Прогноз погоды, 22.01.07). *Погода продолжает нас удивлять своим великодушием – такой теплой зимы не было давно* (ТК НТВ, Прогноз погоды, 19.01.07). В немецком языке наблюдаются следующие метафорические переносы : *Der Schneefall hat in erster Linie unsere Kinder gefreut* (ZDF, Wetterbericht, 4.09.07). – Снегопад, в первую очередь, *обрадовал* наших детей. *Am Sonntag wird das Wetter im Süden fröhlicher* (ZDF, Wetterbericht, 6.07.07). – В воскресенье погода на юге *повеселеет*.

Таким образом, в результате анализа метафор данного слота, мы выявили, что присущие человеку положительные качества придают характеристике метеорологических условий положительный прагматический смысл: погода стоит или ожидается благоприятная. Однако в зависимости от культурной обусловленности восприятие некоторых характеристик погоды может быть разным, например: *Das Unwetter bewegt sich vom Norden sparsam sofort nach Westen* (ZDF, Wetterschau, 12.03.08). – Непогода *экономно* двигается с севера сразу на запад. В последнем примере употреб-

лено прилагательное *sparsam*, которое соотносится с типичной чертой немцев *Sparsamkeit* – экономностью, имеющая положительное значение у самих немцев, хотя в русском сознании «экономный» значит «жадный».

Концептуальные метафоры способны влиять на представления человека о каких-то фрагментах действительности и, соответственно, определять его действия и поступки. Следует отметить, эмоции универсальны и индивидуальны по своей сути. В каждом человеке эмоции находят разное выражение, а язык отдельных народов имеет определенные различия и критерии проявления чувств, эмоций.

В рассматриваемых языках существует множество сходных по значению языковых единиц. Межъязыковые различия определяются как специфическим содержанием конкурирующих форм выражения, так и неодинаковой продуктивностью метафорического переосмысления в сопоставляемых языках. Факторы, влияющие на качественную и количественную соотнесенность сопоставляемых метафор разных языков, их сходства и различия, имеют экстраварлингвистический и внутрилингвистический характер. Внутрилингвистические факторы заложены в специфиности словообразования и синтаксиса сравниваемых языков и проявляются в процессе метафоризации как вторичной системе. К экстраварлингвистическим факторам относятся единые общечеловеческие формы отражения объективной действительности в сознании и языке, общность основных процессов социально-экономического развития, своеобразное развитие народов – носителей сопоставляемых языков.

Метеорологический дискурс активно реагирует на изменения в стране и обществе. На язык синоптиков-комментаторов, безусловно, оказывают влияние такие немаловажные факторы, как изменение социально-политической системы, наличие множества форм СМИ. Чтобы привлечь аудиторию, подбираются такие языковые средства, которые способны создать контакт, эффект доверительности, содействуют успешному протеканию речевой коммуникации в целом.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: История. Персоналии. Идеи. Результаты // Семиотика и информатика. Вып. 36. – М., 1998.
- 2 Чудакова Н. М. Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000–2004 гг.): Автограф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005.
- 3 Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000). – Екатеринбург, 2001.
- 4 Чудинов А.П. Метафорическое моделирование образа России в современном агитационно-политическом дискурсе // Язык. Система. Личность. – Екатеринбург, 2000. С.94.
- 5 Темиргазина З.К. Современные теории в отечественной и зарубежной лингвистике. Изд. 2-е, дополн. – Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2002. С. 46–48.
- 6 Джонсон-Лэрд Ф. Процедурная семантика и психология значения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.ХХIII. – М., 1988.
- 7 Апресян Ю.Д. О регулярной многозначности // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. – Вып.6. – М., 1971.
- 8 Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М., 1974.
- 9 Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж, 1995.
- 10 Ольховикова Ю. А. Концепт «ветер» как средство метафорического моделирования политической действительности в печатных СМИ Германии и США / Ю. А. Ольховикова // Известия Уральского государственного университета. – Екатеринбург, 2007. – № 50. С. 116-122.
- 11 Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова, В.Н. Телия, А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1988.
- 12 Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания, 1995. – № 1.

ЗНАЧЕНИЕ ПЕРИФРАЗА ПЕРЕВОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ СВЕТСКОГО СОЗНАНИЯ РУССКОГО ОБРАЗОВАННОГО ЧЕЛОВЕКА КОНЦА XVII – НАЧАЛА XVIII ВЕКОВ

Е.В. Политова

*Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198*

В работе определяется роль перифраза, сыгравшая особую роль в формировании светского сознания в русскоговорящем обществе. В нашем исследовании мы установим основу и функциональную нагрузку перифрастических выражений конца 17 – начала 18 вв., которые согласно нашей гипотезе повлияли на формирование светского сознания образованной части общества.

Ключевые слова: перифраз, переводная литература, языковая ситуация конца XVII – начала XVIII вв., формирование светского сознания, русский литературный язык, функции перифрастических единиц.

PERIPHRASTIC EXPRESSIONS IN TRANSLATIONS AS A CONSTRUCTION THAT INFLUENCES ON THE FORMATION OF RUSSIAN SECULAR MENTALITY IN EDUCATED SOCIETY AT THE END OF THE END OF THE 17th CENTURY – THE BEGINNING OF THE 18th CENTURY

E.V. Politova

*Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya, str., 6, Moscow, Russia, 117198*

The author defines the language usage trends existing in the Italian and Russian languages in the construction of anaphoric structures. The principal difference is observed in the choice of exterminator, which in its turn affects the degree of connectedness between text elements.

Keywords: Periphrasis, translations, linguistic situation at the end of the 17th century –beginning of the 18th century, formation of secular mentality, russian literary language, the function of the periphrasis.

В конце XVII – начале XVIII века в русском литературном языке появляется тенденция к перифрастичности, обусловленная

языковой ситуацией того периода, а также изменениями в сознании российского образованного общества, связанными с тем, что средневековое мировосприятие вытесняется светским. Образованная часть российского общества всерьез увлекается идеями европейского просвещения, особенно французской культурой и жизнью французского светского двора. Идеология Просвещения требовала оригинальной языковой концепции: «признается необходимость изящного владения разговорным языком, который и обеспечивает "чистоту и приятность" литературной речи. При этом новый литературный язык, противопоставляемый церковнославянскому и основывающийся на разговорном употреблении в принципе связывается с галантной культурой с "политичным" обхождением – с ориентацией на "самый театр света", то есть на Францию и вообще "весь политичный свет"» [10, с. 146].

Одним из примеров такой заинтересованности Западом становится переводной роман, как возможность для русской аристократии почувствовать и перенять иностранный светский кодекс политеса, ассоциирующийся с правильной манерой вести беседу. Причем, популярностью будут пользоваться «формулы общения» героев светских романов. Верхушке российского общества хотелось говорить красиво, но это требовало от него подготовки и правильного выбора языковых средств. Если у европейского образованного человека формы «культурного бытового общения» были сформированы с детства естественным путем, то «русский дворянин в петровскую и послепетровскую эпоху оказался у себя на родине в положении иностранца – человека, которому во взрослом состоянии искусственными методами следует обучаться тому, что обычно люди получают в раннем детстве непосредственным опытом. Чужое, иностранное приобретает характер нормы» [5, с. 485].

Тенденцию к сближению русской и западной языковых традиций пропагандировал В.К. Тредиаковский в своей ранней языковой программе. Молодой Тредиаковский, после обучения в Сорбонне с 1728 г. по 1730 г., приобрел основательные знания в области философии и поэзии и хорошо овладел французским языком. Вернувшись в Россию, он начал распространять интерес к французской культуре и к языку, который по сравнению с русским обладал большим стилистическим разнообразием и гибкостью при передаче понятий.

В своем первом переводном романе «Езда в остров любви» французского писателя Поля Тальмана автор открыл для российского общества новую тему «сладкия любви». Книга не только познакомила русское светское общество с западной культурой, но и стала «своеобразным учебником любовного обхождения и галантных нравов». В предисловии к «Езде в остров любви» В.К. Тредиаковский пишет о необходимости писать и говорить «простым русским словом» и указывает на то причины: «Первая: языкъ славенской, у насъ языкъ церковной, а сія книга мирская. Другая: языкъ славенской въ нынешнемъ веке у насъ очонь темень, и многія его наши читая неразумеютъ. А сія есть книга сладкія любви, тогоради всемъ должна быть вразумителна. Третія: языкъ славенской ныне жестокъ моимъ ушамъ слышится, хотя прежде всего не только я имъ писываль, но и разговариваль со всеми: но зато у всехъ я прошу прощенія, при которыхъ я съ глупословіем моимъ славенскімъ особымъ речеточцемъ хотель себя показывать» [9, с. 14].

Вот как молодой Тредиаковский характеризует языковую ситуацию начала 18 века: «Проникновение в язык иноязычных заимствований – прямое следствие еще распространенного в образованной среде двуязычия, чрезвычайно интенсивной переводческой деятельности и недостаточности во многих случаях готовых местных средств, которые с успехом могли бы принять на себя выражение новых понятий» [9, с. 18].

Одним из наиболее значимых таких средств выражения светских смыслов в русском языке становится структура перифраза. Так как при переводе иностранных понятий необходимо было передавать значения вещей, предметов, которых на русской почве еще не было, переводчик прибегал к непрямолинейному переводу, то есть к описанию. Структура перифраза, как способ описания значений, позволила бы по-новому выражать понятия, выработанные потребностями общества, не прибегая к заимствованиям, а находя аналоги значений в родном языке.

В.К. Тредиаковский в своем первом переводном романе «Езда в остров любви» следовал принципам салонного изложения мысли, что можно заметить при чтении его перевода. Французский язык с его оттенками, тонкими нюансами выражения мыслей, располагал более точными средствами выражения, по сравнению с

русским языком, поэтому автор использует перифразы, которые органично вписываются в повествование, погружая читателя во внутренний мир главного героя, акцентируя наше внимание на его чувствах и переживаниях: «Семантическая негибкость многих слов, сочетается со стихийной полисемантичностью, когда слово со сложившимся исходным значением в различных новых контекстах охотно принимает на себя несение новых функций. Отсюда вытекает столь типичная для всего 18 века склонность к “разноименству”, к выражению различными словами общего характера одного и того же специального нового смысла» [4, с. 23].

Для того чтобы увидеть явление перифрастичности в переводном романе «Езда в остров любви», рассмотрим отрывок из текста:

«Езда в остров любви»	«Voyage à l'ile d'amour»
«Сie еще умножить мое несчастie, ежели мнъ надобно будеть возновить в памяти (вспомнить) мои то, которое уже прошло и такъ же сie не имъеть какъ возрастить мою болезнь, ежели мнъ надлежитъ мыслить о оныхъ роскошахъ, отъ которыхъ мнъ неосталось какъ горкое токмо воспоминовеніе. Однако я уповаю что сie мнъ имъеть быть къ великому моему утѣшению, ежели я учиню вамъ наилучшему отъ моихъ друзовъ вѣденіе (рассказать) о моихъ печальхъ и веселияхъ: ибо печальная жалоба немалую чинить пользу (помогает) злосчастнымъ. Тогоради я имъю позабыть всю скорбь разскazyвая вамъ мою Гисторию и хотя на малое время, однако потщуся таож перестать частия и глобокия испускать воздыханія (вздыхать)» (Тредиаковский, 1834, С. 18-19).	«C'est augmenter mes maux prefens, que de rappeller le souvenir de ceux qui sont passés; & c'est accroître ma douleur que de représenter à ma memoire des plaisirs, don't il ne me reste que le cruel souvenir. Je crois pourtant que ce ne me fera pas une petite consolation, que de faire à un de mes meilleurs amis le recit de mes malheurs & de mes plaisirs; la plainte foulage un malheureux: j'oblierai ma douleur en vous contant mon histoire, & je ferai trevé pour un moment avec mes soupirs (Talemant, 1633, p. 4-5).

Анализируя текст, можно прийти к выводу, что русский переводчик старался вчувствоваться в текст автора, жить идеями Поля Тальмана, перенести изображаемую картину фантастических приключений на русскую почву. Также можно говорить о высокой степени перифрастичности текста. В одном абзаце В.К. Тредиаковский четырежды употребляет структуру перифраза, демонстрируя читателю образность построенных высказываний и сообщая ему формы любовной речи и деликатных разговоров. Автор прибегает к перифразу даже тогда, когда во французском тексте его нет: **чинить пользу** – *foulager*. Присутствует в тексте и обратное явление, когда русскому глаголу, соответствует французское перифрастическое выражение: мыслить – *représenter à ma mémoire*. «*В описании любовных отношений Тредиаковский может отклоняться от французского оригинала, заменяя отвлеченные и перифрастические обороты Тальмана конкретными образами и эротическими ситуациями*» [10, с. 140].

Итак, в результате анализа перифрастических единиц на данном примере, можно сделать вывод, что основой перифрастических конструкций послужили французские описательные выражения, а также французские лексемы, переводимые на русский язык лишь перифрастически. Разнообразны функции перифразов конца 17 – начала 18 вв.; среди них важнейшими являются – эстетическая, обусловленная мировоззрением высшего светского общества и стремлением красиво изъясняться; пояснительная, так как перифраз давал возможность уточнить понятие, взятое из иностранного языка, в частности, в глагольных перифразах раскрыть перед взором читателя сам процесс действия. Таким образом, у читателя возникала картина происходящего перед глазами, как будто бы раскрывалась внутренняя форма слова, экспрессивно воздействуя на него.

Использование перифрастических выражений в конце 17 – начале 18 в. – частотная конструкция, оказавшее влияние на формирование светского сознание русского образованного человека, однако динамика функционирования перифраз остается перспективой дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А.А. Эволюция языковой теории и языковая практика Тредиаковского // Литературный язык 18 века. Проблемы стилистики. – Л., 1982.
2. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка 17 – 19 вв.: Учебник. – 3-е изд. – М.: Высш. Школа, 1982.
3. Гуковский Г.А. Тредиаковский как теоретик литературы // Русская литература 18 века. Эпоха классицизма. – М-Л., 1964, С. 43-72.
4. Лотман Ю.М. Езда в остров любви Тредиаковского и функция переводной литературы в русской культуре первой половины 18 в. // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 тт. – Таллинн: Александра, 1992. – Т. 2. С. 22-28.
5. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства / Предисл. С.М.Даниэля, сост. Р.Г.Григорьева. – СПб.: Академический проект, 2002.
6. Пекарский П. П. Жизнеописание В. К. Тредиаковского //Краткая литературуная энциклопедия, – М., 1957. – Т. V.
7. Сазонова Л.И. Переводной роман в России 18 века как ars amandi, Сб. 21. – СПб.: 1999. – С.127-139.
8. Суббот А.Г. Из истории изучения перифраз в науке // Актуальные вопросы современной филологии и культурологии. Материалы научно-практической конференции студентов и аспирантов факультета филологии и журналистики. – Мурманск, 2010. – С.83-87.
9. Тредиаковский В.К. Езда в остров любви.– СПб., 1834. – С. 471.
10. Успенский Б.А Из истории русского литературного языка 18 – начала 19 века: Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. – М.: Изд-во МГУ, 1985.
11. Шишкин А. Б. В. К. Тредиаковский и традиции барокко в русской литературе XVIII в. // Барокко в славянских культурах. – М., 1982

ИЗМЕНЕНИЕ СЕМАНТИКИ СЛОВА В ЛОНДОНЕ

Г.М. Полякова

*Московский государственный областной
социально-гуманитарный институт
ул. Зеленая, 30, Коломна, Московская область, Россия, 140410*

Данная статья рассматривает изменения семантики слов, если они употребляются жителями Лондона. Отмечается тенденция изменения значений в связи со сменой образа жизни, а также, многие слова приобретают негативную окраску.

Ключевые слова: семантика слова, английский язык, Лондон.

CHANGES IN THE SEMANTICS OF WORDS IN LONDON

G.M. Polyakova

*Moscow State Region Institute of Humanities and Social Sciences
Zelenaya str., 30, Kolomna, Moscow Region, Russia, 140410*

The article deals with changes in the semantic of words when they are used by Londoners. It unfolds the tendency in changing of meanings due to hectic lifestyle and some words are used in negative sense.

Keywords: semantic of words, the English language, London.

Семантика слова – это неоднозначное и многоаспектное явление, которое подразумевает отношение языковыми выражениями и миром, реальным или воображаемым. Семантика как раздел лингвистики отвечает на вопрос, каким образом человек, зная слова и грамматические правила какого-либо естественного языка, оказывается способным передать с их помощью самую разнообразную информацию о мире (в том числе и о собственном внутреннем мире), даже если он впервые сталкивается с такой задачей, и понимать, какую информацию о мире заключает в себе любое обращенное к нему высказывание, даже если он впервые слышит его.

С изменениями в обществе меняется языка и, как следствие, некоторые значения слов «сдвигаются», смысл того или иного

слова трансформируется по разным причинам. В данной статье мы рассмотрим слова английского языка, которые приобретают совсем иное значение, если вы находитесь в столице Соединенного Королевства – Лондоне.

Слово *commute* имело значение «путь на работу, особенно, если ехать по тихим дорогам, а также быстрая прогулка пешком по городу». Сейчас данное существительное в Лондоне употребляется в значении «прохождение через очень неприятные городские места, плотно заполненные людьми».

Слово *flat-hunting* также изменило свое значение. Если раньше оно означало «процесс поиска и нахождения новой квартиры», то сейчас оно приобрело негативные оттенок. Данное слово также означает процесс поиска и нахождения новой квартиры, но при этом человек находится в состоянии унижения, разбитости и испуга.

Основным приемом пищи в Великобритании, которую тщательно готовят, считается *dinner*, но в современном Лондоне данное слово употребляется в значении употребления вечером любой еды, которая осталась в холодильнике, так как человек не имеет достаточно времени для похода в магазин за продуктами.

Чтобы разжечь костер вам понадобится *tinder*, но вы также используете это слово, чтобы составить список людей, которые не хотят с вами отдыхать.

Часть зарплаты, которая ранее уходила на оплату жилья в приятном месте – *rent*, теперь используется, чтобы арендовать жилье в любом квартале, а остатка хватает только на скромную еду.

Вполне нейтральное слово *central*, обозначавшее среднюю часть чего-то, приобрело резко отрицательную окраску и означает центральную часть города, которая заставит вас ненавидеть всех людей.

Слово *oyter* известно в значении устрицы, но в Лондоне это «магическая» пластиковая карта, по которой вы можете проехать по всем зонам лондонского метро.

С течением времени, темп нашей жизни значительно увеличивается и даже *coffee* приобретает у лондонцев иное значение от приятного утреннего напитка до необходимого «топлива жизни».

Хорошо знакомое слово **bank** в значении места, куда люди приносят деньги и, которое вселяет в вас страх, когда вы туда заходите, сейчас ассоциируется с метро, когда находясь в переполненных переходах, вы впадаете в панику, стараясь найти нужный выход.

Даже слово **angel** у современных лондонцев приобрело противоположное значение. Если раньше оно обозначало стражу у небесных врат, то современное слово употребляется для описания множества эскалаторов в метро, которые доставляют людей так далеко вниз, что вы как-будто едете прямо в ад.

Самая яркая и впечатляющая часть Лондона – сердце британского кинематографа – **Leicester Square** в употреблении современных лондонцев имеет значение, где мечты не сбываются.

Из рассмотренных примеров можно сделать вывод, что активный образ жизни жителей британской столицы меняет семантику многих слов. Также некоторые слова приобретают негативную окраску.

СТРУКТУРА ТЕКСТОВОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Т.Г. Попова

*Российский университет дружбы народов,
ул. Орджоникидзе, 3, Москва, Россия, 117923*

В статье рассматривается определение как текстовая единица научно-технического дискурса. Описывается ее формальная структура, состоящая из постоянных и переменных компонентов, а также ее семантическая структура, включающая семантические группы спецификаторов. Главным компонентом определения является микродефиниция. Спецификаторы служат для дифференциальных признаков определяемого объекта.

Ключевые слова: текстовая единица, определения, термины, структура, дефиниция, спецификатор.

STRUCTURE OF TEXT DEFINITIONS

T.G. Popova

*Peoples' Friendship University of Russia
Ordzonikidze str., 3, Moscow, Russia, 117923*

The manuscript considers definition as a text unity in science and technology discourse. Its formal structure consisting of constant and variable components as well as semantic structure, including semantic groups of specifiers is considered. The main component of definition is a microdefinition. Specifiers also serve for differential features of a defined object.

Key words: textual unity, definition, terms, structure, definition, specifier.

Как известно, при отборе единиц коммуникации определяются различные подходы. С точки зрения того, что язык является средством коммуникации, выделяются такие коммуникативные единицы, как текст или фрагмент текста, которые характеризуются связностью, композиционной целостностью, тематическим единством. Эти фрагменты могут быть рассмотрены как речевые модули организации текста, традиционно связанные с повествованием, описанием, рассуждением, определением и др.

Данные фрагменты рассматриваются многими исследователями, которые предлагают различные термины: речевые модули [1], контексты [2], композиционно-речевые формы [3], функционально-смысловые типы речи [4], речевые типы [5], прототипические последовательности [7], модули организации текста [8] и другие.

Целью данной статьи является изучение текстовой единицы «определения», имеющей свои особенности в синтаксическом, семантическом и функциональном плане в научно-техническом дискурсе.

Известно, что научно-технический дискурс характеризуется определенными способами организации, выбора и использования языковых единиц различных уровней, что позволяет получить

специфическое качество речи для оптимальной передачи научно-технической интеллектуальной информации. Одним из таких способов организации является определение. Определения научного типа находятся в лексикографических и терминографических источниках (словари), в научно-технических книгах, в диссертациях, научно-технических статьях, где они функционируют с различной степенью частотности.

Изучение композиционно – речевых единиц представляет особый интерес, поскольку именно в них интегрируются как композиционные, так и речевые характеристики текста в процессе их функционирования, где они своеобразным образом сочетаются и интегрируются друг с другом.

Анализ дефиниции как единицы текста ставит вопрос о ее формальной структуре и ее соответствующих компонентов, концептуальной структуре и семантических составляющих, а также об особенностях функционирования дефиниции в рамках научно-технического дискурса.

В данном дискурсе определение ориентировано на денотат или объект, который должен быть определен и который является типичным представителем класса объектов с присущими определяемыми признаками.

Анализ лексики, которая является основой определения, показал, что речь идет о терминах, хотя эти термины не всегда можно найти в терминологических словарях. Автор считает необходимым дать свое определение термина для того, чтобы избежать непонимания со стороны адресата.

После того, как термин получает определение в тексте, он функционирует самостоятельно в номинативных цепочках текста, развивая тему. Потребность отправителя текста определить с помощью дефиниций содержание основных терминов в тексте обусловлена тем, что, несмотря на традиционные заявления об однозначности терминов, термин в принципе многозначен в пространстве и времени и несет с собой ряд ассоциаций, что заставляет автора уточнять содержание своих терминов. В тексте после того, как термин получает дефиницию, он функционирует в номинативных цепочках текста, развивая его тему. Например: «*Arcillas. Los suelos llamados “arcillas” contienen, en realidad, sólo una parte de*

arcilla propiamente dicha, tal como la hemos definido como fracción granulométrica» (Carrazana Gómez 1996, 125).

Далее термин “*arcilla*”, являясь тематической основой фрагмента текста, функционирует в рамках этого фрагмента: Hay una gran variedad de *arcillas*..., Podemos dividirlas en *arcillas* modernas y antiguas; *Las arcillas* son muy heterogéneas...; Estas *arcillas* suelen estar húmedas...; La estructura de una *arcilla* antigua no es homogénea, etc. (Carrazana Gómez 1996, 125-126). Как видим, термин «*la arcilla*» в данном фрагменте становиться ключевым.

Анализ дефинируемых терминов показывает, что речь идет о номинативных терминах. Например: Существительные: *cargador*, *margas*, *calizas*, *muestrador*, *areniscos*, etc.: «*Zanjadoras. Como su nombre lo indica* estas máquinas tienen como finalidad fundamental excavar zanjas» (Carrazana, 1996, 83).

Субстантивированные причастия: *compensado*, *cebado*, *atacado*: «*Compensado*. Este movimiento *consiste en* excavar a media ladera y aprovechar este material para llenar junto al corte» (Carrazana, 1996, 64).

Существительное + прилагательное: *peso unitario*, *límite plástico*, *suelos turbosos*: «*Peso unitario. Es la determinación del peso del suelo seco contenido en un volumen dado*» (Carrazana, 1996, 47).

Существительное + предлог + существительное: *el movimiento de tierra*, *excavación con transporte*, *la cimentación en balsa*, etc.: «*La cimentación en balsa* o placa corrida, tal como su nombre lo indica, consiste en una placa o losa de hormigón armado» (Carrazana, 1996, 210).

Существительное + предлог + прилагательное / существительное: *línea de menor resistencia*, *muestreador de pared delgada*: «Se llama *línea de mayor resistencia* a la distancia que existe desde el fondo del barreno hasta la superficie del terreno» (Carrazana, 1996, 159).

Лексика, выполняющая функцию введения дефиниции в научно-техническом тексте, имеет глагольный или глагольно-именной характер (nombrarse – dar nombre, definir- hacer definición, etc.) [6]. Данную лексику можно разделить на следующие классы:

Деноминативная лексика, в состав которой входят: *llamamos*, *se llama*, *llamado*, *se denomina*, *recibe el nombre*, *como su nombre lo*

indica, se conoce con el nombre, nombre que se le da, el término se aplica a, etc. Например: «*Llamamos movimientos de tierra a todos los trabajos realizados*» (Carrazana, 1996, 52). «*Esta superficie superior se denomina nivel del manto freático*» (Carrazana, 1996, 21).

Конструктивная лексика, включающая такие формы как: *consiste en, consta de, está constituido de, está compuesto de*. Например: «*Suelos turbosos. Estos suelos están constituidos en su mayor parte por materias orgánicas*» (Carrazana, 1996, 18).

Лексика, выражающая цель, функцию: *tiene como finalidad, tiene como principal función, tiene como objeto*. Например: «*Excavación con transporte horizontal. Tiene como objetivo fundamental realizar una excavación*» (Carrazana, 1996, 64).

Лексика, указывающая на происхождение: *el resultado, resultar, es producto de*. Например: «*La consolidación inicial es el producto de la expulsión de gases*» (Carrazana, 1996, 13).

Анализ структуры текстового определения показал, что данная структура представляет собой линейную последовательность из одного или нескольких предложений. В структуре присутствует главный компонент (так называемая микродефиниция), который подчиняются другие компоненты [6, с. 61-67]. Микродефиниция характеризуется устойчивой, жесткой синтаксико-семантической организацией, ядром которой служит актуальный детерминирующий предикат, соответствующий указанию на ближайший к определяемому понятию род.

Другие компоненты, входящие в состав определения, являются переменными. Они связаны прямо или косвенно с ядром микродефиниции и могут быть определены как спецификаторы. В свою очередь, спецификаторы служат для дифференциальных признаков определяемого объекта. Спецификаторы выделяются на основе функционально-смысловых критериев. Они могут выражаться в виде слова, словосочетания, предикативной единицы, представляя собой компоненты структуры микродефиниции. Рассмотрим пример: «*Escarificadores [Rooter]. Esto es un equipo que consta de uno, dos o tres dientes que se adapta generalmente a un buldozer con la finalidad de romper suelos duros y rocosos*». (Carrazana, 1996, 70). Микродефиниция определяет видовую принадлежность «*es un equipo*»; спецификатор – *que consta de uno, dos*

o tres dientes (различительный признак указывает на структуру); спецификатор – *se adapta a un bulldozer* (различительный признак указывает на способ использования); спецификатор – *con la finalidad de romper suelos* (различительный признак указывает на цель).

Следует также отметить, что определение как текстовая единица, имеет и другие переменные компоненты, с помощью которых можно еще более расширить понятие определяемого объекта. К ним относятся экстенсификаторы. Они служат для расширения понятия об определяемом предмете путем сообщения его отличительных признаков. Экстенсификатор представляет собой спецификатор, оформленный в отдельное предложение. Семантические разновидности экстенсификаторов соответствуют описанным выше типам содержания спецификаторов. Например: «*Cuchara de Terzaghi*. Es una cuchara muestradora que consiste en un tubo cortado longitudinalmente con un diámetro interior que puede ser desde 1,5 pulgada hasta 4 pulgadas. En el extremo inferior se le adiciona un "zapato" con filo para cortar el suelo. Y en el superior, un adaptador para unirlo a las varillas de transmisión... En la parte superior lleva una válvula de cheque a fin de retener las muestras que sean blandas» (Carrazana, 1996, 56). Выделим структурные компоненты данного определения: 1) микродефиниция: *Cuchara de Terzaghi*. Es una cuchara muestradora... (род); 2) спецификатор: *consiste en un tubo cortado longitudinalmente* (конструктивный); 3) спецификатор: *con un diámetro interior que puede ser desde 1,5 pulgada hasta 4 pulgadas* (количественная характеристика). 4) экстенсификатор: *En el extremo inferior se le adiciona un "zapato" con filo para cortar el suelo* (конструктивный); 5) экстенсификатор: *Y en el superior, un adaptador para unirlo a las varillas de transmisión...* (конструктивный); 6) экстенсификатор: *En la parte superior lleva una válvula de cheque a fin de retener las muestras que sean blandas* (функциональный). Экстенсификаторы позволяют уточнить и конкретизировать информацию о предмете определения и дают адресату дополнительную информацию определяемого объекта.

Синтаксика и семантика рассматриваемого фрагмента таковы, что в совокупности они способствуют осуществлению прагматической задачи – сделать определение детализированным, обес-

печив при этом высокую надежность, адекватность восприятия читателем сообщаемой информации. Семантический анализ дефиниций позволил выделить различные семантические типы спецификаторов.

Характерологический спецификатор сообщает адресату о наиболее характерных свойствах определяемого предмета. Например: «Llamamos drenaje al sistema utilizado para conducir las aguas» (Carrazana, 1966, 261).

Генетический спецификатор сообщает адресату о способе образования определяемого предмета. Например: «El resultado de este sistema así creado da lugar al llamado *cimiento en voladizo*» (Carrazana, 1966, 210).

Конструктивный спецификатор сообщает адресату о строении или структуре определяемого объекта. Например: «Muestreador o saca-nucleos es un pedazo de acero endurecido de 2 o 10 pies de largo con un palo unido al extremo final» (Carrazana, 1966, 41)

Функциональный спецификатор сообщает о функции определяемого объекта, его способности производить те или иные действия. Например: «Zanjadoras. Como su nombre lo indica estas máquinas tienen *finalidad* fundamental de excavar zanjas» (Carrazana, 1996, 83).

Основные синтаксико-смысловые параметры микродефиниции, в частности, ее устойчивая структурная организация, представляют собой результат длительного отбора, в результате которого сложилась оптимальная форма, используемая для раскрытия научных понятий.

В заключение отметим, что анализ научно-технических определений, которые рассматривались как текстовые единицы, позволил описать как их формальную структуру, которая состоит из постоянных компонентов (микродефиниция) и переменных компонентов (спецификаторы, экстенсификаторы), так и семантическую структуру, включающую семантические группы спецификаторов, и их функционирования в тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ванников Ю.В. Основные терминологические аспекты перево-дческой деятельности. – М., 1984.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследова-ния. – М., 1981.
3. Девкин А.П. Определение и объяснение как композиционно-речевые формы в английских научных и научно-популярных текстах. – Минск, 1984.
4. Нечаева О.А. Функционально-смысловые типы речи. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Москва, 1975.
5. Одинцов В.В. Стилистика текста. – М.: Наука, 1980.
6. Попова Т.Г. Структура испанского научно-технического текста. – М.: РУДН, 2011.
7. Adam, Jean-Michel. *Eléments de linguistique textuelle*. – Lieja, Mardaga, 1990.
8. Calsamiglia Blancafort Helena, Tusón Valls Amparo. *Las cosas del decir. Manual del análisis del discurso* Barcelona / Editorial Ariel, S.A., 1999.
9. Carrazana Gomez R. *Técnicas básicas de construcción*. – La Habana, 2000.

КОНСТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ОМОНИМИИ РУССКОГО, НЕМЕЦКОГО И ЯКУТСКОГО ЯЗЫКОВ

С.М. Прокопьева

*Северо-Восточный федеральный университет
имени М.К. Аммосова
ул. Белинского, 58, Якутск, Россия, 677000*

В работе проводится анализ фразеологической омонимии совре-менного русского, немецкого и якутского языков. В отличие от лексиче-ского на фразеологическом уровне происходят более глубинные семан-тические процессы в силу раздельнооформленности фразеологических единиц.

Ключевые слова: фразеологическая единица, многозначность, эк-вивалентность, семантика, полисемия, омонимия.

CONTRASTIVE ANALYSIS OF PHRASEOLOGICAL HOMONYMY IN RUSSIAN, GERMAN AND YAKUT LANGUAGES

S.M. Prokopieva

*North-Eastern Federal University,
Belinskiy str., 58, Yakutsk, Russia, 677000*

The author analyses phraseological homonymy in Russian, German and Yakut languages. Unlike the lexical, the phraseological level involves deeper semantic processes due to separate structural arrangement of phraseological units.

Key words: phraseological unit, polysemantic, equivalence, semantic, polysemy, homonymy.

Наиболее представленной семантической категорией в лексико- и фразеографических источниках является многозначность [12, с. 437]. Традиционно многозначность трактуется как наличие в одном слове или ФЕ нескольких значений, лексико-семантических вариантов. Многозначность представляет собой языковую универсалию. Актуальность исследования дивергентности направления семантического переноса на фразеологическом уровне обусловлена недостаточной изученностью феномена фразеологической омонимии. Новизна работы заключается в сравнительно-сопоставительном анализе многозначных омонимичных фразеологических единиц современного русского, немецкого и якутского языков, не являвшегося до настоящего времени предметом специального изучения. Целью работы является выявление дивергентности семантического переноса у фразеологических омонимов современного русского, немецкого и якутского языков. Многозначность является неотъемлемой составляющей языков, их конSTITУТИВНЫМ свойством. Слова и фразеологические единицы (далее – ФЕ) любого языка представляют собой универсальную основу для развития многозначности, практически любая единица языка имеет достаточный потенциал для развития новых значений. ФЕ являются языковыми образованиями косвенной номинации. Поскольку в специальной российской и зарубежной литературе трак-

твоки термина фразеологическая единица неоднозначна [9, с. 11; 10, 11; 11, с. 5], представляется целесообразным уточнить наше понимание ФЕ. Мы присоединяемся к мнению ученых, которые под ФЕ понимают «устойчивые словесные комплексы различных структурных типов..., значение которых возникает в результате полного или частичного семантического преобразования компонентного состава» [8, с. 29]. Релевантными признаками ФЕ являются семантическое переосмысление, раздельнооформленность и устойчивость конституентного состава. При анализе комплекса критерииев, служащих для идентификации ФЕ (полное или частичное переосмысление компонентного состава, структурная раздельнооформленность, устойчивость лексического состава, воспроизведимость в готовом виде) приоритетное значение придается семантическому критерию, т.е. полному или частичному переосмыслению компонентного состава. В условиях глобализации и интенсификации межкультурной коммуникации представления, зафиксированные с той или иной степенью точности в коллективном сознании членов одного социума, как правило, отсутствуют в другом. Следовательно, возникает необходимость в установлении корреляции между многозначными ФЕ, в результате чего иноязычный адресат получает возможность выстраивать в своем сознании новые фразеологические образы в соответствии с имеющимися у адресанта представлениями об этих языковых единицах косвенной номинации. Здесь роль и значение лексико- и фразеографических источников неоспоримы [1; 2; 5; 7]. Во фразеографических источниках современного русского и немецкого языков зарегистрированы ФЕ с 5 значениями: *разевать (раскрывать, открывать) рот* – 1) ‘начинать говорить, высказываться’; 2) ‘не соглашаться, резко возражать’; 3) ‘крайне удивляться, приходить в изумление’; 4) ‘быть крайне невнимательным, рассеянным, ротозейничать’; 5) ‘зазевавшись, переставать делать что-либо’; и *j-n, etw. auf die Beine bringen* – 1) ‘поднять на ноги (всех жителей, жильцов)’; ‘взбудоражить кого-л.’; 2) ‘поставить на ноги, вылечить кого-л.’; 3) ‘поправить чьи-л. (финансовые) дела’; 4) ‘достать, организовать кого-что’; 5) ‘(с трудом) организовать, набрать, собрать (людей и т.п.)’.

На фразеологическом уровне происходят более глубинные семантические процессы в силу вторичности образования ФЕ, чем

на лексическом уровне [3, с. 205], и выделяются следующие типы семантических отношений ФЕ: радиальная фразеологическая полисемия, цепочечная фразеологическая полисемия, радиально-цепочечная фразеологическая полисемия [4,87]. В данной работе мы остановимся на анализе многозначных омонимичных ФЕ русского, немецкого и якутского языков. Фразеологическая омонимия – это разность фразеосемантических вариантов при идентичной структурной организации многозначной ФЕ. Дивергентность направления семантического переноса на материале фразеологической многозначности особенно эксплицитно проявляется среди фразеологической омонимии как при уровневом анализе, семантической ньюансировке отдельной ФЕ, так и при межъязыковом сопоставлении ФЕ разных языков.

В лингвистике выделяются 4 типа омонимических отношений:

межуровневая, внутрифразеологическая, совмещенная и межъязыковая омонимия [6, с. 12-21]. Рассмотрим выделенные типы омонимических отношений среди образных ФЕ русского, немецкого и якутского языков.

1. Межуровневая омонимия – наиболее распространенный тип отношений в исследуемых языках, при которых в омонимичные отношения вступают исходное свободное словосочетание и ФЕ, принадлежащие разным языковым уровням: синтаксическому и фразеологическому, например:

– *бить себя в грудь* – 1) ‘бить себя в грудь’ (исходное свободное словосочетание – синтаксический уровень); 2) ‘утверждать, убеждать’ (ФЕ – фразеологический уровень);

– *die Arme sinken lassen* – 1) ‘опустить руки’ (исходное свободное словосочетание – синтаксический уровень); 2) ‘потерять надежду сделать что-либо’ (ФЕ – фразеологический уровень);

– *харауын баай* – 1) ‘связывать его глаза’ (исходное свободное словосочетание – синтаксический уровень); 2) ‘обманывать кого-либо’ (ФЕ – фразеологический уровень).

2. Внутрифразеологическая омонимия проявляется при несовпадении плана содержания двух или более идентичных в плане выражения ФЕ. Например:

– *метать икру* – 1) ‘извергать рвоту’; 2) ‘гневно возмущаться’;

– *jmdm. das Maul stopfen* – 1) ‘отбить кому-либо охоту говорить дальше’; 2) купить чье либо молчание;

– *илиигин уун* – 1) ‘сдаваться’; 2) ‘помогать, оказывать помощь’.

3. Совмещенная омонимия наиболее характерна для кинетических ФЕ, поскольку жесты и мимика сопровождают психическое состояние человека, обладают определенным социально-обусловленным символическим концептом, а словосочетания, презентирующие их, имеют второй семантический план, т.е. во ФЕ сосуществуют одновременноfigуральное и прямое значение. Исходно совпадающее кинетическое действие *wieder auf die Beine kommen* и *аттаххар* (*сүhyөххэр*) *tur* разнятся в первом же значении: если ФЕ немецкого языка означает ‘встать на ноги, поправиться’, то ФЕ якутского языка – ‘вставать на ноги, стать самостоятельным’. Сема ‘поправиться’ первого значения ФЕ немецкого языка соответствует скорее второму значению ФЕ якутского языка ‘выздоравливать, вылечиваться’. Второе значение ФЕ немецкого языка ‘снова (в)стать на ноги, поправить свои (финансовые) дела’ скорее соотносится с семой ‘стать самостоятельным’ первого значения ФЕ якутского языка. Третье значение ‘будоражиться, волноваться, мобилизоваться’ ФЕ немецкого языка полностью отсутствует у ФЕ якутского языка.

4. При межъязыковой фразеологической омонимии в омонимичных отношениях состоят ФЕ разных языков. В результате анализа ФЕ русского, немецкого и якутского языков выявлено два вида межъязыковой фразеологической омонимии:

1. ФЕ русского, немецкого и якутского языков имеют аналогичный компонентный состав и разное концептуальное содержание.

Разнообразные направления образного переосмысления одного и того же прототипа наблюдаются при сопоставлении ФЕ с одинаковым конституентным составом: *с (от) головы до ног* (*до пят*) – 1) ‘целиком, полностью’; 2) ‘во всем – в мыслях, в поступках и т.п. (быть кем-либо, каким-либо)’; *von Kopf bis Fuss* – 1) ‘с головы до ног, сверху донизу’; 2) ‘весь’; *баныттан атаяар диэри* (*дылы*) – 1) ‘целиком, полностью (о теле кого-либо)’; 2) ‘с начала до конца, всю (исходить, исколесить и т.пр.)’; 3) ‘все (знать, рассказать и т.п.)’; 4) ‘сердечно (сказать спасибо, благодар-

рить)'. ФЕ русского и якутского языков совпадают по первому значению, ФЕ русского и немецкого языков – по второму значению. Ни одно из значений ФЕ якутского языка не пересекается со значениями ФЕ немецкого языка.

2. ФЕ анализируемых языков частично совпадают по формальной структуре, но расходятся по концептуальному содержанию. Например:

- *пальчики оближешь* – 1) ‘очень вкусен, аппетитен, доставляет огромное удовольствие’; 2) ‘очень красив, хороший, интересен, приводит в восхищение’;
- *sich die (alle zehn) Finger nach etw. lecken* – (разг.) ‘мечтать о чем-либо’; ‘спать и видеть (во сне) что-либо’;
- *эрбэүн салата* – ‘проиграть в игре в карты’.

Соотнесенность семантики многозначных ФЕ русского, немецкого и якутского языков имеет усложненный характер и представляет собой совокупность межъязыковых отношений всех ее значений в отдельности. При сопоставлении многозначных омонимичных ФЕ существуют 2 типа отношений: полное или частичное совпадение значений омонимичных ФЕ.

1. Полное совпадение всех значений у фразеологических омонимов русского, немецкого и якутского языков отсутствует.

2. Полное совпадение значений наблюдается у омонимичных ФЕ русского и якутского языков: *поставить на ноги и атауар туруор*: 1) ‘вылечивать, избавлять от болезни’; 2) ‘растить, воспитывать, доводить до самостоятельности’; 3) ‘будоражить, волновать, создавать суматоху’; 4) ‘заставлять активно действовать, принимать деятельное участие в чем-либо’.

3. Полное совпадение первого значения у омонимичных ФЕ немецкого и якутского языков: ФЕ «*von Hand zu Hand gehen*» и «илииттэн илиигэ сырый» согласно данным фразеографических источников в общем и целом совпадают в первом значении «переходить из рук в руки, ходить по рукам; переходить от одного к другому». Второе значение ФЕ немецкого языка означает «пойти по рукам (о женщине)», в то время как в якутском языке происходит переход значения в совершенно другую область человеческих отношений «быть приглашенным, находиться в почете».

По первым значениям совпадают ФЕ *брать (забирать) в руки кого-либо* и *илиитигэр (илиин инигэр (ыл) тут*, означающие

‘подчинять себе, заставлять повиноваться (в поступках, действиях и т.п.)’. В свою очередь, эти значения вступают в семантическую связь с однозначной единицей немецкого языка *jmdm. auf der Nase tanzen*. Вторые значения соотносимых ФЕ не совпадают: ФЕ якутского языка означает ‘брать на попечение кого-л.’, ФЕ русского языка – ‘воздействовать, влиять на кого-л.’.

4. Смешанное совпадение значения наблюдается у омонимичных ФЕ русского, немецкого и якутского языков: Обычно одно из значений многозначной ФЕ одного языка соотносится с одним из значений многозначной ФЕ другого языка. Корреляты многозначных ФЕ анализируемых языков имеют как совпадающие, так и различающиеся значения. ФЕ русского языка *не слышать (не чуя́ть, не чувствова́ть)* ног под собой имеет три значения: 1) ‘очень быстро (идти, бежать и т.п.)’; 2) ‘очень устать, утомиться (от долгой ходьбы, бега и т.п.)’; 3) ‘быть в приподнятом настроении от чего-либо’. Близкая по образу ФЕ якутского языка *amaya* (*уллуяая*) *сири билбэт буолла* (букв.: ‘ноги его не чуют землю’) имеет два значения: 1) ‘быть от радости на седьмом небе; 2) ‘находиться в сильном испуге, страхе’. Как видно из примеров, ФЕ соотносятся в одном из своих значений: первое значение у ФЕ якутского языка и третье значение у ФЕ русского языка.

5. Квантитативное несовпадение значений омонимичных ФЕ русского, немецкого и якутского языков с идентичным планом выражения:

– *jmdm. (einer Sache D) den Ruecken kehren (bieten, wenden, zukehren, zuwenden, zeigen)* – 1) ,поворачиваться спиной к кому-л. (проявлять к нему пренебрежение, безразличие); 2) ‘отворачиваться, отступаться, отрекаться от чего-либо’; ‘выходить (из какого-либо объединения)’; 3) ‘покидать что-либо (родину и т.п.)’. Прототипная кинетическая сема ‘показывать спину’ двух исходных свободных словосочетаний развивается в семантическом плане дивергентно у сопоставляемых ФЕ. ФЕ немецкого языка содержит три значения, эксплицирующие все возрастающую степень расширения дифференциации значения: от просто ‘поворачиваться спиной к кому-л. (проявлять к нему пренебрежение, безразличие)’, затем ‘отворачиваться, отступаться, отрекаться от чего-либо; выходить (из какого-либо объединения)’ до ‘покидать что-либо (родину и т.п.). В якутском языке происходит диаметрально противо-

положный перенос второго значения ФЕ *көхсугун* (*кэннигин*) *көрдөр* от первого: 2) ‘удирать, обращаться в бегство; отступать; показывать спину’ и 1) ‘уходить от кого-либо недовольным; отвернуться от кого-либо, не желая объясняться, разговаривать и т.п.; показывать спину’.

При сопоставлении омонимичных ФЕ русского, немецкого и якутского языков наблюдаются широкие возможности различного переосмыслиения одного и того же исходного словосочетания: ФЕ *протягивать руку* – 1) ‘просить милостыню’; 2) ‘покушаться на что-либо’ и *илигин уун* (букв. ‘протягивать руку’) – 1) ‘сдаваться’; 2) ‘помогать, оказывать помощь кому-либо’.

Таким образом, в результате проведенного анализа дивергентности направления семантического переноса у омонимичных ФЕ современного русского, немецкого и якутского языков мы пришли к выводу, что определенная часть национально-специфических ФЕ этимологически восходит к существовавшим или существующим обычаям, ритуальным или символическим действиям, традициям и суеверным представлениям. Некоторые из них могут иметь совпадения в других языках в связи с тем, что отдельные обычаи и верования получили распространение в ряде языковых коллективов, и не исключено, что отдельные такие ФЕ вошли в тот или иной язык путем заимствования. В большинстве случаев многозначные ФЕ одного из сопоставляемых языков, имея идентичный конституентный состав, совпадают с аналогичными ФЕ другого языка лишь в одном из своих значений, что обусловлено специфичностью и разнообразием направления образного переосмыслиния одной и той же прототипной ситуации в разных языках и их интралингвистическим семантическим развитием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бинович Л.Э., Гришин Н.Н. Немецко-русский фразеологический словарь. – М.: Русский язык, 1975.
2. Нелунов А.Г. Якутско-русский фразеологический словарь. – Новосибирск: Издательство СО РАН. Научно-издательский центр ОИГГМ. 1998. – Т.1.
3. Новиков Л.А. Семантика русского языка. – М.: Высшая школа, 1982.

4. Прокопьева С.М. Проблема фразеологической образности в исследовании универсально-типологического и национально-специфического в фразеологической системе языка. – М.: Мир книги, 1995.
5. Прокопьева С.М. Немецко-русско-якутский фразеологический словарь. / Афанасьева Е.Н. и др. – М.: Спутник+, 2001.
6. Ройзензон Л.И., Шугурова З.А. Теоретические проблемы компаратурной фразеологии и лексикографии // Вопросы фразеологии и сопоставления фразеологических словарей. – Баку, 1968. – С. 12-21.
7. Тихонов А.Н. Фразеологический словарь современного русского языка. – М.: Флинта, Наука, 2004.
8. Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка. М.: Высшая школа, 1970.
9. Burger H. Phraseologie. –Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2010.
10. Dobrobol'skij D., Piirainen E. Zur Theorie der Phraseologie. Kognitive und kulturelle Aspekte. – Tuebingen: Stauffenburg Verlag, 2009.
11. Donalies E. Basiswissen Deutsche Phraseologie. – Tuebingen: A.Francke Verlag, 2009.
12. Prokopieva S. Codification of the polysemantic units in the new explanatory dictionary of the Yakut language. // Studia uralo-altaica. 49. – Szeged: Department of Altaic Studies, 2012. – P. 437-445.

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ДИВЕРГЕНЦИЮ ФОРМ СПРЯЖЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ГЛАГОЛА HEAVE

М.А. Руднева

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 9, Россия, 117198

В статье определяются тенденции развития форм спряжения английского глагола heave в диахронической перспективе. Рассматривается процесс дивергенции регулярных и нерегулярных форм, приводится его обоснование.

Ключевые слова: неправильные английские глаголы, корпусное исследование, историческая грамматика.

FACTORS INFLUENCING THE DIVERGENE OF CONGURGATION FORMS OF ENGLISH VERB “HEAVE”

M.A. Rudneva

*Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 9, Moscow, Russia, 117198*

The paper elaborates the development tendencies of the conjugation forms of the verb *HEAVE* in diachronic perspective. The process of divergence of regular and irregular forms is being studied and described.

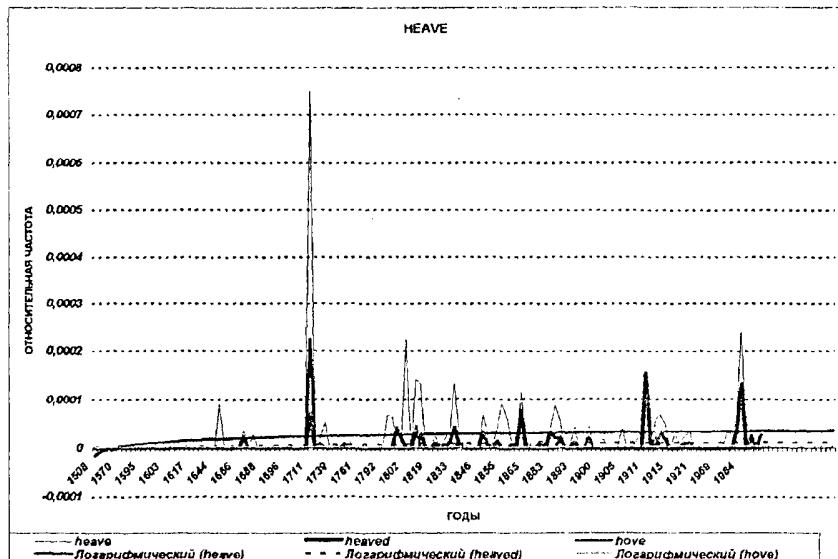
Keywords: irregular English verbs, corpus research, historical grammar.

Глагол *HEAVE* рассматривается нами в продолжение масштабного исследования исторического процесса регуляризации английских неправильных глаголов, описанного в более ранних работах [1], [2], [3]. В результате масштабного корпусного исследования английских глаголов было установлено, что частота встречаемости глагола в большинстве случаев определяет его принадлежность к категории правильных (часто встречающихся) глаголов и неправильных – глаголов с существенно меньшей относительной частотой употребления. Также мы установили, что существует ряд глаголов с понижающейся функциональной нагрузкой и это понижение обуславливает их переход из категории нерегулярных в категорию регулярных глаголов.

Однако, указанные количественные языковые процессы не отражают в полной мере ситуации, сложившейся в английской глагольной парадигме в указанный период. Ряд глаголов, несмотря на подчинение общей тенденции перехода из одной категории в другую, сохраняет как регулярные, так и нерегулярные формы спряжения. Одним из них является английский глагол *HEAVE*, сохраняющий нерегулярную форму *HOVE* наряду с регулярной формой *HEAVED*. Цель данного исследования – выяснить, чем обусловлено параллельное существование регулярной и нерегулярной форм спряжения.

На первом этапе нами было проведено диахроническое корпусное исследование. Для исследования было отобрано 140 тек-

стов, максимально приближенных к вышеупомянутым критериям. Хронологические рамки исследования – с 1508 по 1998 год. Общая величина исследованного массива – порядка 8 миллионов слов.

Заметим, что соотношение регулярной и нерегулярной составляющих в изученном интервале указывает на то, что функциональная нагрузка на правильные формы в целом значительно выше, чем на нерегулярную составляющую. В данном случае мы можем наблюдать рост функциональной нагрузки на глагол в целом сопровождаемый ростом функциональной нагрузки на регулярную составляющую глагола. При этом тенденция развития нерегулярной составляющей указывает на ее неизменный характер. Обобщая все имеющиеся у нас данные, мы можем сказать, что в целом глагол показывает четкую тенденцию к увеличению функциональной нагрузки на регулярную составляющую глагола, что само по себе говорит о возможности перехода его из категории неправильных в категорию правильных. Однако мы не отрицаем возможности сохранения и варианта *hove* в английском языке. Этот вариант, без-

условно, не является равноправным, но сравнению с регулярным вариантом *heaved*.

Заметим, что имеются некоторые устоявшиеся сочетания (например, в значении ‘издать вздох’ обычно употребляется вариант *heaved*; в значении ‘поднять якорь’ – вариант *hove*). В свою очередь, вариант *hove* используется, в основном, в морской терминологии (значения ‘подтягивать парус’; ‘подтягивать корму’; ‘кренговать’; ‘отдать парус’; ‘выйти из гавани’; ложиться в дрейф’ и т.д.) [4].

Таким образом, грамматическая дивергенция форм спряжения в данном случае обусловлена функциональной и семантической дивергенцией. Область употребления нерегулярной формы спряжения *HOVE* ограничена профессиональной сферой, что, с одной стороны, обуславливает низкую частотность употребления варианта, а с другой стороны обеспечивает его сохранение в английском языке. В целом же глагол *hove* полностью подчинен общей тенденции замещения нерегулярных форм спряжения регулярными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попова Т.Г., Руднева М.А. Научно-технический текст в современном ракурсе. – Германия: PalmariumAcademicPublishing, 2014.
2. Попова Т.Г. Лексический состав испанского научно-технического текста. – М.: Изд-во РУДН, 2010.
3. Руднева М.А. Корпусное диахроническое исследование английской глагольной парадигмы // Вестник Сибирского института бизнеса и информационные технологии. № 1 (5) 2013: Научно-практический журнал, Новосибирск, 2013 г. – С. 82-86
4. Руссаковский Е.М. Энциклопедия форм английских глаголов. Правила и исключения. – М.: Престиж; Х. Каравелла, 1998.

ТЕКСТОВАЯ КАТЕГОРИЯ ИН-ПЕРСОНАЛЬНОСТИ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСАХ

Т.В.Синявская-Суйковска

*Gdański uniwersytet
ul. Bażyńskiego 1a, Gdańsk 80-952, Polska*

В статье рассматривается понятие текстовой категории,дается определение текстовой категории ин-персональности и описываются средства ее выражения в польском и русском научных текстах.

Ключевые слова: текст, текстовая категория, функционально-семантическое поле, научный дискурс.

TEXT CATEGORY OF IMPERSONALITY IN RUSSIAN AND POLISH SCIENTIFIC DISCOURSE

T.V. Siniawska-Sujkowska

*Gdansk University
Bażyńskiego str., 1a, Gdańsk, Poland, 80-952*

In this paper the author analyzes the term “text category”, defines text category of impersonality and describes its realization in Russian and Polish scientific texts.

Key words: text, text category, functional and semantic field, scientific discourse.

В связи со сменой парадигм в языкоznании (с так называемым коммуникативным поворотом) и постановкой во главу угла текста как «события и семиотического, и лингвистического, и коммуникативного, и культурологического, и когнитивного и т.д.» [1, с.23], текст перестает быть лишь источником знания о языке и материалом для извлечения грамматических единиц. Набор, грамматические явления, рассматриваемые с текстовой перспективы, начинают получать новое осмысление, становясь не частью отдельной изолированной грамматической системы, а составляющими категориальной семантики текста и даже дискурса.

Более того, некоторые грамматические явления, не укладывавшиеся ранее в рамки строения предложения, по меткому замечанию О.И. Москальской, получают новое и более полное осмысление, а «некоторые категории, считавшиеся ранее грамматическими категориями слова или предложения, предстают в новом свете как текстовые категории» [2, с.3].

Категоризация текстовой семантики берет свое начало в функциональной грамматике А.В. Бондарко. Анализ грамматической семантики в ее отношении к смыслу высказывания, проявившийся, в частности, в разработке функционально-семантических полей, позволил выйти за пределы собственно грамматики и собственно грамматических категорий, исследуемых учеными, отмежевав морфологическое от семантического, а также дал толчок для подобных исследований в когнитивной лингвистике, стилистике и лингвистике текста, которые плодотворно переработали идею категорий в рамках собственных методологий и приспособили ее к собственным объектам исследований. Так, например, стилистика текста, органично войдя в дискурсивно-текстовую парадигму современной лингвистической науки в 80-е гг. XX в., также обратилась к текстовым категориям, прототипом которых можно считать стилевые черты.

Текстовые категории как инструмент анализа текста к тому времени ужеочно вошли в научно-исследовательский аппарат лингвистики текста и плодотворно разрабатывались такими учеными, как И.В. Арнольд, М.П. Брандес, И.Р. Гальперин, О.И. Москальская, Н.М. Разинкина.

К концу 80-х гг. XX в. в России в рамках функциональной стилистики вызревло и было теоретически обосновано М.Н. Кожиной понятие функциональной семантико-стилистической категории (ФССК), понимаемой как функциональная система языковых средств различных уровней, выступающих в одной роли и тем самым связанных между собой в отдельных видах текстов на основе выполнения ими единого коммуникативного задания, т.е. связанных функционально-стилистически, а также как «продолжение функционально-семантических категорий в смысле выхода в широкий контекст, в реальность речевой действительности, в действительную (а не лишь потенциальную коммуникацию» [3, с.36]. Среди таких речевых (еще не текстовых) категорий М.Н. Кожина

выделяет категории акцентности, оценки, авторизации, гипотетичности, обобщенности и абстрагизации изложения, его объективности, экспрессивности (эмотивности), логичности, лаконичности (компрессированности изложения), стандартизированности и диалогичности.

В исследованиях ФССК наблюдается определенная динамика – постепенный отход от акцентирования в них собственно стилистической составляющей и выдвижение на первый план текстового аспекта, ср. дефиницию ФССК в более поздней работе М.Н. Кожиной: «Под функциональной семантико-стилистической категорией понимается система разноуровневых средств (включая текстовые), объединенных функционально-семантически на текстовой плоскости (в целом тексте, типе текстов одного функционального стиля), т.е. выполняющих в тексте какую-либо определенную функцию, реализующую тот или иной категориальный признак данного текста как представителя соответствующего функционального стиля [4, с.11]. Далее автор пишет: «Названные категории являются текстовыми, поскольку определяют общие существенные, т.е. категориальные, признаки той или иной разновидности текстов» [4, с.11]. Таким образом, различие между ФССК и ТК практически снимается. Далее отмечается преемственность объектов исследования – от стилевых черт к ФССК: «В связи с этим стилевые черты, а также наиболее существенные компоненты смысловой структуры данного типа текста, приобретая категориальный статус, становятся более определенными, так как получают возможность структурирования» [4, с.11]. Текстовые категории в разных типах текстов исследовались в России Е.А. Баженовой, И.С. Бедриной, Т.Б. Ивановой, М.П. Котюровой, Т.В. Матвеевой, З.Я Тураевой и др.

Текстовые категории отличаются от ФСП прежде всего привязанностью к определенному типу текста (дискурса) – научному, юридическому и т.д., но при этом некоторые ФСП также могут иметь текстовый характер.

Как известно, наиболее часто упоминаемыми в работах по стилистике стилевыми чертами научного текста были объективность, обобщенность, отвлеченность, безличный характер изложения. Ср.: «Как известно, научной речи свойственна «безличность» изложения, т.е. стремление не называть деятеля, с тем, чтобы со-

средоточить свое внимание на самом действии, придавая изложению, таким образом, обобщенный, обезличенный характер» [5, с. 44]. В нашей работе все вышеперечисленные признаки научного текста сводятся к одному, называемому нами общим термином ин-персональность.

Термин ин-персональность мы используем вслед за Н.А. Тупиковой, которая, в свою очередь, связала его с предложенным А.В. Бондарко термином персональность, под которым понимается «группировка разноуровневых морфологических, синтаксических, лексических, а также комбинированных лексико-грамматических средств данного языка, служащая для выражения различных вариантов отношения к лицу» [6, с. 25]. Данный термин представляется наиболее удачным по сравнению с другими синонимичными терминами (бессубъектность, безличность, имперсональность) по некоторым параметрам: 1) в отличие от всех остальных терминов он уже имеет свою лингвистическую традицию; 2) в отличие от термина *безличность* в нем нет прямой привязки к категории лица; 3) в отличие от термина *бессубъектность* в нем не исключается возможность присутствия субъекта, даже если его статус понижен; 4) в терминологии Плунгяна термином *имперсональность* обозначается ограниченный круг актантных дериватов [7, с.200].

Как мы уже упоминали, в семантику исследуемой нами категории ин-персональности входят все ситуации устранения и понижения субъекта (носителя предикативного признака) в научном тексте, причем «синтезирующим свойством средств выражения категории ин-персональности является степень участия субъекта в описываемых событиях» [8, с.54].

Общеязыковая ФСП ин-персональности в русском и польском языках выглядят немного по-разному, о чем неоднократно писали исследователи. Например, В.А. Плунгян указывает на функционирование в польском языке субъектного имперсонала, представленного в таких конструкциях, как, например, *Tu się nie pali*. Ср.: «Они не допускают выражения агента и, тем самым, являются имперсональными, а не пассивными» [7, с.201]. К субъектному имперсоналу относятся также польские конструкции типа *Zapukano do drzwi* («польский использует здесь (так же, как, например, финский и ирландский языки) особый имперсональный

показатель –но/ -то, не совпадающий ни с какими другими показателями залога и актантной деривации» [7, с.202]). Можно предполагать, что и текстовая категория ин-персональности будет реализоваться в научных текстах по-разному, как с точки зрения набора составляющих ее средств, так и с точки зрения их участия в формировании ядра и периферии функционально-семантического поля. Выявление специфики реализации текстовой категории ин-персональности в польском и русском научном дискурсе и является целью настоящей работы.

Материалом для работы послужили фрагменты статей по лингвистике русскоязычного и польскоязычного авторов [9; 10]. Сплошному анализу были подвергнуты по 130 предикатов из русского и польского текстов. Принципом отнесения предикативной конструкции к ин-персональной была возможность восстановления в ней субъекта (если он был полностью устранен) или наличие в конструкции пониженного субъекта, в результате чего были выделены следующие грамматические, лексические и текстовые средства реализации категории в обоих языках:

1) активная конструкция с пониженным субъектом (агентивное дополнение, локатив): *Zmiany w strukturze języka i formach porozumiewania się nie uszły uwagi lingwistów* [10, с.29] (ср.: Lingwiści zauważli zmiany);

2) классический пассив с пониженным или устраниенным субъектом: *Обзор точек зрения и существующих в этой области теорий был предложен в моей монографии* [9, с.16] (ср.: Я предложил); *Język byłby traktowany jako bardzo specyficzna praktyka poznawcza* (Traktowalibyśmy język, ктоś traktowałby język) [10, с.31];

3) возвратный пассив: *Наряду с понятием парадигма языкоznania употребляется понятие «парадигма философии языка»* [9, с.16] (автор употребляет понятие); *Na język mediów spogląda się z perspektywy aksjologicznej* [10, с.29] (ктоś spogląda na język mediów z perspektywy aksjologicznej);

4) имперсонал: *Szczególnie podkreślano wtedy zagadnienia stylistyczne* [10, с.29];

5) безличные предложения с пониженным или устраниенным субъектом: *Совершенно очевидно, что в такой ситуации все актуальнее становится требование синергического подхода к языку;*

W obrębie fonetyki można odnotować występowanie form multimodalnych [10, c.30];

6) страдательные причастные обороты: *Упомянутый в начале статьи Караполов [9, с. 16], Konsercje metodologiczna tak ukierunkowaną nazywam „mediolingwistyką” [10, с.31];*

7) метатекстовые операторы с пониженным субъектом: *Такой подход, с моей точки зрения, является неприемлемым [9, с.16]; Moim zdaniem, tak ukierunkowane badania języka verbalnego dziś jawią się jako już niewystarczające [10, с.30];*

8) притяжательные конструкции: *семиотический треугольник Ч. Морриса [9, с.18]; zdanie S. Gajdy [10, с.30];*

9) отглагольные существительные: *Особенно с учетом его динамики [9, с.18]; Sygnalizowano upadek norm poprawnościowych i niszczenie systemu [10, с.29].*

Ниже в таблице представлена частотность использования вышеназванных средств в русском и польском тексте (из 130 предикатов):

Средство выражения категории ин-персональности	Количество конструкций в русском тексте	Количество конструкций в польском тексте
активная конструкция с пониженным субъектом (агентивное дополнение, агентивный локатив)	0	2
классический пассив с пониженным или устраниенным субъектом	4	1
возвратный пассив	12	0
имперсонал	0	8
безличные предложения с пониженным или устраниенным субъектом	6	9
страдательные причастные обороты	5	11
метатекстовые операторы с пониженным субъектом	2	3
притяжательные конструкции	3	1
отглагольные существительные	3	10
Итого:	35	45

Как видно из приведенных результатов, ядро поля инперсональности в исследуемых текстах составляют: для русского текста – возвратный пассив, безличные предложения и страдательные причастные обороты, для польского текста – страдательные причастные обороты, безличные предложения и отсутствующий в русском языке субъектный имперсонал (которому, тем не менее, функционально соответствует возвратный пассив). Классические пассивные обороты – вопреки расхожему мнению – в обоих языках не вошли (в данном случае) в категориальное ядро. Конечно, следовало бы подтвердить полученные результаты более масштабными исследованиями.

В следующей таблице представлено распределение средств выражения категории ин-персональности по критерию носителя предикативного признака (НПП), который может быть: 1) автором текста, 2) кем-то другим (исследователями, в том числе автором – неопределенным или определенным лицом), 3) чем-то другим (персонифицированный носитель предикативного признака, выраженный неодушевленным существительным):

НПП	Средство выражения	Количество в русском тексте	Количество в польском тексте
1. Автор текста	Безличные предложения	6	1
	Классический пассив (с агентивным локативом или агентивным дополнением)	2	0
	Возвратный пассив	3	0
	Метатекстовые операторы с пониженным субъектом	1	3
	Страдательный причастный оборот	2	1
	Отглагольные существительные	0	1
	Всего:	14	6
2. Кто-то другой	Возвратный пассив	9	0
	Субъектный имперсонал	0	8

НПП	Средство выражения	Количество в русском тексте	Количество в польском тексте
	Классический пассив с косвенным агентивным дополнением	1	1
	Притяжательная конструкция	3	1
	Страдательный причастный оборот	3	6
	Отглагольное существительное	3	9
	Метатекстовые операторы	1	0
	Активная конструкция с пониженным субъектом	0	2
	Безличная конструкция	0	8
Всего:		20	35
3. Что-то другое	Классический пассив с косвенным агентивным дополнением	1	0
	Страдательный причастный оборот	0	4
Итого для всех НПП:		35	45

Из результатов видно, что автор вдвое чаще «самоустранился» в русском тексте. Более того, в польском тексте нами были зафиксированы персональные конструкции, не отмеченные в тексте русском – глаголы в форме 1 л. ед. ч. наст. времени: *iważam, podzielim, widzę, patrzę*. Уже на этом основании можно было бы сделать предварительные выводы об особенностях польского и русского научного дискурса: в польском тексте авторство не только не скрывается, но и (по сравнению с русским) подчеркивается. Зато почти вдвое более «устраненными» в польском тексте являются другие носители предикативного признака.

Как мы уже отмечали, для подтверждения полученных результатов следовало бы провести более масштабный анализ. Можно было бы также соотнести полученные статистические данные с частотностью использования персональных конструкций, сгруппиро-

тированных также по критерию НПП, а также по критерию определенности / неопределенности НПП. Полученные результаты могут лежать в основу сравнительной текстостилистики, стилистической грамматики, а также использоваться на занятиях по переводу специальных (научных) текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова Е.С. Текст и его понимание // Русский текст: Российско-американский журнал по русской филологии. – СПб.: Лоуренс; Дэрем, 1994. №2. С. 18-26.
2. Москальская О.И. Грамматика текста. – М., 1981.
3. Кожина М.Н. О функциональных семантико-стилистических категориях текста // Филологические науки, 1987, №2. С. 35-41.
4. Кожина М.Н. Общая характеристика текстовых категорий в функционально-стилевом аспекте (применительно к научной сфере общения) / Кожина М.Н. (ред.), Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв. в 3 т. Т. 2. – М., 1998. С. 3-17.
5. Синев Р.Г. Безличный пассив в немецкой научной речи и его соответствие в русском языке // Преподавание иностранных языков. Теория и практика. – М., 1971. С. 41-46.
6. Бондарко А.В. Семантика лица // Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. – СПб., 1991. С. 5-40.
7. В.А. Плунгян. Общая морфология. Введение в проблематику. – М., 2000.
8. Тупикова Н.А. Формирование категории ин-персональности русского глагола. – Волгоград, 1998.
9. Киклевич А. Ветка вишни. Статьи по лингвистике. – Olsztyn, 2013.
10. Skowronek B. O nowej koncepcji badań polszczyzny medialnej // Język Polski, XCIV (1), 2014. С. 29-36.

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЧЕЛОВЕКЕ
В СЛАВЯНСКОЙ И БАЛТИЙСКОЙ КАРТИНАХ МИРА
(НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
С РУС. ДУША, ДУХ; СЛОВАЦ. DUŠA, DUCH / ЛТШ. DVĒSELE,
DŪŠA, GARS; ЛИТ. SIELA, VĒLĖ, DVASIA)**

Т.А. Стойкова

*Вентспилсская высшая школа
Inženieru, 101A, Ventspils, Latvia, LV-3600*

В статье на основе сопоставления фразеологизмов русского, словацкого, латышского и литовского языков выявляются различия в представлениях о человеке: в балтийской языковой картине мира, по сравнению со славянской, нематериальное начало в человеке (**душа, дух**) более синкретично и более спаяно с материальным началом;

Ключевые слова: фразеология, сопоставительная семантика, этнолингвистика; русский, словацкий, латышский, литовский языки

**IDEAS OF A PERSON IN THE SLAVIC AND BALTIc
LINGUISTIC VIEW OF WORLD
(ON THE MATERIAL OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH RUSS.
ДУША, ДУХ; SLOVAK. DUŠA, DUCH / LATV. DVĒSELE,
DŪŠA, GARS; LITHUAN. SIELA, VĒLĖ, DVASIA)**

Tatjana Stoikova

*Ventspils University College
Inženieru, 101A, Ventspils, Latvia, LV-3600*

In the article on the basis of comparison of phraseological units of the Russian, Slovak, Latvian and Lithuanian languages distinctions in ideas of the person come to light: in the Baltic linguistic view of the world, in comparison with Slavic, the non-material beginning in the person (*soul, spirit*), is less differentiated and more soldered to the material beginning.

Keywords: phraseology, comparative semantics, ethnolinguistics; Russian, Slovak, Latvian, Lithuanian languages

Сопоставление фразеологизмов разных языков актуально как с точки зрения сопоставительной семантики, так и с позиций изучения картин мира различных этносов. Фразеологизмы (в даль-

нейшем ФЕ – фразеологические единицы), в силу своей разговорной специфики, отражают миросозерцание этноса и его наиболее древние представления, в частности о человеке. Архаичная модель человека в наивно-языковой картине мира формируется оппозициями: *дух – тело, плоть – душа*. *Дух и душа* «указывают на нематериальное начало в человеке», *плоть и тело* – на материальное [10, с. 21]; «если *душа* человека формирует его личность, будучи вместелищем его сокровенных мыслей и чувств, то *дух* составляет его внутренний стержень» [10, с. 25]. Душа, дух – базовые составляющие представлений о человеке в русской языковой картине мира (в дальнейшем ЯКМ) – стали предметом многих лингвистических исследований [1; 2; 3; 4; 5; 10 и др.]. Однако эти представления ещё не рассматривались в более широком контексте славянской ЯКМ с использованием фразеологического материала других славянских языков и в соотношении с балтийской ЯКМ, закреплённой в латышских и литовских ФЕ.

Целью статьи является сопоставление ценностных для славянской и балтийской картин мира представлений о человеке, отражённых в семантике фразеологизмов с компонентами рус. *душа*; *дух*; словац. *duša, duch* / лтш. *Dvēsele* (*душа*); *dūša, gars* (*дух*), лит. *siela, vėlė* (*душа*); *dvasia* (*дух*). Источниками фразеологизмов послужили фразеологические и толковые словари русского, словацкого, латышского и литовского языков [7; 8; 12; 13; 14; 15; 16; 18]. Мы не приводим точных статистических данных, однако словари славянских языков – словацкого и особенно русского – фиксируют в несколько раз больше ФЕ с компонентом *душа*, чем словари балтийских языков – литовского и латышского. Известным фактом является и преобладание русских ФЕ с компонентом *душа* относительно русских ФЕ с компонентами *дух, тело, плоть*, что свидетельствует «о доминирующем положении понятия *душа* в русской концептуальной и языковой модели мира» [3].

Обе ЯКМ, и славянская, и балтийская, отражают понимание *души* как невидимого, но имеющего определённую локализацию органа внутренней жизни человека, как *вместелища* чувств, переживаний, сокровенных, тайных мыслей [6, с. 15-17], которое наделено пространственными параметрами (*глубина, дно, уголок*). В балтийских и славянских языках находим эквивалентные ФЕ: рус. *в глубине души* = словац. *vhlíbke duše* = лит. *siełos gilumoje* =

лтш. *dvēseles dzīlumos*; рус. *до глубины души* = словац. *do hĺbky duše* = лит. *iki sielos gelmič* = лтш. *līdz dvēseles dzīlumiem*;ср. также словац. *v kútiku duše* (в уголке души), *chovat' niečo nadne duše* (таить, скрывать что-то на дне души).

В славянской, русской, ЯКМ сохранилось указание на место локализации этого невидимого органа: «по народным представлениям» душа помещается в «ямочке между ключицами на шее»: деньги хранили на груди, за воротом – т.е. *за душой*: *за душой нет ничего, ни копейки за душой, душа нараспашку* [9, с. 177]. Вероятно, лтш. ФЕ *ne kapeikas pie dvēseles*(ни копейки за душой) возник под влиянием русского языка – об этом свидетельствует прямое заимствование *kapeika* в составе его компонентов. В словац. ФЕ *mat' dušu na jazyku* (иметь душу **на языке**) со значением ‘умирать’ указывается на локализацию души, покидающей тело. В латышском языке о необычном месте пребывания души сообщает ФЕ *dvēsele kaujos* (душа **в костях**) [14. Т.1, с. 537], о человеке, в котором кипит жизнь. Эти примеры показывают своеобразие соматического, или телесного, кода национальных культур.

Универсальное представление о том, что душа – *источник жизни* в человеке – «дана Богом», бессмертна, связывает человека с высшим духовным началом, а после смерти «возвращается в постуторонний мир» [4, с. 17], объединяет разные ЯКМ: рус. *вышибать душу* (дух), *душа* (дух) вон; словац. *vypustiť dušu* (выпустить душу); рус. *отдать Богу душу* = словац. *oddat' / poručiť dušu Pánu / Pánovi / Bohu / Stvoriteľovi* (отдать / поручить душу Пану / Богу / Создателю) = лтш. *atdot dievam dvēseli*(отдать Богу душу) = лит. *sielqatidūoti Diēvui / Viēšpačiui* (отдать душу Богу / Господу). В современном литовском языке существуют два слова со значением ‘душа’: *siela* (используется, если речь идёт о живом человеке); *vėlė* имеет значение ‘душа умершего человека’. Слово *vėlė* восходит к имени одного из языческих богов – *Velес*;ср. в составе ФЕ: *Vélių diena* (‘День усопших’).

Семантические признаки ‘источник жизни’, ‘одухотворяющее начало’ выделены в славянских ФЕ: рус. *вкладывать / вложить душу во что-либо, в кого-либо* = словац. *vložiť / vliat do niečoho[celú] svoju dušu* (вложить / влить во что-либо [всю] свою душу); рус. *вдохнуть душу во что-либо* = словац. *vdýchnut' duši niekomi*; словац. *to vychádza [priamo] z duše* (выходит [прямо] из

души); рус. *положить [всю] душу на что-либо* и т.п. С высшим духовным, одухотворяющим началом, по всей вероятности, связана отличающая русскую душу тончайшая восприимчивость, особая чувствительность к возвышенному, которая передаётся семантикой ФЕ: *воспарить душой, брать за душу, отдыкать душой, бередить душу* и др.

В силу своего божественного происхождения душа стала источником любви и жертвенности, что особенно отразилось в славянской ЯКМ:ср. рус. *не чаять души в ком-то, всей душой*; словац. *dúšu by dal za niekoho* (отдал ба душу за кого-либо), *dúša ti prahne po niekom* (душа жаждает кого-либо) и др. Кроме того, ФЕ славянских языков, в отличие от балтийских, показывают широкий спектр интенсивных чувств, переживаний, вместилищем которых является душа, – скорбь, печаль, тоска, тревога, беспокойство, жалость, сострадание: рус. *душа разрывается, душа переворачивается, душа болит, болеть душой, надрывать душу, душа не на месте, ад кромешный на душе, камень на душе, саднит душу, скребёт на душе, на душе кошки скребут* и др.; словац. *mat' niečo na duši* (иметь что-то на душе), ‘чем-то терзаться, о чём-то беспокоиться’; *niečo ho tlačí na duši* (что-то давит на душу), *duša [srdce] ho bolí* (душа [сердце] болит); *mat' ranu v dusi / na duši* (иметь рану в душе /на душе) и др. Ср. немногочисленные балтийские ФЕ: лит. *sielq ēsti*(что-то разъедает душу); лтш. *dūša ir pilna / sirds ir pilna* (душа полна / сердце полно), говорят, если человек расстроен, огорчён, переживает несчастья; лтш. *dūša / sirds aptekas [apskrienas]*, говорят, когда человека охватывает сильный гнев или обида.

В последних двух лтш. ФЕ компонентный состав варьируется – душа замещается словом *сердце(sirds)*. Такое варьирование нередко встречается и в славянских ФЕ, однако в балтийских ФЕ оно имеет особое значение. Сердце – «центральный орган кровообращения, мускульный мешок», локализованный в груди, относится к материальной составляющей человека, однако метонимически *сердце* связано с психическим миром человека как «символ средоточия чувств, переживаний, настроений», сильных страстей, в том числе любовных [8, т.4, с.155-156]. Наблюдения показывают, что в балтийской ЯКМ ключевым словом для обозначения внутреннего мира чувств и переживаний человека является

сердце (не *душа*) – лтш. *sirds*, лит. *širdis*; поэтому лтш. и лит. ФЕ с компонентом *сердце* в несколько раз превосходят ФЕ с компонентом *душа*: так, фразеологический словарь современного латышского языка содержит около 60 ФЕ со словом *sirds* и 11 со словом *dvēsele*, 12 – со словом *dūša*[13, с. 1122-1155, с. 282-285, с. 279-282]; во фразеологическом словаре современного литовского языка на 42-х страницах приводятся ФЕ со словом *širdi s* [18, с. 672-713] и на трёх – с *siela* и *vėlė*(15 ФЕ).

В нашу задачу не входит разбор этимологии слов, однако невозможно не коснуться этого аспекта. Лтш. *dūša*, по одной из версий [11, т. 1, с. 244], является исконным словом, оно этимологически связано с лтш. *dvēsele* и лит. *dvasiai* этимологически родственно рус. *душа*, *дух*, *дыхание* [17, с. 114-115]. Согласно этимологической версии М. Фасмера, рус. *душа* является калькой со среднегреческого, что подкрепляется ссылкой на *Апокалипсис* [6, т. 1, с. 556] и может рассматриваться, как указание на семантизацию слова под влиянием христианства. Христианизация язычников – балтов, по сравнению со славянами, была более поздней и в значительной мере насильственной – возможно, вследствие влияния внеязыковых факторов, слово *душа* в балтийской картине мира не получило такого ключевого значения, как в славянской. В.В. Колесов считает, что соотношение *души* с *сердцем*, метонимическая замена *душесердцем*, которая наблюдается во многих средневековых текстах, есть не что иное, как сохранение «следов язычества» [1, с. 152-153], что собственно и характеризует духовную культуру балтийских народов.

Однако очевидно, что в обеих ЯКМ *душа* – высшая ценность, «носитель некоего этического идеала» [4, с. 16], относительно которого определяется нравственный уровень человека и оцениваются его поступки: рус. *продать (свою) душу* = словац. *predat' svoju dušu*; *predat' svoju dušu čertovi / diablotvi / satanovi*(продать свою душу чёрту / дьяволу/ сатане) = лтш.*pārdot [savu] dvēselivelnam / kādam*(продать [свою] душу чёрту / кому-либо). Это качество души особенно значимо в русской ЯКМ, так как в русском языке существует большая группа ФЕ, содержащих в значении семантический признак ‘душа – этический, нравственный эталон’: *не слышать души, кривить душой, брать грех на душу, загубить (свою) душу* и др.

Универсальная способность души раскрываться характеризует обе модели человека – и славянскую, и балтийскую; ср. ФЕ: рус. *открыть [свою] душу* = словац. *otvorit' [si] dušu* = лит. *atvérsti sielą* = лтш. *atkłāt [savu] dvēseli*. Однако только в славянских языках (особенно русском) обнаруживается значительное количество ФЕ с компонентом *душа* (в том числе эквивалентных), передающих открытость, искренность человека, потребность быть откровенным, делиться своими чувствами: рус. *изливать / излить душу кому-либо* = словац. *vylievat' / vyliať [si] dušuniekomi*; рус. *душа нараспашку* = словац. *otvorená duša*, рус. *распахивать душу* = словац. *otvorit' dušu dokorán* (распахнуть душу настежь); рус. *облегчить душу* = словац. *uľahčiť duši*, *uľahčiť si na duši*; словац. *má toho veľa na duši* (иметь многое на душе, ‘хотеть поделиться с кем-то, довериться кому-то’); *má dusu / srdce na dlaň* (иметь душу / сердце на ладони), *duši / srdce na dlaň vyložiť* (выложить душу / сердце на ладонь); рус. *выкладывать душу, выворачивать душу (наизнанку), поговорить по душам* и др. В этих языках ряд ФЕ отражает обратную связь – глубокий интерес к внутреннему миру другого, желание его понять: рус. *читать в душе* = словац. *čítať niekomi z duše*; рус. *заглядывать в душу* = словац. *nahliadnut' vidieť niekomi do duše/ [až] na dno duše* (заглядывать / смотреть кому-либо в душу/ до dna души); рус. *вглядываться в душу, входить в душу, чужая душа потёмыки* и др. В балтийских языках ФЕ с подобной семантикой встречаются редко: лит. *isielq pažiūrēti* (заглядывать в душу). Наряду с бережным вниманием к чужой душе, рус. ФЕ передают и неуважение внутреннего пространства другого, и бесцеремонную настырность, и даже тиранство: рус. *влезать в душу, стоять (висеть) над душой, тянуть (за) душу, вытягивать душу* и др. Оскорбительно-циничное отношение к чувствам другого становится содержанием немногочисленных соотносимых славянских и балтийских ФЕ; ср. например, рус. *плевать в душу* – лтш. *mīt ar kājām dvēselē* (топтать ногами в душе).

Если душа – «невидимый **орган**», то дух, тоже «носитель жизни», мыслится как невидимая летучая «сверхъестественная **субстанция**»: дух, как и душа, соединяет человека с иным, высшим, божественным миром [4, с. 19-20]; ср. в этой связи рус. *святым духом, от святого духа* = лтш. *po svētā gara*; словац. *akoby ho osvetil Duch Svätý* (как будто озарил дух святой); лит. *šventą dvasią*

ikvēpti (святой дух воодушевил). Понимание духа как сверхъестественной субстанции, находящейся внутри человека, прослеживается в эквивалентных ФЕ со значением ‘умереть’: рус. *испустить дух* = словац.*urupusti'* *ducha* = лит. *dvasių palėisti* = лтш. *izlaist garu*. Для обозначения понятия дух в латышском языке существуют два слова – *garsudūša*.

Важнейшая составляющая духа – моральная сила, воля, которая проявляется в смелости, решимости, энергичности, целеустремлённости человека. Воля и характеризующие её признаки – величины переменные, так как дух динамичен. Градационное состояние духа отражают соотносимые ФЕ: рус. *утасть* [*падать*] *духом* = словац. *klesnúť* / *klesat'* *na duchu* = лтш. *zaudēt dūšu* = лит. *dvasia pulsi*; рус. *подорвать дух* = лтш. *dūša sašlūk* (когда человек совершенно утрачивает смелость, решимость); рус. *собраться с духом* = лтш. *saņemt dūši,ņemt droši dūši*; рус. *воспрянуть духом* = лит. *dvasios īpusti*; рус. *(сохранять) присутствие духа* = лат. *turēt dūši*; рус. *набираться духу, укреплять дух* и др.

Инвариантным признаком духа, помимо ‘воли’, является ‘настроение’. В славянской (особенно в русской) ЯКМ настроение человека напрямую определяется состоянием духа: *подъём духа* / *упадок духа – хорошее (дурное) расположение духа, быть (не) в духе, воспарить духом* и др. В балтийской (латышской) ЯКМ связь духа и настроения опосредуется «физиологическим» состоянием человека, которое вызывается крепкими напитками: *būt dūšā; jautrā dūšā* (‘быть навеселе, выпившим’), *iestiprināt dūšu* (‘кратковременно почувствовать себя смелым и решительным, выпив алкогольный напиток’), *uztaisīt* / *ietaisīt dūšu* (‘привести себя в хорошее расположение духа, выпив алкогольный напиток’), *uzmest / samest garu* (‘выпив алкогольный напиток, подбодрить дух’) и др. Подобный языковой материал свидетельствует в пользу допущения, что в балтийской ЯКМ дух в большей степени спаян с материальным началом человека – с его материальными потребностями, физическим состоянием, самочувствием; ср. также ФЕ *pakulu dūša* (о плохом самочувствии), *slikta dūša* (‘дурно’, ‘тошнит’), *tukšā dūšā* (‘натощак’, ‘на трезвую голову, не выпивши’).

Исследователи русской ЯКМ отмечают, что *дух*, в отличие от *души*, не локализован и находится не столько «внутри человека, сколько окружает его и его душу, как своего рода ореол»

[10, с. 22]; дух «гораздо менее индивидуален», представляет «более абстрактное начало жизни в человеке», чем душа, и, окрашиваясь личностью человека, не отождествляется с ней [4, с. 20-22]. Действительно, в русской ЯКМ с человеком, с личностью отождествляется только *душа*. Однако здесь наблюдается очевидное различие не только с балтийской ЯКМ, но и внутри славянской – со словацкой ЯКМ: в словацком языке, как и в балтийских, и *душа* (словац. *duša*, лтш. *dvēsele*), и дух словац. *duch*, лит. *dvasia*) метонимически отождествляются с человеком; ср. ФЕ со значением ‘никого нет, ни одного человека’: рус. *ни одной живой души* = словац. *ani živáduša/ ani [živého] ducha* = лтш. *neviena dzīva dvēsele, ne dzīvas dvēseles* = лит. *nė dvasios*. Ср. также лит. *kaip dvasia be vietos* (как душа без места), о потерянном, расстроенном человеке; лит. *prie dvasios* (при душе), говорят о совестливом человеке. Даные языковые факты позволяют предположить, что в балтийской ЯКМ дух понимается как более индивидуализированное начало, чем в славянской (прежде всего в русской).

В русской ЯКМ идеальное (нематериальное) начало в человеке – душа и дух – достаточно чётко дифференцируется – об этом свидетельствует практически полное отсутствие «контекстов, в которых слова дух и душа были бы взаимозаменимы» [10, с. 21], за исключением ФЕ со значением ‘умереть’ (напр., *дух / душа вон*), что объяснимо, т.к. дух и душа делают человека живым. Представляется, что в балтийской ЯКМ идеальное начало в человеке, по всей вероятности, более синкретично: понятия *дух* и *душа* тесно переплетаются в значениях лтш. *dūša* и лит. *dvasia*, что проявляется взаменяемости компонента *dvēsele* компонентом *dūša*, компонента *siela* компонентом *dvasia* – при сохранении значения ФЕ: ср. лтш. *piesiet dūšu = piesiet dvēseli* (‘прийти в благодушное настроение, хорошо, сытно поев’; ср. рус. *порадовать душу*). Ср. также: о трусливом, малодушном человеке говорят: рус. *заячья душа* = лит. *zuikio dvasia* (а не *siela!*); *avies dvasia* (овечья душа) = лат. *jēra dvēsele / jēra dūša* (ягнячья / баранья душа). (К слову отметим, что в данных ФЕ проявляется своеобразие биоморфного кода национальных культур: представление о трусости связывается с разными образами. Кроме того, в латышской ЯКМ для выражения этого же значения задействован предметный код, а в словацкой – пространственный: лтш. *diega dūša* (нитяная душа); сло-

вац. *mat' malú [tenkú] dušu [dušičku]* (иметь маленькую [тонкую] душу [душонку]).

Смешение понятий *душа* и *дух* в одном балтийском слове иллюстрируют значения многозначного ФЕ: например, лтш. *dūša kā miets*: одно значение – ‘о сытно поевшем и попившем человеке’ – соотносится с понятием *душа* (*dūša* = *душа*); другое – ‘об очень решительном, самоуверенном человеке’ – с понятием *дух* (*dūša* = *дух*).

В рамках небольшой статьи мы рассмотрели не все признаки, составляющие базовые в языковой модели человека понятия *душа* и *дух* и преломлённые в семантике славянских (русских, словацких) и балтийских ФЕ. Тем не менее проведённый анализ представлений о человеке, отражённых в ФЕ с компонентами рус. *душа*, *дух*; словац. *duša*, *duch* / лтш. *dvēsele*; *dūša*, *gars*; лит. *siela*, *vėlė*; *dvasia* вскрывает как общее, так и различительные тенденции. В балтийской ЯКМ, по сравнению со славянской, идеальное, нематериальное, начало в человеке (*дух* и *душа*), по-видимому, более синкретичной в большей мере спаяно с материальным началом; представления о внутреннем мире чувств, переживаний человека в большей степени соотносятся с *сердцем*, а не с *душой*. Однако для подтверждения выводов требуется более широкий «славянский» фон.

СОКРАЩЕНИЯ

лит. – литовский

словац. – словацкий

лтш. – латышский

ФЕ – фразеологическая единица, фразеологизм

рус. – русский

ЯКМ – языковая картина мира

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. В 5-ти книгах. Кн. 2. Добро и зло. – СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2001.

2. Пименова М.В. Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово: ИПК Графика. 2004.

3. Петрухина Е.В. Закономерности изменения в русской языковой картине мира: представления о духе и душе. Доступно: <http://www.portal-slovo.ru>.
4. Урысон Е.В. Дух и душа: К реконструкции архаичных представлений о человеке. // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – М.: «ИНДРИК», 1999. – С. 11–25.
5. Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. – М.: Языки славянской культуры. 2003.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х томах. Т. 1. – М.: «Прогресс», 1986.
7. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – СПб.: Вариант, 1994.
8. Толковый словарь русского языка. В 4-х томах / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 4. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1940.
9. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. Изд. 6-е. – М.: URSS, 2012. 10.
- 10.Шмелёв А.Д. Русская языковая модель мира. – М.: Языки славянской культуры. 2002.
11. Karulis K. Latviešu etimoloģijas vārdnīca. 2 sējumos. Sēj. I. – Rīga: Avots, 1992.
12. Latviešu literārās valodas vārdnīca. 1. – 8. sējumi. – Rīga: Zinātne, 1972-1996.
13. Laua A., Ezeriņa A., Veinberga S. Latviešu frazeoloģijas vārdnīca. – Rīga: Avots, 2000.
14. Mīlenbahs Kārlis, Endzelīns Jānis. Latviešu valodas vārdnīca. 1. - 4. sējumi. – Rīga, 1923-1932.
15. Slovník súčasného slovenského jazyka. A-G. – Bratislava: Veda, 2006.
16. Stěpanova L., Fojtů P., Jankovičová – М. Русско-чешско- словацкий словарь фразеологических синонимов.
17. Толковый словарь – Rusko-česko-slovenský slovník frazeologických synonym. Výkladový slovník. – Olomouc: Univerzita Palackého. (В печати).
18. Fraenkel E. Lituaisches etymologisches wörterbuch. Band I. – Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1962.
19. Frazeologijos žod'ynas. – Vilnius: Lietuvių kalbos institutas. 2001.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ПРЕДИКАТОВ АНАЛИТИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ TUN+ИНФИНИТИВ В РАННЕНОВОВЕРХНЕНЕМЕЦКИЙ ПЕРИОД

М.А. Фахурдинова

*Житомирский государственный университет им. Ивана Франко
ул. Б. Бердичевская, 40, Житомир, Украина, 10008*

В статье рассматриваются семантические типы предикатов аналитической перифрастической конструкции tun+инфинитив в ранненноверхненемецкий период, исследуется сочетаемость tun с разными лексическими глаголами.

Ключевые слова: аналитическая конструкция, стативные предикаты, динамичные предикаты, предельные глаголы, непредельные глаголы.

SEMANTIC TYPES OF ANALYTICAL TUN+INFINITIVE PREDICATES IN EARLIER HIGH GERMAN

M.F. Farkhutdinova

*Zhitomir State University n.a. Ivan Franko
B.Berdichevskaya str., 40, Zhitomir, Ukraine, 10008*

The article deals with semantic types of predicates of the analytical periphrastic construction tun+infinitive during the Early New High German period, the compatibility of tun with different lexical verbs is investigated.

Keywords: analytical construction, stative predicates, dynamic predicates, telic verbs, atelic verbs.

Объект данного исследования – бивербальный комплекс *tun* + инфинитив является аналитической перифрастической конструкцией (далее АПК), представляющей собой сочетание грамматикализованного вспомогательного *tun* и знаменательного глагола в форме инфинитива. Конструкция характеризуется семантической спаянностью, дистантным расположением элементов, идиоматичностью, соотнесенностью с синтетическими формами и неспособностью образования грамматической категории, что дает

возможность причислить ее к аналитическим единицам такого типа. Глагол *tun*, утративший свое лексическое значение, превратился в формальный показатель грамматического значения. Он обладает всеми признаками вспомогательного глагола: широкой семантикой, высокой частотностью и способностью замещать другие глаголы. Вторым элементом АПК с *tun* является немаркированный инфинитив. Цель настоящего исследования – выявить, с какими акциональными типами лексических глаголов сочетается вспомогательный глагол *tun*. Материалом исследования послужили тексты разных типов ранненововерхненемецкого периода: художественные, богословские, юридические тексты, хроники и др. (всего 245 текстов).

Существующее в языке множество предикатов может быть противопоставлено по признаку *статичность / динамичность* и делится, соответственно, на две большие группы: глаголы, обозначающие *состояния* (*стативные*) и глаголы, обозначающие *процессы* (*динамические*).

Стативные глаголы остаются неизменными в любой момент времени и не требуют дополнительных усилий или притока энергии для продолжения состояния. Ситуации, которые описывают предикаты состояния, имеют свойство подынтервала: "всякий раз, когда они истинны на временном интервале Γ , они истинны и на любом подынтервале Γ' " [6, с. 19]. Кроме того, они являются неагентивными, т.е. субъектом выступает, как правило, пациент или экспериенцер.

Динамические глаголы характеризуют изменяющиеся ситуации, для продолжения которых необходим приток энергии и являются, как правило, агентивными (их субъект – агенс). Динамические глаголы делятся далее на *процессы* и *события*. Релевантным признаком для их дифференциации становится фактор времени. Процессы представляют постепенные изменения состояния, а события – мгновенные.

Процессы актуализируют определенные изменения, и в зависимости от того, носят ли они циклический характер и происходят постоянно или достигают кульминации, естественного предела, различают *предельные* и *непредельные* глаголы. Иногда бывает достаточно сложно различать состояния и непредельные процессы. Основным критерием их дифференциации является подразде-

лимость: процесс не дробится на части до бесконечности, а состояние будет состоянием на любом минимальном временном отрезке. Соответственно, самым важным фактором разграничения состояний и процессов является "истинность в точке", т.к. состояния истинны в любой точке, а процессы нет [6, с. 21].

Разграничение акциональных классов часто бывает возможным только при учете семантики предиката и (экстра)лингвистического контекста:

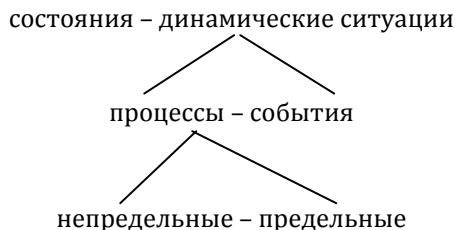

Рис. 1. Семантические классы предикатов [5, с. 247]

Предельность, по мнению Ю.С. Маслова, представляет собой направленность действия на его "внутренний" предел, который заложен в природе самого действия [3, с. 4-44]. Предел может быть представлен в виде критической точки, к которой стремится действие. Действие считается выполненным и прекращается, если точка достигнута, т.е. предельные глаголы обладают признаком внутреннего предела, а непредельные – нет. Однако не исключено, что действия или состояния, которые они актуализируют, могут быть ограничены во времени [1, с. 102-112].

Противопоставление предельность / непредельность представляет собой бинарную привативную оппозицию. При этом предельные глаголы, обладающие внутренним пределом действия, являются сильным, маркованным членом оппозиции. В качестве слабых немаркованных членов выступают непредельные глаголы [7, с. 145].

Некоторые глаголы немецкого языка (иногда их еще называют глаголами двойственного характера) могут быть интерпретированы как предельные и как непредельные, основным условием их разграничения является контекст. Контекстуальная обуслов-

лленность задается влиянием на лексическое значение глагола окружающих его элементов (обстоятельств времени; обстоятельств выражения моментальности, внезапности; обстоятельств и грамматических форм, подчеркивающих постепенное развертывание действия; обстоятельств, указывающих на завершение действия и т.д.). Однако бывают случаи, когда и контекст не дает возможности точно определить семантический тип предиката. Так, например, в предложении: *Der Narr stand da / thet mich außlachen* [HC] (*Шут стоял тут и высмеял / высмеивал меня*) глагол *außlachen* может быть интерпретирован и как достигший предела, и как не имеющий такового.

В ходе исследования выяснено, что вспомогательный глагол *tun* сочетается со всеми типами лексических глаголов.

Таблица I
Сочетаемость *tun* с различными типами предикатов

Состояния	Процессы		События
	87%		
8%	пределевые глаголы	непредельные глаголы	5%
	44%	43%	

Значение предельности / непредельности инфинитива распространяется, как правило, на всю конструкцию. Что, однако, не исключает аспектуальных несоответствий: непредельный глагол – предельная АПК (далее П), предельный глагол – непредельная АПК (далее НП).

1) *Was er hat angreiffen gewolt / Kein Speis vnd Trank er kund genießen / Vnd das jhn sonders thet verdriessen / Sind jhm ajß einem grossen Thoren / Am Häupt gewachsen Esels ohren.[...]* [HC] (*Что он хотел схватить, он не мог ни есть, ни пить, и это его **рассердило**, у него как у большого глупца на голове выросли ослиные уши*) – непредельный глагол *verdriessen* (сердить, раздражать, огорчать) употреблен в ситуации, которая предполагает завершенность, что позволяет интерпретировать ее как предельную.

Кроме того, валентность *tun* распространяется на так называемые *градации*, которые выражают "изменение некоторого

параметра объекта, принимающего значения на потенциально бесконечной шкале" [4, с. 11].

2) *Daher vermehren **thut** vorab/ Sein kräfftten der Mann vnd der Knab* [HC] (*Оттого сначала умножают (увеличивают) свои силы мужчина и юноша*)

3) *aber mit solichen klain hilffen **tut** ir die kreffst des tödlichen smertzens sterckchen* [HC] (*но такой малой помощью он усиливает смертельную боль*)

Сочетание *tun* с предельными глаголами служит для создания динамических повествований, описывает действие, которое не может быть продолжено после достижения предела, подчеркивает результивность, факт выполнения действия. В таком случае использование в одной клаузе вспомогательного глагола *tun* с семантикой [+непредельность] и лексического глагола со значением [+предельность] не является противоречием, вся конструкция становится под влиянием более сильного компонента (инфinitива в рематической позиции) предельной:

4) *Der unbild mag ich nicht mehr hörn./ Ir **habt** den kuenig **thun ermörn*** [HC] (*Несправедливости не хочу большие слышать, вы убили короля*) (П)

5) *Amulius **hab** gestrichen tag / Sein Bruder **thun** ins elend jagen / [...]* [HC] (*Амулиус вчера загнал в нужду своего брата / [...]*) (П)

6) [...] *weib, **tut** ir vergunnen vnd geweren mein hertenliche gebet, so **tüt** ir erköcken mein verlorenes leben [...]* [HC] (*[...] женщина, если он **позволит** и **исполнит** мою сердечную молитву, то он **укрепит** мою потерянную жизнь [...]*) (П)

Длительные ситуации актуализируются за счет употребления непредельного *tun* и непредельного смыслового глагола и выражают при этом неограниченность действия пределом, незавершенность, нерезультивность и многократность:

7) *wenn wir die **lesen** **thun**, **thun** wir unmäszig lachen* [10] (*когда мы их читаем, мы чрезмерно смеемся*) (НП)

8) *Alle creatur **tuot** loben got / [...] / Der mensch der **tuot** doch sünden* [HC] (*Все живое хвалит Бога / [...] / человек все же **грешит***) (НП)

9) [...] / *Thut er die Farben **tragen** / Von rooten traubenschweis?* [HC] (*[...] / Он **носит** цвет красного винограда?*) (НП)

Существенным признаком, характеризующим АПК с *tun* (в сочетании как с предельными, так и с непредельными глаголами), является **постепенность протекания глагольной ситуации**. Представление динамической ситуации в процессе ее развития конституирует прогрессивная семантика, которая предполагает, среди прочего, развитие, расширение действия, накопление результатов:

10) *vnd ob ich rechtleich zimlich gewynn nit suchen tät* [HC] (и не **искал** ли я довольно честно прибыль) (НП)

11) *Das aynig wort tut mein hertz erneren so in hochen frewden vnd geit mir hoffnung* [HC] (Одно единственное слово **питает** мое сердце высшей радостью и дает мне надежду) (НП)

12) *Er tut darneben die hände gegen himmel heben* [DWB] (Но он **поднимает** руки к небу) (П)

Как было упомянуто выше, деление глаголов на стативные и динамичные возможно по признаку активности / неактивности субъекта действия. Глаголы состояния обозначают неактуальные ситуации, не предполагающие развития, не вызывающие изменения. Их интенсивность не меняется на протяжении протекания всей ситуации. Поскольку глагол *tun* в процессе грамматикализации утратил признак агентивности, он может сочетаться не только с динамичными, но и со стативными (адинамичными) ситуациями. Число последних, все же, невелико (8%).

13) *Drumb ichs furwar thet gerne sehn,/ [...] [HC] (Поэтому я поистине охотно бы **посмотрел**,/ [...])*

14) *ey, wie gar volkommenleich sy sich freüen thund!* [HC] (о, как совершенно они **радуются**!)

15) [...] *vnd was die lieb leiden thüt, [...] [HC] ([...], и что любовь **страдает**, [...])*

Нехарактерным для АПК *tun+инфinitiv* является также сочетание с предикатами, обозначающими события. Они, как и динамические глаголы, представляют собой изменения ситуации, но изменения мгновенные, внезапные, которые нельзя наблюдать в развитии. События акцентируют результат, совершенность действия. Мгновенность действия противоречит семантике непредельности и процессуальности вспомогательного глагола *tun*. Поэтому число примеров с инфинитивами-событиями незначительно (5%).

16) [...] / *Ein pfeil mir **thut** im Hertzen **steckn***, [HC] [...] / стрела пронзила мне сердце)

17) *Was **thut** er erdappen, das **thuts** wegschnappen*: [...] [HC] (Что он **поймает**, то **схватит** [...])

18) [...] *iren Edlen geyst auffgeben **thet*** [BA] [...] **испустил** свой благородный дух)

Инфинитив в АПК с *tun* употребляется, как правило, без *zu*, т.е. является немаркированным инфинитивом. Однако обнаружено несколько примеров, когда формант *zu* перед инфинитной формой все же появляется.

19) *So vil ich hier **zu** rathen **thu*** [HC] (Насколько я здесь могу посоветовать)

20) *denn ich wuste nicht / ob sie solches mich gleichsam wiederumb **zu** versöhnen **thete*** / [HC] (так как я не знал, **помирится** ли она сразу со мной)

21) *dass diese ihre Waren unter einem praetendirten Vorwand, dass solche ausführen wollen, abzuschreiben **thun*** [HC] (что эти товары под благовидным предлогом, что их хотят вывозить, **аннулируют**).

Использование *zu* является в представленных примерах избыточным и не обусловлено языковыми нормами. Как и в других предложениях *tun* выполняет функцию вспомогательного глагола, который не требует присутствия *zu*. Отдельно можно выделить конструкцию *tun+zu+wissen* (3% от общего количества), которая переводится как "ознакомить кого-либо с чем-либо", "проинформировать", "сообщить что-либо во всех деталях" и представляет собой результат сворачивания придаточного предложения цели "damit jemand weiß" ("чтобы кто-то знал") [2, с. 332].

22) *wo mein liebster gsell mir etwas **zù** wissen **thet*** [BA] (где мой дорогой спутник мне кое-что **рассказал**)

23) *ich bitt eüch wollendt mir das **zu** wissen thün* [BA] (я прошу вас, чтобы вы мне это **рассказали**)

24) [...] *zu den edelen Fursten von Osterrich, [...], vnd tet im **zu** wissen, daz [...]* [HC] [...] к знатному князю Австрийскому, [...], и он **сообщил** ему, что [...])

Кроме того, *tun* участвует в других сложных аналитических образованиях, например, конструкции *pflegen+tun+Infinitiv*.

25) *Ob ich tynn vnd lieb pflegen mich beraten tun, [...] [HC] (Позволяю ли я любви обо мне заботиться, [...])*

Конституэнт *tun* допускает сочетания со всеми типами лексических глаголов, но чаще всего употребляется с динамическими предельными и непредельными глаголами. Непредельные глаголы в составе АПК позволяют акцентировать внимание на незавершенности, нерезультативности и многократности действия. Предельные глаголы в сочетании с *tun* служат для создания динамических повествований, описывают действия, которые не могут быть продолжены после достижения предела, подчеркивают результативность. И те, и другие типы предикатов, соединяясь с *tun*, актуализируют постепенность протекания глагольной ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гиро-Вебер М. Вид и семантика русского глагола / М. Гиро-Вебер // Вопросы языкознания. – 1990. – №2. – С. 102–112.
2. Долгополова Л.А. Становление и развитие инфинитива в немецком языке (VIII–XX ст.): Дисс. ... доктора филол. наук: 10.02.04 / Долгополова Лилия Анатольевна. – Киев, 2010.
3. Маслов Ю.С. К основаниям сопоставительной аспектологии / Ю.С. Маслов. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1978. – С. 4–44.
4. Падучева Е.В. Лексическая аспектуальность и классификация предикатов по Маслову-Вендлеру / Е.В. Падучева // Вопросы языкознания, 2009. – №6. – С. 3–20.
5. Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учеб. пособие. / В.А. Плунгян. – М.: Эдигориал УРСС, 2012.
6. Татевосов С.Г. Акциональность в лексике и грамматике: автореф. дис. на соискание уч. степени доктора филол. наук: спец. 10.02.20 "Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание" / Сергей Георгиевич Татевосов. – М., 2010.
7. Холод С.И. Предельность / непредельность глаголов движения в современном русском языке: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Холод Светлана Ивановна. – Тюмень, 2004.
8. BA: Wickram G. Die History des theüren Ritters Galmy auß Schottenland. Argument, Cap. I – IX / G. Wickram. – Bibliotheca Augustana. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.hs-augsburg.de/~harsch/germanica/Autoren/d_alpha.html.

9. **DWB:** Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm. – [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://woerterbuch-netz.de/DWB/?sigle=DWB&mode=Vernetzung&lemid=GT04069>.
10. Gryphius A. Lyrische Gedichte [Hrsg. von H. Palm] / A. Gryphius. – Tübingen, 1884. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.archive.org/stream/andreasgryphius02grypgoog/andreasgryphius02grypgoog_djvu.txt.
11. **HC:** Heidelberg Corpus / Langer N. Linguistic Purism in Action. How auxiliary tun was stigmatized in Early New High German. – Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2001. – S. 225–263.

К ВОПРОСУ О ЗНАКОВОЙ СПЕЦИФИКЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

A.B. Федорюк

*Иркутский государственный университет
ул. К. Маркса, 1, Иркутск, Россия, 664003*

Статья посвящена анализу знаковых особенностей фразеологических итенсификаторов, которые в системно-языковом описании представлены как знаки вторичной предикации, а в дискурсе – как знаки иллокуции.

Ключевые слова: фразеологический итенсификатор, иллокутивная сила, речевой акт, пропозиция, воспроизведимость, прагматический аспект, дискурс.

ON THE TOPIC OF SIGN PECULIARITIES OF THE PHRASEOLOGICAL UNITS IN MODERN ENGLISH

A.V. Fedoryuk

*Irkutsk State University
K. Marks str., 1, Irkutsk, Rusia, 664003*

The paper deals with the analysis of sign peculiarities of phraseological intensifiers, which are presented as signs of secondary predication in the language system and as signs of illocution in the discourse.

Key words: phraseological intensifier, illocutionary force, speech act, proposition, recurrence, pragmatic aspect, discourse.

Постулат Ф. де Соссюра о том, что язык есть система знаков, позволяет определить, в чем состоит знаковая природа фразеологического интенсификатора (далее ФИ), чем она “обеспечена” и какова его специфика. Являясь в первую очередь знаками выражения, ФИ подвергаются экспрессивному переосмыслению, и в большинстве случаев их компоненты полностью утрачивают свои буквальные значения. В результате данные фразеологические единицы (далее ФЕ) приобретают целостное интенсифицирующее значение, например: like a shot, like the dickens, like one o’clock – очень быстро, мгновенно, моментально; as anything, as blazes, as hell, as all get out, like the devil – адски, дьявольски, чертовски; as they come, as they make them – чрезвычайно, исключительно. У ФИ существует разрыв связи между значением идиомы и значением ее компонентов. Такие ФЕ заведомо формируются с развитием их классических знаковых функций, достигая высокой мобильности в плане синтаксиса.

Развитие знаковых свойств и функций ФИ происходит еще на стадии потенциальной фразеологичности и заключается в создании необходимого уровня знаковой избыточности ФИ с целью его закрепления в качестве единицы языка. Избыточность – абсолютно необходимое свойство языкового знака [2], котороеочно связано с понятием “повторяющийся”, “воспроизведимый”. Именно в избыточности ФИ состоит его знаковая природа, поскольку избыточностью ФИ, предсказуемостью его основных параметров обусловлена воспроизводимость ФИ в качестве единицы языка. Обеспечению знаковой избыточности ФИ способствует фразеологическая абстракция, действие которой в области семантики приводит к формированию устойчивых семантических параметров ФИ.

Таким образом, в языке ФИ достигают высокого уровня знаковости и представлены как знаки вторичной предикации, определяющие признаки материи, обслуживающих имена событий, фактов, действий и состояний, т.е. в тех сферах, где предицируются свойства, состояния, события, интерпретируемые через свойства лица [5].

Ведущим аспектом развития ФИ как фраземного знака является прагматический аспект, материальным выражением которого в дискурсе является совокупная иллокутивная сила контекста ФИ. Это позволяет рассматривать данные идиомы в дискурсе как знаки иллокуции, знаки, которые указывают на то, с какой иллокутивной силой должна пониматься пропозиция в высказывании.

На основе анализа дискурсивных дистрибуций ФИ было установлено, что в дискурсе бытового разговора ФИ являются знаками декларативной, комиссивной и ассертивной иллокуций. В условиях аргументации ФИ выступают носителями декларативной иллокуции, а в условиях диалогической комплементации ФИ формируют комиссивную и ассертивную иллокутивные силы. Рассмотрим пример фрагмента аргументации в дискурсе бытового разговора, в котором ФИ указывает на декларативную иллокутивную силу высказывания:

Alfred: Go on with you, Charlie. Now you tell your Uncle Alfred the truth. You can trust an old friend. I'm a man of the world. There is a woman in this. Deny it if you can.

Charles: I do.

Alfred: You can't throw dust in Uncle Alfred's eyes like that. Uncle Alfred wasn't born yesterday. If you've let your business go to old billy-o and you're leaving your wife and family, it's for a woman or *I'll eat my hat*.

Charles: Eat it then [7, с.269].

Последовательность высказываний Альфреда в данном фрагменте представляет собой макроречевой акт аргументации. Обратим внимание на то, что употребление ФИ *I'll eat my hat* (голову даю на отсечение ..., как пить дать ...) в последнем высказывании обращает пропозицию: “А предпринимает действие по причине В” в утверждение об изменении мира, факт которого подкрепляется авторитетом говорящего, т.е. в декларатив: “Я, Альфред, утверждаю/ заявляю, что Чарльз запустил дела, бросает жену и детей ради женщины”. Нетрудно видеть, что выражение декларативной иллокутивной силы осуществляется исключительно посредством ФИ.

В дискурсе бытового разговора ФИ формируют комиссивную и ассертивную иллокутивные силы в условиях диалогической комплементации, под которой мы понимаем взаимодополняемость

и взаимопроницаемость структурных единиц диалога на основе семантико-прагматического содержания (Александрова 1998), ФИ выступают носителями ассертивной и комиссивной иллокуций. В примере, представленном ниже, комплементация как речевое действие представляет собой взаимодополняемость директивного речевого акта “Would you come to work with me?”, в основе которого лежит просьба о совместном проведении исследования, и комиссивного речевого акта, который выражен ФИ like a shot.

“... and suppose I do, Mary, and I get permission to broaden the scope of the research. Would you come to work with me?”

“*Like a shot*”, she said. “Equal pay for equal work” [9, с.385].

Заметим, что диалогическая комплементация – это речевое действие, направленное на завершение исходной реплики говорящего со стороны слушающего, т.е. на достижение смысловой целостности.

Рассмотрим пример, в котором ФИ формирует ассертивную иллокутивную силу высказывания:

“Does your tooth hurt?”

“*Like the dickens*”.

“So does mine. Cool!”

“Coo here too” [10, с.51].

Инициальная реплика-вопрос в данном примере еще не высказывание, а лишь стимул, исходящий от одного из собеседников и побуждающий к высказыванию. Ответная реплика, состоящая из ФИ, также не обладает смысловой самостоятельностью в отрыве от вызвавшей ее реплики-вопроса. Только, взаимно дополняя друг друга, реплика-вопрос становится высказыванием с пропозицией запроса о положении дел в мире, а реплика-ответ получает законченный смысл утверждения и приобретает ассертивную иллокуцию.

Важно отметить то, что в дискурсивных условиях ФИ не только формируют иллокутивную силу высказывания, а также указывают на ее меру. Другими словами, ФИ способствуют интенсивности совокупной иллокутивной силы высказывания. Понятие иллокутивной силы комплексно и включает в себя такие компоненты, как: иллокутивная цель, способ достижения иллокутивной цели, условия пропозиционального содержания, предварительные

условия, условия искренности, интенсивность иллокутивной цели и интенсивность условий искренности [4]. Содействие ФИ интенсивности иллокутивной силы связано с двумя последними компонентами. Способствуя интенсивности, с которой достигается иллокутивная цель, а также интенсивности, с которой выражаются условия искренности при совершении иллокутивного акта, ФИ способствует усилению степени интенсивности директивной, асертивной и комиссивной иллокутивных сил.

Иллокутивные цели вышеназванных иллокутивных сил таковы, что их можно достичь с большей или меньшей интенсивностью. Интенсивность, с которой может быть достигнута иллокутивная цель, зависит от интенсивности, связанной со способом ее достижения. Так, например, асертивной иллокутивной цели можно достичь с помощью утверждений, заявлений, сообщений, предсказаний и предположений. Говорящий, который утверждает, заявляет, сообщает, предсказывает или выдвигает догадку, что Р, выражает с различными степенями интенсивности полагание, что Р (Серль, Вандервекен 1986). Безусловно, интенсивность способа достижения, соответствующего утверждению, сильнее интенсивности, с которой достигается иллокутивная цель предположения или догадки. Используя условные обозначения, принятые в иллокутивной логике, данное положение можно представить следующим образом: *degree(утверждать) > degree (предполагать, догадываться)* [4]. Перформативы “предполагать” и “догадываться” близки по иллокуции перформативу “утверждать”, однако они утверждают некую пропозицию с невысокой степенью приверженности тому, что есть истина. Следовательно, чтобы повысить степень приверженности истине того, что утверждается пропозицией речевого акта, который содержит наречие *probably*, т.е., чтобы достичь асертивной иллокутивной цели предположения, говорящий и использует в своем высказывании ФИ. В подтверждение высказанного приведем пример асертива-предположения, в состав которого входит ФИ:

Old Sally's ankles kept bending in till they were practically on the ice. They not only looked stupid, but they probably hurt *like hell* too. She was killing herself. It was brutal. I really felt sorry for her [8, c.116].

Различные способы достижения имеет и директивная иллокутивная цель. Директивы могут быть весьма скромными попытками заставить слушающего выполнить желаемое действие в случае просьбы или совета; однако они могут представлять собой и весьма агрессивные попытки, если говорящий, например, требует или приказывает, чтобы вы совершили это. Различие между приказом и просьбой состоит, как считает А.Вежбицкая, в исходных предположениях: приказ содержит в глубинной структуре предположение о том, что слушающий должен сделать то, что желает говорящий. Просьба содержит предположение о том, что слушающий может сделать, а может и не сделать то, что хочет от него говорящий [3]. Таким образом, чтобы достичь иллокутивной цели просьбы, необходимо, чтобы интенсивность выражения иллокутивной цели была больше интенсивности, определяемой способом ее достижения, чему и способствует ФИ. Например:

“Would it be too much to ask you to fly *like a bat out of hell?* I’ve a date”, Biff said. Mr.Scarborough assured him that he would be back in twenty minutes, if not sooner, and his promise was fulfilled [11, c.155].

Контекст ситуации в данном примере показывает, что говорящий (Biff) достигает перлокутивного эффекта, усиливая иллокутивную цель просьбы при помощи ФИ *like a bat out of hell*. Увеличивая интенсивность выражения директивной иллокутивной цели, ФИ в данном примере способствует наращиванию иллокутивной силы. Результаты анализа фактического материала свидетельствуют о том, что в дискурсе ФИ способны наращивать ассертивную, директивную и комиссивную иллокутивные силы. Рассмотрим последовательность ассертивных высказываний, в которой ФИ – средство наращения ассертивной иллокутивной силы.

“So,” she said, “tell me about Jane”.

“Janie,” he said, eyes and voice suddenly filling with pride, “is *quite* a girl. She’s almost fifteen – tall –blond- dark eyed, which makes for a combination – everything in the right proportions and getting more so – charming – lovable – *extremely* intelligent- quick-witted – just *a hell of a* bright kid” [6, c.48].

Автор данных высказываний совершает сложный речевой акт с тем, чтобы выразить интенциональное состояние гордости своей дочерью. По мере нарастания внутреннего напряжения, свя-

занного с переживанием интенционального состояния, возрастает интенсивность ассертивной иллокутивной силы. Возрастание ассертивной иллокутивной силы по степени интенсивности вербально выражается интенсификаторами. Сначала лексическими (quite, extremely), а затем ФИ a hell of a. Мы видим, что использование ФИ в данном примере приходится на момент, когда совокупная ассертивная иллокутивная сила достигает максимальной степени интенсивности, т.е. на момент снятия внутреннего напряжения, обусловленного достижением оптимального способа выражения.

Подводя итог всему вышесказанному, можно утверждать, что фразеологические интенсификаторы обретают полную знаковость, как в системе языка, так и в дискурсе, поскольку пропозиционально не развернуты и не развиты. Из всех разрядов идиоматики данные фразеологические единицы наиболее близки к семиотическому концепту знака.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова С.А. Комплементарные структуры в диалогическом синтаксисе современного немецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 04 / С.А. Александрова; ИГЛУ. – Иркутск, 1998.
2. Бибихин В.В. Семантические потенции языкового знака: Авто-реф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02. 19. / В.В. Бибихин; МГУ.– Москва, 1977.
3. Вежбицкая А. Речевые акты / А. Вежбицкая // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 251–275.
4. Серль Дж. Основные понятия исчисления речевых актов / Дж. Серль, Д.Вандервекен // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 18. – С. 242–263.
5. Федорюк А.В. Функционально-прагматические аспекты фразеологических интенсификаторов в современном английском языке: Дис.... канд. филол. наук:10.02.04. – Иркутск, 2001.
6. Drury A. Decision. – New York: Pinnacle Books, INC. – 1984.
7. Maugham W.S. The Bread – Winner. Plays. – Leipzig: Bernard Tauchnitz, 1974. – Vol.4.
8. Salinger J.D. The Catcher in the Rye. – London: Pengiun Books Ltd., 1994.

9. Wilson M. Live with Lightning. – Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1957.
10. Wodehouse P.G. Laughing Gas. – New York, 1936.
11. Wodehouse P.G. Frozen Assets. – London: Herbert Jenkins, 1964.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ РУССКОГО И ЛАТЫШСКОГО ЯЗЫКОВ С СЕМАНТИКОЙ «СПОКОЙСТВИЕ» В АСПЕКТЕ ПАРАМЕТРОВ ЭМОЦИЙ

М.Б. Халимоне

*Daugavpils University
ул. Виенибас, 13, Даугавпилс, Латвия, 5400*

В работе сопоставляются фразеологические единицы русского и латышского языков с семантикой «спокойствие» с точки зрения параметра «направленность на себя – на других». Выявляются фразеологические единицы, отражающие универсальное и культурно-специфичное проявление состояния «спокойствие» в исследуемых языках.

Ключевые слова: фразеологические единицы, эквивалентные – безэквивалентные единицы, параметричность, направленность на себя – на других.

PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE RUSSIAN AND LATVIAN LANGUAGES WITH THE MEANING “TRANQUILITY” IN THE ASPECT OF THE PARAMETERS OF EMOTIONS

M. Halimone

*Daugavpils University
Vienibas str., 13, Daugavpils, Latvia, LV-5400*

In the article phraseological units of the Russian and Latvian languages with the meaning “tranquility” are juxtaposed from the perspective of the parameter “orientation towards oneself – towards the others”. Phraseological units that reflect a universal and culture-specific manifestation of the state “tranquility” are detected in the languages under the research.

Key words: phraseological units, equivalent – non-equivalent units, parametricity, orientation towards oneself – towards the others.

Как известно, «темы, занимающие важное место в жизни народа, притягивают к себе большое количество наименований», что находит отражение прежде всего во фразеологической системе языка [2, с. 122]. Особый интерес для настоящего исследования представляют единицы вторичной номинации с эмотивным значением, в частности, ФЕ с семантикой «спокойствие». Состояние «спокойствие» выступает как противоположное гневу состояние: «покой – возбуждение являются осями, варьирующими эмоциональный опыт человека» [2, с. 38]. В изучении психологических состояний и, соответственно, эмотивной лексики важным принято считать параметрический подход, так как в большинстве случаев эмоции осознаны и измерямы.

В ходе исследования стало очевидным, что для ФЕ с семантикой «спокойствие» в русском и латышском языках значимым оказался параметр «направленность эмоций на объект или на себя». «Когда переживается отношение человека к самому себе, то эмоция направлена вовнутрь, на себя. Когда переживается отношение человека к какому-либо внешнему объекту, то эмоция направлена вовне, на других» [1, с. 455].

Параметр «направленность на себя – на других» имеют ФЕ с глагольными и с именными компонентами. ФЕ с глагольными компонентами характеризуются динамичностью, той или иной временной соотнесенностью, модальностью. ФЕ с именными компонентами, напротив, отличаются статичностью, постоянством состояния, в некоторых случаях обозначают черты характера.

Проведем сопоставительный анализ ФЕ русского и латышского языков по параметру «направленность на себя» с глагольными компонентами.

К эквивалентным ФЕ относятся *быть согласным – būt ar mieru* (‘atzīstot par labu, pievienoties, pieņemt’): *Но все-таки предчувствую чрезмерные размолвки в дальнейших подробностях, ибо не могу же я во всем и со всеми быть согласным, каким бы складным человеком я ни был. (Достоевский. Дневники писателя) [8] – ..Skaidrīte uzaicināja vectēvu rotaļāties. Vectēvs bija ar mieru*

uzņemties tādas rotaļas, kur nebūtu jāskraida. (Birznieks-Upītis 6, 388) [6, V, c. 207]

Эквивалентными являются также ФЕ *не знать* (*не видеть, не находить и т.п.*) *покоя (покою)* – *nevar (nekur) atrast (sev) mieru (arī vietu), arī neatrod (nekur) (sev) miera (arī vietas)* ('saka, ja kāds ir nemierīgs, satraukts, nervozs, nespēj nomierināties'): *Я не буду знать ни дня, ни ночи покою, меня замучат угрызения совести.* (А. Островский. Красавец-мужчина) [4, X, с. 874] – „*Neparko neiešu po turienes [skolas] projām. Nevarēšu atrast mieru nekur pasaule, kamēr skolā pastāvēs [nekārtības]..*” (Jauno v 59, 122) [6, V, с. 207] Отличительной чертой данной пары ФЕ является наличие большого количества вариантов, что может свидетельствовать об их активном употреблении в обоих языках.

ФЕ *терять (сохранять, обретать) спокойствие* – *jaukt mieru (arī prātu, domas)* ('saviļpot, satraukt') являются эквивалентными только в варианте *терять спокойствие* – *jaukt mieru*: *Но Вышемирский находит забавным уверять ее, что поручик страшился потерять спокойствие сердца и для того убегает опасной квартиры своей.* (Н.А. Дурова. Кавалерист- девица) [8] – *Ai viņi [gājputni] dziesma par dzimteni tīlo. Glāsta un plosa un mieru man jauc.* (Sudrabkalns 1, 63) [5, V, с. 207] Интересным представляется факт, что в русском языке глагольный компонент имеет варианты, которые составляют трехчастную модель: *терять – сохранять – обретать*, где значение ФЕ *терять спокойствие* противопоставлено значениям ФЕ *обретать, сохранять спокойствие*: *К Сюлливану постепенно возвращались его превосходные душевые качества: воля, уверенность и терпение, но при малейшей неудаче терял спокойствие, падал духом и становился трусливым, злым и суетливым.* (Куприн. Лимонная корка) – *Зато десятский Архип сохранял спокойствие невозмутимое и не горевал никакого...* (Тургенев. Смерть). *Милосердный услыхал молитву мою: дух матери осенил меня, я обрела спокойствие в тиши уединения и отраду в собственной душе своей.* (Е.А. Ган. Суд света) [8] ФЕ *обретать спокойствие* встречается в контекстном окружении с такими словами, как *душевное (спокойствие)*, *дух*, и в этом смысле отражает стремление к идеальному состоянию спокойствия: *Если человек не положит в сердце своем, что кроме его одного и Бога,*

никого нет другого в мире, то не возможет обрести спокойствия в душе своей (епископ Игнатий (Брянчанинов). *Отечник*) [8].

К безэквивалентным ФЕ данной группы относятся ФЕ латышского языка: *likt prātu (arī prātus) pie miera (arī mierā)* – ‘samierināties ar neveiksmi, neizdošanos un nedomāt vairs par to’. (Ne) *likties mierā* – а) ‘(не) пārstāt traucēt ar apnicīgu, uzmācīgu runāšanu, jautājumiem’: „*Cik viņai varētu būt gadu?*” *jautāja mans draugs.* „*Divdesmit divi, trīs,*” *es minēju, „ne vairāk.”* – „*Bet kas viņa varētu būt pēc profesijas?*” *viņš nelikās mierā.* (*Grīva* 8, 51) б) ‘(не) pārstāt darboties, rīkoties, lai ko panāktu, sasniegtu, realizētu’: ..*neviens neklausījās [skolotājā], neviens klasē: Ojārs, velti galvu grozījis, beidzot arī likās mierā. Gan mamma paskaidros.* (*Zigmonte* 1, 91) [6, V, с. 207] Становится очевидным, что глагольных ФЕ латышского языка по параметру «направленность на себя» больше, чем в русском языке, кроме того следует отметить антонимические отношения внутри одной ФЕ, представленные дифференциальной семой ‘*ne*’: *likties mierā – ne likties mierā*. Значимой представляется многозначность ФЕ, где в толковании значений подчеркивается как зависимость состояния спокойствия от внешних обстоятельств, так и связь с реализацией каких-либо целей.

Сравним глагольные ФЕ изучаемых языков с параметром «направленность на других». К эквивалентным ФЕ с данным параметром относятся *оставлять/оставить в покое кого-, что-либо* (‘перестать заниматься, интересоваться кем-, чем-либо, предоставить самому себе; переставать докучать кому-либо’) – *laist (kādu) mierā* (‘netraucēt, neaizskart (kādu); neiesaistīt darbībā, pasākumā’): *Ляхов не оставлял ее в покое. Он поджидал ее при выходе из мастерской, подстерегал на улице и требовал, чтоб она снова шла жить к нему.* (Вересаев. *Два конца*) [4, X, с. 874] – „*Mamm, es tev stāstīju, ko šodien tācītājs –*” – „*Ak, laid nu mani mierā ar to!*” *māte viņu pārtrauca.* (*Blaumanis* 6, 195) [6, V, с. 207] Эквивалентом описываемых ФЕ является *likt mierā (arī mieru)*, которая представлена следующими значениями: а) ‘netraucēt, pārstāt traucēt ar runāšanu’: „*Kur atslēga?*” *Ilma vaicāja.- „Kam tev vajag naktī?”* – „*Ak dievs, liec mani mierā...Vai tev viss jāzina!*” (*Ezera* 1, 337) б) ‘neaizskart, неarpavainot’: „*Dažs no jums būtu laimīgs, ja viņam kāda pūka uz augšlūpas dīgtu..*” – „*Nu, Jūri tu liec mierā. Viņš manā aizgādniecībā,*” *smejas Ludis.* (*Kurcijs* 2, 175) в) ‘netraucēt ar savu

гīcību, nejaukties kāda dzīvē? ..viņš vēlreiz mēgināja to sastapt, bet, kad viņa neatcaucas arī tad, lika Ievu mierā. (*Meldere* 1, 171) [6, V, с.208] Как видно, одной ФЕ русского языка оставлять (оставить) в покое кого-, что-либо соответствуют две ФЕ латышского языка: *laist* (*kādu*) *mierā*, *likt* *mierā* (*arī mieru*). Значение *laist* (*kādu*) *mierā* имеет общий характер (букв. не мешать, не задевать, не вмешиваться). ФЕ *likt* *mierā* (*arī mieru*) имеет более широкую сферу употребления в силу своей многозначности. В толковании значений данной ФЕ указывается зависимость состояния спокойствия от травмирующих разговоров, обвинений, вмешательства в чужую личную жизнь.

К безэквивалентным ФЕ русского языка относится *нет* (не было, не будет) покоя (покою) от кого-, чего-либо: Старой девкой помыкали, как тряпкой; ей не было покоя ни днем, ни ночью от упреков матери и сестры. (Гл. Успенский. *Нравы Раsterяевой улицы*). Безэквивалентными являются также антонимичные ФЕ не давать /не дать покою (покою) кому-либо ('беспокоить, тревожить, преследовать кого-л.') – давать/дать покой кому-либо ('создавать обстановку для полного отдыха') [4, X, с. 874]: Он терзался и ревновал, не давал ей покою, таскался за ней повсюду. (Тургенев. *Отцы и дети*) – Во всяком случае спросить князя и немедленно дать покой (Достоевский. *Идиот*) [8].

Безэквивалентной является ФЕ латышского языка *pataisīt rātu* ('ierobežot, apvaldīt (kā) agresivitāti'): *Bet, kad Grislis bija.. vienam izvēlis, visi vienprātīgi metās viņam vīrsū un pašu pataisīja rātu.* (*Sakse* 2, 21) [6, VI₂, с. 535].

Как видно из анализа, в русском языке ФЕ с параметром «направленность на других» больше, чем в латышском языке. По-видимому, в некотором смысле это может быть объяснено разными культурно-историческими традициями. Русские люди селились общинами, что обеспечивало возможность для контактирования друг с другом, в то время как латыши вели хуторской образ жизни, что приводило к сосредоточенности на своих чувствах и эмоциях.

ФЕ с именным компонентом соответствуют только параметру «направленность на себя». Они во многом отражают отношение к состоянию «спокойствия» как способу гармонизации своей личности, определяют главную линию поведения. Компонентный состав ФЕ указывает на нравственные ориентиры, систему ценно-

стей носителей обоих языков (ср.: *душевное, дух – gars (дух), Dievs(Бог)*).

Эквивалентными являются ФЕ *душевное (сердечное) спокойствие; спокойствие духа (души) и т.п.* – *rāms gars, Dieva miers, fatāls (arī filozofisks) miers*: В душе была досада на Мусю: знает, как утром ему необходимо для работы душевное спокойствие, а портит настроение из-за таких пустяков, что вспоминать совестно. (Вересаев. У черного крыльца) [4, XIV, с. 555] – *rāms gars* ('mierīgs, nesatraukts psihiskais stāvoklis'): ..neviens no mums nespēja saglabāt rāmu garu. "Vai, maita!" izsaucās māte – „Ak tu burlaks!” piebalsoja tēvs. (Kalndruva 10, 160) [6, VI.2, с. 208]; *Dieva miers* ('pilnīgs, netraucēts miers'): Pēc brītiņa vīri sasniegs asfaltēto šoseju un turpinās braucienu Dieva mierā. Kas tad viņiem ko padarīs? Pat neviena liecinieka nebūs, ka viņi izbojājuši ceļu. (Bels A. Saknes. R. 1982, 121; *fatāls (arī filozofisks) miers* ('nesatricināms miers, aukstasinība'): ..cietā un valdonīgā seja pauða fatālu mieru (Grīva 7, 11) [6, V, с. 208].

Следует отметить, что ФЕ русского языка, отличающимся вариативностью, соответствует несколько разнокомпонентных ФЕ латышского языка.

К эквивалентным ФЕ с именным компонентом относятся также *олимпийское (ледяное) спокойствие и т.п.* – *olimpisks miers* ('nesatricināms miers, ļoti liela nosvērtība, savaldība'): Софья Николаевна еще больше похорошела, потом стала задумываться, немного вышла из своего олимпийского спокойствия и похудела. (И.А. Гончаров. Обры) [8] – *Olimpiskā mierā smēķē cigāru un izliekas, ka viņam gar visu to lietu nebūtu nekādas daļas* (Upīts A.KR, V. R. 1948, 243) [6, V, с. 208].

К безэквивалентным ФЕ в русском языке относятся *безмятежное состояние (покой) и т.п.; тишина на лице (на душе, во взгляде) и т.п.* Чего не изведал я в то короткое время? ...Зато, какая теперь тишина в моем сердце! Какая неуклонная твердость и мужество в душе моей! (Гоголь. Письмо М.И.Гоголь) [4, IV, с. 494] Контекстное окружение подчеркивает божественную природу, надмирный характер описываемого состояния, например: *Сослал господь с тихого неба на шумную землю покой безмятежный* (П.И. Мельников-Печерский. На горах) [8].

Безэквивалентной в латышском языке является ФЕ *anglu miers* ('spēja neuztrauktīes, saglabāt mieru jebkurā situācijā'): *Šādās reizēs dusmottes un pukoties nav vērts, smiesies vēl vairāk. Daudz labāk nelikties ne zinis, bet visu uzņemt vienā angļu mierā, tad viņiem daudz ātrāk apnīk.* (*Gālipš H. Karūsām jāķer līdakas. R. 1972, 155*) [6, V, с. 208] Следует отметить, что в художественном дискурсе встречается «английское *reserve*», где включение англизма в состав устойчивого сочетания свидетельствует о его недостаточной закрепленности в русском языке (*ср.: Да, благородство,держанность, еще лучшее английское *reserve* – это слова, которые удачнее всего характеризует стиль Герцена (Е.А.Соловьев-Андреевич. Александр Герцен. Его жизнь и литературная деятельность)*

[8]. На высшую степень проявления спокойствия указывают ФЕ с номинацией лица. Немногочисленность этой группы может быть объяснена исключительностью людей, для которых спокойное состояние является нормой поведения. «Человеческие поступки, повторяясь, становятся привычными, закрепляются в чертах характера, составляя его сущность, влияя на положение человека в общественной жизни и на отношение к нему других людей» [3, с. 466]. К этой группе относятся ФЕ *ангел во плоти* – ‘кроткий, чуткий, непорочный человек’ [7, I, с. 17]: *Ведь вам говорить нечего, – вы знаете, что у меня за жсена: ангел во плоти* (*И.С. Тургенев. Ермойлай и Мельничиха*) [8]. В латышском языке ФЕ с номинацией лица *miera cilvēks* – ‘cilvēks, kas izvairās no naidīgām attiecībām, sadursmēm’ [6, V, с. 208]; *rāms (arī lēns) kā jēriņš (arī jērs)* (‘saka par biklu, padevīgu cilvēku’): *Tikai pirmziņnieki izturējās rāmi kā jēriņi, stāvēdamī kaut kur pie sienas..* (*Saulietis 3, 167*) [6, VI.2, с. 535].

Наблюдения показали, что во фразеологических системах русского и латышского языков достаточно широко отражено состояние спокойствия. Параметр «направленность на себя – на других» представляется значимым для ФЕ с семантикой «спокойствие». Описываемое состояние, закрепленное в именных ФЕ, является трудно достижимым, но отличающимся стабильностью (*душевное (сердечное) спокойствие – rāms gars, Dieva miers*), представляющим наивысшую ценность (*безмятежное состояние (покой) и т.п.*). Спецификой именных ФЕ является односторонность, т.е. соответствие лишь одному вектору параметра – «на-

правленность на себя». Они отражают соотнесенность поступков с христианскими нормами.

Глагольные ФЕ с семантикой «спокойствие» отражают временный характер (*терять (сохранять, обретать) спокойствие*), зависимость от других людей или обстоятельств (*нет (не было, не будет) покоя (покою) от кого-, чего-либо; laist (kādu) mierā*). Глагольные ФЕ соответствуют двум векторам параметра «направленность на себя – на других». Количество ФЕ с разной направленностью отличается в исследуемых языках. Так, в русском языке преобладают ФЕ с «направленностью на других», в латышском же языке превалирует количество ФЕ с параметром «направленность на себя». Интересным представляется наблюдение, что одной глагольной ФЕ русского языка соответствует несколько ФЕ латышского языка: *оставлять/оставить в покое кого-, что-либо – laist (kādu) mierā, likt mierā (arī mieru)*, причем ФЕ *likt mierā (arī mieru)* является многозначной. Разветвленная система значений позволяет более широко представить маркеры, в которых закреплены условия достижения состояния спокойствия (ср.: не приставать с речами, ни в чем не обвинять, не вмешиваться в чужую жизнь).

ФЕ с «направленностью» эмоции «на себя» отличаются вариативностью компонентов в обоих языках (ср.: *не знать (не видеть, не находить) и т.п. покоя (покою) – nevar (nekur) atrast (sev) mieru (arī vietu), arī neatrod (nekur) (sev) miera (arī vietas)*). Вариативность ФЕ может быть объяснена непрестанным развитием языковых средств, их стилистических функций, а также постоянным употреблением в речи, что является косвенным подтверждением значимости достижения состояния спокойствия носителями обоих языков.

Оба языка имеют антонимические пары ФЕ в рамках рассматриваемой группы: *не давать/не дать покоя (покою) кому-либо – давать/дать покой; (ne) likties mierā*, однако в русском языке разновидовые глагольные компоненты позволяют отражать действия, быстротекущие и протяженные во времени (*дать/давать*). Наличие антонимических пар свидетельствует об особой значимости достижения состояния покоя и нежелании его потерять. Как известно, антонимические пары являются знаковым средством изображения контрастных эмоциональных состояний.

В процессе работы были найдены как эквивалентные глагольные ФЕ (ср.: *оставлять/оставить в покое кого-, что-либо* – *laist (kādu) mierā*), так и именные ФЕ (ср.: *спокойствие духа (души) и т.п.* – *rāms gars, Dieva miers*). К безэквивалентным именным ФЕ в русском языке относится *безмятежное состояние*, в латышском языке – *angļu miers*. Важно отметить, что в обоих языках обретение спокойствия, которое отражено в именных ФЕ, связано с тем состоянием, что нисходит на человека свыше (ср.: компонентный состав ФЕ: *дух* – *gars, Dievs*). Специфичной представляется ФЕ латышского языка с компонентом-этнонимом *angļu (miers)*. По всей вероятности, в данной ФЕ закреплено стереотипное представление о невозмутимом спокойствии англичан в любых ситуациях. В русском же языке употребление сочетания *английское reserve* является единичным и характеризует особенности поведения конкретной личности.

В обоих языках найдены ФЕ с номинацией лица, отражающие характер человека, что может косвенно свидетельствовать о значимости в обеих лингвокультурах достижения/обретения состояния спокойствия, которое является наивысшей ценностью. В обеих лингвокультурах идеал поведения связан с христианскими добродетелями: (ср.: *ангел во плоти* – *miera cilvēks, rāms (arī lēns) kā jēriņš (arī jērs)*). В этом смысле следует отметить взаимозависимость между эмоциями и характером человека, об особой значимости достижения состояния спокойствия как нравственной ценности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никандров В.В. Психология: Учебник. – М.: Волтерс Клувер, 2009.
2. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.
3. Введение в психологию./Под ред. А.В. Петровского. – М.: Академия, 1996.

СЛОВАРИ

1. Словарь современного русского литературного языка. В 20-ти т. / АН Институт рус. яз.; Гл. ред. К.С. Горбачевич. – 2-е изд., переаб. и доп. – М.: Рус.яз., 1991.

5. Словарь современного русского литературного языка. В 4-х тт. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981.
6. Latviešu literārās valodas vārdnīca. Astoņos sējumos. – Rīga, 1973 – 1996.
7. Фразеологический словарь русского литературного языка / Под ред. А.И. Федорова – М.: Астрель, АСТ, 2008.
8. Национальный корпус русского языка: www.ruscorpora.ru.

ИМПЛИКАЦИОННЫЕ СВЯЗИ В СЕМАНТИЧЕСКИХ СТРУКТУРАХ ФРАНЦУЗСКИХ ЭТНОСПЕЦИФИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Н.А. Чумак

*Институт международных отношений
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко
ул. Мельникова, 36/1, Киев, Украина, 04119*

Статья посвящена исследованию проблемы импликации в современном англоязычном публицистическом дискурсе. Также в статье рассматриваются типы импликаций с французскими этноспецифическими номинациями в составе англоязычных окказиональных фразеологических единиц.

Ключевые слова: импликация, этноспецифическая номинация, семантическая структура.

IMPLICATION RELATIONS IN SEMANTIC STRUCTURES OF THE FRENCH WORDS MEANING ETHNOGRAPHIC SPECIFIC ITEMS IN MODERN ENGLISH

N.A. Chyumak

*Institute of International Relations of
Kiev National University n.a. Taras Shevchenko
Melnikova str., 36/1, Kiev, Ukraine, 04119*

The article deals with the research of the issue of implication in Modern English. The notion “implication” is defined in the article. The basic

implication relations in semantic structures of the French words meaning ethnographic specific items are analyzed in it as well.

Key words: implication, French word meaning ethnographic specific items, semantic structure.

Проблеме языковой импликации посвящено много научных исследований ученых, среди которых И.В. Арнольд, В.Х. Багдасарян, К.А. Долинин, С.Д. Кацнельсон, В.А. Кухаренко, М.В. Никитин, Е.И. Шендельс и др., что свидетельствует о проявлениях широкого интереса к этому вопросу. Импликация в языке – это семантическая категория, что является многомерным понятием, которое истолковывается лингвистами неоднозначно. Как утверждает В.А. Кухаренко, базой импликации является осознание дополнительного смыслового или эмоционального значения [3, с. 43]. С.Д. Кацнельсон считает, что импликация – это формальная выраженностъ элементов глубинного высказывания, которая не может проявляться в виде слов, морфем или словосочетаний [2, с. 185]. Релевантной в этом отношении представляется утверждение М.В. Никитина о том, что импликация – это тип концептуальных связей, которые базируются на отражении реальных зависимостей в сознании [4, с. 87]. А также К.А. Долинина, который подчеркивает, что импликация основывается на ситуативных связях или на взаимозависимости части и целого, а семантические элементы в этом отношении не выражены просто языковыми средствами, а вытекают из эксплицитно выраженных элементов в их взаимодействии [1].

Импликационные связи в семантических структурах полисемантических французских этноспецифических номинаций выражаются различными отношениями и представлены такими моделями переносов значения:

1) Целое – часть целого: *foulard* – а) мягкая, шелковая ткань; б) изделие из этой ткани, платок [5].

2) Посуда – блюдо, приготовленное/поданное в этой посуде: *casserole* – а) кастрюля из жаростойкого материала; б) блюдо (запеканка), приготовленное и поданное в ней на стол [Там же].

3) Местность – название ведомства, размещенного в этой местности: *Bercy* – а) местность на востоке Парижа, рядом с Венсенским лесом, часть XII округа; б) Министерство

Финансов Франции, которое находится в этой местности и по аналогии тоже часто называется “*Bercy*” [Там же].

4) Местность – население, живущее в этой местности: *Côte d'Azur* – а) Лазурный Берег, б) население, живущее на территории Лазурного Берега. В следующем фрагменте речь идет о том, что слухи распространяются по всему Лазурному Берегу, тем не менее автор имеет в виду население Лазурного Берега: *A delicious rumour sweeping the Côte d'Azur has it that Sir Elton John is so impressed by David and Victoria Beckham's 19th-century £1.5m hideaway near Bargemon that he would like to buy... [6]*.

5) Предмет – изделие, владеющее качеством предмета: *macedoine* – а) маседуан, салат из фруктов или овощей; б) яркая смесь, вінегрет, микс [5].

Рассмотрим следующие типы импликационных связей более детально на примерах.

6) Процесс – результат процесса: *haute couture* – а) дизайн, процесс изготовления, шитья высококачественной модной одежды; б) дорогая, модная одежда, изготовленная ведущими домами моды [Там же]. Можно отметить, что эта французская этноспецифическая номинация широко используется в современном английском языке: *the high priests of haute couture* [6] – законодатели, диктаторы высокой моды; *to be sold like haute couture at a premium price* [Там же] – досл. продаваться по высокой цене, *horticultural haute couture* [Там же] – высокий профессионализм в садоводстве. Семантическое поле этой номинации значительно расширилось в английском языке, и теперь *haute couture* относится не только к сфере моды, кроме того, можно отметить адъективацию этой номинации, то есть переходи от имени существительного в имя прилагательное, которое имеет значение *первоклассный, изысканный, отборный*: *haute couture hairdresser / hair-stylist* [Там же] – *первоклассный парикмахер, haute couture cakes and desserts* [Там же] – *изысканные пирожные и десерты*. Нередко можно наблюдать примеры телескопизмов с номинацией *haute couture*: *haute cuisine* – *высокое кулинарное искусство, haute consumerism* [Там же] – *высокоразвитое потребительство*.

7) Танец – музыка к танцу: *quadrille* – а) кадриль, танец, который преимущественно исполнялся четырьмя парами и состоял из пяти элементов, каждый из которых мог рассматри-

ваться, как отдельный танец; б) музыка к кадрили [Там же]. Эта номинация функционирует в английском языке не только как имя существительное, но и как глагол: *Woman in White waltzes and quadrilles* [8]. – Женщина в белом вальсирует и танцует кадриль. Также часто можно встретить данную номинацию в различных окказиональных фразеологических оборотах в сфере литературной критики (*a lobster quadrille of tentativeness* [6] – бессмысленный круговорот нерешительности), политики (“*unsightly quadrille*” [Там же] – “грязная политическая игра”), религии (*Anglicans ... get on like a house on fire at local level. Their institutional quadrille is where the problems lie* [9]. – Англиканцы ... прекрасно ладят между собой на местном уровне. Ведомственная стратегия имеет место там, где возникают проблемы).

8) Предмет – процесс, осуществленный с помощью предмета: *guillotine* – а) гильотина (приспособление, широко использовавшееся во Франции во время Французской революции (1789-1799 годов) и позже для казни преступников путем обезглавливания); б) казнь на гильотине [5]. В окказиональных фразеологических высказываниях эта номинация фигурирует очень часто, и ее можно встретить во фрагментах различной тематики. Например, в политической сфере часто данная номинация реализуется с потенциальной семой “угроза” (*political guillotine* [6] – угроза краха политической карьеры, *the guillotine of public opinion* [Там же] – угроза осуждения со стороны общественности), потенциальной семой “мгновенность, молниеносность” (*with the suddenness of the guillotine* [Там же] – со скоростью молнии), потенциальной семой “кардинальность действий” (*we need one quick blow from a guillotine, not numerous hacks from a blunt axe* [Там же] – контекст. нам нужно одно кардинальное действие, а не множественные попытки что-нибудь предпринять).

Можно навести и другие примеры широкого использования данной французской номинации в англоязычных фразеологических оборотах, например: *to slice (onions) like a mechanical guillotine* [Там же] – резать (лук), как скальпель (досл. гильотина), *to hang like a guillotine over (her career)* [Там же] – висеть, как дамоклов меч, *to feel like Marie Antoinette at the guillotine* [Там же] – бояться до смерти, чувствовать себя, как перед расстрелом (досл. чувствовать себя, как Мария-Антуанетта перед гильотиной, *not*

to know a guillotine from a kangaroo [Там же] – быть ни бельмеса (досл. не отличать кенгуру от гильотины), *to dress as French aristocrats, a decade or two before the guillotine* [Там же] – одеваться экстравагантно, вызывающе (досл. одеваться, как французские аристократы одно-два десятилетия перед гильотиной), *to prepare guillotine for smb* [Там же] – готовить кому-то западню, *to guillotine smb from* [Там же] – уволить, исключить, сократить, выгнать кого-то. Например: *The John Galliano scandal, which began in Milan and reached a climax halfway through the week, effectively drew a line under the old period of the rule of the diva designer. By so publicly guillotining the head from its design house...* [10]. – Скандал с Джоном Гальяно, который начался в Милане и достиг пика в середине недели, чётко отделил старый период “царствования” дизайнера звезд эстрады. Так публично выгнав дизайнера из дома моды... (досл. обезглавив дом моды).

Таким образом, импликационные связи в семантических структурах французских этноспецифических номинаций в современном английском языке представлены такими моделями: целое – часть целого, посуда – блюдо, приготовленное/поданное в этой посуде, местность – название ведомства, размещенного в этой местности, местность – люди, живущие в этой местности, предмет – изделие, владеющее качеством предмета, процесс – результат процесса, танец – музыка к танцу, предмет – процесс, осуществленный с помощью предмета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Долинин К.А. Интерпретация текста: Французский язык: Учебное пособие. – Изд. 4-е. – М.: КомКнига, 2010. – 304 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://philologos.narod.ru/dolinin/hermen.htm>.
2. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – М.: Просвещение, 1972.
3. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1988.
4. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. – М.: Мысль, 1988.
5. Oxford Dictionaries [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://oxforddictionaries.com/?region=us>.
6. The Times [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.thetimes.co.uk/tto/news/>.

7. The Woman in White's 150 years of sensation [Электронний ресурс]. – Режим доступа : <http://www.guardian.co.uk/books/booksblog/2009/nov/26/woman-in-white-150-years-sensation?INTCMP=SRCH>.

8. Wilson A. Sugar and spice, or strychnine... [Электронний ресурс]. – Режим доступа: <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/belief/2010/nov/15/anglican-communion-covenant?INTCMP=SRCH>.

9. Wilby P. Circles of deceit [Электронний ресурс]. – Режим доступа : <http://www.guardian.co.uk/politics/2008/aug/04/gordonbrown.media?INTCMP=SRCH>.

10. Alexander D. Missing in action [Электронний ресурс]. – Режим доступа: <http://www.thetimes.co.uk/tto/public/sitesearch.do?queryString=The+French+midfielder+has+become+something+of+a+cause+c%C3%A9s%C3%A8bre+because+of+Romanov+s+attempts+to+guillotine+&p=tto&pf=all&bl=on>.

ОТНОШЕНИЯ «АДРЕСАНТ – АДРЕСАТ» В СОВРЕМЕННЫХ ПЕЧАТНЫХ СМИ РОССИИ И ИСПАНИИ

О.А. Шевченко

*Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198*

В статье говориться о сокращении дистанции между адресантом медийного текста и его адресатом. Автор стремиться вступить в диалог с читателем, воздействовать на него и приобщить его к анализу сообщаемого. Всё это достигается благодаря использованию лингвокреативных ресурсов.

Ключевые слова: адресант, адресат, воздействие, диалог, лингвокреативные ресурсы

RELATIONSHIP REMITER – RECIPIENT IN THE MODERN PRINT MASS MEDIA OF RUSSIA AND SPAIN

O.A. Shevchenko

*Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6a, Moscow, Russia, 117198*

This article is about a shortening or the distance between the mass media remiter and the recipient. The author tries to maintain a dialogue with

the reader, to influence him and introduce him to analyze the information. All these purposes are reached thanks the use of creative linguistic resources.

Keywords: remitter, recipient, influence, dialogue, creative linguistic resources

Важной тенденцией развития языка современной печатной прессы является активизация всех средств адресованности журналистского текста, актуализация линии «автор-читатель», состоящая в сознательной нацеленности на партнёрские отношения с читателем – демонстрацию близости, желания общаться с ним, заинтересованности в его реакции на содержание текста. Сегодня «журналистский текст – это продукт социально направленной деятельности журналиста, продукт взаимодействия автора и аудитории, особый акт коммуникации, социальная модель мира» [7, с.105].

В условиях стилевой вседозволенности и игровой стихии современных СМИ России и Испании автор в борьбе за внимание читателя прибегает к широкому спектру лингвокреативных средств, использование которых помогает ему воздействовать на читателя – на его видение ситуации, на формирование его мнения и, в итоге, на шкалу ценностей. К лингвокреативным средствам относятся «гиперэкспрессия», игра с полисемантикой слов, прецедентные тексты, фразеологизмы и их трансформированные варианты, неологизмы, окказионализмы, комбинаторика вербальных и невербальных средств и др. При этом современный медийный текст, насыщенный разнообразными лингвокреативными феноменами, рассчитан на лингвистически компетентного читателя, который сможет приобщиться к расшифровке языкового кода, заданного автором [8; 9].

Таким образом, медийный адресант стремиться «сотрудничать» с читателем, максимально сокращая дистанцию, вступая в диалог, чтобы приобщить его не только к «потреблению», но и к анализу полученной информации, а креативное использование языковых средств всех уровней позволяет российским и испанским журналистам достичь поставленных целей. Рассмотрим конкретные примеры.

1) Давно уже является практически *общим местом*, что Украина – намного более свободная страна, чем Россия. Россияне

<...> лишь добавляют ехидно "но намного более бедная" <...> вслух признавать **приоритет** смысли над свободой – не **комильфо** в приличном обществе <...> В плане **гражданских свобод** Украина не так давно **уделала** Россию <...> когда вовсе отказалась от призыва армии. Однако в целом надо признать, что **тлетворное наследие совка довлеет** и над нашими братьями-украинцами <...> С судебной властью **все глухо** и в России, и на Украине <...> Местное самоуправление – основа той самой "**европейской цивилизованности**" – находится **в полном загоне** <...> Без реальной, а не сувенирной **демократии** – ничего не получится (Независимая газета, 03-12-2013).

В данной статье журналист пользуется целым спектром лингвокреативных приёмов, которые помогают ему воздействовать на адресата, выразить свою точку зрения и оставить за читателем право согласиться с авторским мнением или нет. Вначале журналист заявляет тему статьи – превосходство России над Украиной в сфере политики, экономики и уровня жизни – как **«общее место»**. Данное выражение имеет разговорную стилистическую окраску, а его значение – прописная примитивная истина – предполагает, что читатель прекрасно представляет, о чем идет речь и что эта тема уже несколько избитая. В основу создания текста автор кладёт принцип стилистического динамизма, под которым понимается процесс проникновения в медиатексты языковых единиц различных стилистических регистров [4].

В пространстве рассматриваемого медиатекста автор употребляет лексические единицы, характерные для медиадискурса (**приоритет**, **гражданские свободы**, **европейская цивилизованность**, **демократия**); разговорную лексику – **уделать** (обогнать, победить, превзойти), **с властью все глухо** (бездействие, запущенное состояние, бесполезность, некомпетентность), быть **в загоне** (фиксация, некомпетентность); пейоративное жаргонное слово **«совок»**, применяемое для называния СССР и сторонника советского образа жизни; устаревшие слова – **комильфо** (хороший тон, принятые правила поведения), **довлеть** (господствовать, тяготеть на кем-то или над чем-то).

Кроме этого, журналист включает в статью трансформированный прецедентный текст **«тлетворное влияние «совка»**, который отсылает читателя ко всем хорошо известному к/ф «Брилли-

антовая рука». В этом фильме «тлетворным влиянием Запада» называют все веяния из стран Запада, всё, что могло бы подорвать положения советской идеологии. Благодаря такой ссылке читатель понимает, как журналист характеризует влияние российского прошлого на Украину, причём, как автор, так и читатель знают, что исторически это прошлое для обоих государств было общим, но в связи с событиями последних лет политика, проводимая украинскими властями направлена на разрыв политических, экономических и культурных связей с Россией.

Таким образом, благодаря повышенному экспрессивно-эмоциональному «заряду» медиатекста, который сообщает ему конденсация различных лингвокреативных приёмов, повышается степень воздействия текста на читателя. Благодаря такому способу представления фактов и их интерпретации автор не только выражает свою точку зрения, но и вовлекает читателя в процесс анализа сообщаемого, оставляя за ним право на своё мнение, которое не обязательно должно совпадать с авторским.

2) *Вот что радует <...> Радует креативная деятельность губернатора Пензенской области Василия Бочкарева. Он и сам владеет современными средствами коммуникаций, и своим подчиненным велит. А иначе никак. Кризис **везде, куда ни плюнь. Жизнь – полосатая как зебра.** <...> И тут же креативнейко подсказал такой реальный ход. Осваивать социальные сети и в первую очередь YouTube <...> Нужно, чтобы в YouTube были ролики об инвестиционных возможностях Пензенской области. А в соцсетях, видимо, – портреты пензенских чиновников. Только посетители соцсетей не **больно-то «лайкают»** подобные пропагандистские материалы* (Независимая газета, 02-04-2014).

Очевидно, статья написана в стиле «стёб», цель которого – высмеивание предложения губернатора Бочкарева публиковать политическую пропаганду и открывать вэб-страницы чиновников в соцсетях. Статья максимально приближена к разговорному стилю речи, что помогает сократить дистанцию между автором и читателем: журналист употребляет большое количество разговорных выражений и синтаксических конструкций (*везде, куда ни плюнь; Жизнь полосатая, как зебра; не больно-то* и др.), и наряду с ними – устаревшую (*велит*) и компьютерную лексику (*лайкать, соцсети*), а также лексику, характерную для языка газет (*губер-*

натор, средства коммуникации, инвестиционные возможности и др.).

Ирония на границе с презрением прослеживается в повторах. Два раза автор говорит о том, что его радует инициатива губернатора, но эта радость на самом деле является насмешкой над безуспешной затеей. Далее ряд однокоренных слов «*креативная*» и «*креативненько*» усиливает авторскую ironию, а употребление наречия в уменьшительно-ласкательной форме передаёт негативную, презрительную оценку деятельности Бочкарева.

Таким образом, при помощи креативного языковых средств всех уровней, столкновения в пространстве статьи слов и выражений с разной стилистической окраской, особой синтаксической организации текста автор не только выражает своё отношение к происходящему, но и посностью овладевает вниманием читателя. Читатель, в свою очередь, анализирует сообщаемую информацию, изложенную в разговорном стиле с большой долей иронии, в конечном итоге, соглашается с автором, понимая, что в Пензенской области есть более важные дела и проблемы, чем открывать веб-сайты чиновников и «вешать» пропаганду на сайте YouTube, и что на самом деле причины радоваться инициативе губернатора нет.

В текстах испанских печатных СМИ журналист выражает своё мнение зачастую с большей долей категоричности и также прибегает к метафорическим сравнениям, иронии, сарказму, стилистическому динамизму и другим лингвокреативных ресурсам, оставляя при этом за адресатом право на своё собственное мнение и толкование языкового кода. Как отмечает исследователь Гомес-Мартинес, медиатексты представлены как «метафорические контексты, которые в конечном итоге актуализируется независимо от автора и, с течением времени, могут приобретать бесконечное число контекстов... означивание принадлежит адресату»⁸ [2].

1) *Se acercan las europeas y estoy hecho un mar de dudas etéreas. Digo lo de etéreas porque mi voto carece de legitimidad. No comulgaré el 25 de mayo en el altar de las urnas. Si milito en el*

⁸ «...contextos metafóricos que en última instancia se actualizan independientemente del autor, capaces, en el tiempo, de infinitas posibles contextualizaciones...el significado reside en el lector...»

pelotón euroescéptico, si solicité el estatuto de apátrida cuando hace treinta años nos metieron en Eurabia <...> si lamenté el parricidio de la peseta, si me avergüenza que en la tapa de mi pasaporte figure el rótulo de la Unión Europea, si espero y deseo que ese híbrido se vaya a freír monas cuanto antes, ¿cómo voy a incurrir en el cinismo de aportar mi sufragio a cualesquiera candidatura que aspire a representarnos en Bruselas? No, no... No estoy moralmente legitimado para votar... (El Mundo, 11-05-2014). («Приближаются выборы в Европарламент, а я витаю в эфирных облаках сомнений. Я говорю эфирных, потому что мой голос не имеет законной силы. Двадцать пятого мая я не получу свою облатку на алтаре выборной урны. Если я состою в отряде евроскептиков, если я просил признать себя лицом без гражданства, когда нас ввязали в Евранию <...> если я плакал над отцеубийством песеты, если мне стыдно за то, что на корке моего паспорта отпечатан знак Евросоюза, если я жду и надеюсь, что этот гибрид наконец-то укаться ко всем чертям, то как я буду участвовать в цинизме отдачи моего голоса за кого-то, кто хочет быть нашим представителем в Брюсселе? Нет, нет... Я не имею морального права голосовать»).*

Лейтмотивом данной статьи является дискредитация журналистом европейской политики и как такового существования Европейского Союза. Своё участие в выборах в Европарламент автор видит как нечто эфирное, нереальное и участвовать в них не собирается. Далее эти выборы метафорически сравниваются с церковной службой, а избирательные urnы – с алтарями. При помощи такой метафоры автор показывает, что участие в голосовании представляется как обязательное, всеобщее, но что каждый все-таки волен выбирать, пойдёт ли он к урнам или же нет. В тексте статьи журналист прямо высказывает своё мнение по поводу европейской политики и изменений, которые она внесла: он скептически относится к Евросоюзу; ему стыдно за штамп ЕС на обложке паспорта; переход с песеты на евро он называет «отцеубийством песеты»; автор предпочитает быть лицом без гражданства, чем гражданином ЕС; выборы в целом он считает, что европейские выборы – это циничный спектакль. Статья построена на основе принципа стилистического динамизма: в тексте присутствует единицы, характерные для политического и газетного дискурса,

церковная лексика, просторечие. В конце приведённого примера автор категорически отрицает своё участие в выборах, выводя это решения за пределы гражданского права на уровень личностной морали.

Таким образом, ряд ярких сравнений, стилистический динамизм как принцип организации текста, авторская категоричность дают читателю ясное представление об авторской позиции. При этом автор оставляет за читателем полное право выбора: согласиться с автором и встать на его сторону или же вступить с ним в полемику. Несмотря на то, что в статье автор говорит только о своём отношении к ЕС и выборам тонкая грань между только воздействием на читателя и манипуляцией его мнением практически стирается.

2) *Claro que, si nos atenemos a las economías que pueden verse arrastradas en caso de una suspensión de pagos de Grecia, el nuevo acrónimo de moda entre los analistas es **STUPID**, las siglas en inglés de España, Turquía, Reino Unido, Portugal, Italia y Dubai* (El País, 14-02-2010) (*«Конечно, если мы относим себя к экономике, которая может сильно пострадать в случае приостановки платежей Греции, то тогда среди аналитиков в моду вошел новый акроним **STUPID**, образованный заглавными буквами от английских названий следующих стран – Испания, Турция, Великобритания, Португалия, Италия и Дубай»).

Данный пример является подтверждением того, что тексты испанских СМИ изобилуют различного типа акронимами. Акроним – аббревиатура, образованная из начальных букв слов или словосочетаний, произносимая как единое слово, а не побуквенно. Здесь аббревиатура **STUPID** составленная из первых букв названий перечисленных стран совпадает по звучанию и написанию с английским прилагательным «глупый» (*stupid*). При помощи такой языковой игры, включающей аббревиацию, омонимию и заимствование, автор выражает своё мнение по поводу группы стран, экономика которых переживает период стагнации.

Таким образом, одним из самых активных процессов в современной печатной прессе России и Испании является выход на новый уровень отношений «адресант – адресат». Как отмечает С.И. Сметанина, «в медиадиатексте, ориентирующемся на авторизацию дискурса, создатель материала стремится подчеркнуть

своебразие своего видения ситуации <...> автор, используя специальные приёмы интимизации, стремится выглядеть близким читателю человеком...» [10, с. 255-256]. Для достижения этих целей автор прибегает к широкому спектру лингвокреативных ресурсов, в результате чего усиливается полемичность, эмоциональности и экспрессивность медиатекста. В свою очередь фигура читателя и ожидания, возлагаемые на него автором, тоже меняются: с одной стороны, читатель должен обладать экстралингвистическими знаниями, чтобы воспринять информационную часть медиатекста, с другой, – должен обладать лингвистическим вкусом, чтобы оценить авторскую лингвокреативность и получить «определенное эстетическое удовольствие от текста» [9].

ЛИТЕРАТУРА

1. Alex G. El estilo del periodista. 16-a edición, Taurus, Santillana Ediciones Generales, S.L., Madrid, 2008.
2. Gómez-Martínez Jose Luis. Hacia un nuevo paradigma: El hipertexto como faceta sociocultural de la tecnología. Proyecto Ensayo Hispánico. Recurso de internet: <http://www.ensayistas.org/critica/teoria/hipertexto/gomez/hipertexto2.htm>
3. La lengua de los medios de comunicación (1999). Servicio de publicaciones de la Universidad Complutense de Madrid, Madrid.
4. Бельчиков Ю.А. Взаимодействие функциональных разновидностей языка (Контаминированные тексты) // Культура русской речи и эффективность общения. – М.: Наука, 1996.
5. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. – М., Наука, 1993.
6. Кормилицина М.А. Актуализация линии «автор-читатель» как одна из тенденций развития языка современной прессы // Стилистика сегодня и завтра: Медиатекст в pragматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах. Тезисы. – М.: Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2010 – с.51-52.
7. Мельник Г.С., Ким М.Н. Методы журналистики. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2006.
8. Ремчукова Е.Н. Лингвистические пристрастия современных СМИ: феномен «полисемантики» // Русистика. Сборник научных трудов Киевского национального университета им. Тараса Шевченко. Вып. 9-10. – Киев, 2010.

9. Ремчукова Е.Н. Лингвокреативные составляющие современных СМИ на фоне активных языковых процессов // Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. – Тарту, 2009.
10. Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). – СПб.: Издательство Михайлова В.А., 2002, с. 255-256.

**СПЕЦИФИКА КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ ТАНЕЦ
(ТАНЦЕВАТЬ / ПЛЯСАТЬ) И TANZ (TANZEN) В СОСТАВЕ
РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ**

Н.В. Шестеркина

*Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет
ул. Большевистская, 68. Саранск, Россия, 430000*

В статье сопоставляется вербализация русского и немецкого концептов ТАНЕЦ / TANZ и их производных ТАНЦЕВАТЬ / ПЛЯСАТЬ и TANZEN. Речь идет также о мифологическом, символическом аспектах и о культурных кодах данных лексем.

Ключевые слова: танец, военный код культуры, символика танца.

**SPECIFICS OF KEY WORDS ТАНЕЦ
(ТАНЦЕВАТЬ / ПЛЯСАТЬ) И TANZ (TANZEN)
IN RUSSIAN AND GERMAN IDIOMS**

Shesterkina N. V.

*National Research Mordovian State University
Bolshevistskaya str., 68. Saransk, Russia, 430000*

There are in the article the verbalizations of Russian and German concepts ТАНЕЦ/TANZ and their derivatives ТАНЦЕВАТЬ / ПЛЯСАТЬ and

TANZEN are correlated. It also tells us about mythological and symbolic aspects and about the cultural codes of these lexemes.

The key words: dance, military code of culture, symbology of dance.

Музыка и танцы уже существовали у первобытных людей. Музыка считалась символом творения, космического порядка, гармонии; связующим звеном между человеческим и божественным началом. Музыкальные инструменты в религиозных ритуалах выполняют три функции: привлечение внимания божества, установление связи с ним и отпугивание неблагоприятных духов. Подобно музыке, танец также выступал символом мироустройства. Ритмичному движению приписывали императивные функции, действующие в космическом масштабе, оно также подразумевало накопление силы или высвобождение излишней энергии. Танец давал ощущение приобщения к божественному. У многих народов танцы являлись символическим воспроизведением каких-либо событий (сбора урожая, битвы), осуществляемых с целью обеспечить благоприятный исход последних. Различные религиозные представления имели форму наделенных символическим значений жестов и движений танца. Танец также являлся одной из древнейших форм магии [6, с. 118–119]. Невербальные элементы магии – разнообразные движения и жесты – таят в себе множество знаний, имеющих много пред назначений. Жесты главным образом служат неким сигналом к пробуждению сверхъестественной силы. Со временем жестикуляция и телодвижения приобретают черты танца. Архаический (примитивный) танец, как отмечает Л.П. Морина, – необходимый элемент сложной системы взаимоотношений человека с миром. Он возникает из потребности человека выразить свою сопричастность к окружающей действительности, указать на неразрывную связь с природой [3, с. 118–124] и призвать ее на свою защиту. В представлениях первобытного человека сама «природа полна танца»: день сменяется ночью, ночь – днем, чередуются времена года, волны последовательно сменяют друг друга и т.д. Все это составляет единый, бесконечный ритм природы [1, с. 103–104].

Особо отмечают значимость коллективных танцев. Парный танец был символом священного брака. Коллективный танец приводит к слиянию всех участников танцевального действия в еди-

ном ритмическом пульсе, что способствует высвобождению колossalного количества энергии [1, с. 118–119], способной, по представлениям первобытного человека, реально воздействовать на все в мире [1, там же]. Танцы в кругу связаны с защитой и ограждением [6, с. 198].

Во фразеосочетаниях (ФС), содержащих ключевые слова *ТАНЕЦ / TANZ* и их производные *ТАНЦЕВАТЬ / ПЛЯСАТЬ* и *TANZEN*, данные слова используются как в прямом, так и в метафорическом значении. Как пишет О.В. Франчук, в русской языковой картине мира фразеологические сочетания (ФС) «танцевальной» тематики занимают особое место. Это объясняется неоднозначным отношением русского человека к танцевальной культуре. С одной стороны, как и у других народов, у русских танец всегда был связан с остройшими переживаниями и эмоциями: мы можем «плясать от радости» или в ожидании какого-то чуда («тебе письмо – пляши»), находясь в отличном расположении духа «танцевать до упаду». Однако письменные памятники XI–XIX вв. свидетельствуют, что православная церковь упорно откращивалась от любых видов развлечений, именуя их «действами нечистыми, проклятыми и бесовскими» [10, с. 37]. В Германии церковь тоже была против танцев и пиров: *Spar diene Andacht nicht bis aufs Tanzhaus und deine Fastnacht nicht bis zum Karfreitag* (AS 9031); танцы и пирожки тешат, радуют дьявола: *Tanz und Gelag / Ist des Teufels Feiertag* (AS 9197) [7, с. 206].

Глагол **плясать**, означающий танцевать народные танцы, не имеет в немецком языке эквивалентов. До XIX в. объем семантики существительного **пляска** был шире значения заимствованного слова **танец**: так называли все разновидности танцевального искусства, в том числе пляску обрядовую и необрядовую, профессиональную и непрофессиональную, массовую и групповую, парную и сольную, а также пляску различных социальных групп. Неслучайно в русских народных говорах сохранилось достаточно большое количество устойчивых выражений с компонентами **пляска/плясать: дать (задать) плясака 'пуститься в пляс'; медвежья пляска 'неумелое исполнение танца'; пляска берет (кого-л.) кому-л. хочется плясать'; плясучись плясать 'задорно, азартно плясать; плясать в сухую 'плясать без музыкального**

'сопровождения'; плясать в три ножки сильно радоваться', 'плясать с притопом' [10, с. 37].

В немецком языке также достаточное количество ФС по этой теме: **das Tanz-bein schwingen** (scherzh.): *tanzen*. «разг. шутл. пуститься в пляс; отплясывать; хорошоенько потанцевать» [4, с. 559]; **Deutscher Tanz** – вальс (MT URL); **bei Sang und Tanz** (поэт.) – с пением и танцами (MT URL)/ *tänzeln* (приплясывать) и др. Но в первую оче-редь нас интересует переносное употребление ключевых слов данных языков.

В русский язык лексема *танец* заимствована из немецкого языка. В словаре Г. Пауля [12, с. 613] говорится, что лексема **Tanz** заимствована в немецкий из франц. *dance*. Уже в XVI в. данная лексема в ироническом смысле используется для обозначения войны (Krieg), боя, т. е. **Tanz** получает метафорическое значение, становится в определенном контексте военной метафорой, что соответствует *военному* коду культуры: **Tanz** – (разг.) ‘спор, скора; скандал; возня; суматоха; шум; гвалт: перебранка’ (11).

Среди немецких ФС достаточно много таких значений ключевого слова. К ним относится следующая группа ФС, объединенных значением «большое волнение, протест, скандал, неразбериха»: **einen Tanz aufführen** (ugs.): *übertrieben heftig reagieren* (D 11); (ugs.) *übertrieben heftig protestieren* (D 2, 770); «разг. фам. закатить скандал; поднимать бучу» [4, с. 559]. (Es) **das wird einen (schönen) Tanz geben / setzen** (ugs.): *das wird eine ziemliche Aufregung geben* (D 11); разг. фам. начнется катавасия; начнется свистопляска [4, с. 559]. **Es wird noch ein Tänzchen geben** [4, с. 559] (см. *es wird einen (schönen) Tanz setzen* (или *geben*)). да о. ä. **tanzt/steppt der Bär** (ugs.): *da, irgendwo ist etwas los. Der Tanz geht los* – начинается скандал; катавасия (11). **Der Tanz ist noch nicht aus:** скора еще продолжится (11). **Einen Tanz mit j-m haben:** быть в скоре (с кем-л.) (11). **Ich habe noch einen Tanz mit ihm vor:** мне с ним еще придется повоевать.

В следующем ФС содержится «угроза»: **ich werde dir einen anderen Tanz zeigen!** – ты у меня попляшишь! (11). К этой же группе можно отнести и следующее ФС: **die Puppen tanzen lassen** (ugs): 1. *sehr ausgelassen sein, es hoch hergehen lassen*. 2. *einen grossen Aufruhr veranstalten, energisch durchgreifen*; 1) устроить сабантуй / пир горой / дым коромыслом; 2) устроить нагоняй

(11). В данном ФС ключевое слово **Puppen** имеет в основе «кукольный театр» / *Puppentheater* (D 11, 593)).

С войной связаны «опасное, ненадежное положение»: **ein Tanz auf dem Seil**: *ein gefährlicher Balanceakt*: разг. быть в очень шатком положении; букв. балансировать на канате (НРФС 510); ходить по лезвию ножа; балансировать на краю пропасти; находиться в рискованном положении (11). **Auf zwei Hochzeiten** / (österr.) **Kirtagen tanzen** (ugs): *an zwei Veranstaltungen, Unternehmungen o. Ä. teilnehmen*. В словаре (D 11: 366) указано, что в австрийском варианте немецкого языка в качестве „Kirtag“ называют деревенский праздник с ярмаркой, аттракционами и проч. **Auf zwei Hochzeiten tanzen** – 1) сидеть на двух стульях; 2) делать два взаимоисключающих дела; 3) ловить двух зайцев (11). **auf allen Hochzeiten** / (österr.) **Kirtagen tanzen** (ugs): überall dabei sein.

Опасности связаны также с «жаждой денег, их приобретением»: **um das Goldene Kalb tanzen** (geh.): *die Macht des Geldes unverhältnismäßig hoch schätzen; von Geldgier erfüllt sein*. Данное ФС имеет источником Библию (Bibelstelle 2. Moses 32), где Аарон отливает из золотого украшения теленка, который потом стал божеством (золотым тельцом). **der Tanz ums Goldene Kalb**: *die Gier nach Geld* (D 11); *die allgemeine Gier nach Geld, Besitz* (D 2: 770); поклонение златому (золотому) тельцу (ббл.). [4, с. 310].

С войной связано и чрезвычайно опасное время, в которое некоторые ведут себя весьма беспечно: «беспечное поведение»: **ein Tanz auf dem Vulkan**: *unbekümmertes Verhalten in äußerst gefahrvoller Zeit* (D 11); *ausgelassenen Lustigkeit in gefahrvoller Situation* (D 2: 770); = пир во время чумы; букв. танец на вулкане (НРФС 602). Данное ФС восходит к высказыванию французского посла графа Narcisse Achille Salvandy относительно удовольствия от танцевального мероприятия в мае 1830 г., которое является предчувствием июльской революции 1830 г. во Франции (D 11).

Беспечное поведение может проявиться также из-за состояния «эйфории»: **aufs Eis tanzen gehen** (ugs): *sich leichtsinnig in Gefahr bringen, im Übermut viel riskieren* (D 11, 188). В словаре (D 11, 201) отмечается, что данное ФС лежит в основе более крупного ФС **Wenn's dem Esel zu wohl wird, geht es aufs Eis [tanzen]** (ugs): *wenn es jmdm. zu gut geht, wird er übermutig [und bringt sich in Gefahr]*.

В русском языке почти нет военной метафоры в подобных ФС. В какой-то степени к ней можно отнести ФС с общим значением «Быть побежденным» **ваши не пляшут**. (Жарг. или прост.) *Vам придется признать себя побежденным.* Первоначально это ФС употреблялось в карточной игре. Когда приходит много козырей, хочется плясать от радости – отсюда глагол *плясать* в поговорке. Один радуется, что у него много козырей, а другой, к которому пришли старшие козыри, заявляет: «*Ваши не пляшут!*», что буквально значит ‘ваши козыри биты’ [14, с. 83].

Следующие ФС связаны с «выполнением каких-либо вынужденных действий»: ***nach jmds. Geige/Pfeife tanzen*** (ugs.): *alles tun, was jmd. von einem verlangt, jmdm. ge-horchen.* Значение данного ФС исходит из того, что танцоры почти всегда следуют за музыкой. Скрипка и дудка (свириль, флейта) были раньше наиболее часто встречающимися музыкальными инструментами (D 11). **Tanzen, wie j-d pfeift** (б. ч. ***nach j-s. Pfeife tanzen***) разг. *плясать под чью-л. дудку* [4, с. 559]. В русском языке – **плясать под чужую дудку**. (неодобр.) **Беспрокословно подчиняться во всем кому-л.; поступать согласно чьим-л. желаниям, прихотям.** Выражение связывают с рассказом греческого историка Геродота (V в. до н. э.) из первой книги его «Истории». Когда персидский царь Кир покорил мидян, малоазийские греки, которых он тщетно пытался склонить на свою сторону, стали готовы подчиняться ему, но при известных условиях. Тогда Кир рассказал им следующую басню: «Один флейтист, увидевши рыб в море, стал играть на флейте, ожидая, что они выйдут к нему на сушу. Обманувшись в ожиданиях, он закинул сеть и вытащил множество рыб. Видя, как рыбы боятся в сетях, он сказал им: “Перестаньте плясать; когда я играл на флейте, вы не хотели выходить и плясать”». Эта басня приписывается и Эзопу (VI в. до н. э.). Аналогичное выражение есть в Евангелии (Мф, 11, 17; Лк, 7, 32). Рыбы здесь – символ своеенравной вольности, свободы: они пляшут по собственной охоте, не подчиняясь чужой воле, капризу, прихоти. Это ФС активно употреблялось в XVIII в. у многих писателей: *по его дудке плясать* (у Дашковой), *по его дудЬ плясали* (у Екатерины II), у Крылова и др. В русском языке оборот появился в XVII в. как калька с нем. *nach jmds Pfeife tanzen [sollen]*, о чем свидетельствует вариант *плясать по чьей дудке*, известный с XVII–XVIII вв. [14, с. 204 –205].

В данных ФС отражается одна из основных аксиом философии – *не-свобода есть познанная необходимость*. Е.И. Замятин так рассуждает о танце: «Почему танец красив? Ответ: потому что это не свободное движение, потому что весь глубокий смысл танца именно в абсолютной, эстетической подчиненности, идеальной несвободе. И если верно, что наши предки отдавались танцу в самые вдохновенные моменты своей жизни (религиозные мистерии, военные парады), то это значит только одно: инстинкт несвободы издревле органически присущ человеку...» [цит. по: 5, с. 74–75].

Во ФС с ключевым словом *Пляска смерти* отражаются и библейские истории, например, *Пляска смерти. О предсмертных судорогах*. Маккавеевская пляска – аллегория мученической смерти Елеазара и семи братьев Маккавеев с их матерью. Такие аллегорические представления восходят к 1164 г., по случаю перенесения мощей Маккавеев из Италии в Кельн. Ср. нем. **Totentanz** [14, с. 542]. Данная ФЕ имеет свою историю: Евреи много терпели от соседних народов. Самое жестокое гонение они претерпели от сирийского царя Антиоха Епифана, выступавшего за язычество и в Иерусалимском храме поставившего идола. Семья Маккавеев восстановила богослужение по закону Божию, защитила отечество и стала руководителем иудеев. Иуда Маккавей и его братья освободили отечество и стали правителями иудеев. Потом иудейский царь Ирод истребил племя Маккавеев. Память их празднуется Церковью 1 августа (Библ. энциклоп.).

Смерть олицетворялась и в виде земледельца, поливающего поле человеческой жизни кровью, в виде могущественного царя, ведущего войну с людским родом, и т. п. Позже смерть изображалась карточным шулером, водителем хоровода, в котором участвуют люди всех возрастов, званий и состояний, злорадным музыкантом, заставляющим всех и каждого плясать под звуки своей дудки. Такие иносказания были очень популярны и служили укреплению религиозного чувства в народе. Церковь допустила их изображения на стенах храмов, монастырей и кладбищ. Драма и танцы были неразрывно связаны; этим объясняется происхождение названия *Пляска смерти*. Она состояла из краткого разговора между смертью и 24 лицами. В стихах выводились на сцену семь братьев-Маккавеев, их мать и старец Елеазар, вследствие чего

явилось название «Маккавеевская Пляска», потом превратившееся в «Danse macabre» (Википедия).

Заслуживает особого внимания ФС **танцевать от печки**: *Делать что-л., начиная с привычного места, с начала* [14, с. 532]. В древности печь – материнский символ, она олицетворяет утробу матери-земли, в которой элементы достигают зрелости. Существуют параллельные представления о «перепекании» младенцев посредством их символического помещения в печь; в сказочном сюжете о Бабе-яге, сажающей героя в печь, отражаются древние обряды инициации [6, с. 148]. В структуре жилища печь – один из главных элементов, центр домашнего мира: отсюда значение выражения «семейный очаг». У восточных славян печь выступала оберегом. У печи давались клятвы, заключались договоры, туда прятали (от порчи) молочные зубы детей; под печкой обитал покровитель дома – домовой. Печь – это начало начал (ср. «плясать от печки» в значении «делать как принято, по привычной схеме»).

С.В. Кабакова пишет, что данное ФС означает «повторять заново с самого начала». Она имеет *в виду, что* лицо или группа лиц (*X*), занимаясь чем-л., вынуждены вновь начать все с самого простого, привычного и последовательно проделать все необходимые шаги, без которых деятельность не может быть успешной. *Говорится с* неодобрением или с иронией. Образ ФС отражает стереотипизированную обиходно-бытовую ситуацию такого действия, как **танцевать**. В метафорическом осмыслении ФС **печка** является символом, замещающим отправную точку, от которой начинается повторение ситуации. Слово **печка** соотносится с вещественным кодом культуры. Печь играет особую символическую роль во внутреннем пространстве дома, совмещая в себе черты центра и границы (Слав. мифология, М., 1995: 310–312). Будучи сакральным центром дома, печь является наиболее фразеологизированным, насыщенным смыслами, присущими мифологическому восприятию мира, предметом обихода [2, с. 687–688].

Однако у данного ФС выявлены и другие значения. В частности, в словаре [14, с. 532] дается четыре значения: 1. Обычай учиться танцевать от печки был распространен в России XIX века в дворянских семьях. Благодаря известности этого события вошло в обиход и выражение *танцевать от печки* в переносном значении. В начале XX в. был известен и вариант оборота *танцевать не*

от печки – «делать что-л. с непривычки», «затрудняться, делая что-л. впервые». Оборот *танцевать от печки* распространился в литературном языке благодаря роману писателя-разночинца В.А. Слепцова «Хороший человек» (1871). Герой романа возвращается на родину после бесплодных скитаний по Европе. Он вспоминает детство, в частности, как его учили танцевать. Когда он сбивался с такта, его заставляли возвращаться к печке и начинать все сначала. Герой понимает, что нужно вернуться в родной дом, к старой печи, и там начать новую жизнь. Однако автором оборота нельзя считать В.А. Слепцова. 2. *Обычай начинать танец от печки* известен и в русской деревне. Ср. песню подруг невесты на свадьбе в Костромской деревне: «Я от печки иду, половичку чту (т. е. считаю половицы – прим. ред.)...», переносно означающую – ‘начинаю жизнь в новом доме с самого начала’. 3. Выражение могло быть активизировано обычаями русских посиделок, когда робкая плясунья не лезла вперед, а скромно стояла где-л. у печки. Отсюда она и начинала танцевать, если ее приглашали. Сбившись с ритма танца, она уде не могла в него войти, ей требовалось вернуться к печке и вновь начинать танец оттуда. 4. Обучающиеся танцам обычно выступали с одной и той же позиции, например, от печки, стола и т. п., возвращаясь к ней после каждой ошибки [14, с. 532].

Итак, наше исследование показало, что среди проанализированных русских и немецких ФС больше различий, чем сходств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зыкова И.В. Культура как информационная система: духовное, ментальное, информационно-знаковое: монография. – М.: Либроком, 2011.
2. Кабакова С.В. Танцевать <плясать> от печки // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – С. 687–688.
3. Морина Л.П. Ритуальный танец и миф // Религия и нравственность в секулярном мире: мат-лы научн. конф. 2001. Серия «Symposium». В. 20. – СПб., 2001. – С. 118–124.

4. (НРФС) – Бинович Л.Э. Немецко-русский фразеологический словарь. – М., 1995.
5. Слободнюк С.Л. Ориенталия в европейской утопии: шари-а, рай не-свободы и истины мнимости // Пушкинские чтения-2014. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: мат-лы XIX междунар. научн. конф. /отв. ред. Т.В. Мальцева. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. С. 69–79.
6. ССЗ – Словарь символов и знаков. – М.: АСТ; Минск: Харвест, 2006.
7. Янссен-Фесенко Т.А., Шестеркина Н.В., Фесенко С.Л. Специфика базовых концептуальных структур как отражение моделей этнокультурного сознания и вербальной памяти (на материале русских и немецких фольклорных текстов): монография. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2011.
8. (D 2) – Duden in zwölf Bänden. Bd. 2: Stilwörterbuch. 8., völlig neu bearbeitete Auflage. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2001.
9. (D 11) – Duden in zwölf Bänden. Bd. 11: Redewendungen. 2., völlig neu bearbeitete und aktualisierte Auflage. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2002.
10. Frančuk O.V. Ты всё пела? Это дело: Так поди же, попляши (особенности употребления глаголов «танцевать» и «плясать» в русских фразеологизмах) // Wort – Text – Zeit: Die slawische Phraseologie in onomasiologischer, linguokultureller und phraseographischer Sicht / Mat-lien der wissensch. Konferenz. – Greifswald, 2011. S. 37–38.
11. (MT) multitrans.ru/c/m.exe
12. Paul H. Deutsches Wörterbuch. 8. Auflage, bearbeitet von A. Schirmer. – Halle (Saale): VEB Max Niemeyer Verlag, 1961.
13. (3720 SW) 3720 Sprichwörter, Redewendungen, Idiome, geflügelte Wörter/ etymologie.tantalosz.de/t.php
14. Бирих А. К. Русская фразеология: Историко-этимологический словарь. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕМПОРАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В ЭСТОНСКО-РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ КРИМИНАЛЬНЫХ НОВОСТЕЙ И ОБВИНИТЕЛЬНЫХ АКТОВ

В.П. Щаднева

*Тартуский университет
ул. Юликооли 18, Тарту, Эстония, 50090*

Статья посвящена сравнительному анализу двух жанров: криминальных новостей и обвинительных актов по уголовным делам, а также роли различных способов выражения идеи времени в организации эстонских оригиналов и русских переводов. В ходе исследования выявлено своеобразие темпоральной архитектоники этих жанров.

Ключевые слова: эстонско-русский перевод, темпоральные языковые средства, криминальные новости, обвинительные акты.

FUNCTIONAL AND SEMANTIC FEATURES OF TEMPORAL LINGUISTIC RESOURCES IN THE ESTONIAN-RUSSIAN TRANSLATIONS OF CRIME NEWS AND INDICTMENTS

V.P. Schadneva

*University of Tartu
Ülikooli 18, Tartu, Estonia, 50090*

The article is devoted to the comparative analysis of two genres: crime news and indictments in criminal cases, as well as the role of different ways of expressing the idea of time in the temporal organization of Estonian originals and Russian translations. The study reveals the peculiar temporal architectonics of these genres.

Keywords: Estonian-Russian translation, temporal linguistic resources, crime news, indictments.

1. Введение

Весь человеческий опыт передается в текстах, которые представляют собой способ зафиксировать утекающее реальное время. При этом текст, являясь принадлежностью объективного времени,

способен не только отразить материальный мир, но и создать собственную виртуальную (воображаемую) реальность, которая воплощается в специфических временных и пространственных планах. Их языковую реализацию обычно рассматривают на материале художественных произведений, ибо художественное время как результат творчества писателя связано с концепцией возможных миров, представляющих альтернативу объективному (актуальному) миру. Проблемам художественного времени, сопряженного с категорией времени грамматического, посвящены работы, выполненные в русле разных научных направлений [1, 4, 5, 7, 8, 9, 10 и др.].

В то же время осознание практической значимости собственно коммуникативных сфер в жизни современного социума побуждает к изучению темпоральных характеристик и текстов утилитарного характера, относящихся к таким функциональным стилям, как газетно-публицистический, официально-деловой, научный. Объект данного исследования – языковые средства, актуализирующие идею времени в текстах, которые отражают реально существующий предметный мир людей. Обозначения времени и пространства в текстах практической направленности ориентированы на потребности человеческого бытия.

Цель данного исследования – в русле сопоставительной лингвистики выявить особенности выражения идеи времени (темпоральности) в разнозычных и при этом разностилевых текстах: анализ направлен на обнаружение сходства и различия в языковом воплощении темпоральных планов в эстонских и переводных русских текстах газетно-публицистической и официально-деловой сфер общения. В частности, данная разработка ориентирована на уточнение особенностей а) темпоральной архитектоники текстов *криминальных новостей* (заметок) и *обвинительных актов* по уголовным делам; б) языковой организации эстонского *оригинала* и его русского *перевода*.

В силу двунаправленности сопоставления (по жанрово-стилевому параметру и параметру первичности / вторичности текста) следует особо остановиться на проблеме *отбора* источников исследования, что продиктовано вопросом о репрезентативности материала. Выбор разностилевых текстов обусловлен *тематической близостью* названных жанров. Учет этого принципа способ-

ствует более адекватному сопоставлению результатов, полученных в ходе анализа языкового сходства и различия наблюдаемых объектов. Источником языкового материала стали тексты электронной версии газеты *Postimees / Постимеес* и портала *Delfi / Делфи*, а также судебные документы, собранные студентами Тартуского университета в суде.

2. Общая характеристика сопоставляемых текстов

Отбор судебных текстов был изначально осложнен объективными трудностями технического характера: а) доступом к судебной документации, возможностью получить тексты соответствующего жанра и б) ограниченным количеством таких переводных документов, поскольку обвинительные акты по уголовным делам в Эстонии переводятся на русский язык только с учетом потребности обвиняемого лица. Подобные тексты фиксируются на бумаге и подписываются соответствующими лицами.

Иными объективными причинами обусловлены сложности отбора текстов *mass-медиа*. Во-первых, в условиях Эстонии электронные медийные тексты *видоизменяются* в реальном времени: криминальные новости в течение одного-двух дней уточняются, а время обновления (в оригинале и его переводе) отмечается перед заглавием красными буквами (рядом с датой первичной публикации). Временная динамика новости, подаваемой в *процессуальном* ключе, свойственна как исходному, так и переводному тексту. Поскольку сообщение о событии реализуется в виде ряда версий первичного текста, то результат его обновления воплощает в себе и *непрерывность процесса информирования*, и *целостность* текста одновременно. Вследствие уточнения первоначальных сведений, по сути дела, означающего *дискурсивное развитие* новости, появляется несколько последовательно дополненных текстов под одним заголовком, при этом в качестве автономного начального вариант текста утрачивается. Иными словами, налицо живая связь понятий *temporальность* и *дискурс*. Тем самым своеобразное подтверждение находит мысль Э. Бенвениста, увлеченного идеей дискурса: «*Может показаться, что temporальность – это времденная основа мышления. Однако в действительности temporальность возникает в акте высказывания и через высказывание*» [2, с. 315].

Во-вторых, переводные тексты медиийных заметок могут отличаться от исходных степенью структурной адекватности и полноты охвата передаваемых сведений, ибо переводчик может: а) устранить часть исходной информации, б) дополнить текст иными данными или же в) структурировать его как бы «по мотивам» новости, но с сохранением основных смысловых блоков исходного текста. В-третьих, такой перевод не носит регулярного характера, и есть основания предполагать, что частично он осуществляется не самими сотрудниками названных изданий, а переводчиками русских версий других изданий, например, сайта Эстонской общественной телерадиовещательной корпорации / Eesti Rahvusringhääling (ERR; <http://rus.err.ee/>). В некоторых случаях имеются соответствующие ссылки, однако точно определить источник перевода порой бывает невозможного. Таким образом, причины отдельного несовпадения медиийного оригинала и перевода носят как *субъективный*, так и *объективный* характер.

Описанный выше способ подачи криминальных новостей как имеющих продолжение характеризует именно современный *электронный медиадискурс*, что несвойственно бумажным СМИ, в которых развитие темы осуществляется или посредством самостоятельных уточняющих первичную информацию текстов, или же в текстах опровержений. Следует подчеркнуть, что подобная процессуальная взаимосвязь электронных медиатекстов реализует *межтекстовую (дискурсивную) темпоральность*.

3. Временные средства в эстонских текстах и их переводах

В ходе исследования темпоральной структуры текстов отмеченных жанров сравнивался выбор языковых единиц для сообщения о времени события. *Объектом наблюдения* стали разные языковые средства, способные выразить идею времени. Анализ проводился с опорой на предложенную А.В. Бондарко теорию *функционально-семантического поля* (ФСП) [3, с. 17], которое объединяет разноуровневые языковые средства вокруг *настоящего момента речи* в качестве дейктического центра.

Для содержания криминальных заметок и обвинительных актов важен порядок протекания действий и хроникальность. Однако по характеру представленных событий данные жанры разли-

чаются, что иллюстрируют и приводимые ниже тексты⁹. Важную темпоральную нагрузку в обоих жанрах несут на себе глаголы, которые изначально ориентированы на передачу времени события. Несмотря на то что полная парадигма форм эстонского глагола не совпадает с русской и при этом существенно различаются ядерные для глагольных систем временные парадигмы [6, с. 81], в текстовом употреблении глаголов наблюдаются сходные черты.

В криминальных заметках и обвинительных актах обычны словоформы *прошедшего времени*. При этом в эстонских междийных текстах явное предпочтение отдается *имперфекту*, способному отражать недавние события, а не *перфекту*, который больше свойствен судебным текстам (плюсквамперфект в современном эстонском языке используется редко). В русских переводах преимущественно представлены словоформы *прошедшего времени CB*, фиксирующего результат для настоящего: *Tallinnas jäi eakas naine trammi alla* – В Таллинне под трамвай попала пожилая женщина. Однако итоговыми в криминальных заметках на обоих языках обычно оказываются формы *настоящего расширенного*: *Politsei palub helistada...* – Полиция просит позвонить... Сказанное наглядно иллюстрирует следующий текст:

**Tallinnas jäi eakas naine
trammi alla**

13. oktoober 2013 14:37; Risto Veskiöja www.DELFI.ee

Täna pärastlõunal juhtus õnnetus Tallinna kesklinnas Paberi trammipeatuses, kus 70-aastane naisterahvas jäi trammi alla. Juhtum seiskas sisuliselt ka trammide 2 ja 4 liikluse.

**В Таллинне под трамвай попала
пожилая женщина**

13. октября 2013 15:38; rus.DELFI.ee

В воскресенье днем в Таллинне на остановке «Пабери» под трамвай попала 70-летняя женщина. Происшествие остановило движение трамваев номер 2 и 4.

⁹ 1) Тексты-иллюстрации приводятся с сохранением всех особенностей написания в оригинале.

2) Судебный документ частично сокращен (места сокращений отмечены знаком <...>).

3) Глагольные формы-сказуемые даются курсивом; остальные языковые средства со значением времени подчеркнуты.

Politsei pressiesindaja sõnul *juhtus õnnetus täna umbes kella veerand kolme ajal pärastlõunal*. Trammijuhi sõnusti oli naine *läinud üle trammitee hetkel, kui trammile põles roheline tuli*.

Politsei esindaja sõnul *aitasid päästjad ja politsei naise trammi alt välja ning naine viidi edasi haiglasse*.

Trammide 2 ja 4 liiklus oli sündmuskohal *häiritud kuni kella kolmveerand kolmeni*.

Politsei palub kõigil, kes *nägid pealt kirjeldatud õnnetust helistada* avariiteenistuse telefonil 6125666.
http://www.delfi.ee/news/paavauudise/d/110_112/fotod-tallinnas-jai-eakasnaine-trammi-all.a?d=66898037

Напротив, в обвинительных актах на обоих языках в первой – констатирующе-удостоверяющей – части документа, которая нередко начинается с пассивных форм в синтаксическом настоящем (*on võetud – привлечён; tõkendina kohaldatud – мерой пресечения избрана* и т. п.), обычно чередуются формы *настоящего констатирующего* (и в пассиве, и в активе) и *прошедшего совершенного вида: süüdistatakse selles, et ärandas... – обвиняют / обвиняется в том, что уgnал...* Во второй – императивной, обвинительной – части документа за стандартной формулировкой с формой настоящего времени (*prokurör nõiab kohtus süüdi mõista – прокурор требует у суда признать виновным*) в эстонском тексте и его переводе следует целый ряд фраз с инфинитивными формами со значением предписания: *määräata karistus tingimisi ja täitmisele mitte pöörata, kui... – назначить наказание условно и к исполнению не обращать, если...* См. текстовую иллюстрацию, данную ниже:

Как сообщил пресс-секретарь полиции, происшествие *имело место около 14:15*. По словам водителя трамвая, женщина *переходила* через трамвайные пути *в момент, когда* для трамваев *горел зеленый свет*.

Спасатели и полиция *вытащили* женщину из-под трамвая и *отвезли* в больницу.

Полиция *просит* всех, кто *стал свидетелем* данного происшествия, *позвонить* на номер 6125666.
<http://rus.delfi.ee/daily/criminal/foto-v-tallinne-pod-tramvaj-popala-pozhilaya-zhenschina.d?id=66898233>

Süüdistusakt kriminaalasjas nr XXX

Kriminaalasjas *on* süüdistatavana vastutusele *võetud*: YYY1 sünd. 22. aprillil 1983.a Valgas, rahvuselt venelane, Eesti Vabariigi kodanik; <...>; varem kohtlikult *karistatud*: 1) 11.12.1997.a. KrK § 139 lg 2 p3 järgi 3 kuud vabadusekaotust tingimisi 2 aastase katseajaga; 2) 24.08.1999.a KrK § 139 lg 2 p 1,2,3 järgi 4 kuud vabadusekaotust tingimisi 1 aastase katseajaga; 3) 19.11.1999.a KrK § 140 lg 2 p 1,2,3 järgi KrK § 39 sätteid kohaldades 30 ööpäevase arrestiga; elukoht Valga <...>; tõkendina *kohaldatud* allkiri elukohast mittelahkumise kohta, süüdistuses KrK § 197 lg 1 järgi.

YYY1 *süüdistatakse* selles, et tema olles alkoholijoobes *ärandas* ööl vastu 30. märtsi 2002.a ukse luku lõhkumise ja auto süütejuhtmete ühendamise teel ajutise kasutamise eesmärgil Valga linnas Maleva 10 maja juurde pargitud XXX1 kuuluva sõiduauto VAZ 2101 registreerimismärgiga 842 AKD, millega *sõitis ringi* Valga linnas ning kella 02.23 peeti YYY1 politsei poolt *kinni* Valga linnas Transpordi tänaval.

<...>

Kannatanu XXX1 ja süüdistatav YYY1 *nõustusid* lihtmenetluse kohaldamisega /t.1 144/. KrMK

Обвинительный акт по уголовному делу № XXX

В качестве обвиняемого по уголовному делу, к уголовной ответственности привлечён: УУУ1, 22.04.1983г. рождения, уроженец г. Валга, по национальности русский, гражданин Эстонии; <...>, ранее *судим*: 1) 11.12.1997 г. – по ст.139 ч.2 п.3 УК, 3 месяца лишения свободы условно с испытательным сроком на 2 года; 2) 24.08.1999 г. – по ст. 139 ч.2 п.1, 2, 3 УК, 4 месяца лишения свободы условно с испытательным сроком 1 год; 3) 19.11.1999 г. – по ст. 140 ч.2 п.1.2.3 УК с применением положения ст.39 УК арестом 30 дней; место жительства: г. Валга <...>; мерой пресечения *избрана* – подпись о невыезде, в обвинении по ст. 197 ч. 1 УК.

УУУ1 *обвиняют* в том, что он будучи в состоянии алкогольного опьянения, в ночь на 30. марта 2002. г. путем взлома дверного замка и соединением провода зажигания автомашины в целях временного пользования ею, угнал принадлежавшую XXX1 автомашину ВАЗ 2101 с регистрационным номером 842 АКД припаркованную в г. Валга по улице Малева у дома № 10, *разъехал* по городу Валга и ночью 02.23 часов был задержан УУУ1 сотрудниками полиции в Валге на улице Транспорти.

<...>

Потерпевшая XXX1 и обвиняемый УУУ1 *дали согласие* на применение

§370, §371 ja § 372 põuetest lähtuvalt sõlmis prokurör 19. aprillil 2002.a süüdistatava YYY1 ning tema kaitsja YYY2 lihtmenetluse kokkuleppe /t.l 39/.

Kokkulekke kohaselt prokurör nõuab kohtus:

Süüdi mõista YYY1 KrK § 197 lg 1 järgi ja karistada teda viie (5) kuu vabadusekaotusega.

KrK § 47 kohaselt määrata karistus tingimisi ja täitmisele mitte poörata, kui YYY1 üheastase katseaja kestel ei pane toime uut kuritegu või haldusõiguserikkumist ja täidab KrK § 47' lg 1 toodud kontrollnõudeid: <...>.

Süüdistusakt on koostatud Valgas 19. aprillil 2002.a.

упрощенного производства (л.д. 144). Исходя из требований ст. 370, 371 и 372 УПК прокурор 19 апреля 2002.г. заключили с обвиняемым УУУ1 и его защитником УУУ2 соглашение на применение упрощенного производства (л.д. 39).

Основываясь на соглашении прокурор требует у суда:

Признать виновным УУУ1 по ст. 197 ч. 1 УК и наказать его 5 месяцами лишения свободы.

На основании ст. 47 УК назначить наказание условно к исполнению не обращать, если УУУ1 во время испытательного срока, 1 год, не совершил нового преступления или администрационного правонарушения и выполняет в ст. 47' ч.1 УК приведенные контрольные требования: <...>.

Обвинительный акт составлен 19.04.2002 г. в г. Валга.

Тексты обвинительных актов завершаются реквизитом: *Süüdistusakt on koostatud Valgas 19. aprillil 2002.a. – Обвинительный акт составлен 19.04.2002 г. в г. Валга* (пассив в синтаксическом настоящем). Тем самым временные формы способствуют различию констатирующей и обвинительной частей судебных документов.

Но, выполняя *текстообразующую функцию*, глаголы взаимодействуют с обладающими архисемой «время» словами иных частей речи: кроме временных предлогов и союзов представлены числительные, наречия, существительные, именные словосочетания. Эти языковые единицы, несущие в анализируемых жанрах существенную темпоральную нагрузку, используются для указания на разную временную семантику: 1) точное время события: *kell 19.33 ajal* – в 19:33; 2) приблизительное время: *täna öösel* – сегодня ночью; *umbes kella veerand kolme ajal* – около 14:15; 3) промежуток времени: *viimase kolme aasta jooksul* – (за) послед-

ние три года; 4) продолжительность события во времени: *kaia aega* – долго; *kahe tunni möödumisel* – через два часа; *4 kuud* – 4 месяца; 5) повторяемость события: *kaks korda nädalas* – два раза в неделю. Однако наблюдаются определенные жанровые предпочтения: если значение приблизительного времени для судебных документов нетипично, то необходимо обозначать точное время события вынуждает употреблять большое количество числительных для обозначения разной временной семантики. Тем самым обвинительный акт как регламентированный жанр с обязательными реквизитами в обоих языках нацелен на точное указание времени с помощью дат, цифр.

При этом общими для обоих жанров оказываются временные средства, называющие 1) границы длительности события: *2 aastase katseajaga* – с испытательным сроком на 2 года; 2) продолжительность события во времени: *kahe tunniga* – за 2 часа; 3) точное время события: *kell 19.33 ajal* – в 19:33. В то же время в криминальной заметке нередки приблизительные обозначения времени: *täna öösel* – сегодня ночью; *täna umbes kella veerand kolme ajal pärastlõunal* (буквально: «сегодня около четверти третьего после обеда») – около 14:15. Хотя в последнем случае столь пространное обозначение времени в эстонском варианте характеризует, скорее, авторский стиль, в целом обращает на себя внимание то, что в русских переводах цифровое обозначение времени часто встречается и в медийных, и в судебных текстах.

4. Выводы

Учет особенностей организации электронных и бумажных текстов позволяет говорить о двух видах темпоральности: *дискурсивной* (межтекстовой) и *внутритекстовой*. Электронная криминальная заметка обладает дискурсивной темпоральностью, а обвинительный акт закреплен во времени. Дискурсивный способ создания текстов благоприятствует оперативности информирования и характеризует современный электронный медиадискурс в Эстонии. В бумажных СМИ развитие темы тоже может осуществляться, но в автономных публикациях, уточняющих или опровергающих первичные сведения. Тем самым бумажные медийные тексты фиксированы в одной временной плоскости, как и официально-деловые документы.

Для обоих рассмотренных жанров важна не временная динамика, не интенсивность действий, а их хронология и значения меры времени. Поэтому в текстах оригиналов и переводов наблюдаются не только различия, но и сходства в обозначении временных параметров события. В ходе сопоставления криминальных заметок и обвинительных актов установлены лексико-семантические и грамматические предпочтения в выборе языковых единиц с темпоральным значением, а также большее семантическое разнообразие временные маркеров события в медийных новостях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960 – 1970 гг. Собр. соч., т. 6. – М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002.
2. Бенвенист Э. «Общая лингвистика». – М.: Прогресс, 1974.
3. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). – М.: Просвещение, 1971.
4. Горина А.В. Пространство и время как базовые категории художественного текста (на материале романа У. Голдинга «Свободное падение»): Автoref. дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар 2009.
5. Драчева С.О. Темпоральная организация романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: лингвистический аспект: Автoref. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2007.
6. Кюльмоя И., Вайгла Э., Соль М. Краткий справочник по контрастивной грамматике эстонского и русского языков. – Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2003.
7. Лихачев Д.С. Время в произведениях русского фольклора. Русская литература. – Л.: АН СССР, 1962, № 4. С. 32 – 47.
8. Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. – М.: Языки русской культуры, 1996.
9. Тураева З.Я. Категория времени: Время грамматическое и время художественное (на материале английского языка). – М.: Высшая школа, 1979.
10. Щаднева В.П. Темпоральная архитектоника текстов разных стилей. *Valoda – 2010. Valoda dažādu kultūru kontekstā. Zinātnisko rakstu krājums XX. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds „Saule“, 2010, 467 – 476. lpp.*

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

ПРОБЛЕМА СЛОЖНОСТИ ПОНИМАНИЯ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИЙ ЗНАЧЕНИЯ И СМЫСЛА

Н.В. Акимова

*Социально-педагогический институт, Педагогическая академия
ул. Шевченко, 21/27, г. Кировоград, Украина, 25000*

В статье обобщены некоторые концепции значения и смысла. Результаты разработок А.И. Новикова и его последователей стали основанием для теории сложности понимания интернет-коммуникации. Гипотетические предположения проверены в ходе экспериментального исследования.

Ключевые слова: понимание, значение, смысл, интернет-коммуникация, сайт новостей, вариативность, девиантная речевая единица.

PROBLEM OF INTERNET COMMUNICATION UNDERSTANDABILITY IN THE CONTEXT OF MEANING AND SENSE THEORY

N.V.Akimova

*Socio-Pedagogical Institute, Pedagogical Academy
Shevchenko str., 21/27, Kirovograd, Ukraine, 25000*

Some of the concepts sense and meanings are summarized in the paper. Development results A.I. Novikova and his followers became the basis for the

theory of understandability Internet communications. Hypothetical assumptions tested in the experimental research.

Keywords: understandability, meaning, sense, Internet communications, news site, variability, deviant speech unit.

Одним из достижений современной психолингвистики является дифференциация значения и смысла слова, выражения, текста, что позволяет углубить теорию понимания текста, по-новому оценить роль коммуникантов и ситуации общения.

Целью статьи является анализ понятности интернет-текста в контексте теорий смысла и значения с учетом результатов экспериментального исследования.

О необходимости выделения в структуре слова нескольких различных типов значения говорилось еще в классических работах XIX-XX вв. В частности, Г. Фреге считал, что текст может иметь только одно значение, но несколько смыслов, или не иметь значения (если в реальности ему ничто не соответствует), но иметь при этом смысл [8, с. 10]. Д.А. Леонтьев отмечает, что смысл не задан a priori, он создается на каждом этапе описания; он никогда не бывает структурно завершен; источником, который приписывает смысл вещам, является сознание, актуальный упорядоченный опыт [8, с. 10-11]. Современный анализ философских источников, посвященных проблеме смысла и значения, позволяет выделить несколько концептуальных подходов (по И.И. Матюшиной): менталистский (сознание порождает смыслы, выражая их через язык), лингвоцентрический (язык порождает смыслы в соответствии с правилами сознания), коммуникативный (смысл порождается в процессе коммуникации) [9, с. 40].

Философия смысла отразилась в современной лингвистике. Интересный подход к данной проблеме предложен в работах А.И. Новикова и его последователей. Рассматривая проблему смысла текста, они противопоставляют его не значению, а содержанию: «Содержание формируется как ментальное образование, моделирующее тот фрагмент действительности, о котором говорится в тексте, а смысл – это мысль об этой действительности, т.е. интерпретация того, что сообщается в тексте» [10, с. 215]. Ученники и последователи А. И. Новикова, анализируя отдельные языковые единицы текста, различают значение и смысл как «проекцию тек-

ста на сознание» и «проекцию сознания на текст» [11, с. 12; 13]. Но при этом процесс понимания интерпретируется как расшифровка замысла автора [13, с. 143]. Такой вывод противоречит результатам исследований нейроученых [15; 19]. Т.С. Серова, определяя понятие «смысл» и «значение», обращается к дефиниции А.В. Бондарко: «значение представляет собой содержательную сторону некоторой единицы данного языка как элемента системы языка, тогда как смысл – это явление речи, имеющее контекстную и ситуативную обусловленность и передаваемое разными единицами в данном языке» [17, с. 235]. Профессор А.А. Залевская выделяет в слове два вида значения: общесистемное и психологическое. «Первое включает знания, разделяется (по договоренности) всеми носителями того или иного языка (культуры), согласуется с дефинициями толковых словарей и обеспечивает взаимопонимание людей в процессе коммуникации. Второе является результатом процесса соотношение общесистемного значения с индивидуальным образом мира, то есть понимание значения слова, установление его «для себя» [6, с. 40]. Еще А.А. Потебня, рассматривая лексическое значение слова, выделил два типа: дальнейшее (словарное) и ближайшее (данное носителем языка) значения. Эта теория получила развитие в рамках современной психолингвистики в работах И.А. Стернина, где различаются лексикографическое и психологически реальное значение слова [18, с. 171-172]. Не вызывает сомнений тот факт, что ближайшее (по А.А. Потебне), психологически реальное (по И.А. Стернину) или психологическое (по А.А. Залевской) значение не совпадает со словарной дефиницией, и, если слово активно используется, вероятно, что трактовка, данная носителями языка, будет шире лексикографической. Но можем ли мы в этом случае говорить о значении или речь идет уже о смысле? Предположим, что общий компонент определений слова, полученных от носителей языка еще можно рассматривать как значения (и то не всегда), но индивидуальные и оригинальные варианты толкований правильнее интерпретировать как смыслы. Таким образом, собственно значением является только дальнейшее, лексикографическое. А ближайшее, психологически реальное значение, скорее всего, является результатом взаимодействия читательской сознания со словарным значением и контекстом, и в этом смысле является, по сути, смыслом. Похожего определения смысл-

ла придерживается также В.Ю. Новикова, ссылаясь на работы Н.Ф. Алефиренко [14]. Смысл как актуализированное значение рассматривает также авторитетный специалист по коммуникативной лингвистике, Ф.С. Бацевич [3, с. 77]. Подобной позиции придерживается и А.И. Новиков, считая значение средством актуализации смысла в определенном высказывании [12, с. 137], мотивируя свое мнение тем, что значение той или иной единицы является элементом языковой системы, тогда как конкретный смысл- это явление речи; что ситуативная обусловленность, противопоставление смысла значению осуществляется как противопоставление конкретно ситуативного (прагматического) содержания сообщения его абстрактному языковому содержанию [12, с. 137]. Н.М. Нестерова выделила следующие отличительные признаки значения и смысла [10, с. 7-8]:

- смысл субъективен, тогда как значение объективно;
- смысл не бывает заданным, он всегда выстраивается, тогда, как значение задается знаком / текстом;
- смысл изменчив, нестабилен, тогда как значение стабильно.

В процессе анализа текста утверждение об объективности и стабильности значения кажутся сомнительными (хотя такая точка зрения достаточно распространена благодаря работам В.П. Белянина, В.Ю. Новиковой и др.). Безусловно, значение стабильнее, чем смысл, но тоже изменчиво (в зависимости от сочетания значений слов в тексте). Мнения относительно субъективности значения придерживается А.В. Колмогорова, мотивируя свою позицию следующим образом: языковое значение субъективно, поскольку является структурой знаний, которая формируется в сознании представителей определенного национально-лингвокультурного сообщества [7]. О субъективности значения свидетельствует также И.А. Бубнова, которая подчеркивает его способность отражать смыслы слова для личности [5, с. 8]. Между тем слабым местом предлагаемых аргументаций является нечеткая дифференцированность смысла и значения.

Подводя итоги, отметим, что в лингвистическом аспекте дифференциирующими признаками значения выступают тесная связь со знаком / текстом, общность компонентов ближайшего или психологически реального значения, совпадающие элементы контекстных дефиниций. Как смысл предлагаем рассматривать все то

новое, индивидуальное и оригинальное, что привносит в текст конкретный читатель.

Достижениями современных теорий смысла и значения считаем, во-первых, выделение свойства доминантности смысла, «доминантность представлена ключевыми словами, смысловыми вехами, опорными пунктами, которые создают своеобразный "рельеф" семантического пространства» [17, с. 235]; во-вторых, вывод, что, чем выше уровень единиц (предложение, текст, дискурс), тем более значимым становится смысловой компонент в их семантической сфере [15]; и, в-третьих, установление несоответствия смыслов адресата и адресанта как причины коммуникативных девиаций [3, с. 79].

Итак, современные теории смысла и значения позволяют существенно углубить концепцию понимания текста через выделение в семантической структуре общих компонентов определений и индивидуальных и оригинальных вариантов толкований. Такое различие семантики объясняет вариативность интерпретаций, что проливает свет на проблему понятности.

Понятность (доступность) тесно связана с вариативностью интерпретации: однозначные тексты понять проще, чем те, которые допускают варианты толкования. В свою очередь вариативность толкования свойственна не всем текстам, а лишь тем, в состав которых входят девиантные (т.е. провоцирующие коммуникативные девиации) речевые единицы. Механизм возникновения таких единиц лежит в сфере корреляции значения и смысла.

– Если в некотором контексте реализуется только одно значение и один смысл лексической единицы, то такую единицу нельзя считать девиантной, ее понимание не вызывает сложностей. Например: «*Торги на фондовом рынке РФ завершились без определенной динамики*» [РосБизнесКонсалтинг от 24.04.2012].

– Если в некотором контексте реализуется несколько значений и смыслов лексической единицы, то мы рассматриваем ее как избыточную девиантную речевую единицу. Например: «*Дети кукурузы*» [РосБизнесКонсалтинг от 3.08.12]. Слово «дети» согласно толковому словарю имеет 4 значения: «1. Мальчики и (или) девочки до 14-16 лет. 2. Сыновья или дочери независимо от возраста. 3. О наивных, неопытных людях. 4. О людях, являющихся характерными представителями какой-либо среды, эпохи и т.п.», тесно

связанных с кем, чем-либо» [4, с. 255]. Сочетание этих значений со значением слова «кукуруза» создает различные варианты интерпретаций. Сжатость текста не позволяет отбросить лишние варианты, лишь обращение к гиперссылке может создать достаточный для однозначного понимания контекст.

– Если в некотором контексте реализуется одно значение, которое не ассоциирует смыслов или лексическая единица со стертым или неизвестным значением, то такую единицу различаем как недостаточную девиантную речевую единицу. Например: «**ФАС РФ разрешила ТГК-9 купить ТГК-6 при соблюдении предписания**» [РосБизнесКонсалтинг от 20.07.2012]. Аббревиатура «ФАС» имеет несколько омонимов, а аббревиатуры «ТГК-9» и «ТГК-6» малоизвестны, их значения не зафиксированы в словарях.

– Если в некотором контексте реализуется одно или несколько значений, которые противоречат ассоциированным ими смыслам, то такую единицу определяем как несочетаемую девиантную речевую единицу. Например: «*Валюты: Бивалютная корзина ослабила хватку*» [РосБизнесКонсалтинг от 30.07.2012]. С одной стороны такое сочетание позволяет упростить и менее критично подать информацию, с другой – ощутима определенная стилистическая несовместимость [2].

Вариативности интерпретации интернет-коммуникации способствует специфика языка интернета (вариативность, гибридность, креолизованность (или мультимедийность), использование эмотиконов и специфических сокращений, высокая степень проницаемости, коллективное соавторство и соредактура текста, легкость обновления содержания текста, насыщенность неологизмами, несоблюдение языковых норм, неограниченность в выборе языковых средств, склонность к языковой игре, фрагментарность, функционирование особого речевого этикета, презентативный характер [1]) и новостных сайтов (гипертекстовость, интерактивность, мультимедийность, непоследовательность цензуры, оперативность, персонализация, прерывистость [2]).

Предложенная теория была проверена в результате эксперимента, в ходе которого мы попросили 450 студентов оценить степень сложности для понимания следующих текстов с сайтов новостей (от 1 до 5: 1 – «совершенно непонятно», а 5 – «понятно без вариантов»). Оцените объективность передачи информации (О –

объективно, СК – субъективно критически, СС – субъективно одобрительно):

A. Укооспілка розпочала ребрендінг	1 2 3 4 5	O	СК	СС
B. НГ: «Смерчі» за східною ціною	1 2 3 4 5	O	СК	СС
C. Моя сім'я та інші наркотики	1 2 3 4 5	O	СК	СС
D. Підозрювану у вбивстві 14-річного / сина відправили у психлікарню	1 2 3 4 5	O	СК	СС
E. ФАС РФ разрешила ТГК-9 купить ТГК-6 при соблюдении предписания	1 2 3 4 5	O	СК	СС
F. Дети кукурузы	1 2 3 4 5	O	СК	СС
G. Валюты: Бивалютная корзина ослабила хватку	1 2 3 4 5	O	СК	СС
H. За что он их так не любит	1 2 3 4 5	O	СК	СС
I. Гагаринское движение	1 2 3 4 5	O	СК	СС
J. Оплеуха для КГБ	1 2 3 4 5	O	СК	СС
K. Торги на фондовом рынке РФ завершились без определенной динамики	1 2 3 4 5	O	СК	СС

2. Какие слова и выражения, по Вашему мнению, усложняют понимание этих текстов? (подчеркните их в предыдущем задании)

По результатам эксперимента было установлено:

1) девиантные речевые единицы усложняют понимание текста для 81 % читательской аудитории. Наиболее сложными кажутся тексты с недостаточными девиантными речевыми единицами (их уровень сложности в среднем оценивают в 2,5), тексты с избыточными и несочетаемыми девиантными речевыми единицами воспринимаются проще (их уровень сложности в среднем оценивают в 2,8 и 2,9 соответственно);

2) адекватно объяснить такие тексты удается в среднем лишь 1 % реципиентов (при этом чаще всего адекватно интерпретируют именно тексты с недостаточными единицами (2%), реже – с несочетаемыми (1%), еще реже – с избыточными (0,5%));

- 3) при восприятии девиантного текста более понятными кажутся неполные предложения;
- 4) тексты с девиантным речевыми единицами в основном побуждают читателя к стратегии языкового скепсиса и отыскания в них прямой или скрытой оценки (от 9 до 60 % читателей);
- 5) функционирование девиантных речевых единиц затрудняет восприятие смысла в 81% случаев, а восприятие оценки – только в 65%;
- 6) в целом группа реципиентов способна обнаружить почти все девиантные единицы в текстах, однако возможности отдельной личности ограничены, один человек в среднем отмечает менее четверти девиаций (21%).

В перспективе хотелось бы провести международное исследование с привлечением респондентов из России и Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акімова Н.В. Вплив специфіки мови інтернету на появу недостатніх для однозначного розуміння мовленнєвих одиниць (на прикладі текстів українських сайтів новин) / Н. В. Акімова // Нова філологія. Збірник наукових праць. – Запоріжжя: ЗНУ, 2013. – № 56. – С. 157-159.
2. Акімова Н.В. Специфіка варіативного сприйняття текстів сайтів новин / Н. В. Акімова // Наукові записки. Серія: Філологічні науки (мовознавство). – Кіровоград : РВЦ КДПУ ім. В. Винниченка, 2013. – Випуск 117. – С. 353–356.
3. Бацевич Ф.С. Пролегомены к теории коммуникативного смысла. // Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 49, Т. 1. – С. 77–79.
4. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2009.
5. Бубнова И.А. Структура субъективного значения слова (психолингвистический аспект): автореф. на соискание уч. степени доктора филологических наук: спец. 10.02.19 – «Теория языка». – Москва, 2008.
6. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М.: Российск. гос. ун-т, 1999.
7. Колмогорова А.В. Языковое значение и речевой смысл (функционально-семиологическое исследование прилагательных – обозначений светлого и тёмного в современных русском и французском языках). – Краснодар: КубГУ, 2010.

ках: дис. на соискание уч. степени доктора филологических наук: спец. 10. 02. 19 – «Теория языка». – Иркутск, 2006.

8. Леонтьев Д.А. Психология смысла. Природа, строение и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 2003.

9. Матюшина І.І. Комунікативна природа смислу: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філос. наук: спец. 09.00.02 «Діалектика та методологія пізнання». – Одеса, 2007.

10. Нестерова Н.М. Психолингвистика текста, или есть ли смысл в тексте? // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 9. – С. 213–219.

11. Новиков А.И. Доминантность и транспозиция в процессе осмысливания текста. // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики. – 2001. – С. 155–180.

12. Новиков А.И. Смысл: семь диахотомических признаков. // Теория и практика речевых исследований. – М.: МГУ, 1999. – С. 132–144.

13. Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты. – М.: «Азбуковник», 2007.

14. Новикова В.Ю. Интерпретация терминов «смысл» и «значение» на фоне проблемы понимания абсурдного текста [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fege.narod.ru/librarium/novikova2.htm>

15. Рамачандран В.С. Мозг рассказывает. Что делает нас людьми / Вилейанур Рамачандран; пер. с англ. Е.Чепель / Под научной редакцией к.психол.н. К.Шипковой. – М.: Карьера Пресс, 2012. – 422 с.

16. РосБизнесКонсалтинг – новости, акции, курсы валют, погода, доллар, евро [Электронный ресурс] – Режим доступу : <http://www.rbc.ru/>

17. Серова Т.С. Осмысливание, понимание и фиксация информации исходного текста как программы предметного содержания и смыслового развития вторичного текста письменного перевода. // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 9. – С. 231–241.

18. Стернин И.А. Значение в языковом сознании: специфика описания. // Вопросы психолингвистики. – 2006. – № 4. – С. 171–179.

19. Якобони М. Отражаясь в людях : Почему мы понимаем друг друга, пер. с англ. Л. Мотылев. – М. : ООО «Юнайтед Пресс», 2011.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВФЕМИЯ – НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

И.Ф. Беляева

*Московский государственный областной университет
ул. Радио, 10а, Москва, Россия, 105005*

В работе рассматриваются особенности функционирования эвфемической номинации в политическом дискурсе, в частности, на базе открытых материалов Интернет-ресурсов, Youtube и ряде других, также рассматриваются особенности эвфемической коммуникации, отношение эвфемизмов как к языковой норме, так и ее отклонениям.

Ключевые слова: эвфемия, политический дискурс, политкорректность, языковая норма.

NEW TRENDS OF POLITICAL EUPHEMIA

I.F. Belyaeva

*Moscow State Regional University
Radio str., 10, Moscow, Russia, 105050*

The article is devoted to some features of euphemic nominations in political discourse on the basis of open materials of Internet-resources, Youtube and some others. Special features of euphemic communications, relation euphemism to language norm, and its deviations such as slang and the phenomenon of political correctness also are examined.

Key words: euphemism, political discourse, political correctness, language norm.

Эвфемия как языковое явление изучается в рамках разных лингвистических дисциплин таких как лингвостилистика, семантика, лексикология, в последнее время ею занимаются социолингвистика и лингвопрагматика, при этом исследователи описывают и структурируют те аспекты этого явления, которые им интересны в рамках конкретных дисциплин. Однако функциональный аспект эвфемии изучен намного меньше, и он наиболее наглядно проявляется именно в текстах публицистического и политического дискурса, реализованных в средствах массовой информации.

Эвфемизмы в политическом дискурсе российских политиков появляются в том случае, когда прямое обозначение объекта, действия, свойства, по мнению говорящего, может вызвать нежелательный эффект или негативную реакцию массового адресата.

Следует сразу обратить внимание на тот факт, что, в отличие от американских политиков, представители российских властей чаще употребляют эвфемизмы, высказываясь по внутриполитическим вопросам. Наиболее часто эвфемизация касается таких топиков политического дискурса, как внутренняя экономика, вопросы миграции и радикальные оппозиционные противостояния. Например:

«Изменение реальной заработной платы в процентах – плюс 5,5 процента, реальной заработной платы, не номинальной, а реальной, за вычетом инфляции» [президент РФ В. Путин на пресс-конференции 19 декабря 2013г.]. Эвфемизация происходит за счет наводнения речи президента специальными терминами, в то время как политик знал, что речь обращена к простым гражданам, в экономических терминах не сведущим. Никому при этом в голову не приходит разбираться, где действительно должно происходить повышение зарплаты (в реальном или номинальном случае). Одно только слово «плюс» уже дает положительный эффект.

Использование экономической терминологии с положительной коннотацией становится, по-видимому, нормой при общении политиков с массовым слушателем. *«У нас торговля с профицитом будет в этом году со значительным сальдо торгового баланса – 146,8 миллиарда долларов»* [Президент РФ В. Путин на пресс-конференции 19 декабря 2013г.]. На самом деле, сальдо торгового баланса увеличилось, а вот положительное сальдо текущих операций упало вдвое, о чем Президент умолчал. Очевидна попытка формирования позитивного экономического ожидания у населения через сложные экономические термины, на первый взгляд указывающие на прирост.

Премьер-министр РФ Д. Медведев: *«Экспортеры сырья в краткосрочной перспективе выигрывают; доступ к долгосрочным и относительно дешевым финансовым ресурсам без страхового гарантийного сопровождения»* [Выступление на заседании Правительства РФ, 2014].

Министр финансов РФ А. Силуанов: *дефицит бюджета составляет; обеспечить стабильность финансовой системы; оказание финансовой помощи; то, что у нас произошло с динамикой курса рубля (падение курса); связано со снижением темпов экономического роста; драйвером роста выступают страны с развитой экономикой; необходимость ослабления курса валют; и т.д.* [Интервью газете АИФ-Москва от 23.02.2014].

В вопросах миграционной политики государственные лица, как правило, заменяют синонимами и синонимическими конструкциями такие слова как «мигрант», действия, которые осуществляют мигранты и действия, которые следует предпринять в их отношении:

– это касается *иностранных граждан, соискателей работы у нас; граждане стран СНГ; учитывать интересы людей, приезжающих работать в Россию; они вносят определенный вклад в развитие нашей экономики; мы отталкиваем от себя бывшие республики Советского Союза; правоохранительные органы соответствующим образом должны реагировать* [президент РФ В. Путин на пресс-конференции 19 декабря 2013г.];

– *национализм – это «плохо» и «аморально». «А в нашей стране – вообще «убийственно»; нам нужны дополнительные трудовые ресурсы; т.е., кто занимается менее квалифицированным трудом* [Премьер-министр России Дмитрий Медведев в ежегодном интервью телеканалам, 06.12.2013];

– *беспорядки на плодово-овощной базе; необходимость системных мер; вступил в силу новый закон о регистрации граждан...это основа для дальнейших профилактических действий по уменьшению преступности; снижение экстремистских идей, распространение радикальной идеологии* [Видеообращение мэра Москвы С. Собянина, 24.01.2014];

– *развязали конфликт на национальной почве; слияние коррумпированных полицейских и местной власти с криминалитетом* [интервью С. Миронова телеканалу «24 Мир», 16.10.2013];

Еще одна острые внутриполитическая тема в новейшей истории России – это так называемые радикальные оппозиционные движения. В выступлениях официальной власти в их адрес также присутствуют эвфемические конструкции, что, как можно предпо-

ложить, позволяет не обострять и так непростую ситуацию в обществе.

«Для нашего общества опасность заключается в том, что если мы позволим кому бы то ни было так обращаться с *сотрудниками правоохранительных органов*, то тогда – а сейчас об этом в основном говорят представители *так называемого либерального спектра* нашего общества – несложно представить ситуацию, когда выйдут на улицу *представители других политических групп*, скажем, националисты, и начнут молотить вот эту *либеральную интеллигенцию* [комментарий президента РФ В. Путина, Интернет-издание Bigmir.net, 19.12.2013]». «Вопрос не в том, чтобы критиковать кого-то, а вопрос – *оградить* нас от достаточно *агрессивного поведения некоторых социальных групп*, которые, на мой взгляд, не просто живут, как им хочется, а достаточно агрессивно навязывают свою точку зрения другим людям и в других странах [заявление президента РФ В. Путина, интернет-издание ExpertOnline, 19.12.2013]»; «*представители так называемого либерального спектра нашего общества* [комментарий президента РФ В. Путина, Интернет-издание Bigmir.net, 19.12.2013]».

В.В. Путин избегает называть эти группы «радикальной оппозицией» (как их охарактеризовали СМИ), подавая информацию в правовом ключе, т.е. не обвиняя никого преждевременно, не навшивая ярлыки и не агитируя людей словом «радикальный». Апеллировать к букве закона, кстати говоря, характерная черта президентского дискурса: «Поэтому давайте мы, всё-таки, перенесём обсуждение этой темы из эмоциональной сферы, из эмоционально-политической на юридическую площадку».

В речи некоторых других политиков по этому вопросу встречаются такие эвфемистические конструкции: *инциденты с массовым задержанием людей; участники несанкционированной акции; массовые беспорядки; левый фронт*.

Таким образом, как видно из приведенных примеров, эвфемизация используется во внутриполитическом дискурсе для сглаживания наиболее злободневных для общества тем. Поскольку эти темы и так являются острыми и провокационными в глазах общественности, то, соответственно, с целью не допустить массовых волнений, ажиотажа, общественной паники политик «вынужден»

преподносить информацию иносказательно, чтобы «смягчить удар».

Если говорить о внешнеполитическом дискурсе то, как и в случае с США, наиболее «злободневной» темой является тема военных действий/конфликтов.

Начало 2014 года ознаменовано крайне сложным политическим процессом на Украине. Мировое сообщество с тревогой наблюдает за противостоянием главных политических оппонентов – России и США – по этому вопросу. Президент России В.В. Путин высказался о возможности введения российских войск на территорию Украины с целью «обеспечения безопасности российских граждан, проживающих в Крымской автономии и приграничных областях Российской Федерации». Проанализируем высказывания некоторых политических деятелей на наличие эвфемистических замен в рамках указанного дискурсивного топика.

Глава Совета Федерации В.И. Матвиенко: «Мы должны обеспечить безопасность людей на границах государств. Россия готова поддержать наших соотечественников в Крыму [Интернет-издание LifeNews, 01.03.2014]». Из этого сообщения не совсем понятно, о какой опасности для российских граждан идет речь, и какого рода поддержку Россия окажет Крыму. Подобные размытые формулировки мы находим и у других представителей Совета Федерации:

«Люди, которые действовали в Киеве, хотят распространить влияние на востоке Украины; люди в Крыму просят помощи у президента России [зампред Совета Федерации Юрий Воробьев на заседании Совета Федерации 01.03.2014]».

«Мы обязаны защитить Крым. Мы не должны отдавать на поругание Крым [член Комитета Совета Федерации Николай Рыжков на заседании Совета Федерации 01.03.2014]».

Помощь, защита в данном политическом контексте – это субститут военных сил, проведения военной операции.

В телефонном разговоре Президента РФ В.В. Путина и президента США Б. Обамы Владимир Путин «привлек внимание к провокационным, преступным действиям ультранационалистических элементов, по сути поощряемых нынешними властями в Киеве», – сообщается на сайте президента РФ.

Д. Медведев: «Украина для нас – это не *группа людей, которая*, пролив кровь на Майдане, *захватила власть* (имеется в виду новое самоназначенное правительство Украины); он (Янукович) – *легитимный глава государства* (законный); если он виноват перед Украиной – проведите процедуру *импичмента* (судебное обвинение главы государства); обо всем этом вчера было сказано *новоявленным украинским правителям*; мне кажется, что это какая-то *аберрация сознания*, когда *легитимным называется то, что по своей сути является результатом вооружённого мятежа* [Интернет-издание «Гордон», 02.03.2014].

Лидер КПРФ Геннадий Зюганов: совершенно разумные предложения и Совета Федерации, и руководства Госдумы, и все поддерживают *миролюбивую политику, которая гарантирует* в Крыму и в целом нашим соотечественникам личную *безопасность* [РиоНовости, 01.03.2014]. Миролюбивой политикой лидер коммунистической партии называет присутствие российских военно-служащих на территории Крыма.

Лидер ЛДПР Владимир Жириновский: русской армии там нет, а есть *ополчение, силы самообороны* и право на восстание – если Запад признал; будут грозить нам, что Америка *введет санкции* против нас [Интернет-издание КорреспонденТ.net, 03.03.2014];

МИД России: считаем *неприемлемыми* угрозы в адрес России; именно США и их союзники закрывали глаза на бесчинства боевиков Майдана; *объективно оценить обстановку*, которая продолжает *деградировать* после силового захвата власти в Киеве радикал-экстремистами [официальный сайт МИД РФ, Электронный ресурс].

Такое количество примеров объясняется тем, что высказывания в рамках рассматриваемого политического топика связано не столько напрямую с заменами военной лексики, сколько с тем, что они (высказывания) всегда сопряжены со смертью солдат/ мирного населения, с выполнением дипломатического протокола и различных военно-политических соглашений, а, кроме того, со сверх pragматическим геополитическим постулатом РФ – защищать целостность своих территорий и не допустить захвата стратегически важных земель (приграничных и обладающих ресурсами). Другими словами, можно сделать вывод о том, что употребление эвфемизмов в российском политическом дискурсе, равно как и в

американском, наиболее частотно в рамках экономического и военно-дипломатического топиков.

Однако, несмотря на то, что в исследуемых политических дискурсах совпадают тематические сферы реализации эвфемии, российский политический дискурс обладает некоторыми своеобразными чертами.

Во-первых, нельзя сказать, что эвфемизмы, встречающиеся в перформативах русскоязычных политиков, реализуются в большей степени в агональных жанрах, нежели в информативно-перформативных. Мы находим примеры в равной степени и в том и в другом случае.

Во-вторых, учитывая особую российскую ментальность, субъекты политики стремятся реализовать аспект так называемого «мы-дискурса», прагматически направленного на сближение с народом.

Кроме того, несмотря на явные отличия речевого поведения одного политического субъекта от речевого поведения другого, мы должны учитывать, что все российские политики реализуют в своих выступлениях базовую концепцию речевого поведения главы государства. Другими словами, в той или иной степени, большинство политических деятелей перенимает основные речевые «привычки/особенности» президента.

Стратегически В.В. Путин как политический субъект предстает в качестве сильного и жесткого политика, способного обеспечить порядок. Исходя из этой прагматической установки, его речь часто характеризуется как жесткая, прямолинейная, даже маркированная лексическими единицами разговорного стиля: этот кодекс уже почил в бозе; и получить с них *вспомоществование*; это *стопроцентно*, к бабке ходить не нужно, спрашивать; никто же ни *фига* не читает; так кричат те, кто сами чего-то *спёрли*; Что значит «закрыли»? Мы с Вами на *феню* перешли, что ли? [Пресс-конференция В. Путина 19 декабря 2013г.]

Конечно, мы должны понимать, что подобное речевое поведение согласуется с базовой прагматической установкой поведения президента. Поэтому, речь Путина чаще насыщена метафорическими переносами со значением эвфемизации, т.е. со значением улучшения денотата: на то и щука в реке, чтобы карась не дремал; боишься – не делай, делаешь – не бойся; Россия может подняться с

колен и как следует огреть; Как только разрешение получат – все будут летать на метле и на кастрюле; Утащить с хозяйствкой кухни вкусненький кусочек технологий; и т.д.

Подобных примеров в политическом дискурсе президента так много, что они даже получили название «путинизмы» – острые, меткие, шутливые публичные высказывания Президента России В.В. Путина по самым разным вопросам [Сухоцкий, Русская служба BBC, 2004]. Путинизмы, как и другие особенности речи президента, направлены, главным образом, на удержание образа сильной личности.

Таким образом, в ситуации политического дискурса лингвопрагматическое использование эвфемизмов нацелено на формирование заранее заданного эмоционально-оценочного отношения к происходящему событию, в аналитических текстах использование эвфемизмов направлено на выражение субъективных оценок адресанта с целью убеждения адресата в их правильности и обоснованности; политически корректные эвфемизмы и эвфемизмы типа “doublespeak” реализуются в ситуации дипломатического и военного конфликта. Нередко эвфемизмы отражают речевые особенности языка политика.

Таким образом, проанализировав некоторые примеры политических выступлений на материале русского языка, можно сделать вывод, что явление эвфемии чаще всего встречается в тех случаях, когда предпринимаются попытки сформировать общественное мнение о позитивных экономических ожиданиях и в ситуациях военных и дипломатических конфликтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойко Т.В. Эвфемия и дисфемия в газетном тексте. Дис.... канд. филол. наук. –СПб., 2005.
2. Порохницкая Л.В. Концептуальные основания эвфемии в языке. Автореф. дисс... доктора филол. наук. – М., 2014.

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОРПУС РУССКОГО ЯЗЫКА
КАК ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА
ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ФОНОВЫХ
ЗНАНИЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ**

Н.В. Бубнова

*Военная академия войсковой противовоздушной обороны
Вооружённых Сил Российской Федерации
имени Маршала Советского Союза А. М. Васильевского
ул. Котовского, 2. Смоленск, Россия, 214027*

В работе рассматриваются возможности использования материалов Национального корпуса русского языка (НКРЯ) при обучении носителей языка и инофонов. На основе анализа выявленных 1790 «смоленских контекстов» в НКРЯ смоделирован текст, который может быть использован в практике преподавания.

Ключевые слова: имя собственное, корпусная лингвистика, фоновые знания, языковая личность.

**NATIONAL CORPUS OF RUSSIAN LANGUAGE
HOW INFORMATION SYSTEM FOR FORMING
ONOMASTIC BACKGROUND KNOWLEDGE
OF LANGUAGE PERSONALITY**

N.V. Bubnova

*Military Academy of Air Defense of the Russian Federation
n.a. A.M. Vasilevskiy, the USSR Marshal
Kotovskogo str., 2, Smolensk, Russia, 214027*

In this paper we consider the possibility of using materials of the National corpus of the Russian language (RNC) in the training speakers and inofons. Based on its analysis of the 1790 «Smolensk contexts» in RNC modeled text that can be used in the practice of teaching.

Keywords: proper name, corpus linguistic, background knowledge, language personality.

Одним из популярных направлений современной науки о языке является корпусная лингвистика, которая, по замечанию ис-

следователей, «переживает своего рода «бум»» [1, с. 2]. Действительно, национальные корпусы текстов созданы в Англии, Германии, Франции, Голландии, Японии, Румынии, Индии, Чехии и ряде других стран. Национальный корпус русского языка (далее НКРЯ) стал общедоступным в сети Интернет 29 апреля 2004 года. По мнению одного из разработчиков НКРЯ В.А. Плунгяна, если вопросы по поводу будущего русского языка задавать именно лингвистам, то «с большой вероятностью в их ответах сразу прозвучит слово «корпус»» [8, с. 6].

В настоящей работе вслед за В.П. Захаровым под корпусом мы понимаем «большой, представленный в электронном виде, унифицированный, структурированный, размеченный, филологически компетентный массив языковых данных, предназначенный для решения конкретных лингвистических задач» [3, с. 23]. Как показывает анализ уже имеющегося массива работ на базе НКРЯ [5; 7; 10 и мн. др.], эти задачи могут быть весьма разнообразными. При этом все исследования, одним из которых является и настоящая работа, в числе прочих решают общую задачу проверки эффективности корпуса как инструмента и источника материала.

Особым направлением исследования материалов НКРЯ является выявление возможностей их практического применения. В.А. Плунгян отмечает: «Обучение языку с помощью корпуса – огромная область современной лингвистики <...>. Все знают, что есть две вещи, нужные, чтобы овладеть языком, это словарь и грамматика <...>. Теперь для овладения языком человеку нужны не две, а три вещи: словарь, грамматика и корпус текстов данного языка. Потому что и словарь, и грамматика, в общем-то, бесполезны вне этого живого пространства, где язык, собственно, и функционирует» [9]. Отдельно следует отметить возможности использования материалов НКРЯ в методике преподавания русского языка как иностранного (далее РКИ) с целью совершенствования межкультурной коммуникации иностранца в иноязычной языковой среде. Практическую пользу НКРЯ для иностранца В.А. Плунгян характеризует следующим образом: «Его языковое сознание – не русское. И он в высшей степени нуждается в инструменте, открывающем ему максимально широкий (и максимально комфортный) доступ в мир русского языка. Ничего лучше Корпуса современная наука в этом случае предложить не может. Именно в корпусе преподаватель и студент могут

найти ответы на многие интересующие их вопросы – причём такие ответы, которые и носитель не сразу догадается предложить. Поэтому не случайна высокая популярность корпусов в иноязычной среде» [8, с. 16]. Неслучайно то, что электронные корпуса русского языка начали появляться не в России, а в Европе: Уппсальский корпус русского языка, созданный в Швеции, в настоящее время хранится на сервере Тюбингенского университета в Германии; интересные разработки по русской корпусной лингвистике ведутся в Финляндии [там же, с. 16].

В настоящей работе рассмотрим возможности использования материалов НКРЯ с целью формирования ономастических фоновых знаний языковой личности носителей языка и инофонов (так принято называть языковую личность, попавшую в иноязычную языковую среду). Актуальность исследования именно ономастического материала НКРЯ обусловлена тем, что, по замечанию основоположников корпусной лингвистики, «особенно насущной становится необходимость в Национальном корпусе в условиях, когда российское общество ищет опору в решении проблемы идентичности, что невозможно вне контекста языка – фундамента любой культуры» [1, с. 3]. Имя собственное, обладающее высшей степенью лингвокультурологической ценности, является одним из главных языковых идентификаторов национальной культуры.

Представленность конкретной анализируемой лексемы (в частности, онима) в НКРЯ в контексте позволяет выявить связанные с данным онимом фоновые знания, под которыми мы вслед за Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым понимаем «сумму сведений, изначально присущих членам данного языкового коллектива на определённом этапе его развития» [2, с.41]. Традиционно в структуре фоновых знаний выделяют три уровня лингвокультурологической ценности: общечеловеческий, региональный (например, для Центральной Европы) и страноведческий. Однако такая классификация, по замечанию Н.А. Максимчук, не может быть механически перенесена для описания фоновых знаний, заключённых в содержании имён собственных. Применительно к онимам уместно выделять следующие уровни: общечеловеческий, общеноциональный и региональный / краеведческий [6, с.110]. Данная работа посвящена описанию заглавного регионального онима **Смоленск** в составе об-

щенациональных фоновых знаний, отражённых в НКРЯ: нами было выявлено и проанализировано 1790 контекстов с ономом **Смоленск**.

Для того чтобы определить особенности фоновых знаний, связанных с ономом **Смоленск** в НКРЯ, обратимся к тематической классификации анализируемого материала. На основе корпусных данных нами было получено 220 тематических групп, причём самой частотной (707 контекстов с лексемой **Смоленск**) оказалась группа, в которой тематика контекста не определена. Следовательно, собственно информативными являются 219 тематических групп, в числе которых 71 группа имеет в своём составе от 250 до 2 контекстов (всего 935 контекстов) и 148 контекстов представлены единично. Число контекстов, выделенных тематически в качестве самостоятельных, нам представляется неоправданно высоким, что значительно усложняет анализ материала. На наш взгляд, в данном случае вполне уместным является замечание С.А. Коваль о том, что «в корпусной лингвистике действует правило, напоминающее известное **«золотое правило»** механики (при выполнении работы всякий выигрыш в прикладываемой силе сопровождается проигрышем в пройденном расстоянии). В корпусной лингвистике всякий выигрыш в усилиях при разметке корпуса сопровождается проигрышем в усилиях, прикладываемых при использовании этого корпуса» [4, с.149–150]. Нами замечено: если объединить только единичные контексты в тематические группы по заголовочному слову и суммировать их с остальным числом групп, то общее количество групп сократится с 219 до 95, т.е. более чем в два раза. А если все тематические группы объединить хотя бы по общему заголовку, то их число сократится до 27, из которых 7 групп имеют в своём составе более 50 контекстов с лексемой **Смоленск**: «Наука и технологии», «Политика и общественная жизнь», «История», «Армия и вооружённые конфликты», «Искусство и культура», «Частная жизнь», «Администрация и управление».

Обратившись к непосредственному анализу контекстов с ономом **Смоленск**, мы выявили, что большинство из них так или иначе связаны с историей, в частности, с военной историей города. Мы обнаружили: если выбрать наиболее значимые контексты и выстроить их в определённой хронологической последовательности, можно получить вполне связный текст о судьбе Смоленска в истории Российского государства.

В качестве эпиграфа к тексту можно использовать слова М.Е. Салтыкова-Щедрина:

В России немного можно насчитать городов, которые могут поспорить с Смоленском своею знаменитостью. [М.Е. Салтыков-Щедрин. Литература на обеде (1868)].

Далее следует фрагмент, в котором представлены контексты, характеризующие начальные этапы истории города:

К самым древним городам, переступившим тысячелетний юбилей, относятся Белозерск, Муром, Смоленск, Ростов Великий, Владимир, Углич, Старая Ладога. [Съезд самых старых городов России (2002) // «Вечерняя Москва», 2002.08.08].

Смоленск существовал, когда еще не было и в помине Русского государства. [М.Е. Салтыков-Щедрин. Литература на обеде (1868)].

В X в. в пределах Киевского государства Срезневский насчитывал 21 большой город: Белоозеро, Витичев, Вручев, Вышгород, Изборск, Киев, Коростень, Ладога, Любеч, Муром, Новгород, Овруч, Переяславль, Пересечен, Погоцк, Псков, Родня, Смоленск, Туров, Червень, Чернигов. [Н. Г. Порфиридов. Древний Новгород. Очерки из истории русской культуры XI-XV вв. (1947)].

В XII веке Смоленск уже блистал классическим образованием, изучая греческий и латинский языки. [М.Е. Салтыков-Щедрин. Литература на обеде (1868)].

Издавна Смоленск был известен своей книжностью. Свидетельством этой книжности является, между прочим, как сказано выше, житие Авраамия Смоленского, составленное в первой половине XIII в. учеником Авраамия Ефремом. [Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. (XI-XV вв.) (1938)].

В следующем фрагменте определено значение Смоленска в истории Российского государства как города-воина, стражи, щита:

Смоленск называют воротами в Центральную Россию, мостом между западом и востоком нашей Родины. [Юрий Ценин. Дорогу осилил идущий // «Техника – молодёжи», 1977].

Смоленск – весь крепость, с бойницами на Днепр. [Надежда Замятин. Места Нестолиц. Где нельзя размещать столицу // «Октябрь», 2003].

Смоленск вечно горел в старину, вечно его осаждали... [И. А. Бунин. Жизнь Арсеньева. Юность (1927-1933)].

Далее мы расположили «смоленские контексты» в хронологической последовательности описанных в них событий: вхождение Смоленска в состав Литовского государства, отношения с Речью Посполитой, Отечественная война 1812 года и Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов. Учитывая необходимость соблюдения объёма публикации, в данной работе мы приведём примеры только одного этапа военной истории Смоленска – участия в Отечественной войне 1812 года, которое, по нашим наблюдениям, отражено в наибольшем количестве контекстов в НКРЯ по сравнению со всеми остальными событиями военной истории города. Например:

Если идея Отечественной войны «надстраивается» политическим мифом русского царства с неформальной столицей в Москве, то именно Смоленску суждена роль «ключей от Москвы», – по счастливому и проницательному замечанию Кутузова) [Александр Архангельский. Александр I (2000)].

Путь Наполеона к Москве – от Смоленска до Вязьмы и до Можайска. [В. Г. Лидин. Волхвы (1927)].

«Враги быстро близятся; прощай, Смоленск и Россия... [Г.П. Данилевский. Сожженная Москва (1885)].

Наполеон, имея около 180 тыс. человек и 356 орудий, пытался войти в тыл русским войскам, овладеть Смоленском и отрезать русские армии от Москвы. [Героические страницы русской истории (2004) // «Жизнь национальностей», 2004.06.16].

Хвала тебе, герой бессмертный! Полк наш расположился у стен Смоленска. Первая армия была близ города, на той стороне Днепра. [Н.И. Андреев. Воспоминания офицера 50-го егерского полка (1844) // «Русский архив», 1879].

По утру стали на позицию на горе на берегу Днепра, равняясь почти с крепостью, форшиадт у нас остался в левой руке. Августа 5 под Смоленском сражение. Позиция наша была так, что вся крепость Смоленска была от нас за рекой. [А. К. Карпов. Записки (1831)].

...Августа 5 французы заняли Смоленск. Бонапарт все ожидал сражения с Кутузовым, а Кутузов отступал, желая заманить неприятеля подалее. [Д.Д. Благово. Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово (1877-1880)]. После упорного и кровопролитного сражения под Смоленском, бывшего 5 числа августа, наши войска стали отступать к

Доргобужу. [М. Н. Загоскин. Рославлев, или Русские в 1812 году (1830)].

6-го августа 1812 года, в сражении под **Смоленском**, Селенгинский полк был разбит полчищами Наполеона. [Н.Н. Каргопольцев. Майор А.Б. Камаев. Эпизод из жизни сибиряков в 1812 году (1882) // «Русская старина», 1883]. Августа 6-го французы заняли города **Смоленск**, Дорогобуж, Вязму... [Г.Г. Томилов, В.Г. Томилов. Памятная книга (1776-1863)].

8 августа писал он ко мне: «Сражение при **Смоленске** было кровопролитное и ужасное. [Н.И. Греч. Записки о моей жизни (1849-1856)].

9 **Смоленск** был оставлен. Говорили, что сам главнокомандующий предал его огню и что город являет собою груду развалин. [Ю.Н. Тынянов. Пушкин (1935-1943)].

11-го узнал я, что **Смоленск** взят, тотчас послал в Москву Порошкова, с ним уже подробно описывают, что точно наши были атакованы и **Смоленск** сожгли и потеряли. [Д.М. Волконский. Дневник. 1812-1814 гг. (1812-1813)].

В **Смоленске**, наконец, как ни не желал того Багратион, соединяются армии. [Л. Н. Толстой. Война и мир. Том третий (1867-1869)]. Багратион достиг цели: отныне соединению обеих армий под **Смоленском** враг не мог помешать. [Ю.Н. Тынянов. Пушкин (1935-1943)].

Когда под **Смоленском** соединились наконец армии Барклай-де-Толли и Багратиона, многие надеялись, что здесь прегражден будет путь врагу. [Г.И. Чулков. Императоры: Psychological Portraits (1928)].

Москва была спокойна, пока наши армии, соединившиеся под **Смоленском**, пребывали в бездействии; обычавшие льстили себя надеждою, что кампания окончена. [Ф.В. Ростопчин. Записки о 1812 году (пер. И.И. Ореус) (1823)].

Но прошло еще время, и двенадцатого августа москвичи с ужасом узнали об оставлении русскими армиями **Смоленска**. [Г.П. Данилевский. Сожженная Москва (1885)].

Говорили, что государь уезжает потому, что армия в опасности, говорили, что **Смоленск** сдан, что у Наполеона миллион войска и что только чудо может спасти Россию. [Л.Н. Толстой. Война и мир. Том третий (1867-1869)].

Узнав о взятии **Смоленска**, государь прискакал обратно в Петербург, чтобы назначить искусного полководца, старика князя Кутузова, главнокомандующим над всеми действующими армиями. [Ф.Ф. Вигель. Записки (1850-1860)].

Кутузов повелел принять в свое командование вторую армию генералу Дохтурову: он геройски оборонял **Смоленск** от яростных атак Наполеона, после чего дохтуровский корпус в полном порядке соединился с главными силами. [С.Т. Григорьев. На Бородинском поле (1947)].

А, чай сколько голов легло под одним **Смоленском**? [М.Н. Загоскин. Рославлев, или Русские в 1812 году (1830)].

... Битва под **Смоленском** с 6000 убитых и 12 000 раненых у него, с ужасным пожаром. [В.В. Верещагин. Наполеон I в России в картинах В.В. Верещагина (1899)].

«В чудную августовскую ночь, – писал Наполеон, – **Смоленск** представлял французам зрелище, подобное тому, которое представлялось глазам жителей Неаполя во время извержения Везувия». [неизвестный. Смоленские торжества. «Многострадальный день» (1912.08.21) // «Русское слово», 1912].

В **Смоленске** ходили мы по разрушенным стенам крепости; я узнала то место близ кирпичных сараев, где мы так невыгодно были помещены и так беспорядочно ретировались. [Н.А. Дурова. Кавалерист-девица (1835)].

Русские участники великой битвы с жадностью впоследствии расспрашивали лиц из окружения Наполеона, и вот что им было сказано: «... в Витебске, в **Смоленске** видели уже его утомленным, нерешиительным, не узнавали прежнего Наполеона. [Е.В. Тарле. Бородино (1952)].

И **Смоленск** им не дешево достался, а в Москву войдут без выстрела! [М.Н. Загоскин. Рославлев, или Русские в 1812 году (1830)].

Что бы было, если бы впоследствии Наполеон, подойдя к Тарутину, атаковал бы русских хотя бы с одной десятой долей той энергии, с которой он атаковал в **Смоленске**? [Л.Н. Толстой. Война и мир. Том четвертый (1867-1869)].

Как видим, события Отечественной войны 1812 года на территории Смоленска представлены в Корпусе очень подробно: они фактически расписаны по дням (при том, что контексты взяты из разных текстов-источников). Более того, представлены характеристики происходившего в восприятии российскими и французскими

войсками, а также отражена оценка событий в общей истории Отечественной войны 1812 года. Следует отметить, что два контекста содержат ошибки в наименовании административных центров Смоленщины: Доргобуж (верное название – Дорогобуж), Вязма (Вязьма).

Наконец, последним в созданном нами тексте о Смоленске на материале НКРЯ может быть абзац о современном состоянии города – важного политического центра, «посредника между Россией и Западной Европой»:

Теперь Смоленск представлял совершенно иную картину – чистенького мирного города, разукрашенного национальными флагами с нарядной толпой, среди которой много женщины, разодетых по последней моде, в узких юбках, роскошных широких шляпах с модными японскими зонтами. [неизвестный. Смоленские торжества. «Многострадальный день» (1912.08.21) // «Русское слово», 1912].

Смоленск... Этот древний город радует приезжих роскошными парками и садами, открыточными видами памятников архитектуры и ужасает полным отсутствием проезжих дорог в сочетании с пересеченным рельефом. [Юлия Макеева. Смоленск // «Русский репортер», № 28 (156), 22-29 июля 2010, 2010].

Как одна из русских столиц будущего выглядит, к примеру, Смоленск, вечно пограничный город, удобный медиатор, посредник между Россией и Западной Европой. [Дмитрий Замятин. Метагеография русских столиц // «Октябрь», 2003].

Недавно был в Смоленске, который грозят сделать новой столицей объединенного РусоБелского государства. [Юрий Енцов. Пятая колонка (1997) // «Столица», 1997.06.10]. Смоленск – место для экспансионистской столицы с видом на Белоруссию, а если хорошее зрение – то и на Украину. [Надежда Замятин. Места Нестолиц. Где нельзя размещать столицу // «Октябрь», 2003].

Приведённые контексты показывают, что в НКРЯ достаточно полно и точно отражена история Смоленска. При анализе материала нами был выявлен только один контекст, содержащий фактическую ошибку: *6 мая 1966 г. Смоленску присвоено звание «Город-Герой». Севастополь. [Героические страницы русской истории (2004) // «Жизнь национальностей», 2004.06.16]* (на самом деле, почётное звание «Город-Герой» было присвоено

Смоленску 6 мая 1985 года) и два указанных выше контекста с неверным написанием собственных имён.

Сама возможность составления подобного текста является показателем того, что НКРЯ является достаточно представительным и достоверным (за исключением отдельных случаев) источником общенационального уровня для формирования фоновых знаний об истории Смоленска. Следует особо отметить возможность практического применения данного текста в преподавании. Учитель может представить обучающимся для восприятия и анализа уже готовый текст (подобный представленному выше) либо в сильных группах предложить самостоятельно найти в НКРЯ контексты, связанные со Смоленском и смоделировать собственный текст, учитывая хронологию описанных событий. Кроме того, данные сведения могут быть использованы при составлении лингвокраеведческих словарей, справочников и учебной литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вербицкая Л.А., Казанский Н.Н., Касевич В.Б. Некоторые проблемы создания национального корпуса русского языка // Научно-техническая информация. Серия 2, 2003, № 6. С. 2–8.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Русский язык, 1990.
3. Захаров В.П. Корпусная лингвистика. Учебно-методическое пособие. СПб.: СПбГУ, 2005.
4. Коваль С.А. О взаимоотношениях корпусной и фундаментальной лингвистики // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2004». СПб.: Изд-во СПбУ, 2004. С. 149–159.
5. Лапыгин М.А. Язык русских историков и его анализ с применением ресурса www.ruscorpora.ru // Педагогика, лингвистика и информационные технологии. В 2-х тт. – Елец: Изд-во ЕГУ им. И.А. Бунина, 2012. Т. 1. С. 171–175.
6. Максимчук Н.А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении. В 2-х ч. – Смоленск: Изд-во СГПУ, 2002. Часть 1.
7. Михайлов М.Н. *Липа и Веник*: к вопросу об аннотировании имён собственных в корпусе текстов // «Корпусная лингвистика – 2004». – СПб.: СПбУ, 2004. С. 256–269.

8. Плунгян В.А. Зачем нужен Национальный корпус русского языка? Неформальное введение // Национальный корпус русского языка: 2003 – 2005. – М.: Индрик, 2005. С. 6–20.
9. Плунгян В.А. Почему современная лингвистика должна быть лингвистикой корпусов. URL: <http://polit.ru/article/2009/10/23/corpus/> (дата обращения: 9.04.2014).
10. Семина О. Ю. Вторичные значения зоонимов русского и английского языков (на материале национальных корпусов). Дисс ... канд. филол. наук. Орёл, 2008.

СЕМИОТИКА ПОВТОРА В ВЫСТУПЛЕНИИ ПОЛИТИКОВ

Ю.В. Гимпельман

*Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6а. Москва, Россия, 117198*

Автор статьи выявляет и анализирует такие функции повтора, которые не лежат на поверхности: формирование благоприятного образа власти, изменение эмоциональной ноты беседы, создание иллюзии содержательности высказывания.

Ключевые слова: моделирование действительности, иллюзия содержательности, семиотика повтора.

SEMIOTICS OF REPETITION IN POLITICIANS` SPEECH

J.V. Gimpelman

*Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6a, Moscow, Russia, 117198*

The author discovers and analyzes such functions of repetition which are not obvious: the formation of a favorable image of power, emotional note's changing in conversation, creating the illusion of content-richness.

Keywords: modeling of reality, illusion of content-richness, semeiotics of repetition.

Там, где речь идет об осознанном моделировании действительности, будут наблюдаться повторы и лексические, и семантические, и конструктивные. Повторы, наблюдаемые в тех случаях,

когда автор проявляется бессознательно, обычно наименее очевидны.

Любая устная речь политика всегда осознанно воздействует на аудиторию. Это воздействие происходит, в том числе, при помощи приема повтора. Повтор позволяет привлечь внимание слушателей к мысли, осознаваемой говорящим как наиболее значимой, подчеркнуть основную тему, усилить значение отдельных элементов высказывания.

Но нам интересны другие функции повтора. Возможность их выявить позволила работа с жанром «иллюзорного» диалога. То есть такого диалога, который композиционно выглядит как диалог, а по сути является монологом. В таком жанре спрашивающий задает лишь тему беседы, а возможности переспросить нет. Это позволяет отвечающему сформулировать высказывание, в котором все смыслы становятся окончательными, так как потенциальная реплика на полученный ответ отсутствует.

Повтор дает возможность говорящему, стремящемуся уйти от прямого ответа на вопрос, создать ощущение глубокомысленности, придать низкосодержательному высказыванию эмоциональность, а также создать ощущение полноты ответа.

Мы привыкли к тому, что повтор фрагмента текста говорит о необходимости подчеркнуть содержательно важную часть речи. Но повторяют политики далеко не только то, что содержательно важно для спрашивающего, но и то, что бессознательно важно для самого политика. Тогда повторяющиеся фразы, не несущие тематической смысловой нагрузки, а находящиеся на периферии вопроса беседы, создают и закрепляют положительный образ власти. И в этом смысле могут оказаться значимыми даже вводные конструкции.

— «*Но если мы продолжим, а мы намерены продолжить все эти инвестиционные программы, то и здесь будет, абсолютно точно уверен, теперь уже абсолютно уверен, результат*» [3].

— «*Миша, я не сомневаюсь, во-первых, в том, что можно гордиться яблоками и другими продуктами сельского хозяйства, которые у нас производятся. И не сомневаюсь я в этом со знанием дела, потому что я знаю, что технологии у нас, может быть, не всегда такие эффективные, как на Западе, но они гораздо более щадящие в отношении здоровья потребителя, чем западные технологии*» [2].

– «Я полностью к Вам присоединяюсь, мы с вами абсолютные единомышленники <...> Повторяю еще раз, мы с вами единомышленники, и вместе обязательно эту проблему решим»[3].

Ощущение уверенности, надежности («я не сомневаюсь», «абсолютно уверен»), единомыслия политического лидера с народом («мы с вами абсолютные единомышленники») формирует и закрепляет восприятие благоприятного образа власти.

Повтор в ответе также позволяет изменить эмоциональное ощущение от вопроса, связанного с некой острой темой.

ВОПРОС: Говорят, что *события 5-6 декабря в Москве и Санкт-Петербурге вызвали растерянность в Кремле*, писали даже, что там постоянно шли экстренные совещания по ночам. Владимир Владимирович, это правда?

ОТВЕТ: Меня не вызывали на эти совещания, я не знаю. Я скажу откровенно, я что-то растерянности там не заметил. <...> Но растерянности никакой в Кремле не заметил»[4].

Повтор фразы «растерянности не заметил» – во втором случае дополненной отрицательным местоимением «никакой» – усиливает опровержение единично выраженной мысли спрашивающего:

«вызвали растерянность в Кремле»	– «растерянности там не заметил» «растерянности никакой в Крем- ле не заметил».

Кроме того, повторы позволяют увеличить объем текста в тех случаях, когда необходимо и уклониться от ответа на нежелательный вопрос, и скрыть низкую содержательность высказывания. В диалоге повтор в ответе политика дает возможность отвлечь спрашивающего от возможности потребовать точный ответ на точный вопрос и создать впечатление содержательности ответа.

Повторяются элементы вопроса, а содержательность ответа отсутствует. В этих случаях в повторах заключен не ответ на вопрос, а сам вопрос:

ВОПРОС: Владимир Владимирович, у меня к Вам такой вопрос. Вы знаете, что у нас миллионы детей-беспрizорников, они не учатся. Что их ожидает в будущем? Какие меры принимаются на правительственном уровне по этому вопросу? Спасибо.

*ОТВЕТ: Валентина Петровна, проблема действительно очень большая и достаточно сложная. Действительно, **очень много беспризорных детей**, это особенно видно в крупных городах, в таких, как Москва, и в крупных городах юга России. Там это наиболее заметно. Знаю об этом.*

*В чем состоит проблема. Если, скажем, после октября 1917 года, после гражданской войны было **очень много беспризорных детей**, оставшихся без родителей, то сегодня, к сожалению, у нас **очень много беспризорных детей** при живых родителях. И вторая часть этой проблемы. **Очень много беспризорных детей**, которые приезжают в наши города из других стран СНГ, из бывших республик Советского Союза и тоже при живых родителях.*

*Поэтому решение этой проблемы не может быть таким же, каким оно было в 20-е годы прошлого века. Здесь, прежде всего, нужно **разработать систему мер** по укреплению семьи, по здоровому образу жизни и так далее. Хотя с самой проблемой изъятия детей с улицы, конечно, нужно бороться оперативно. У нас есть подраздел программы "Дети России", который на эту проблему внимание обращает, но, видимо, недостаточно. Поэтому совсем недавно я дал отдельное поручение Правительству – **разработать систему мер**, направленную на решение этого сложного и очень острого вопроса. Персонально этим будет заниматься в Правительстве Валентина Ивановна Матвиенко [1].*

Соотнеся вопрос с ответом, мы увидим, что в высказывании политика фактически повторяется сам вопрос:

«у нас миллионы детей-беспрizорников»	– «очень много беспризорных детей»
«Какие меры принимаются?»	– «нужно разработать систему мер»

Повторяющееся в ответе политика словосочетание **«очень много беспризорных детей»** содержит лишь повторение тематики вопроса. Фактическая подмена ответа воспроизведением вопроса скрывает бессодержательность высказывания. За счет повышения объема текста создается иллюзия обширного ответа. Повторяющийся фрагмент **«разработать систему мер»** – одна из наиболее часто воспроизводимых формулировок политиков, которая позволяет выразить максимально расплывчато предполагаемые действия власти. Подобные бессодержательные фразы, повторяющиеся

в пределах одного высказывания, также оказываются способом создания иллюзии содержательного соответствия вопроса и ответа:

«И есть предложение расширить его функции до контрольных. Мы подумаем, сейчас есть предложения, я пока не готов в окончательном виде сформулировать, но Ростехнадзор соответствующим образом тоже будет усилен в этом направлении» [3].

В данном высказывании политик сам говорит о том, что «не готов в окончательном виде сформулировать», то есть речь идет о вопросе, очевидно не имеющим определенного решения. Повторы, обнаруженные в этом фрагменте текста – «есть предложение» – позволяют высказаться максимально общо, но при этом создать впечатление убедительности.

Повторы, проявляющиеся в речи политических деятелей, выполняют разное предназначение. Это создание благоприятного образа власти, как эффективного и решительного («я не сомневаюсь», «абсолютно уверен»); возникновение чувства общности и взаимопонимания с народом («мы с вами абсолютные единомышленники»); изменение эмоциональной ноты беседы («растерянности не заметил»); создание иллюзии содержательности («у нас миллионы детей-беспрizорников <...> Что их ожидает в будущем?» – «очень много беспризорных детей»).

В конечном счете, повторы оказываются мощным способом корректировки картины мира. И в этом состоит его семиотическое предназначение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стенограмма программы «Прямая линия с Президентом России», 2001 год.
2. Стенограмма программы «Прямая линия с Президентом России», 2003 год.
3. Стенограмма программы «Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение», 2009 год.
4. Стенограмма программы «Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение». 2011 год.

ЛОГОЭПИСТЕМЫ НА СТРАНИЦАХ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

В.М. Греченко-Журавская

*Днепропетровский национальный университет
имени Олеся Гончара
пр. Гагарина, 72, Днепропетровск, Украина, 49050*

В работе анализируются особенности функционирования логоэпистем в журналах финансово-экономического содержания «Forbes», «Forbes Woman», «Бизнес», «Фокус», которые издаются на Украине.

Ключевые слова: логоэпистема, фразеологизированная единица, лингвокультурный опыт, лингвокультурная общность.

LOGOEPISTEMES ON THE PAGES OF FINANCIAL AND ECONOMICAL PERIODICALS

V.M. Grechenko-Zhuravskaya

*Dnepropetrovskiy National University n.a. Oles Gonchar
Gagarin ave., 72, Dnepropetrovsk, Ukraine, 49050*

In the article the peculiarities of functioning of logoepistemes in financial and economical magazines “Forbes”, “Forbes Woman”, “Business”, “Focus” published in Ukraine are under analysis.

Keywords: logoepisteme, phraseologised unit, linguocultural experience, linguocultural community.

Современные средства массовой информации изобилуют устойчивыми языковыми единицами, которые традиционно назывались фразеологизмами. Однако сегодняшняя языковая действительность свидетельствует о том, что многим «крылатым» фразам становится тесно в рамках традиционной терминологии: ведь то, что воспроизводится в речи наших современников, нередко очень далеко от «классических» фразеологизмов. Разные способы трансформации (в том числе усечение) устойчивых языковых единиц изменяют их до такой степени, что остаётся лишь намёк на смысл исходного сочетания слов. Кроме того, в разряд воспроиз-

водимых в последнее время попадают фразы из известных фильмов, песен, художественных произведений (как русских, так и зарубежных авторов), слова, произнесённые публичными людьми и т.д. Но главное, на что обращают внимание исследователи современного словоупотребления, – это наполненность данных воспроизведимых единиц «некоторым знанием культурного характера» [2, с. 39]. Такие «пограничные» единицы, функционирующие на уровне языка и культуры, являющиеся, по словам В.Г. Костомарова и Н.Д. Бурковой, «следами языка в культуре или культуры в языке» [1, с. 33], в современной лингвистике называются разными терминами [3, с. 36], один из которых, предложенный В.Г. Костомаровым и Н.Д. Бурковой, – логоэпистема. Именно этот термин представляется нам наиболее точным для обозначения воспроизведимых фразеологизированных единиц разного происхождения и структурной организации, которые активно используются как в разговорной речи, так и в печатных источниках. Мы проанализировали функционирование данных единиц на страницах русскоязычных финансово-экономических изданий Украины «Forbes», «Forbes Woman», «Бизнес», «Фокус» (фактический материал извлечён из выпусков последних двух лет).

Логоэпистемы, представляющие собой фразеологизмы и «крылатые фразы» разных типов, в большинстве случаев употребляются в традиционной, стандартной форме: *мелочь, а приятно* (название статьи о предпринимателе из Каховки, который зарабатывает на разведении мальков); *шестое чувство* (о предпринимателе и банкире, который тонко чувствует ситуацию и даже в условиях экономического кризиса успешно развивает наиболее прибыльные направления своего бизнеса); *рациональное зерно* (об упрощении процедуры сертификации зерна и продуктов его переработки, что является правильным, рациональным решением власти); *а поговорить* (о проблемах Майдана после президентских выборов, о людях, которые по разным причинам не хотят покидать Майдан); *свято место пусто не бывает* (о последствиях финансового кризиса на Кипре, когда его место на рынке финансовых услуг могут занять другие «игроки»), *второй фронт* (об информационном сопровождении любого дела, которое помогает эффективно решать основные задачи) и др. В некоторых случаях контекст «корректирует», уточняет значение исходного выражения: *китай-*

ская грамота ('что-либо недоступное пониманию, в чём трудно разобраться' – таково значение фразеологического оборота); в статье с таким названием идёт речь о выходе компании на рынок Китая и обретении нового опыта, своего рода «грамоты покитайски».

Часть логоэпистем подобного рода, зафиксированных фразеологическими словарями, является стилистически нейтральной, а некоторые обороты имеют словарные пометы «экспрессивное», «разговорное», «просторечное», «ироническое». Однако те и другие в соответствующих контекстах приобретают более конкретное значение, переосмысливаются и на этой основе становятся ярким экспрессивным средством, способным привлечь внимание читателя.

В ряде случаев используются логоэпистемы, претерпевшие незначительную трансформацию, которая состоит в добавлении (либо исключении, замене) в состав исходной единицы служебной части речи (обычно это частица или предлог), что приводит не только к появлению единицы с антонимическим значением, но и с иными оценочными характеристиками. Например, о существенном увеличении оборота бизнеса коммерсанта сказано, что он «вышел ростом», а это, полагаем, не только констатация факта успешности бизнеса, но и положительная оценка данного факта (ср.: фразеологизм *не вышел чем* в значении 'не обладает в должной мере какими-либо качествами' характеризуется в словарях как разговорный с пренебрежительной окраской).

Фраза без крыши дома своего антонимически ассоциируется со строкой из песни «под крышей дома своего». Она характеризует положение, в котором оказались многие украинские миллионеры в результате военных действий на востоке страны.

Не иди ва-банк – таков один из принципов обкатки новых идей и проектов в успешных компаниях (известный фразеологизм *идти ва-банк* имеет значение 'действовать, рискуя всем'); из статьи становится ясно, что этот принцип предполагает оправданный риск, основанный на учёте разных факторов ведения бизнеса.

Без золотой середины – так в одной из статей характеризуются и оцениваются действия современных сверхбогачей: большинство из них – эффективно и много работающие бизнесмены, а не рантье; они берут на себя риски, неподъёмные для обывателя,

который недоброжелательно относится к миллиардерам и их сверхбогатству. По мнению автора статьи, такое поведение, напротив, заслуживает уважения и должно быть стимулом для начинающих предпринимателей. Разумный риск, а не обывательское «промежуточное положение» – вот путь к богатству. Фразеологизм *золотая середина*, как известно, имеет значение ‘образ действия, поведения, лишённый крайностей; промежуточное положение’.

Большая часть логоэпистем, проанализированных нами, представляет собой фразеологизированные сочетания слов, подвергшиеся творческой обработке авторов статей. Индивидуально-авторская трансформация, как правило, осуществляется такими способами: сокращение или расширение состава исходной языковой единицы, замена словарных компонентов, изменение грамматических форм компонентов: *трудовая поруга* (о росте безработицы и проблеме трудоустройства); *разделить и властствовать* (о выборах в Европарламент); *банкир в поле не воин* (об успешном банкире, который потерпел поражение не на бранном поле, а в сельскохозяйственном бизнесе); *нефть всему голова* (о структуре кредитного портфеля ПриватБанка, в котором самую большую долю – почти треть – занимает торговля нефтепродуктами); *раз уступка, два уступка* (автор статьи анализирует возможные последствия уступок Китаю, которые сделала Россия, заключая газовый контракт); *царить в облаках* (название статьи об известном молодом бизнесмене, который реализовал свои фантастические идеи в сфере компьютерных технологий и занял ведущие позиции в этой области; ср.: фразеологизм *витать (парить) в облаках* – ‘пребывать в мечтательном состоянии, предаваясь бесплодным фантазиям, не замечая окружающего’); *изменить родину* (о бизнес-эмигрантах, которые покидают Украину по разным причинам); «*Стой! ИграТЬ буду*» (о развитии индустрии видеоигр военной тематики, в которых используется оружие и всевозможные военные атрибуты); *мусор с плеч* (о волонтёрской акции по уборке городов Украины) и др.

Дважды встретилась в трансформированном виде русская пословица *Не так страшен чёрт, как его малют* (она обозначает преуменьшение беды и относится к группе афоризмов с общим значением ‘безразличие к последствиям’). В усечённом виде она

употреблена в качестве названия статьи «Не так страшен чёрт», где рассказывается о финансисте, который в непростых современных экономических условиях работает на украинском фондовом рынке; он один из немногих, кто понимает, что ситуация в этом секторе экономики не безнадёжна, и работает «на перспективу». Другой трансформированный вариант афоризма зафиксирован нами в рекламе ресторана, который предлагает вкусные блюда постного меню в качестве гарнира к своим знаменитым стейкам, прозвглашая: *«Не так страшен пост, как его малютят»*.

Чаще всего знакомые читателям словосочетания воспроизводятся в качестве названий статей или их частей. Это, очевидно, объясняется стремлением автора ассоциативно связать те явления, ситуации, которые он описывает, с лингвокультурным опытом читателя, желанием опереться на этот опыт и, в результате, привлечь внимание к рассматриваемой проблеме. Авторы, которые рассказывают об истории какой-либо корпорации или прослеживают путь известного человека к успеху, каждый этап этого пути «открывают» словосочетаниями, известными представителям русской лингвокультурной общности. Так, в статье о компании, которая одной из первых стала осваивать рынок электронных книг (*«Forbes»*, 2013, апрель), видим такие подзаголовки: *«В начале было слово»*, *«Золотой век»*, *«Смутное время»*, *«Новая метла»*. Они сразу позволяют представить основные этапы развития компании: от появления, причиной которого была необходимость по новому нести печатное слово читателям, через взлёты и падения, к надежде на возрождение с приходом нового руководителя.

В статье «Пётр пятый» (со «штрихами к портрету пятого президента Украины») тоже много логоэпистем, которые помогают автору охарактеризовать и основные вехи жизненного пути будущего президента, и некоторые его личностные качества: *его университеты, золотая столичная молодёжь, не стал ждать милости от природы, принял ковать своё счастье, грыз грани международных экономических отношений* (о студенческих годах), *прекрасное далёко* (о детстве), *под остро-сладким соусом* (о первых коммерческих проектах), *но пасаран* (о Майдане 2004 года), *вот в чём вопрос* (размышления автора о некоторых парадоксах, связанных с человеком, отправившимся смотреть «Гамлета» накануне выборов, накануне своего триумфа) и др. (*«Фокус»*,

30.05.2014). Да и само словосочетание, являющееся названием статьи, возможно, станет со временем логоэпистемой: в нём есть не только «порядковый номер» нового президента, но и ассоциация с первым по счёту Петром, известным своей реформаторской деятельностью. С «Петром пятым» тоже связывают надежды на обновление Украины, существенные изменения в стране.

Обобщая наблюдения над употреблением воспроизведенных фразеологизированных единиц на страницах украинских русскоязычных изданий финансово-экономического содержания, можно констатировать, что логоэпистемы широко используются в них как единицы вторичной номинации. Они являются мощным экспрессивным средством, апеллирующим к лингвокультурному опыту читателя и способным привлечь его внимание. Именно поэтому они чаще всего функционируют в качестве названий статей или их частей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурвикова Н.Д., Костомаров В. Г. Логоэпистемическая составляющая современного языкового вкуса. – Мир русского слова и русское слово в мире. Материалы XI Конгресса МАПРЯЛ, том 4. – София, 2007. – С. 32-38.
2. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века. – СПб: Златоуст, 2001.
3. Сабитова З.К. Лингвокультурология. – М.: Флинта, 2013.

КОНТАКТИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ПОЛИЯЗЫЧИЯ (ЛИНГВОКОНTRАСТИВНЫЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

Джусупов Маханбет

Узбекский государственный университет мировых языков.
ул. Решетова, 4, Ташкент, Узбекистан, 100133

Контактирование языков и культур сопровождается тремя процессами: обучение, инофонная языковая коммуникация, межкультурная

коммуникация; они порождают языкокоречевую и культурологическую интерференции, для преодоления которых разрабатывается специальная типология упражнений для школы и вуза.

Ключевые слова: язык, культура, контактирование, межкультурная коммуникация, инофонная коммуникация, методика обучения.

CONTACT LANGUAGES AND CULTURES IN MULTILANGUAGE CONDITIONS (CONTRAST AND METHODOLOGICAL PROBLEMS)

Dzhusupov Mahanbet

*Uzbekistan State University of World Languages,
Reshetova str., 4, Tashkent, Uzbekistan, 100133*

Interengagement of languages and cultures is accompanied by the three processes: education, communication on non-native language, cross-cultural communication; they originate lingual and cultural interference, for the sake of which it has been worked out a special typology of exercises for schools and universities.

Keywords: language, culture, interengagement, communication on non-native language, cross-cultural communication, teaching methodology.

Обучение неродному языку осуществляется в трех условиях:

1. В условиях естественной билингвизма.
2. В условиях искусственного билингвизма.
3. В условиях сочетания естественного и искусственного билингвизма.

Первая и третья формы обучению языку возможны в условиях полиязычия, что было характерно республикам бывшего СССР и характерно странам современного СНГ, где, например, для обучения русскому языку тюркофонов есть естественная русскоязычная языковая среда, которая по социолингвистическим параметрам в разных регионах разная. И, тем не менее, она есть, хотя наблюдается уменьшение объема русскоязычной среды, а, следовательно, и некоторое сужение социальных функций русского языка на всем тюркофонном пространстве СНГ (за исключением Российской Федерации).

При обучении неродному языку взаимодействуют три процесса:

1. Непосредственный процесс обучения языку.
2. Процесс инофонной языковой коммуникации.
3. Процесс межкультурной коммуникации.

Эти процессы в совокупности и формируют билингвальную и полилингвальную личность и общество.

Процессы обучения языку, межъязыкового и межкультурного контактирования могут осуществляться непосредственно и дистанционно. Второе (дистанционное) обучение следует включать на втором (продвинутом) этапе обучения неродному языку, когда обучающиеся уже в той или иной степени владеют вторым (неродным) языком и имеют определенное представление о сходствах и различиях родного и неродного языков, о культуре и истории генетических носителей изучаемого языка.

В дальнейшем, особенно у взрослого населения, дистанционное обучение языку и не только языку может стать основным средством, методом формирования и совершенствования языковой и межкультурной коммуникации.

II

Итак, языковая и межкультурная коммуникации осуществляются одновременно в процессе речевого общения индивидов, социумов разных языковых и культурных структур, что непосредственно связано со многими лингвистическими и экстралингвистическими факторами, в том числе и с социолингвистическими. (О социолингвистическом аспекте языковой и межкультурной коммуникации подробно см.: [1; 2]).

Языковое общение всегда носит открытый (эксплицитный) характер. Это является главным отличием языковой коммуникации представителей разных народов от межкультурной коммуникации, которая может быть эксплицитной (открытой) и имплицитной (скрытой).

Языковое общение разных инофонов всегда несет в себе и межкультурную коммуникацию, так как в процессе языкового контактирования познается и культура того народа, на языке которого идет процесс общения [3; 4].

Таким образом, языковое общение представителей разных языковых семей между собой на языке, который является общим для обеих сторон или является генетически родным языком для одной из сторон коммуникации, состоит из двух содержательных аспектов – лингвистического и культурологического.

При этом коммуниканты, как правило, больше уделяют внимание лингвистическому аспекту коммуникации – правильности произношения, правильности содержания высказывания и т.д. и меньшее уделяют внимание собственно культурному (или культурологическому) аспекту данного процесса.

Объясняется это тем, что языковой аспект межнационального общения является первичным, а межкультурный аспект – вторичным, то есть, как правило, культура народа для инофона, изучающего его язык, познается через овладение языком, а – не наоборот. Поэтому если язык – средство общения (прежде всего), то культура уже средство глубокого овладения изучаемым языком, которым инофон уже в той или иной степени владеет. При этом взаимовлияние языков и культур, т.е. их контактирование носит двусторонний характер. Эта двусторонность не равнозначная.

Так, например, в процессе контактирования тюркских языков и культур с русским языком и с русской культурой в период СССР, изучающей стороной (реципиентом) была тюркская сторона, а обучающей стороной (донором) – русская сторона. Именно поэтому формировались активные (автономные) разновидности тюркско-русского билингвизма (узбекско-русский, казахско-русский, киргизско-русский и т.д.), но не были сформированы активные (автономные) разновидности русско-тюркского билингвизма (русско-узбекский, русско-казахский, русско-киргизский и т.д.), а если такие факты билингвизма и были (русско-турецкий), то они носили единичный или, же серьезно локализированный характер в рамках нескольких русскоязычных жителей одного-двух далеких аулов или кишлаков. Разновидности же тюркско-русского билингвизма носили, носят и еще будут носить большой социальный характер в рамках республики и даже целого полу-континентального региона. Например, тюркско-русский билингвизм в тюркоязычных государствах Центральной Азии евразийского полиглottического пространства.

И, тем не менее, даже при такой социолингвистической ситуации, в которой в процессе контактирования разных языков и культур формируется односторонний билингвизм (разновидности тюркско-русского двуязычия), вторая (донорская) сторона в той или иной степени также претерпевает влияние языков-реципиентов и культур-реципиентов.

Выражается это, прежде всего, в том, что генетические носители языка-донора (в нашем случае русского языка) осваивают элементами языка и культуры противоположной контактирующей (тюркской) стороны. Именно поэтому русскоязычные люди тюркского мира Евразии, понимают и употребляют в своей родной (русской) речи такие тюркские слова как кумыз, бесбармақ, баурсаки, ... (казахские), самса, плов, ... (узбекские); знают их культурную значимость; в той или иной степени овладевают процедурой их приготовления и употребления.

Итак, языковая и межкультурная коммуникация – это две стороны одного социолингвистического и социокультурного процесса – процесса овладения обеими инофонными, инокультурными сторонами или одной стороной, что встречается гораздо чаще, языком и культурой друг друга (или же языком и культурой другого).

Таким образом, в процессе межкультурной коммуникации, которая осуществляется прежде всего через языковое общение главным является язык, а потом культура, а, следовательно – лингвокультурология (и как название процесса, и как название лингвистической науки).

Процесс контактирования языков и культур, которая и порождает межъязыковую и межкультурную коммуникации, как уже выше было отмечено, редко бывает разнозначным, т.е. двусторонне одинаково проникающим. Эта неравнозначность и создает более приоритетные условия для одного языка и соответствующей культуре, что становится доминирующим в процессе языковой и межкультурной коммуникации у инофонных, инокультурных народов.

Эта доминантность одного языка и соответствующей национальной культуры порождает язык, который в большом (планетарном и т.п.) объеме выполняет функции интернационального общения, который в лингвистической практике называют языком меж-

национального общения (хотя известно, что природа не создает специального языка (или специальные языки) межнационального общения. Каждый язык – это, прежде всего, средство общения его генетических носителей (это первичная функция любого языка), а его функция межнационального общения – приобретаемая, вторичная, функция языка, которая является непостоянной категорией, т.е. в определенные периоды истории язык может выполнять функцию межнационального общения в большом объеме, а может – и не выполнять. Так, например, в тюркоязычном мире Центральной Азии евразийского полиглottического пространства функцию межнационального общения выполняли разные языки: арабский, потом фарси, потом письменный литературный тюрки, в настоящее время – русский.

III

Итак, в процессе контактирования языков и культур осуществляется языковая и межкультурная коммуникация. При этом языковое общение может осуществляться:

1) одновременно на нескольких языках с переходом с одного языка на другой. Например, в г. Ташкенте или в г. Алматы представители разных народов могут вести общение между собой на узбекском, русском, казахском языках, а определенная (но небольшая) часть населения и на английском языке и т.д.;

2) с использованием, например, русского языка с вкраплением в него языковых единиц и их сочетаний узбекского или казахского языков (т.е. ситуативное, кратковременное общение);

3) с использованием или узбекского, или казахского языков с вкраплением языковых единиц и их сочетаний из русского или английского языков (т.е. опять же ситуативное, кратковременное общение).

Итак, языковое общение в полинациональных условиях может осуществляться или на родном языке одного из участников речевой ситуации, или на неродном языке для всех участников ситуации, или же на смешанном языке, в котором присутствуют и родные и неродные языковые единицы. (Последнее встречается редко. Такое общение характерно: а) для лиц, плохо (очень слабо), владеющих одним из контактирующих языков; б) для лиц, которые сознательно употребляют в своей родной или неродной речи

иноязычные вкрапления с целью усиления ситуативного эффекта процесса межнационального речевого общения).

Межкультурная коммуникация в полизических условиях также имеет свои особенности, которые характеризуются:

1) сохранение в процессе межкультурной коммуникации константов родной культуры каждым из участников;

2) интерпретированным сохранением константов родной культуры каждым из участников процесса межкультурной коммуникации. Интерпретированность (видоизмененность) константов родной культуры проявляется, когда две или три, или, ... национальные культуры находятся в процессе долговременного контактирования. Например, современная казахская или узбекская свадьба, в процедуре проведения которой присутствуют элементы европейской (в основном русской) культуры, что объясняется как минимум столетним взаимообогащением казахской, узбекской (с одной стороны) и русской (с другой стороны) культур;

3) несохранение в процессе межкультурной коммуникации константов родной культуры:

а) одна из сторон процесса межкультурной коммуникации в силу различных исторических и других причин процесс общения ведет полностью опираясь на константы генетически неродной национальной культуры. Это часто встречается у представителей малых народов, у которых язык исчез или же на грани исчезновения (а, следовательно – и константы национальной культуры), когда они общаются с представителями другой, доминирующей в данном регионе, национальной культуры (например, с русской). Или же если индивид, с младенчества формировался в условиях инонациональной языковой и культурной стихии;

б) обе или все стороны процесса межкультурной коммуникации общение ведут на основе константов генетически неродной национальной культуры. Причины примерно такие же, как и в предыдущем случае.

Таким образом, языковая и межкультурная коммуникация имеют много общего и много специфического. И общее, и специфическое наглядно демонстрируются (просматриваются) в полинациональных, следовательно, в полилингвальных и поликультурных условиях, когда языки и культуры «вынуждены» находиться в тесном контактировании, т.е. в условиях двойной, тройной,

… динамики, так как эти условия требуют как сохранения константов родной культуры, так и, в определенной степени их адаптирования, т.е. ситуативной вариационности, которая может стать постоянной, устоявшейся нормой.

Итак, контактирование языков и культур в условиях полиглазичия порождает межъязыковую и межкультурную коммуникацию, которые осуществляются как на уровне отдельных индивидов, так и на уровне разных языковых и культурных обществ, а следовательно и государств.

Овладение неродным языком и неродной культурой индивидом и социумом, государственными образованиями, а потом использование их в процессе коммуникации начинает все больше и больше носить дистанционный характер (интернет, радио, телевидение, телефон и т.д.), хотя, конечно же, в основе любой вербальной коммуникации лежит прежде всего непосредственное контактное общение, которое в официальных сферах деятельности общества, по объему своего функционирования в настоящее время уступает дистанционному контактированию, что оказывает серьезное влияние и на процесс обучения в школе и особенно в вузе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В.М. 150 языков и политика. 1917-2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. – М.: КРАФТ+ ИВ РАН, 2000.
2. Джусупов М. Социолингвистические и лингводидактические проблемы языка как средства общения и предмета изучения // Русистика в СНГ. – СПБ: «Златоуст», 2002.
3. Жумашева А.Ш. Лингвокультурология в условиях диалога культур и проблема интерференции. – Павлодар: ЭКО, 2010.
4. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ЭЛЕКТИВНЫХ КУРСОВ ПО МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Н.О. Долгобородова

*Gимназия № 1514
ул. Крупской, 12, Москва, Россия, 119313*

В статье представлен и рассмотрен ряд современных технологий, обеспечивающих инновационный подход к преподаванию элективных курсов по межкультурной коммуникации в средней школе. Проанализирована роль современных технологий в формировании кросс-культурных компетенций учащихся и устранения у них социокультурных барьеров в аспекте изучения иностранного языка.

Ключевые слова: лингвострановедение, межкультурная коммуникация, кросс-культурные компетенции, современные технологии, проектная методика.

MODERN TECHNOLOGIES AS AN INSTRUMENT OF RAISING THE EFFECTIVENESS OF TEACHING ELECTIVE COURSES ON INTERCULTURAL COMMUNICATION AT HIGH SCHOOL

N. Dolgorodova

*Gymnázium 1514
Krupskoy str., 12, Moscow, Russia, 119313*

The article presents and describes a range of modern technologies providing an innovative approach to teaching elective courses on Intercultural Communication at high school. The author analyzes the role of modern technologies in the formation of the students' cross-cultural competences and in the elimination of socio-cultural barriers in the aspect of learning a foreign language.

Keywords: Linguistic and Cultural Studies, Intercultural Communication, cross-cultural competences, modern technologies, project method.

Постепенное развитие мирового образования в контексте диалога культур, выделение межкультурной коммуникации в са-

мостоятельную дисциплину и внедрение ее в учебный процесс образовательных учреждений России – все это повлияло на решение проблемы подготовки высококвалифицированных специалистов. Неоспорим тот факт, что в наши дни для вхождения в открытое информационное сообщество, для обеспечения поля выбора для каждого человека и для облегчения социализации индивида в общественной среде необходимо не только качественное владение иностранным языком, но и определенный набор личностных качеств, навыков и знаний: коммуникабельность, знание норм международного этикета, широкий кругозор. На фоне постоянного усовершенствования форм и способов преподавания образовательных дисциплин несомненную актуальность представляет разработка эффективных методов обучения межкультурной коммуникации для формирования у учащихся иноязычной культурологической и коммуникативной компетенции.

Курс межкультурной коммуникации появился в учебном плане среди теоретических дисциплин сравнительно недавно в связи с распространением концепции языка как элемента культуры народа [1, с. 3]. Внедряя данный курс в программу средних общеобразовательных учреждений в качестве элективного и нацеливая его на успешное развитие и совершенствование у школьников навыков общения на иностранном языке непосредственно в межкультурном контексте, следует отказаться о чисто лекционного, информативного характера преподавания в пользу коммуникативных и даже профессионально ориентированных методов. Разработка новых походов к изучению лингвострановедческого материала должна содействовать развитию компетенций, связанных с коммуникацией, творческим и критическим анализом, независимым мышлением и коллективным трудом в поликультурном контексте, когда творчество основывается на сочетании традиционных знаний и навыков с современными информационными технологиями [2, с. 5].

Эти и другие тенденции можно проанализировать в структуре ряда современных и наиболее часто используемых в учебном процессе технологий, которые способны внести эффективный вклад в преподавание элективных курсов по межкультурной коммуникации и смежным с данной дисциплиной аспектам в общеобразовательных учебных заведениях, максимально заинтересовать слуша-

телей, уже избравших данный курс, и привлечь внимание потенциальной аудитории.

Развитие информационно-коммуникативных технологий позволяет всем получить доступ к неограниченным объемам информации, а сегодняшние информационные потоки несравнимы с реалиями десятилетней давности. Ознакомление учащихся с культурой страны изучаемого языка в эпоху ограниченных информационных ресурсов плохо сочеталось с почти полным отсутствием сведений по истории, географии, государственному устройству, современной экономике, политике, демографической ситуации этих стран. В наши дни, обеспечение учебных заведений доступом в сеть Интернет, а также наличие такого доступа у подавляющего большинства учащихся позволяет говорить о том, что Интернет как техническое средство обмена информацией увеличивает дальность и расширяет зону действия вербальных форм информации. Интернет как система массовой и межличностной коммуникации позволяет довести сведения до широкого круга потребителей и установить обмен сведениями между ними. Спектр ресурсов Интернета, обучающих речевой деятельности на иностранном языке, может быть эффективно использован при подготовке материалов для занятий, что, на наш взгляд, является самым простым вариантом использования ресурсов Интернета [3, с. 34].

Можно выявить следующие принципиальные положения использования Интернета в процессе обучения иностранному языку в контексте межкультурной коммуникации и смежных с ней дисциплин:

- самостоятельная практика каждого обучаемого;
- руководство педагога посредством интерактивности;
- эффективная обратная связь;
- коллективность занятий;
- разнообразие видов самостоятельной деятельности.

Согласно анализу, в сети Интернет предлагается большое число бесплатных порталов, организованных в формате дистанционных курсов иностранных языков. Многие из них могут быть успешно задействованы в учебном плане элективных курсов по межкультурной коммуникации в школе. Рассмотрим лишь некоторые из них:

Сайт America's Homepage [4] – эффективный образовательный ресурс, посвященный истории и культуре США. Он, в частности предлагает виртуальный тур в столицу государства, Вашингтон, с посещением и рассмотрением разных достопримечательностей. Здесь можно найти подробный список материалов для работы на занятиях, который может стать превосходной базой для преподавателя, специализирующегося на страноведческих и культивороведческих аспектах обучения. При этом учащимся могут быть предложены разные роли: туристов или гидов, исторических личностей (сайт предлагает важнейшие для истории США документы, материалы выступлений государственных деятелей и.т.п.)

Сайт Cockney Rhyming Slang [5] посвящен сленгу кокни – одному из самых известных типов лондонского просторечия, которому целесообразно уделить внимание в рамках изучения англофонных культур. Сленг кокни отличает индивидуальность этой общины в Лондоне и существенно пополнил некоторыми выражениями остальной британский английский, поэтому интерес и пользу для учащихся может представить и имеющийся на сайте блог о культуре кокни, содержащий любопытные статьи и материалы, а также онлайн-переводчик.

Портал Province-Quebec.com [6], посвященный франкофонной канадской провинции Квебек, может послужить прекрасным источником материала для курса лингвострановедения франкоязычных стран. Он содержит аутентичные сведения о государственном устройстве, политике, экономике, транспортной системе и, разумеется, культуре страны, представленные в доступном и сжатом виде, а также интересные примеры из квебекского регионального варианта французского языка, местные пословицы и поговорки и мини-словарь.

Оригинальные интернет-материалы, принадлежащие непосредственно стране изучаемого языка, помимо повышения мотивации учащихся к их овладению межкультурными компетенциями, представляют ценность благодаря представлению иностранной реальности именно такой, какая она есть, использованию «настоящего» языка в «настоящем» контексте. В этом состоит их неоспоримое превосходство над ознакомительными, зачастую очень субъективными текстами в учебниках, которые, как правило, яв-

ляют лишь единицы из множества точек зрения, показывают основные культурные различия, бросающиеся в глаза.

Нелишним будет упомянуть и электронную почту как способ овладения межкультурными компетенциями посредством установления дружеской переписки с носителями изучаемого языка из различных стран мира. Помимо установления дружеских контактов, целенаправленного использования изучаемого языка и возможности ознакомления с культурными особенностями и реалиями той или иной страны, электронную переписку отличают преимущества по сравнению с бумажной: она быстрее, удобнее и дешевле.

Применение в рамках элективного курса по межкультурной коммуникации методов дистанционного обучения может заключаться в творческих заданиях с выходом в сеть Интернет, участии в международных телекоммуникационных проектов по осуществлению непосредственного диалога культур. Стоит отметить, что информационная среда в дистанционном обучении иностранному языку и межкультурной коммуникации строится на трехступенчатой модели речевой деятельности И.А. Зимней и А.А. Леонтьева и содержит комплекс упражнений по формированию основных видов иноязычной речевой деятельности, в особенности, чтения и аудирования, упражнений с применением лингвоконтрастивного и лингвокультурологического анализа учебного материала [7].

Безусловно, одно из самых распространенных сегодня современных технологий, применяемых в процессе обучения, является выполнение презентаций в программе Microsoft Power Point. Данная технология, без всякого сомнения, может быть эффективно внедрена в процесс преподавания межкультурной коммуникации в средней школе как аспект проектной методики, способствующей реализации личностно-ориентированного подхода в обучении и обеспечивающей индивидуализацию и дифференциацию обучения с учетом способностей обучающихся и уровня их подготовки. По изучении той или иной темы, направленной на развитие межкультурных компетенций, целесообразно задать учащимся выполнить творческую работу в рамках изученной темы, усилив, таким образом, их индивидуальную и коллективную ответственность: ведь каждый ученик работает либо самостоятельно, либо в микрогруппе, и с готовой презентацией ему предстоит достойно выступить,

сделав ее содержание доступным и познавательным для всех. Успешность результата труда во многом зависит от спектра использованных учащимся возможностям вышеупомянутой технологии: вставке в презентацию видео- и аудиоклипов, диаграмм, эффектов анимации и.т.д.

Умелое использование современных технологий в процессе преподавание элективного курса межкультурной коммуникации в средних общеобразовательных учебных заведениях может дать колossalный результат и положительно повлиять на овладение учащимися иностранным языком, став превосходным дополнением к основному курсу. Однако только сам педагог может решить, какие технологии лучше применять на своих занятиях, основываясь на имеющихся технических ресурсах и индивидуальных особенностях учащихся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михайлов Н.Н. Лингвострановедение Англии = English Cultural Studies. Учеб. пособие для студ. филол. фак. и фак. ин. яз. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2010.
2. Воевода Е.В. Великобритания: история и культура = Great Britain: Culture across History: учеб. пособие по англ. яз. для студентов II курса ф-та МЭО. Мос. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. англ. яз. № 2. – М.: МГИМО-Университет, 2009.
3. Азимов Э.Г., Вишневская Е.К. Материалы Интернета на уроках английского языка // Иностранные языки в школе. 2001, №1.
4. URL: <http://ahp.gatech.edu/>
5. URL: <http://www cockneyrhythmslang.co.uk/>
6. URL: <http://www.province-quebec.com/>
7. Евдокимова М.Г. Влияние информатизации образовательной среды на обучение иностранным языкам // Информационные технологии в образовании и фундаментальных науках (ИТО-Поволжье-2007) (18-21 июня 2007г.): международная научно-практическая конференция. – Казань: Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОПУЛЯРИЗАЦИОННОЙ СТАТЬИ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

М.Р. Желтухина

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет; Школа актерского мастерства Анатолия Омельченко
просп. Ленина, 27, Волгоград, Россия, 400066;
ул. Коммунистическая, 9/39, Волгоград, Россия, 400131*

В работе определяется функциональный потенциал популяризационной статьи в современном медиадискурсе. Выделяются и описываются основные жанрообразующие функции популяризационной статьи в медиадискурсе: информационная, воздействующая, имиджевая.

Ключевые слова: популяризационная статья, функциональный потенциал, функции, медиадискурс.

POPULARIZATION ARTICLE'S FUNCTIONAL POTENTIAL IN THE MODERN MEDIA DISCOURSE

M.R. Zheltukhina

*Volgograd State Socio-Pedagogical University; Actor's Skill School
of Anatoly Omelchenko
Lenin ave., 27, Volgograd, Russia, 400066;
Kommunisticheskaya str., 9/39, Volgograd, Russia, 400131*

The author defines the functional potential of popularization article in the modern media discourse. The main genre forming functions of popularization article in the media discourse are allocated and described: information, influencing, image.

Keywords: popularization article, functional potential, functions, media discourse.

Популяризационная статья представляет собой особый вид статьи, публикация ненавязчивой емкой привлекающей внимание информации о чем-либо в популярной, общедоступной форме для массового адресата с целью обеспечения широкой известности и

положительного эффекта, а также имеющий четкую структуру, которая включает следующие элементы: бланк организации; вступительный абзац; основной текст; заключение; фотографии и графику [2]. К **формальным признакам Интернет-версии популяризационной статьи относятся:** 1) **формат**; 2) параметры расположения на странице; 3) логотип (качество изображений); 4) объем сообщения; 5) ссылки на источники; 6) ключевые слова; 7) гипертекстуальные маркеры; 8) использование мультимедиа материалов (3-Д графика, короткометражные видеоролики). В эпоху массового развития Интернет-технологий, данный вариант популяризационной статьи приобретает все большую популярность в силу его обширных мультимедийных возможностей и глобального охвата аудитории (быстрота, надежность, качество). В результате проведенного исследования установлено, что популяризационная статья как жанр медиадискурса выполняет все основные функции данного типа дискурса [1]:

I. Функции популяризационной статьи в системе воздействия АДРЕСАНТ → АДРЕСАТ.

1. Познавательная функция состоит в том, что медиадискурс выступает средством познания мира и освоения его мыслью и словом, поиском, анализом, интерпретацией и информированием. Реализуется в *эвристической, мониторинговой и информационной функциях*.

I) Эвристическая функция – получение причинно-следственных связей в популяризационной статье. Напр., *Интернет-технологии выгодно отличаются еще и тем, что позволяют в кратчайшие сроки решать конкретные задачи бизнеса при минимальных затратах. Интернет-магазин – лишь частный, но яркий, пример реализации онлайновых технологий в нашей жизни. Судите сами: магазин работает круглосуточно и без выходных, аренду платить за торговые площади не надо, а посетителей у такого магазина может быть множество, и не только в одном конкретном регионе, но и по всей стране, миру. А как удобно сдавать в аренду торговые площади в таком магазине!* (<http://knowhow.virtech.ru/qa/1332.1>) В данном примере четко показан переход от причинных связей (почему? зачем?) к следственным связям (потому как, исходя из этого).

2) Мониторинговая функция (маркетинговая), разновидности которой составляют экспериментальная, аналитическая, аккумулятивная, интерпретативная, прогнозирующая функции – наблюдения за окружающей средой (новости); коррелирование и интерпретация наблюдаемых явлений и рекомендации для реакции на них (редактирование и обсуждение); определение ожиданий и предпочтений; поддержание социальной общности; определение технологий. Выявление актуальных потребностей и потенциальных возможностей аудитории при написании популяризационной статьи. Напр., *Попробуем создать модель онлайнового предприятия, обеспечивающего максимальное снижение накладных расходов и уменьшение средств, которые необходимо вложить в бизнес для того, чтобы он приносил прибыль. При этом будем исходить из следующих утверждений: 1. У вас нет или практически нет средств, которые вы готовы инвестировать в бизнес. Вы можете развивать его только путем рефинансирования – вложения в дело полученной прибыли. 2. Вы обладаете некоторыми навыками создания сайта и готовы вложить свой труд и интеллектуальные ресурсы в создаваемый бизнес. Какие технические и программные ресурсы нужны для построения такого онлайнового бизнеса? Как построить интернет-приложение? Мы попытаемся осветить эти вопросы в серии статей, которая начинает публиковаться в нашем издании.* (<http://knowhow.virtech.ru/qa/1332.1>) В приведенном примере в полной мере реализована мониторинговая функция, так выявляются возможные предпочтения аудитории, актуальные предпочтения адресата и пути их реализации.

3) Информационная функция – информирование о событиях, предметах и явлениях действительности, разновидностями которой выступают образовательная, просветительская (социализация и передача культуры и ценностей новым членам общества; популяризация ценностей); особенностью жанра «популяризационная статья» является представление информации для широкого круга читателей в общедоступной форме о непопулярных или доселе малоизвестных личностях (написание личностного профиля), товарах или услугах. Напр., *Бизнес-философия Бернетта базировалась на его знаменитом высказывании: «Пытаясь достать звезду с неба, может и не всегда получаешь желаемое, но уж точно не окажешься с комком грязи в руке».*

(http://www.elitarium.ru/2003/12/16/leo_bernnett_1891_1971.html)

Данный пример статьи является отличной иллюстрацией личностного профиля, описывающего известного в своей профессиональной сфере человека с другого ракурса.

2. Культурная функция, граничащая с **познавательной** (культурно-общественная, культурологическая), предлагает решение познавательной задачи через знакомство с другими культурами, с достижениями в области культуры, сохранение идентичности культурных традиций этнических меньшинств, что отражается в форме эстетических, социальных и индивидуально-творческих взаимодействий (в популяризационных статьях компаний, работающих на международном рынке, таких как «Apple», «Canon»). Напр., *Некоторые компании фиксируют основополагающие ценности в письменном виде для того, чтобы затем передавать их следующим поколениям сотрудников. Корпорация Hewlett-Packard разработала свою культурную концепцию, которую назвала "Путь Hewlett-Packard". В компании ЗМ существуют две фундаментальные ценности: правило 25% (четверть объема продаж должно приходиться на продукцию, выпущенную в период последних пяти лет); правило 15% (позволяет сотрудникам тратить 15% рабочего времени в неделю на то занятие, которое предпочитает этот сотрудник, при условии, что оно должно относиться к выпуску продукции).* (<http://www.express-job.ru/article/99/14/>) Пример отражает культурную концепцию компании, которая следует не только корпоративным стандартам и требованиям, но и заботится о развитии творческого потенциала своих сотрудников, что является важным аспектом развития.

3. Творческая функция (креативная, иллюзорная, имагинативная, имиджевая, эмоциональная, эмотивная, аффектативная, референтная, функция конструирования языковой реальности) создает в популяризационной статье положительный имидж власти, политиков, организаций, компаний, например: статья (представляет собой новостное письмо, содержащее развернутую информацию биографического и личностного характера) о Майке Армстронге (Mike Armstrong), главе компании AT&T, вышедшая в печать сразу после его назначения на должность). Напр., *Los Angeles Times* назвала Тома Питерса «отцом постмодернистской корпорации». «В известной степени, – по словам New Yoker, –

американские корпорации стали такими, какими им повелел быть Том Питерс.» Fortune добавляет: «Мы живем в мире Тома Питерса». Питерс появился на общественной сцене в 1982 году с выходом написанной в соавторстве с Бобом Уотерменом книги «В поисках превосходства», которая возглавляла списки бестселлеров более двух лет. В преддверии 2000 года радиокомпания National Public Radio назвала «Поиски» одной из «лучших трех книг о бизнесе прошедшего столетия»; проведенный в 2002 году опрос Bloomsbury определил ее как «величайшую книгу о бизнесе всех времен». (Том Питерс. «PSF 50: пятьдесят способов превратить ваш «отдел» в PSF, торговой маркой которой являются страсти и новизна». (http://www.syntone.ru/library/books/content/1527.html?current_book_page=all) В данном примере ярко показан вариант популяризационной статьи биографического и личностного характера, содержащей развернутую информацию о личности, ранее известной в узких профессиональных кругах. Биографические факты Тома Питерса представлены ярко и эмоционально, тем самым они становятся достаточно занимательными и интересными, чтобы привлечь широкую аудиторию.

II. Функции популяризационной статьи в системе воздействия АДРЕСАНТА

1. Репрезентативная функция (*усиление изобразительности*) в популяризационной статье представлена широким использованием мультимедийных средств. Примером данной функции в популяризационных статьях может служить яркая графика, фотографии, привлекающие внимание аудитории, а также яркие метафоры и сравнения. Напр., в онлайновых интернет изданиях очень часто используются различные шрифты не только для заголовка статьи, но и основного текста, часто, важная информация выделяется жирным шрифтом или курсивом. Такой прием помогает сфокусировать внимание читателя на важной информации, представленной в статье. В приводимом ниже примере применяется полу-жирное начертание, а также шрифты: Times New Roman (для основного текста) и Old English Text MT (для названия центра дистанционного образования).

Elitarium

центр дистанционного образования

Ценообразование является важнейшим элементом комплекса маркетинга, которое позволяет формировать объем прибыли предприятия. Большинство мелких и средних предприятий не обладает достаточными ресурсами для использования методов неценовой конкуренции. Стратегия ценообразования – это набор практических факторов и методов, которых целесообразно придерживаться при установлении цен на продукцию. Далее приводится картинка, на которой изображены емкости разной формы, объема, цвета и предназначения. (http://www.elitarium.ru/2012/04/25/cenovye_strategii_primenimost_na_praktike.html)

2. Экспрессивная функция (манифестируемая) состоит в усилении выразительности в популяризационных статьях для целенаправленного воздействия на аудиторию. Примером реализации данной функции в популяризационных статьях выступают яркие интересные заголовки и интригующее начало: *Восемь принципов фанки-бизнеса. «Мир изменился, знания устарели, добиться успеха может только тот, кто отличается от всех»* – уверяют авторы книги «Бизнес в стиле фанк» Кьял А. Нордстрём и Йонас Риддерстрале. Так что же это такое: бизнес в стиле фанк? (http://bishelp.ru/svoe_delo/org/2008fank.php)

3. Регулятивная функция заключается в организации и регулировании процессов, воздействии на аудиторию, контроле над общественным мнением, разновидностями которой являются:

1) Трансляционная функция (интерпретационная, транспортирующая) – трансляция и интерпретация реальности, некоторого набора общепринятых норм и образцов социального поведения и жизни с определенных позиций (мировоззренческих, этических, политico-идеологических и др.), быстрая передача и массовое тиражирование в популяризационной статье словесной, образной и пр. информации, продвижение идей, товаров, людей на политическом и экономическом уровнях. В качестве примера приведем фрагмент из популяризационной статьи о новой маркетинговой

стратегии и сферах ее применения: *Идеалом кастомизации считается персонализированный маркетинг, когда у потребителя создается ощущение, что работа делается лично для него, и он пользуется уникальным продуктом. Такое ощущение создает Volvo, предлагая покупателям “Создать свою Volvo”, выбрав уникальную конфигурацию авто.* (<http://www.ippnou.ru/article.php?idarticle=003227>)

2) Идентификационная функция (дифференцирующая) – констатация разнородности общества (мировоззренческая, социальная и пр.): отражение в популяризационной статье статуса адресанта, демонстрация роли лидера и т.п.; характеристика организации или человека в сравнении с другими, выявление сильных и слабых позиций обоих сторон. В следующем примере популяризационной статьи показаны лидерские качества и взгляды Лео Берннетта, широко известного по своим масштабным рекламным проектам: *Берннетт утверждал, что каждый продукт содержит в себе неотъемлемую эффектную составляющую; нечто, что мотивирует людей покупать данный продукт; нечто, что заставляет производителя выпускать его – именно эта характеристика продукта выделяет его из общей массы. Именно эту составляющую продукта должно подчеркивать каждое рекламное объявление продукта.* (http://www.elitarium.ru/2003/12/16/leo_bennett_1891_1971.html)

3) Воздействующая функция – прямая и косвенная пропаганда и агитация: продвижение в популяризационной статье определенных стандартов, норм поведения, товаров или услуг. Следующий фрагмент популяризационной статьи раскрывает особенности данной функции: интригующий, привлекательный заголовок, смысловая и информационная нагрузка в основной части, а так же продвижение определенного товара посредством скрытой рекламы и логическое завершение. Статья снабжена богатой графикой, ярким изображением, что делает ее еще более привлекательной для читателя. *Телефон с рыбным названием хорошо ныряет.* Далее дается яркое фото, изображающее лицевую и тыльную стороны нового android-аппарата Eluga в дымке на черном фоне. *Apparat способен выдержать погружение в воду на глубину до 1 м в течение получаса. Вот компания Panasonic анонсировала новый android-аппарат под именем Eluga. Для россиян это нечто*

среднее между Белугой и Елабугой. Но ни то ни другое, судя по всему, в виду не имелось, а просто так совпало. Как обычно. Японцы традиционно проявляют мощнейший креатив, когда дело доходит до придумывания названий. (<http://www.izvestia.ru/news/516365>)

III. Функции популяризационной статьи в системе воздействия АДРЕСАТ

1. Гедонистическая функция состоит в развлечении адресата с помощью сообщения информации, которая воспринимается положительно. Способ ее передачи отвечает эстетическим потребностям адресата (популяризационная статья, содержащая информацию для определенного круга читателей, например: «новая компьютерная игра, созданная 19 летним компьютерным «чайником»). Напр., *Технология в клокпанке ушла не так далеко. Да, уже летают первые воздушные шары, во всю стреляют пушки, воды океанов бороздят парусники...* Однако научных знаний еще не так много, да и доступны они не для всех. Поездов еще нет, транспортом служат лошади и кареты. Основной способ связи – почта (как вариант – голубиная). Источники информации – писанные от руки книги, печатный станок уже есть, но еще не работает в полную силу. Фотография тоже только зарождается, но искусство живописи и скульптуры находится в апогее своего развития, художники ценятся на вес золота.

(<http://www.gamer.ru/everything/klokpank>) В данном примере популяризационной статьи описывается новая компьютерная игра, которая преподносится так красочно и увлекательно, что сразу интригует читателя, воспринимается им положительно и способствует его развлечению.

2. Гармонизирующая функция снимает психологическое напряжение и разрешает конфликтные ситуации. Напр., *От Минобороны откатили Mercedes концерна Daimler. Следствие не нашло в закупках машин у Daimler AG вины представителей военного ведомства, «Доринвеста», администрации Уфы и Нового Уренгоя. Из ответа стало ясно, что администрация Нового Уренгоя вообще не закупала Mercedes у Daimler AG. Машины купило ООО «Уренгойгазпром».* (<http://www.izvestia.ru/news/522859>) Из данного примера видно, что статья носит не только информационный

характер, но и регулирующий, т.е. раскрывает суть конфликта и показывает возможные пути решения.

3. Интегративная функция способствует объединению, единству нации, что в популяризационной статье актуализируется на уровне политических, военных профилей. Напр., *11 сентября 2001 года небольшая группа знающих толк в Интернете фундаменталистов унизила мировую супердержаву. Выяснилось, что ФБР, ЦРУ, армада танков и полный океан авианосцев и атомных подлодок не в состоянии противостоять страстному стремлению, координированному общению и вскрывателям ящиков по \$3,19 за штуку. Террористы создали совершенную «виртуальную организацию» – быструю, гибкую, коварную и стойкую. После чего, несмотря на множественные промахи, эти террористы побили выставленных против них бюрократических бегемотов. Boston Globe: «в эпоху, когда террористы используют спутниковые телефоны и закодированную электронную почту, американские спецслужбы вооружились против них бумагой и ручкой, а также архаическими компьютерными системами, неспособными общаться друг с другом».* (http://www.syntone.ru/library/books/content/1527.html?current_book_page=all)

В результате проведенного исследования были установлены 3 основные **жанрообразующие функции популяризационной статьи в медиадискурсе:**

Информационная функция – письменное масштабное и оперативное информирование адресата о событии, популяризация знаний и ценностей. Популяризационная статья быстро и качественно информирует о важном событии (напр., выборы нового президента или реализации национального проекта по здравоохранению).

Воздействующая функция – прямое и суггестивное воздействие на адресата. Популяризационная статья, информируя, привлекает внимание к товару или услуге, воздействует на адресата при помощи текста и медиа возможностей. Иллюстрацией данной функции может быть статья *«Телефон с рыбным названием хорошо ныряет»*, которая снабжена как вербальными, так и невербальными (визуальными) средствами для целенаправленного воздействия на адресата. Сначала предлагается красочное фото телефона и

смартфона, брошенных в освещенную сверху, голубую воду, затем идет текст, поясняющий выбор картинки, дополняющий визуальный ряд вербальной информацией: *Технически новинка не поражает воображение, но в то же время не отстает от флагманов других компаний. Но главная фишка Panasonic Eluga вовсе не в технических характеристиках, потенциально качественной камере или скором после старта продаж обновлении до Android 4.0. Дело в том, что при толщине корпуса 7,8 мм (этот смартфон – один из самых тонких на рынке) аппарат сертифицирован по стандарту защиты IP57. Это значит, что Eluga обладает пыле- и влагозащищенным корпусом, а также способен выдержать погружение в воду на глубину до 1 м в течение получаса. При этом внешне, по корпусу смартфона, пользователь никак не определит этот уровень защиты, разве что по наличию подозрительно надежных заглушек для разъемов.* (<http://www.izvestia.ru/news/516365>)

Имиджевая функция – формирование позитивных оценочных установок у адресата по отношению к адресанту. Товар или услуга в популяризационной статье позиционируется с выгодной для автора стороны. Напр., «*Обычно Williams-Sonoma представляет новую коллекцию в начале потребительского сезона, и до следующего сезона особых изменений в коллекции не производится, – рассказывает аналитик Джоан Богукки-Стормс из Wedbush Morgan Securities. – Если товар не соответствовал модным тенденциям, просто устраивали распродажу в конце сезона*. Проблема в том, что покупатели теряли интерес еще до окончания сезона. Поэтому компания изменила тактику. Она стала представлять новые товары каждые две недели. То, что не продавалось, немедленно распродавалось. «*Необходимо приучить покупателя, что у вас все время новый, быстро обновляющийся ассортимент, – говорит Богукки-Сторм. – Прием сработал. Покупатели стали чаще заходить в магазин с целью ознакомиться с новинками, что не замедлило сказаться на результатах Williams-Sonoma.*» (Ричард Фарсон, Ральф Кейес. «Выигрывает тот, кто допускает больше ошибок» *Investors Business Daily* 26 июля 2002.)

Итак, в результате исследования популяризационной статьи (ПС) как жанра медиадискурса выявлен ее богатый функциональный потенциал: *I. Функции ПС в системе воздействия АДРЕСАНТ → АДРЕСАТ*: познавательная, культурная, творческая. *II. Функции ПС в системе воздействия АДРЕСАТ*: презентативная, экспрессивная, регулятивная. *III. Функции ПС в системе воздействия АДРЕСАНТ*: гедонистическая (развлекательная), гармонизирующая, интегративная, инспиративная. Также при анализе соответствующей литературы и фактического материала были выделены 3 основные **жанрообразующие функции популяризационной статьи в медиадискурсе: информационная, воздействующая, имиджевая**.

ЛИТЕРАТУРА

1. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: О проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: Монография. – М.: ИЯ РАН; Волгоград: ВФ МУПК, 2003.
2. Желтухина М.Р., Макарова Ю.А. О жанре «популяризационная статья» в современном медиадискурсе // Лингвистика речи. Медиастилистика: колл. монография, посв. 80-летию проф. Г.Я. Солганика. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – С. 302-319.

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ

О.С. Захарова

*Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198*

Работа посвящена окказионализмам в современных СМИ. Делается попытка дифференциации окказионализмов в отношении их семантико-прагматических особенностей.

Ключевые слова: окказиональное слово, прагматика, семантика, коннотация.

PRAGMATIC ASPECT OF NONCE-WORDS FUNCTIONING IN MODERN MASS MEDIA

O.S. Zakharova

*Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6a, Moscow, Russia, 117198*

The paper deals with nonce-words in modern mass-media. The author attempts to distinguish nonce-words into groups in point of their semantic and pragmatic peculiarities.

Key word:nonce-word, pragmatics, semantics, connotation.

Содержание языковой единицы включает в себя не только структурные и семантические характеристики. В частности, семантика окказиональной единицы всегда содержит дополнительную, прагматическую информацию. Прагматика – один из планов изучения языка, выделяющий и исследующий единицы языка в их отношении к тому лицу или лицам, которые пользуются языком [3, с. 344]. Прагматическая информация, закодированная в семантике неканонических слов, продуктирует в сознании адресата ассоциативные смыслы, влияющие на интерпретацию окказионального слова и, таким образом, на понимание интенций лица, создавшего окказионализм.

Прагматический аспект окказионализмов позволяет наиболее полно представить богатство содержания и разнообразие коммуникативных возможностей неузуальной лексики. Стимулом для окказионального словообразования служат личностные причины (стремление более точно и экспрессивно выразить свое мнение или состояние, желание произвести определенное впечатление), а значит, содержательные особенности нового слова во многом характеризуют и самого говорящего. В настоящее время в СМИ всё чаще встречаются окказионализмы, в особенности в заголовках статей, что доказывает высокий коммуникативно-прагматический потенциал таких новообразований.

Прагматика является значимой составляющей образования окказиональных слов. Выявление значения окказионализма подразумевает рассмотрение его внутренней формы, а также марки-

рующих словообразовательных средств, оказывающих влияние на процесс интерпретации окказионального слова. В СМИ даже самый комбинационный с точки зрения структуры окказионализм будет иметь в своей основе словообразовательную модель. Окказионализм должен хотя бы отдаленно напоминать в структурном и семантическом плане известный узуальный образец, иначе он может быть непонятным адресату, а следовательно – может стать причиной коммуникативной неудачи. Все многообразие окказиональных словообразовательных структур по своему фонетическому и структурному оформлению реализует потенциальные возможности языковой системы. Однако неопределенное множество таких потенциальных возможностей провоцирует диффузность семантики и прагматики окказиональной единицы, а потому интерпретация такой единицы нередко требует уточнений.

В рамках изучения прагматической значимости окказионализмов, вслед за Ю.Д. Апресяном [1], М.Н. Эпштейном [6], выделим такую единицу, как прагмема. Под прагмемой понимаем лексическую единицу, в данном случае окказиональную, соединяющую «предметность и оценочность» [6, с. 20], таким образом, имеющую прагматическую установку. Однако степень прагматической выраженности того или иного речевого новообразования может варьироваться. В соответствии со степенью прагматической информативности предлагаем выделить три типа окказиональных прагмем:

1. **Диафанические окказиональные прагмемы** – (греч. *diaphanes* – прозрачный) – новообразования, не требующие контекста для своей семантизации, обладающие очевидным прагматическим значением благодаря прагматической информативности корневых и служебных морфем.

2. **Контекстные окказиональные прагмемы** – окказионализмы, семантико-прагматическая актуализация которых возможна только в контексте;

2.1. Как отдельный тип контекстных окказиональных прагмем, выделим **эмпирические окказиональные прагмемы**. Интерпретация эмпирических прагмем происходит на основе внеязыкового, «фонового» знания. К внеязыковым эмпирическим элементам можно отнести, например, различные явления культуры.

Семантико-прагматическая прозрачность диафанических прагмем вызвана соотношением в них эмоционального и рационального. Корневая и служебная морфемы могут произвести новый денотат, который представляет рациональное начало, при этом морфемы выполняют прагматическую функцию, передают коннотативное сознание. Однако семантика в данном случае эксплицируется явно. Как правило, для интерпретации диафанической прагмемы контекст представляется избыточным. Часто окказионализмы создаются с номинативной целью. Однако, производя новый денотат, окказионализмы, несомненно, выполняют и прагматическую функцию. Так, окказиональная прагмема *желтопрессники* (Интернет-газета «Дни.ру»; 08.02.2011), образованная путем сложения, имеет прозрачную внутреннюю форму за счет образующих ее корневых морфем. Словосочетание *желтая прессса* – разговорное выражение, обозначающее средства массовой информации, доступные по цене и специализирующиеся на слухах, скандалах, сплетнях. Очевидно, что значение окказионализма *желтопрессники* прозрачно и выводится без контекста – журналисты, работающие в т.н. «желтой пресссе». Также очевидно, что, заменив существительное «журналисты» данным окказионализмом, авторы стремились дать отрицательную коннотацию денотату.

Прагматически наполненным представляется также высвобождение аффиксов и частей узуального слова, причем эти части несут в себе значимую сему, выводящуюся вне контекста: «*Прикасаемый*. Депутата Госдумы приговорили к реальному сроку за продажу мандата» («Новые известия»; 27.05.14). Аффикс *-при* высвободился, создав тем самым окказионализм, антонимичный своей производящей основе. В то же время, данную прагмему можно рассматривать как эмпирическую, поскольку её антоним отсылает реципиента к одноименному гангстерскому фильму. Таким образом, окказионализм выполняет прагматическую функцию, выражая эмоциональное, отношение автора к предмету речи.

Распространение получает создание диафанических глаголов-прагмем, образованных от существительных (как от конкретных, так и от абстрактных). Так, в текстах СМИ все чаще встречается окказиональный глагол «*кошмарить*», ставший своеобразным синонимом глаголу «пугать». Однако в отличие от узуального си-

нониматакий окказионализм эмоционально-экспрессивно окрашен.

Как правило, диафаническими можно назвать прагмемы, в составе которых есть морфемы *super-*, *mega-*, *мульти-*, *анти-*, *кибер-*, *евро-*:*суперклейкий* («МК»; 15.08.13), *суперъяхта* («КП»; 19.10.13), *супербогатство* («КП»; 26.09.13), *мегапартия*(«МК»; 14.02.12),*мультирелигиозный* («МК»; 15.04.11), *мультивзяточник* («МК»; 01.08.13), *антитутинцы* («МК»; 18.05.12), *антигражданский* («МК»; 27.06.12) *кибервойна* («МК»; 18.10.12), *евродепутат* («МК»; 28.07.11), *евроовощи* («МК»; 24.06.11). Коннотация новизны сопровождается неординарностью формы и смысловой насыщенностью окказиональных единиц.

Зачастую прозрачное значение имеют окказиональные прагмемы, созданные по конкретному образцу: «Секретоноситель исчез после проверки счетной палатой. Замглавы Росреестра сбежал за границу» («КП»; 01.10.2013). Производящий образец (ср. узуал. – ракетоноситель) обуславливает коннотацию ироничности данной прагмемы. Кроме того, контекст позволяет понять, что окказионализм обозначает лицо, а не предмет (в отличие от образца), что усиливает пейоративный характер прагмемы.

Окказионализм может содержать несколько сем, а потому актуализация большинства окказиональных прагмем невозможна или затруднительна без контекста. Доля контекстуальных прагмем среди окказионализмов в СМИ наиболее высока. Данный тип окказиональных прагмем допускает множество интерпретаций, и потому декодирование семантико-прагматической структуры таких новообразований невозможно в отсутствие контекста. Как отмечает Е.А. Земская, «текст служит средством актуализации различных сторон словообразовательного механизма» [4, с. 17].

Важно, что контекст (или конситуция) в полной мере обеспечивает понимание и точную интерпретацию окказионализмов, которые в обособленном виде могут вызывать различные толкования. Характеристика свойств данной группы окказиональных прагмем должна осуществляться в зависимости от степени «прозрачности» этих прагмем, т.е. выводимости семантики и прагматики окказионализма из контекста. Подобно диафаническим, контекстные прагмемы соединяют в себе денотативное и коннотативное

содержание, причем от их соотношения зависит прагматическая значимость прагмемы. Степень прозрачности содержания контекстной прагмемы составляют несколько факторов:

- информативность морфем, составляющих окказионализм;
- степень информативности контекста;
- продуктивность и известность словообразовательной модели, по которой был создан окказионализм;
- тип способа образования окказиональной единицы (стандартный или специфический).

Рассмотрим контекстные прагмемы, семантико-прагматическое содержание которых можно раскрыть при минимальном контексте. Подобные прагмемы могут образовываться различными способами. Так, контекстная прагмема *радийщики*, образованная суффиксальным способом, требует уточнения лишь для того, чтобы исключить конвергентные значения: «Бронзовые микрофоны» – лучшим *радийщикам*. В Москве состоялась торжественная церемония награждения победителей национальной премии «Радиомания-2011» («Новости Подмосковья»; эфир от 12.05.2011). Контекст в данном случае необходим для уточнения значения: коннотация новизны в слове *радийщики* возникает благодаря трансформации корневой морфемы радио-, ставшей в результате омонимичной лексеме «радий». Данная омонимичность затрудняет интерпретацию в условиях нулевого контекста.

Контекста требует и, на первый взгляд, прозрачный окказионализм *еврояичница*. В данном случае контекст позволит избежать буквального трактования окказионализма, выявит его метафоричность и коннотацию ироничности: «*Еврояичница* на российском газе. Молдавский премьер хочет получить от Москвы дешевые энергоносители и Приднестровье» («МК»; 12.09.12).

Как видно из примеров *радийщик* и *еврояичница*, узуальность словообразовательного способа сама по себе не является гарантией семантико-прагматической прозрачности окказионализма. Однако очевидно, что прагмемы, образованные специфическими способами, требуют более обширного контекста для своей интерпретации. Так, окказионализмы *объЕГЭрить* и *мэрафон*, созданные по образцам узуальных слов (ср. узул. *объегорить* и *марафон*), содержат несколько денотатов. Та часть новообразования,

которая была взята от слова-образца, безусловно, намекает на содержание окказионализма, однако такой ассоциативной отсылки бывает недостаточно для полного понимания слова. Контекст раскрывает комическое коннотативное значение прагмем: «Учителя *объЕГЭрили* президента. Учителя почти уговорили главу государства открыть банк заданий ЕГЭ и ввести пересдачу экзаменов, а заодно отменить обязательность выполнения домашних заданий в старших классах» («МК»; 05.09.13); «Подмосковный мэрафон. Состоявшиеся в Подмосковье выборы глав муниципальных образований (самые знаковые – в Химках, Мытищинском районе, Воскресенске, Сергиевом Посаде и Пушкино) показали, что хоронить партию власти еще рано» («МК»; 15.10.12). Новообразование *объЕГЭрить* можно также отнести к эмпирическим окказиональным прагмемам, поскольку оно содержит термин, известный именно русскоговорящим адресатам. Полная семантическая и прагматическая актуализация эмпирических прагмем возможна при восприятии их через призму культурно-исторических и социальных особенностей носителей языка. Таким образом, раскрыть прагматическое содержание эмпирической прагмемы возможно, обладая экстралингвистическими знаниями имев способность воспринять культурный код, зашифрованный в новообразовании. Содержание фоновой информации охватывает, прежде всего, специфические факты истории и государственного устройства национальной общности, особенности ее географической среды, характерные предметы материальной культуры прошлого и настоящего, этнографические и фольклорные понятия, особенности культуры современного языкового общества и т.д. Следует отметить, что демократизация языка обуславливает появление «кодовопроницаемого, изощренного и/или обладающего особым знанием читателя, который был бы способен решить задачу соотнесения формы и содержания в наиболее сложных случаях» [5, с. 297]. При восприятии эмпирической окказиональной прагмемы сознание реципиента соотносит получаемую информацию с уже известной информацией, с определенным знанием, сложившимся в данной культуре. Так, М.Н. Эпштейн называет подобные единицы знания мемами [8, с. 213-215].

Фоновая актуализация культурно обусловленного окказионализма опирается не только на знание национально-самобытных реалий, но и на определенный уровень культуры реципиента. Корректность интерпретации эмпирической прагмемы, тем самым, зависит от степени информированности реципиента. На уровень информированности в свою очередь могут оказать влияние такие факторы, как возраст, социальный статус реципиента и т.д. Так, не имея представления о постперестроичном периоде невозможно корректно воспринять такой окказионализм, как *МММастер-банк*: «*МММастер-банк*. Мошенники охотятся за клиентами прогоревшей финансовой организации» («КП»; 23.11.13). Для человека, знакомого с ситуацией, разворачивавшейся в России в первые годы после перестройки, троекратное «М» является не просто повтором букв, а названием известнейшей финансовой пирамиды. Автор окказионализма путем контаминации сочетал в его названии две основы: производящая основа названия банка конкретизирует и актуализирует вторую основу – МММ. Таким образом, адресат, являющийся носителем фоновой информации, может составить представление о содержании статьи только по одному заголовку. Данный заголовок является ярким примером языковой игры и, безусловно, привлекает внимание читателей, являющихся носителями культурной информации.

К эмпирическим окказионализмам относим также ставшие распространенными в публицистическом дискурсе неузуальные аббревиации личных имен (ВВП – В.В. Путин; ДАМ – Д.А. Медведев, БГ – Борис Гребенщиков и т.д.). Сама по себе аббревиация личных имен носит обыденный характер в определенных жанрах письменной речи – дневниковых записях, письмах, записках и т.д. Как правило, к такому способу номинации прибегают, когда лицо хорошо известно участникам коммуникации. Такое обращение характерно для неформального общения. В тексте газеты подобные аббревиации, как правило, экспрессивны и выражают отношение автора к обозначаемому лицу. Прагматический эффект от использования аббревиатур-антропонимов вместо обычных имен собственных разнообразен. Так, Н.Е. Петрова отмечает, что аббревиатура «позволяет маркировать социально-политическую или культурную значимость лица, его особое положение в соответ-

вующей социальной или профессиональной группе» [5, с. 133]. Аббревиация имен других деятелей политики и культуры осуществляется не так последовательно. Таким образом, можно отметить эффект «причастности к элите» по отношению к тому лицу, имя которого было подвергнуто аббревиации. Вместе с этим, чрезмерное употребление окказиональных аббревиатур-антонимов в СМИ, на наш взгляд, приводит к закреплению за этими единицами коннотации пейоративности.

Окказиональные слова в современных СМИ являются палитрой прагматических приращений, которые акцентируют семантику новообразований. Принадлежность окказиональной прагмемы к той или иной группе зависит от степени семантической автономности самого новообразования. Окказиональные прагмемы образуются различными способами: стандартными и специфическими (собственно окказиональными). За определенным типом неузуальных прагмем не закреплен конкретный словообразовательный способ. Грамматические свойства окказионализмов становятся прагматически значимыми, когда в номинации предусмотрен эффект нарушения системной нормы. Актуализация прагматического содержания неузуальной единицы происходит в результате логически оправданного соединения производящих основ и морфем. Важную роль в раскрытии коннотативного значения окказиональных прагмем играет их контекстуальное окружение. Оценочность окказионализмов подразумевает экспликацию положительного или отрицательного отношения к объекту высказывания. В последнее время среди окказиональных прагмем наблюдается преобладание единиц с пейоративной оценкой, обладающих высокой степенью экспрессии.

Следует отметить, что дифференциация окказиональных прагмем не всегда имеет контрастный характер, поскольку границы между названными группами единицнеоднозначны. Тем не менее, дифференциация окказиональных прагмем может быть одним из способов исследования прагматической стороны окказионального слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Лексическая семантика. – М., 1995. Т. 1.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М., 1995. – Т. 2.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966.
4. Земская Е.А. Словообразование и текст (К семидесятилетию М.В. Панова). // Вопросы языкоznания. 1990 – № 6. – С. 17–30.
5. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Прецедентный текст как редуцированный дискурс. // Язык как творчество (к 70-летию В.П. Григорьева). Институт русского языка РАН. – М., 1996. – С. 297–303.
6. Петрова Н.Е., Рацебурская Л.В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: учеб. пособие. – М., 2011.
7. Эпштейн М.Н. Идеология и язык (построение модели и осмысление дискурса). // Вопросы языкоznания. 1991. – № 6. – С. 19–33.
8. Эпштейн М.Н. Слово как произведение. О жанре однословия. // Новый мир, 2000. – № 9. – С. 204-215.

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЗАЦИИ КУЛЬТУРОЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ БЛОГОВ)

О.Б. Максимова

*Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198*

В статье рассматриваются средства выражения категории культуро специфичности в сетевом дискурсе. Выявляется иерархическая структура организации культуроносной информации. Делается попытка выделить семантические доминанты единиц компьютерного дискурса, используемых авторами блогов.

Ключевые слова: национально-культурная специфика, уровни культурологического контекста, семантическая доминанта, Интернет, блоги.

PECULIAR FEATURES OF CULTURE-SPECIFIC INFORMATION SEMANTIZATION IN INTERNET COMMUNICATION (BASED ON POLITICAL BLOGS MATERIAL)

O.B. Maximova

*Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198*

The article is devoted to the means of cultural specificity category manifestation in the Internet discourse. The hierarchic structure of cultural specific information organization is revealed. An attempt is made to distinguish semantic dominants of computer discourse lexical items used by bloggers.

Key words: national and cultural specificity, the levels of culturological context, semantic dominant, Internet, blogs.

Для выявления способов и особенностей актуализации категории культуроspecificности в электронной коммуникации мы провели анализ текстов русскоязычных политических блогов, освещающих события социально-политической и общественной жизни. Выбор политических блогов в качестве материала для исследования обусловлен возрастющей значимостью коммуникации в блогах в плане формирования общественного мнения. Соответственно, мы сфокусировали внимание на тех элементах коммуникативного пространства блога, которые обладают высоким потенциалом воздействия на реципиента в интересах коммуникатора. Сюда относятся т.н. выделенные структуры, направленные на привлечение внимания реципиента [4, p. 359-383]: заголовки, слоганы, метки-теги, а также лексические единицы, маркированные в плане категории культуроspecificности. Включение в текст подобных «семантических указателей», играющих роль маркеров наиболее важной информации, позволяет эффективно структурировать информацию, способствует компрессии смысла высказывания, создает эффект «многоплановости».

Основной особенностью отечественной политической блогосферы можно считать чрезвычайно высокую насыщенность

культуро специфичными элементами, различающимся по степени их вовлеченности в культурологический контекст. В этой связи представляется целесообразным использовать многоуровневую схему, согласно которой те или иные элементы текста могут действовать культурологический контекст на денотативном, коннотативном, ассоциативном и метафорическом уровнях [1, с. 234]. Денотативный уровень образован лексическими единицами, обозначающими реалии и артефакты; коннотативный уровень представлен словами и словосочетаниями с культуро специфичными коннотациями; ассоциативный уровень – лексическими единицами с устойчивыми ассоциативными связями; метафорический уровень включает культурозначимые фрагменты текстов национальной культуры.

В рассмотренном нами материале единицы денотативного уровня представлены, преимущественно, именами собственными. В эту группу входят имена известных политиков (*Владимир Путин, Ангела Меркель*), наименования политических партий и движений (*Народный фронт, Справедливая Россия*), государственных учреждений (*Совет Федерации, мэрия*), памятников истории и культуры и т.п. Данные единицы нередко подвергаются компрессии (*Совбез, Госдеп, ЕБРР, ОМОН*). Их употребление может быть обусловлено реализацией информационной функции (например, упоминание имен действующих политиков). В некоторых случаях данные единицы отражают специфику национального менталитета. В частности, ориентировка на российский менталитет просматривается в ироническом именовании-величании американского президента: «**Барак Хуссейнович Шахерезадов** ни одной ночи без разговора с Путиным прожить не может» (блог Э.В. Лимонова), или же в своеобразной русификации/украинизации имени и образа представителя американского Государственного Департамента: «**Вика Нуланд** висит у плеча “Ну Яць, та скинь ты геть этих нациков!”» (Там же). (1)

В приведенных примерах употребляемые собственные имена, помимо денотативного значения, имеют отчетливо выраженные коннотации, выражают авторское мнение и оценку. Соответственно, они могут быть отнесены не к первому (денотативному), а ко второму (коннотативному) уровню культурологического кон-

текста. К этому же уровню относятся и элементы общественно-политической лексики (преимущественно из области политической терминологии), обозначающие универсальные понятия, имеющие разные оценочные коннотации в различных культурах и отражающие специфику национального мировоззрения. Подобная лексика, относящаяся к «идеологической войне» терминов, позволяет авторам по-своему расставлять политические и идеологические ориентиры. Так, например, при освещении событий на Украине используются лексические единицы с позитивной, негативной и нейтральной коннотацией, причем спектр словоупотребления настолько насыщен, что зачастую бывает непросто определить, о какой группе населения идет речь в том или ином случае. Приведем примеры своеобразных синонимических рядов: с одной стороны – сторонники федерализации: *ополченцы, повстанцы, сторонники самопровозглашенной Донецкой Республики, сепаратисты, боевики, террористы, бандиты, диверсанты, ликующая гопота, колорадское быдло, колорадская чума*; с другой стороны – подконтрольные Киеву подразделения: *бойцы самообороны Майдана, украинские силовики, украинские военнослужащие, киевские власти, хунта, военищина, клика, узурпаторы, путчисты, бандерлоги, бандеровское подполье, укропы, каратели*.

Манипуляцию идеологически модальной лексикой при освещении украинского кризиса достаточно верно оценивает в своем блоге публицист Д.В. Драгунский: «*Шпионы и разведчики, агрессоры и освободители, фанатики и энтузиасты... Вот и еще две такие же парочки появились: Незаконные вооруженные формирования – и отряды самообороны. Боевики – и ополченцы. <...> Кругом сплошная социолингвистика*».

Помимо лексических единиц с политико-оценочной коннотацией, мы выявили единицы денотативного уровня, употребляемые авторами в коннотативном значении. Например, культуроспецифичная единица «*опричники*» придает приводимому ниже отрывку отчетливые негативные оценочные коннотации: «*Любимое развлечение откомленного белорусского спецназа – охота на человека. Толпой – на одного. Очень надеюсь, что Лукашенко и его опричники доживут до суда*» (блог И.В. Яшина).

Следующий – ассоциативный – уровень культурологического контекста представлен лексическими единицами и фразеоглоссами, ассоциирующимися в сознании носителей культуры с определенным стилем и образом. Данные единицы используются в текстах блогов для выражения оценки, сравнения или описания, например: «*От США Украина получит только “майдановскую булочку”...*» (блог С.З. Умалатовой); «...не успела я почувствовать себя **Анной Чапман**, как ко мне подлетела дама в коричневом деловом костюме» (блог М.А. Литвинович); «*Пала наша “берлинская стена”*» (блог Е.С. Холмогорова). Кроме того, единицы ассоциативного уровня используются для создания наглядного, экспрессивного и зачастую ироничного образа с оценочными коннотациями, выражающими позицию автора. Например, в блоге В.В. Жириновского автор выражает свое отношение к деятельности Ю.В. Тимошенко следующим образом: «*То, что Юлия Тимошенко виновна перед украинским народом, не вызывает сомнений. Это аферистка, украинский Гайдар и Чубайс в одном коктейле*». Совершенно очевидно, что для адекватного понимания смысла вышеупомянутого сравнения читателю необходимо не столько иметь точное представление об идеологической платформе и взглядах Е.Т. Гайдара и А.Б. Чубайса, сколько понимать, что символизируют «Чубайс» и «Гайдар» в сознании россиян, какие устойчивые ассоциации пробуждают эти имена.

Что касается четвертого, метафорического уровня культурологического контекста, то он оказался чрезвычайно активно задействован в текстах блогов (по сравнению, например, с новостными текстами). В отличие от элементов ассоциативного уровня, здесь для адекватной интерпретации недостаточно обладать фоновыми знаниями: помимо представления о том или ином событии или явлении, читатель должен обладать глубоким пониманием смысла текстов, ставших достоянием национальной культуры. Именно этот факт, по нашему мнению, обуславливает высокую культуро-значимость и культурообусловленность образных средств метафорического уровня.

Приведем несколько характерных примеров употребления единиц четвертого уровня. В отрывке из поста, название которого «*Силиконовые “плоды просвещения”*» обыгрывает заглавие романа

на Л.Н. Толстого, раскрывается отношение к реформе образования в современной России: «*Вот и получается, что плодами современного просвещения, привитого на “древе” ЕГЭ и “Бульонского процесса”, оказываются лишь силиконовые запчасти и убогость духовного мира*» (блог С.М. Миронова). В следующем отрывке автор удачно обыгрывает названия двух чеховских пьес, проводя параллели между конфликтом, связанным с подмосковным лесом, и ломкой привычного жизненного уклада поместного дворянства: «*А Химкинский лес давно срублен на дрова как Вишневый сад, и все дяди Вани Химок об этом знают*» (блог Э.В. Лимонова). Наконец, в записи, посвященной событиям на Украине, в метафорический контекст включаются мифологические персонажи: «*Ровно на том месте где на Украине должна была быть революция – получился хаос <...>. Из пены этого хаоса к нам вышла прекрасная Поклонская, Крым и многое еще интересного*» (блог Е.С. Холмогорова).

Примечательно, что культурозначимые элементы ассоциативного и метафорического уровня, аппелирующие к «культурной памяти читателя» (часто их называют прецедентными текстами или прецедентными высказываниями [3, с.107]) выполняют в блоггерском дискурсе двоякую роль. С одной стороны, они позволяют высказать авторское отношение к тому или иному явлению в иносказательной или оценочно-экспрессивной форме. С другой стороны, их употребление предполагает не только наличие определенных фоновых знаний у аудитории, но и активную когнитивную деятельность читателя, восстанавливавшего в памяти те источники, на которые ссылается текст.

В качестве наиболее часто используемых в политических блогах прецедентных высказываний можно выделить следующие:

1) тексты литературных произведений: «*Окайяные дни папы*» (блог М.Е. Гайдар); «*Война и мир в постсоветской России*» (блог И.М. Хакамады); «*Здравствуй, новый Химлес*» (блог Е.С. Чирковой);

2) фразеологизмы, пословицы и поговорки, крылатые слова, штампы, афоризмы: «*Я не я, и лошадь не моя, и я не извозчик. А просто водитель Шевроле Нива*» (блог В.И. Алксниса); «*Слышишь речь не мальчика, но мужка!:*» (блог Д.А. Митиной);

3) тексты песен: «*Лучшие горы могут быть только горы!*» (блог Р.А. Кадырова); «*Джигурда здесь, Джигурда там*» (блог М.А. Юденич); «*Сняты курганы тёмные..., а Юльке не верьте*» (блог Э.В. Лимонова);

4) художественные фильмы и мультфильмы: «*А Баба-Яга против!!!!!!*» (блог Д.А. Митиной); «*Веселое лето 2014 года*» (блог В.Л. Тора); «*Вот такие вот, малятки, Звездные Войны....*» (блог Е.С. Холмогорова).

Проведенный нами анализ прецедентных высказываний выявил высокую степень интертекстуальности блогов, что сближает блоггерскую коммуникацию с рекламным дискурсом и, в целом, является характерным признаком текстов массовой коммуникации. Отметим, что сочетание интертекстуальности с гипертекстуальностью, присущей блоггерскому дискурсу как феномену Интернет-коммуникации, создает уникальное сочетание ретроспективы (использование культурообразующих единиц способствует закреплению уже имеющихся «старых» фоновых знаний) и перспективы (гиперссылки стимулируют накопление читателем нового культурного багажа и новых знаний).

Хотелось бы обратить внимание на еще одну особенность русскоязычного блоггерского политического дискурса, а именно, на низкую степень этноцентризма, своюственную отечественным блогам по сравнению с их англоязычными аналогами. В большинстве проанализированных нами блогов, помимо рассмотрения различных аспектов внутриполитической жизни страны, большое внимание уделяется освещению вопросов внешней политики. Это отражает тот факт, что российский читатель традиционно ориентирован на получение как можно более полной информационной картины мира, складывающейся из событий, происходящих как в России, так и за рубежом. При этом, освещение зарубежных реалий может вызывать совершенно искренний, неподдельный интерес, подчас не меньший, чем интерес к собственным проблемам. Как верно отметила в своем блоге И.М. Хакамада, «*Мы, будучи самыми терпеливыми по отношению к своим тараканам, яростно обсуждаем чужих*».

Необходимо отметить, что низкая степень этноцентризма проявляется в отечественных блогах не только в организации и

структурировании информации, но и на всех уровнях культурологического контекста. В отличие, например, от англоязычных авторов блогов, традиционно использующих автохтонные культуро-специфичные единицы при расшифровке феноменов и артефактов чужой культуры [2, с. 45-54], их российские коллеги уверенно оперируют реалиями чужих культур (хорошо знакомых массовому российскому читателю: цитатами из популярных произведений зарубежной литературы, фильмов, опер, крылатыми словами и выражениями и т.п.). Приведем соответствующие примеры. «Жизненное пространство сужается как *шагреневая кожа* из-за избыточных желаний бюрократии и крупного бизнеса» (блог И.М. Хакамады); «Навальный <...> умело создает образ антикоррупционного *Робин Гуда*» (там же); «Донбасс о *muerte*» (блог Д.А. Митиной); «Современная, так сказать “*Ярмарка тицеславия*”» (блог С.М. Миронова); «*Адвокаты дьявола*» (блог С.З. Уматовой).

Поскольку выбор культуро-специфичных единиц обусловлен особенностями национального мировосприятия и, возможно, идеологическими установками, проведенный нами анализ позволяет прояснить российскую проекцию картины мира, как она видится авторам блогов. Наличие в текстах блогов сложных межтекстовых связей с текстами зарубежной культуры и, в целом, весьма широкий диапазон выстраиваемой авторами культурной шкалы, свидетельствует о предполагаемом авторами блогов высоком культурном потенциале аудитории.

Кроме того, обращает на себя внимание такая характерная черта текстов блогов, как насыщенность лексическими единицами, передающими (по мнению авторов) специфику современной сетевой культуры, ее колорит. Приведем характерные примеры: «*Несомненно, в мемориз*» (блог В.И. Алксниса); «...и я даже не знаю, какой это уровень *троллинга*» (блог М.А. Юденич); «*Журналистский мир колбасит нипадецки*» (блог Д.А. Митиной).

В целом, можно отметить, что функционирующие в электронной среде тексты политических блогов оперативно и чутко реагируют на непосредственное лингвокультурное окружение. Авторы намеренно или непроизвольно «украшают» свои материалы лексикой, передающей специфику киберкультуры, перенимают

неформальные паттерны молодежной Интернет-коммуникации. При этом наблюдается своеобразная интерференция культур (например, высказывания «*аффтар жжот*», «*колбасит нипадеци*» можно рассматривать в плане наложения молодежной субкультуры (выражения «*жечь*», «*колбасить*») на эрративную орфографию, своюенную компьютерному сленгу). Это наталкивает на мысль, что в исследовании сетевых текстов культуроопределенность следует трактовать не только в смысле национальной специфики, но в более широком смысле этого слова, рассматривая ее как совокупность факторов, определяющих специфику культуры того или иного социума: социального, профессионального, возрастного и т.п. Рассуждая подобным образом, можно выделить в блоггерской коммуникации (конституируемые языковыми средствами) элементы различных субкультур с присущими им ценностными ориентациями, стереотипами поведения, нормами. В частности, в Интернете представлена культура российской гуманитарной интеллигенции, киберкультура пользователей Интернета, а также молодежная субкультура.

В этой связи, представляет несомненный интерес рассмотрение специфики блоггерского дискурса в свете взаимодействия указанных субкультур. Ориентируясь на перспективу возможного решения этой задачи, мы попытались систематизировать используемые отечественными блоггерами лексические единицы, маркированные в плане категории «Интернет-культуроопределенности», и выделили следующие семантические доминанты: 1) слова и выражения, обозначающие участников компьютерной коммуникации (*боевые блоггеры, френды, бригады троллей, ЖЖ-юзеры, сетевые хомячки*); 2) слова и выражения, обозначающие реалии «сетевой жизни» (*гугл, фейсбук, френдлента, блогосфера, твиттер*); 3) слова и выражения, обозначающие сетевое общение и взаимодействие человека с компьютером (*забанить, отфрендить, запостить, кликать мышкой, погуглить*); 4) слова и выражения, обозначающие формулы вежливости, принятые в сетевой коммуникации, стереотипные комментарии, стандартные обращения при общении в блогах (*ЗЫ (Р.С., набранное кириллицей), ЕВПОЧЯ* («если вы поняли о чем я»), *ППСК* («подписываюсь под каждым словом»), *+1* («полностью согласен»)); 5) так называемые «модные»

словечки, которые могут быть отнесены к сфере молодежного Интернет-жаргона, зачастую написанные с осознанным отклонением от орфографической нормы («*ржунимагу*», «*может и боян*», «*аацкий Госдеп*», «*зачотное*», «*в энторнетах*», «*многабукф*»).

Представляется очевидным, что подобные «вкрапления» элементов компьютерного дискурса выполняют не только обозначающую, но и эмоционально-экспрессивную функцию, содержат оценочные компоненты; соответственно, можно говорить о многоуровневом характере «Интернет-культурного», «молодежно-культурного» и т.п. контекста, вовлекаемого в тексты политических блогов.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Здесь и далее мы придерживаемся авторской орфографии и пунктуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь). – М.: Флинта: Наука, 2008.
2. Максимова О.Б. Россия в зеркале западных СМИ: культурологический контекст (на материале английской и американской прессы) // Вестник РУДН. – Серия «Теория языка. Семантика. Семиотика». – 2013. – №1. – С. 45-54.
3. СЭС – Стилистический энциклопедический словарь русского языка /под ред. М.Н. Кожиной. – М.: Флинта: Наука, 2006.
4. Van Dijk N.A. Discourse and Manipulation // Discourse and Society. – 2006. – № 17(2). – P. 359-383.

**ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ
И ОБУЧЕНИЕ ЯЗЫКУ КАК СРЕДСТВУ
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ:
ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

А.С.Мамонтов

*Государственный институт русского языка им. А.С.Пушкина
ул. Волгина, д.6, Москва, Россия, 117485*

П.В. Морослин

*Международный славянский институт
ул. Годовикова, д.9, стр. 25, Москва, Россия, 129085*

В статье рассматриваются проблемы функциональной эквивалентности применительно к обучению иностранному языку как средству межкультурной коммуникации с позиции этнопсихолингвистики.

Ключевые слова: функциональный, эквивалентность, семантика, сопоставление, система, язык, культура.

**FUNCTIONAL EQUIVALENCE AND TEACHING
LANGUAGE AS CROSSCULTURAL MEANS:
ETHNOPSYCOLINGUISTICS ASPECT**

A.S. Mamontov

*A.S. Pushkin State Institute of Russian Language
Volgina str., 6, Moscow, Russia, 117485*

P.V. Moroslin

*International Slavonic Institute
Godovikova str, 9 /25, Moscow, Russia, 129085*

In the article there are considered the problems of functional equivalence according to teaching foreign language as crosscultural means from ethnopsycholinguistics point of view.

Keywords: functional, equivalence, semantics, comparison, system, language, culture.

Вопрос о функциональной эквивалентности тесно связан с обучением языку как средству межкультурной коммуникации. Как известно, подобное обучение представляет собой обучение речевой деятельности на изучаемом языке. Специалисты определяют следующие особенности языка как учебного предмета:

- во первых, он не даёт человеку новых знаний об объективном мире;
- во-вторых, будучи «беспредметным», изучение языка удовлетворяет специфическую потребность – в общении с его помощью;
- в-третьих, язык как учебный предмет «беспределен» и «безразмерен» [1].

Вместе с тем основной особенностью языка как учебного предмета и речевой деятельности как объекта и цели обучения является то, что общие принципы данной деятельности знакомы учащимся. Отсюда оптимальным, известным любому отечественному лингводидакту, путём обучения иностранному языку представляется такой, при котором происходит осознание грамматической структуры родного языка, который в дальнейшем мог быть автоматизирован и перенесён на иностранный.

Следовательно, весьма актуальным и на сегодняшний день представляется, ставшее классическим, высказывание Льва Владимира Щербы по проблеме двустороннего сопоставления языков: не только иностранного с родным, но и родного – с иностранным: «изучение иностранного языка является... наилучшим средством для познания родного языка... Но если велико значение иностранного языка для родного, то справедливо громадное значение родного для изучения иностранного» [3, с. 341]. Подчеркнём – данная мысль гармонично распространяется, согласно проведённым нами исследованиям, и на область культуры, с которой, как хорошо известно, язык неразрывно связан.

Таким образом, при обучении языку как средству межкультурной коммуникации учебный предмет «иностранный язык» в аспекте культуры является предметом сопоставления с родной лингвокультурой обучаемого. Более того, подобное сопоставление способно производиться порой даже вопреки лингводидактическим установкам: просто потому, что не производиться оно не может – в силу этнопсихолингвистических закономерностей [2].

Под данным углом зрения одна из особенностей речевой деятельности заключается в том, что её принципы не являются предметом специального осознания, равно как и те правила, по которым протекают речевые акты. Однако именно настоящие правила позволяют конструировать важнейшую часть языковой способности человека, которая состоит из иерархии компонентов, связанных в частности с выбором коммуникативных средств. По существу овладение данными правилами определяет возможность коммуникации на изучаемом языке.

Подчеркнём, что факт неосознанности правил выбора коммуникативных средств не означает, что подобные правила в принципе не могут входить «в светлое поле сознания», не могут выступать в качестве предмета специального осознания, а действие этих правил не может сознательно контролироваться. Предметом специального осознания должны быть те элементы системы изучаемого языка, которые исполняют важную роль в реализации коммуникативной интенции.

В результате необходима функциональная система, служащая для передачи экстралингвистических по сути значений. Аналитическая работа над элементами системы родного и изучаемого языков и правилами их функционирования имеет смысл тогда и только тогда, когда результатом подобной работы оказывается формирование названной системы, базой для которой служит описанная в учебной грамматике система изучаемого языка. Так при обучении иностранному языку как средству межкультурной коммуникации встаёт проблема сопоставления систем родного и изучаемого языков. Вместе с тем не каждое сопоставление значимо для обучения и формирования достаточно полного представления о том, зачем нужны для процесса общения и какие функции реализуют те или иные элементы системы изучаемого языка. Полагаем, значимым является такое сопоставление, при котором предметом сравнения выступают не сами элементы систем родного и иностранного языков, а их функции. Принимая во внимание пользу сопоставления родного и изучаемого языков для целей обучения в контексте сопоставительно-лингвокультурологической работы, предлагаем принципы такого сопоставления:

1. Сопоставительное обозначение реалий объективной действительности.

2. Коммуникативная достаточность элемента системы – способен ли элемент или комбинация элементов достаточно адекватно отразить то содержание, которое связано с интенцией говорящего и определено ходом коммуникативного акта.

3. Функциональное соответствие элементов контактирующих языков – данные функциональные способы передачи коммуникативного содержания системы могут не совпадать (например, порядок слов в английском вопросе и интонация в русском), однако функционально они обязаны быть эквивалентны. И это как раз тот случай, когда путём анализа фактов родного языка глубже осмысляется иностранный.

4. Однаковая семантическая наполненность элементов: именно это принцип определяет равнозначность уровня обобщения каждого из сопоставляемых элементов.

5. Соответствие сравниваемого элемента фоновым знаниям обучаемого.

На первый взгляд, данные принципы реализуются (кроме 5-го) практически на всех ярусах языковой системы, одновременно им должно соответствовать сопоставление единиц всех уровней. Вместе с тем если на грамматическом их использование не вызывает затруднений, а задачи, вытекающие из их применения достаточно прозрачны, то на лексическом уровне их применение сталкивается со значительными трудностями.

Основная трудность состоит в том, что «кусочки» действительности, становящиеся объектом номинации и сопоставления, далеко не всегда изоморфны, что не позволяет, имея в виду отражательную функцию слова, говорить о семантическом равенстве номинативных единиц сопоставляемых языков. К примеру, русская лингвокультуре́ма «соловей» и японская «угуису»: объекты номинации и сопоставления различают ряд признаков, хотя между ними имеется нечто общее, в частности функция «красиво петь» и небольшой размер. Сопоставление стало возможным благодаря деятельности переводчиков, которые, будучи посредниками между русской и японской лингвокультурами и опираясь на общие признаки смогли поставить их в соответствие друг с другом.

В процессе обучения языку как средству межкультурной коммуникации мы проводим сопоставление, как отмечалось выше, на системном уровне. Например, русское слово «молоко» и вьетнамское «сыа»; русское слово «велосипед» и вьетнамское «се дап» и т.д. и т.п. Но с точки зрения предлагаемых нами принципов эти и подобные им слова не могут вводиться параллельно: мы не можем вести речь о соответствии данных слов ни с точки зрения коммуникативной полноты, ни с точки зрения функционального соответствия, ни с точки зрения семантической адекватности и, наконец, ни с точки зрения соответствия их фоновым знаниям говорящего. Ведь имея в виду 2-ой принцип, мы не можем считать лингвокультуре «молоко» эквивалентом лингвокультуре «сыа» в частности во вполне узальном высказывании: «По утрам он обычно выпивал стакан молока и шёл на работу» (в значении «он постоянно делал одно и то же»), поскольку молоко во Вьетнаме не является традиционным напитком. В конкретном случае функциональным эквивалентом слова «молоко» следует считать вьетнамское слово «че» – «чай». Что же касается слова «велосипед», то вьетнамцы с трудом могут соотнести его со словом «се дап», например, в таком предложении, взятом из одной из книг для чтения для студентов-иностранных: «Во дворе он увидел стайку ребятишек, они собирались покататься на велосипедах», хотя с чисто языковой точки зрения само предложение трудностей не вызывает. Своебразным «камнем преткновения» выступают определённые латентные семы как русского «велосипед», так и вьетнамского «се дап». Для русского лингвокультурного узуза велосипед может быть средством развлечения, игры, тогда как для вьетнамского – это невозможно. В данной лингвокультуре «се дап» – это вид личного транспорта, а не вышеназванное средство.

В заключение приведём примеры взаимозаменяемости лингвокультуре при русско-вьетнамской межкультурной коммуникации, при этом словарные эквиваленты данных лингвокультуре, как показывают результаты проведённых нами исследований, отмечены несовпадением сем:

Русское слово «солнце» – вьетнамское «луна»

Русское «юг» – вьетнамское «север»

Русское «берёза» – вьетнамское «бамбук»

Русское «суббота» – вьетнамское «воскресенье»

Русское «тюльпан» – вьетнамское «гладиолус»

Русское «матрас» – вьетнамское «циновка» и т.д. и т.п.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зимняя И.А. Психолингвистические аспекты обучения говорению на иностранном языке. – М.: Высшая школа, 1978.
2. Мамонтов А.С. Лингвокультурные основы обучения языку как средству межкультурной коммуникации. – М.: Флинта-Наука, 2010.
3. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974.

УЗУАЛЬНЫЕ СМЫСЛОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПАРЕ «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК» – «РОДНОЙ ЯЗЫК» В МЕДИЙНОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ¹

С.А. Москвичева

*Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6а. Москва, Россия, 117198*

В статье на основании анализа контекстов употребления исследуется понятийная структура терминологических словосочетаний «национальное меньшинство» и «языки национальных меньшинств», показана подвижность данных номинаций на шкале синонимии и омонимии, неустойчивость и размытость их семантики, ставится вопрос о правомерности отнесения их к словам-терминам.

Ключевые слова: семантика, миноритарный язык, термин, терминосистема, номенклатура.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научно-исследовательского проекта РНФ № 14-18-00598.

USUAL MEANINGS IN THE OPPOSITION “NATIONAL LANGUAGE” – “NATIVE LANGUAGE” IN THE SCIENTIFIC MEDIA DISCOURSE²

S.A. Moskvicheva

*Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6a, Moscow, Russia, 117198*

Proceeding from the analysis of contextual usage, the article treats the conceptual structure of terminological collocations “national minority” and “national minority languages”. It reveals the flexibility of those nominations on the synonymous and homonymic scales, as well as their instability and diffusion. Thus their terminological qualification is arguable.

Key words: semantics, minority language, term, terminological system, nomenclature.

Теоретической и методологической базой настоящей статьи послужили принципы и подходы, сформулированные в работах Г.П. Мельникова [3] и Л.А. Новикова [5].

Если в самых общих чертах проанализировать номинации, используемые для обозначения «национальных меньшинств», а, следовательно, и их языков, то выяснится, что зачастую одна и та же онтологическая сущность может получать различные наименования: *меньшинства, народы, общности, группы, этносы, нации, общины* и др.

В базе данных Basededonnées textuelle “Catégorisation des langues minoritaires en Europe(CLME)³” находим следующие номинации: *язык коренной национальности, язык народа, язык малого (малочисленного) народа, язык меньшинства, язык национальной группы, язык народности, язык (титульной) нации*. Заметим, что язык определяется не через его собственные свойства, а через свойства надсистемы, в которой он функционирует. Иными словами мы имеем проекцию языка как коммуникативной системы **на**

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научно-исследовательского проекта РНФ № 14-18-00598.

³ <http://www.msha.fr/baseclme/index.php>

прагматическую плоскость социального статуса тех или иных этно-культурных общностей. Следовательно, речь идет не о терминологии, а о ряде номенклатурных названий. Ключевыми словами данных номинаций являются термины сопредельных наук. Подробный лексико-семантический анализ понятийного поля номинаций миноритарных языков можно найти в нашей статье "Étendue et limites de la synonymie dans la terminologie désignant les langues minoritaires en russe" [4]. В рамках настоящей публикации хотелось остановиться на лексико-семантических структуре и узульных смыслах пары «национальный – родной язык».

В качестве синонима ‘национального языка’ (‘этнического языка’), как бы это ни показалось странным, часто выступает ‘родной язык’. В проект закона о «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации»⁴ введен термин ‘родные языки из числа языков народов Российской Федерации’, который вызвал волну критики в ряде субъектов Федерации. Проблема здесь кроется, в том числе, в наследии смыслов советской эпохи и постперестроечного времени (начала девяностых). В обыденном сознании, в результате его формирования определенным научным и публицистическим дискурсом, сложилась устойчивая семантическая цепочка синонимических смыслов: ‘национальный язык’ (этнический) – ‘язык титульной нации’ – ‘родной язык’, которая противопоставлялась смыслу ‘русский язык’ – ‘язык межнационального общения’. В начале девяностых ‘язык межнационального общения’ был заменен понятием ‘государственный язык’. Получалось, что в социолингвистическом, особенно публицистическом, дискурсе той эпохи русский язык не квалифицировался ни как национальный, ни как родной. Вне всяких сомнений он был тогда и остается теперь *de facto* родным языком этнических русских, но, видимо, этот факт был столь очевиден, что специально не обсуждался даже в научной литературе.

⁴ Проект №292430-6 Федерального закона о внесении изменений в закон Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» // <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=106904>

Сейчас время изменилось. И право выбора родного языка является одной из базовых демократических ценностей, поэтому проект Закона предполагает узаконить «свободный выбор родного языка из числа языков народов России в соответствии с потребностями личности, способностями и интересами человека»⁵ (в том числе в сфере образования, поскольку основная проблема и конфликт интересов лежит именно здесь). Для осуществления этого права предлагается придать русскому языку статус родного наряду со всеми другими языками народов России. Как государственный язык русский язык обязанчен к изучению во всех общеобразовательных учреждениях РФ. В национальных республиках законом о языках и образовании гарантировано право изучения родного языка, под которым часто автоматически понимается язык титульной нации⁶. Таким образом, часы на изучения языка делятся между государственным (русским) и национальным (родным) языком. В случае принятия новой редакции Закона, любой гражданин вне зависимости от этнической принадлежности и места проживания сможет заявить русский язык как родной. В связи с этим возникают опасения со стороны ряда представителей национальных элит, что последствия принятие подобного закона будут негативны для судьбы ‘национальных языков’. В нашу задачу не входит оценка ситуации и реальных последствий принятия этого закона, нам важно показать существующие узуальные смыслы и семантические отношения между анализируемыми номинациями. Показателен, например, вопрос журналиста в интервью с Р. Валеевым⁷, в котором ставится знак равенства между родным языком и титульным языком: «Родной язык и язык субъекта федерации это не одно и то же?». Годом раньше в Комитет Госдумы по образованию поступил проект поправки в закон «Об образовании в РФ»,

⁵ Проект №292430-6 Федерального закона о внесении изменений в закон Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» // <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=106904>

⁶ Законодательства субъектов РФ существенно различаются в данном вопросе. Это может стать темой отдельной статьи

⁷ Валеев Р. «Языковое многообразие нуждается в защите» // <http://atimes.tatar-inform.ru/news/society/1953/>

внесенный Государственным Советом Республики Татарстан. Поправка предлагала «считать «родным языком» «язык из числа народов России», за исключением государственного языка Российской Федерации»⁸. В целях разрыва существующих семантических отношений синонимии “‘родной язык’ – ‘национальный язык’” в противопоставлении “‘русский язык’ – ‘государственный язык’” Экспертный совет Комитета Госдумы РФ по делам национальностей по вопросам языковой политики предложили «Изъять из нормативных актов образования и в первую очередь из федерального образовательного стандарта понятия «русский (неродной) и родной (нерусский) язык»⁹.

Из приведенного примера становится очевидным, что номинации в смысловом поле «миноритарный язык» очень далеки от идеала терминосистемы, как ее понимали классики отечественного терминоведения Д.С. Лотте [2], А.А. Реформатский [7] Г.П. Мельников [3], В.М. Лейчик [1]. В общем и целом, процесс терминирования необходимо осуществлять в соответствии с внутренней сущностью объекта, то есть как реакцию системы на функциональные запросы надсистемы, что в итоге и приводит к созданию определенной терминосистемы, единственной в каждый момент ее сознания, если запросы понимать как наиболее существенные и относительно постоянные. В случае языка это будут функции, выполняемые им в обществе, которое по отношению к языку представляет собой надсистему. Выбор и иерархия функций окажутся заданными и непроизвольными.

Однако процесс терминирования можно вести и с позиции конкретной задачи, стоящей перед пользователем системой в конкретный момент времени. В этом случае логос понятийного поля не будет соответствовать отражению сущностных характеристик объекта, но будет являться «частной проекции сущности на избранную прагматическую плоскость» [3, с. 42]. В зависимости от конкретных задач, проекций такого типа может быть сколько угодно, «это приводит к впечатлению возможностей нескольких

⁸ <http://www.km.ru/v-rossii/2012/12/05/obrazovanie-v-rossii/698880-russkii-yazyk-dlya-vlastei-tatarstana-ne-mozhet-byt->

⁹ <http://www.regnum.ru/news/1594899.html>

«теорий» и, соответственно, нескольких «терминологий» на одной и той же системе понятий» [3, с. 43]. Совокупности номинаций, полученных подобным образом, целесообразно называть номенклатурами. В исследованном нами материале языки преимущественно получают номинации в зависимости от статусности этнических групп, социальных функций языка, репрезентации языка в сознании его носителей.

Вторым источником номенклатурных совокупностей может быть приложение к объекту разных методов исследования, поскольку любая методология раскрывает лишь часть сущностных свойств изучаемого объекта, что приводит к образованию, наряду с **прагматической**, также **концептуальной множественности номенклатур** [3 с. 45]. В номенклатурных образованиях возникает почва для развития асимметрии языкового знака, выполняющего роль лексиса при логосе, и что выражается в явлениях полисемии и синонимии единиц номинации.

На основании вышеизложенных положений Г.П. Мельниковым предлагается различать три типа классификаций единиц терминосистем и номенклатур:

1. Феноменологический тип (по внешним признакам изучаемого объекта);
2. Характерологические классификации (по проекциям сущностных характеристик на прагматические плоскости исследования);
3. Эссенциологический тип (по адаптации системы к запросам надсистемы).

Рассмотренные нами номинации составляют по преимуществу второй тип классификаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лейчик В.М. Терминоведение. Предмет, методы, структура. – М.: URSS, 2009.
2. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии. – М.: Издательство Академии наук, 1961.
3. Мельников Г.П. Основы терминоведения. – М.: Издательство УДН, 1991.

4. Москвичева С.А. "Étendue et limites de la synonymie dans la terminologie désignant les langues minoritaires en russe", in Viaut A. et Moskvitcheva S, *Catégorisation des langues minoritaireen Russie et dans l'espace post-soviétique*. Bordeaux, Maison des sciences de l'homme d'Aquitaine, pp. 21-44.

5. Новиков Л.А. Избранные труды. Том1. Проблемы значения. – М.: Изд-во РУДН, 2001.

6. Реформатский А.А. Термин как член лексической системы языка. // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1967. – С. 103–127.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ШОК КАК ЯВЛЕНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Е.М. Недопекина

*Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6а. Москва, Россия, 117198*

В работе определяется такое современное языковое явление как лингвистический шок, существующий как в русском, так и в других языках. Суть этого феномена возвучиях, которые в языке-источнике носителями языка воспринимаются адекватно, а в языке-реципиенте вызывают у слушающих смех или чувство эстетического неприятия.

Ключевые слова: лингвистический шок, культурный шок,озвучие, фонетика.

LINGUISTIC CLASH AS A PHENOMENON OF INTERNATIONAL CULTURE

E.M. Nedopekina

*Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6a, Moscow, Russia, 117198*

The work defines such a contemporary linguistic fact as linguistic clash which exists in Russian language as well as in other languages. The essence of

this phenomenon lays in the phonetic accord that in the original language is appropriately accepted by the native speakers meanwhile in the language-receiver provokes laughter or a feeling of some aesthetic rejection among the foreigners.

Key-words: linguistic clash, cultural clash, accord, phonetics.

Глобализационные процессы, происходящие в современном мире, способствуют развитию межкультурных и межязыковых контактов. Как правило, тесные лингвокультурные связи имеют положительный характер и обогащают обе стороны. Однако подобный диалог может порождать ряд трудностей, в том числе в области коммуникации, если определенные явления языка и культуры взаимодействующих социумов в значительной мере отличаются друг от друга. Итогом подобного рода несоответствия часто бывает недопонимание, взаимное неприятие, смех или даже обида. Чтобы избежать проблем, которые могут повлечь за собой разрыв дипломатических, политических, научных и личных отношений, необходимо понять, что служит причиной неадекватной, на первый взгляд, реакции собеседника на то или иное высказывание.

Ответ на этот вопрос определяется двумя факторами: экстравалингвистическим и исключительно языковым.

Говоря о причинах своеобразной реакции на некоторые высказывания, лежащих за пределами языка, в первую очередь, нужно упомянуть такой явление, как «культурный шок». Впервые этот термин был употреблен американским антропологом Калерво Обергом в 1954 году и позднее, в 1970 году, использован Ф. Боком во введении к сборнику статей по антропологии «Культурный шок» (Cultural Shock)¹⁰. Ф. Бок писал: «Культура в самом широком смысле слова – это то, из-за чего ты становишься чужаком, когда покидаешь свой дом. Культура включает в себя все убеждения и все ожидания, которые высказывают и демонстрируют люди... Когда ты в своей группе, среди людей, с которыми разделяешь общую культуру, тебе не приходится обдумывать и проектировать свои слова и поступки, ибо все вы – и ты, и они – видите мир в принципе одинаково, знаете, чего ожидать друг от друга. Но пре-

¹⁰ Англ. «культурный шок».

бывая в чужом обществе, ты будешь испытывать трудности, ощущение беспомощности и дезориентированности, что можно назвать культурным шоком». Таким образом, под этим понятием Ф. Бок подразумевал состояние удивления и отчасти неприятия человеком тех культурных особенностей другого народа, которые не существуют или слабо представлены в его родном обществе. Причинами данного феномена является отсутствие привычки, то есть неадаптированность индивидуума к чужеродному окружению ввиду недолгого пребывания в иностранном государстве, незнание культурных особенностей данной страны, невладение ее языком, невосприимчивость к ее национальной специфике, а также уровень образования конкретной личности, степень широты ее кругозора и имеющийся у нее опыт межкультурной коммуникации.

Особое место среди названных факторов стоит уделить языку, в качестве основного инструмента общения и неотъемлемой части культурного фонда человека. Как частное проявление общекультурного шока возникает шок лингвистический, представляющий собой «психолингвистическую реальность», то есть особое состояние психического дискомфорта, спровоцированного пребыванием в иноязычной среде. Как правило, оно порождается незнанием иностранного языка и может выразиться в форме «языкового барьера», своего рода психолингвистической замкнутости, в результате которой человек не способен производить речевые тексты, даже если он понимает собеседника.

Природа языкового барьера лежит, скорее, в области психологии, так как этот феномен нередко наблюдается у людей, свободно владеющих грамматикой иностранного языка и имеющего богатый словарный запас. Однако не меньший интерес представляет собой природа смеха, также спровоцированного лингвистическим шоком.

Нередко при изучении иностранного языка можно встретить слова и выражения, фонетический образ которых вызывает улыбку. Например, испанские словосочетания *para mi nietos* (для моих внуков) или *traje negro* (черный костюм), а также французская фраза *je suis perdu* (я потерялся, я в смятении), немецкая *politisch betrachten* (политическая точка зрения) могут оцениваться

слушающими как шутка. Дело в том, что звучание этих высказываний порождает у русофонов специфический ряд фонетических ассоциаций со словами, которые образуют часть русской лексики, называемой в отечественном языкоznании грубо просторечной или вульгарной. То есть в этом случае наблюдается межъязыковая квазиомофония, существенным качеством которой является непривычное или неприличное для русского уха созвучие отдельных речевых сегментов. Формальные ассоциации могут вызывать также иностранные имена собственные, например, фамилия чиновника налоговой службы *Sassi* или начальника департамента одной столичной компании, переведенной на английский язык как *Mister Thrush* [‘mistə Θrʌʃ], где первый звук читается как межзубный [c], и даже название медикамента от головной и зубной боли *пердолан*.

Характер межъязыковой квазиомофонии двусторонний, так есть примеры русских слов, которые звучат на иностранных языках как неприличные: *бизнес-щит* (в английском: *shit* – «грязь, фекалии»), название футбольной команды «*Факел*» (в английском: *fucker* – «придурок, отморозок»), глагол *зажигать* (в польском: *zarzygać* – «начать извергать через рот содержимое желудка») и т.д.

Следует также отметить, что эффект, производимый на собеседника подобным фонетическим сходством с элементами родного языка, не всегда смех или языковой барьер. В некоторых случаях необдуманно или по незнанию употребленное слово или даже звук могут обидеть человека. Так, в русской культурной традиции с помощью звукоподражания *кис-кис* подзывают котов, а приговаривая *пис-пис* пытаются вызвать мочеиспускание у детей, в Доминиканской Республике это междометие используется молодыми людьми для привлечения внимания девушек, но нашими соотечественницами оно интерпретируется как оскорблениe. Однако в ходе изучения иностранного языка и более тесного знакомства с инокультурой лингвистический шок постепенно стирается.

Рассматривая тему формальных ассоциаций в области фонетики необходимо упомянуть такое явление в лингвистике как «народная этимология» – установление этимологической псевдородства слов на основе их фонетического сходства лингвистами-непрофессионалами или вообще далекими от филологии людьми.

Как правило, любительская лингвистика критикуется серьезными учеными, так как она приводит к искажению истории языков и дезориентирует людей, которые прислушиваются к ложным теориям дилетантов. Однако в ряде случаев народная этимология помогает запоминанию иностранных слов или способствует созданию юмористических текстов на основе языковой игры.

В заключение следует отметить, что положение этой темы на границе интересов сразу нескольких научных дисциплин требует более глубоко изучения данной проблематики, так как результаты исследований в этой области могут значительно способствовать развитию межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белянин В.П. Лингвистический шок / Rusistica Espanola: Научный журнал по проблемам русского языка и литературы. – Мадрид, № 5, 1995.
2. Ионин Л.Г. Социология культуры. – М.: Логос, 1998. – С. 17-18.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЦИОНАЛЬНОЙ АРГУМЕНТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Н.В. Никашина, С.В. Фурсин

*Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 9, Москва, Россия, 117198*

Данная статья посвящена вопросам лингвистического анализа рациональной аргументации в выступлениях кандидатов на пост президента США Барака Обамы и Джона Маккейна.

Ключевые слова: политический дискурс, предвыборный дискурс, рациональная аргументация.

THE LINGUISTIC SPECIFICS OF RATIONAL ARGUMENTATION IN POLITICAL DISCOURSE

N.V. Nikashina, S.V. Fursin

*Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 9, Moscow, Russia, 117198*

The article is devoted to the issues of performing a linguistic analysis of rational argumentation in the speeches of US presidential candidates Barak Obama and John McCain.

Key words: political discourse, pre-election discourse, rational argumentation.

Политический дискурс – это сложное социальное явление; существуют различные методологические подходы к его анализу [1, с. 75]. Отдельным жанром политической коммуникации является предвыборный дискурс, который по своим целям находится в сближении с некоторыми риторическими жанрами: 1) с *информационющим жанром*, целью которого является сообщение нужной информации о кандидатах в президенты; 2) с *аргументирующим жанром*, целью которого становится побуждение реципиента отдать свой голос одному из кандидатов; 3) с *агитирующим жанром*, целью которого выступает побуждение кандидата к действию; 4) с *художественным жанром*, целью которого является пробуждение у избирателя эмоций и чувств; 5) и, наконец, с *эпидейктическим жанром*, нацеленным на выражение кандидатами на высокий пост собственной оценки какого-либо актуального события.

Как речевой жанр, предвыборный дискурс относится к сложному коммуникативному событию, состоящему из многих эпизодов, которые, как явления общественного характера, имеют четкий план выполнения, специально организуются, повторяются, охватывают определенное число участников и протекают в официальной манере. Цель данного явления – изменить представления у аудитории в пользу одного из кандидатов и обеспечить численный перевес голосов на выборах. Как правило, предвыборный дискурс монологичен, однако в части дебатов он приобретает черты диало-

га. Обязательным признаком предвыборного дискурса является его эмоциональность, так как риторическое воздействие на избирателей имеет характер нарастающей силы.

Существует два подхода к определению границ предвыборного дискурса. Часть исследователей включают в круг рассматриваемого явления любые публичные высказывания в течение предвыборной кампании. Другие исследователи, например, Т.В. Анисимова [2; 3], под предвыборным дискурсом видят только обращение к целевой аудитории, насыщенное аргументами и имеющее конкретные цели.

Для выполнения задач по воздействию на реципиента применяют следующие формы аргументации: *доказательство, внушение и убеждение*.

Описывая такие формы воздействующей речи, как доказательство и внушение, Т.В. Анисимова отмечает два типа аргументации: *рациональную* (факты, дефиниции и статистические данные) и *эмоциональную* (психологическая аргументация, основанная на ценностях конкретной целевой группы). Предмет нашего исследования – рациональная аргументация в выступлениях кандидатов на пост президента США Барака Обамы и Джона Маккейна, которая в лингвистическом плане выражается через большое количество стилистических приемов разных уровней, а так же сложные грамматические, фонетические, синтаксические и лексические структуры.

Проведенный анализ предвыборных выступлений Митта Ромни и Барака Обамы в 2012 году показал, что воздействие на потенциальных избирателей в рамках рациональной аргументации осуществляется при помощи четкого выбора приемов и средств на фонетическом, лексическом и синтаксическом уровнях. Лингвистические средства, которые используют кандидаты, не совпадают. Анализ предвыборных обращений Барака Обамы выявляет, что он с высокой частотностью использует прием фонетического уровня *аллитерацию*. Среди самых используемых приемов лексического уровня, которые употребляет Обама в предвыборных обращениях, мы выделяем *метафору, аллюзию и эпитеты*. На синтаксическом уровне Барак Обама с высокой частотностью использует *антитезу, анафору, различные виды повтора, полисинтетон и параллельные конструкции*. К числу менее употребляемых стилистических

приемов Обамы мы относим риторический вопрос и градацию. Барак Обама, в отличие от Митта Ромни, часто прибегает к использованию *анадиплосиса* и *этифоры*.

Приведем несколько примеров.

Если выделять наиболее частотные, то можно отметить, что и у Обамы, и у Маккейна самым популярным приемом фонетического уровня является *аллитерация* – особый фонетический прием, нацеленный на создание музыкального эффекта при произнесении политической речи, несущий дополнительное эмоциональное воздействие. В речи выражается через выделение интонационно отдельных слов в предложении или при помощи подбораозвучных лексических единиц, выражающих значимую для выступающего мысль.

Так, например, кандидат от республиканской партии Джон Маккейн, говоря о том, что надо сделать, чтобы сохранить нацию процветающей, использует в своем обращении в Новом Орлеанеозвучные лексические единицы, “*rethink, reform, reinvent*”: “To keep our nation prosperous, strong and growing we have to **rethink, reform and reinvent...**” (John McCain, Remarks in New Orleans, Louisiana, June 3, 2008).

В том же обращении используется аллитерация “*proud, patriotic, people*”: “But I'm ready for the challenge and determined to run this race in a way that does credit to our campaign and to the **proud, decent and patriotic people I ask to lead.**” (John McCain, Remarks in New Orleans, Louisiana, June 3, 2008).

Что касается кандидата в президенты от демократической партии Барака Обамы, можно отметить, что он также часто обращается к использованию аллитерации, например Обама говорит, что граждане устали от пустых обещаний политиков, а Вашингтон ничего не предпринимает, чтобы изменить ситуацию экономического кризиса, используяозвучные слова “*drama*”, “*division*” и “*distraction*”: “And while Washington is consumed with the same drama and division and distraction, another family puts up a For Sale sign in the front yard. Another factory shuts its doors forever. Another mother declares bankruptcy because she cannot pay her child's medical bills.” (Barack Obama, Speech to Virginia's Jefferson-Jackson Dinner, February 9, 2008).

При помощи аллитерации, Барак Обама акцентирует внимание избирателей, критикуя политику Джорджа Буша, говоря о несбывшихся надеждах и несчастьях американского народа, “*compassionate*”, “*conservatism*” и “*Katrina*” создают музыкальный эффект и ритм, привлекая внимание аудитории и интонационно выделяя нужные слова: “We were promised compassionate conservatism and all we got was Katrina and wiretaps.” (Barack Obama, Veterans Memorial Auditorium, Des Moines, Iowa, November 10, 2007).

Наиболее употребляемыми синтаксическими приемами синтаксиса являются антитеза, разного рода повторы, асиндтон, полисиндтон, градация и параллельные конструкции. Барак Обама отдает свое предпочтение полисиндтону, в то время как Джон Маккейн использует в своих предвыборных обращениях асиндтон. Нужно отметить, что Обама использует более сложные по структуре параллельные конструкции, однако, оба кандидата в равной степени используют антитезу и анафору. Джон Маккейн в сравнении с Обамой чаще использует прием риторического вопроса.

Описывая наиболее употребляемые стилистические приемы рациональной аргументации, следует отметить, что в политических речах Обамы и Маккейна высокой частотностью употребления выделяется *антитеза*, которая нацелена на создание контраста описываемых событий и явлений. В обращении Джона Маккейна от 7 февраля 2008 года употребляется антитеза, когда данный кандидат говорит о свободе, как о праве, закрепленном за каждым жителем страны: “I am proud to be a conservative, and I make that claim because I share with you that most basic of conservative principles: *that liberty is a right conferred by our Creator, not by governments...*” (John McCain, Remarks to the Conservative Political Action Conference, February 7, 2008).

Или когда Маккейн говорит о предстоящих выборах, что главной задачей будет решать более весомые проблемы, а не незначительные:

“Often elections in this country are fought within the margins of small differences. This one will not be.” (John McCain, Remarks to the Conservative Political Action Conference, February 7, 2008).

“This election is going to be *about big things, not small things.*” (John McCain, Remarks to the Conservative Political Action Conference, February 7, 2008).

В своем другом обращении в штате Луизиана Джон Маккейн так же прибегает к использованию антитезы, говоря аудитории о провальной политике последних лет, и что встав во главе, он сможет это изменить: “*The wrong change looks not to the future but to the past* for solutions that have failed us before and will surely fail us again.” (John McCain, Remarks in New Orleans, Louisiana, June 3, 2008).

“For all the problems we face, what frustrates them most about Washington is they don't think we're capable of serving the public interest before our personal ambitions; that *we fight for ourselves and not for them*” (John McCain, Remarks in New Orleans, Louisiana, June 3, 2008).

В обращении Маккейна непосредственно в ночь перед выборами президента используется антитеза как контраст между будущими действиями Обамы («плохие» действия) и своими собственными («хорошие»): “If I'm elected President, I won't spend nearly a trillion dollars more of your money. Senator Obama will. I'm going to make government live on a budget just like you do. And I will veto every single pork barrel bill Congresses passes. I'm not going to spend \$750 billion dollars of your money just bailing out the Wall Street bankers and brokers who got us into this mess. Senator Obama will. I'm going to make sure we take care of the working people who were devastated by the excesses of Wall Street and Washington.” (John McCain, Remarks in Miami, Florida, November 3, 2008)

Оппонент Джона Маккейна – Барак Обама – использует похожую тактику, приводя противопоставления своих будущих действий и действий Маккейна, говоря о налогах для компаний, создающих рабочие места в стране: “You know, unlike John McCain, I will stop giving tax breaks to companies that ship jobs overseas, and I will start giving them to the companies that create good jobs right here in America” (Barack Obama, Acceptance Speech, August 28, 2008).

В инаугурационной речи Барак Обама, цитируя Авраама Линкольна, использует противопоставление между *множеством* партий, борющихся за власть, и *единым народом*. Эффект слияния аллюзии и антитезы порождает эмоциональный подъем у аудито-

рии: “As Lincoln said to a nation far more divided than ours, **we are not enemies but friends**” (Barack Obama, Victory Speech, US President Elect Speech, November 4, 2008).

Другим частотным приемом синтаксического уровня является *повтор*, который может быть *синонимическим, эпифорическим, анафорическим и кольцевым*.

Наиболее употребляемым является *ананорический повтор*, который придает отрезку речи некую ритмичность и усиливает его выразительность: “They've seen me put our country **before any** President – **before any** party – **before any** special interest – **before** my own interest” (John McCain, Remarks in New Orleans, Louisiana, June 3, 2008).

В этой же речи Джон Маккейн использует и другие стилистические приемы разных уровней: 1) анафору “*more*”, направленную на возбуждение волнения у аудитории; 2) градацию (“*we lose more jobs, more businesses, more dreams. We lose the future.*”), акцентирующую изменения в жизни граждан; 3) гиперболу (“*we lose more jobs, more businesses, more dreams. We lose the future.*”), целью которой является преувеличить последствия выбора населением определенного кандидата; 4) антитезу (“*We either compete in it or we lose more jobs, more businesses, more dreams.*”), побуждающую граждан сделать правильный выбор; 5) метафору (“*We lose the future*”): “Senator Obama pretends we can address the loss of manufacturing jobs by repealing trade agreements and refusing to sign new ones; that we can build a stronger economy by limiting access to our markets and giving up access to foreign markets. The global economy exists and is not going away. We either compete in it or we lose **more** jobs, **more** businesses, **more** dreams. We lose the future” (John McCain, Remarks in New Orleans, Louisiana, June 3, 2008).

Необходимо отметить, что Барак Обама, в сравнении с Джоном Маккейном, наиболее уверено и с большей частотностью строит свои речи при помощи анафорического повтора. Примером является запомнившаяся многим речь в штате Северная Каролина, которая практически полностью построена на анафоре, что делает ее наиболее выразительной и при этом добавляет ритмичности в обращении к аудитории. В начале своего выступления Барак Обама благодарит их за поддержку Хилари Клинтон, являющуюся членом демократической партии, употребляя анафору “*state*”,

создавая эмоциональный и ритмичный эффект при описании достоинств данного штата: “And I want to thank the people of North Carolina for giving us a victory in a big *state*, a swing *state*, and a *state* where we will compete to win if I am the Democratic nominee for President of the United States” (Barack Obama, North Carolina Victory Speech, May 6, 2008).

Барак Обама продолжает свою речь в Северной Каролине при помощи анафорического повтора “that it’s possible to overcome” и, говоря о политике прошлых лет, создает эмоциональное волнение у аудитории, что усиливается при помощи аллитерации в словах “*division and distraction*” и метафоры, характеризующей политику, как только стремление получить победные голоса на выборах, а не заниматься решением проблем народа: “More importantly, because of you, we have seen *that it’s possible to overcome* the politics of *division and distraction*; *that it’s possible to overcome the same old negative attacks that are always about scoring points and never about solving our problems*” (Barack Obama, North Carolina Victory Speech, May 6, 2008).

Другим примером использования анафор “we believe in” и “*that’s the America*” можно увидеть и в основной части предвыборного обращения Обамы, где говоря о проблемах, которые государство не в силах решить, кандидат от демократической партии дает избирателям посыл быть ответственными и упорными в труде, чтобы справиться со всеми проблемами. Помимо анафоры Обама использует аллитерацию “*responsibility, self-reliance*”, привлекая аудиторию дополнительным эмоциональным и музыкальным эффектом: “The people I’ve met in small towns and big cities across this country understand that government can’t solve all our problems – and we don’t expect it to. *We believe in* hard work. *We believe in* personal responsibility and self-reliance” (Barack Obama, North Carolina Victory Speech, May 6, 2008).

“It’s the idea that while there are few guarantees in life, you should be able to count on a job that pays the bills; health care for when you need it; pension for when you retire; an education for your children that will allow them to fulfill their God-given potential. *That’s the America* we believe in. *That’s the America* I know” (Barack Obama, North Carolina Victory Speech, May 6, 2008).

Барак Обама нередко прибегал к использованию данного приема в своей предвыборной кампании 2008 года. В нынешней кампании он продолжает использовать анадиплосис, чтобы соединять два длинных предложения воедино, деля их на логические части. Примером употребления анадиплосиса является отрезок речи Обамы в Денвере, где он пытается с высокой эмоциональностью призвать избирателей отдать за него голоса. Барак Обама использует большое количество других приемов синтаксического и лексического уровней. Полисинтетон нацелен на намеренное создание пауз в речи. Эпифора “with me” используется для повышения эмоциональной окраски речи и для призыва избирателей стоять с ним до конца избирательной кампании. Гипербола придает большую экспрессивность данного отрезка речи. И, наконец, анадиплосис связывает два предложения с большим количеством лексических единиц: “I still believe in you. And if you still believe **in me**, and if you're willing to stand **with me**, and knock on some doors **with me**, and make some phone calls **with me**, and talk to your neighbors and friends about what's at stake, we will win Colorado. And if we win Colorado, we will win this election. We will finish what we started, and we'll remind the world why America is the greatest nation on Earth” (Barack Obama, Remarks at a Campaign Rally in Denver, Colorado, August 8, 2012).

Обращение Обамы в Неваде также включает анадиплосис “*we succeed*”, чтобы внушить избирателям, что наиболее важным для экономики страны – поддерживать средний класс, а не богатых людей: “We don't need policies that just help folks at the very top. That's not how the country grows. That's not how ***we succeed. We succeed*** when the middle class is getting bigger, when more people have the chance to get ahead and live up to their God-given potential” (Barack Obama, Remarks at a Campaign Rally in Las Vegas, Nevada, September 30, 2012).

В отличие от Барака Обамы Джон Маккейн довольно часто прибегает к использованию **асиндетона**, **что** может иметь эффект ускорения ритма речи, а так же выступать способом создать или подчеркнуть более незабываемую идею. В приведенном отрывке кандидат в президенты отмечает, что благоприятные изменения в политике страны обеспечат решение проблем в различных сферах – здравоохранение, энергетика, налогообложение, общест-

венный транспорт и т.д.: “The right kind of change will initiate widespread and innovative reforms in almost every area of government policy – *health care, energy, the environment, the tax code, our public schools, our transportation system, disaster relief, government spending and regulation, diplomacy, the military and intelligence services*” (John McCain, Remarks in New Orleans, Louisiana, June 3, 2008). В той же речи Маккейн сразу же делает контраст на тех вещах, которые случились из-за отсутствия правильных изменений в американской политике, используя асиндегон: “The irony is that Americans have been experiencing a lot of change in their lives attributable to these historic events, and some of those changes have distressed many American families -- *job loss, failing schools, prohibitively expensive health care, pensions at risk, entitlement programs approaching bankruptcy, rising gas and food prices, to name a few*” (John McCain, Remarks in New Orleans, Louisiana, June 3, 2008). После этого, Маккейн сразу же прибегает к использованию третьего по счету асиндегона, говоря, что страну спасут только свежие и правильные идеи. Маккейн тем самым выступает человеком, который может все это исправить, изменить, оживить: “To keep our nation prosperous, strong and growing we have to rethink, reform and reinvent: the way we *educate our children; train our workers; deliver health care services; support retirees; fuel our transportation network; stimulate research and development; and harness new technologies*” (John McCain, Remarks in New Orleans, Louisiana, June 3, 2008).

ЛИТЕРАТУРА

1. Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. – Тверь, 1998. Анисимова Т.В. Средства воздействия на аудиторию в предвыборной речи // Предмет риторики и проблемы ее преподавания: Материалы Первой Всероссийской конференции по риторике. Москва 1997 г. 28 – 30 января. – Москва: Добросвет, 1998. – С. 262-273.
2. Анисимова Т.В., Гимпельсон Е.Г. Современная деловая риторика: Учебное пособие: В 2 ч. Часть 1. – Волгоград: Волгогр. юрид. ин-т МВД России, 1998.
3. Анисимова Т.В., Гимпельсон Е.Г. Современная деловая риторика: Учебное пособие: В 2 ч. Часть 2. – Волгоград: Волгогр. юрид. ин-т МВД России, 1998.

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМЫ В СЕТИ: ДИСКУРСИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ДИДАКТИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ

З.Л. Новоженова, А. Климкевич

*Гданьский университет
ул. Вита Ствоша, 55, Гданьск, Польша 80-952*

В статье анализируются иноязычные заимствования (интернационализмы) в русском и польском интернет-пространстве. Определяется их статус в парадигме иноязычных элементов языка, указываются дискурсивные обстоятельства их появления и методические последствия в обучении русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: интернационализмы, дискурсивные практики, методические эффекты.

INTERNATIONALISMS IN INTERNET: DISCURSIVE PROCESSES AND DIDACTIC EFFECTS

Z.L. Novozhenova, A. Klimkевич

Wita Stwosza str., 55, Gdańsk, Poland, 80-952

This article analyzes the foreign-language borrowings (internationalisms) in Russian and Polish sphere of internet. It determines their status in the paradigm of foreign language elements specifying some discursive circumstances related to their occurrence and methodological implications in teaching Russian as a foreign language.

Keywords: internationalisms, discursive practices, methodological effects.

Процесс заимствования остается одним из самых активных процессов, характеризующих состояние лексической системы не только русского, но и других славянских языков (см. напр., Г.П. Нещименко, Е. Коницкая, Е. Коряковцева, Е.Г. Лукошанец, А. Карпиловска, Р. Беленчикова, I. Bozděchová, K. Waszakowa, J. Maćkiewicz и др.). Среди заимствований особую группу состав-

ляют интернационализмы (см. напр., В.В. Акуленко, Л.П. Крысин, Н.С. Валгина, В.Г. Костомаров и др.).

Являясь «перемещением различных элементов» [7, с. 189] одного языка в другой, результатом действия на язык комплекса социально-культурных, исторических и географических факторов, процесс этот, безусловно, связан с дискурсивно-речевыми практиками и дискурсивными потоками, имеющимися в каждом конкретном языке. Именно они становятся той силой, которая ищет номинативные средства для обозначения новых понятий и явлений, «передвигает» из центра языковой системы на периферию и с периферии в центр отдельные единицы и группы лексики, формирует новые смыслы и значения слов, т. е. изменяют семантическую структуру слов в процессе их употребления. В этой связи уместно вспомнить методологически важное, ставшее уже классическим замечание, касающееся понимания диалектики развития лексической системы языка, высказанное Л.А. Новиковым о том, что «детерминированная экстралингвистическими, внешними по отношению к языку факторами и отражающая изменения в объективном мире, лексическая система организуется, функционирует и развивается по своим внутренним, лингвистическим законам, реализуя в себе и собственно лингвистические предпосылки и возможности» [10, с. 75]. Это общеметодологическое положение распространяется также на понимание статуса и природы заимствований в языке, и в частности, интернационализмов. И в этой связи продуктивно понятие дикурса, так как именно дикурс «втягивает» слова чужих языков в определенные знаковые ситуации [10, с.75].

Языковая организация дикурса задается, как известно, когнитивно-коммуникативной программой. Эта программа определяет креативную природу дикурса, которая не только изменяет свойства лексических единиц но также отбирает, создает, «находит» единицы, отсутствующие в коде. Часто это кодовое переключение позволяет дикурсу выйти за пределы родного языка в чужой язык. Так, когнитивные процессы и прагматические цели могут привлекать в дикурс единицы чужого языка, которые получают в нем статус иноязычных. Эти же когнитивные и прагматические причины или условия в единстве с социально-культурной

подоплекой дискурса определяют, войдут ли иноязычные элементы в систему языка или останутся за его пределами исключительно как явление дискурса. Разная степень освоенности языком иноязычных элементов может быть представлена как своего рода парадигма [11, с. 39]. В эту парадигму иноязычных лексических элементов могут входить следующие единицы: иностранное слово, чужое слово, иноязычное выражение, интерлексема, заимствованное слово/заимствование, варваризм, экзотизм, макаронизм, вкрапление, интернационализм, европеизмы (национальная спецификация иноязычных элементов: германизмы, американизмы, англичанства, полонизмы и под.).

Особым статусом среди них отличаются интернационализмы, интерлексемы и международная лексика. Их особенности и различия обусловлены интенсивностью и конфигурацией проявления межкультурных, кросскультурных и межъязыковых контактов, в которых участвуют страны, народы и языки в различные периоды истории.

Различные аспекты природы интернационализмов, как уже указывалось, активно обсуждаются в науке. Как правило, обращается внимание на такие проблемы, как интернационализация в качестве разновидности заимствований, место интернационализмов в системе языка, фонд интернациональных морфем и интернациональных основ в языке и нек. др. (См. напр., Е. Коряковцева, 2009).

В польской науке в понимании интернационализмов весьма популярна идея существования так называемой европейской словарной лиги языков (*europejskiej ligi słownikowej*). Так, Й. Мачкевич, обсуждая проблему языковых единств и языковых союзов в статье «*Wyrazy międzynarodowe a kształtowanie się europejskiej ligi słownikowej*», указывает, что европейская, а точнее европейско-американская, лига языков появляется в результате действия генеалогических факторов, географических контактов, экономических, культурных, научных взаимодействий народов. Кроме того, исследовательница подчеркивает, что важным фактором появления языковой словарной лиги является также общность познавательных процессов человеческого мышления, указывает, что глубинная лексико-семантическая схожесть лексического состава

языков обусловлена также схожестью языковых картин мира, единообразием в процессах номинации и процессов понимания [18, с. 146].

Интернационализм в современном языкоznании, как известно, считается лексема, имеющая межъязыковой статус в синхроническом плане [1]. Ее межъязыковой статус обеспечен общностью или близостью значения и формы в группе минимум трех неродственных языков.

Интернационализмы в современных языках, в том числе и таких, как русский и польский, можно условно разделить на «старые» и «новые». «Старые» – это часть интернационализмов (лексических и словообразовательных) уже освоенных лексической системой каждого национального языка. Это, как правило, слова латинского, греческого, французского, итальянского, немецкого и английского языков, давно ставшие фактами лексических систем национальных европейских языков. Эта группа интернационализмов не является закрытой, так как процесс освоения иноязычной лексики – живой процесс. Вторая группа интернационализмов, условно названная нами «новыми», сформирована как минимум под действием двух факторов: доминацией в современной международной коммуникации английского языка и наличием такой сферы коммуникации как интернет-пространство. Эти факторы могут выступать как в единстве, так и самостоятельно. Как правило, «новые» интернационализмы выполняют функцию оперативного реагирования языка на реальность и происходящие в ней процессы.

Интенсивное появление интернационализмов (интерлексем, или международных слов) наблюдается прежде всего в интернет-пространстве. В их функционировании проявляются свойства интернет-среды. Сетевая коммуникация имеет ряд особенностей (см. напр., Г.Н. Трофимова 2004; Н.Б. Мечковская 2006). Главными ее отличительными чертами можно назвать интенсивность и оперативность общения, интенсивность подачи и объемность информации. Именно интернет-коммуникация, фиксируя сменяемость и динамику событий, требует новые средства номинации. И в том случае, когда язык не находит или не успевает найти номинативных средств в собственных запасах, он обращается

к средствам чужого языка. Функции таких номинативных средств начинает выполнять иноязычное слово. Оно позволяет коммуникантам оперативно реагировать на события в условиях интернет-коммуникации. Первоначально их употребление, как правило, коммуникативно маркировано и детерминировано конкретной речевой ситуацией.

Среди причин, влияющих на появление иноязычных элементов в языке, кроме причин, скажем, объективных (необходимость быстрого реагирования на события, отсутствие номинативных средств в языках), необходимо назвать и социально-психологические факторы: фактор активного двуязычия (владение родным и иностранным, в нашем случае английским языками) и фактор языковой моды (престижность употребления английских слов и выражений в родном языке). Эти процессы наблюдаются во всех славянских языках, в том числе в русском и польском языках. Действительно, в интернет-пространстве доминирует английский язык. В интернет-коммуникации среди пользователей Интернета типична ситуация, когда используются национальные языки, но с большой долей английского компонента [13]. В языке это проявляется в заимствованиях из английского языка, калькировании, распространении словообразовательных и синтаксических моделей английского языка [3;4], а также появлением в коммуникации особой дискурсивной и поведенческой тактики, которую можно назвать переключением кодов [9, с. 12-13], или ситуационным переходом с родного языка на иностранный, в нашем случае английский язык: *Этот challenge стал для меня самым скучным событием; Моя мать делает home-made желе; Пора чайнджасть наши спич; Idziemy na briefing operacyjny; Przeforwarduj mi maila; Pojawił się nam nowy task.*

К «новым» интернационализмам, иноязычным словам, отмеченным почти во всех славянских языках, можно отнести ниже приведенные лексические единицы, которые стали популярными в русском и польском Интернете в 2014 году. Их поиск осуществлялся с помощью систем google.ru и google.pl. Важным показателем является частотность их употребления в документах. Цифровые показатели этих данных приведены вместе со словами. Эти «новые» интернационализмы были обнаружены в следующих тематических группах лексики:

Интернет-приложения: *Фейсбук* 692 000 и английское написание *Facebook* в Рунете 4 900 000/*Facebook* 4 430 000, *Ютуб* 133 000 и английское написание *Youtube* 6 790 000/*Youtube* 4 220 000, *Лайк/Like* 8 720 000/*Like* 5 180 000.

Действия, совершаемые в Интернете: *фейсить/fejsować*, *сидеть на/в фейсбуке* 273 000/*siedzieć na fejsbuku* 40 200, *инстаграммать/instagramować*, *публиковать в инстаграм* 368 000/*publikować na instagramie* 33 800, *лайкнуть* 56 600/*laikować* 24 900, *троллинг* 288 000/*trolling* 77 700, *ЛОЛ* 295 000/*LOL* 356 000 (анг. *Laughing Of Loud/смеюсь в голос/bardzo głośny śmiech*).

Определения лиц в интернет-пространстве: *нуб* 110 000/*noob* 40 500, *ламер* 13 300/*lamer* 11 300, *хейтер* 22 100/*hejter* 139 000.

Мода: *бонприкс* 18 100/*bonprix* 200 000, *бьюти* 298 000/*beauty* 138 000, *свитшот* 85 000/*sweatshirt* 37 900, *свэг* 174 000/*swag* 98 700 / *swag* 207 000, *хипстеры* 51 600 / *hipster* 61 400. Торговля / реклама: *постер* 135 000/*poster* 220 000, *маркетплейс* 133 000/*marketplace* 60 400, *мейнстрим* 132 000/*mainstream* 30 200, *маст-хэв* 299 000/*must have* 240 000, *флаер* 44 800/*flyer* 43 900; *селфи* 81 800/*selfie* 140 000/*selfie* 300 000.

Стиль жизни: *афтепати* 24 400/*after party* 121 000, *бэкстейдж* 68 000/*backstage* 144 000. Еда и напитки: *мокаччино* 310/*mochaccino* 473, *бабл ти* 2 430/*bubble tea* 47 500, *капкейк* 11 700/*cupcake* 72 600, *чизкейк* 151 000/*cheesecake* 22 500.

Канцтовары: *скетчбук* 7 900/*sketchbook* 8 580, *молескин* 34 700 / *moleskine*; 31 300; Киноискусство: *пичтинг* 6 530/*pitching* 2 300.

Спорт: *мундиаль* 254 000/*mundial* 252 000.

Международные лексические единицы входят также в польский и русский компьютерный сленги: *логин/login*, *бэкап/backup*, *юзер/user*, *спам/spam*, *коннект/connect*, *бэтаверсия/beta wersja*, *флуд/flood*, *хакер/haker*, *толлинг/troolling*, *хейтер/hejter* и т.д. [16; 19].

Приведенные иноязычные заимствования как нельзя лучше удовлетворяют критериям интернационализмов. Как известно, одним из критериев является их переводческая эквивалентность [6, с. 57]. Все приведенные нами лексические единицы отвечают этому требованию. Условия переводческой эквивалентности выполняются словом в том случае, когда оно не укоренилось или слабо укоренилось в лексико-семантической системе принимающего, становившегося для него родным, языка, т. е. не приобрело лексико-семантических коннотаций, развитой лексико-семантической структуры слова, не получило синонимических вариантов. Именно этими свойствами и отличаются отмеченные нами новейшие заимствования.

Судьба дискурсивных интернационализмов в целом прогнозируется: часть из них может войти в лексический запас национальных языков, как вошли слова, зафиксированные в «Толковом словаре русского языка конца XX века. Языковые изменения» / Под ред. Г.Н. Скляревской [15] и «Словаре польского языка» PWN [20]: *сеть/siec, soft/soft, софт/softer, хакер/haker, чип/czip* и нек. др.; часть же этих интернационализмов скорее всего останется только дискурсивным явлением.

Однако их лавинообразное появление в интернет-пространстве свидетельствует о активных процессах в речевой коммуникации и дискурсивных практиках, а также показывает механизмы межъязыковых контактов, способы, направления, причины пополнения лексической системы языка иноязычными элементами.

Эта новая реальность языка дает определенные дидактические эффекты, поскольку ее, как оказалось, необходимо учитывать в процессе преподавания русского языка как иностранного. Учет этих процессов необходим и в связи с изменением информационного состояния современного обучаемого, в нашем случае, польского студента.

На протяжении многих веков в обучении иностранному языку основным материалом была книга и учебник, и никогда не было такой ситуации, в которой обучаемый имел бы доступ ко всем сферам жизни носителей языка. Сегодня благодаря Интернету в распоряжении студентов имеются тексты разнообразных жанров, студенты смотрят русское телевидение, читают материалы рус-

ских интернет-ресурсов, общаются в Интернете со своими сверстниками в России. Естественно, в поле внимания студентов попадают также и популярнейшие интернационализмы. Студенты замечают лексические процессы в родном и изучаемом языке, участвуют в актуальной коммуникации и хотят быть в языковом тренде, т. е. иметь представление обо всем самом модном, новом, современном в изучаемом языке. Поэтому очень часто, они хотят знать, как сказать по-русски то, что в польском языке названо словами *smail*, *twittować*, *fejsować*, *lajkować*, *checking*, *respect*, *brend*, *lifestyle*, *overtime*, *teneager* и др. И с удовлетворением замечают, что в русском языке данным словам соответствуют эквиваленты, также заимствованные русским языком из английского (либо целиком заимствованные, либо построенные русским языком по тем же моделям): *смайл*, *твиттить*, *фейсить*, *лайкнуть*, *чекинг*, *респект*, *брэнд*, *лайфтайл*, *овертайм*, *тинейджер* и др. Данная лексика в среде молодежи не нуждается в объяснении. Явления и предметы обозначаемые данной лексикой стали частью молодежной массовой культуры. Эти единицы входят в лексикон молодежи и становятся обозначением социально-культурных статусных понятий и являются необходимыми для высказываний личного характера, описывающих повседневную жизнь и межличностные отношения молодого поколения.

Весьма эффективно использование на занятиях русского языка в польской аудитории неадаптированных текстов из Интернета. Итак, во время реализации тематического блока «Свободное время/досуг» после закрепления лексики и лексико-грамматических конструкций для изучающего чтения из Интернета нами был выбран текст К. Грибанова «*Hipster Smackdown. Приключения хипстера*», являющийся описанием игры для сотового телефона [2].

В данном тексте мы обнаружили 30 лексических единиц (15% текста), заимствованных из английского языка, таких например, как: *хипстер*, *Starbucks*, *аркада Hipster Smackdown*, *бложик*, *смузи*, *Instagram-лента*, *бонусы-крыльшки*, *скейты* и др., которые можно отнести к разряду новых интернационализмов. Указанная группа слов значительно повысила понимание текста, облегчила обучение чтению и способствовала более быстрому процессу се-

мантизации и овладению лексикой изучаемого языка. Интернационализмы в тексте облегчают запоминание, понимание как письменной, так и устной речи, способствуют языковой догадке и пополнению потенциального лексического запаса обучаемых, облегчают обучение рецептивным видам речевой деятельности, (особенно чтение). В данной ситуации они являются смысловыми опорами, и как показывает наша практика, наличие таких слов повышает привлекательность иноязычного текста, в нашем случае русского для поляков. Студенты сознательно ищут тексты с такой лексикой, видят общность интеграционных, общекультурных тенденций и цивилизационных процессов, проявляющихся в культуре и языке.

Таким образом, «новые» интернационализмы показывают активные процессы в социально-речевых практиках и языке, обнаруживают дискурсивные потоки и механизмы функционирования иноязычных элементов в них; и они не могут быть проигнорированы в процессе обучения иностранным языкам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акуленко В.В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. – Харьков: Изд-во Харьковского университета, 1972.
2. Грибанов К. «Hipster Smackdown. Приключения хипстера». 2006–2014. iPhones.ru. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iphones.ru/iNotes/344831> (Дата обращения: 19.01.2014).
3. Дьяков А.И. Причины интенсивного заимствования английизмов в современном русском языке. Язык и культура. – Новосибирск, 2003. – С. 35-43.
4. Захватаева К.С. Роль английского языка в процессе современного англо-русского языкового контактирования // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2012. – № 3 (1). – С. 400-403.
5. Информационно-поисковые системы: google.ru, google.pl
6. Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык в школе. – 1994. – № 6. – С. 56-63.
7. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Ширяева Е.Н., Иванова Л.Ю., Сквородникова А.П. – 2-е изд. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2007.

8. Мечковская Н.Б. Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век интернета // Русский язык в научном освещении. – № 2 (12). – М., 2006.
9. Мильруд Р.П. Методическая культура: переключение кодов // Просвещение. Иностранные языки. – № 3, 2012.
10. Новиков Л.А. Семантика языка. – М.: Высшая школа, 1982.
11. Новоженова З. Л. Иноязычные вкрапления как дискурсивное явление: русское слово в чужом тексте // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия, Филологические науки. – Калининград: БФУ им. И. Канта, 2012, № 8. – С.37-42.
12. Проявления интернационализации в славянских языках / под ред. Е. Коряковцевой. – Седльце, 2009.
13. Райт С. Исследование, финансирувшееся программой МОСТ и инициативой B@bel: Язык в Интернете. (Доклад по результатам исследования). // МОСТ, B@bel.
14. Трофимова Г.Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. – М.: РУДН, 2004.
15. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Скляревской. Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. – СПб.: Из-во "Фолио-Пресс", 1998.
16. Чадов С. Г. Краткий словарь русского компьютерного жаргона. Электронное издание. М., 2003. URL: <http://zsmoscow.narod.ru> (Дата обращения: 01.06.2014).
17. Maćkiewicz J. Język a kultura, t. 7: Kontakty języka polskiego z innymi językami na tle kontaktów kulturowych, Wrocław, 1992.
18. Maćkiewicz J. Co to są tzw. Internacjonalizmy// Język polski 1984, LXIV Nr 3.
19. Płoski Z. Słownik encyklopedyczny – Informatyka, Wyd.3., Wydawnictwo Europa Wrocław 2002.
20. Słownik języka polskiego. 1997-2014. Wydawnictwo Naukowe PWN SA. [Электронный ресурс]. URL: <http://sjp.pwn.pl> (Дата обращения: 22.05.2014).

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В ФОРМЕ
ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА В ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ СМОЛЕНСКИХ СМИ)**

И.А. Паневина

*Смоленская государственная медицинская академия
ул. Крупской, 28, Смоленск, Россия, 214019*

В работе представлена характеристика прецедентных личных имён в форме единственного числа, употребленных в текстах региональной (смоленской) прессы различной дискурсивной направленности. Имена классифицируются в соответствии с ментальными сферами-источниками, рассматривается их экспрессивная роль в тексте.

Ключевые слова: прецедентность, имя собственное, газетный дискурс, ментальная сфера-источник, экспрессивность.

**PRECEDENTIAL PERSONAL NAMES SINGULAR
IN THE NEWSPAPER DISCOURSE
(on the materials of Smolensk press)**

I.A. Penevina

*Smolensk State Medical Academy
Kruopskaya str., 28, Smolensk, Russia, 214019*

The research presents the characteristics of precedent personal names in the singular used in the text of the Regional (Smolensk) press of various discursive orientation. Names are classified according to the mental sphere-sources, their expressive role in the text is discussed.

Keywords: precedentness, a proper name, the newspaper discourse, mental sphere-source, expressiveness.

В данной статье мы обратимся к проблеме прецедентных имён, употребляемых в средствах массовой коммуникации. Для исследования взяты примеры из смоленских СМИ, которые мало подвергались подобному анализу. Дефиниций данного лингвистического понятия существует множество, приведем следующее: «**Прецедентные имена** – это широко известные имена собственные, которые используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.),

сколько в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий, судеб» [7, с. 4].

Чаще всего за основу для классификации прецедентных феноменов, в том числе и имен, принимаются **понятийные сферы-источники**, к которым они принадлежат в своих основных значениях (литература, театр, политика, кино и др.). Подобные классификации предлагают О.А. Ворожцова, С.Л. Кушнерук, Г.Г. Слышик, А.Е. Супрун [3; 5; 10; 12] и др.

Данная статья посвящена прецедентным личным именам в форме единственного числа, которые мы разграничили в соответствии с ментальными сферами-источниками (политика, литература), добавив в эту же группу национально-культурный стереотип.

Политика (личные имена политических деятелей). Как пример можно привести цитату из газеты коммунистической направленности «Смоленская правда», в котором используется прецедентное имя по отношению к политическому деятелю: *Глава Ростовского района А. Иванов по действиям и решениям своим все больше и больше вживаются в роль наполеончика* (СП, № 45 (400), 16 ноября 2007 г.). В «Словаре коннотативных собственных имен» Е. С. Отина этому огузу дается следующее определение: «никчемный, малозначительный человек с большими претензиями на власть, страдающий манией величия» [8, с. 217]. Личное имя **Наполеон**, принадлежавшее французскому императору и полководцу, традиционно ассоциируется с выдающимися достижениями, грандиозными успехами, славой и властью. Однако уменьшительно-ласкательный суффикс -чик- и написание имени собственного (ИС) со строчной буквы трансформируют значение имени в противоположное, снижают его, оставляя от прежнего смысла лишь значение необоснованных амбиций.

Национально-культурный стереотип. Как правило, представлен собирательный образ русского человека, выраженный в личном имени **Иван** и его формах (иногда с употреблением детерминанта). Мы располагаем такими вариантами: *Иван, Иванушка, «дурак» Иван, Иван-дурак, русский Иван, Ваня, Ванька, Ванюша, дядя Ваня, русский Ванька*. Думаю, несложно догадаться, о ком идет речь. Конечно же, о Жириновском, который решил поговорить с народом «по душам», наставить **Ивана-дурака** на путь истинный (СП, № 24 (328), 22 июня 2006 г.). Под именем «**Иван-**

дурак» скрывается русский народ вообще. Это прецедентное имя связано с фольклором, со сказочным образом Иванушки-дурачка, молодого деревенского парня, сына патриархального крестьянина, всегда третьего, не желающего работать, но который, в конце концов, получает богатство [4, с. 182]. Вместе с тем в приведенном примере эти сознания автором используются не в прямом, а скорее в переносном смысле: он иронизирует, указывая, что не так уж глуп Иван, как кажется, хотя и простоват на первый взгляд. В примере *Не дано с нашей юностью встретиться, / Приручить вековую мечту. / Зря на печке Иванушка крестится, / Чтоб Жар-птицу поймать на лету* (СП, № 6 (361), 15 февраля 2007 г.) образ *Иванушки*, выражающий типаж русского человека, уже ближе к сказочному *Иванушке*-дурачку, который хочет поймать на лету Жар-птицу, т. е. получить блага, не прилагая к тому больших усилий. *Со всех сторон обложили супостаты русского Ивана, все сильней заходятся в злобе* (СП, № 21 (376), 31 мая 2007 г.). *Иван* – это уже символ русского народа, поэтому в данном примере этоним *русский* в сочетании с прецедентным именем *Иван* выступает как инструмент риторического приема *амплификации* – избыточной развернутости выражения, который используется для усиления речевого воздействия [2, с. 36]. *Кто сегодня ходит в героях всевозможных скабрезных шуток? Конечно же, русский Ванька* (СП, № 36 (422), 11 сентября 2008 г.). Пример содержит, как уже упоминалось, весьма распространенное у русских имя Иван. Как пишет Ю.А. Рылов, «наиболее часто в «неантропонимической» функции выступает имя Иван. Оно может означать «русский человек, русский народ», а также «простой человек, человек из простонародья, простак» [9, с. 259]. В приведенном предложении оним выступает скорее в первом значении, хотя отголоски второго также присутствуют в самой форме личного имени: употреблен суффикс -к(а), характерный для просторечия. *Конечно, с его родителей возьмут штраф, а не с забулдыги дядя Вани, сын которого разбойничает в соседней подворотне* (АиФ, № 42 (648), октябрь 2008 г.). Слово *дядя* подчеркивает, что имеется в виду человек средних лет. *Дядя Ваня* – собирательный образ простого русского человека, детерминированный существительным с негативной семантикой *забулдыга*, т. е. *забулдыга дядя Ваня* – вообще любой немолодой пьющий русский человек.

Встречаются собирательные образы не только русского человека, но и типичных немцев (*Курт* и *Ганс*). *Курт* и *Ганс* получат порицанье, / Срежут лычки с сереньких погон. / – Будут меньшие пить у полицаев / Деревенский крепкий самогон (СП, № 24 (328) 22 июня 2006 г.). Словарь Е.С. Отина указывает, что *Ганс* – немецкое личное имя, широко распространено среди немцев. В годы Великой Отечественной войны так называли солдата немецкой армии [8, с. 125]. Кроме того, имя *Ганс* – это немецкий вариант имени Иван, которое, как мы уже показали на примерах, также является выразителем собирательного образа [11, с. 115]. Имени *Курт* в этом словаре нет, но оно также распространено в среде жителей Германии, оба они – символ типичного представителя этой нации.

Искусство (личные имена деятелей искусства). Прецедентные имена из сферы искусства в смоленских СМИ часто используются с позитивной коннотацией. Приведем один из примеров.

ЛЕОНАРДО. Леонардо ди сер Пьеро да Винчи – итальянский живописец, скульптор, архитектор, ученый, инженер. Сочетая разработку новых средств художественного языка с теоретическими обобщениями, создал образ человека, отвечающего гуманистическим идеалам Высокого Возрождения. Многочисленны его открытия, проекты, экспериментальные исследования в области математики, естественных наук, механики [1, с. 703]. Подзаголовок «Смоленский *Леонардо*» (АиФ, № 6 (1527), 10 – 16 февраля 2010 г.) имеет статья о Борисе Николаевиче Юрьеве, который в начале XX века разработал самую функциональную в мире модель геликоптера (вертолета). В данном примере реализуется одно из значений прецедентного имени *Леонардо* – талантливый изобретатель, опередивший время.

Мифология (личные имена мифологических персонажей). Приведем пример использования имени мифологического персонажа в публиистическом дискурсе смоленского издания.

ГОРГОНА. Горгоны – в греческой мифологии чудовищные порождения морских божеств Форния и Кето, внучки земли Геи и моря Понта. Горгоны – три сестры: Сфено, Эвриала и Медуза. Старшие – бессмертные, младшая (Медуза) – смертная. Горгоны обитают на крайнем западе у берегов реки Океан, рядом с граями и Гесперидами. Отличаются ужасным видом: крылатые, покрытые

чешуей, со змеями вместо волос, с клыками, со взором, превращающим все живое в камень [6, с. 315–316]. В заголовке «*Лотерея-Горгона*» (АиФ, № 32 (1553), 11–17 августа 2010 г.) автор имеет в виду, вероятно, такое свойство этих мифических персонажей, как отрастание голов, если их отрубают, способность к возрождению. Указывает на это контекст статьи, в которой говорится о лотерейном клубе, вновь открывшемся вскоре после изъятия 92 игровых автоматов.

Литература (личные имена литературных героев). Конната-тивные характеристики эти имена получают согласно тому образу, типажу, который создается посредством героев, которых они называют. Рассмотрим группы примеров.

РОМЕО. Этот герой В. Шекспира олицетворяет собой романтичного влюбленного. «Возлюбленный; романтический поклонник; охваченный страстью мужчина», – пишет об этом конната-тивном ониме Е. С. Огин [8, с. 321–322]. *Может быть, я Ромео внутри. А вот лысый и такого телосложения – значит, обязательно должен отрицательного персонажа играть или белогвардейца* (АиФ, № 42 (648), октябрь 2008 г.). В этой фразе, сказанной актером, личное имя *Ромео* – выразитель определенного типажа, согласного с данными ему выше характеристиками. Онимом описывается не личность человека, а амплуа. *Осаждать пыл «усатого Ромео» можно с помощью холодного душа* (АиФ, № 42 (648), октябрь 2008 г.). Такую характеристику – «усатый *Ромео*» – получил мартовский кот, досаждавший окружающим в весенний период. Семантическая связь с героем-любовником понятна: шекспировский Ромео пылко добивался благосклонности своей возлюбленной – мартовские коты активно «поют», привлекая кошек. Примером употребления рассматриваемого личного имени, характеризующего человека как пылкого влюбленного, является пример *А чтобы народ не расслаблялся, его пичкают событиями из жизни юбилярии Пугачевой и ее Ромео – Галкина* (СП, № 17 (473), 23 апреля 2009 г.). В целом, сема «романтический поклонник» превалирует во всех употреблениях, лишь контекст корректирует, кого именно (актерское амплуа, животное, человека) характеризует данное прецедентное имя.

ОТЕЛЛО. Имя другого шекспировского героя – *Отелло* – также стало символичным в значении «слепой ревнивец» [8,

с. 286]. В примере *Рославльский Отелло пал жертвой своей ревности* (РП, № 106 (25430), 21 мая 2008 г.) даже присутствует слово *ревность*, дополнительно указывающее на основную черту характера описываемого средствами прецедентного имени человека. Показателем того, что *Отелло* из приведенного примера не называет шекспировского персонажа, является конкретизатор *рославльский* (герой Шекспира к городу в Смоленской области отношения, как известно, не имел). Статья под названием «*Отелло из Каспли*» (РП, № 75 – 76, 10 апреля 2008 г.), повествует о ревниве Петре Савкине, убившем свою жену. Вторичная номинация, связанная с героям драмы только символическим значением, вновь подчеркнута территориально – *Отелло из Каспли*.

ЗОЛУШКА. Героиня одноименной сказки французского писателя Шарля Перро, бедная, но трудолюбивая и добрая девушка, волею судьбы становящаяся женой принца. В словаре Е. С. Отина отмечено более 9 значений этого онима («скромный, незаметный человек; человек неяркий, неброской внешности»; «простушка, простолюдинка»; «нечто незаслуженно забытое или непрестижное, играющее второстепенную роль»; «малоприметная скромница»; «что-то находящееся в запущенном состоянии, неблагоустроенное» и т. д. [8, с. 162–165]). Однако не отмечено значение, на наш взгляд, чаще всего проявляющееся у этого прецедентного имени. Это значение «выбившаяся из бедности и бедности девушка (сама или с помощью «принца»)». Именно в таком смысле о М.К. Тенишевой говорит автор такого примера: *Предусмотрительная золушка, хорошо знавшая настроения простолюда, во время смекнула, что лучше отдать громоздкую часть добра по добру и попасть в летопись, чем и так отберут* (РП, № 113-114 (25437 – 25438), 29 мая 2008 г.). Автор имел в виду удачное (с финансовой и социальной точки зрения) замужество Марии Клавдиевны, открывшее ей широкие возможности. Употребляет он этот оним не без иронии.

ЧИНГАЧГУК. Это имя одного из героев ряда литературных произведений Фенимора Купера, собирательный образ «идеального» индейца, сочетающего в себе честность, мужественность, преданность друзьям, бесстрашие [14, с. 415]. В следующем примере автор – сознательно или нет – не учел благородный характер индейца: *Или на следующих выборах победит индеец Чингачгук –*

начнет скальпы снимать за неуплату налогов (СП, № 4 (461), 29 января 2009 г.). Из «идеального» Чингачгук превратился в обычного дикаря с дикарскими же методами решения проблем. По нашему мнению, использование этого имени литературного героя в таком контексте не корректно, оно не соответствует сложившемуся стереотипу, нивелирует благородство и справедливость, ставшие символами героя Ф. Купера. Такое использование имени индейского вождя может быть объяснено либо незнанием реалий, либо окказиональным (и не вполне удачным) употреблением.

МАЛЬЧИШ-ПЛОХИШ. Отрицательный персонаж сказки Аркадия Гайдара «Сказка о Военной тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твердом слове» и ее экranизации («Сказка о Мальчише-Кибальчише»), трус и предатель, по вине которого погибает Мальчиш-Кибальчиш [13, с. 247]. В этом значении – лицемер, вредитель и гнусный предатель – и употреблен оним в примере *Если не считать удачно исполняемой главным редактором роли Мальчиша-плохина, стремящегося добиться лояльности у врагов своей страны воскликнанием: «Я ваш, буржуйский»* (СП, № 19 (475), 7 мая 2009 г.). Это значение поддерживается фразой *стремящегося добиться лояльности у врагов своей страны*, словом *буржуйский*, отсылающими нас к сюжету сказки.

Итак, мы рассмотрели ряд примеров с прецедентными именами, классифицированных в соответствии с ментальными сферами-источниками. Отметим, что следует учитывать и дискурсивную направленность смоленских СМИ. РП – одно из самых старых (существует с 1917 года), популярных и авторитетных местных изданий, которое отличается приоритетной региональной направленностью в сочетании с освещением новостей в стране и мире и информацией развлекательного характера. Газета достаточно политизирована, но считается независимым изданием, хотя идеологические и политические пристрастия к «партии власти» у многих авторов прослеживаются довольно четко. АиФ – это своего рода местный вариант центрального издания, так как авторы приложения, несомненно, ориентируются на общую стилистику и проблематику, а также идеологическую направленность центрального издания, которое не слишком политизировано и обращено к массовому читателю. СП – печатный орган смоленского отделения

партии КПРФ, ярко политизированная газета, идеологические и политические установки в данном типе дискурса противоположны, хотя и в разной степени, всем вышеописанным типам. Все (в том числе и упомянутые) СМИ формируют определенные стереотипы в соответствии со своей дискурсивной направленностью, воздействуя на читателя, они способствуют формированию направления общественной и административной деятельности в регионе.

Проанализировав примеры, мы пришли к выводу, что чаще формируется негативное отношение в сфере политики, национально-культурного стереотипа (самые яркие образы дает издание СП). Много стереотипов создается с помощью литературы, СМИ всех дискурсивных направленностей представлены в данной группе. Литературные имена разноплановы, кроме того, литературный герой – это уже своего рода типаж, обобщение; черты характера, поведение, ситуации, в которые он попадает, «работают» на создание определенного образа, который (при удачном его воплощении) легко может стать прецедентным и «пойти в народ». Нередки случаи дополнения прецедентного ИС различными детерминантами, подчеркивающими ту или иную грань значения онима или дополняющими его.

Если обратиться к вопросу оценки, которую несут в себе прецедентные имена, можно увидеть, что почти 2/3 описанных нами онимов в дискурсах всех проанализированных изданий носит негативный характер и только около 1/3 формирует положительный образ. Как правило, позитивные коннотации мы встречаем у онимов в сферах искусства и литературы (возможно, этому способствуют сохраняющиеся там базовые ценности).

Безусловно, наш обзор не является исчерпывающим, но он позволяет в общих чертах представить роль прецедентного ИС в газетном дискурсе. Мы видим, что такие онимы повышают экспрессивность и расширяют смысл высказывания минимальными языковыми средствами, т.к. прецедентное ИС – своего рода семантический концентрат, раскрывающий свои значения в определенном дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой энциклопедический словарь в 2 тт. / гл. ред. А.М. Прохоров. Т. 1. – М.: Советская энциклопедия, 1991.
2. Васильева Н.В. Собственное имя в мире текста. – М.: Либроком, 2009.
3. Ворожцова О. А. Лингвистическое исследование прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских федеральных выборов 2004 г.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2007.
4. Зубкова Л.И. Русское имя второй половины ХХ века в лингвокультурологическом аспекте (по произведениям Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Распутина и В. Шукшина): дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2009.
5. Кушнерук С.Л. Сопоставительное исследование прецедентных имен в российской и американской рекламе: дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2006.
6. МНМ – Миры народов мира. Энциклопедия в 2 тт. / гл. ред. С.А. Токарев. Т. 1. М., Советская энциклопедия. 1991. 671 с.; Миры народов мира. Энциклопедия в 2 тт. / гл. ред. С. А. Токарев. Т. 2. – М.: Советская энциклопедия, 1992.
7. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. – Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, Ин-т социального образования, 2007.
8. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен. – М.: А Темп, 2006.
9. Рылов Ю.А. Имена собственные в европейских языках. Романская и русская антропонимика. Курс лекций по межкультурной коммуникации. М.: ACT: Восток–Запад, 2006.
10. Слышик Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2004.
11. Суперанская А.В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание. – М.: Айрис-Пресс, 2005.
12. Супрун А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995, № 3. С. 17–29.
13. Энциклопедия литературных героев. – М.: Аграф, 1999.
14. Энциклопедия литературных героев: Зарубежная литература XVIII–XIX веков. – М.: Олимп; ACT-ЛТД, 1997.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ИХ СОКРАЩЕНИЙ

АиФ – региональное приложение «АиФ» газеты «Аргументы и Факты»

РП – газета «Рабочий путь»
СН – газета «Смоленские новости»
СП – газета «Смоленская правда»

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ В ТЕКСТАХ РОССИЙСКИХ И ИСПАНСКИХ СМИ

Н.В. Перфильева

*Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6а, Москва, Россия, 117198*

В статье анализируются лексические инновации в русском и испанском языках, появившиеся в результате конвергенционных процессов лексики английского, русского и испанского языков в результате интеграции медийного пространства. Так, существенно активизировалось употребление англичизмов-интернационализмов в русском и испанском языках, хотя в целом лексические инновации обусловлены системным потенциалом трёх сопоставляемых языков.

Ключевые слова: контаминационный комплекс, промежуточная категория, полилексема, полифункциональное слово, инкорпорированный корпус, англизм, словообразовательный способ.

LEXIS INNOVATIONS IN RUSSIAN AND SPANISH MEDIA SYSTEMS

N.V. Perfilieva

*Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198*

The article deals with lexis innovations in Russian and Spanish that appeared due to lexis convergence processes in the English, Russian and Spanish languages as a result of media space integration. Thus the usage of Anglicisms as international words in Russian and Spanish has greatly increased though lexis innovations are mainly stipulated by systemic potential of the three languages under comparison.

Key words: blend complex, interlocutory category, poly-lexeme, poly-functional word, incorporated frame, Anglicism, word-building technique.

Конвергенция индоевропейских языков – русского, испанского, английского – приводит к появлению в лексических системах языков, с одной стороны, схожих лексических инноваций, с другой – отдельные семантические и словообразовательные модели английского языка активно заимствуются русским и испанским языками. В частности, в русском и английском языках это нашло проявление даже в графике, что привело к появлению единиц, совмещающих кириллическое и латинское письмо.

Процессы конвергенции в сфере лексики обнаруживаются и при анализе взаимодействия русского и испанского языков. При этом под инновационными лексическими единицами понимаются образования, не характерные для русского и испанского языков.

Анализ лексических инноваций позволил выделить следующие типы единиц, представленные как в русском, так и в испанском языках:

- сложные лексические единицы, возникающие в результате синтеза русской//испанской и английской лексем или полилексемы – *night-щетка*;
- полилексемы, состоящие из полнозначного слова русского или испанского языков и английских междометий – *NOW&WOW*;
- полилексемы, в которых английская лексема передает значение некого концепта, характерного для англоязычных стран – *un buen afternoon tea*;
- полилексемы, в которых статус заимствованной английской лексемы скорее эквивалентен статусу квазиморфемы в синтетических в русском и испанском языках – *beauty-бюджет*;
- заимствование английских слов с сохранением графики в русском языке (варваризмы), в испанском языке подобные слова выделяются курсивом – *look*;
- кириллические написание английских слов, иногда оформленные русскими словообразовательными аффиксами (транслитерация) – *шопоголик*;

– заимствование английских синтагм, неполных предложений, полных предложений с сохранением латинской графики без перевода;

– контаминационные лексические комплексы – *nimileurismo*.

Обратимся к примерам.

Полилексемы: последнее *beauty-открытие*, *beauty-бюджет*, участвовать в *make-up-сессиях*, *травяная night-паста*, *night-щетка*, *google-сказка*, *body-тюнинг*. Для полилексем слов характерено соединение английской и русской лексем в единый комплекс, значение слова представляет собой синтез значений английского и русского слов. Как правило, в таком комплексе английское заимствование занимает препозицию по отношению к русской лексеме, что, является проявлением аналитизма английского языка.

Особый вид представляют собой **инновационные слова-концепты**, которые активно используются как в русском, так и в испанском языках. Можно говорить об интернационализации англицизмов-концептов в следующих случаях:

– активно интернационализируются англицизмы, если речь идет о словах, значение которых символизирует английский уклад жизни, традиций, т.е. слова-концепты, символичные имена. Например, английская лексема *british* 'английский, по-английски, британский' активно используется как в российской, так и испанской периодике. При этом в российских печатных СМИ, как правило, сохраняется латинская графика, в испанских текстах подобную лексику принято выделять курсивом.

Сравним:

Веци получились сдержаннныe и very british (это хорошоо, британский стиль сейчас в моде) [журнал].

Para Rose Carrarini, el bizcocho de limón es el sinónimo perfecto de la hora del té: absolutamente british [ELLE].

Alojate en El Ellenborough Park, un castillo cien por cien British. 'Остановись в Элленборо Парке, замок на сто процентов в английском стиле' [ELLE].

Аналогичный пример частотных англизмов, слов-концептов в текстах российских и испанских СМИ:

afternoon tea, 5 o'clock (tea): 'полеобеденный чай' [ELLE]

Afternoon tea [Мари клер]

Come en El Society Café para disfrutar de un buen afternoon tea [ELLE]

Отметим, что в испанском языке английское словосочетание *afternoon tea* получает грамматическое оформление слова мужского рода: оформляется неопределенным артиклем мужского рода *un*, а прилагательное *buen* согласуется с существительным *tea* в мужском роде. Очевидно, это свидетельствует о грамматическом освоении данной лексической единицей испанским языком.

Активное заимствование отдельных англизмов сразу несколькими индоевропейскими языками позволяет говорить о них как об англизмах-интернационализмах, например, *it, food, brunch* и т.д.

Примеры из испанских СМИ:

su Fooding ; Momento del típico brunch en el restaurante Society Café; it 'это'; más it 'больше этого'; Así que tras rastrearlo más it de cada área, colaboradores, redacción, fotógrafos y nuestros artistos del equipo de maquillación han hecho girar sus secciones.

Примеры из российских СМИ:

использовать *post-it* (листочки с kleem) для записей;

food-менеджер; it 'это'; Нынешние It-girls совсем не такие, как раньше. Они достойны восхищения, потому что быть famous for nothing – целое искусство.

Стоит отметить, что интегрироваться в единое целое могут также и элементы, находящиеся за пределами грамматической системы. Так, частотно заимствование английских междометий, например, *wow-эффект* (*Название статьи о косметическом салоне*), *NOW&WOW*. В *wow-эффект* английское междометие *wow* адъективируется со значением очень хороший, а в *NOW&WOW* имеет место адвербиализация английского междометия.

Английское заимствованное слово на кириллице оформленное русским словообразовательным формантом. Например, *женщина-бьютиголИК, шопоголИК*.

Кириллическое написание английских лексических единиц (транслитерация): *цитрусовый фреш, яркий тачфон, новый лук* (в значении образ), детство в *оффлайн*.

Лексическое и графическое заимствование английского слова: *nude look* 'естественный макияж'; *главный must have сезона; сумка it-bag; сумка vintage; новый look (newlook); eye stopper; флаконы travel size; имена must know; помада nude.*

Статус подобных лексических единиц не кодифицирован, однако можно предположить, что некоторые из них станут частью лексической системы русского языка. Так, отельные лексические слова, как например, *look* встречаются в текстах СМИ, как в латинской, так и в кириллической графике, что косвенно свидетельствует о постепенном освоении русским языком англизмов.

Другие слова, как например *eye stopper* 'объект, привлекающий внимание', функционирует как не как словосочетание, а как слово, при этом его освоение происходит в форме слова мужского рода, английское слово *eye* принимает в русском языке скорее статус морфемы, нежели самостоятельного слова.

В случаях заимствования-транслитерации английского слова с сохранением его написания на латинице возможно его оформление русскими словообразовательными, аффиксами, что свидетельствуют о грамматическом освоении русским языком данного языкового факта, например:

Успешный пример такой рекламы – размещение на перетяжках с eye-stopper'ами.

На сей раз eye stopper'ом выступает Петр I, не отстающий от достижений современной техники.

Сочетание двух английских слов *eye* и *stopper* лексикализируется в системе русского языка в неразложимое понятие, однако сохраняется его написание на латинице по русскому образцу.

Такие лексические инновации часто носят промежуточный характер в системе современного русского языка: их статус сложно определить однозначно. Арутюнова отмечает, что в отличие от смены выразительных средств в искусстве, которая может проис-

ходить "резко и решительно", язык, даже эволюционируя, должен оставаться тождественным самому себе, чтобы гарантировать свою основную функцию – быть средством коммуникации. Возможность подобных промежуточных категорий объясняется общим знаковым характером языка.

Характерной особенностью таких лексических единиц, как *eye stopper*, является нарушение баланса между формой и содержанием знака, а также между функцией и структурным типом языковой единицы.

В свою очередь идиоматизированные словосочетания функционально приближены к слову, так как они соответствуют основным характеристикам слова-знака:

- они воспроизведимы, а не производимы в отличие от словосочетаний, предложений, текста, которые, как общеизвестно, состоят из знаков;
- на уровне слова не делимы;
- приобретают грамматические показатели слова, например, категории рода, числа, падежа и т.д.

Отдельно стоит сказать о несоответствии функции и структурной принадлежности подобных промежуточных образований. По структуре идиоматизированных словосочетаний нельзя однозначно определить, к единицам какого уровня следует их отнести. Чаще всего функционально идиоматизированные инновации эквивалентны слову.

Аббревиация сложных наименований.

У вас есть *FOMO?* / Fear of Missing Out – страх оказаться на обочине чего-либо интересного, реакция на чужие статусы в соцсетях.

Предложения на английском языке без перевода, как правило, без объяснения значения.

- *Do it yourself. Кто сошьет сумку по вашему эскизу и доставит заказ вам на дом?*

– *Демонстрация умственных способностей ...horrible lessons of ghastly grammar and dreary funambulism (augustus jessop) – ... отвратительные упражнения в тошнотворной грамматике и постылом умственном трюкачестве (о занятиях грамматическим разбором).*

Неполные предложения.

How to. Спасатель волос и разбитых сердец.

Функционирование языка как семиотической системы порождает изменение функциональных отношений знаков: язык заменяет одни средства выражения другими, пробует новые, неординарные лингвистические способы образования лексем. Эксперименты со знаком, разведение плана выражения и плана содержания – приводят к появлению в структуре языка гибридных лексических единиц, например, совмещающих в плане выражения кириллическую и латинскую графику, статус подобных лексических инноваций не однозначен.

Контаминационные комплексы представляют собой продуктивный способ образования новых слов как в английском, так в русском и испанском языках. В силу аналитизма в английском языке преобладают *синтаксические сложные слова* – слова, в которых порядок следования компонентов совпадает с порядком слов в синтаксических словосочетаниях. *Асинтаксические сложные слова* – слова, в которых компоненты находятся в комбинациях невозможных для синтаксиса данного языка не характерны также и для испанского языка. В русском языке асинтаксические сложные слова представлены в меньшей степени, сравните:

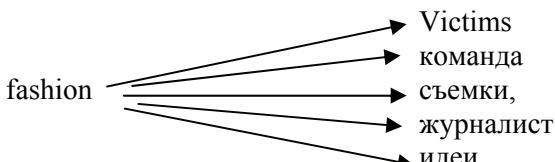
год прошел в режиме "sex-drugs-rock-n-roll".

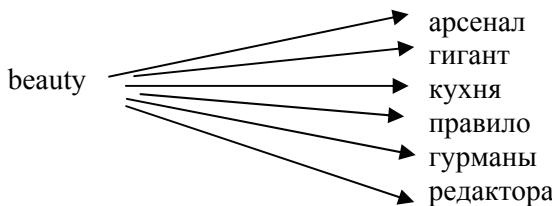
замкнутый круг 'проснулся-поел-поработал-пришел домой-поел-уснул'

nimileuristas 'люди, которые не получают тысячу евро в месяц'

Из-за различия типологических характеристик, аналитизма и синтетизма наблюдается транспозиция отдельных полнозначных английских слов в квазиморфемы в русском и испанском языках, например *-e, fashion, beauty*.

Poco a poco las firmas más exclusivas se van lanzando al e-commerce, una realidad en aumento y firmas como...

Таким образом, в текстах российских и испанских СМИ под влиянием английского языка активно идут процессы образования различного рода лексических инноваций. Будущее лексических инноваций зависит от дальнейших тенденций языкового развития в медийной сфере, поскольку она оказывается наиболее гибкой, подвижной областью языковоизменения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Знаковая природа языка // Общее языкознание: Формы существования, функции, истории языка. – М.: Наука, 1970. – С. 96-196.
2. Перфильева Н.В. Полилексемы в современном русском языке. Прецедентный текст как импликативный фактор образования новых лексических единиц в языках // *Slavu lasījumi*, Латвия, Даугавпилс, 2012.
3. Перфильева Н.В. Промежуточные категории в лексике современного русского языка // *Valoda dazadu kulturu konteksta Latvija Daugavpils: Daugavpils universitates akademiskais apgads “saule”*: 2012, 425-431.

ИМПЛИКАТУРЫ ДИСКУРСА В НАЦИОНАЛЬНЫХ МОДЕЛЯХ КОММУНИКАЦИИ

Т.Б. Радбиль

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
просп. Гагарина, 23, Нижний Новгород, Россия, 603950*

В работе рассматриваются некоторые русские национально-специфичные модели диалогических единств, функционирование которых в дискурсе основано на импликатурах дискурса, а именно на вербализа-

ции иллокутивной силы высказывания, а также на эксплуатации условий успешности и постулатов общения Грайса.

Ключевые слова: импликатуры дискурса, национально-специфичные модели коммуникации, русский язык.

CONVERSATIONAL IMPLICATURES IN NATIONAL MODELS OF COMMUNICATION

T.B. Radbil

*Nizhny Novgorod State University n.a. N.I. Lobachevsky
Gagarina ave., 23, Nizhni Novgorod, Russia, 603950*

The work deals with some Russian national-specific models of adjacency pairs functioning in discourse on the basis of conversational implicatures, exactly on verbalization of speech act illocutionary force, on operation of felicity conditions and Grice's conversational maxima as well.

Keywords: conversational implicatures, national-specific models of communication, Russian language.

В живой разговорной русской речи можно наблюдать примечательные явления типизированных ответных реплик в минимальном (двуучленном) диалогическом единстве, некоторые из которых можно рассматривать в плане национально-обусловленных моделей коммуникации как значимых рефлексов мотивационно-прагматического (речеповеденческого) уровня языкового менталитаря, наличие которого постулировалось нами в работе [6, с. 60].

Оставляя в стороне дискуссионность объема и содержания научного понятия «диалогическое единство», ограничимся лишь указанием на то, что в нашей работе рассматриваются так называемые *двуучленные диалогические единства* (их еще иногда называют «смежные пары» / «adjacency pairs»), которые представляют собой семантически и структурно взаимосвязанные реплики в поле диалогического взаимодействия *говорящий / адресат* и выступают, соответственно, как минимальные единицы диалога.

Нас будут интересовать такие двуучленные диалогические единства, вторые реплики которых обладают разной степенью иллокутивной вынужденности, т.е. не столько семантической или

структурной сколько прагматической обусловленностью, исходя из наличия у отвечающего неких весьма специфических интенций.

В интересующих нас моделях диалогических единств «иллокуттивная вынужденность» имеет чисто формальный характер: на вопрос следует формальный ответ, на предложение – формальное согласие или отказ, на выражение какой-то мысли – формальное подтверждение. Поэтому ее даже в большинстве примеров можно назвать «псевдо-иллокутивной вынужденностью», потому что ответная реплика в таких случаях порождается специфической, по-рою негативной реакцией адресата не на пропозициональное содержание реплики инициатора, а на его личность, на свое или его психологическое состояние, настроение.

Чаще всего подобные «псевдо-иллокутивно вынужденные» реплики целиком и полностью апеллируют к контексту и к ситуации общения, к общему фонду знаний говорящего и адресата, т.е. эксплуатируют невербализованные компоненты смысла в прагматике речевого взаимодействия.

Примером подобных типизированных единств могут служить такие часто встречающиеся модели диалогической коммуникации:

- Ты откуда, Миша? // – Да все оттуда...
- Почему ты вчера не пришел? // Потому...

К этой же группе относятся и случаи многочисленных неприличных и даже обсценных ответных реакций на где-вопросы или куда-вопросы и им подобные, которые тоже вполне типизированы. Вполне справедливо будет отнести большинство указанных случаев к проявлению жестких или смягченных форм вербальной агрессии или, по меньшей мере, конфликтогенной коммуникации.

Вообще говоря, по нашим наблюдениям, такие типизированные модели ответных реплик крайне частотны в обыденной коммуникации, они также весьма разнообразны по своим иллокуттивным силам, коммуникативным намерениям и функциям в речевом взаимодействии. Невозможно хотя бы приблизительно описать и каталогизировать даже примерный набор экстралингвистических обстоятельств и речевых ситуаций их употребления.

Речь в настоящей работе пойдет лишь о некоторых случаях подобного диалогического взаимодействия, в которых так или иначе эксплуатируются такие коммуникативно значимые разно-

видности невербализованной прагматической информации, как импликатуры дискурса, или коммуникативные импликатуры (*conversational implicature s*), которые впервые были рассмотрены в работах Г.П. Грайса [4].

Напомним, что импликатуры дискурса – это нестрогие умозаключения, которые не входят в собственно смысл предложения, но «вычитываются» в нем слушающим в контексте речевого акта, опираясь на максимы речевого общения. Г.П. Грайс принципиально отграничивает импликатуры дискурса от других видов актуализации невербализованного содержания в речевой коммуникации – от *конвенциональных импликатур*, смысл которых вытекает из буквального значения слов и грамматических конструкций, или *импликаций* в логическом смысле, смысл которых предполагается адресатом «по умолчанию» исходя из совокупного внеязыкового (логического) содержания пропозиции. Это выводы, которые делаются адресатом из слов говорящего в предположении о соблюдении им принципов коммуникативного сотрудничества.

«Общая схема вывода коммуникативной импликатуры выглядит так: «Он сказал, что *p*; нет оснований считать, что он не соблюдает постулаты или по крайней мере Принцип Кооперации; он не мог сказать *p*, если бы он не считал, что *q*; он знает (и знает, что я знаю, что он знает), что я могу понять необходимость предположения о том, что он думает, что *q*; он хочет, чтобы я думал – или хотя бы готов позволить мне думать – что *q*: итак, он имплицировал, что *q*» [4, с. 227-228].

Е.В. Падучева считает, что, когда говорящий сознательно эксплуатирует какой-нибудь коммуникативный постулат, т.е. использует его для передачи информации в завуалированной форме, он этим как бы заставляет слушающего самого вывести соответствующий компонент в виде импликатуры дискурса. При этом импликатуры дискурса действительно участвуют в понимании речи. Они дают возможность «разгрузить» семантическое описание предложения, удалив из него некоторые компоненты общекоммуникативного происхождения, позволяя нам не эксплицировать само собой разумеющиеся вещи [5].

С другой стороны, импликатуры дискурса могут выступать и как инструменты некооперативного речевого общения, или, в терминологии Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева, как приемы «речевой

демагогии». «Это дает возможность автору текста при необходимости «отпереться» от имплицируемого утверждения, подобно персонажу одного из романов Лурье, который в ответ на просьбу никому не рассказывать о некотором только что произшедшем событии заверил: *A gentleman never tells*, – а затем, когда выяснилось, что он все же рассказал, заявил: *I never said I was a gentleman*» [2, с. 444]. А в работе В.Ю. Апресян многие из интересующих нас случаев эксплуатации импликатур дискурса справедливо характеризуются как приемы имплицитной вербальной агрессии [1, с. 32-35].

Вот пример типизированной ответной реакции на инициальную реплику с иллоктивной силой сообщения

– *А я вчера наконец в отпуск ушел! // – Хорошо тебе...*

Подобное единство обладает рядом примечательных коммуникативных, функциональных, семантических и структурных свойств.

С коммуникативной точки зрения, это всегда неформальная реакция особого типа на речь говорящего или ситуацию, созданную говорящим, в ситуации неформального общения. О том, что реакция возможна и на ситуацию, свидетельствует последняя реплика драмы А.Н. Островского «Гроза», которая обращена Кабановым к уже умершей жене: *Хорошо тебе, Катя! А я-то зачем остался жить на свете да мучиться! (Падает на труп жены)*. – При этом, видимо, речь говорящего или ситуация, созданная говорящим, должны как-то задевать отвечающего, во всяком случае – как-то затрагивать его интенциональную сферу, осознаваться, что называется, как «личностно близкие» для него.

С точки зрения иллоктивной функции – это всегда экспрессивно-оценочная реакция (экспрессив, в терминологии Дж. Р. Серля) сложной природы, которая выражает не столько оценку конкретной речи или ситуации в сфере говорящего, сколько позицию самого адресата, его настроение. Подобная типизированная реплика обычно означает нежелание развивать тему, предложенную говорящим, т.е. в общем виде – уход от ее обсуждения, что может оцениваться как маркер потенциальной конфликтогенности диалогического взаимодействия или, в терминах В.Ю. Апресян, как имплицитная вербальная агрессия. В определенном смысле адресат, эксплуатируя данную импликатуру, нарушает принцип коопера-

ции, в частности постулат истинности и условие искренности в системе условий успешности Дж.Р. Серля [8, с. 160-166]. Именно это обуславливает их потенциальную конфликтогенность и имплицирует вербальную агрессию.

С точки зрения прагмасемантической – перед нами типичная импликатура дискурса, которая, в зависимости от ситуации, может иметь целый спектр нерасчлененных выводных смыслов эмоционально-личностного характера – от сожаления или даже разочарования до легкой зависти с оттенком упрека. Импликатура здесь примерно такова: «Не думай, что я искренне думаю, что тебе действительно хорошо, и рад этому, потому что мне самому не хорошо от того, что я слышу, наблюдаю, или оттого что у меня просто неподходящее настроение для обсуждения твоих достижений». О том, что это всегда ироническое употребление, свидетельствует старый анекдот, обыгрывающий буквальное и наведенное в дискурсе значения слова *хорошо*:

Жена: Тебе *хорошо*? // **Муж** (уверенным голосом): *Мне – хорошо!*! // **Жена** (задумчиво, с сожалением): *Хорошо тебе!..*

Отметим также, что на косвенно-речевое ироническое употребление подобного *хорошо* указывает также отсутствие возможности употребить в схожей ситуации антонимическую конструкцию *Плохо тебе...*, которая как раз не имеет таких импликатур дискурса и используется только в буквальном значении.

С точки зрения структурной, подобное *Хорошо тебе...* всегда характеризуется особой просодией, особым интонационным контуром с эмфатическим выделением сегмента *хорошо* (с повышением интонации), а также обязательным ограничением на заполнение актантовой валентности – невозможностью иметь в качестве актанта дейктический показатель I лица. Возможно: *Хорошо тебе / вам / ему / ей / им / Миише* и пр., но невозможно – **Хорошо мне / нам*, так как в последнем случае возникло бы противоречие между конвенциональной импликатурой, выводимой из значений слов и буквального смысла всей конструкции, и импликатурой дискурса, в режиме косвенного речевого акта имплицирующей идею о том, что говорящему как раз ‘не хорошо’. В терминологии, принятой в нашей работе [7], подобные явления трактуются как коммуникативно-прагматические аномалии, и в нормальных условиях коммуникации они просто невозможны.

Далее мы рассмотрим еще одну группу подобных типизированных диалогических единств, ответная реплика в составе которых эксплуатирует импликатуры дискурса особым образом. Речь пойдет о явлениях, которые психологи обычно квалифицируют как «переход на метауровень», когда ответная реплика содержит метаязыковой показатель: иными словами, вместо того, чтобы реагировать на суть сообщаемого, отвечающий по тем или иным причинам эксплицирует саму иллоктивную силу высказывания говорящего. Вот крайне типичный образец подобного диалогического вопросно-ответного единства:

– *A ты хотел бы, чтобы сейчас наступило лето? // – Справишься...*

В коммуникативном плане важно, что речь в вопросе идет о возможной благоприятной альтернативе для отвечающего. Импликатура здесь: «Ты спрашиваешь о таких простых вещах, значит, ты знаешь ответ сам, значит, ты ждешь от меня не буквального ответа, а чего-то другого». В прагмасемантическом плане импликатура дискурса, обыгрывающая экспликацию иллоктивной силы вопроса, состоит здесь в своего рода «усилении» положительного ответа, включающем, помимо всего прочего, в набор имплицируемых смыслов еще и ироническую реакцию отвечающего на самоочевидность положительного ответа, а также, возможно, и косвенный упрек в отношении инициатора диалога – в том, что он якобы не понимает таких элементарных вещей, в необходимости его инициальной реплики (в пустословии) и пр. Хотя в определенных ситуациях возможно и альтернативное прочтение данного взаимодействия в рамках **принципа Вежливости** Дж. Лича [11]: подобная реплика может выполнять контактостанавливающую функцию, создавая атмосферу доверительности, эмпатии, особой эмоциональной близости говорящего и адресата.

Обратный вариант, демонстрирующий в режиме неформальной коммуникации стратегию ухода от обсуждения сути сообщаемого, представлен в следующем примере:

– *Ну, как ты живешь? // – И не спрашивай...*

Здесь на формальном уровне ответная реплика побуждает к несовершению уже совершенного речевого действия – вопроса, что, естественно, в режиме буквальной интерпретации является противоречием. Именно это порождает импликатуру дискурса:

«Ты спрашиваешь о вещах, информация о которых тебе на самом деле не важна, ты спрашиваешь из вежливости. Я не хочу, чтобы ты спрашивал таким образом. Но я хочу, чтобы ты каким-то образом узнал о моих неблагоприятных обстоятельствах, понял их сам, зная меня, и проявил сочувствие». На самом деле, и в этом случае едва ли можно говорить о реальном уходе от коммуникации, о нежелании продолжать общение. Здесь опять мы видим установку на сохранение доверительности общения, на то, что истинное общение предполагает понимание того, что не сказано прямо, так как основано на предполагаемом или имплицируемом «родстве душ».

Не случайно первые два примера едва ли возможны в общении между малознакомыми людьми или в общении, имеющем хоть какой-нибудь элемент официальности.

Однако есть случаи, когда экспликация иллокутивной силы вопроса имеет не скрытую, а явную направленность на некооперативную коммуникацию, на ерчевой конфликт. Это, например, речевой акт упрека в ответной реплике типа:

– *Он еще спрашивает!*

Подобные ответные реплики квалифицируются в работе М.Ю. Федосюка ««Стиль» ссоры» как приемы, эмоциональное воздействие которых обусловлено особенностями речевого поведения говорящего, в число которых, в частности, входит обозначение собеседника местоимением не 2-го, а 3-го лица, когда «партнер по диалогу как бы демонстративно игнорируется, к нему относятся так, будто его нет» [9, с. 18-19].

Рассмотренная группа вопросно-ответных единств входит, по-видимому, в более обширный класс типизированных диалогических единств, ответные реплики которых эксплуатируют импликатуру дискурса, основную на метаязыковой экспликации самого факта говорения в инициальной реплике безотносительно к ее конкретной иллокутивной силе. Это, например, обсуждаемые в работе В.Ю. Апресян индикаторы имплицитной вербальной агрессии: – *Ты у меня еще поговори / поспорь...;* – *Не тебе об этом говорить (судить)...* и пр. [1, с. 32-35].

В это же список, очевидно, попадают и такие распространенные примеры типовых ответных реплик: – *Кто сказал?;* – *Скажешь тоже...;* – *Ну ты и сказал...*

Все они так или иначе ориентированы на конфликтные модели речевого взаимодействия, однако сам факт использования метаязыковых импликатур дискурса смягчает напряженность (у отвечающего всегда есть возможность отпереться, не идти на развитие прямого конфликта, уйти от обсуждения темы).

В целом отметим, что все обсуждаемые выше типизированные диалогические единства всегда имеют все признаки **фатической коммуникации** (Р. Якобсон), т.е. коммуникации, направленной на поддержание самого процесса общения как такового [10, с. 201]. Они никогда не направлены на выяснение истинного положения вещей, но, скорее, посвящены установлению неформальных, доверительных межличностных отношений, некоего «эмоционального фона» общения.

Особое внимание не к содержательной, а к межличностной стороне речевой коммуникации, согласно А. Вежбицкой, вообще является яркой национально-специфичной чертой именно русских моделей речевого взаимодействия. Это проявляется, с одной стороны, в ориентации на поддержание «эмоционального градуса» общения, а с другой – в тяготении к категорическим моральным суждениям и, как следствие, к постоянному «выяснению отношений» [3]. Яркие примеры и того и другого мы можем наблюдать в рассмотренных нами примерах диалогических единств, эксплуатирующих импликатуры дискурса в живой, неформальной разговорной речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян В.Ю. Имплицитная агрессия в языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международной конференции «Диалог 2003» (Протвино, 11-16 июня 2003 г.) / Под ред. И.М. Кобозевой, Н.И. Лауфер, В.П. Селегея. – М.: Наука, 2003. – С. 32-35.
2. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Языки русской культуры, 1997.
3. Вежбицкая А. Русский язык // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Перевод с английского, ответственный редактор М.А. Кронгауз, вступительная статья Е.В. Падучевой. – М.: Русские словари, 1996. – С. 33-88.

4. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217-237.
5. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке). – М.: Языки русской культуры, 1996.
6. Радбиль Т.Б. О концепции изучения русского языкового менталитета // Русский язык в школе. – 2011. – № 3. – С. 54-60.
7. Радбиль Т.Б. Языковая аномальность в русской речи: к проблеме типологии // Русский язык в научном освещении. – 2006. – №1 (11). – С. 77-100.
8. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 151-169.
9. Федосюк М.Ю. «Стиль» ссоры // Русская речь. – 1993. – № 5. – С. 14-19.
10. Якобсон Р.О.Лингвистика и поэтика // Структурализм: "за" и "против": Сб. статей / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1975. – С. 195-230.
11. Leech G. Principles of Pragmatics. – London: Longman, 1983.

«НАСТОЯЩИЙ МУЖЧИНА» В РОССИЙСКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ РЕКЛАМЕ

А.В. Страхова

*Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198*

В работе представлен анализ рекламного образа «настоящего мужчины» в двух различных языковых и культурных сообществах – российском и французском, показана межнациональная общность гендерных стереотипов и сходство восприятия образа среди мужчин и женщин двух разных стран.

Ключевые слова: рекламный текст, рекламный образ, реклама, гендерный стереотип, гендерные отношения.

«REAL MAN» IN RUSSIAN AND FRENCH ADVERTISING

A.V. Strakhova

*Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198*

The article presents an analysis of the advertising image of a «real man» in two different linguistic and cultural communities – the Russian and French, shows a transnational community of gender stereotypes and the similarity perception of the image among men and women from different countries.

Keywords: advertising text, advertising image, advertising, gender stereotype, gender relations.

Реклама как влияющая на формирование сознания человека сущность создает образ мужчины или женщины, важнейшей составляющей которого является то, как он/она действительно ведёт или должен/должна вести себя. Образы мужчины и женщины в большинстве рекламных роликов на наших телеэкранах наделены разными обязанностями, разными устремлениями в жизни, разной социальной силой. Можно сказать, что реклама простым языком излагает старый патриархальный миф о том, какими должны быть мужчина и женщина [2, с. 67].

Рекламные образы создаются как вербальными, так и невербальными средствами, важнейшей среди последних является визуальная составляющая. Образы домохозяйки и семьянина, успешных мужчин и женщин, «мужчины-мачо» и «женщины-хищницы» вводятся в рекламу не случайно – с их помощью рекламодатель стремится привлечь внимание потенциального потребителя, заставив его спроектировать на себя качества того или иного рекламного героя и ощутить потребность обладания предлагаемым товаром.

Одним из важнейших гендерных стереотипов является образ «настоящего мужчины», присутствующий в рекламной продукции любой страны. В этом рекламном образе отражаются определенные представления данной нации о том, кого можно считать «настоящим мужчиной». В то же время рекламодатель всегда учиты-

вает и гендерную дифференциацию аудитории. Мужчины и женщины разных национальностей наделяют «настоящего мужчину» абсолютно разными моральными качествами, внешними данными, физическими и интеллектуальными возможностями.

В связи с этим возникает вопрос: чем в большей степени обусловлен данный рекламный образ – национальными представлениями или представлениями мужчин и женщин о том, каким должен быть «настоящий мужчина»?

Основным показателем гендерной направленности рекламы является товар: традиционно «женской» считается косметическая продукция, парфюмерия, товары повседневного домашнего обихода; «мужскими» – автомобили, электроника, алкоголь, табак. Наблюдения за рекламными роликами и текстами косметических товаров говорят о том, что независимо от продукта (мужской шампунь или женский, крем для бритья или туалетная вода) основным адресатом рекламного сообщения является именно женщина. В первую очередь это связано с тем, что в любой паре покупкой косметических товаров занимается женщина, кроме того, существует устойчивый стереотип, что мужчины в меньшей степени заботятся о своем внешнем виде и меньше интересуются новинками косметической продукции. При этом образ «настоящего мужчины» присутствует в рекламе, направленной и на мужчин, и на женщин. Визуальный ряд практически всегда подкреплен соответствующей вербальной составляющей.

Для анализа культивируемых рекламой качеств «настоящего мужчины» мы рассмотрим несколько групп гендерно направленных рекламных роликов: «мужских» – автомобили, армия, пиво; «женских» – косметические средства и парфюмерия.

Автомобили традиционно относят к «мужским» товарам: несмотря на то, что сегодня женщины используют личное авто не реже мужчин, считается, что в выборе транспортного средства решающим является мнение представителя сильного пола. Неудивительно, что большинство рекламных роликов автомобилей направлено именно на мужчин. При этом зачастую в рекламный текст актуализируются стереотипизированные гендерные характеристики, к которым привлекается максимальное внимание. С помощью олицетворения рекламодатель стремится передать товару «мужские» качества для того, чтобы потенциальный покупатель

почувствовал себя «настоящим мужчиной» и принял решение приобрести рекламируемый товар:

Самые сильные, самые ловкие, самые выносливые, самые достойные. За гранью обыденного. Land Rover G4 Challenge. Актуализация формы превосходной степени имен прилагательных, а также сама вербальная сила этих прилагательных, подчеркивающих мужские качества, придает тексту антропоцентрический характер и особую экспрессию, которая создает положительный образ объекта рекламы, в данном случае – дорогого автомобиля.

Сильный, мужественный, надежный. Новый Ssang Yong Rexton – правильный мужской выбор. В данном случае рекламодатель, олицетворяя машину с мужчиной, психологически «давит» на самолюбие мужчин, побуждая их к активным действиям.

предполагается что рекл тексты с образом настоящего муж направлены на аудиторию, внушают аудитории, что они и есть наст. мужчины. Рекламные тексты направленные на «настоящих мужчин», часто изобилуют техническими характеристиками, которые способен понять любой из них. Участие известных людей, символизирующих традиционно мужские увлечения (например, футбол), подчеркивает гендерную направленность текста. Так, автомобиль Renault Laguna представляет футболист Эрик Кантона:

On m'a demandé de vous parler de la nouvelle Renault Laguna. Et vous savez quoi ? J'ai accepté. Moi quand je parle, je parle efficace. Justement parlons en d'efficacité seulement 4.9l / 100 km dans sa version berline éco 2, ça vous parle ? Et si je vous dis qu'elle ne rejette que 130 g de CO2 ça c'est efficace pour la conscience. Le système audio haute définition avec son spatialisé, rien est trop beau pour Mozart. Tu l'achèterais la voiture, toi ? Ben oui ! Cette voiture, elle me donne envie de rouler libre. Comme le mistral. Comme un cheval sauvage.

(*Меня попросили рассказать вам о новой Renault Laguna. И вы знаете что? Я согласился! Когда я говорю, я говорю эффективно. Просто поговорим о расходе топлива всего 4,9л на 100 км в версии «седан» Эко2, это вам о чем-нибудь говорит? А если я скажу вам, что выбросы углекислого газа составляют лишь 130 г, это добросовестный результат. Аудио система высокого разрешения

с системой «звук вокруг», нет ничего прекраснее для Моцарта. Ты бы купил эту машину, а? Ну конечно! Этот автомобиль дает мне желание ехать свободно. Как мистраль. Как дикий конь).

Невербальным приемом привлечения внимания к товару является показ «потребителя-эксперта» – известного по Франции футболиста. В тексте присутствуют специализированные термины – технические характеристики автомобиля. В качестве приема речевого воздействия используется повышение статуса через внедрение в текст сравнения из мира искусства (*ничего прекраснее для Моцарта*), риторическое обращение (*Ты бы купил эту машину?*), поэтическое сравнение (*как мистраль, как дикий конь*).

Таким образом, можно отметить сходные речевые приемы, характерные для российской и французской рекламы легкового автотранспорта: присутствие технических характеристик, наделение автомобиля «мужскими» качествами, что должно повысить его привлекательность в глазах покупателя.

Служба в вооруженных силах не является товаром в классическом смысле, но так как любому государству необходимо периодически пополнять армию новыми солдатами, оно стремится привлечь их с помощью социальной рекламы. Развивая в России службу по контракту, Министерство обороны РФ регулярно выводит на экран телевизоров и на городские баннеры призывы вступить в ряды защитников Отечества. Одним из последних роликов является следующий: на экране молодой мужчина. Сначала он находится в привычном окружении: спортивная площадка, друзья, девушка. Затем он перемещается в армейские условия, занимается физической подготовкой, выполняет боевые задания:

Это – первый день твоей новой жизни. То, что было вчера, не имеет значения. Кем ты был прежде, уже никого не волнует. Теперь важно то, кем ты будешь сегодня. Что ты знаешь о себе, на что ты способен – вопросы могут остаться без ответов, но разве ты сможешь потом спокойно спать? Узнать себя, познать границы своих возможностей, к черту границы – ты готов ломать себя до изнеможения каждый день? Здесь боль закаляет, шрамы – повседневность, это ты решил себе что-то доказать, это ты пытаешься увидеть в каждой тени своего врага, потому что без врага нет боя, а без боя нет победы. Но на самом деле главный враг – это ты... Вчерашиний ты... Твоя задача выследить

врага, догнать его, превзойти, стать лучие, чем он, и вернуться завтра победителем, потому что завтра – первый день твоей новой жизни.

Текст изобилует речевыми приемами воздействия, имеющими выраженную направленность на мужчин: риторический вопрос (*Разве ты сможешь потом спокойно спать?*), сниженная лексика (к черту границы), императивы, обладающие сильным мотивационным эффектом (узнай себя, познай границы своих возможностей), слова, обладающие вербальной силой (победа, вернуться победителем). Невербальные и вербальные средства данного ролика создают скорее морально-личностную, чем боевую задачу – стать «настоящим мужчиной», победить главного врага – себя «вчерашнего», то есть каждый день становиться лучше и сильнее.

Франция имеет длительную историю контрактных отношений в армии, поэтому также периодически создает новую рекламную кампанию для своих вооруженных сил:

Пехотинец бежит по лесу, слышно его громкое дыхание, он выбегает из кустов к месту, где стоит техника и на позиции стоят снайперы, прикрывающие его. Слоган: *Depuis quand vous ne vous êtes pas dépassé ? Devenez vous-même.* (*Как давно вы не преодолевали самого себя? Станьте собой).

Молодой солдат карабкается по стене, ему подает руку товарищ и помогает залезть. Слоган: *Pour vous, c'est quoi la confiance ? Devenez vous-même.* (*Что для Вас доверие? Станьте собой).

Представленные ролики являются более емкими, однако также, как и в российском аналоге, выводят на первый план морально-личностные цели: преодолеть себя, стать собой (*devenez vous-même*), то есть «настоящим мужчиной», готовым сражаться и помогать боевым товарищам. Таким образом, как российская, так и французская социальная реклама подчеркивает, что главное в «настоящем мужчине» – это сила духа.

Еще одним типично «мужским» атрибутом является футбол. В Европе и в России главными спонсорами футбольных матчей всегда были производители пива, соответственно, рекламные ролики пива, показываемые в перерывах между игрой, создали в сознании мужчин устойчивую связь между футболом и пивом. Это странное сочетание спорта и алкоголя даже породило явление

«спорт-баров» – заведений, в которых можно собраться с друзьями в мужской компании, выпить пива и посмотреть матч, хотя очевидно, что сами понятия *спорт* и *бар* являются в некотором роде несовместимыми.

Производители рекламы пивной продукции (до того, как она стала запрещена на телезрекранах) всегда старались укрепить эту связь в роликах:

Молодая женщина сидит перед телевизором и смотрит фильм. В квартиру входит шатающийся муж с бутылкой пива, садится на диван рядом с ней и начинает к ней приставать, изображая пьяного. В конце концов, женщина не выдерживает и выходит из комнаты. Сразу после того, как за ней закрывается дверь, мужчина становится трезвым, хватает пульт, переключает на футбол, принимает удобную позу и с видом победителя ставит на стол бутылку с недопитым пивом. Слоган: *Bièrre Moretti Zero. 0% alcohol, 100% bièrre* (*Пиво Moretti Ноль. 0% алкоголя, 100% пива).

Хотя пиво в данном ролике является безалкогольным, оно все равно позволяет герою быть «настоящим мужчиной» – любыми путями добиться того, чтобы посмотреть футбол. Слоган подчеркивает, что это стопроцентное пиво, хотя в нем и нет алкоголя, а герой рекламы – стопроцентный «настоящий мужчина» в глазах большинства своих товарищей по гендеру.

Одним из вариантов «настоящего мужчины» является образ «настоящего мужика», изначально созданный для отечественной рекламы пива. «Настоящий мужик» – крепкий сорокалетний мужчина, не «белый воротничок», но с образованием, прямолинейный, с твердой жизненной позицией, любящий компанию, увлекающийся футболом, ценящий друзей и семью. Образ является визуально узнаваемым, так как актеры, его представляющие, обладают внешностью типичного «русского мужика»: средний рост, полноватая фигура, простоватый вид. Вербальной составляющей данного образа является характерная лексика:

Петрович всегда мечтал стать байкером и надумал сам мотоцикл собрать. Сезон на исходе, а он все в гараже пропадает. Решили ему подсобить. За работу взялись основательно и по-взрослому. Собрали Петровичу настоящего железного коня! «Голстяк» – это по-взрослому, мужики!

Данный текст обладает рядом лингвистических характеристик, присущих целевой группе «настоящих мужиков»: обращение без имени, но по отчеству (*Петрович*), допустимое между мужчинами, давно знакомыми друг с другом и имеющими приятельские отношения; просторечие *подсобить* (помочь), которое подчеркивает взаимовыручку «мужиков», их стремление помочь друг другу; эпитеты *основательно* и *по-взрослому* характеризуют такое положительное качество «настоящего мужика», как серьезное отношение к работе. Данный образ имеет ярко выраженную национальную специфику, а лексему «мужик», характеризующую определенный современный русский мужской тип, можно считать «абсолютной лакуной» [1, с.120], не имеющей эквивалента в виде слова во французском языке, в связи с чем ее появление в зарубежной рекламе невозможно.

Потребность «настоящих мужчин» в пенном напитке часто подчеркивается с помощью прямого указания на соответствующую целевую группу: *Пиво «Пит». Гордись тем, что ты мужчина!*; *Право быть мужчиной*; *«Арсенальное». Пиво с мужским характером*; *«Толстяк «Доброе». Держитесь вместе, мужики!*

Несмотря на отсутствие в иностранной, в частности, во французской рекламе образа «настоящего мужика», можно отметить, что призыв к мужскому единению выражен здесь с помощью других неверbalных средств:

Вечеринка по поводу новоселья. Хозяйка зовет подруг посмотреть комнаты. Девушки заходят в спальню, здесь хозяйка открывает большие двери и показывает подругам огромную гардеробную комнату. Девушки начинают визжать от восторга и обниматься. Внезапно они слышат такие же восторженные мужские крики. В другой части дома хозяин показывает друзьям комнату такого же размера, как гардеробная, превращенную в холодильник, до отказа заполненный пивом *«Heineken»*. Мужчины также визжат от восторга, радуются и обнимают друг друга. Слоган: *Heineken. Serving the planet* (*Обслуживаем планету).

Таким образом, нельзя не отметить, что в примерах рекламы обеих стран пиво является символом единения мужчин, а также незаменимым атрибутом футбольного матча.

Как уже отмечалось ранее, реклама определенного сегмента товаров для мужчин (средства по уходу за телом, парфюмерия) направлена, в основном, на женщин, так как подобные товары, как правило, приобретают именно женщины для своего мужчины или в качестве подарка. В связи с этим в рекламных роликах наблюдается некоторое видоизменение образа «настоящего мужчины»: на первый план выводятся мужские качества, наиболее приятные дамам. Нередко появление в подобных роликах известных мужчин, обладающих, помимо профессиональных успехов, имиджем красавцев, ведущих публичный образ жизни и интересных женщинам скорее своими светскими, чем профессиональными достижениями.

Рассмотрим рекламный текст телевизионного ролика дезодоранта Rexona Men с участием капитана сборной России по футболу Сергея Семака:

Все нервничают перед игрой. Но я не имею права показать это. Мои люди должны верить в мою уверенность. И тогда они готовы бороться до последнего.

Инновационная формула Rexona Men содержит капсулы, которые реагируют на каждый выброс адреналина.

Когда ставки высоки, тебе нужна полная уверенность в результате. Нервничаю ли я? По мне вы этого не скажете! Rexona men – никогда не подведет!

Ключевыми словами данного текста являются существительное «уверенность» и глагол «бороться», семантика которого указывает на активную жизненную позицию спортсмена, его уверенность в себе. Главное качество дезодоранта (*никогда не подведет*) проецируется на героя, который уверен в себе и не подведет своих людей. Эти качества, по замыслу рекламодателя, должны посредством дезодоранта передаваться и потребителю.

Однако нельзя не отметить, что данный текст либо в равной, либо даже в большей степени направлен на женщин, чем на мужчин. Уверенность, надежность – это те качества, которые женщины, по их собственным отзывам, особенно ценят в мужчинах. В тексте присутствуют элементы псевдонаучности, характерные для рекламы «женских» товаров (*инновационные формулы* в рекламе шампуней, туши для глаз и т.д.). Кроме того, мужчинам не понятна сама логика изложения: зачем футболисту перед матчем

использовать дезодорант и делать вид, что он не потеет, если он все равно вспотеет, так как имея такую физическую нагрузку нельзя не вспотеть. Мужчины вообще не воспринимают фирму Rexona как производителя товаров для себя, так как долгое время на рынке и в телерекламе была представлена только женская линия этих дезодорантов.

Похожую рекламу мы находим на французском телевидении:

Группа из пяти футболистов, возглавляет которую известный нападающий Златан Ибрагимович, совершает пробежку. Между ними проходят две очаровательные девушки, которые, заметив звезду, оглядываются, одна из них машет блокнотом, становится понятно, что она хочет взять автограф. Эту картину видит молодой привлекательный мужчина, одетый в рубашку и брюки. Он подбегает к девушкам, выхватывает блокнот и бежит за футболистами. Закадровый текст: *Ne ratez aucune occasion* (*Не упускайте ни одной возможности). На ходу он ловит восторженные взгляды женщин разного возраста. Когда он догоняет спортсменов, он просит Ибрагимовича что-то написать для девушки в блокноте, тот с улыбкой соглашается. Когда герой ролика возвращается к девушке и передает ей блокнот, она видит в нем написанные рукой Златана имя и номер телефона молодого человека. Следующие кадры показывают двойную картинку, где герои ролика – молодой человек и Златан Ибрагимович – оба с обнаженными торсами, каждый в своей квартире, используют рекламируемый дезодорант. Слоган: *Nivea Men. A vous de jouer* (*Дело за вами).

Златан Ибрагимович – известный человек, публичная личность, успешный мужчина, один из лучших футболистов мира. Герой ролика – дерзкий молодой человек, способный на красивый жест ради понравившейся девушки, прилично одетый, привлекательный внешне, «настоящий мужчина» в глазах практически любой женщины, что подчеркнуто не только улыбкой и явной симпатией обладательницы блокнота, но и других женщин, чьи одобрительные взгляды поймал на себе герой. Компания Nivea, как и Rexona, долгое время предлагала покупателям товары для женщин, поэтому у мужчин эта продукция не вызывает большого интереса.

Парфюм является одним из наиболее частых подарков женщин мужчинам. Неудивительно, что в рекламе данной продукции

мы находим образы «настоящих мужчин», привлекающие женщины:

Актер Симон Бейкер непринужденно идет по улице под дождем без зонта. Он одет в элегантный костюм, белую рубашку, его лицо озаряет легкая улыбка. Увидев красивую девушку, которая не попала в такси и осталась под дождем, он раскрывает над ней зонт, отдает ей его и идет дальше. Девушка приятно удивлена. Слоган: *Gentlemen only. Givenchy*.

Галантный, прекрасно одетый, привлекательный мужчина-джентльмен – образ, горячо любимый женщинами. Однако дам привлекают не только прекрасные манеры джентльмена, но и его материальное благополучие. Так, в рекламе популярной туалетной воды для мужчин «1 Million» от Paco Rabanne в кадре по щелчку пальцев главного героя последовательно появляются различные атрибуты шикарного образа жизни: дорогой автомобиль, сумка, полная денег, красивая женщина, бриллиантовое кольцо у нее на пальце, а дополняет этот «комплекс» флакон туалетной воды «1 Million». Приемом создания образа здесь является семантика окружения: ролик создает некую «другую реальность», воспроизводящую жизнь богатых людей, с которой напрямую связывается рекламируемый парфюм.

В рекламном образе «настоящего мужчины» доминируют несколько видов качеств: личностные (надежность, уверенность в себе, сила воли, стремление к победе, обаяние), физические (сила, внешние данные, сексуальность) и социальные (успешность, материальное благополучие, известность). Однако соотношение этих качеств в рекламном образе напрямую зависит от гендерной направленности ролика. В рекламе для женщин культивируются, в первую очередь, социальные и физические качества личности, а также те из личностных качеств, которые в большей степени нравятся женщинам, то есть так называемые «качества джентльмена». В рекламе, направленной на мужчин, на первом месте стоят личностные качества, подчеркивающие «бойцовский дух» – воля к победе, уверенность в себе, стремление к самосовершенствованию, а также физическая сила.

Публичные люди в рекламе, направленной на женщину, являются символами успеха и внешней привлекательности, а рекламный образ создает у нее впечатление, что приобретаемый то-

вар придаст и ее мужчине качества, которыми обладает данная личность. Звезды в рекламе, направленной на мужчину, – это такие же «настоящие мужчины», как и он сам, говорящие с ним о том, что нужно и интересно и тому, и другому. Сходства образов «настоящего мужчины» в российской и французской рекламе показывают, что представления о «настоящем мужчине» являются интернациональными, а имеющиеся различия несущественными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. – М., 2000.
2. Яндиева З.Д. Коммуникативные стратегии в гендерном рекламном тексте: Дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. – Нальчик, 2011.

РОЛЬ ЗНАКОВЫХ СИСТЕМ ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА В РАЗЛИЧНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ А.П. ЧЕХОВА И О'ГЕНРИ)

М.В. Титаренко

*Национальный педагогический университет им. М.П. Драгоманова
ул. Пирогова, 9, г. Киев, Украина, 01601*

В работе проведен анализ знаков, имплицитно передающих информацию о социальном статусе персонажей. На материале текстов А.П. Чехова и О'Генри интерпретируются социальные знаки с учетом особенностей представленных лингвокультур.

Ключевые слова: знак, подтекст, культурный фон, социальный статус.

THE ROLE OF SIGN SYSTEMS TO RENDER SOCIAL STATUS IN VARIOUS LINGUO-CULTURESM (after Chekhov's and O'Henry's short stories)

M.V. Titarenko

*National Pedagogical University n.a. M.P. Dragomanov
Pirogova str., 9, Kiev, Ukraine, 01601*

In this article were analyzed signs, which represent social status of characters. Based on A. Chekhov's and O. Henry's short stories status signs were interpreted taking into account the peculiarities of submitted linguocultures.

Keywords: sign, subtext, cultural background, social status.

Социальный статус является важной частью повседневной жизни. Знание статуса партнера поможет избежать возможные коммуникативные неудачи. Определение статуса персонажа в художественном тексте ведет к более полному пониманию текста. Зачастую информация о социальном статусе передается имплицитно, в художественном тексте переносится авторами в подтекст, в котором она передается посредством знаковых систем.

Исследованию знаков и знаковых систем посвящены работы как отечественных ученых Ю.М. Лотмана, М.М. Бахтина, В.Я. Проппа, Ю.С. Степанова, М.В. Никитина, А.В. Кравченко, В.Н. Агеева, Г.Е. Крейдлина, так и зарубежных Ф. де Соссюра, Р.Якобсона, Р.Барта, У. Еко, Ж.Деррида, Daniel Chandler, David Lidov. Вопросы имплицитности в тексте как объекты исследования освещены в трудах М.Ю. Федосюка, Т.И. Сильман, Н.П. Пешковой, Н.И. Формановской, а также у зарубежных лингвистов таких как В. Скалички, В.С. Frassen, W.Emspon.

Задачей любого знака является передача кванта знаний от отправителя к получателю. Но так как не вся информация предается эксплицитно, следует учитывать категорию имплицитности в тексте и работать с тем содержанием, "которое, не имея непосредственного выражения, выводится из эксплицитного содержания

языковой единицы в результате его взаимодействия со знаниями получателя" [12; с. 12]. Следовательно, любой знак можно расшифровать посредством кода, однако, как отмечает Ю.М. Лотман, использовать необходимо идентичный код, то есть, чтобы адресант и адресат: "в семиотическом отношении представляли как бы удвоенную одну и ту же личность..." [6; с. 158]. Но в условиях межкультурного общения или работы с текстами других эпох возникает ряд трудностей, связанных с интерпретацией знаков, так как знаковое общение возможно в случае: "когда коммуниканты, манипулируя в межсубъектном пространстве телами знаков, могут ассоциировать с ними одинаковые ментальные образы" [8; с. 9]. Так, М.М. Филиппова в статье "Непрямая коммуникация и средство создания двусмысленного дискурса" приводит ряд примеров, когда скрытый смысл неверно интерпретируется не только представителями разных культур, но и носителями языка [7].

Таким образом, актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения значения и значимости знаков (в нашем случае одежды) в разных лингвокультурах с учетом особенностей межкультурной коммуникации.

Целью является выявить то, как знаковость одежды передает имплицитные сведения о социальном статусе в русской и английской культурно-языковой традиции.

Материалом для исследования послужили краткие рассказы А.П. Чехова и О'Генри, поскольку оба автора являются признанными мастерами данного жанра и в их текстах отражены реалии социальной жизни и быта каждой из представленных культур. Рассматривая и интерпретируя знаки, передающие социальный статус в текстах, необходимо использовать экстралингвистические знания ("внеконтекстовую память" (по Ю.М. Лотману [6]) или "затекст" (по Е.М. Верещагину и В.Г. Костомарову [2])).

То есть, внимание должно быть обращено на культурный фон текста. Л.П. Иванова рассматривает культурный фон как широкую категорию, в которую входят фоновые знания, вертикальный контекст, пресуппозиции и аллюзии. Как отмечает исследователь: "в нем соединяются явления духовной и материальной культуры: литературные произведения, личности авторов и события из их жизни, исторические факты, музыка, живопись, балет, фольк-

лор, мифология, легенды, приметы и суеверия, обычаи и традиции, упоминаемые реалии быта и т.п." [4; с. 8-9].

Таким образом, рассматривая костюм как источник информации о возрасте, половой и этнической принадлежности личности, ее социальном статусе, профессии [9], следует учитывать ряд факторов, связанных с культурой каждого отдельного народа, климатом каждой страны, а также не стоит исключать влияние моды.

Примером различной значимости одной и той же вещи в русской и американской языковой культуре может послужить мех. Так, в русской лингвокультуре в связи с тем, что Россия с XVII века является крупнейшим поставщиком меха [5], а также в связи с климатическими условиями, значимость мехового изделия не так высока, как у представителя американской культуры. Так, для представителей русской культуры характерным является использование таких дiminutivов как: шубка, шубенка и шубейка – (обычно об изношенной или мало греющей шубке) (разг.) [11]. Сравним у А.П. Чехова: "около нее лежит тысячная шубка". Чтобы передать высокий социальный статус, автор умышленно употребляет числительное и уменьшительное шубка. В то время как герой рассказа О'Генри подчеркивает свой невысокий статус, говоря: Moll – my salary couldn't spell'sables in Russian (Молл, моя зарплата не может наколдовать русских соболей¹¹).

Характерным для многих культур является старая изношенная и неаккуратная одежда как знак низкого социального статуса. Так, для создания комического эффекта О'Генри в рассказе "The Caliph, Cupid and the Clock" представляет героя-принцем: Prince Michael, of the Electorate of Valletuna, sat on his favourite bench in the park (Принц Михаил, курфюрст Велеллуны, сидел на своей любимой лавочке в парке), но имплицитно посредством знаковости его костюма дает понять читателю, что это бродяга из парка: Prince Michael's shoes were wrecked far beyond the skill of the carefull est cobbler. The ragman would have declined any negotiations concerning his clothes. The two weeks' stubble on his face was grey and brown and red and greenish yellow—as if it had been made up from individual

¹¹ Для адекватной передачи смысла тут и далее используется буквальный перевод

contributions from the chorus of a musical comedy. No man existe who ah mo ne yet enough to wear so bad a hatashis (Обувь принца Михаила была так изношена, что ее не смог бы отремонтировать самый умелый сапожник. Старьевщик отклонил бы переговоры относительно его одежды. Двухнедельная щетина была серого, коричневого и зеленовато-желтого цветов – как будто бы сделана под индивидуальный заказ для хора музыкальной комедии. Не один человек, имей он достаточно денег, не оделся бы так).

В рассказе "Sociologyin Sergeand Straw" герой – мальчик из семьи миллиардеров определяет низкий статус дворового мальчика по его внешнему виду: "By you rappearances," said Haywood. "No Gentleman Is dirty, raghad and aliar." (По вашей внешности, – сказал Хэйвуд, – не один джентльмен не может быть грязным, в лохмотьях и лжецом). А высокий статус Хэйвуда автор подчеркивает следующим образом: "Young Fortunatus was dressed in meat suit of dark blue ser ge, aneta whit est raw hat, nea to-cut tan shoes, of the well-known "immaculate" trademark, aneatnarrowfour-in-handtie, and carriedas lender, neat, bamboocane" (На молодом любимце Фортуны был аккуратный темно-синий костюм из сержа, аккуратная белая соломенная шляпа, аккуратные светло-коричневые летние туфли известной "безукоризненной" марки, узкий галстук самовяз, нес он аккуратную бамбуковою трость). Для усиление эффекта автор также умышленно использует прилагательное *neat*. В то время как образ дворового мальчика передается так: "Smoky" was dressed in a ragged red sweater, wrecked and golf cap, run-overshoes, trousers of the "serviceable" brand (Дымчатый был одет в изношенный красный свитер, потрепанную, пострадавшую от непогоды кепку для гольфа, сношенные туфли и брюки "приемлемой" марки). Автор также усиливает различные социальное положения, противопоставляя прилагательные "immaculate" и "serviceable". В рассказе «The Giftofthe Magi» автор подчеркивает низкий статус героини, акцентируя внимание на прилагательном *old* (старый): «On wen ther old brown Jacket; on wen ther old brown hat»(она надела свой старый коричневый жакет; она надела свою старую коричневую шляпу).

Для русской языковой культуры также свойственно подчеркивание неаккуратной и старой одежды для передачи низкого социального статуса. Так, у А.П. Чехова в рассказе "Невеста" пере-

дается низкий статус персонажа: "На нем был теперь застегнутый сюртук и поношенные парусиновые брюки, стоптанные внизу. И сорочка была неглаженая, и весь он имел какой-то несвежий вид." Парусина – ткань крепкая и недорогая, а в данном эпизоде показано, что брюки уже очень старые, так как герой успел их стоптать. Неглаженая сорочка и несвежий вид свидетельствуют о небрежности в выборе туалета, которая свойственна людям с низким статусом. Такая незначительная часть костюма, как пуговица, также является знаком социального статуса: "Портной-то, по ошибке пришил вместо черных пуговок светлые. Я и привык к светлым пуговкам, потому что тот сюртучишко лет семь таскал..." "Плохой портной, перепутавший пуговицы, неспособность героя заменить их, носка одной вещи семь лет, а также использование дiminutativa сюртучишко с презрительно-уничижительным суффиксом -ишк- [3] имплицитно передает низкий статус персонажа.

Если о низком статусе свидетельствует неопрятность, плохое качество одежды, то аккуратная и изящная одежда передаст сведения о высоком социальном статусе. Ранее был рассмотрен пример из рассказа "Sociology in Sergeand Straw". Статус миллиарда из рассказа "The girland the graft" подчеркнут следующим образом: He was all silk hat, diamonds and front (Он был в шелковой шляпе, бриллиантах и накрахмаленной манишке). В рассказе " The call of the game " представлен типичный образ преуспевающего предпринимателя из Нью-Йорка: The other man was-oh, lookon Broadway and ayfor the Pattern – business man-latest rolled-brim derby, good barber, business, digestion and taylor (Другой мужчина, – о, посмотрите в любой день на предпринимателя на Бродвее – самая последняя шляпа-дерби, хороший парикмахер, хорошее дело, пищеварение и хороший портной).

Для русской культуры также важной является изысканность и нарядность одежды. Так, А.П. Чехов использует эпитеты щегольский, ухарский, сравнение с франтом: "Каждый раз я видел на нем короткий, щегольской пиджак и ухарски завязанный галстук; одет как франт в белой шёлковой паре и в белой фуражке". Глагол "наряждится" также указывает на старательность при выборе туалета героя, что отображает социальный статус и авторскую ironию: "Время было уже близко к жаркому и душному полудню,

однако это не помешало моей героине нарядиться в черное шёлковое платье, застегнутое у самого подбородка и тисками сжимавшее талию". Следует обратить внимание на непрактичность наряда, на которую иронично указывает автор, используя союз "однако".

Чрезмерная скромность воспринимается в исследуемых языковых культурах следующим образом: " She Was dressed in a white waistband dark shirt – that discreet masquerade of goose-girl and duchess " (Она была одета в белую блузку и темную юбку – скромный маскарад пастушки и герцогини). Слово "masquerade", которое имеет значение: way of appearing or behaving that is not true or real [13] (способ внешнего проявления или поведения, которые не является правдивым или реальным), передает иронию автора и указывает на невысокий статус персонажа. В русской языковой среде: "В кабинет тихо вошла хорошенъкая брюнетка, одетая просто... даже очень просто", усилительная частица "даже" подчеркивает социальный статус.

Но одежда не всегда может адекватно передать информацию о социальном статусе ее хозяина. К примеру, богатая и дорогая одежда у прислуги вовсе не означает, что у ее владельца высокий статус, однако она указывает на высокий статус хозяина прислуги: «ANo. 10 patent leather shoe protrude edafe fit in chess outside the tablecloth along the floor. The Kid seized this and plucked forth a black man in a white tie and the garb of a servitor» [Little Speck in Garnered Fruit] (Лакированный ботинок десятого размера торчал нанесколько дюймов из-под скатерти вдоль пола. Малыш схватил его и вытащил черного человека в белом галстуке и одежде слуги) – то, что речь идет о слуге, понятно по фразе «garbofaservitor» (одежда слуги), примечательно то, что у слуги «patentleathershoe» (лакированный ботинок) и «whitetie» (белый галстук).

Аналогичный пример из русского текста: "Он был одет с большим вкусом. Видно было, что на его туалет потрачено было немало времени и денег. Недешевый бархат и кумач плотно сидели на его крепкой фигуре. На груди висела цепочка с брелоками. Сапоги гармоникой были вычищены самой настоящей ваксой. Кучерская шляпа с павлинным пером едва касалась его завитых белокурых волос." Одежда слуги указывает на высокий статус его хозяина, в то время как в другом примере слуга описан следующим

образом: "Пантелея, в одежонке с барского плеча и с щенком под мышкой", что указывает на скромный достаток хозяина.

Таким образом, приходим к выводу, что знания особенностей костюма отыгрывает важную роль при анализе и интерпретации знаков социального статуса. Несмотря на то, что ряд знаков совпадает в разных культурах, значимость каждого знака может различаться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антон Чехов. Рассказы. Повести. Юморески. Электронный ресурс. Точка доступа: <http://chehov.niv.ru/chehov/text/rasskazy.htm>
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвостранноведение в преподавании русского языка как иностранного. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1990. – 216 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Высш. шк., 1972. – 616 с.
4. Иванова Л.П. Пособие к спецкурсу "Отображение языковой картины мира автора в художественном тексте" (на материале романа А.С. Пушкина "Евгений Онегин"). – К., 2000. – 54 с.
5. История меха. Электронный ресурс. Точка доступа: <http://fursik.ru/articles/48-istoriya-meha.html>
6. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров – С.-Петербург: «Искусство – СПб», 2000. – 704 с.
7. М.М. Филиппова. Непрямая коммуникация и средства создания двусмысленного дискурса. 2004 // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2004. – Вып. 28. – С. 75-90.
8. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики/ Ф. де Соссюр// Лингвистическое наследие XX века. М. – 1999. – 278 с.
9. Тарасов Е.Ф. Введение // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993.
10. Теория культуры: Учебно-пособие. – СПб.: Питер, 2008. – 592 с: ил. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://yanko.lib.ru/books/cultur/theory_cultlonnik-bolshakova-2008-a.html
11. Толковый словарь русского языка под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ozhegov.info/slovar>
12. Федосюк М.Ю. Неявные способы передачи информации в тексте. М., 1988. 83 с.

13. MerriamWebster dictionary. Электронный ресурс. Точка доступа:
<http://www.merriam-webster.com/dictionary/masquerade>

14. ShortstoriesbyO'Henry. Электронный ресурс. Точка доступа:
пa:<http://www.readbookonline.net/stories/Henry/108/>

СЕМИОТИКА ПРЕДВЫБОРНЫХ РОЛИКОВ: Б. ДЖОНСОН – С. СОБЯНИН

Е.И. Тузова

*Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 1171198*

Сравнивая структуру композиции кадров, особенности монтажа, пластическое решение образов персонажей, характер общего и крупного планов, организацию заставок, автор статьи приписывает концептуальное значение семиотическим особенностям предвыборных роликов Б. Джонсона (кандидата на пост мэра Лондона) и С. Собянина (кандидат на пост мэра Москвы).

Ключевые слова: смысловой фокус ролика, семиотика названия, семиотика пластического решения персонажей, семиотика структуры композиции кадров.

SEMIOTIC OF THE PRE-ELECTORAL COMMERCIALS OF B. JOHNSON – S. SOBYANIN

E.I. Tuzova

*Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198*

Analyzing the structure of frame composition, the peculiarities of film cutting, the flexible decision of the characters' images, the nature of a common plan and close-up, the organization of station breaks, the author of the article adds a conceptual meaning to the semiotic peculiarities of the pre-electoral commercials of B.Johnson(the candidate to the post of mayor of London) and S.Sobyanin (the candidate to the post of mayor of Moscow).

Key words: the semantic focus of the commercial, the semiotic of the title, flexible decision of the characters' images, the semiotic of the structure of frame composition.

Основная цель предвыборной компании – привлечь на свою сторону. Конечно, личное общение с политиком могло бы произвести самое сильное впечатление, но только при благополучном стечении обстоятельств. Правда, даже в этом случае масштаб аудитории не сопоставим с аудиторией, охваченной с помощью телевиденья.

Отснятый и заранее смонтированный сюжет часто выглядит беспрогрызным шагом и воздействует на большее число избирателей. Он компенсирует возможные неудачи, которые могли возникнуть при личной встрече кандидата с избирателями. Такой сюжет длится в пределах 3х минут. В таких условиях текст оказывается предельно сжатым. В нем все начинает взаимодействовать гораздо более напряженно, чем в тексте более длительном, устанавливаются такие смысловые связи, которые сложнее было бы выявить в более объемном тексте. В таком тексте все семиотично, все знаково. Мы надеемся, что сопоставительный анализ семиотического устройства предвыборных роликов кандидата на пост мэра в Лондоне и в Москве может дать интересные результаты. Надо отметить, что различия заметны сразу, даже на сугубо формальном уровне.

Успешность во многом зависит и от продолжительности ролика, и от характеристик звучащей речи (темпа, тембра, громкости), и от сюжета, и от композиционного решения(монтажа, подбора видеоряда).

Предвыборный ролик Б. Джонсона длится 170 секунд и в смысловом фокусе оказывается сам кандидат и его программа. Он говорит о том, что он будет делать:

- «*I have a nine-point plan to secure Greater London's future*»;
- «*Over the last four years, I've been getting on with my plan to turn things around <...>*»;
- «*It's a plan – cuts waste at city whole, puts 445 pounds back in your pocket by freezing council tax every year. It makes our streets and homes safer with a thousand more police on the beat. Restores the green space and plants trees, invests in*

local high streets, supports small businesses, gets true value from the Olympics or critically invest in our transport infrastructure. Taking together these investments we'll create 200 000 jobs over the next four years. And I'll do this by getting a better deal for London from government»;

Предвыборный ролик С.Собянина длится 89 секунд, почти в два раза меньше ролика Б. Джонсона и смысловым центром оказывается, формируемое репликами семи героев, положительное мнение о кандидате и его успехах:

- Лео Бокерия: «Для меня, как для врача, как для руководителя огромного центра – это крайне важно, чтобы во главе Москвы мог стоять *крупный политический и хозяйственный деятель*. Это *состоявшийся человек*, он *заявил целый ряд программ, которые сегодня реально реализуются*. Я давно принял это решение, буду голосовать за *Сергея Семеновича Собянина*»;
- Ольга Свирилова: «Я буду голосовать за Сергея Собянина, потому, что *он делает все, что он обещает*»;
- Филипп Смоляр: «Мне очень нравится, как *Москва изменилась с его приходом*»;
- Элла Исайкина: «В нашем доме *отремонтировали подъезд, заменили лифт*»;
- Станислав Зернов: «В нашем дворе *построили новую спортивную площадку*. Сзади меня детишки играют уже»;
- Кирилл Чаплыгин: «В нашем доме *появился пандус для колясок*»;
- Аркадий Моисеев: «*Желаем ему успеха на выборах и движения вместе с Москвой вперед!*».

Уже даже на уровне такого сопоставления мы могли бы сделать ряд выводов.

В предвыборном ролике кандидата на пост мэра Лондона агитация косвенная, за программу: «*I have a nine-point plan to secure Greater London's future*», «*It's a plan – cuts waste at city whole, puts 445 pounds back in your pocket* by freezing council tax every year. It *makes our streets and homes safer* with a thousand more police on the beat. Restores the green space and plants trees, *invests in local high streets, supports small businesses, gets true value from the Olympics or critically invest in our transport infrastructure*. Taking

together these investments we'll create 200 000 jobs over the next four years. And I'll do this by getting a better deal for London from government. Прямая реплика в ролике Б.Джонсона только одна и звучит в конце ролика: «*At this critical election vote for me, BORIS JOHNSON and the Conservatives on Thursday, the third of May*».

В ролике С.Собянина агитация полностью *прямая*, за кандидата: «**Я буду голосовать за Сергея Собянина**», «**Я давно принял это решение, буду голосовать за Сергея Семеновича Собянина**», «**Мне очень нравится, как Москва изменилась с его приходом**».

Точность и предметность присутствует в ролике Б.Джонсона и отсутствует в ролике кандидата на пост мэра Москвы.

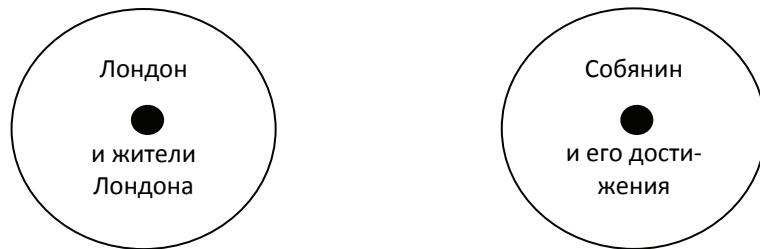
Б.Джонсон говорит конкретно о своих планах на будущее и способах их достижения: «*445 pounds back in your pocket by freezing council tax every year*», «*taking together these investments we'll create 200 000 jobs*», «*streets and homes safer with a thousand more police on the beat*».

В ролике С.Собянина формулировки героев о его планах на будущее обобщающие: «он заявил ряд программ, которые реализуются» (однако какие конкретно, не указывается). Из предвыборной программы кандидата на пост мэра конкретизируется только прогнозы, связанные с транспортом (метро) и представляются голосом за кадром: «*К 2020 году планируется открыть 79 новых станций*».

Идея содержательности в ролике Б.Джонсона присутствует уже в самом названии: «*My 9 point plan for a greater London*». На первое место выведены девять пунктов плана предвыборной программы кандидата на пост мэра Лондона.

Предвыборный ролик С.Собянина с названием «*Главное – Москва, Главные – Москвичи*» звучит больше как ‘лозунг’, призыв, выражавший в краткой форме основную идею. Предметного содержания такие призывы, как правило, не обнаруживают. Хотя сама предвыборная программа кандидата на пост мэра Москвы называется: «*7 приоритетов. Главное – Москва, Главные – Москвичи*», в ролике первая часть названия «*7 приоритетов*» утрачена. Таким образом, становится очевидно, что эта часть отсутствует в названии видеоролика, так как речь в нем идет не о программе, а о кандидате и его личных успехах.

Предвыборный ролик Б.Джонсона: Предвыборный ролик С.Собянина:

Еще одним интересным фактом является отбор персонажей. В видеоролике Б. Джонсона выступает только кандидат на пост мэра Лондона, в ролике С. Собянина сам будущий мэр отсутствует. За Собянина в ролике агитируют герои разного социального статуса и разного возраста: от директора научного центра сердечнососудистой хирургии имени А.Н. Бакулева до студентов; разных сфер жизни: хирург, полковник запаса и авиадиспетчер; люди творческих и нетворческих профессий: системный администратор и режиссер, люди работающие и пенсионеры: хирург и полковник запаса.

Очевидно, что для создателей ролика и для команды самого кандидата на пост мэра Москвы было важно, *кто* его представляет, потому, что эти люди подписаны в титрах. Значимым становится и социальный статус представителей кандидата. В титрах за ними закрепляется максимальный социальный статус: «полковник запаса», а не пенсионер; «директор научного центра», а не руководитель. Управляющим медицинским центром подписаны должность и место работы (директор научного центра сердечнососудистой хирургии имени А.Н. Бакулева) полностью, а студент имеет в титрах социальный статус (студент).

Всего в предвыборном ролике кандидата на пост мэра Москвы участвует семь героев, пять мужчин и две женщины. Выбор в пользу героев-мужчин, мог бы объясняться особенностями психологического воздействия мужского голоса. Мнение, высказанное мужским голосом, обычно звучит более основательно и оказывает большее внимание на слушателя, чем тот же текст, произнесенный женским голосом. Мужскому голосу обычно приписывается ощущение большей достоверности, надежности, оправданности, одна-

ко при таком сцеплении кадров и композиционном решении это не работает.

Предвыборный ролик Б.Джонсона: Предвыборный ролик С.Собянина:

Сам будущий мэр

директор научного центра
сердечнососудистой хирургии
имени А.Н. Бакулева,
студент(2),
авиадиспетчер,
системный администратор,
режиссер,
полковник запаса.

Одежда людей, участвующих в видеоролике, также приобретает особую значимость. Оказывается, что даже если создатели ролика не придавали одежде никакого значения, то в подобном тексте все мифологизируется, даже одежда. В видеоролике Б.Джонсона будущий мэр одет в костюм. Из этого, мы можем предположить, с высокой долей вероятности, что этот костюм символизирует серьезность, важность по отношению к происходящим выборам.

В предвыборном ролике С. Собянина на всех самая обыденная одежда: футболка, рубашка, спортивный джемпер, джинсы. В такой одежде, как правило, стирается индивидуальное самоощущение. Не смотря на то, что в ролике на самом деле есть имя и фамилия, при такой подаче, герои ролика становятся обезличенными представителями разных слоев москвичей, которые готовы голосовать за Собянина. Только один представитель (директор научного центра сердечнососудистой хирургии имени А.Н. Бакулева) одет в «зеленую форму» врача и в ролике ему отводится важное место. Директор научного центра сердечнососудистой хирургии выступает первым, его выступление длится дольше и только

у него представлено не только имя и должность, но и полностью представлено место работы. Выстраивается определенная иерархия: выбран не просто врач, а «директор»; не просто медицинского центра, а «сердечнососудистого»; не просто врач-кардиолог, а «хирург», а сердце главный орган человека, поэтому от хирурга зависит жизнь многих людей. «Зеленая форма» хирурга в таких условиях приобретает особую значимость, она не может не вызывать уважение и доверие у избирателей.

Сравнивая структуру композиции кадров можно выделить очевидные различия не только в количественном соотношении кадров, из которых состоят ролики кандидатов на пост мэра, но и в их организации.

Ролик Б. Джонсона состоит примерно из 37 кадров. Динамика достигается за счет быстрой смены кадров, движения транспорта, частой смены планов. В фокусе внимания находится сам кандидат, его программа, Лондон и жители Лондона. Эта мысль поддерживается подобранным видеорядом: в ролике неоднократно показывают город и его жителей; ролик начинается и заканчивается предвыборной программой Б. Джонсона; сам кандидат стоя обращается к своим избирателям из помещения с обзорным видом на Лондон. Картина периодически сменяется смонтированными заранее кадрами, взятыми из жизни кандидата на пост мэра: обращение к жителям города, поездка на метро, прогулка по городу.

В ролике С. Собянина в фокусе внимания положительный образ кандидата, за которого в разных формах агитируют герои, а образ Москвы это стена жилого дома, метро, двор, детская площадка, пандус, подъезд. Сам предвыборный ролик статичен. Он состоит из 14 кадров, почти в 3 раза меньше ролика Б. Джонсона. Не смотря на то, что выступления героев и голос за кадром неоднократно сменяется заставкой с названием предвыборной программы кандидата, в нем все говорит в пользу постановочности: статичная поза героев (не на ходу, не оборачиваются); все стоят в анфас (не в профиль, не в пол оборота); все смотрят прямо на камеру; говорящие сами себя не представляют, их имя, гражданство, должность или социальный статус отражены в титрах; выступают по одному, в одинаковое время суток, стоя на улице. Конечно, отбора не могло не быть, но могло не быть нарочитости.

Таким образом, нам удалось увидеть, что в центре внимания ролика Б. Джонсона программа, а в центре внимания ролика С. Собянина – личность; в ролике кандидата на пост мэра Лондона автор программы сам говорит о ней, в ролике кандидата на пост мэра Москвы о личности говорят другие люди, а сам предмет чужой речи отсутствует; ролик Б. Джонсона построен на кадрах, взятых из жизни кандидата, а в ролике С. Собянина все говорит в пользу постановочности. Все эти особенности могли бы остаться незамеченными в более длительном тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. <http://www.youtube.com/watch?v=LmONVlMkCbU>
2. <http://smotri.com/video/view/?id=v2554001593b>

REFERENCES

1. <http://www.youtube.com/watch?v=LmONVlMkCbU>
2. <http://smotri.com/video/view/?id=v2554001593b>

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА СМИ В РОССИИ XXI ВЕКА

Чжан Ю.

*Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6а, Москва, Россия, 117198*

Статья посвящена рассмотрению тенденций развития языка СМИ в России в начале XXI в. Раскрывается значение и роль СМИ в современном обществе, а также их влияние на различные стороны общественной жизни. Автор даёт обзор основных речевых средств воздействия, характерных для СМИ, в частности приёма языковой агрессии в современном медийном дискурсе.

Ключевые слова: массмедиа, язык СМИ, агрессия, воздействие, речевое сознание носителей языка, моральные нормы.

TENDENCIES OF DEVELOPMENT OF THE LANGUAGE OF THE MEDIA IN RUSSIA-XXI CENTURY

Zhang Y.

*Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198*

The article is devoted to tendencies of development of the language of mass media in Russia at the beginning of the 21st century. The significance and the role of mass media in the contemporary society and its influence on

different aspects of public life are the key issues of the article. The author presents common reference of the main means of impact in mass media especially the method of aggression commonly used in media discourse.

Keywords: media, media language, aggression, impact, voice minds of native language, moral standards.

В который раз русский язык вызывает рост интереса в Европе, в Китае, Таиланде, Японии и в других странах. Особый интерес в данном случае вызывает не столько язык художественной литературы, что было характерно для предшествующего времени, а язык СМИ (особенно) и язык делового общения.

В конце XX века поток заимствований, жаргонизмов, просторечий, бранной лексики захватил все функциональные разновидности литературного языка. Постепенно к концу XX века средства СМИ в русском языке стали средоточием подавляющего числа заимствований, просторечий, жаргонизмов и многих процессов развития и к настоящему времени СМИ «опередили» остальные функциональные стили в темпах развития и влияния. В современном мире средства массовой информации играют все большую роль и не только информационную, но и воздействующую, манипулируя общественным сознанием, оказывая влияние на формирование не только взглядов, представлений и норм поведения членов общества, но и на их речевое поведение и языковое сознание. Информируя читателей и слушателей СМИ (особенно ТВ и интернет) формируют моральные нормы, эстетические вкусы и оценки, языковые пристрастия. В настоящее время ТВ и интернет мы можем рассматривать как СМИ.

Язык российских СМИ «обладает ярко выраженными социальными признаками и оказывает воздействие на социальные, культурные, экономические стороны жизни», влияя на формирование языкового сознания общества. Современные СМИ, вбирая яркие и необычные речевые обороты из разных сфер русского языка от высоких и нейтральных до просторечных и бранных, вносят их в речевой оборот. Так как средства массовой информации быстро и оперативно реагируют на происходящее и на изменения в языке, можно утверждать, что СМИ в достаточной мере формируют языковые вкусы общества. Происходящие в мире, в том числе и в России, изменения в состоянии государств, в мировоззрении

различных групп населения, в экономике, в противостоянии взглядов и оценок образа жизни общества, оказывают все большее влияние и на развитие языков.

Как утверждает М.А. Кормилицына «в стране произошли и продолжают происходить большие перемены в общественно-политической жизни общества. Меняется коммуникативная парадигма современного общества: носители языка все больше сознают свое важное место в общественно-политической жизни, формируют собственные оценки происходящих событий». [1, с. 14]. В таких случаях зачастую мы встречаем превалирование собственных интересов и неприкрытую агрессию.

При этом на формирование речевого вкуса носителей языка, выработку и становление норм литературного словоупотребления влияет язык СМИ, отодвигая на второй план все остальные функциональные особенности языка. К сожалению современные читатели утрачивают интерес к художественной прозе, отдавая предпочтение чтению газет, телевидению и интернету.

Начавшийся с 90-х годов активный всплеск жаргонизации языка, привел к снижению уровня общей культуры и ложному пониманию демократизма языка. «Такая «свобода» речи, снятие всех речевых табу, намеренная (под флагом борьбы с советским официозом) замена (в этих же целях) литературных слов нелитературными превратила письменную речь газет в зеркало неграмотной речи» [2, с. 6].

Характеризуя современный медийный дискурс, на каждом шагу замечаешь его воздействующие и информационные функции, оценочный и экспрессивный характер, которые создаются особым сочетанием стандарта и экспрессии. Современные тексты масс-медиа более раскованные, разнообразные. К этому надо добавить, что отмена цензуры, свобода речи в прямом эфире, освободили устную речь от принятых ограничений, что повлияло на качество медийной речи, приблизили ее к разговорному языку и просторечию. Это свидетельствует речь отдельных людей, в особенности речь политиков, которых широко транслируют каналы телевидения и интернет. Речи публичных людей, особенно когда они находятся в отрицательном эмоциональном состоянии, насыщаются словами с преимущественно отрицательной эмоционально-экспрессивной окраской. Ярким примером такого использования

ТВ и интернета может служить речь лидера партии ЛДПР В.В. Жириновского и ряда других политиков.

В.И. Шаховский пишет: «все речевое поведение человека эмоционально опосредовано, его реакция на события, происходящие в обществе, не могут не изменять человека и его язык. Новые эмоциональные доминанты пронизывают наше общение, определяют векторы понимания высказывания. Часто в речи превалируют сиюминутные вербальные эмоции автора, находящие выражение в знаках его экспрессивного самовыражения, что в полной мере отвечает современному принципу медиального и политического дискурсов: важен не смысл сказанного, а эмоции, рожденные сказанным» [4, с. 764].

Еще одним средством воздействия на читателя являются авторские слова, которые используются в СМИ с целью сблизится с читателями. Современные журналисты идут на общение с читателями, что заставляет их обращать внимание на изменения в языке СМИ, которые все шире отражают мнение общества в освещаемых проблемах, его участие в диалоге.

Журналисты всегда в поисках новых, ярких приемов для создания текстов, использования языковой игры слов, афоризмов, иронических приемов письма и т.п. Новые черты текстов СМИ усиливают взаимодействие разговорной речи и публицистики, что приводит к изменению жанров. «Язык из категории чисто лингвистической превращается в реальную общественно-политическую силу, становится экономической категорией» [3, с. 620].

Язык средств массовой информации – эффективный инструмент, позволяющий задавать нужное направление и нужное видение мира, управлять и навязывать положительное или отрицательное отношение к происходящему. Поэтому в текстах публицистики сильна так называемая демократизация языка, влияние разговорной речи, просторечия, жаргонной лексики, появление новых слов, создание новых и смешанных жанров и т.д.

Сегодняшние тексты СМИ характеризуются усилением оценочных элементов, чертами пафоса и пропаганды. Информационные функции сдвигаются на второй план, а культурно-просветительская функция становится второстепенной. Учитывая насколько сегодня жестока конкуренция, каждый старается для привлечения аудитории прибегнуть к чему-нибудь особенному.

Одним из таких приемов является агрессия, которую порождают возникающие в обществе конфликты. А журналисты используют это для раздувания неприязни, недоброжелательности, клеветы, потока информации порочащей репутацию, честь и достоинство, впоследствии это выливается в конфликт, а иногда большой скандал. В СМИ освещаются эти агрессивные новости с использованием ярких, манящих заголовков, в статьях приводятся авторские взгляды, приправленные эмоциональной оценкой ситуации, интервью с провокационными вопросами, а за ними следуют самые разные ответы, эмоциональные репортажи с речью очевидцев. Именно присутствие большого количества речевой агрессии вызывает негативную реакцию адресата, желание ответить тем же.

Человеческая психика построена так, что более актуальной является констатация негативных явлений, оценок, а положительное воспринимается как должное, норма не требует специальной констатации.

Как никогда важно, чтобы журналисты с ответственностью выполняли свою работу, заботясь не только об интересной, интригующей, информации, но и о достоверности изображаемого и о такой форме повествования, которая бы информируя читателя не оскорбляла бы его и слушателя, вызывала бы в ответ не агрессию, а общение в нормах литературного языка.

Средства СМИ – газеты, радио, ТВ, интернет, оказывают все большее влияние на другие функциональные разновидности русского языка, на устную и письменную речь.

Язык СМИ звучит в каждом доме, его слышат и испытывают его воздействие как взрослые, так и дети, как в городе, так и в деревне. И это ведет к появлению у детей агрессии. А что может быть страшнее детской агрессии? Она вызывает детскую преступность, драки в школе и на улице, особый интерес к агрессивным компьютерным играм. И все это часто опирается на агрессивность СМИ.

Встает вопрос о том, что агрессию, которая наполняет средства СМИ надо не только распознать, не только обижаться, когда она тебя затрагивает, но и бороться с ней, а главное учить этому детей что будет служить и защитой от нее и ее искоренением.

Журналисты, люди, имеющие дело со средствами массовой информации должны пройти качественную подготовку, грамотно

обучиться. Желание участвовать в дискурсе, влиять на события, многие начинают себя считать журналистом, каждый хочет выскаться, донести и особенно навязать именно свою точку зрения, искать в толпе единомышленников, поэтому донося очередную сенсацию, журналисты должны грамотно и этично, честно делать свою работу. Они должны осознавать и понимать, что их работа может повлиять в ту или иную сторону общество. Под обществом подразумеваются уже не только взрослые и устойчивые взгляды, но и неустойчивые детские умы, которые сегодня рано имеют возможность попадать во взрослую среду, будучи не подготовленными, которые легко поддаются воздействию и манипуляции. Независимо какую цель преследует публицист, он не должен разрушать моральные этические устои, он должен отдавать себе отчет, что и каким образом публиковать и с ответственностью относиться ко своему слову, не разрушать, а помогать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кормилицына М.А. Некоторые итоги исследования процессов, происходящих в языке современных газет // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2008. – Вып.8.
2. Сиротинина О.Б. Положительные и негативные следствия двадцатилетней «свободы» русской речи // Проблемы речевой коммуникации. – Вып.8. – Саратов, 2008.
3. Хромов С.С. Русский язык и современное русское общество: регуляция и само регуляция // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: Материалы второй междунар. науч. конф., г. Волгоград, 24-26 апр. 2007.
4. Шаховский В.И. Унижение языком в контексте современного коммуникативного пространства России // Проблемы речевого коммуникации, – Вып. 7. Саратов, 2007.

Научное издание

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА И СЕМИОТИКА ЗНАКОВЫХ СИСТЕМ

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Часть II

Издание подготовлено в авторской редакции

Технический редактор *Н.А. Ясько*
Компьютерная верстка *М.Н. Заикина*
Дизайн обложки *М.В. Рогова*

Подписано в печать 07.10.14 г. Формат 60×84/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 44,5. Тираж 120 экз. Заказ 1347

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. (495) 952-04-41